

**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Факультет психологии**

ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Материалы IV Всероссийской научной конференции

22–24 ноября 2012 г.

Москва • Логос • 2012

УДК 159.9
ББК 88
П86

**Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»**

**Факультет психологии
НИУ «Высшая школа
экономики»**

**Российский гуманитарный
научный фонд**

*Издание материалов IV Всероссийской научной конференции «Психология индивидуальности»
осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-06-14071 г)*

Редакционная коллегия:

А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо (ответственные редакторы),
Н.В. Антонова, А.К. Болотова, В.П. Зинченко, Н.Л. Иванова, А.В. Карпов, А.Н. Лебедева,
Д.А. Леонтьев, А.Б. Орлов, Е.Н. Осин, В.А. Петровский, А.В. Россохин, В.П. Серкин,
Е.Б. Старовойтенко, А.Ю. Чепуренко, Б.В. Чернышев, В.Д. Шадриков, В.Б. Шумский

П86 **Психология индивидуальности:** материалы IV Всероссийской научной конференции, г. Москва, 22–24 ноября 2012 г. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики»; Росс. гуманит. науч. фонд. – М.: Логос, 2012. – 354 с.

ISBN 978-5-98704-705-7

Представлены материалы IV Всероссийской научной конференции с иностранным участием «Психология индивидуальности». Освещены история, теория и методология психологии; проблема индивидуальности в психологии личности; индивидуальность в субъектном измерении; духовное измерение индивидуальности; индивидуальность и культура; индивидуальность и социум; социальная активность и ее индивидуальные проявления; индивидуальность в бизнесе; индивид и организация: сквозь призму индивидуальности; индивидуальность и профессия; экзистенциально-феноменологический подход к индивидуальности; индивидуальность и жизненное благополучие; индивидуальность в глубинной психологии; психофизиология индивидуальных различий. Изложены результаты новейших исследований в этих областях, проведенных в России и за рубежом.

Для ученых, разрабатывающих проблемы психологии, докторантов, аспирантов и магистрантов, подготавливающих диссертации по психологическим направлениям (специальностям), представителей других гуманитарных наук, а также для всех интересующихся вопросами психологии индивидуальности.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-98704-705-7

© Авторы статей, 2012
© НИУ «ВШЭ», 2012
© Логос, оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1	
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	21
<i>Волкова Е.В.</i> Институт психологии РАН, Москва	
МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: ОТ АТОМИЗМА К «ОРГАНИЗМУ»	21
<i>Воронова Е.Ю.</i> Пермский государственный педагогический университет, Пермь	
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ	22
<i>Вяткин Б.А., Шукин М.Р.</i> Пермский государственный педагогический университет, Пермь	
ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СТИЛЬ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	22
<i>Дагаева Е.А.</i> Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ИМИДЖ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ	23
<i>Де Лонг М.П.</i> Киевский национальный торгово-экономический университет, факультет финансово-банковского дела, Киев, Украина	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ ГЛУБИН ПСИХОЛОГИИ И ВЕРШИН ФИЛОСОФИИ	24
<i>Дёгтева Я.Н.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж	
ВЗГЛЯДЫ Б.Г. АНАНЬЕВА НА ПРОБЛЕМУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	24
<i>Дерманова И.Б.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
ПСИХОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	25
<i>Дорфман Л.Я.</i> Пермский государственный институт искусства и культуры, Пермь	
ОТ ТЕОРИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ К КОНЦЕПЦИИ МЕТАИНДИВИДУАЛЬНОГО МИРА	26
<i>Ерофеев А.К.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва	
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТЕСТЫ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	26
<i>Ершова-Бабенко И.В., Кривцова Н.В.</i> Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина	
ПСИХОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	27
<i>Кашкарров А.П.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург	
ПСИХОДИАГНОСТИКА КАК НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	28
<i>Логинова Н.А., Бочкарев Л.Л.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	29
<i>Рождественская Н.Н.</i> Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва	
РОЛЬ ИНТУИЦИИ ПРИ РЕШЕНИИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ	29
<i>Садретдинова Э.</i> Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	30
<i>Труфанов С.Н.</i> Самарская государственная академия культуры и искусств, Самара	
КЛАССИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В. ГЕГЕЛЯ О ДУХЕ ЧЕЛОВЕКА: О ДУШЕ, СОЗНАНИИ, САМОСОЗНАНИИ, РАЗУМЕ, ИНТЕЛЛЕКТЕ, ВОЛЕ, СВОБОДЕ	31
<i>Челнокова Е.А.</i> Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород	
ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТА	31
<i>Черемошкина Л.В.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва	
О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	32
<i>Чеснокова М.Г.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва	
С. КЬЕРКЕГОР И ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	33
<i>Шадрикова А.Д.</i> Российский университет дружбы народов, Москва;	
<i>Шадриков В.Д.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	33
<i>Ясюкова Л.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
РОЛЬ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	34
РАЗДЕЛ 2	
ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ	35
<i>Айдаралиева Н.М.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В.М. БЕХТЕРЕВА	35

<i>Алишев Б.С.</i> Казанский федеральный университет, Казань СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ	36
<i>Балл Г.А., Мединцев В.А.</i> Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев, Украина МОДЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТИ	36
<i>Белова Е.С.</i> Психологический институт РАО, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	37
<i>Белоусова Р.В.</i> Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина ОСОБЕННОСТИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ УРОВНЕМ КОММУНИКАТИВНОЙ КРЕАТИВНОСТИ.....	38
<i>Березина Т.Н., Терещенко Р.Н.</i> Современная гуманитарная академия, Москва ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ	38
<i>Блинникова С.Л.</i> Военный университет МО РФ, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ПРИРОДА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ.....	39
<i>Богомаз С.А.</i> Томский государственный университет, Томск ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ.....	40
<i>Борисова И.В.</i> Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, Брянск ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ	41
<i>Будакова А.В.</i> Томский государственный университет, Томск ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ	41
<i>Василевская К.Н.</i> Психологический институт РАО, Москва; <i>Жукова М.Л.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ КАК СПОСОБ ДИАГНОСТИКИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЭТАПА ВОЗРАСТНОГО РАЗВИТИЯ.....	42
<i>Василенко И.А.</i> Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЩИТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	43
<i>Венцова Т.Б.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль РОЛЬ ЭНДОГЕННЫХ СВОЙСТВ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	43
<i>Виноградов А.Г.</i> Национальный университет «Киево-Могилянская Академия», Киев, Украина ПСИХОМЕТРИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	44
<i>Глотова Г.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ И СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК	45
<i>Дегтярёв А.В.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	45
<i>Джерелиевская М.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва СТЕПЕНЬ АДЕКВАТНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК ПОВЕДЕНИЯ СУПРУГА И УРОВЕНЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	46
<i>Егорова М.С., Чернов Т.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ВЕРОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	47
<i>Ермакова Е.С., Слотина Т.В.</i> Петербургский государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербург МЕСТО ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	48
<i>Каминская Н.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО «Я»: ИСТОКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	48
<i>Карпинский К.В.</i> Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно, Республика Беларусь ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СМЫСЛА ЖИЗНИ	49
<i>Каширина Н.В.</i> Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	50
<i>Климова А.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономика», Москва ТРАНСАКТНАЯ ВЕРСИЯ ФРУСТРАЦИОННОГО ТЕСТА С. РОЗЕНЦВЕЙГА КАК ТЕХНИКА ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ.....	51
<i>Кузнецова О.В.</i> Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ АДАПТИВНОСТИ.....	51
<i>Кургинян С.С.</i> Институт психологии РАН, Москва ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЧНОГО СЛУЧАЯ АДЕКВАТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К СЕБЕ	52
<i>Леодовская Т.В., Нижегородцева Н.В.</i> Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	53
<i>Локаткова О.Н.</i> Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ	54
<i>Маркина Н.В.</i> Национальный исследовательский университет «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ	54
<i>Мишина М.М.</i> Российский государственный гуманитарный университет, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ	55

<i>Молчанова О.Н., Некрасова Т.Ю.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва РАЗРАБОТКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ДЖ. КРОКЕР НА ВЫЯВЛЕНИЕ БАЗОВЫХ ОСНОВАНИЙ САМООЦЕНКИ.....	56
<i>Мохов А.Г.</i> Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург ТВОРЧЕСТВО КАК РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	56
<i>Невроев А.Н.</i> Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ.....	57
<i>Нечепоренко О.П., Разина М.В.</i> Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ.....	58
<i>Николаева И.А.</i> Курганский государственный университет, Курган ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЦЕННОСТНОГО ОЦЕНИВАНИЯ.....	58
<i>Никольская А.В.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДОВОЙ И/ЛИ ЛИЧНОСТНОЙ ДЕФИЦИТАРНОСТИ ПРИ ПОМОЩИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ДОМАШНЕГО ПИТОМЦА.....	59
<i>Новикова И.А.</i> Российский университет дружбы народов, Москва СПЕЦИФИКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ В РАМКАХ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА.....	60
<i>Овсянникова В.В.</i> Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва; <i>Люсин Д.В.</i> Институт психологии РАН, Москва ТОЧНОСТЬ И СЕНЗИТИВНОСТЬ КАК ДВА АСПЕКТА РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ.....	61
<i>Орбелян С.С., Шлягина Е.И.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА.....	61
<i>Орлов А.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОТЕРАПИЯ: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ К ИНДИВИДНОСТИ.....	62
<i>Павлов И.В.</i> Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь ОБРЕТЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ИДЕНТИФИКАЦИЮ И ОБОСОБЛЕНИЕ С РОДИТЕЛЯМИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	63
<i>Папуча Н.В.</i> Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, Нежин, Украина ДИАЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	63
<i>Паукова А.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СНОВИДЕНИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	64
<i>Разорина Л.М.</i> Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	65
<i>Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Богомаз С.А., Сулимина О.В.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Томский государственный университет, Томск Тверской филиал Московского гуманитарно-экономического института, Тверь ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ШКАЛ ВТОРОЙ ВЕРСИИ МИННЕСОТСКОГО МНОГОФАКТОРНОГО ЛИЧНОСТНОГО ОПРОСНИКА (ММРІ-2).....	66
<i>Рудыхина О.В.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург СТРУКТУРА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ В СООТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ.....	66
<i>Скуденков В.А.</i> Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИДЕРА.....	67
<i>Солоненко М.А.</i> Институт философии РАН, Москва ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ КРЕАТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ.....	68
<i>Субботина Л.Ю.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ.....	69
<i>Ушаков В.О.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛЯЦИИ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.....	69
<i>Фам А.Х.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ВЫБОРА В СИТУАЦИЯХ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ.....	70
<i>Федоровых Г.А.</i> Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, Ковров ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.....	71
<i>Филитиди Т.И.</i> Центр диагностики и консультирования детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, Анапа ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ОБЩЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С КОМПЕНСИРОВАННОЙ ЗАТРУДНЕННОСТЬЮ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	71
<i>Харлова К.С.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ (ОПЫТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	72
<i>Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ВЛИЯНИЕ ПРЕНАТАЛЬНЫХ ГОРМОНОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ШКОЛЬНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ.....	73
<i>Чудова Н.В.</i> Институт системного анализа РАН, Москва ВРАЖДЕБНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	74

<i>Шадриков В.Д.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СПОСОБНОСТЕЙ И ОДАРЕННОСТИ.....	74
<i>Шестак Е.А.</i> Кубанский государственный университет, филиал, Славянск-на-Кубани ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И «ОБРАЗА Я» СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГОВ – ПСИХОЛОГОВ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	75
<i>Шляпников В.Н.</i> Академия социального управления, Москва ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ	76

РАЗДЕЛ 3

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СУБЪЕКТНОМ ИЗМЕРЕНИИ..... 77

<i>Абдульманова Д.М.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ.....	77
<i>Аликина Е.Л.</i> НИУ «Пермский государственный университет», Пермь ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ МАТЕРЬЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА/ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ХАРАКТЕРИСТИК СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ	78
<i>Альперович В.Д.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРАГЕ И ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ КАК ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	78
<i>Ануфриюк К.Ю.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ И ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТНОСТИ	79
<i>Бабич О.М.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ КАК ОСНОВА СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ	80
<i>Бабулина Л.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ЕЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	81
<i>Базылевич Т.Ф.</i> Московский государственный университет технологий и управления, Москва ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ – ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	81
<i>Белан Е.А.</i> Кубанский государственный университет, Краснодар ПОЛОВАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ АКТИВНОСТИ В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ.....	82
<i>Бирюкович Е.А.</i> Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХАРАКТЕРЕ	83
<i>Бобровская Л.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОБРЕТЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	83
<i>Буров В.А., Бурова А.-В.В.</i> Институт философии Российской академии наук, Москва СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ТРАНСМОДАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ ЗНАНИЙ. ТЕХНОЛОГИИ ЛИФТА	84
<i>Бурова А.-В.В.</i> Московская общеобразовательная средняя школа №1106, Москва НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	85
<i>Буровихина И.А., Лидерс А.Г.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ КАК СТРУКТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА МИРА СУБЪЕКТА	85
<i>Виленская Г.А.</i> Институт психологии РАН, Москва ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ В МЛАДШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	86
<i>Войтик Т.Н.</i> Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ	87
<i>Джананиш А.З.</i> Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь СОДЕЙСТВИЕ В САМОРАЗВИТИИ С ОПОРОЙ НА ЖИТЕЙСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ	88
<i>Жуланова И.В.</i> Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград <i>Медведев А.М.</i> Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Волгоградский филиал, Волгоград ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ КАК РЕАЛЬНАЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ	88
<i>Запесоцкая И.В.</i> Курский государственный медицинский университет, Курск ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ВОСПРИЯТИЕ БОЛИ	89
<i>Зеленцова Н.Н.</i> Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга ОТ ЛИЧНОСТНОЙ МИФООНТОЛОГИИ К РАЗВИТИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	90
<i>Исаева С.И.</i> Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Крым, Украина ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ	91
<i>Карпов А.В.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ	91
<i>Кирпиков А.Р.</i> Удмуртский государственный университет, Ижевск ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКА И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА	92
<i>Колпачников В.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА КАК СТРОИТЕЛЬСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА	93
<i>Кондратюк Н.Г.</i> Психологический институт РАО, Москва НАДЕЖНОСТЬ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТОРНЫЙ ПОДХОД....	93
<i>Краснянская Т.М., Тылец В.Г.</i> Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СУБЪЕКТНОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ	94

<i>Кузнецова М.Д.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ	95
<i>Купченко В.Е.</i> Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ.....	96
<i>Ледоная Я.А., Пузанова К.И.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА В СВЯЗИ С УРОВНЕМ ПОЛЕЗАВИСИМОСТИ	96
<i>Марченко Е.Е.</i> Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ УЧАЩИХСЯ ПЯТЫХ КЛАССОВ	97
<i>Меркулова О.П.</i> Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ: РАЗЛИЧИЯ В ТЕОРИЯХ И ДИНАМИКА ОПИСЫВАЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ	98
<i>Наконечная М.Н.</i> Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, Нежин, Украина СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОМОЩИ ДРУГОМУ КАК ДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	99
<i>Осинина Т.Н.</i> ООО «Новая медицина – 2000», Орехово-Зуево ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА.....	99
<i>Погонцева Д.В.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ОЦЕНКИ.....	100
<i>Салихова Н.Р.</i> Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань УРОВЕНЬ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	101
<i>Селезнева М.В.</i> Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) им. В.Ф. Маргелова, Рязань ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СУБЪЕКТНОМ КОНТЕКСТЕ	101
<i>Селезнева Е.В.</i> Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	102
<i>Семенова Л.Э.</i> Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород ГЕНДЕРНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ДЕТСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	103
<i>Сергиенко Е.А.</i> Институт психологии РАН, Москва ОБОСНОВАНИЕ КОНСТРУКТА КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕСУРСА САМОРЕГУЛЯЦИИ.....	104
<i>Скутина Т.В.</i> Сибирский федеральный университет, Красноярск «СУБЪЕКТНОСТЬ АВТОРСТВА» ПОДРОСТКА И ПРОБЫ РЕЖИССИРОВАНИЯ.....	104
<i>Трофимова Ю.В.</i> Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул ПРОЯВЛЕНИЯ СУВЕРЕННОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	105
<i>Фанталова Е.Б.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва ВНУТРЕННИЙ ВАКУУМ В ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ	106
<i>Хохлова Л.П.</i> Институт психологии и педагогики, Москва ТРАНСМОДАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНАЯ АНАЛИТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	107
РАЗДЕЛ 4 ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	108
<i>Адмакина Т.А.</i> Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург РАЗНООБРАЗИЕ КОГНИТИВНЫХ ОЦЕНОК МУЗЫКИ XIX И XX ВЕКОВ У СЛУШАТЕЛЕЙ	108
<i>Аминов Н.А., Блохина Л.Н.</i> Психологический институт РАО, Москва; Федеральная таможенная служба Москва ЧУВСТВО БЛАГОДАРНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.....	109
<i>Артюхов А.А.</i> Санкт-Петербургская православная духовная академия, Санкт-Петербург УЧЕТ ПРОЦЕССОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА В ЕГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПО «НАЧЕРТАНИЮ ХРИСТИАНСКОГО НРАВОУЧЕНИЯ» СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА.....	109
<i>Гаурилюс А.И.</i> Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Беларусь ПОНЯТИЕ ДУХОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ И ПРАВОСЛАВНОМ УЧЕНИИ	110
<i>Густова Л.В.</i> Москва ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ... 111	111
<i>Заикин В.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ГРУППОВОГО УРОВНЯ МОРАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	112
<i>Кашипов М.М.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА	112
<i>Лазарев А.Г.</i> Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск ДУХОВНОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ	113
<i>Марков А.С.</i> Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, Рязань ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА КАК ПОДГОТОВКА К СЛУЖЕНИЮ РОДИНЕ.....	114
<i>Муравьёва О.И.</i> НИУ «Томский государственный университет», Томск ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫБОРА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ	114
<i>Никитчук К.Л.</i> НИУ «Томский государственный университет», Томск ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	115

<i>Резапкина Г.В.</i> Федеральный институт развития образования, Москва ДИАГНОСТИКА НАПРАВЛЕННОСТИ, МОТИВОВ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ	116
<i>Рогова С.А.</i> Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, Пенза О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ДУХОВНОСТИ И МЫШЛЕНИЯ	116
<i>Русина Н.А.</i> Ярославская государственная медицинская академия, Ярославль ЕДИНСТВО ДУХА, ДУШИ И ТЕЛА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	117
<i>Самойлова И.Г.</i> Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНОСТИ	118
<i>Созинова И.М. (1), Знаменская И.И. (1), Крылов А.К. (2), Александров Ю.И. (1)(2)</i> (1) Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва (2) Институт психологии РАН, Москва СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ «СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ ОНТОГЕНЕЗА	119
<i>Титов Р.С.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОЙ МОТИВАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ	119
<i>Шемет И.С.</i> Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ДУХОВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	120
<i>Шеховцова Л.Ф.</i> Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург ОДУХОТВОРЕНИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	121
РАЗДЕЛ 5 ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА	122
<i>Алюшева А.Р.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва КУЛЬТУРНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ И МАКРОСТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	122
<i>Бойко З.В.</i> Российский университет дружбы народов, Москва СВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ	123
<i>Булатова М.Е., Стефанов А.К.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КРЕАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	124
<i>Вержибок Г.В.</i> Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь ПРИБЛИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ	124
<i>Гавронова Ю.Д.</i> Смоленский гуманитарный университет, Смоленск ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА «Я»	125
<i>Глазков В.В.</i> Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир РОЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ БЫТИЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	126
<i>Гриценко В.В.</i> Смоленский гуманитарный университет, Смоленск <i>Смотрова Т.Н.</i> Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Балашов ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ	127
<i>Даббаева С.Б.</i> Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, Чита ЭТНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ	127
<i>Жеребцов С.Н.</i> Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК СПОСОБ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ	128
<i>Ефремова М.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДЕНЬГАХ У МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	129
<i>Исаева А.Н.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОППОЗИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ	130
<i>Калиненко А.А.</i> Удмуртский государственный университет, Ижевск ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННЫХ НАМЕРЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ	131
<i>Карпова Е.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Санкт-Петербург РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	131
<i>Костандян М.Э., Ледовая Я.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ДИВЕРГЕНТНОЕ ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ БИЛИНГВОВ И МОНОЛИНГВОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО И МУЛЬТИЯЗЫКОВОГО КОНТЕКСТОВ	132
<i>Крюкова Т.Л.</i> Костромской государственный университет, Кострома СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ КОПИНГ-ИССЛЕДОВАНИЙ	133
<i>Лебедева Н.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ЦЕННОСТИ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ИННОВАТИВНОСТИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ	134
<i>Лепиокова З.Х.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ПОКАЗАТЕЛИ АДАПТИРОВАННОСТИ МИГРАНТА	134
<i>Лепиокова З.Х., Татарко А.Н.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ С ИХ АККУЛЬТУРАЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ	135

<i>Мазилова Г.Б.</i> Керченский экономико-гуманитарный институт Таврического национального университета Украины, Керчь, Украина	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СТРАНЕ ИНОЙ КУЛЬТУРЫ	136
<i>Масленникова Е.М.</i> Тверской государственный университет, Тверь	
INDIVIDUALITY VS INDIVIDUALISM В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	137
<i>Мелехонова И.Н.</i> Костромской государственный университет, Кострома	
ИССЛЕДОВАНИЕ РАСТУЩЕГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ	138
<i>Николаева И.А., Крючкова Т.И.</i> Курганский государственный университет, Курган	
ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ К СЕБЕ И ДРУГИМ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	138
<i>Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.</i> Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва	
АМАРКОРД: ПОМНЮ, КАК БЫЛО, ИЛИ ПОМНЮ, КАК НАДО ПОМНИТЬ? АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ГОРОДСКИХ «БАБУШЕК» ДЕРЕВЕНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	139
<i>Одинцова А.Ю.</i> Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва	
СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА КОЛЛЕКЦИОНЕРА В УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.	140
<i>Осипова Е.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ОТНОШЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ	141
<i>Пащенко А.К.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В НОРМАТИВНОЙ СИТУАЦИИ	141
<i>Пищик В.И.</i> Институт управления, бизнеса и права, Ростов-на-Дону	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВКЛЮЧЕННОСТИ В МЕДИАКУЛЬТУРУ	142
<i>Савина О.О., Смирнова О.М.</i> Гимназия №1505, Москва	
СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ	143
<i>Семенова Е.М.</i> Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Беларусь	
ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ БЕЛОРУСОВ.....	143
<i>Станковская Е.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
ГЕНЕЗ СУБЪЕКТА: ОПЫТ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.....	144
<i>Старagina И.П.</i> Независимый научно-методический центр «Развивающее обучение», Харьков, Украина	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ В СЦЕНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	145
<i>Старовойтенко Е.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ	146
<i>Татарко А.Н.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	147
<i>Уруджева И.Ш.</i> Новгородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород	
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ	148
<i>Фофанова Г.А.</i> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь	
ПРОБЛЕМА ПИДЖИНИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ САМОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР	148
<i>Харитонов Т.Ю.</i> Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург	
<i>Савенко Е.С.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ	149
<i>Хотинцев В.Ю.</i> Удмуртский государственный университет, Ижевск	
БЛЮНГ И ВИКТИМИЗАЦИЯ В ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ	150
<i>Шарипова М.Е.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург	
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ.....	151
 РАЗДЕЛ 6 ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СОЦИУМ	152
<i>Алексеева О.С., Козлова И.Е.</i> Психологический институт Российской академии образования, Москва	
ВЛИЯНИЕ ПОЛА И ПОРЯДКА РОЖДЕНИЯ НА КОГНИТИВНОЕ И ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ	152
<i>Баёва Е.А.</i> РосБизнесКонсалтинг, Москва	
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	153
<i>Баикин М.В., Кирюхина В.А.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль	
СВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СО СТИЛЕМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ	153
<i>Бескова Т.В.</i> Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, Саратов	
КРИТЕРИИ «ОТБОРА» ОБЪЕКТОВ И ПРЕДМЕТОВ ЗАВИСТИ.....	154
<i>Бойко М.С.</i> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь	
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА ВЗРОСЛЫХ.....	155
<i>Болотова А.К.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
ВРЕМЯ КАК КРИТЕРИЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К СОЦИУМУ	156
<i>Василевская Е.Ю.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЮНОСТИ	156

<i>Володина Ю.А.</i> Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ	157
<i>Горбачева Е.И.</i> Психологический институт РАО, Москва ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ПРИНЯТИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ	158
<i>Гривцова Ю.Г.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В КАРТИНЕ МИРА ЧЕЛОВЕКА	158
<i>Гуляхин В.Н.</i> Волгоградский государственный университет, Волгоград ПЕРВИЧНАЯ ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	159
<i>Котова С.А.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	160
<i>Лучинкина А.И.</i> Институт психологии им. Г.С. Костюка, Киев, Украина ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРНЕТ-СОЦИАЛИЗАЦИИ	160
<i>Нехорошева И.В., Зубов В.Н.</i> Университет Российской академии образования, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва КОМФОРТНОСТЬ ЖИЗНИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ С ВЫСОКИМИ НРАВСТВЕННЫМИ КАЧЕСТВАМИ	161
<i>Одинцова М.А.</i> Университет Российской академии образования, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕРТВЫ	162
<i>Сивиликина М.Е.</i> Российская академия народного хозяйства и государственного управления, Волгоградский филиал, Волгоград ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА СОБСТВЕННОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ	163
<i>Смирнова Ю.С.</i> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь ОТЛИЧИЕ ОТ БОЛЬШИНСТВА: ПРОБЛЕМА СТИГМАТИЗАЦИИ	163
<i>Тужикова В.И.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О СЕМЬЕ (ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ)	164
<i>Фалкина С.А.</i> Общеобразовательная школа №37, Симферополь, Украина ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ЛИЧНОСТЬ ПОДРОСТКОВ	165
<i>Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л.</i> Институт этнологии и антропологии РАН, Москва ВЛИЯНИЕ СТЕПЕНИ ЗНАКОМСТВА ПАРТНЕРОВ НА НЕВЕРБАЛЬНУЮ КОММУНИКАЦИЮ	165
<i>Фомичев А.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ И ОСОЗНАННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ	166
<i>Чернобровкина И.Г.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА	167
<i>Чернов Д.Н.</i> Российский национальный исследовательский медицинский университет, Москва К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА «РОДИТЕЛЬ–РЕБЕНОК»	168
<i>Чикалова Е.А.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург МАСКУЛИННОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ: ОТ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ К ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ВЫБОРУ	168
<i>Юшачкова Т.Б.</i> Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск УРОВНИ ПОНИМАНИЯ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ	169

РАЗДЕЛ 7

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ЕЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

<i>Бубнов А.Л.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж ГРУППОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАМКАХ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МАЛЫХ ГРУПП	171
<i>Волгач Г.А.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГРУППАХ РАЗЛИЧНОГО РАЗМЕРА	172
<i>Гайдар К.М.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ	172
<i>Григорьев А.В.</i> Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И АДАПТИРОВАННОСТЬ МОЛОДЕЖИ	173
<i>Григорьева М.В.</i> Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	174
<i>Губайдуллина Г.Г.</i> Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН, Саратов К ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	175
<i>Жарков Г.В.</i> Владимирский государственный университет, Владимир РИСКОВАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА ИНДИВИДУАЦИИ РОССИЙСКОГО «КРЕАТИВНОГО КЛАССА»	175
<i>Журавлева Н.А.</i> Институт психологии РАН, Москва ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ ТИПОМ ЦЕННОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	176
<i>Зайцева М.А.</i> Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Украина ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ ПОДРОСТКОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	177
<i>Иванова Г.П., Шакирова Э.Ф.</i> Московский городской психолого-педагогический университет, Москва СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ИНТЕГРАТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА	178
<i>Каика Э.А.</i> Крымский инженерно-педагогический университет, Саки, Украина ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-РОЛЕВИКОВ	178

<i>Комкова Е.И.</i> Минский институт управления, Минск, Беларусь ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	179
<i>Корнеева И.Е.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ГОТОВНОСТЬ К ОБЪЕДИНЕНИЮ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	180
<i>Криворучко М.В., Щербактова К.Н.</i> Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМИ ФОРМАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	181
<i>Купрейченко А.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ	181
<i>Купрейченко А.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва <i>Акбарова А.А.</i> Институт психологии РАН, Москва СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА	182
<i>Лебедева Н.М., Осипова Е.В., Черкасова Л.Л.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ	183
<i>Маслова О.В.</i> Российский университет дружбы народов, Москва СТИЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	184
<i>Меланьина А.А.</i> Воронежский государственный университет, Воронеж НОРМАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ	184
<i>Мерсиянова И.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РОССИЯН В ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	185
<i>Моисеев А.С.</i> Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РАЗНЫХ ПОДГРУПП РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА.....	186
<i>Мусийчук М.В.</i> Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-МОТИВИРОВАННАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В ЮМОРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ.....	187
<i>Насыров Р.М.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ВЛАСТИ И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК	187
<i>Неверов А.Н., Сабирова С.Б.</i> Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН, Саратов ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	188
<i>Нечепоренко О.П.</i> Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕУСПЕХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ	189
<i>Нурлыгаянов И.Н.</i> Башкирский государственный университет, Уфа ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	190
<i>Португалова О.С.</i> Всероссийский НИИ физической культуры, Москва АЛЬТРУИЗМ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛОНТЕРОВ	190
<i>Родина О.Н., Прудков П.Н.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ОБ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖИВОТНЫМ.....	191
<i>Рыбчак С.В.</i> Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ	192
<i>Самохвалова А.Г.</i> Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЗАЩИТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	192
<i>Семенова Т.В.</i> Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара СОЗЕРЦАНИЕ И ЛЕНЬ	193
<i>Семьяшкин А.А.</i> Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	194
<i>Смирнов А.</i> Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛИЗАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ.....	195
<i>Соина И.А.</i> Российский новый университет, Воскресенск РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	195
<i>Соколова Е.С.</i> Московский гуманитарный университет, Москва ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖНЫХ ЛИДЕРОВ РАЗНОГО ПОЛА	196
<i>Спиридонов Я.В.</i> Башкирская академия государственной службы и управления, Уфа КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА КОНФЛИКТНОЙ КОНГРУЭНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	197
<i>Сусллова Т.Ф., Булавинцева О.С.</i> Российский государственный социальный университет, Москва ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЕРОНТОПСИХИАТРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА	197
<i>Тарасова Е.В.</i> Курский государственный университет, Курск СРЕДА УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ГРУППЫ.....	198
<i>Томина Т.С.</i> Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Санкт-Петербург ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	199
<i>Туровцев Н.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЧЕЛОВЕКА.....	199

<i>Хачатурова М.Р.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	200
<i>Чернышев А.С., Форопонова А.А.</i> Курский государственный университет, Курск ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОСТИ ГРУППЫ НА АКТУАЛИЗАЦИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ В РЕШЕНИИ ГРУППОВЫХ ЗАДАЧ	201
<i>Шайдакова Н.В.</i> Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород «ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ	202
<i>Шамионов Р.М.</i> Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА.....	202
<i>Щербина А.С.</i> Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Украина ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРОСТКОВ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	203
РАЗДЕЛ 8 ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В БИЗНЕСЕ	205
<i>Алтухов В.В.</i> Лаборатория «Гуманитарные Технологии», Москва КЕЙСОВАЯ ДИАГНОСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОДАЖАХ: НАДЕЖНОСТЬ И ВАЛИДНОСТЬ МЕТОДИКИ.....	205
<i>Анненкова Н.В., Камнева Е.В., Буянова С.М.</i> Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва ЛИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ: ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ.....	206
<i>Антонова Н.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИДЕНТИЧНОСТЬ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА	206
<i>Белоусова В.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва КОУЧИНГ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ	207
<i>Белякова А.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ	208
<i>Богоявленская Д.Б.</i> Психологический институт РАО, Москва <i>Клюева О.А.</i> Тверской государственный университет, Тверь КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИИ	209
<i>Вавина О.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОБЛЕМ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ	210
<i>Дмитриева В.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	210
<i>Дубиненкова Е.Н.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Ярославль ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА ВЫБОР КАНДИДАТОВ НА ВАКАНСИИ.....	211
<i>Иванова Н.Л.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСОБЕННОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ	212
<i>Киселева А.П.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.....	213
<i>Китова Д.А.</i> Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, Черкесск <i>Ханова З.Г.</i> Дагестанский государственный университет, Махачкала ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	213
<i>Ковалева О.А.</i> Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СО СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ	214
<i>Корягина Н.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ	215
<i>Курбатова С.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СУБЪЕКТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ВЫСШЕГО ЗВЕНА.....	216
<i>Мальцева А.В.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ТРУДНОМ» ПОДЧИНЕННОМ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	216
<i>Позняков В.П.</i> Институт психологии РАН, Москва ИНФОРМАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА ДАННЫХ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»	217
<i>Сашина М.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ДОВЕРИЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	218
<i>Солдатов А.В.</i> Курский государственный медицинский университет, Курск РОЛЬ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГРУППЕ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА	219
<i>Черныш М.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ	219

РАЗДЕЛ 9	
ИНДИВИД И ОРГАНИЗАЦИЯ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	221
<i>Брукитын К.А.</i> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, ЖЕЛАЕМАЯ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ КАРЬЕРНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ	221
<i>Григорян Л.К., Лебедева Н.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ	222
<i>Грязева-Добишинская В.Г., Глухова В.А., Глухов П.С.</i> Национальный исследовательский университет «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ К СУБЪЕКТАМ ТВОРЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	222
<i>Деревянко О.И.</i> Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ, ОПОСРЕДОВАННОЕ ЛОКУСОМ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА.....	223
<i>Иванова Т.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва <i>Рассказова Е.И.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ: РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ	224
<i>Коробейникова Е.В.</i> Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород ОБНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА	225
<i>Львова И.В.</i> Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в г. Кемерово) ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ В КОЛЛЕКТИВЕ	225
<i>Лютикова Е.А.</i> Психологический институт РАО, Москва СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УСПЕШНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ	226
<i>Толочек В.А., Толочек А.В.</i> Институт психологии Российской академии наук, Москва ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКС ПРОДУКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ	227
<i>Флоровский С.Ю.</i> Кубанский государственный университет, Краснодар МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В РЕГУЛЯЦИИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	228
<i>Чайка Е.Ю., Манрикова Е.Ю.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ТРУДОМ И УВЛЕЧЕННОСТЬЮ РАБОТОЙ	228
<i>Штроо В.А., Кольцова Е.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ЖИЗНЬ ИЛИ РАБОТА?	229
РАЗДЕЛ 10	
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ	231
<i>Александрова Л.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СУБЪЕКТИВНАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	231
<i>Александрова Н.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ	232
<i>Бабосова Е.С.</i> Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	233
<i>Барышева Т.Д.</i> Мурманский государственный гуманитарный университет, Мурманск РЕФЛЕКСИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ	233
<i>Бахтина Л.И.</i> Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола О МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ РЕПРЕССИВНУЮ ФУНКЦИЮ	234
<i>Бахтина Н.Н.</i> Северо-Восточный государственный университет, Магадан СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУБЪЕКТА ТРУДА	235
<i>Белоусова В.В., Брисева Ю.В.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	235
<i>Березина Т.Н., Терещенко Р.Н.</i> Современная гуманитарная академия, Москва. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ	236
<i>Бондарчук Н.В.</i> Магаданский институт экономики Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Магадан ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТНИКОВ СТАРАТЕЛЬСКОЙ АРТЕЛИ	237
<i>Борисова С.Е.</i> Орловский юридический институт МВД России, Орел ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ ИНСПЕКТОРОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	238
<i>Бороздина Л.В., Шалак О.С.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва «ТРИАДА РИСКА» В РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ	238
<i>Брынза И.В.</i> Южно-украинский национальный пед. университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ.....	239

<i>Бугайчук Т.В.</i> Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ВЕДУЩИМИ ПОДСТРУКТУРАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА	240
<i>Ваганова О.И.</i> Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	240
<i>Войтехович Т.С.</i> Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА–ВАХТОВИКА КАК САМОРЕГУЛИРУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА	241
<i>Гаранина О.А.</i> Северо-Восточный государственный университет, Магадан ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ В РЕЖИМЕ СМЕННОГО ГРАФИКА	242
<i>Гильманов С.А.</i> Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	242
<i>Головей Л.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	243
<i>Данилова М.В.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ.....	244
<i>Данченко С.А., Бабина Л.В.</i> Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток СТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	245
<i>Девяткина М.В.</i> Вологодский государственный педагогический университет, Вологда ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ	245
<i>Дербенева М.Ю.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	246
<i>Дикая Л.Г.</i> Институт психологии РАН, Москва ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ.....	247
<i>Дмитриева Е.В.</i> Смоленская государственная медицинская академия, Смоленск АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И ОСОЗНАННОСТИ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ У СТУДЕНТОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА	248
<i>Доценко О.Н., Бондаренко И.Н.</i> Институт психологии РАН, Москва ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ В СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЯХ	248
<i>Драчкова В.О.</i> Северо-Восточный государственный университет, Магадан ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ АКТЕРОВ	249
<i>Дроздов И.Н.</i> Дальневосточный федеральный университет, Владивосток ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ	250
<i>Заринова Л.З.</i> НИУ «Пермский государственный??», Пермь ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НЕЗНАКОМОГО ДРУГОГО У ЛИЦ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ	251
<i>Зеленова М.Е.</i> Институт психологии РАН, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, УТОМЛЕНИЕ И УРОВЕНЬ СТРЕССА У ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ	251
<i>Зотова Н.Н.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТОВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ	252
<i>Исаева Д.А.</i> Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЮНОСТИ И РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ	253
<i>Исакова Т.А.</i> Республиканский институт профессионального образования, Минск, Республика Беларусь К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	254
<i>Калита В.В., Черникина К.С.</i> Дальневосточный федеральный университет, Владивосток ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	254
<i>Калита В.В., Якухный А.</i> Дальневосточный федеральный университет, Владивосток ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ТИПОМ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СПОСОБОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТРУДНОЙ СИТУАЦИЕЙ У ПСИХОЛОГОВ.....	255
<i>Камнева Е.В.</i> Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	256
<i>Кириллова Е.И.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППОВОГО ПСИХОТЕРАПЕВТА	256
<i>Киселева Т.Г.</i> Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД.....	257
<i>Колесникова В.В.</i> Северо-Восточный государственный университет, Магадан ВЗАИМОПОСРЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И СПЕЦИФИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ИМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	258
<i>Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.</i> Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск СТРУКТУРА СОЦИОСРЕДОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РАБОТНИКОВ ВАХТОВЫХ ФОРМ ТРУДА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА.....	259
<i>Кузнецова Ю.М.</i> Институт системного анализа РАН, Москва ЧИНОВНИК И ЭМОЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МИМИКИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ.....	259

Кутилов В.П. Северо-Восточный государственный университет, Магадан ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ САМОПОЗНАНИЯ	260
Ледовая Я.А., Михальченко К.С. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург DESIGN THINKING КАК СТРАТЕГИЯ РЕШЕНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ И ДИВЕРГЕНТНЫХ ЗАДАЧ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ	261
Лоза Е.А. Днепропетровский университет им. А. Нобеля, Днепропетровск, Украина ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	262
Любимова Г.Ю., Евсевичева И.В. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ПРОФЕССИЮ	262
Макарова А.К. Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВИСТА И ДОКУМЕНТОВЕДА	263
Малютина О.П. Воронежский государственный университет, Воронеж ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА	264
Медянова Е.В. Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ БУДУЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ, НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	264
Мишина Е.И. Московский государственный областной университет, Москва РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ	265
Оберемко О.А., Истомина А.Г. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социологии РАН, Москва ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ СВОБОДОЙ	266
Петруняк Н.И. Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, Ковров ЛИЧНОСТНАЯ АВТОНОМИЯ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	267
Попова В.В. Институт психологии Пермского государственного педагогического университета, Пермь ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТИЛИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В СОРЕВНОВАНИЯХ КАРАТЕ КИОКУШИНКАЙ	267
Постылякова Ю.В. Институт психологии РАН, Москва ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ	268
Русалов В.М., Велумян Н.А. Институт психологии РАН, Москва РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	269
Рыкман Л.В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	270
Савин Е.Ю. Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга ОПЫТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК РЕСУРС ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПЕДАГОГА	270
Савлакова Н.М. Республиканский институт профессионального образования, Минск, Республика Беларусь ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖЕЙ	271
Самаль Е.В. Российский государственный социальный университет (филиал), Минск, Республика Беларусь ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ САМОРАСКРЫТИЯ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ	272
Серкин В.П. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ТРЕБОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ	273
Силантьева С.О. Управление на транспорте по центральному федеральному округу МВД России, Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВООСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГИБДД	273
Склеинис В.А. Магаданский филиал Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Магадан ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ОБРАЗА МИРА В РАЗНОТИПНЫХ ПРОФЕССИЯХ	274
Слепко Ю.Н. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль ПРОДУКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ЕГО РАБОТЫ УЧАЩИМИСЯ	275
Соколова А.С. Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КАРЬЕРНОГО МАРШРУТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	276
Стрелков Ю.К. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва СТРУКТУРЫ ОПЫТА И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	276
Суворова Г.А. Московский государственный педагогический университет, Москва ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА	277
Сурыкова М.В. Национальная металлургическая академия Украины, Днепропетровск, Украина КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛА	278
Термьшева Е.Н. Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПОСРЕДСТВОМ СОЗДАНИЯ СИТУАЦИИ УСПЕХА	279
Толочек В.А. Институт психологии РАН, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: САМОПОДОБИЕ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ	279
Фомина Н.В. Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ	280

<i>Шингаев С.М.</i> Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург ПРОФЕССИЯ МЕНЕДЖЕРА: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ.....	281
<i>Шунькова С.В.</i> Магаданский социальный центр, Магадан ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ГЕОЛОГА	282
<i>Юрина И.Г.</i> Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Хабаровск ТВОРЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	282

РАЗДЕЛ 11

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	284
--	------------

<i>Бодрова М.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УЕДИНЕНИЯ.....	284
<i>Генс Е.Г.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва МЕСТО И РОЛЬ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ.....	285
<i>Ефимова И.Н.</i> Государственная классическая Академия им. Маймонида, Москва ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ.....	286
<i>Исаев Д.Д.</i> Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, Санкт-Петербург КВИР-ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТОРЖЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ИЛИ ТУПИК ИДЕНТИЧНОСТИ?	286
<i>Куприна О.А.</i> Московский университет экономики, статистики и информатики, Москва СВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ОСМЫСЛЕННОСТИ ИМИ СВОЕЙ ЖИЗНИ	287
<i>Павлычева Т.Н.</i> Нижегородский институт менеджмента и бизнеса, Нижний Новгород ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: РЕКОНСТРУКЦИЯ ГРУППОВОГО НАРРАТИВА.....	288
<i>Пальм Г.А.</i> Днепрпетровский университет им. А. Нобеля, Днепрпетровск, Украина ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СМЫСЛА ЖИЗНИ	289
<i>Радина Н.К.</i> Нижегородский политехнический университет, Нижний Новгород ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА «РЕКЛАМНОГО КОНТЕНТА» В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА.....	289
<i>Уколова Е.М., Шумский В.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОТЕРАПИИ	290
<i>Федякова В.А., Богданова Т.А.</i> Южно-Уральский государственный университет, Челябинск ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ, СОСТОЯЩИХ В ОТНОШЕНИЯХ ЛЮБВИ	291
<i>Фомель М.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СПОСОБЫ СУБЪЕКТНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СВОЕЙ СЛАБОСТИ	292
<i>Шумский В.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ОСНОВЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ «Я»	293

РАЗДЕЛ 12

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ	294
--	------------

<i>Азарных Т.Д.</i> Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж ОСТРОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО И ФОРМАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	294
<i>Александрова Л.А.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ И ПОТОКОВЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ	295
<i>Баскаева О.В., Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Психологический институт РАО, Москва СХОДСТВО СУПРУГОВ ПО ЛИЧНОСТНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ	295
<i>Габдулина Л.И., Зотова С.В.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ.....	296
<i>Горбунова А.А., Мандрикова Е.Ю.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ВКЛАД УВЛЕЧЕННОСТИ РАБОТОЙ И ЛОЯЛЬНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП СОТРУДНИКОВ В ВОСПРИНИМАЕМЫЙ УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	297
<i>Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва БАЗОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ	298
<i>Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону ИДЕАЛ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ И СТУДЕНТОВ ВУЗА КАК ФАКТОР ИХ ЖИЗНЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	298
<i>Егорова М.С., Панкратова А.А., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д.</i> Психологический институт РАО, Москва ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ: МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	299
<i>Енчикова Е.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПРЕДИКТОРЫ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР	300

<i>Звездина Г.П., Приймак Е.Н.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону <i>Елагина М.Ю.</i> Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Ростов-на-Дону ВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	301
<i>Исламова С.Н.</i> Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва АДДИКЦИИ У ШКОЛЬНИКОВ – ПРОБЛЕМА ПРОЦЕССА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ.....	301
<i>Куксо П.А., Галютдинова С.И.</i> Башкирский государственный университет, Уфа ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ, СКЛОННЫХ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ.....	302
<i>Львова Е.Н.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ.....	303
<i>Мехтиханова Н.Н.</i> Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль ПЕРФЕКЦИОНИЗМ И АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ.....	304
<i>Перлова З.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СВЯЗЬ ОПЫТА ОБЩЕНИЯ С НЕЗНАКОМЫМИ ЛЮДЬМИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА У МОЛОДЕЖИ.....	304
<i>Рыльская Е.А.</i> Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск МАЛОПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	305
<i>Свередюк Е.В.</i> Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь ЖИЗНЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ.....	306
<i>Селин А.В.</i> Курский государственный медицинский университет, Курск ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СИТУАЦИИ ХРОНИЧЕСКОГО СОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ.....	306
<i>Сотников В.А.</i> Курский государственный медицинский университет, Курск ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРЕМЛЕНИЙ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ.....	307
<i>Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н.</i> Институт психологии РАН, Москва ПОЛОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СПЕЦИФИКЕ СВЯЗИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	308
<i>Хазова С.А.</i> Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома РЕСУРСЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТА: ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	309
<i>Шиповская В.В.</i> Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере, Краснодар БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА.....	309
<i>Шумилина М.С.</i> Институт психологии и педагогики, Москва ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАСКРЫТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЦ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ВИКТИМНОСТИ..	310
<i>Эксакусто Т.В.</i> Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог ОСОБЕННОСТИ БЛАГОПОЛУЧИЯ СУБЪЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	311
<i>Shtepa O.S.</i> Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, Ukraine FEATURES OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF WOMEN.....	312

РАЗДЕЛ 13**ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ..... 313**

<i>Алексеева Е.М.</i> Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ.....	313
<i>Горина И.С., Сударикова М.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Московский городской психолого-педагогический университет, Москва СТРАХИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ.....	314
<i>Гусейнов А.Ш.</i> Кубанский государственный университет, Краснодар ПРОТЕСТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СВОЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	314
<i>Мацевич М.Я.</i> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь <i>Валейтёнок В.В.</i> Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь ТАВТОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ И АПОФАТИКА ИНДИВИДУАЦИИ.....	315
<i>Овчинникова Ю.Г.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	316
<i>Ребеко Т.А.</i> Институт психологии РАН, Москва ОПЫТ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ КАК ПОПЫТКА ОБРЕТЕНИЯ САМОСТИ.....	317
<i>Россохин А.В., Федорова С.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТРАПСИХИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА).....	317
<i>Селюгина П.Б.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРАРОДИТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	318
<i>Федорова С.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТРАПСИХИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА).....	319
<i>Федорова С.М.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА).....	319

<i>Филатова-Сафронова М.А.</i> Институт экономики, управления и права, Казань ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ	320
РАЗДЕЛ 14	
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ	322
<i>Liutsko L., Tous-Ral J. M.</i> Laboratory Mira y Lopez, Personality Assessment and Treatment Department, Faculty of psychology, University of Barcelona, Barcelona, Spain PERSONALITY TRAITS BASED ON FINE MOTOR INDIVIDUAL BEHAVIOUR.....	322
<i>Алексеева Е.Е.</i> Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург СРАВНЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ	323
<i>Базанова О.М.</i> РФБУ РАМН «НИИ молекулярной биологии и биофизики СО РАМН», Новосибирск МЕЖ- И ВНУТРИИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИК АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЭГ	323
<i>Бартош Т.П., Бартош О.П.</i> Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН, Магадан ВРЕМЯ РЕАКЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ АБОРИГЕННОЙ И ЕВРОПЕОИДНОЙ ПОПУЛЯЦИЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ.....	324
<i>Будкевич Р.О., Носенко М.А., Тинькова Е.Л.</i> Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставрополь ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХРОНОБИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕБЕНКА	325
<i>Будыка Е.В., Сабитова М.Р., Ефимова И.В.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Московский государственный областной гуманитарный институт, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОЛУШАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОЗГА	325
<i>Венецьева Ю.Л., Зайцев Д.А., Мельников А.Х.</i> Тульский государственный университет, Тула ВЛИЯЮТ ЛИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА НА ВЫБОР ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ?	326
<i>Губарева Л.И., Гутко Т.Н., Хошбежан Т.С.</i> Ставропольский государственный университет, Ставрополь ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ	327
<i>Гут Ю.Н.</i> Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРОМ ЛАТЕРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА.....	327
<i>Давыдова Е.Ю., Давыдов Д.В.</i> Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА.....	328
<i>Дикая Л.А., Покуль Е.Б.</i> Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону МОЗГОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ У УЧАЩИХСЯ С УМСТВЕННОЙ ОДАРЕННОСТЬЮ... ..	329
<i>Дробницка И.П.</i> Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕЖПОЛУШАРНОЙ АСИММЕТРИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРАВЕРСИИ-ИНТРОВЕРСИИ	329
<i>Жамбеева З.З., Аминов Н.А., Кабардов М.К.</i> Психологический институт РАО, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАСПОЗНАВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ	330
<i>Кежаев О.С., Колесниченко Е.В.</i> Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Минздравсоцразвития России, Саратов СВЯЗЬ ФАКТОРА ТЕМПЕРАМЕНТА «ПОИСК НОВИЗНЫ» С ПОЛИМОРФИЗМОМ VAL66MET ГЕНА BDNF	331
<i>Коваленко А.В.</i> Институт психологии и педагогики профессионального образования РАО, Казань ПСИХОМОТОРНЫЕ СВОЙСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТИПОВ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	332
<i>Кондратенко А.В., Базанова О.М.</i> Македонская государственная филармония, Скопье, Македония СРАВНЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АЛЬФА-ЭЭГ ПРИЗНАКОВ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У МУЗЫКАНТОВ И НЕМУЗЫКАНТОВ 3–18 ЛЕТ.....	332
<i>Куксо П.А., Куксо О.Г.</i> Башкирский государственный университет, Уфа Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ВЕГЕТАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У СТУДЕНТОВ ПРИ ЭКЗАМЕНАЦИОННОМ СТРЕССЕ	333
<i>Лазарев И.Е., Осокина Е.С., Рамендик Д.М., Чернышев Б.В., Чернышева Е.Г.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва НЕСОВПАДЕНИЕ ДАННЫХ ОПРОСНИКОВ ТЕМПЕРАМЕНТА ПРОЯВЛЯЕТСЯ В СВОЙСТВАХ СЛУХОВЫХ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ.....	334
<i>Лебедева И.С., Семенова Н.А., Ахадов Т.А., Бархатова А.Н., Каледа В.Г.</i> ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, Москва НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, ДЗ г. Москвы, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ГОЛОВНЫМ МОЗГОМ И МЕТАБОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕЙ ЛОБНОЙ ИЗВИЛИНЫ.....	335
<i>Мажирин К.Г. (1), Резакова М.В. (2), Савелов А.А. (2), Савелова О.А. (2), Штарк М.Б. (1)</i> (1) ФГБУ «НИИ молекулярной биологии и биофизики» СО РАМН, Новосибирск (2) УРАН НИИ «Международный томографический центр» СО РАН, Новосибирск НЕЙРОДИНАМИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ В РЕЖИМЕ ИГРОВОГО КОМПЬЮТЕРНОГО БИОУПРАВЛЕНИЯ (ФМРТ-ИССЛЕДОВАНИЕ)	335

<i>Моисеева В.В., Славуцкая М.В., Шульговский В.В., Фонсова Н.А.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ АСИММЕТРИИ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ САККАДИЧЕСКОГО ОТВЕТА ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ЦЕЛЕВЫХ И ОТВЛЕКАЮЩИХ СТИМУЛОВ ВЕДУЩЕМУ И НЕВЕДУЩЕМУ ГЛАЗУ	336
<i>Москвин В.А., Москвина Н.В., Шумова Н.С., Ковалевский А.Г.</i> Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва МЕЖПОЛУШАРНЫЕ АСИММЕТРИИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ.....	337
<i>Муравлева К.Б., Кондратенко А.В., Скорая М.В., Петрова С.Б., Базанова О.М.</i> ФГУ «Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики СО РАМН», Новосибирск ВЛИЯНИЕ ФАЗЫ ОВАРИОГОРМОНАЛЬНОГО ЦИКЛА НА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЛЕКТРОЭНЦЕФАЛОГРАММЫ ЖЕНЩИН	337
<i>Мухаммадеев Р.А., Макарова М.В.</i> Башкирский государственный университет, Уфа Всероссийский центр глазной и пластической хирургии Минздравсоцразвития России, Уфа ПЕРИФЕРИЧЕСКАЯ ЦВЕТОВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ «ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ- ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ»	338
<i>Осокина Е.С., Чернышева Е.Г., Чернышев Б.В., Зинченко В.П.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ВЛИЯНИЕ БОС-АЛЬФА-ТРЕНИНГА НА СЛУХОВЫЕ ВЫЗВАННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕМПЕРАМЕНТА.....	339
<i>Первичко Е.И., Остроумова О.Д.</i> Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Московский государственный МСУ, Москва ОПЫТ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬНЫХ С «ГИПЕРТОНИЕЙ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ»	339
<i>Петренко Н.Е.</i> Институт возрастной физиологии РАО, Москва <i>Черемушкин Е.А.</i> Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ОПОЗНАНИЯ ФРАГМЕНТАРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ	340
<i>Подойников А.Ш., Базанова О.М.</i> РФБУ РАМН «НИИ молекулярной биологии и биофизики СО РАМН», Новосибирск ИЗМЕНЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЭГ У ЖЕНЩИН 50–75 ЛЕТ ПРИ ТРЕНИНГЕ КОНТРОЛЯ РАВНОВЕСИЯ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИК АЙКИДО.....	341
<i>Польская Н.А.</i> Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАМЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ФАКТЫ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ.....	342
<i>Продиус П.А., Мухина И.В.</i> Нижегородская государственная медицинская академия, Нижний Новгород ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЭГ ВО ВРЕМЯ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ С НИЗКОЙ И ВЫСОКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИЕЙ.....	342
<i>Рамендик Д.М., Рогожина Н.В., Трифонова Н.Ю., Трунова М.С.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА	343
<i>Рогожина Н.В., Чернышева Е.Г., Безсонова В.Е., Зинченко В.П.</i> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва УСПЕШНОСТЬ ПРОХОЖДЕНИЯ АЛЬФА-ТРЕНИНГА У ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ТЕМПЕРАМЕНТА	344
<i>Роик А.О., Иванецкий Г.А.</i> Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РИТМЫ МОЗГА	344
<i>Славуцкая А.В., Герасименко Н.Ю., Михайлова Е.С.</i> Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕЛЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ ДЕТАЛЕЙ. АНАЛИЗ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ	345
<i>Станякина М.В.</i> Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Северодвинск ПОЛОВОЙ ДИМОРФИЗМ СТРУКТУРЫ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	346
<i>Степанян Л.С.</i> Ереванский государственный университет, Ереван, Армения ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ САМООЦЕНКИ И АГРЕССИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕМОДИНАМИКИ.....	346
<i>Султанова А.С., Иванова И.А.</i> Институт психолого-педагогических проблем детства РАО, Москва ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОНТОГЕНЕЗА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИСФУНКЦИЯМИ ПОДКОРКОВО-СТВОЛОВЫХ СТРУКТУР ГОЛОВНОГО МОЗГА.....	347
<i>Торопова А.В., Симакова И.Н.</i> Психологический институт РАО, Москва ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПЫТУЕМЫХ ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ С РАЗНЫМИ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ	348
<i>Усенко А.Б., Кузьмина К.А.</i> Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва ОСОБЕННОСТИ ВЕГЕТАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ КАК ПРИРОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	349

<i>Цетлин М.М. (1)(2), Строганова Т.А. (1)(2), Посикера И.Н. (1)(2), Пушина Н.П. (1)(2), Филатов А.И. (1), Орехова Е.В. (3)</i>	
(1) Центр нейрокогнитивных исследований МГППУ, Москва	
(2) Психологический институт РАО, Москва	
(3) Institute of Neuroscience and Physiology, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden	
УРОВЕНЬ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ В ВОЗРАСТЕ 6 ЛЕТ ЗАВИСИТ ОТ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫБОРА И УДЕРЖАНИЯ	
МИШЕНИ ВНИМАНИЯ В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	349
<i>Цымбалюк А.Э., Слепко Ю.Н. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ	
ПРИ ЧТЕНИИ ТЕКСТА РАЗНОГО ТИПА.....	350
<i>Черемушкин Е.А. (1), Яковенко И.А. (1), Петренко Н.Е. (2)</i>	
(1) Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва	
(2) Институт возрастной физиологии РАО, Москва	
УСТОЙЧИВОСТЬ УСТАНОВКИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-НЕГАТИВНУЮ ЛИЦЕВУЮ ЭКСПРЕССИЮ	
И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.....	351
<i>Чернышев Б.В., Лазарев И.Е., Осокина Е.С., Иванов М.В., Вязовцева А.А.</i>	
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	
ДИНАМИКА МОЗГОВЫХ ПРОЦЕССОВ В СИТУАЦИИ ВНИМАНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ	
ТЕМПЕРАМЕНТА.....	352
<i>Шарова Е.В. (1), Болдырева Г.Н. (1), Шендяпина М.В. (4), Давыдова Н.Ю. (3), Челябинка М.В. (1), Пяшина Д.В. (2),</i>	
<i>Корниенко В.Н. (2), Ениколопова Е.В. (2)</i>	
(1) Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва	
(2) НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, Москва	
(3) Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва	
(4) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва	
АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ЭЭГ И ФМРТ ПРИ ОТКРЫВАНИИ ГЛАЗ,	
ДВИГАТЕЛЬНЫХ И РЕЧЕВЫХ НАГРУЗКАХ В НОРМЕ.....	352

Раздел 1

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Волкова Е.В.

Институт психологии РАН, Москва

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: ОТ АТОМИЗМА К «ОРГАНИЗМУ»

Анализ психологических исследований со всей очевидностью показывает, что современное состояние психологических знаний остается таким же рыхлым и ненадежным, как в конце XIX в. (Прогресс психологии..., 2009). Особенно острым становится противоречие между организменной (целостной, системной) сущностью психических феноменов и атомарными подходами их изучения. Например, индивидуальность, понимаемая как уникальность и неповторимость человека, как своеобразие его психики, описывается как набор индивидуально-психологических свойств, отличающих одного индивида от другого. Подчеркивается интегральная сущность индивидуальности, но поскольку в рамках отдельной области научного знания невозможно охватить все подсистемы (от биохимических до социально-исторических), относимые к интегральной индивидуальности, то при построении методологии исследований обычно вычлениют часть этой системы и исследуют ее, пытаясь учитывать имеющиеся у нее множественные связи с другими частями системы. При этом целостность, организменная сущность индивидуальности расчленяется на отдельные «пласты», «кирпичики» и в соответствии с той или иной методологией детально исследуется. А потом из этих обедненных сущностей пытаются, как из кирпичиков, сложить индивидуальность. Но целое – это не агрегат дискретных элементов, это – самоорганизованная система взаимообусловленных и опосредованных компонентов, где каждая из частей системы может быть определена только по отношению к другим частям и к целому.

Мы полагаем, что преодоление противоречия между организменной сущностью индивидуальности человека и атомарными подходами к ее изучению возможно по пути интеграции фундаментальных принципов психологии, составляющих основу системного, гносеологическо-

го, дифференционно-интеграционного, онтологического и субъектного подходов. В данной работе мы хотим показать, как может работать общая психологическая теория и методология в качестве необходимого фундамента (что всегда предполагается, но остается чистой декларацией) конкретной психологической проблемы – вопрос о существовании и природе специальных химических способностей как проявлении индивидуальности химика. Основная идея разрабатываемого нами направления исследования специальных способностей состоит в том, что специальные способности рассматриваются как свойства ментальных структур, референтных по отношению к определенной предметной области объективной реальности и формирующихся в индивидуальном опыте субъекта в процессе деятельности по ее освоению. Количественной характеристикой сформированности ментальных структур, реализующих функции отображения, отбора и преобразования реальности в идеальной форме, является мера соответствия индивидуально-психологических качеств субъекта предметной области деятельности (начиная с избирательной чувствительности к определенным предметным характеристикам среды и заканчивая уровнем организации концептуальных структур как референтов специфических предметных знаний и способов деятельности). Развитие ментальных структур осуществляется в направлении от форм глобальных и малодифференцированных к формам дифференцированным, иерархически упорядоченным и внутренне связанным. Соответственно, важнейшим показателем зрелости ментальных структур на разных этапах онтогенетического развития является степень их дифференцированности и интегрированности. Специальные способности при этом становятся частью ментального мира человека и этапом его ментального развития.

Воронова Е.Ю.

Пермский государственный педагогический университет, Пермь

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ

Формированию научной психологической школы на Урале предшествовали психологические исследования в 20–30 гг. XX в. Их проводили в основном научные работники педвузов, университетов, психотехнических лабораторий, работники клиник, а также двух научно-исследовательских институтов (Уральского научно-исследовательского института педагогики и Уральского научно-исследовательского института деткомдвижения). Эти институты объединяли психологов и педагогов всей Уральской области, в которую вплоть до 1936 г. входили нынешние Пермская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Тюменская области.

Наибольшее внимание уральских психологов было привлечено к изучению личности и прежде всего – личности ребенка. В книге Н.А. Коновалова «Испытания умственной одаренности и развития детей» (1924) предлагалась программа изучения психики ребенка. В брошюре 1935 г. раскрывается его понимание темперамента как психического образования, проявляющегося в особенностях эмоционально-волевой сферы, в настроении и психическом темпе. Н.А. Коновалов (1930) отвергал фатальную обусловленность различных черт характера ребенка наследственностью, считал, что от наследственности зависят лишь некоторые морфологические и функциональные особенности тела и психики. С точки зрения доктора Г.В. Сегалина, напротив, способности, одаренность рассматривались как целиком зависимые от биологических наследственных факторов, противопоставлялись функционированию нормального человеческого сознания.

Г.В. Сегалин считал обязательным наличие у гениального человека врожденных психопатических черт. Исследованиями умственной одаренности студентов, утомляемости учащихся и двигательной одаренности недостаточных детей занимались сотрудники педологического кабинета, открытого в 1922 г. при Вятском пе-

дагогическом институте (В.А. Трейтер, П.П. Распопов, С.В. Бабайлова).

Особенно сильное развитие на Урале во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. получила психотехника и психофизиология труда. И.Л. Цфасман (1932) и его сотрудники подчеркивали, что причины травматизма заключены в организации взаимодействия человека и технической среды, и указывали на большие возможности человека в приспособлении к условиям деятельности. В 1939–40 гг. в статьях В.С. Мерлина, работавшего в это время в Свердловске, вопросы психологии личности рассматривались в связи с проблемой воспитания сдержанности. Пермский психолог Н.А. Коновалов (1943) опубликовал статью о воинской доблести, в которой раскрывал роль эмоций в боевом действии. Свердловский психолог А.К. Перов (1945) на основе фактов, собранных в условиях боевых действий на фронтах Отечественной войны, разрабатывал вопросы психологии смелости и страха в связи с проблемой характера.

Период существенного подъема в развитии психологии на Урале наблюдается в послевоенные годы, особенно после организации в 1958 г. Уральского отделения общества психологов при АПН РСФСР, которое сыграло большую роль в организации их регулярных конференций, координации их исследований и публикаций. Значимую роль сыграли Всесоюзные совещания по вопросам психологии (1952, 1953, 1957), а также I (1959) и II (1963) Всесоюзные съезды общества психологов, в работе которых активное участие принимали В.С. Мерлин, А.Н. Шемякин, В.М. Экземплярский, А.К. Перов, В.В. Пшеничнов, И.М. Палей, А.И. Ильина, П.Л. Горфункель и др. В 1960-е годы уральские психологи сосредоточили свое внимание на физиологическом объяснении психических свойств личности. Это благоприятствовало формированию научной психологической школы В.С. Мерлина.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р.

Пермский государственный педагогический университет, Пермь

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СТИЛЬ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ретроспективный анализ полувековой истории разработки в Пермской психологической школе данной проблемы показывает, что за эти годы тематика исследований претерпела ряд существенных изменений по ряду взаимосвязанных направлений.

1. На начальном этапе стиль рассматривался через призму особенностей в процессуально-операциональной стороне деятельности на фоне успешного ее выполнения. При этом в качестве детерминант стиля рассматривались основные свойства нервной системы. Существенный прорыв в разработке проблемы произошел в связи с воз-

никновением и развитием учения об интегральной индивидуальности человека (Мерлин, 1986). Было показано, что стиль – это сложное системное образование, разноуровневое и многокомпонентное, детерминированное разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности (социально-психологическими, свойствами личности, темперамента, нервной системы). Это позволило применить к изучению стиля новый полисистемный подход, в начале как взаимодействие двух систем: 1) интегральной индивидуальности и 2) стиля, а в дальнейшем – уже трех: 1) интегральной индивидуальности, 2) стиля, 3) социума.

Иначе говоря, стиль получил более развернутую полисистемную характеристику.

2. Накопленные факты позволили перейти от узкой характеристики стиля на основе выделения особенностей в процессуально-операциональной стороне деятельности в связи со свойствами нервной системы к его целостной характеристике, отражающей своеобразие деятельности в четырех ее сторонах: 1) процессуально-операциональной, 2) результативной, 3) в системе ее внутренних условий (имеются в виду задействованные в стиле разноуровневые свойства интегральной индивидуальности) и 4) в отражении субъектом внешних условий и требований деятельности.

3. В связи с характеристикой взаимодействия внутренних условий стиля как саморегуляции и с выделением в системе этих условий ведущей роли свойств личности, был осуществлен переход от преимущественно адаптивных схем взаимодействия стиля с действительностью к схемам, отражающим активность субъекта в этом процессе.

4. От стилей различных видов деятельности перешли к изучению широкого спектра других разновидностей

стилей, характеризующих различные аспекты жизни человека: стилей общения, активности, поведения и самоорганизации. В последние десятилетия усилено внимание к проблеме гендерных различий в характеристиках стилей.

5. Был осуществлен переход от характеристики стиля как сложившегося образования к его характеристике как развивающегося явления, в связи с чем была обозначена проблема развития стиля, в частности проблема его формирования, а также были выявлены разные уровни его развития.

6. Расширены представления о функциях различных стилей, характеризующих его взаимодействие с интегральной индивидуальностью и социумом, а также процесс его развития. Конкретно был осуществлен переход от ранее выделенных приспособительной и компенсаторной функций к системообразующей, интегративной, развивающей, метаиндивидуальной и другим функциям.

Все это создало и создает предпосылки для дальнейшей содержательной разработки таких сложных проблем, которые в психологии сегодня именуется как «стиль человека» и «стиль жизни».

Дагаева Е.А.

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ИМИДЖ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

В большинстве теоретических работ, раскрывающих социально-психологическую природу имиджа, делается акцент на неадекватности имиджа явлениям и процессам, имеющим место в реальной жизни (Андреева, 2010; Богданов, Зазыкин, 2004). Однако в последние годы наметились новые методологические подходы к рассмотрению имиджа, опровергающие абсолютизацию его манипулятивной природы. Динамично развивающимся методологическим подходом к изучению имиджа является акмеологический подход. Эвристическая ценность акмеологического подхода состоит в том, что он включает в себя показатели профессионализма и компетентности, способность личности к самопознанию, саморазвитию, самосовершенствованию, самореализации.

Развиваемый Е.Б. Перельгиной на основе акмеологического интересубъектный подход является одной из наиболее удачных попыток преодолеть антигуманистическую объектную парадигму в изучении имиджа. Согласно автору, в основе имиджа «лежит активная и целенаправленная деятельность субъекта имиджа, ориентированная на его самопознание, самовыражение и самосовершенствование в индивидуальном, личностном и профессионально-деятельностном аспектах» (Перельгина, 2002).

В свете анализируемой проблемы интерес представляет точка зрения Т.Ю. Быстровой. Основываясь на терминологической связи слов *imago* и *image*, автор пытается провести параллель между природным явлением *imago* (хитиновый покров, оболочка насекомых, взрослое животное) и *image* – имиджем как социально-коммуникативным явлением. Как «имаго» в животном мире в наибольшей степени служит узнаванию и выживанию,

так и «имидж» в социальной среде выполняет функцию символического опознавания и адаптации. Имидж работает как инструмент воздействия на соответствующие аудитории: он обеспечивает узнавание и принятие в своей среде, а также проводит черту между «своими» и «чужими». Имидж выступает как своего рода «метка», маркировка социального пространства, что доказывает его знаковую, символическую природу.

Что касается второго значения *imago* – достижение половозрелого состояния, взросления, то Т.Ю. Быстрова обращает внимание на то, что слово «взросление» маркирует какой-то рубеж, границу. Именно такая трактовка позволяет автору оспаривать широко бытующие представления об имидже как обмане, красивой упаковке, скрывающей пустоту. По мнению Т.Ю. Быстровой, «имиджу не грозит стать “мыльным пузырем” даже в тех случаях, когда кто-либо желал бы воспользоваться его внешними достоинствами с неблагоприятными целями. До какой-то степени имидж повторяет очертания владельца и оказывает на него обратное воздействие» (Быстрова, 2007). Данный аспект заслуживает особого внимания, так как диаметрально образует угол зрения на имидж: из инструмента манипуляции он превращается в средство развития и совершенствования личности. Следуя логике автора, в имидже как социокультурном феномене заложен значительный развивающий потенциал. Это не только форма социального поведения, средство влияния на социум и адаптации к нему, но и стратегия саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, значимым достижением последних десяти лет в изучении имиджа как социально-психологического феномена можно считать переход от манипу-

лятивной объектной парадигмы к гуманистической интерсубъектной, начало которой было заложено работами А. Маслоу, Р. Мэя, К. Роджерса, Э. Фромма и др. Данная

тенденция четко прослеживается в работах Т.Ю. Быстровой, Е.Б. Костенко, Е.Б. Перельгиной, И.П. Шкуратовой и др.

Де Лонг М.П.

Киевский национальный торгово-экономический университет, факультет финансово-банковского дела, Киев, Украина

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ ГЛУБИН ПСИХОЛОГИИ И ВЕРШИН ФИЛОСОФИИ

В зависимости от способов взаимодействия индивидуального сознания и коллективного сознания находятся возможности определения и классификации различных форм индивидуальных и коллективных сознаний. Особенно в отношении форм коллективного сознания в философии, социологии, социальной психологии существует множество определений таких идеальных образований, как «национальное сознание», «классовое сознание», «политическое сознание», «религиозное сознание», «правосознание». Этот ряд определений можно продолжать и продолжать.

На фоне этого множества известных в современной науке определений коллективных форм сознания индивидуальное сознание часто представляется единичным и тождественным самому себе в соответствии с классическим представлением о субъекте познания как о монаде в себе или о субстанции, вечной и неизменной единице восприятия объективного бытия и собственных субъективных состояний. Такое представление о сущности субъекта познания и субъективности было сформулировано в философии Г. Лейбница и развито в философии И. Канта. Это классическое субстанционально-монадологическое понимание субъективности, природы мыслящего, познающего и сознающего Его сохранено также и в феноменологии Э. Гуссерля, несмотря на отказ феноменологии от ориентации на ценностное отношение к фактам знания и преобразования теории познания истины в теорию познания познающего субъекта.

В центре внимания феноменологической теории познания оказывается сам субъект познания, а не то объективное бытие, что им познается. Для классической философии Его субъекта познания как источник познавательной активности окружено ореолом непознаваемости. В философии Р. Декарта это предел рефлексии. И. Кант на

основании тезиса о непознаваемости «Я-апперцепции», являющейся вещью-в-себе, обосновывает теоретическую невозможность рациональной психологии как науки. В связи с этим в проекте феноменологической теории познания Э. Гуссерль предпринимает попытку вхождения в сферу «Я-апперцепции».

Тем самым использование логико-гносеологических методов философского познания природы познания становится, по замыслу основоположника феноменологического движения, средством разрешения фундаментальных проблем психологии. Теория познания становится теорией сознания. Но это не сознание, познающее объективное бытие и являющееся предметом гносеологии, не мыслящее сознание, являющееся предметом логики, и даже не чувственно-эмоциональное сознание, являющееся предметом эмпирической психологии. Это сознание, находящееся в сфере собственного бытия, еще не разделенного на чувства, мысли и когнитивные актуализации.

Недостаточность феноменологического метода как раз в том и заключается, что сфера собственного бытия сознания, поскольку в этой сфере «Я-апперцепции» сознание есть единство, если вообще каким-либо образом и познаваема, то абсолютно точно не познаваема одними лишь только логическими методами, или одними лишь только познавательно-теоретическими методами, или одними лишь только экспериментально-психологическими методами. Для такого рода познания необходима методология, сочетающая в себе достоинства логики, гносеологии и психологии, но не в виде механического набора отдельных элементов из разрозненных аналитических систем знаний, а в том же самом органическом единстве, в котором обнаруживается сфера «Я-апперцепции» в системе изначально неразделенного на чувства, мысли и когнитивные актуализации онтологического единства сознания.

Дёгтева Я.Н.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ВЗГЛЯДЫ Б.Г. АНАНЬЕВА НА ПРОБЛЕМУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В настоящее время сложно переоценить значимость изучения проблемы индивидуальности. Это во многом объясняется процессом глобализации и возникающим как следствие проникновением так называемой западной культуры индивидуализма в страны с тенденцией к коллективизму. Следует отметить, что индивидуальность не только определяет многие аспекты онтогенеза человека,

но и играет важную роль в истории человечества (Собчик, 2003). В современной психологической литературе, посвященной исследованиям проблемы индивидуальности, особое место занимает концепция отечественного психолога Б.Г. Ананьева. Б.Г. Ананьев был одним из первых ученых, которые пытались дать психологическую характеристику понятия «индивидуальность». Результатом ра-

боты школы, основанной им, стал сформировавшийся в конце 50-х гг. XX в. комплексный подход к исследованию человека, в котором в качестве предмета научного исследования выступило бытие человека как индивида, индивидуальности, субъекта и личности.

Концепция Б.Г. Ананьева построена на теоретических и экспериментальных исследованиях индивидуального развития человека и опирается на факты, полученные не только из психологии, но и из смежных дисциплин. Автор выделил четыре уровня человеческой организации, представляющих наибольший интерес для научного исследования. К их числу были отнесены индивид, субъект деятельности, личность и индивидуальность.

Каждый человек как представитель биологического вида имеет определенные врожденные особенности, такие как возможность прямохождения, например. Понятие «индивид» обозначает принадлежность конкретного человека к человеческому роду, т.е. характеризует его как носителя определенных биологических свойств. Появляясь на свет, человек включается в систему общественных взаимоотношений, в результате чего приобретает особое социальное качество – становится личностью. Это объясняется тем, что человек, включаясь в систему общественных отношений, выступает в качестве субъекта – носителя сознания, которое формируется и развивается в процессе деятельности. В свою очередь, особенности развития вышеуказанных уровней характеризуют неповторимость и

своеобразие конкретного человека, определяют его индивидуальность.

Подводя итог, следует сказать, что в концепции Б.Г. Ананьева индивидуальность – это продукт слияния социального и биологического в индивидуальном развитии человека. Индивидуальность направляет развитие человека как индивида, личности и субъекта деятельности и является важным фактором высокой жизнеспособности и долголетия. Личность – составляющая индивидуальности, ее характеристика как общественного индивида, объекта и субъекта исторического процесса.

Если личность – «вершина» всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это «глубина» личности и субъекта.

Таким образом, индивидуальность дается человеку от природы, личность же выражает меру причастности индивида к социальному опыту. Сам Б.Г. Ананьев приводил следующий пример: «Маяковский ярче как индивидуальность, Блок крупнее как личность». Если рассматривать проблему индивидуальности с такой позиции, на первый план выступает соотношение природного и культурного в отдельном человеке (Гаврилов, 1990). Научная школа Б.Г. Ананьева, сохраняя преемственность, существует до сих пор. Впечатляющие результаты, достигнутые в рамках этого подхода, позволяют рассматривать антропоцентристскую методологию Б.Г. Ананьева как «мост в психологию XXI века».

Дерманова И.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПСИХОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Впервые о психографии как методе описания и исследования индивидуальности заявил В. Штерн. В 1911 г. он формулирует свое понимание индивидуальности как совокупности свойств разного уровня, по-разному взаимосвязанных между собой, одним из основных методов ее исследования он называет психографию. Именно психография в дальнейшем, считает он, поможет создать общую теорию индивидуальности (как целостности всех характеристик человека). В. Штерн под психографией понимал такой метод, который исходит из многообразия признаков, имеющих у человека, поскольку ее цель – создание всеобъемлющей структуры исследуемой индивидуальности.

Одним из основных вопросов, необходимых для создания психографического метода, считает он, является вопрос о структуре свойств и характеристик человека. Решение данного вопроса упирается в выявление списка признаков (единиц анализа), необходимых и достаточных для описания всех проявлений психического, и выявление взаимовлияния этих признаков.

В. Штерн выделяет разные виды психограмм: полная или частичная психограмма (по степени полноты психологических характеристик); поперечная или продольная (т.е. описывающая преимущественно сложившуюся картину либо содержание и формы индивидуального развития).

Взгляд на индивидуальность как на целостность развивается и в настоящее время. Его сторонники (в отечественной психологии это, в первую очередь, Б.Г. Ананьев (1968), В.С. Мерлин (1986), В.М. Русалов (1991); в западной – Дж. Ройс и А. Пауэлл (1985)) ориентированы главным образом на выявление структуры индивидуальности. Однако общей методологии в виде психографии индивидуальности в психологии пока не создано.

Сегодня сформировались различные подходы в исследовании индивидуальных различий. В значительной степени эти подходы отражают различные виды или аспекты психографического описания индивидуальности. Наиболее распространен диспозиционный подход – когда речь идет о свойствах, факторах, характеристиках и, чаще всего, индивидуальность представляется более или менее полным их набором, либо типологический, при котором делается попытка создания психологических типов. Кроме того, все большее место в психологии занимает стилевой подход, в рамках которого нередко индивидуальность сводится к стилям разного уровня.

Надо отметить, что разделение схем анализа на свойства и виды поведения предлагает уже В. Штерн, который рассматривает их как самостоятельные характеристики индивидуальности, требующие разных видов анализа. Наряду с этими аспектами описания современная психология все чаще обращается и к анализу субъективной

реальности человека, его Модели мира, которую можно обозначить как еще одну ось психогаммы. Каждый из используемых подходов в отдельности дает нам только частичную психогамму индивидуальности, полная же психогамма требует их соотнесения в единой структуре, причем и в продольном и в поперечном ее вариантах необходимо опираться еще и на ситуационный подход, который способствует выявлению уровню стабильности

тех или иных характеристик во времени, измерению степени устойчивости-изменчивости их в различных ситуациях, составлению схемы жизненного пути индивидуальности.

Анализ различных направлений исследования индивидуальных различий позволяет по-новому взглянуть на психогамму и расставляет новые акценты в описании целостной индивидуальности.

Дорфман Л.Я.

Пермский государственный институт искусства и культуры, Пермь

ОТ ТЕОРИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ К КОНЦЕПЦИИ МЕТАИНДИВИДУАЛЬНОГО МИРА

В настоящей работе освещается тема происхождения концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 1993, 2006, 2010; Dorfman, 1995, 2005). Она возникла на основе теории интегральной индивидуальности человека (Мерлин, 1986). В теории В.С. Мерлина интегральная индивидуальность (ИИ) рассматривалась двояко: как самостоятельная и саморегулирующаяся система, и в то же время она вписывалась в правила, требования и ожидания более широких, чем она сама, систем, прежде всего социальной и биологической систем, т.е. выступала в качестве их подсистем. Эмпирические данные поддерживали оба представления об ИИ – как самостоятельной системе и как подсистеме более широких, чем она сама, систем (например, в форме адаптации индивидуального стиля к социальным требованиям деятельности). Вместе с тем теоретические положения об ИИ как самостоятельной системе и как подсистеме других, чем она сама, систем, логически были взаимоисключающими. Это противоречие требовало своего концептуального разрешения.

Я предложил рассматривать ИИ в качестве одновременно и самостоятельной системы, и подсистемы социальной системы. Это означало, что в ИИ можно выделять и различать два ряда качеств. Один ряд ее качеств обнаруживается, когда ИИ берется как самостоятельная система. Другой ряд ее качеств обнаруживается, когда ИИ берется как подсистема социальной системы.

Главные фигуры в метаиндивидуальном мире (МИМ) – индивидуальность и люди в ее мире, индивидуальность как самость и люди в ее мире в их собственном бытии. Индивидуальность включает в свой мир людей, определяет себя в них, производит в них вклады в согласии с собственными ожиданиями и представлениями о должном и возможном. Это – одна базовая система отношений: от индивидуальности к ее миру. Мир людей, который

индивидуальность создает вокруг себя, в свою очередь, проникает в нее, так или иначе подчиняет ее собственным требованиям и нормам, писаным и неписаным правилам, стимулирует, награждает, подвергает санкциям. Это другая базовая система отношений: от мира, который создала индивидуальность, к самой индивидуальности. В базовой системе отношений от индивидуальности к миру открываются одни качества психических свойств, а в базовой системе отношений от мира к индивидуальности – другие качества психических свойств.

Положение о двойственности качественной определенности МИМ позволяет охватить тот факт, что индивидуальное свойство существует на пересечении нескольких базовых систем отношений. В разных базовых системах отношений у индивидуального свойства обнаруживается его принадлежность разным качествам. Базовые системы отношений существуют в разных плоскостях, относятся к разным способам существования, проникновение индивидуальности в мир и мира в индивидуальность совершается по разным каналам, они не сводятся друг к другу.

Принцип дополнительности приводит к пониманию относительности базовых систем отношений. Каждая из них существует так, будто она единственная и универсальная. Когда же обе базовые системы отношений берутся совместно в МИМ, обнаруживается их относительность. Они относительны в том смысле, что не являются единственными, абсолютными и универсальными. Они относительны и в том смысле, что индивидуальные свойства в одной и другой базовой системе отношений приобретают разные качества. Это возможно, если психическое явление рассматривать как результат пересечения нескольких систем, не в одной, а в нескольких плоскостях одновременно.

Ерофеев А.К.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТЕСТЫ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В исследованиях социального интеллекта, несмотря на различия теоретических взглядов, ряд авторов (Р.Е. Vernon, P.J. Sternberg, Д.В. Ушаков и другие) соглас-

ны с тем, что эта форма интеллекта связана с хорошим владением социальными техниками межличностного взаимодействия, а индивидуальные различия проявляют-

ся в особенностях поведенческих стратегий. Нами разработаны и стандартизованы методики, которые мы называем «Поведенческие тесты социального интеллекта», позволяющие выявить и количественно оценить степень выраженности некоторых индивидуальных особенностей социального интеллекта.

Тестирование включает два этапа решения интеллектуальных задач. На первом этапе все участники в течение фиксированного, одинакового для всех отрезка времени решают задачу конвергентного типа. Ответы каждого участника регистрируются в протоколах и предъявляются группе (от трех до восьми чел.; оптимальное число шесть). Задачи и время на их решение подобраны так, что участники приходят к нескольким (двум или более) решениям. Цель второго этапа – в процессе групповой дискуссии найти общее, единое, приемлемое для всех участников решение. При этом в инструкции подчеркивается, что окончательное решение каждый должен уметь самостоятельно обосновать и несет за него личную ответственность. Время, отведенное на дискуссию, равно среднему времени, которое озвучили участники, отвечая на вопрос ведущего: «Сколько времени вам (т.е. группе) понадобится на поиск общего решения?», который задается после того, как окончен индивидуальный этап работы и предъявлены различные версии ответов. Разработана формализованная методика целенаправленного наблюдения и количественный метод анализа первичных данных, позволяющие отобразить в порядковой (процентильной) шкале следующие поведенческие характеристики социального интеллекта: уровень решения задачи, уровень деловой активности, уровень притязания на лидерство, уровень влияния на групповое решение. Методики описаны в работе «Диагностический подход к

оценке человеческих ресурсов» в учебном пособии «Методы практической социальной психологии» (Ерофеев, 2004).

Описанные тесты применялись нами в комплексных обследованиях различных категорий работников: банковских служащих, сотрудников страховых компаний, промышленных предприятий (заводов тяжелого машиностроения) и руководителей разных уровней управления, работающих в компаниях, управляющих промышленными предприятиями. Кроме тестов социального интеллекта и ситуационно-поведенческих тестов достижений в этих проектах участники отвечали на опросники батареи НОРТ и проходили структурированное интервью. В этих проектах была обоснована содержательная, конструктивная и критериальная валидность тестов и разработаны стандартизованные батареи поведенческих тестов социального интеллекта, включающие от пяти до десяти тестов. Сравнительный анализ результатов тестирования различных консультационных и исследовательских проектов показал, что в условиях конкурсного отбора в кадровый резерв реальные руководители демонстрируют стратегии более высокого ранга, чем аспиранты и студенты МГУ, выполнявшие тесты в учебных ситуациях. Учащиеся МГУ превосходили руководителей по уровню результатов индивидуальной работы (т.е. по уровню первого ответа) в задачах на сообразительность, в которых не требовались знания и навыки решения задач типа «выполнение образцов работы», но в среднем их показатели по критериям «притязания на лидерство» и «активность» были ниже. Данные интервью и опросников свидетельствуют о том, что измеряемые особенности поведения кросситуативны (проявляются в различных житейских ситуациях).

Ершова-Бабенко И.В., Кривцова Н.В.

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

ПСИХОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Анализ развития проблемы субъектного самоопределения и изучение механизмов этого процесса позволяют выделить три существующих подхода (середина XX в): деятельностный, культурно-исторический, субъектно-генетический, ставших результатом развития формул С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева «внутреннее через внешнее». За каждым из этих подходов усматриваются методологические принципы, на которые также опирались представители различных направлений и научных школ в психологии. Однако до недавнего времени отсутствие единой теории самоорганизации личности и соответствующих методологических оснований приводило к многоаспектному «растаскиванию» различных сторон единого процесса личностных изменений в ходе ее становления и, как следствие, к не согласующимся взглядам и понятиям (Ершова-Бабенко, 1992; 1993) в психологии. Данная ситуация приводила к неопределенности в концептуальных позициях в изучении динамики этого процесса и к некорректному в методологическом плане анализу названной проблемы.

Это сделало актуальной нашу попытку разработать подобный подход, методологически переосмысливая проблему субъектного самоопределения в контексте тех изменений научного знания, которые характерны для конца XX – начала XXI в. (теория изменений И. Пригожина, синергетика Г. Хакена, режимы с обострением С. Курдюмова, психосинергетика И. Ершовой-Бабенко и др.). Это период обновления методологии познания сложных самоорганизующихся систем, в том числе и таких как человек, психика, личность, индивидуальность (человекомерность и психомерность), поиска новых подходов к их моделированию (Ершова-Бабенко, 2005; 2009; 2012). Модель позволяет с достаточной корректностью понять доступную восприятию действительность, преодолев расхождения между методами познания и интерпретации (Мостяев, 2004).

В данной работе при построении психосинергетической модели субъектного самоопределения личности мы исходим из концептуальной модели психосинергетики «целое в целом», в том числе «нелинейное целое в нели-

нейном целом», из концепции осевого пространственно-временного центрирования (ОПВЦ) человекомерной/психомерной среды (Ершова-Бабенко, 2008).

Основное внимание в психосинергетике уделяется изучению особенностей самоорганизации личности на различных стадиях, в различных состояниях (равновесное, неравновесное и крайне неравновесное при особом внимании к последнему); анализу особенностей динамики процесса и структуры психологического пространства-времени личности на этих стадиях и в этих состояниях, в том числе и самодетерминации информационного метаболизма в саморегулируемых и саморазвивающихся системах/средах (Кривцова, 2012); определению условий пере-

хода «параметров порядка» в «управляющие параметры» («плавающий режим», Ершова-Бабенко, 2012) в процессе личностных изменений. Саморазвитие рассматривается как адекватная потенциальность, а не только процесс реализации человеком своих возможностей и прироста личностных потенциалов в процессе субъектного самоопределения.

Это дает возможность сделать продуктивный шаг вместо преодоления противостояния различных школ и подходов, опираясь на конструктивные результаты исследований представителей разных направлений, в том числе психосинергетике, при изучении проблемы субъектного самоопределения и механизмов этого процесса.

Каишаров А.П.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ПСИХОДИАГНОСТИКА КАК НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Психодиагностика является специфической областью психологии, в рамках которой разрабатываются и используются методы распознавания и измерения индивидуально-психологических особенностей личности. Само это слово означает буквально «постановка психологического диагноза», то есть принятие квалифицированного решения о наличии психологического состояния человека (групп людей) в целом или о каком-либо отдельно взятом психологическом свойстве. В русле психодиагностики разумно поставить следующий вопрос: какова природа психодиагностических явлений психологии индивидуальности и принципиальная возможность их научной оценки?

Если касаться более частного случая в психологии индивидуальности, то одной из самых интересных областей его является психология агрессивного индивидуального поведения личности или психология агрессии. Методологической трудностью при изучении психологии агрессивного индивидуального поведения является то, что такое поведение само по себе опасно. Исследователь должен изучать агрессию так, чтобы при этом не провоцировать причинение вреда и тем более ущерба. Здесь на помощь приходят психодиагностические методы, которые позволяют формализовать изучаемое явление, объективировать его, выразить численно и тем самым сделать доступным применение мощного аппарата статистики. Роберт Бэрон и Дэбора Ричардсон в своей фундаментальной монографии «Агрессия» подробно останавливаются на ряде опросников, экспериментальных шкал и тестов, которые применяются при изучении интересующего нас феномена. К примеру, это личностный опросник А. Басса и А. Дарки (1957), Тест Ассингера, рисуночный фрустрационный тест Розенцвейга (1945), Тест руки Вагнера (1971), различные личностные шкалы измерения агрессии, к примеру, Шкала ориентации гнева (Шпилберген, Джонсон, Рассел, 1985).

В мировой психодиагностике сформулированы основные подходы, разработаны тесты (шкала Роршаха, тест тематической апперцепции, опросник «16PF» и пр.). Стимулом дальнейшего развития психодиагностики и психометрии послужили работы, в которых обосновывалось положение о том, что ситуационными, а не индивидуально-психологическими различиями, на которые, прежде всего, была нацелена психодиагностика, объясняется вариативность поведения. Это во многом спорный подход, однако большинство исследователей считают необходимым учет взаимодействия индивидуально-психологических и ситуационных переменных. Это ставит перед психодиагностикой задачу разработки новых инструментов исследования, более надежных, нежели имеющиеся сегодня.

Нельзя обойтись без точной методологии психологии индивидуальности в прикладных исследованиях, так как в экспериментах необходимо убедительное доказательство того, что в результате нововведений действительно и в нужном направлении изменяются оцениваемые психологические особенности личности или группы лиц.

Современная психодиагностика является одной из основных и наиболее перспективных форм практического приложения профессиональных возможностей психологов. Методики психодиагностики широко внедряются в профессиональный отбор и расстановку кадров, для контроля психического развития личности (с целью возможно более ранней коррекции патологий), для оптимизации процесса обучения, прогнозирования поведения, изучения личности в медицинских и экспертных целях.

Особую актуальность приобрело внедрение психодиагностических и психометрических исследований в сферу образования. Последнее время эти дисциплины тесно взаимодействуют с педагогикой и взаимно обогащают друг друга. Можно с уверенностью сказать, что за этой областью психологической науки большое будущее.

Логинова Н.А., Бочкарев Л.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В психологической науке существует три вида понимания индивидуальности. Индивидуальность – 1) совокупность индивидуальных особенностей, 2) целостная многоуровневая полисистема «человек», 3) конкретный человек со своими особенностями, неповторимой структурой, жизненным опытом, уникальным внутренним миром. Психология давно и успешно изучает разнообразные и разноуровневые индивидуальные особенности личности, в том числе темпераментальные, характерологические, интеллектуальные, мировоззренческие. На этой основе были установлены закономерности дифференциации людей, в частности нарастание индивидуальных различий с возрастом, их детерминация уникальными характеристиками жизненного пути и генетической программы, соотношение разных уровней индивидуальной структуры личности (исследования под рук. Б.Г. Ананьева и В.С. Мерлина).

Индивидуальность как объективная полисистема это проблема общей психологии. Здесь она выступает итогом индивидуального развития человека в онтогенезе и на жизненном пути. Индивидуализация, как и социализация, – закон развития личности. Как общий закон развития индивидуальность является предметом общей психологии. Но как уникальность, неповторимость она становится проблемой научной и практической дифференциальной психологии. В своем уникальном виде индивидуальность реконструируется в специальной идеографической процедуре с применением методов психографии психобиографии. Разработка идеографического подхода, психографического и психобиографического методов является насущной задачей психологической науки.

В этом плане большую ценность имеет опыт школы Б.Г. Ананьева. Здесь, начиная с 1930-х годов, активно использовали такие методы, как психолого-педагогическая характеристика личности школьников, написание психологических монографий о конкретных людях – студентах.

При этом в основу были положены персонологические идеи А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева. Под руководством Б.Г. Ананьева, как известно, проводились комплексные исследования, конечной целью, или сверхзадачей которых была индивидуальность как всеобщий закон развития человека. Апофеозом комплексных исследований мыслилась картина индивидуальности как полисистемы и индивидуального сознания как внутреннего мира личности. Индивидуальность представляется в виде хорошо организованной системы (точнее, полисистемы), в которой разнородная многоуровневая структура внутренне координирована, а функционирование ее разноуровневых и разнородных элементов синхронизировано. Сотрудники и последователи Б.Г. Ананьева фактически приобрели опыт реконструкции структуры личности, полисистемы индивидуальности на уровне индивида, собственно личности и субъекта деятельности путем сопоставления показателей основных структурных элементов конкретных персон (испытуемых) по горизонталям и вертикалям модельной структуры личности-индивидуальности. В этих сопоставлениях особое место занимают жизненные показатели, полученные биографическими методами, в том числе показатели организменной реактивности, темперамента, характера, способностей, направленности, жизненной философии.

В настоящее время коллекция психографий накапливается на кафедре психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета. В перспективе предполагается сделать теоретическое обобщение материала в теоретической системе Б.Г. Ананьева. Мы надеемся, что таким образом удастся прояснить, конкретизировать закономерности индивидуальной человеческой структуры и ее развития и, может быть, дополнить научные знания о них.

Рождественская Н.Н.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва

РОЛЬ ИНТУИЦИИ ПРИ РЕШЕНИИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Решение диагностических задач является частью различных видов деятельности, и роль диагностики в целом, как вида познания, очевидно, возрастает в условиях неопределенности и в кризисных ситуациях любого характера, что делает тему изучения индивидуально-психологических особенностей индивида в процессе решения диагностических задач особенно актуальной. В наиболее общем виде диагностика понимается как особый вид процесса познания, сутью которого является именно распознавание, а не научное познание или простое узнавание

(Ануфриев, 2006). В отличие от работы, целью которой является получение нового знания, распознавание не связано с обнаружением в науке фактов, законов или созданием нового знания. Это отнюдь не означает, что в процессе диагностики не может быть получено новое знание, просто в ней не ставится целью открытие нового знания. Главной целью диагностики было и остается распознавание частного, конкретного явления, а научное знание в рамках ее становится вспомогательным средством распознавания (Кулагин, 1994).

Одной из важнейших задач является разделение рационального и интуитивного в процессе диагностики (Ануфриев, 2009). Интуитивное мышление наиболее результативно в ситуациях неопределенности и беспорядка. Но каждая проблемная ситуация сопряжена с выбором одного решения из нескольких, которое помогло бы достойно выйти из нее, «не потеряв лицо». Сам выбор может быть осознанным – путем скрупулезного сопоставления всех «за» и «против», но может быть неосознанным, спонтанным, интуитивным. Осмысление каждого из вариантов, их перебор и остановка на одном из них – требующая какого-то времени мыслительная работа, а это не всегда приемлемо. Интуитивное озарение обычно посещает нас после длительной работы подсознания, в процессе которой включается ассоциативное мышление. Озарение сопровождается, как правило, ощущением эмоционального подъема, радостью и моральным удовлетворением (Науменко, 2000).

Существует прямая зависимость: чем выше способность индивида к интуитивному мышлению, тем проще ему принимать решения в нестандартных ситуациях (Скок, 1987). Это в полной мере относится к ситуациям решения диагностических задач.

Для доказательства этого положения исследованию подверглись факторы, влияющие на проявление интуиции при решении диагностических задач. При этом главным

постулатом был тот, что интуиция есть использование индивидом личного неосознанного обобщенного опыта, который он не может объяснить рационально именно потому, что опыт является неосознанным. Предметом исследования стали психологические особенности личности при решении диагностических задач. В ходе исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1) проявления интуиции индивидуально вариативны в зависимости от социально-психологических факторов;

2) фактор интернальности-экстернальности влияет на проявление интуиции;

3) уровень развития интуиции связан с уровнем эмпатии индивида;

4) индивид, способный к проявлениям интуиции, более успешен в профессии и работе, он в большей степени удовлетворен результатами своей работы и своим социальным положением.

Связь между способностью к интуитивному мышлению и результативностью выполняемой работы не вызывает сомнений. Способный не только к скрупулезному анализу, но и к творческим озарениям диагност полезен как профессионал, потому что может мыслить в двух интеллектуальных плоскостях – рационально-логической и интуитивной. Описанные качества являются важными составляющими процесса решения диагностических задач в различных видах деятельности.

Садретдинова Э.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Каждый индивид развивается в соответствии и соответственно своим индивидуальным особенностям и создает свое пространство вхождения в историю и культуру, свое видение ценностей и приоритетов познания.

В.С. Мерлиным и его научной школой было установлено, что индивидуальный стиль деятельности начинает формироваться в дошкольном возрасте. В игровой деятельности у ребенка формируется воображение, которое заключает в себе и отлет от действительности, и проникновение в нее. Способности к преобразованию действительности в образе и преобразованию ее в действительности, к ее изменению закладываются и готовятся в игровом действии. В игре все стороны детской личности формируются в единстве и взаимодействии. По результатам исследований Л.А. Вяткиной, Э.В. Штimmer, Э.И. Маствилискер, Л. Сивак были выявлены следующие индивидуальные стили игровой деятельности старших дошкольников: 1) ориентировочный (дети, которые прежде чем начать действовать, обдумывали, осматривали, обследовали предложенные им предметы, и только затем приступали к практическому выполнению задания); 2) исполнительный (те дети, у которых преобладали исполнительные действия без заметных ориентировочных проб, отсутствовал подготовительный этап, и в процессе выполнения были многократные пробы, ошибки, силовые попытки); 3) смешанный стиль (дети, у которых исполнительные действия были слиты с ориентировочными). Со-

гласно фактам, установленным в целом ряде исследований в лабораториях В.С. Мерлина, Е.А. Климова, существует зависимость индивидуального стиля от свойств общего типа нервной системы, в том числе и от силы возбудительного процесса: дети с сильной нервной системой предпочитают работать вторым типом индивидуального стиля деятельности, то есть исполнительным, если говорить об игровой деятельности, лидерским в общении и скоростно-силовым в моторной активности, а детям со слабой нервной системой свойственен, соответственно, первый ориентировочный, подчиненный, точностный стиль.

Исследования показали, что в играх дети вступают в такие отношения, которые в других условиях им недоступны. Это отношения взаимного контроля, соподчинения, взаимной помощи. Таким образом, в своих играх дети вступают в более сложные взаимоотношения в их реальной коллективной жизни. Под влиянием коллективных игр у детей воспитываются нормы коллективного поведения, которые затем переносятся детьми и за пределы игры, становясь общими нормами их поведения. В этих условиях уже на уровне дошкольного возраста у детей появляются ростки осознания себя как членов определенного коллектива, чувство «Мы».

У дошкольников старшего возраста индивидуальный стиль в образовательной среде можно целенаправленно формировать в процессе психолого-педагогического сопровождения игровой деятельности в условиях дошколь-

ных образовательных учреждений (ДОУ). Отсутствие в психолого-педагогической работе ДОУ учета индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников может вызывать возникновение внутренней (когнитивной и эмоциональной) диссинхронии психического развития дошкольников. Диссинхрония понимается как рассогласованное состояние систем взаимосвязанных психических

явлений, несбалансированность когнитивного, эмоционального, соматического и других компонентов психического развития. Психолого-педагогическая технология профилактики диссинхронии психического развития старших дошкольников базируется на своевременном адекватном выявлении индивидуального стиля игровой деятельности в образовательной среде.

Труфанов С.Н.

Самарская государственная академия культуры и искусств, Самара

КЛАССИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В. ГЕГЕЛЯ О ДУХЕ ЧЕЛОВЕКА: О ДУШЕ, СОЗНАНИИ, САМОСОЗНАНИИ, РАЗУМЕ, ИНТЕЛЛЕКТЕ, ВОЛЕ, СВОБОДЕ

Учение Г.В.Ф. Гегеля о человеке является классическим не только потому, что в нем в последовательном порядке рассматриваются все особенные формы человеческого духа, но и потому, что разработано оно было в рамках его «Энциклопедии философских наук». А это произведение занимает особое место в истории интеллектуального развития человечества. Если в обычных энциклопедиях все те понятия, посредством которых мы осмысливаем мир и передаем друг другу информацию, выстроены в простом алфавитном порядке, то в «Энциклопедии» Гегеля они систематизированы по принципу логической преемственности их смысла. В силу данного принципа понятия распределились по своим местам, благодаря чему каждое из них раскрылось во всем богатстве своего содержания. Выражаясь современным языком, Г. Гегель впервые описал дерево понятий нашего естественного человеческого разума. Не менее важным является также то, что сделал он это весьма своевременно. В годы его жизни научное знание находилось как раз на том уровне развития, когда работу по созданию всеобщей системы понятий уже не только пора было начинать делать, но еще и можно было сделать. В более поздние сроки проделать ее никому бы уже не удалось. В условиях начавшегося с середины XIX в. лавинообразного роста знаний эта задача стала превосходить возможности человеческого разума, не говоря уж про наше время.

Согласно учению Г. Гегеля о человеке, формирование духа людей происходит в процессе их взаимодействия с

окружающим миром. Проявляющееся в ходе этого всеобщее свойство животных к активному чувственному восприятию предметов природы служит тем каналом, через который в каждого из нас поступают многообразные ощущения. Из таких первичных ощущений образуется все дальнейшее содержание нашего духа. Само отношение взаимодействия человека с окружающим миром содержит в своем интенсивном развитии три ступени. Согласно этим ступеням, в каждом человеке существуют следующие формообразования его духа.

1) наше непосредственное чувственное единство (слитность) с внешним миром дает нам наличие души;

2) отношение противоположности человека к внешнему миру дает наличие сознания;

3) содержательное единство человека с окружающим миром проявляется, собственно, как дух, выступающий в двух формах:

а) теоретической деятельности – как интеллект;

б) практической деятельности – как воля.

Способом реализации всех форм человеческого духа является свобода. В своем учении о человеке Г. Гегель сугубо рационалистических позиций раскрыл все перечисленные выше понятия (души, сознания, самосознания, разума, интеллекта, воли, свободы). Показал функцию каждой из этих форм в системе деятельности единого в себе человеческого духа. Именно такой развернутой и вместе с тем целостной (комплексной) концепции человека недостает современной науке.

Челнокова Е.А.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТА

Построение и внедрение индивидуальных образовательных траекторий студентов возможно при условии осуществления ими в процессе учебной деятельности логически обоснованной цепочки выборов, которые приводят к запланированному результату. Можно выделить следующие этапы формирования индивидуальной образовательной траектории студента. 1-й этап – аналитический: самостоятельная или с помощью преподавателя диагностика индивидуально-личностных особенностей и уровня

сформированности компетенций студентов, необходимых для осуществления видов учебной деятельности, свойственных данной образовательной области или ее сегмента; 2-й этап – конструкторский: совместное с преподавателем фиксирование каждым студентом образовательного содержания, целью которого является обозначение предмета дальнейшего познания с учетом общих для всех образовательных стандартов; 3-й этап – контролирующий: выявление индивидуальных и общих образовательных

продуктов деятельности, фиксация и классификация применяемых репродуктивно усвоенных или творчески созданных видов и способов деятельности.

Индивидуальная траектория образования определяется как результат реализации личностного потенциала студента через осуществление соответствующих видов деятельности, в процессе которого студенты реализуют следующие права и возможности: право на выбор или выявление индивидуального смысла и целей в каждом учебном курсе, теме, занятии; право на личные трактовки и понимания фундаментальных понятий и категорий; право на составление индивидуальных образовательных программ по изучаемым дисциплинам на семестр или курс; право выбора индивидуального темпа обучения, форм и методов решения образовательных задач, способов контроля, рефлексии и самооценки своей деятельности на основе знания своих индивидуальных особенностей; опережение или углубление осваиваемого содержания учебных кур-

сов; индивидуальный выбор дополнительной тематики и творческих работ по предметам.

Реализация индивидуальной образовательной траектории требует предоставления студенту возможностей в определении индивидуального смысла изучения учебных дисциплин; в постановке собственных целей в изучении данной темы или раздела; в выборе оптимальных форм и темпов обучения; в применении способов учения, наиболее соответствующих его индивидуальным особенностям; в рефлексивном осознании полученных результатов, в осуществлении оценки и корректировки своей учебной деятельности. Педагогическая деятельность в данном контексте заключается в развитии личности каждого студента на основе учета его индивидуальных качеств, в научении самостоятельно планировать жизненный путь и индивидуальную образовательную траекторию, разрешать проблемные ситуации, что неизбежно положительно скажется на качестве подготовки специалиста.

Черемошкина Л.В.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К факторам, оказывающим влияние на формирование когнитивных способностей субъекта интернет-активности, относятся: длительность и систематичность интернет-деятельности; вид (характер) интернет-деятельности; отношение личности к интернет-деятельности; уровень развития познавательных способностей субъекта, вовлекающегося в данную деятельность. Исследования мнемонических, мыслительных и аттенционных способностей 8–9-летних, 10–12-летних и 14–16-летних Интернет-активных школьников, 18–20-летних интернет-активных студентов, а также взрослых (25–40-летних) пользователей Сети и «жителей» киберпространства свидетельствуют о влиянии интернет-деятельности на их познавательные способности (Cheremoshkina, 2011, Cheremoshkina et al., 2010).

1. Продуктивность мыслительных способностей 8–9-летних и 14–16-летних интернет-активных школьников значимо отличается от соответствующих показателей мыслительных способностей менее активных пользователей данного возраста. 2. Эффективность и качественное своеобразие мнемонических способностей 14–16-летних интернет-активных школьников, 18–20-летних студентов и взрослых пользователей (25–40-летних) значимо отличаются от соответствующих показателей групп сравнения.

В частности, продуктивность запечатления (продуктивность относительно «простых» мнемонических способностей) значимо выше у всех, указанных выше, основных групп. Скорость запоминания усложненного материала с применением каких-либо мнемонических приемов также значимо выше у интернет-активных субъектов (Черемошкина, 2010). Но при этом отчетливо проявляются следующие тенденции: а) скорость запоминания наиболее сложного невербального бессмысленного материала (эффективность применения функциональной системы

мнемонических способностей) снижается в соответствии с увеличением стажа интернет-деятельности в группах студентов и взрослых пользователей; б) в процессе увеличения стажа интернет-деятельности школьников 14–16 лет состав мнемонических приемов становится менее разнообразным, но более автоматизированным. Школьники со стажем интернет-активности до 1,5 лет реже по сравнению со сверстниками используют ассоциации, аналогии, достраивание материала. Вместе с тем зафиксировано увеличение частоты применения структурирования материала.

Аттенционные способности интернет-активных школьников 10–12 лет и 14–16 лет отличаются изменением процессуальных и результативных характеристик (Черемошкина, 2010; Кузнецова, 2011). Зафиксировано влияние длительности и систематичности интернет-деятельности на объем, устойчивость и переключаемость внимания школьников 14–16 лет. Полученные результаты исследования мыслительных, мнемонических и аттенционных способностей интернет-активных школьников 14–16 лет показывают, что «критическим» периодом, определяющим указанные выше тенденции формирования (развития и регресса) когнитивных способностей данного возраста, является период около полутора лет (Кузнецова, 2011).

Исследования познавательных и личностных процессов геймеров (школьников, студентов и взрослых) в сравнении с соответствующими показателями активных и неактивных пользователей интернет-ресурсов данных возрастных групп свидетельствуют о том, что игровая деятельность (по сравнению с познавательной и коммуникативной) оказывает наиболее заметное отрицательное влияние как на познавательные способности, так и на личностные проявления субъекта (Черемошкина, Никишина, 2008, 2009).

Чеснокова М.Г.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва

С. КЬЕРКЕГОР И ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Творчество С. Кьеркегора слабо представлено в психологической литературе. Между тем в его работах присутствует глубоко продуманная и оригинальная концепция индивидуальности, содержащая круг идей, находящихся отголосок как внутри, так и за пределами феноменологического подхода: в гуманистической психологии и у представителей деятельностного подхода. В основе взглядов С. Кьеркегора лежит представление о двух типах развития личности: эстетическом и этическом. Первый – путь непосредственного раскрытия природных особенностей и талантов человека. Второй – сознательное подчинение врожденных и приобретенных способностей задаче реализации общечеловеческого. Первое есть «игра в индивидуальность». Второе – укрепление подлинной индивидуальности.

Идеалом эстетического развития является достижение собственной исключительности. Эстетик культивирует свою случайную (природную) индивидуальность, результатом чего оказывается «гримаса, а не человек». Отношение С. Кьеркегора к исключительности (в том числе к исключительной одаренности, гениальности) сугубо отрицательное. «Быть исключением униженно для человека», пишет он (Кьеркегор, 1994). Наличие определенных преимуществ перед другими – это не предмет гордости, а выражение возложенной на человека ответственности. Эстетическое развитие, по Кьеркегору, – это даже не развитие, а движение самой жизни, в котором человек не принимает никакого участия. Он просто подчиняется необходимости данных ему внутренних и внешних условий.

Иное дело этический путь. Он начинается с момента, когда человек осуществляет выбор. Понятие выбора является центральным для экзистенциальной психологии. Однако понимание выбора С. Кьеркегором выходит за пределы как экзистенциальной, так и деятельностной интерпретации. Этический выбор не есть выбор чего-то внешнего (предмета, деятельности, социальной позиции), а значит, «сиюминутный» выбор. Это и не частный, индивидуальный выбор. Это выбор абсолютный. Это выбор

себя как человека, вносящего вклад в историю человечества, который никто и ничто уже не сможет отменить. Акт выбора есть главный момент в становлении подлинной индивидуальности. «Вот она – тайна совести, тайна индивидуальной жизни, заключающаяся в том, что последняя является в одно и то же время и индивидуальной и общечеловеческой» (там же). Актом своего выбора человек разрывает цепь необходимости. В нем он впервые выступает действующим лицом. С этого момента развитие человека становится свободным.

Свобода и необходимость у С. Кьеркегора не образуют оппозиции. Сам переход к свободному (этическому) развитию вписан в общий закон развития человеческого духа. Платой за отказ от этического выбора является меланхолия – болезнь духа. Гегелевскому принципу свободы как осознанной необходимости С. Кьеркегор противопоставляет понимание свободы как необходимости индивидуального и исторического развития.

Представление С. Кьеркегора о развитии личности является альтернативой просвещенческой концепции человека, частично заимствованной отечественной марксистской психологией и идеологией. Отправной точкой развития личности, по Кьеркегору, является не природное равенство, а природное различие между людьми. С этой точки зрения, человеческое равенство недостижимо на путях простого уравнивания внешних условий существования. Обладание всеми внешними условиями жизни делает человека зависимым от них. Желание получить и страх потерять порождают ненависть к другим, жизненависть, т.е. полную противоположность этическому идеалу Человека.

Представление С. Кьеркегора об индивидуальности противостоит и современным постмодернистским трактовкам с их абсолютизацией субъективного, личного, неповторимого. Подлинную трагедию неординарной личности С. Кьеркегор связывал не с невозможностью выразить свое индивидуальное «Я», а с неспособностью выразить собой общечеловеческое.

Шадрикова А.Д.

Российский университет дружбы народов, Москва

Шадриков В.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Более ста лет тому назад Уильям Джемс писал, что определить психологию можно «как науку, занимающуюся описанием и истолкованием состояний сознания, как таковых. Под состоянием сознания здесь понимаются такие явления как ощущения, желания, эмоции, познавательные процессы, суждения, решения, хотения и т.д.»

(Джемс, 1901). К этому сводятся и сегодня большинство дескриптивных определений психологии. Раскрытие предмета психологии и составляет одно из измерений индивидуальности. Вторым измерением индивидуальности стало обращение к свойствам нервной системы человека и определение этими свойствами индивидуальных характе-

ристик поведения человека. Данное направление хорошо изучено в школе Б.М. Теплова (Теплов, Небылицын, 1963; Климов, 1969; Голубева, 2005 и др.).

Третьим измерением индивидуальности, которое в настоящее время недостаточно учитывается в психологических исследованиях, является гормональная обусловленность поведения человека. Исследования последних лет показывают, что в различных отделах головного мозга есть рецепторы, воспринимающие воздействие гормонов. Показано, что гормоны оказывают сильное влияние на нейромедиаторы. При этом отмечается, что гормоны имеют индивидуальную меру выраженности, определяя индивидуальный характер реакции на стресс, функционирование памяти, раздражительность, проявление страха, беспокойства, состояние бодрствования. Установлено также, что низкий уровень серотонина порождает склонность к депрессии, одержимости навязчивой идеей, насилию, агрессии. Низкий уровень дофамина вызывает

шизофрению, нарушение мысленно-смыслового континуума, депрессию. Высокий уровень вызывает вспышки гнева и агрессию. Нормальный уровень дофамина делает человека доброжелательным и счастливым, внимательным и умиротворенным (мы оставляем здесь в стороне многочисленные влияния гормонов на медицинские аспекты здоровья и поведения) (источник <http://www.hormonejungle.com/depression.php>). Информации о влиянии гормонов на психические состояния и психические процессы появляется все больше. Эти данные заставляют обратить внимание на индивидуальную обусловленность поведения гормональными факторами. Психология уже не может игнорировать факт индивидуальной обусловленности поведения воздействием гормонов. И если психология занимается исследованием мыслей и чувств человека, изменчивых состояний сознания, то при этом становится уже невозможным пренебрегать третьим измерением индивидуальности.

Ясюкова Л.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

РОЛЬ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ*

Понятием «индивидуальность» подчеркивается неповторимость, уникальность каждого человека, состоящая в своеобразном проявлении и сочетании присущих людям свойств. Психология индивидуальности с момента своего возникновения противопоставляла себя психологии индивидуальных различий, подчеркивая, что ее предметом является некая уникальная целостность, а не сравнительное изучение проявлений отдельных свойств. В связи с этим адекватным и единственно возможным способом исследования до сих пор считается идеографический подход, который предложил еще В. Штерн и концептуально разработал Г. Олпорт. Идеографический метод ориентирован на исследование отдельных людей с целью познания некой уникальной психологической целостности. При его использовании подчеркивается своеобразие психологии как особой науки о человеке, которая изучает не только общие законы, но и анализирует единичное.

В отечественной психологии теоретические проблемы индивидуальности, как известно, разрабатывали В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев и В.С. Мерлин. В.М. Бехтерев писал, что каждая индивидуальность может быть различной сложности, но она представляет всегда определенную гармонию частей и обладает своей формой и своей относительной устойчивостью системы. Он считал именно гармонию частей основой индивидуальности. Благодаря Б.Г. Ананьеву в психологии закрепилось представление о развитии человека в виде лаконичного вектора: индивид – личность – индивидуальность, а также образная характеристика личности как вершины развития человека, а индивидуальности – как глубины этого развития. В.С. Мерлин ввел понятие интегральной индивидуальности и пытался исследовать закономерные взаимосвязи свойств в ее иерархической структуре, т.е. ту гармонию частей, о которой говорил В.М. Бехтерев.

В настоящее время в психологии используется как идеографический подход, так и поиск общих закономерностей, характеризующих индивидуальность. Однако исследованиям до сих пор свойственны два недостатка: изучение «взрослой», зрелой индивидуальности, а не закономерностей ее становления и развития, а также недооценка роли интеллекта в ее формировании. В психологии принято начало индивидуальности связывать с самосознанием. В структуре самосознания исследователей обычно интересует индивидуализация проявления таких свойств личности, как цели, мотивы, отношения, ценности и пр., но не изучается роль интеллекта в этом процессе. Наши исследования показывают, что возможности самосознания непосредственно зависят от развитости понятийного мышления, от способности человека выделять существенные аспекты, объективные связи, отношения в собственном внутреннем мире и использовать это для выстраивания уникальных взаимоотношений с окружающим миром, гармонизации как внутренней структуры, так и системы «я – мир».

В наших лонгитюдных исследованиях учащихся с 1-го по 11-й класс показано, что только при полноценном развитии понятийного мышления появляется возможность индивидуализации поведения детей в конфликтных ситуациях, становления их социального интеллекта, толерантности, эмоциональной устойчивости, активизации творческого потенциала, формирования системы гуманистических жизненных ценностей, развития способностей и адекватного им профессионального самоопределения. Именно полноценное понятийное мышление является условием становления и гармонизации тех компонентов личности, сочетание которых характеризует высшие уровни индивидуальности.

* Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-06-00402а)

Раздел 2

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Айдаралиева Н.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В.М. БЕХТЕРЕВА

Вопрос об индивидуальной неповторимости человека в психологической концепции В.М. Бехтерева раскрывался косвенно, в рамках проблемы личности. В его психологии личности тема индивидуальности раскрывается во взаимосвязи вопросов о телесном и психическом в человеке. Понятие «индивидуальность» в концепции ученого проявляется и на уровне индивида, и на уровне личности, характеризуя природу индивидуальной жизни человека.

В работе «Личность и условия ее развития и здоровья» В.М. Бехтерев определяет личность как «психический индивид со всеми его самобытными особенностями, индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям» (Бехтерев, 1905). При этом «самобытные особенности» личности формируются благодаря ряду факторов. Первым основным фактором является «организм человека», т.е. наследственность и те антропологические особенности, которые составляют почву для развития. Не меньшее внимание Бехтерев уделял биологическому фактору и физическим условиям. Но наиболее весомым фактором, влияющим на оформление неповторимости человека, ученый считал социальные условия. Именно социум, в котором живет человек, в большей мере влияет на его психическое, физическое развитие и даже на особенности поведения. К социально-средовым факторам происхождения индивидуальности относятся воспитание, влияние культуры, народа, близких людей: семья, друзей и т.д. Отдельно В.М. Бехтерев говорит об экономических условиях, от которых зависит благополучие организма человека.

Все факторы ученый разделял на две благоприятные, положительно влияющие, и неблагоприятные, отрицательно влияющие. Так, умеренный климат является бла-

гоприятным, а скудные экономические условия – неблагоприятным фактором.

Таким образом, индивидуальное обоснование особенностей личности Бехтерев приводит в зависимости от развития органического или социального в человеке. В этой связи ученый разделяет всех людей на эгоистов и альтруистов. В еще более частной характеристике личности им допускается выделение типов, обусловленных особенностями темперамента: деятельных, пассивных, аффективных, рассудочных.

Но действительно новым подходом в вопросе о происхождении человеческой индивидуальности стало понимание личности в концепции Бехтерева в качестве активного начала. На II съезде русских психиатров в Киеве ученый дал следующее определение личности: «кроме объединяющего начала, под личностью стоит понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека» (Бехтерев, 1905). В последующем он связывает с ней понятия «самоопределяющей активности», «самостоятельного индивидуального отношения» организма к миру и т.д. В новом подходе, которому сопутствовало понимание ученым индивидуальной переработки внешних воздействий, наследственность и среда обеспечивали только условия для роста человека. Последнее же слово оставалось за самой личностью.

Нужно сказать, что В.М. Бехтерев не создает собственную концепцию индивидуальности, где детально раскрывались бы проблемы индивидуальных особенностей человека. Но, занимаясь вопросом объективного исследования человека, он работал над методологией изучения человеческих различий. Так, с целью выявить, прежде всего, возрастные изменения психики ребенка, Бехтерев предлагал использовать детские рисунки,

в содержании которых почти всегда угадывался пол и психические особенности ребенка, а в твердости линий – особенности физического развития и т.д. В рамках предложенного им в начале прошлого столетия ком-

плексного подхода в изучении человека В.М. Бехтерев призывал учитывать комбинацию всех факторов, влияющих на формирование индивидуальности человека, не исключая личностной активности человека.

Алишев Б.С.

Казанский федеральный университет, Казань

СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Несмотря на большое внимание к проблеме ценности в современной науке, в ее изучении остаются слабые места. Существуют принципиально разные методологические подходы к проблеме; недостаточно изучается место ценностей в структуре личности и в ее жизнедеятельности; используется множество классификаций ценностей, которые иногда базируются на произвольных основаниях. Мы предлагаем классификацию, которая основана на понимании ценностей как представленных в психике и сознании (индивидуальном и групповом) функциональных связей между субъектом и объектом, которые характеризуются специфическим содержанием, субъективной интерпретацией этого содержания, мерой интенсивности, и являются конечными основаниями при определении значений (смыслов) и формировании мотивов.

При структурировании ценностей мы исходили из того, что можно выделить, по меньшей мере, три уровня ценностной регуляции. Первый уровень является фундаментальным. Ценности данного уровня характеризуют такое взаимодействие в системе «субъект – объект», в котором и то и другое представлены как нерасчлененные целостности. Иными словами, речь идет о фундаментальном соотношении «Я и Мир». Это, с нашей точки зрения, наиболее глубинный уровень системы ценностей, который определяет целостный и характерный для данной личности тип взаимодействия с окружающим миром. Второй уровень образуется ценностями тоже достаточно обобщенного характера.

В данном случае надо говорить о ценностях, соотношенных с различными сторонами жизнедеятельности человека. Все они являются функциональными в том смысле, что в них воплощаются некоторые важнейшие функции, реализуемые во взаимодействии в рамках системы «Я и Мир». Если первый уровень структуры ценностей был определен нами как фундаментальный, то

второй мы будем называть функциональным. К ним относятся такие глобальные категории, как польза, истина, красота, мощь (сила), справедливость, свобода, добро. Каждая из них обозначает некий глобальный аспект взаимодействия человека с объективным миром, аспект его биологического и социального бытия. Это – первичные функциональные ценности. Третий уровень образуется двумя блоками ценностей: ценностями – сферами взаимодействия с окружающей реальностью, присутствующими в жизни любого человека (это его личное здоровье, семья, любовь, дружба, отдых, развлечения, работа или учеба, общественная жизнь); ценностями – способами взаимодействия человека с окружающей действительностью, которые соответствуют базовым мотивам жизнедеятельности (стремление к покою, материальному благополучию, гармонии отношений, статусу, разнообразию жизни, саморазвитию, самоотдаче).

Исследование, проводившееся на базе этой модели на протяжении нескольких лет с охватом около 4000 респондентов разного пола и возраста, этнической и профессиональной принадлежности, уровня образования, показало, что ценности достаточно устойчиво разделяются на два типа, внутри каждого из которых существуют статистически достоверные положительные корреляционные связи. Ядро первого типа образуют такие ценности, как «жизнь человека», «развитие культуры и нравственности в обществе», «истина», «справедливость», «добро», «семья», «гармония отношений», «самоотдача». Второй тип основывается на следующих ценностях: «личное благополучие», «свобода», «красота», «здоровье», «любовь», «отдых (развлечения)», «материальные блага», «статус». Эти данные подтверждают идею о том, что структура ценностей конкретной личности основывается, прежде всего, на том, как ею решается основополагающий ценностный вопрос о соотношении между «Я» и «не Я».

Балл Г.А., Мединцев В.А.

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев, Украина

МОДЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТИ

Нами (Балл, Мединцев, 2010) были приложены усилия к преодолению путаницы в вопросе о соотношении в личности биологического и социокультурного содержания. С этой целью мы: а) руководствуясь системным подходом, постарались четко описывать структуру и функции

рассматриваемых систем; б) воспользовались логической концепцией (Ахлибинский, Храленко, 1989), разграничивающей свойства предмета и его качества, явно отражающие некоторые отношения между этим предметом и другим (или другими предметами).

Личность в упомянутой работе трактуется нами как такое качество лица (человеческого индивида), функцией которого является обеспечение для лица возможности быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры. В этой функции личность безусловно социокультурна. Иное дело – структура личности, выяснение которой предполагает: а) установление свойств лица, служащих компонентами личности; б) выяснение взаимосвязей таких компонентов. Свойства лица существенно различаются по роли, которую играют в их становлении и развитии факторы, характеризующие наследственность, влияния физической и социокультурной среды, а также активность лица. К качествам лица (парциальным по отношению к личности, являющейся по отношению к ним интегративным качеством) были отнесены характеристики, отражающие отдельные стороны отношения между лицом и культурой, в том числе способности лица – при их трактовке, охватывающей все его свойства (как мотивационные, так и инструментальные), существенные для овладения той или иной деятельностью, ее осуществления и совершенствования в ней.

Вместе с тем очерченной выше трактовке понятия «личность» присущи ограничения, связанные: а) с размытостью характеристик «относительная автономия» и «индивидуальное своеобразие»; б) с недостаточной «психологичностью» данной трактовки. В самом деле, то, в какой мере и каким именно субъектом культуры способно быть данное лицо, зависит не только от его психологических характеристик, но и от его физического здоровья, социального статуса, имущественного положения и т.п.

Преодолеть указанные недостатки помогает модельная трактовка культуры. Она опирается на обобщенную интерпретацию понятия «модель» (Балл, 1979), согласно которой модель – это система (материальная или идеальная), которая, благодаря структурному сходству (реальному или предполагаемому) с некоторой моделируемой системой, может быть использована как носитель информации о ней. Культура трактуется как система процессов и результатов функционирования человечества, рассматриваемых в качестве моделей. Выделяются всеобщий, особенные, личные модусы культуры – рассматриваемые в качестве моделей процессы и результаты функционирования, соответственно, человечества в целом, отдельных общностей, отдельных лиц. Лицо является репродуктором и продуцентом многих личных модусов культуры, каждый из которых может быть рассмотрен в контексте соответствующей научной отрасли. Например, в контексте правовых наук можно рассматривать личный «правовой» модус культуры: права и обязанности данного лица, историю их реализации или нереализации. Подобно этому, личный психологический модус культуры – это личный модус культуры, компоненты которого изучают в психологических науках.

Личность можно трактовать как присущую данному лицу систему характеристик (качеств и свойств) личного психологического модуса культуры. Эти характеристики (в сочетании с характеристиками других личных модусов культуры) позволяют лицу быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры.

Белова Е.С.

Психологический институт РАО, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА*

В современной психологии проблема индивидуальности неразрывно связана с проблемой раскрытия творческого потенциала личности. Проявление уникальности человека предполагает развитие его способностей, дарований. Высокий творческий потенциал, составляющий основу детской одаренности, проявляется часто уже в дошкольном возрасте. Понимание значимости дошкольного возраста как одного из важных периодов в формировании личности ребенка, развитии его общения со взрослыми и сверстниками, раскрытия детских дарований обуславливает необходимость проведения специальных исследований особенностей социального, эмоционально-личностного и творческого развития детей дошкольного возраста.

Целью нашего исследования являлось изучение социометрического статуса и особенностей общения у дошкольников с разным уровнем творческого потенциала. Базовой для исследования являлась структурно-динамическая модель одаренности (Щебланова, 2006). В исследовании приняли участие 220 детей 5–6 лет. Дети посещали детские дошкольные учреждения города Москвы. В комплексном исследовании детей использовались следующие методи-

ки: фигурный тест творческого мышления Е.П. Торренса; анализ продуктов творческой деятельности детей; наблюдения за детьми на занятиях и в условиях свободных игр; опрос родителей и педагогов; модифицированный вариант социометрической методики «Выбор в действии» (Коломинский, 1984). Критерием отбора одаренных являлись высокие результаты выполнения фигурного теста на творческое мышление (общий Т-показатель, равный или превышающий 60 баллов), а также учитывались данные наблюдений, бесед с родителями, воспитателями, анализа продуктов творческой деятельности детей.

В соответствии с задачами исследования среди всех обследованных дошкольников были выделены три группы детей, различающихся по уровню творческого потенциала: в первую группу вошли дошкольники с высоким творческим потенциалом ($T > 60$), одаренные дети, во вторую группу включены были очень способные творческие дети, их творческий потенциал был на уровне выше среднего ($50 < T < 60$). Третью группу составили дошкольники, чьи творческие возможности проявлялись слабее, уровень творческого потенциала был средний, ниже среднего или низкий ($T < 50$). Группы были равными по общему коли-

* Исследование было проведено при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00648а.

честву детей ($N = 30$), в каждой группе количество мальчиков и девочек было одинаковым.

Дошкольники с высокими творческими способностями, так же, как и их ровесники, получали разное количество выборов и оказались отнесены к разным статусным категориям. Большинство дошкольников с высоким творческим потенциалом получило три и более выборов. В статусных категориях «лидеры» и «предпочитаемые» по игровым предпочтениям оказались 60% детей первой группы, 67% детей второй группы и только 50% третьей группы, по эмоциональным предпочтениям также выделяются творчески одаренные дети и их способные сверстники (60% в первой и второй группах).

Все дошкольники проявляли желание общаться со взрослыми. Творчески одаренные дошкольники из первой группы и их ровесники из второй группы в среднем более общительны с воспитателями, чем дети из третьей группы. Все обследованные дошкольники проявляли большую заинтересованность в играх, общении со сверстниками. Значимость детской группы (статус в которой оценивался) достаточно высока для каждого ребенка, независимо от уровня творческого потенциала.

Индивидуальные различия в проявлении общительности (со сверстниками) у дошкольников перекрывают различия, связанные с их уровнем творческого потенциала.

Белоусова Р.В.

Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина

ОСОБЕННОСТИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ УРОВНЕМ КОММУНИКАТИВНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Общительность определяется как сильно развитое устойчивое стремление к общению, личному контакту с людьми. Это стремление выражается в разговорчивости, в легкости вступления в социальный контакт, в желании обменяться мыслями, впечатлениями, чувствами и отношениями к чему-либо или к кому-либо. Общительность мотивирует поведение, направляя его по отношению к определенным объектам (в том числе людям) и целям деятельности.

Коммуникативная креативность как свойство личности способствует нестандартному, нешаблонному решению ситуаций, возникающих в общении, способствует генерации оригинальных идей и способов общения, выбору оптимальных стратегий поведения, решению проблем, возникающих при взаимодействии с другими людьми.

Исходя из данных определений можно предположить, что общительность и коммуникативная креативность являются близкими по психологическому содержанию психологическими свойствами личности. Указанное обстоятельство делает интересным рассмотрение взаимодействия этих свойств личности. Построение и анализ профилей дают возможность выявить наиболее характерные отличия в специфике общительности у лиц с высоким и низким уровнем коммуникативной креативности.

Метод профилей позволил нам получить следующие профили общительности: ОПКК-max отражает профиль показателей общительности группы испытуемых с высоким значением общего показателя коммуникативной креативности; ОПКК-min – с низким его значением. Между профилями ОПКК-max и ОПКК-min наблюдается эффект почти полного «зеркального отражения» друг друга. Между всеми одноименными показателями общительности в

анализируемых профилях были обнаружены значимые различия, за исключением показателя устойчивости в общении.

Можно заключить, что лица с высоким уровнем коммуникативной креативности отличаются и высоким уровнем общительности: они экспрессивны, палитра их выразительных движений богата и разнообразна. Высокая потребность в общении определяет стремление к интенсивному общению не только в кругу хорошо знакомых людей, но и направляет подобных личностей на поиск новых знакомых, постепенно расширяя круг общения.

Коммуникативно-креативные личности отличаются легкостью поддержания социальных контактов, они свободно ориентируются в коммуникативной ситуации и так же легко выходят из нее. Такое поведение, как правило, сопровождается неустойчивостью в общении как из-за широты интересов, так и просто из-за нехватки времени на поддержание множества контактов и отношений с другими людьми. В тех случаях, когда у подобных личностей отмечаются трудности в общении, они легко с ними справляются, творчески преобразуя конфликтную ситуацию, разрешая ее в позитивном направлении.

Лица с низким уровнем коммуникативной креативности не проявляют инициативы в общении, они испытывают трудности, вступая в новые социальные контакты, общий показатель общительности у них на низком уровне, как правило, они поддерживают отношения с одними и теми же людьми, и несмотря на низкую потребность в общении, эти отношения устойчивы и долгосрочны. Когда же они общаются с людьми, входящими в их близкое окружение, они демонстрируют открытость выражения чувств, у них могут быть богатыми мимика и жесты.

Березина Т.Н., Терещенко Р.Н.

Современная гуманитарная академия, Москва

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Традиционно эмоциональную сферу человека рассматривают как объединение всех проявлений эмоциональ-

ной жизни человека. Важным достижением современной психологии эмоций является выделение интегральных

характеристик эмоциональной сферы, к которым относят: эмоциональный интеллект, эмоциональную осведомленность (Бреслав, 2007) и эмоциональную креативность (Березина, 2012). В этом аспекте эмоциональную креативность, как и эмоциональный интеллект, можно рассматривать и как сквозные характеристики эмоциональной сферы, и как способности к определенному преобразованию информации. Эмоциональный интеллект мы понимаем как интегральную когнитивную способность к пониманию и управлению эмоциями, эмоциональной информацией (Люсин, 2004), а эмоциональную креативность – как дивергентную способность к порождению новых эмоций, эмоционально насыщенных переживаний. Проанализировав различные точки зрения на эмоциональную креативность, мы пришли к выводу, что рассматривать ее следует в двух смыслах этого понятия.

В широком смысле слова эмоциональная креативность является сквозной характеристикой эмоциональной сферы, связана с дивергентным чувствованием и проявляется на всех уровнях организации эмоций. В общем смысле слова эмоциональная креативность – это способность генерировать новые эмоциональные переживания, она включает в себя эмоциональную подготовленность понимания разнообразных эмоциональных переживаний на базе предшествующего эмоционального опыта, новизну, способность переживать необычные, с трудом поддающиеся описанию эмоции, и аутентичность – умение выражать эмоции искусно и искренне и разнообразно (Эйрилл, 1991). В этом аспекте эмоциональная креативность может быть связана с эмоциональными особенностями

темперамента, характера, мотивации, с аффективными чертами личности.

В узком смысле слова эмоциональная креативность – это способность, составляющая общей креативности, и как любая способность связана с деятельностью, обеспечивает эффективность усвоения и выполнения какой-то конкретной деятельности. Необходимо рассматривать эмоциональную креативность прежде всего как способность, т.е. в ее взаимосвязи с деятельностью. Согласно определению, любая способность обеспечивает своему носителю: а) быстроту освоения этой деятельности, б) успешность ее выполнения, в) положительные эмоции. Именно поэтому эмоциональная креативность как способность должна лежать в основе какой-либо деятельности, и без нее эту деятельность освоить практически невозможно. В таком ракурсе эмоциональная креативность оказывается частью художественной креативности (по классификации Т.Н. Березиной). Художественная креативность – это способность, необходимая для того, чтобы овладеть профессиями из сферы искусства. Опираясь на этот тезис, мы предлагаем разделить художественную креативность на составляющие, соответственно видам искусства. В первую очередь сюда подойдет традиционное разделение креативности на вербальную и невербальную. Вербальная – необходима творцам в области речевого искусства: писателям, поэтам, драматургам. Невербальная – образная – необходима художникам, скульпторам. В этой связи эмоциональная креативность оказывается профессионально важным качеством артистов театра и кино, режиссеров.

Блинникова С.Л.

Военный университет МО РФ, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ПРИРОДА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Традиции рассмотрения способа понимания противоречий субъектом как относительно устойчивой индивидуальной особенности сложились при его исследовании в рамках (1) толерантности к неопределенности (Frenkel-Brunswik, 1949 и др.), противоречиям (Chan, 2004), рассогласованности (Martin et al., 1998); (2) диалектического мышления, рассматриваемого как культурно-обусловленная индивидуальная особенность (Nisbett et al., 2001; Spencer-Rodgers et al., 2004 и др.); (3) когнитивных стилей и интеллектуальных стилей (Холодная, 2002). В перечисленных направлениях изучения понимания противоречий субъектом как индивидуальной особенности представлены различные уровни стилового поведения, хотя авторами они как таковые не выделяются.

Кроме того, исследования, выполненные непосредственно в рамках стилового подхода, ограничены когнитивными и интеллектуальными стилями. Продуктивным, однако, представляется рассматривать понимание противоречий субъектом шире – как познавательный стиль, охватывающий стиловое поведение на разных, иерархически связанных между собой уровнях от кодирования информации до индивидуальной эпистемологии.

Опираясь на определение познавательного стиля М.А. Холодной (2002), диалектичность – недиалектичность познания можно рассматривать как индивидуально-своеобразный способ постижения реальности или, другими словами, предпочитаемый индивидом способ осуществления познавательной деятельности при наличии противоречий (имплицитно такая трактовка присутствует главным образом в работах Chan, 2004; Nisbett et al., 2001; Peng, Nisbett, 1999; Norenzayan et al., 2002). Диалектически-ориентированный полюс можно рассматривать как автоматизированный способ управления познанием, направленный на снятие противоречий с сохранением обеих сторон противоположности как действительно присущих объекту. Альтернативный ему – недиалектически-ориентированный полюс – подразумевает направленность познания на такое снятие противоречий, при котором одна или обе оппозиции отвергаются как ложные.

Исходя из данного определения продуктивным представляется провести различие диалектического и недиалектического познания на разных уровнях стилового поведения следующим образом. На уровне эпистемологического стиля отличие задается мировоззрением субъек-

та: для диалектически-ориентированного субъекта реальность не является четко определенной, а противоположное сосуществует во всем, ничто не является независимым, но все связано между собой, все постоянно меняется (Nisbett et al., 2001; Norenzayan et al., 2002). На уровне интеллектуального стиля диалектическое понимание противоречий отличается от недиалектического способом постановки и решения проблем – созданием целостного видения проблемы, в котором совмещаются несовместимые на первый взгляд идеи, что характерно для синтетического и идеа-

листического интеллектуальных стилей (Холодная, 2002). Среди известных в психологии когнитивных стилей можно выделить такие стили, связанные по своей сути с диалектическим пониманием, как «толерантность к неопределенности» (Furnham, Ribchester, 1995), «толерантность к нереалистическому опыту», «когнитивная простота – сложность», «полезависимость – полenezависимость», «конкретность – абстрактность концептуализации», «узкий – широкий диапазон эквивалентности» и «узость – широта категории» (Холодная, 2002).

Богомаз С.А.

Томский государственный университет, Томск

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ

Индивидуальность является многоуровневым образованием и характеризуется множеством признаков и качеств, которые в процессе деятельности могут организоваться в функциональную систему. В качестве ее важного компонента следует рассматривать подсистему, которую Д.А. Леонтьев (2007, 2011) обозначает термином «личностный потенциал» (ЛП), определяя его как интегральную характеристику психологических особенностей со сложной архитектурой.

Актуальной при проведении исследований оказывается проблема выбора оптимального набора параметров ЛП. Нами такой выбор осуществлен с учетом того обстоятельства, что в любой деятельности можно выделить ее универсальные этапы (целеполагание, планирование, реализация деятельности, контроль исполнения). В связи с этим для нас привлекательным оказался «Опросник самоорганизации деятельности», разработанный Е.Ю. Мандриковой (2007). С его помощью мы оцениваем «индекс целеустремленности», а также «индекс рациональности» (Богомаз, 2011). Эти два индекса, по нашему мнению, количественно отражают этап целеполагания и этап планирования, соответственно.

Этап контроля исполнения оценивается с помощью методики «Дифференциальной диагностики рефлексивности» (Леонтьев и др., 2009), в которой имеется три шкалы: «системная рефлексия», «рефлексия как самокопание» и «квазирефлексия». Одним из важных итогов деятельности человека является чувство удовлетворенности своей жизнью, для оценки которого используется шкала «Удовлетворенность жизнью» Э. Динера.

Ключевой оценкой ЛП в наших исследованиях является оценка степени выраженности самодетерминации с помощью шкалы «Самодетерминация личности» (Б. Шелдон, в модификации Е.Н. Осина). Кроме того, по нашему мнению, важно учитывать, что ЛП может быть в различной степени ориентирован на разные виды де-

ятельности (Богомаз, Каракулова, 2010). Их можно выявить у испытуемых с помощью опросника «Якоря карьеры» (Э. Шейн). Этот опросник был модифицирован (Богомаз, 2012), и применяется для экспресс-оценки степени выраженности ориентации на «служение», на «вызов», на «предпринимательство» и на «свободу», учет которых важен для прогнозирования успешности предпринимательской и инновационной деятельности.

Использование этого пакета методик позволило нам вычислить нормативные значения показателей: «индекс целеустремленности» $28,5 \pm 5,2$ балла, «индекс рациональности» $16,2 \pm 4,1$ ($n = 722$), «системная рефлексия» $38,4 \pm 5,6$, «самокопание» $22,5 \pm 5,3$, «квазирефлексия» $24,5 \pm 5,6$ ($n = 380$), «удовлетворенность жизнью» $24,0 \pm 6,3$ ($n = 714$), «самодетерминация» $15,5 \pm 2,4$ ($n = 345$), ориентации на «служение» $5,27 \pm 1,25$, на «вызов» $4,48 \pm 1,16$, на «предпринимательство» $4,02 \pm 1,64$ и на «свободу» $4,99 \pm 0,88$ балла ($n = 644$).

Предположительно, развитие ЛП может быть связано с субъективной оценкой средовых факторов. Для изучения особенностей этого восприятия на основе семантического дифференциала была разработана методика «Реализация базовых ценностей» (Богомаз, 2012), выполняя которую, испытуемые оценивали возможность реализации 20 базовых ценностей в городе своего проживания.

Факторный анализ результатов тестирования 172 испытуемых разного возраста с использованием пакета методик позволил выявить четыре фактора, описывающих 71% дисперсии (учитывалось 10 переменных). Во втором факторе значимыми оказались «удовлетворенность жизнью» (0,811), «индекс реализации базовых ценностей» (0,646) и «самодетерминация» (0,855). Это указывает на наличие взаимосвязи между выраженностью самодетерминации и оценкой города как среды, создающей возможности для развития.

Борисова И.В.

Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского, Брянск

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Центральной проблемой на протяжении всего развития психологии оставался вопрос о соотношении биологически заданных и социальных факторов развития личности. В большом массиве работ отечественных психологов, затрагивающих разные аспекты проблемы на уровне методологии и в прикладных исследованиях (Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.С. Шадриков и мн. др.), выработан подход, согласно которому оба фактора имеют место в процессе личностного развития, которое становится возможным лишь при их сочетании. В частности, на таком выводе строится системный подход к процессу личностного развития. Существуют данные о том, что для разных качеств личности даже в пределах одной личностной структуры соотношение роли данных факторов различно: например, одни черты характера в большей степени заданы генетически (связаны с темпераментом), другие – социально.

В ходе исследования применялись методы наблюдения и тестирования, комплекс методик исследования, направленный на достижение поставленной цели и проверки гипотезы исследования и включающий опросник структуры темперамента В.М. Русалова, личностный опросник Я. Стреляя, личностный опросник Г. Айзенка, адаптированный характерологический опросник К. Леонгарда и Г. Шмишека. Для установления связи между свойствами нервной системы и формированием характера использовался критерий корреляции Пирсона. Исследование проводилось в средней школе № 11 г. Брянска. Выборка составила 95 человек в возрасте 11–12 лет.

В ходе эмпирического исследования было установлено, что неуравновешенность или уравновешенность процессов возбуждения и торможения, протекающих в

нервной системе, создает предрасположенность к возникновению акцентуаций характера. Неуравновешенные в сторону возбуждения по сравнению с уравновешенными и неуравновешенными в сторону торможения более аффективно-экзальтированы (т.е. они легче приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние от печальных), возбудимы (т.е. им свойственна повышенная импульсивность, ослабление контроля над побуждениями и влечениями) и демонстративны (т.е. для них характерна ненасытная жажда постоянного внимания к своей особе, восхищения, сочувствия, почитания).

У неуравновешенных в сторону торможения по сравнению с уравновешенными и неуравновешенными в сторону возбуждения более выражены дистимический и застревающий тип характера. Т.е. для них чаще, чем для других групп испытуемых, характерно пониженное настроение, фиксация на мрачных сторонах жизни, склонность к формированию сверхценных идей. Неуравновешенные в сторону возбуждения и торможения по сравнению с уравновешенными являются более тревожно-боязливыми, т.е. у них более выражена склонность к страхам, повышенная робость, высокий уровень тревожности.

У экстравертов, амбивертов и интровертов большинство типов акцентуаций характера выражено приблизительно на одинаковом уровне. Наибольшие различия в проявлении характера между экстравертами и интровертами зафиксированы по аффективно-экзальтированному типу. Для экстравертов свойственен большой диапазон эмоциональных состояний, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние от печальных. Эмоционально нестабильные имеют больше скрытых акцентуаций характера, чем эмоционально стабильные.

Будакова А.В.

Томский государственный университет, Томск

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ

В основе самодетерминации личности лежит два компонента: свобода как определенная форма активности и ответственность как определенная форма саморегуляции (Осин, Леонтьев, 2008). Эмоциональный интеллект является также своего рода саморегулирующей особенностью человека. Природа данных явлений разная, при этом суть сходна – они оба способствуют развитию способности человека контролировать себя и определяют его поведение.

В связи с этим нам представилось важным рассмотреть взаимосвязь этих феноменов в выборке молодых людей. Было проведено исследование с участием 43 юношей и девушек в возрасте от 18 до 22 лет. Использовались методики: Шкала «Самодетерминация личности» (Б. Шелдон,

в адаптации и модификации Е.Н. Осина) и «Эмоциональный интеллект» (ЭИ, Холл).

В ходе корреляционного анализа была обнаружена прямая корреляционная связь между показателем самодетерминации «самовыражение» и показателями ЭИ «управление своими эмоциями» ($r = 0,418$, $p = 0,005$), «самотивация» ($r = 0,578$, $p = 0,000$), «эмпатия» ($r = 0,492$, $p = 0,001$), «распознавание эмоций других» ($r = 0,591$, $p = 0,000$), «суммарный показатель эмоционального интеллекта» ($r = 0,617$, $p = 0,000$). Это значит, что при повышении способности контролировать свои эмоции, быть отходчивым, уметь сопереживать другим людям, уметь снимать эмоциональное напряжение, у данных молодых людей нарастает уверенность, что их жизнь складывается удачно,

что она соответствует их желаниям и стремлениям. Мы предположили, что поскольку эмоциональный интеллект дает возможности контролировать и регулировать собственные состояния, влиять на состояние других людей, то его высокая степень развития придает испытуемым уверенность в собственных силах, способствуя самостоятельному выбору своего жизненного пути.

Кроме того, была обнаружена корреляционная связь между показателем ЭИ «эмпатия» и показателем самодетерминации «выбор» ($r = 0,417$, $p = 0,005$). Это говорит о том, что способность к эмпатии, к сопереживанию, к чувствительности к эмоциональному состоянию других, очевидно, способствует повышению уверенности у данных юношей и девушек в том, что они могут осуществлять выбор в своей жизни, и принятию ответственности за этот выбор. Были также обнаружены взаимосвязи между суммарным показателем самодетерминации и показателями ЭИ «самотивация» ($r = 0,390$, $p = 0,010$), «эмпатия» ($r = 0,510$, $p = 0,000$), «распознавание эмоций» ($r = 0,399$, $p = 0,008$), «суммарный показатель эмоционального интеллекта» ($r = 0,433$, $p = 0,004$).

Следовательно, рост способности у молодежи к эмпатии, к пониманию эмоций других людей, способности их менять, и, в целом, рост эмоционального интеллекта как возможности человека справляться с эмоциональными явлениями жизни соответствует росту способности молодежи быть творцами собственной жизни.

Полученные данные говорят о том, что у наших респондентов повышение способности контролировать свое эмоциональное состояние, быть способным отойти от отрицательных переживаний и заняться актуальными делами способствует повышению осознания ответственности за свою жизнь и осуществляемые выборы.

Способность респондентов быть внимательным к эмоциональным состояниям других людей, умение помочь им в стрессе, также приводит к уверенности в том, что они являются творцами собственной жизни и сами определяют свое будущее. Таким образом, можно предположить, что эмоциональный интеллект является своего рода условием, способствующим развитию самодетерминации.

Василевская К.Н.

Психологический институт РАО, Москва

Жукова М.Л.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ КАК СПОСОБ ДИАГНОСТИКИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЭТАПА ВОЗРАСТНОГО РАЗВИТИЯ

Термином «жизненный сценарий» описываются ожидания относительно времени и содержания ключевых событий в идеализированном течении жизни, свойственные представителям данной культуры (Janssen, Rubin, 2010). Предпосылки изучения жизненных сценариев следует искать в социальной психологии – в понятиях «социальный факт» (Э. Дюркгейм) и «социальные представления». Суть этих явлений заключается в том, что можно выделить социально разделяемые, не зависящие от отдельного субъекта убеждения и установки, способы действия и образцы поведения.

Для изучения жизненных сценариев нами была использована методика (Berntsen, Rubin, 2004), в которой каждый испытуемый должен был указать по семь основных событий в типичной жизни человека его пола и возраста, рожденного в той же стране. Показательным является тот факт, что основные категории, включаемые в жизненные сценарии российскими и датскими испытуемыми, схожи, различия же касаются оценки важности и возраста наступления тех или иных событий. Для дальнейшего исследования испытуемые (1530 испытуемых в возрасте 15–60 лет, распределение не отличается от нормального) были разделены на пять равных возрастных категорий с помощью процедуры «категоризация» статистического пакета SPSS 20.0. Полученные категории охватывают возраста: 15–21, 22–25, 26–30, 31–40 и 41–60 лет.

Обнаружено, что репертуар событий типичного жизненного сценария остается стабильным в разных возрастных этапах, но меняется приоритет и оценка важности от-

дельных категорий. Например, группа испытуемых 15–21 года реже упоминает «Брак» и «Рождение детей», чем в среднем по выборке, но называют категории «Любовь/Свидания», «Разочарование» и «Смена ценностей» гораздо чаще остальных возрастных групп.

Этот результат вполне соответствует возрастной периодизации по Э. Эриксону, который выделял установление интимности и поиск идентичности в качестве возрастных задач юношеского возраста. В 15–21 год актуальными категориями являются «любовь», «окончание школы» и «поступление в вуз». В группе 22–25 лет существенно повышается частота упоминания категорий «Брак», «Рождение детей» и «Институт». В группе 26–30 лет повышается значимость категории «Профессия/работа/карьера», появляется категория «Свое жилье». В 31–40 лет расширяется социальная сфера жизни человека, и в его представления о типичной жизни включается «политические события». Представители группы 41–60 лет показывают снижение значимости категории «Друзья» и ориентацию на семейные и социальные ценности в такой последовательности: дети, брак, школа, институт, профессия, любовь, детство, внуки.

Таким образом, специфика возрастных задач оказывает влияние на представления об «обычной» жизни. Убеждения же становятся мотивом поведения (Л.И. Божович), то есть, в соответствии с жизненными сценариями субъект планирует свое будущее и осмысляет воспоминания о прошлом. Другими словами, изучение жизненных сценариев может служить способом индивидуальной диагно-

стики периода возрастного развития человека. Кроме того, выявлено социальное и социоэкономическое влияние на представления испытуемых о типичных событиях жизни человека. Так, респонденты с высоким уровнем удовлетворенности своей жизнью оценивают более вероятными

такие события, как «приобретение своего жилья», «самостоятельность», «успех и достижения целей», «создание своего бизнеса» и т.д. Жители экономически неблагоприятных регионов России не упоминают категории «успех и достижение целей».

Василенко И.А.

Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЩИТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Настоящее исследование направлено на изучение качественных характеристик эмоциональности и формально-динамических параметров общительности детей от семи до десяти лет. С позиций континуального подхода под эмоциональностью понимается интегральное, структурное образование личности, характеризующееся сочетанием ее разноуровневых показателей. Эмоциональный облик каждого человека представляет собой специфическое сочетание четырех основных, дискретных модальностей: «радость» (Р), «гнев» (Г), «страх» (С), «печаль» (П). Доминирование одной или нескольких модальностей составляет индивидуальный тип эмоциональности, соответственно, мономодальный или полимодальный (Санникова, 1995).

Общительность рассматривается как вид психической активности, как устойчивое свойство индивидуальности ребенка, который имеет сложную структуру. Среди его показателей выделяются: потребность в общении (ПО), инициативность (И), широкий круг общения (Ш), легкость (Л), устойчивость (В) и выразительность, с которой ребенок общается с другими людьми (В); эти показатели являются биполярными (Санникова, 1995). Установлено также, что характеристики общительности, которые принадлежат к разным полюсам каждого показателя, специфическим образом проявляются у детей младшего школьного возраста: если потребность в общении является ведущим компонентом на всех этапах развития человека, то, в отличие от взрослых, еще одним ведущим компонентом общительности у младших школьников является не инициативность, а легкость в общении (Василенко, 2005).

Для диагностики эмоциональности и общительности детей младшего школьного возраста разработаны и апробированы авторские методики (Санникова, Василенко, 2002). В обследовании приняло участие 350 детей обо

пола. Результаты корреляционного анализа выявили закономерные связи между качественными показателями эмоциональности и формально-динамическими параметрами общительности. Доказано, что при устойчивости эмоциональности даже в случае изменения типов эмоциональности (склонности к переживаниям эмоций определенной модальности) соответственно изменяется и специфика общительности. Характер этих связей сохранялся на протяжении всего хода исследования и совпал с результатами, которые получены в других исследованиях. Это дает возможность утверждать, что характер связей между обозначенными феноменами является постоянным.

В результате качественного анализа данных были выделены устойчивые типы эмоциональности у детей младшего школьного возраста. Доказано, что детям с определенным типом эмоциональности присуща определенная структура показателей общительности, таким образом, эмоциональность определяет индивидуальную специфику общительности и в младшем школьном возрасте через структурирование системы ее показателей. Установлено, что определенному типу эмоциональности свойственна определенная специфика общительности.

В работе показано, что существуют определенные взаимосвязи между качественными параметрами эмоциональности и формально-динамическими показателями общительности. Результаты пролонгированного исследования на протяжении двух лет, сравнения результатов полученных в начале и в конце исследования, показало отсутствие значимых различий между показателями общительности и эмоциональности. Этот факт свидетельствует не только об устойчивом характере связей между эмоциональностью и общительностью, но и о том, что тип эмоциональности ребенка является относительно стабильным.

Венцова Т.Б.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

РОЛЬ ЭНДОГЕННЫХ СВОЙСТВ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Исследование индивидуальности является одним из актуальных направлений психологии личности, поскольку результаты этих исследований служат основой для решения многих прикладных задач. Индивидуальность мы

понимаем как целостное интегральное образование, совокупность всех индивидуальных свойств, принадлежащих к различным иерархическим уровням ее структуры (Мерлин, 1986; Русалов, 1986;1991). Предметом нашего

исследования, выполненного в рамках концепции интегральной индивидуальности, является изучение связей между свойствами психодинамического уровня индивидуальности и личностными свойствами. В частности, рассматривается роль некоторых эндогенных свойств в процессе становления индивидуально-личностных свойств. Эндогенные свойства мы понимаем как конституционально-обусловленные (А.Ф. Лазурский), относящиеся к формально-динамическому аспекту психики (Мерлин, 1986), логико-телесные (Русалов, 1986). Согласно нашей рабочей гипотезе, роль этих свойств сводится к тому, что они облегчают либо затрудняют формирование социально обусловленных свойств, относящихся к содержательному (логико-предметному) аспекту психики. Приведем эмпирические данные, которые были получены на нескольких студенческих выборках.

1. Изучалась связь свойств нейropsychологического уровня индивидуальности (тест Стреляу) с психодинамическими свойствами (тест Шмишека). Значимыми оказались связи дистимности с силой торможения и гипертимности с неуравновешенностью (преобладание возбуждения по силе).

2. На нескольких выборках изучалась связь типов акцентуаций и экстраверсии-интроверсии. Оказалось: с интроверсией статистически значимо связана дистимность, с экстраверсией – гипертимность. Остальные связи статистически не значимы. На некоторых выборках оказалась значимой связь экстраверсии и эмотивности.

3. Изучалось самосознание (тест исследования самоотношения С.Р. Панталева) дистимной личности (тест Шмишека). Прослеживается связь показателей самоотношения и уровня выраженности дистимности. Приведем значения корреляции дистимности со шкалами теста самоотношения: самоуверенность $r = 0,47$, саморуководство $r = 0,59$, отраженное самоотношение $r = 0,64$, самооценочность $r = 0,61$, самопринятие $r = 0,46$, самопривязанность $r = 0,33$, внутренняя конфликтность $r = 0,56$, самообвинение $r = 0,56$. Все коэффициенты значимы на 1% уровне, кроме самопринятия и самопривязанности, значимых на 5% уровне. Использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Если учесть, что дистимность коррелирует с силой торможения, можно сделать вывод о влиянии эндогенных свойств на самоотношение (для данного рассмотренного случая). Эндогенные свойства являются одним из факторов формирования индивидуально-личностных свойств. В условиях снижения влияния социального фактора эндогенные свойства могут стать определяющими в процессе формирования личностной индивидуальности. При достаточно сильном влиянии воспитания (средового фактора) эндогенные свойства являются лишь условием, облегчающим или затрудняющим формирование индивидуально-личностных свойств. Применительно к рассмотренному нами примеру это означает, что дистимикам необходима доброжелательная атмосфера, благоприятные жизненные обстоятельства, при наличии которых они способны на большие достижения.

Виноградов А.Г.

Национальный университет «Киево-Могилянская Академия», Киев, Украина

ПСИХОМЕТРИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Потребность в качественных инструментах диагностики личности существовала всегда, однако именно сейчас она приобретает особую остроту в силу возрастания роли психологических тестов в отборе персонала, организационном консультировании, самопознании и саморазвитии. Проблема заключается в том, что теоретической основой большинства личностных тестов является теория черт, имеющая существенные методологические ограничения для построения психологической модели конкретного человека на всех этапах оценивания, начиная со сбора данных и заканчивая планированием изменений. С моей точки зрения, разработку отечественных личностных тестов следует базировать на более современной теоретической и методологической основе – социально-когнитивном подходе. Одним из преимуществ личностной диагностики с позиций социально-когнитивной теории является ее ориентация на идеографическое описание конкретного человека в реальном жизненном контексте. Для того чтобы данное направление было конкурентоспособным не только в теоретическом плане, необходимо, как указывал Д. Сирвон, разработать в его рамках собственную теорию диагностики (Cervone et al., 2001). Полагаю, что необходимым условием является также создание и собственной психометрической теории, обеспечивающей адекватное количественное описание уникальных свойств индивида.

Предложенное У. Мишелем и др. понятие «поведенческой сигнатуры» (профиля, описывающего проявление у индивида определенного типа поведения в зависимости от набора ситуационных условий) и исследование стабильности сигнатур (Shoda, Mischel, Wright, 1994) позволило мне разработать ряд показателей надежности и валидности психологической методики на индивидуальном уровне. Индивидуальная надежность-стабильность может быть вычислена как мера сходства двух профилей поведения испытуемого, полученных в разные моменты времени. Этот метод можно применять не только к поведенческим сигнатурам, но и к данным, полученным при помощи традиционных личностных тестов, что дает возможность выявлять испытуемых с низким уровнем «очерченности» (traitedness). Аналогом надежности-эквивалентности на индивидуальном уровне можно рассматривать меру сходства двух профилей матричного теста, созданного на основе общей порождающей формулы. В качестве показателей индивидуальной внутренней согласованности я предлагаю использовать интраклассовые коэффициенты корреляции, а также вклад индивида в общий показатель α Кронбаха.

Проведенные мной исследования говорят и о перспективности индивидуальных показателей критериальной валидности как меры связи наблюдаемого поведенческо-

го профиля с профилем критериальных показателей. Так, усредненный ипсативный коэффициент корреляции профиля «Большой пятерки» с экспертными оценками на выборке студентов составил 0.603 при первом и 0.631 при втором тестировании. При этом ряд испытуемых имел индивидуальные показатели валидности, близкие к нулю, что говорит о невозможности прогнозирования их поведе-

ния на основе данных тестирования. Методы конджойнт-анализа могут применяться затем для поиска факторов, оказывающих влияние на поведение отдельных испытуемых. Поскольку критериальный профиль может быть сгенерирован на основании индивидуальной модели, предлагаемый подход открывает перспективу построения и проверки количественных теорий конкретных людей.

Глотова Г.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ И СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК

В рамках культурно-деятельностного подхода выделяются смысловые, целевые и операциональные установки (Асмолов, 1979), которые определяют, на что ориентируется человек – на смыслы своей деятельности, на конкретные цели или на условия, в которых ему необходимо достичь поставленных целей. При этом на каждом из уровней этих неосознаваемых установок существуют индивидуальные различия, проявляющиеся в различном стиле выполнения деятельности, действий и операций. В исследовании, проведенном нами совместно с А.П. Касатовым, эффекты установки операционального уровня оценивались без прерывания деятельности (например, испытуемые оценивали величину 10 кругов от 1 до 10 см в диаметре, предъявлявшихся в порядке возрастания) с последующим нахождением экспоненты степенной функции С. Стивенса. Результаты, полученные на выборке 211 студентов-психологов, показали, что оценки величины 2-го круга диаметром 2 см, следующего за 1-м кругом диаметром 1 см (принят за 1), варьировались от 2 до 10, а оценки 10-го круга варьировали от 8 до 700. Эти данные были сопоставлены с расчетными отношениями между 2-м и 10-м кругами для различных параметров: для диаметра и длины окружности отношение равно 5, для площади круга и поверхности шара – 25, для объема шара – 125. Анализ позволил предположить существование «одномерных» (у 57,8% испытуемых), «двухмерных» (у 12,3%) и «трехмерных» (у 2,11%) стилевых операциональных установок (у остальных испытуемых были отмечены смешанные варианты вышеуказанных установок).

Наряду с этим, на различных заданиях, актуализирующих установки операционального уровня, были выделены также установки «центростремительные» (приращения в оценках последующих стимулов становятся относительно все меньшими в сравнении с эталонным рядом) и уста-

новки «центробежные» (приращения в оценках становятся относительно все большими); установки устойчивые (сходным образом проявляющиеся в «установочных задачах» разного типа) и изменчивые (зависящие от особенностей заданий и используемого стимульного материала); установки на приписывание стимулам чисел (баллов) в арифметической прогрессии и в геометрической прогрессии; как отдельную стилевую установку можно рассматривать также установку на оценку стимулов с использованием только целых чисел либо с использованием целых и дробных чисел. Силевые установки операционального уровня могут быть как относительно однородными, так и смешанными.

Индивидуальные стилевые различия имеют место и на уровне смысловых установок, связанных с мотивами деятельности человека, в частности, с мотивами «достиженческой» деятельности (Гордеева, 2006). В исследовании по изучению мотивации достижения, проведенном нами совместно с О.С. Виндекер, было показано на экспериментальном материале, что индивидуальные различия могут проявляться: 1) в преобладании мотивации адаптации, связанной с ориентацией на социальные критерии достижений и одобрение, либо мотивации трансценденции, направленной на самоактуализацию вне зависимости от наличия или отсутствия социальной оценки и одобрения; 2) в преобладании эмоционально стабилизирующих составляющих мотивации достижения, связанных со здоровым, конструктивным, самосозидающим стремлением к достижениям, либо эмоционально дестабилизирующих составляющих, связанных с невротическим, деструктивным, саморазрушительным стремлением к достижениям; 3) в преобладании маскулинных (более типичных для мужчин) либо фемининных (более типичных для женщин) вариантов мотивации достижения.

Дегтярёв А.В.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В последнее время все больший интерес исследователей в психологии и других смежных науках вызывает понятие «эмоциональный интеллект» (ЭИ). За последние два

десятилетия произошли глобальные перемены во взглядах на личность, интеллектуальную сферу человека и на индивидуальность в целом. Если еще в 50-х гг. XX в. мало

кто задумывался о таких понятиях, как «социальный» и «эмоциональный» интеллект, то сегодня уже нет сомнений в том, что социальные и эмоциональные способности как минимум не менее важны для развития личности, чем аналитические и познавательные (Гарднер, 2007). Само словосочетание двух понятий «эмоции» и «интеллект» долгое время становилось поводом для дискуссий между исследователями, поскольку считалось, что эмоции могут лишь противостоять мыслительному процессу, и только единицы утверждали обратное.

На данный момент существует множество теоретических моделей ЭИ, выделим несколько. Первая концепция Р. Бар-Она, создателя «коэффициента эмоционального развития личности» EQ. Данный коэффициент появился в 1985 г. как параллельное явление уже устоявшейся системе оценки рациональных способностей, т.е. «коэффициенту интеллектуального развития» или IQ. На основе своей теории Бар-Он разработал методику диагностики EQ, известную впоследствии как EQ-i. Бар-Он назвал ЭИ «совокупностью некогнитивных (эмоциональных и социальных) способностей, знаний и умений, которые влияют на возможности индивида успешно соответствовать требованиям окружающей среды и противостоять ее давлению»

Термин же «эмоциональный интеллект» непосредственно был введен в научный обиход Дж. Майером и П. Саловеем в 1990 г. Авторы определили ЭИ как «способность осознавать эмоции, достигать и генерировать их, так чтобы содействовать мышлению, понимать эмоции

и то, что они означают, и соответственно управлять ими таким образом, чтобы способствовать своему эмоциональному и интеллектуальному росту» (Стейн, Бук, 2007). Они основывались на идеях о социальном интеллекте, а также на концепции Г. Гарднера, который выдвинул идею о «множественном интеллекте» (Робертс и др., 2004) и в сотрудничестве с Д. Карузо разработали альтернативную модель ЭИ и, соответственно, методику для оценки данного феномена. Важно отметить, что в отличие от EQ-i, MSCEIT (Mayer-Salovey-Caruso-Emotion-Intelligent-Test) основан не на самостоятельном анализе своих навыков, а на оценке определенных способностей респондента. В него включены как блоки самооценочного и проективного характера, так и кейсы, т.е. задания, основанные на разборе и анализе практических ситуаций.

Таким образом, ЭИ – это структура, включающая способности: точно различать эмоции, вызывать их для содействия мышлению, понимать причины эмоций и осознанно регулировать эмоции, для того чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту (Андреева, 2012). Очевидно, что каждая из описанных способностей, включенных в структуру ЭИ, присутствует у каждой личности, но при этом степень развитости данных способностей индивидуальна. Итак, исходя из всего вышеописанного отметим, что ЭИ – это конструкт, непосредственно влияющий на формирование индивидуальности. Изучение компонентов ЭИ будет способствовать более глубокому пониманию процессов развития личности.

Джерелиевская М.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

СТЕПЕНЬ АДЕКВАТНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК ПОВЕДЕНИЯ СУПРУГА И УРОВЕНЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Настоящее исследование реализовано в русле подхода к диагностике индивидуальности через анализ субъективной картины мира, который моделируется с опорой на индивидуальные матрицы оценок. Эти матрицы выступают как возможные эмпирические индикаторы определенного социального поведения личности. Задача нашего исследования состояла в демонстрации того, что ошибочная категоризация и интерпретация супругами поведения друг друга, а также различия в восприятии и понимании причин возникновения конфликтов провоцируют появление новых конфликтов и оказывают негативное влияние на субъективную оценку благополучия отношений.

С целью установления указанных закономерностей 72 супружеские пары, с продолжительностью отношений от 3 месяцев до 30 лет, в возрасте от 19 до 56 лет, проживающие как вместе (33 пары), так и раздельно (39 пар), с высшим и неоконченным высшим образованием, заполняли опросник стратегий поведения в конфликте К. Томаса, а также анкету. Отвечая на вопросы анкеты, пары оценивали друг друга и себя глазами партнера, с учетом проявления стратегий поведения в конфликте (по Томасу), указывали частоту возникновения конфликтов, инициатора конфликта, а также степень благополучия собственных отношений.

Полученные индивидуальные матрицы, содержащие результаты опросника Томаса и данные анкеты, подвергались корреляционному анализу (коэффициент Спирмена). Анализируя матрицу корреляций, мы выявили многочисленные ошибки супругов в интерпретации поведения друг друга путем сопоставления их с результатами методики Томаса и взаимных оценок. В результате сопоставления были выявлены 24 пары, в которых оба партнера неверно интерпретировали поведение своих супругов. И всего 11 пар, в которых оценки обоих партнеров совпадали между собой и результатами опросника.

Далее мы сравнили субъективную оценку частоты появления конфликтов в парах, которые не допустили ошибки в интерпретации поведения партнера, и в парах, где ошибки были допущены сразу обоими партнерами. Результаты показали, что в тех парах, где оба партнера неправильно интерпретировали поведение друг друга, конфликты, по их субъективной оценке, возникали чаще, чем в парах, где оба партнера безошибочно интерпретировали поведение друг друга. Так, в парах, в которых оба партнера допускали ошибки, наиболее часто встречались варианты ответов «конфликты случаются раз в неделю и чаще» (39,6%) и «раз в день и чаще» (37,5%). В парах, где партнеры безошибочно интерпретировали поведение друг

друга, конфликты возникали «раз в несколько месяцев» (45,5%).

Отметим, что в парах, где обоими партнерами совершались ошибки в интерпретациях стратегий, чаще всего ошибочно приписывалась стратегия «конкуренция» (19,5%), хотя по результатам опросника Томаса в данной группе «конкурирующих» было меньше всего (14,8%), а наибольшее число тех, кто использовал стратегию «сотрудничество» и «приспособление» (по 24,1% каждый). Видимо, причина кроется в том, что большинство людей воспринимает любые разногласия негативно, и при возникновении недовольства партнеру сразу неверно приписывается агрессивное поведение. Отметим также, что в данной группе инициатива конфликтов приписывалась в основном партнеру, а не себе. В любом случае, эти ре-

зультаты позволяют сделать предположение о наличии негативного влияния ошибочных атрибуций на отношения. В парах, способных к объективному восприятию поведения своего партнера, конфликты возникают реже.

Большинство респондентов в парах, где оба партнера делают ошибки, оценивает благополучие своих отношений средне, то есть «скорее благополучные» (33,3%). При этом в парах, где в интерпретациях ошибки не совершаются, уровень благополучия выше. Более половины респондентов оценивают их как «благополучные, в целом все хорошо» (54,5%). Таким образом, оказалось, что умение объективно оценивать поведение своего партнера способствует снижению частоты семейных конфликтов, и при этом также возрастает общая удовлетворенность отношениями.

Егорова М.С., Чернов Т.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ВЕРОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В исследованиях, проведенных в разных странах на репрезентативных выборках, показано, что иррациональные представления (суеверия, вера в паранормальное) свойственны примерно половине жителей Европы и Северной Америки. Примерно такие же данные получены и на отечественной выборке. Иррациональные представления (или верования) с некоторыми вариациями присущи как низкообразованным и низкостатусным группам, так и людям с высшим образованием.

Верования имеют тенденцию к связи с различными показателями – демографическими характеристиками, когнитивными и личностными особенностями, проблемами с адаптацией и т.д., что свидетельствует о включенности системы верований в структуру психологических свойств, определяющих как частные аспекты деятельности, так и интегральные характеристики, связанные с формированием образа мира.

В нашем исследовании проверялась гипотеза о том, что верования выполняют компенсаторную функцию, что должно проявляться в связи верований с характеристиками, требующими компенсации (экстернальным локусом контроля, чувствительностью к неопределенности, противоречиями в структуре ценностей), и с характеристиками, снижающими тревожность (ориентацией на общение, гедонистическими ценностями).

В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся гуманитарным, естественнонаучным и техническим специальностям (юноши и девушки, средний возраст 20,5 лет, $n = 247$). Верования определялись с помощью стандартных опросников, тест-опросника портретного сходства и тест-опросника проблемных ситуаций. Диагностированные особенности личностной сферы включали базовые личностные свойства (Большую пятерку), частные личностные свойства и иерархию ценностей. При сопоставлении результатов Большой пятерки с верованиями (корреляционный и факторный

анализ) больше всего связей обнаружено между верованиями и Экстраверсией. С ней значимо связаны почти все показатели всех опросников иррациональных представлений.

Невротизм положительно коррелирует с традиционными религиозными представлениями и с признанием возможности обратиться к паранормальному, если ничто другое не помогает. С последней характеристикой, а также с суевериями из осторожности («не верю, но на всякий случай») связана Сознательность, т.е. черта личности, связанная с регуляторной личностной сферой.

При сопоставлении толерантности к неопределенности и верований было показано, что низкой толерантности к неопределенности соответствует большая склонность к традиционным религиозным верованиям и к вере в парапсихологию.

Получена связь большинства верований с общей шкалой интернальности-экстернальности: чем ниже интернальность (т.е. чем меньше человек склонен брать ответственность за то, что с ним происходит, на себя), тем выше уровень иррациональных представлений.

При сопоставлении опросников верований и стандартной шкалы авторитарности было показано, что показатели религиозных верований, веры в магию, астрологию, гадание и спиритизм положительно связаны с верой в теорию заговора, представлением о падении нравов, уверенностью в том, что порядок в стране надо наводить силовыми методами.

Из ценностей наибольшее количество значимых корреляций с верованиями обнаруживают «Гедонизм», «Достижения» и «Конформность», причем последняя связана с верованиями отрицательно. Полученные результаты находятся в контексте представлений о компенсаторной роли верований, заключающейся в создании иллюзии контроля над ситуацией.

Ермакова Е.С., Слотина Т.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербург

МЕСТО ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Отнесение категории «ответственность» к психологии личности или же к психологии индивидуальности остается до сих пор вопросом неоднозначным. Анализ литературных источников показывает, что в современной науке «ответственность» является понятием многогранным. Зарубежные и отечественные исследователи соотносят ответственность со многими личностными и индивидуальными характеристиками. В иностранной психологической литературе существуют по крайней мере две идеи, иллюстрирующие связь личностных оснований, индивидуальности и коррелятов ответственности. Первая принадлежит Д. Майерсу: чем более человек ответственен, тем в большей степени он индивидуален (Майерс, 1997). Вторая принадлежит В. Франклу, который утверждал, что ответственность человека происходит из неповторимости и своеобразия существования индивида, и что на ответственный поступок способен лишь тот, кто осознает эту единственность и неповторимость (Франкл, 1990).

В отечественной традиции в работах К. Муздыбаева, Е.Д. Дорофеева разработано понятие индивидуальной ответственности, которая противопоставляется социальной (Муздыбаев, 2010; Дорофеев, 1994). Е. Тузикова вводит понятие «личная ответственность», которая обозначает нечто, схожее с индивидуальной. Личная ответственность связывается с признанием того, что «мои поступки, чувства и т.д. произведены мной, и я это осознаю» (Дементий, 2001). В работах Л.И. Дементий, где изучались взаимосвязи всех уровней интегральной индивидуальности с локусом контроля и уровнем ответственности, выявлено, что ответственность личности определяет проявления ее индивидуальности (Дементий, 2001).

В нашем исследовании представлений об ответственности у школьников было установлено, что 30% школьни-

ков считают ответственность моральной деятельностью, долгом; 29% респондентов понимают под ответственностью внутреннюю регуляцию; 29% внешний контроль и 12% ценностные ориентации (n = 45) (Слотина, 2008). Результаты исследования показывают, что ответственность формируется в процессе социализации. По мнению школьников, на формирование ответственности, прежде всего, влияет пример родителей (67%) и собственный жизненный опыт (29%). Влияние таких факторов, как чтение литературных произведений и СМИ не обнаружено.

Возможность принять на себя ответственность, осознать свою причастность и готовность действовать, невзирая на обстоятельства и даже вопреки им, является главным условием конструктивной деятельности, индивидуальности личности, а следовательно, и ее постоянного развития. Уход от ответственности, отрицание проблем, агрессивные реакции чаще всего связаны с попытками снять с себя личную ответственность. Зависимости, депрессия отражают неспособность человека справиться с трудностями, происходящими в жизни. Ставить перед собой цель и принимать на себя ответственность за ее воплощение в действительности можно, лишь будучи убежденным в своей способности справиться с обстоятельствами, возникающими на пути к ее достижению. Необходимо видеть и отличать проблемный уровень ответственности от нормальной ответственности, которая и есть ответственность за себя.

Таким образом, один из феноменов современной психологии личности и индивидуальной психологии – ответственность человека, с одной стороны, является предметом исследования обеих дисциплин, с другой стороны, является субъективной или индивидуальной характеристикой конкретной личности.

Каминская Н.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО «Я»: ИСТОКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Развитие индивидуальности в онтогенезе предполагает прохождение субъектом различных фаз психической интеграции. Данный процесс инициируется на уровне физического «Я», поскольку ранние формы самосознания являются исключительно телесными. Сопутствующим процессом становится восприятие своей отличности от окружающей среды и от других субъектов, первичные досознательные формы которого заключаются в ощущении границ собственного тела, довербальном означивании внутренних состояний, интеграции внутреннего опыта. Происходит разделение «моего» и «не относящегося ко мне». С этого момента переходящая во внутренний план диалектика «Я»/«не-Я» становится важным механизмом формирования личности.

Одним из узловых моментов установления координат между субъективным и объективным образами является стадия зеркала, на которой происходит первичная идентификация субъекта, удвоение реальности, субъективное восприятие тела начинает связываться с объективным образом. Формируются предпосылки для образования «Я», начала процесса индивидуации субъекта, происходит перестройка саморегуляции на основе образа тела. Таким образом, в ходе онтогенеза осуществляется интеграция телесного «Я», разрозненные элементы телесного опыта начинают «концентрироваться» вокруг единого психического центра.

Со стадии зеркала возникает рассогласование между тем, что человек видит, и тем, что чувствует (Дольто,

1984). Рассогласование между внутренним образом и внешними репрезентациями своего облика переживается субъектом. Происходит поиск психологических средств поддержания собственной целостности. Крайний вариант отчуждения физического «Я» – восприятие телесной оболочки как чуждой «Я» – диагностируется у больных шизофренией. С отмечаемым ростом нарциссизма и истероидности современной культуры тема внешнего облика, самопрезентации приобретает особую актуальность.

В целях рассмотрения характера интеграции образа физического «Я» и самоидентичности нами было подготовлено исследование, которое проводилось в формате case-study на двух группах респондентов: 30 пациентов челюстно-лицевой и пластической хирургии с врожденными пороками развития (например, несращение верхней губы и неба) и с физическими дефектами, полученными в результате заболеваний, травм, аварий и других несчастных случаев (исследование проводилось на базе Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова), и 30 респондентов, не имеющих дефектов внешности.

Были выявлены следующие механизмы интеграции образа тела и образа «Я». Во-первых, отчуждение физического «Я» как форма психологической защиты, направленная на поддержание собственной идентичности, как психологическая изоляция переживаний, связанных с фи-

зическим «Я», которые носят бессознательный характер. Во-вторых, разотождествление как форма объективации, взгляд на тело со стороны, установление контакта со своим «двойником» как способ познания. Далее тезисно можно сформулировать более частные выводы:

- 1) разотождествление личности со своим телесным образом;
- 2) приспособление к имеющемуся дефекту, опосредствованное защитными процессами – символизацией, отрицанием значимости дефекта и т.д.;
- 3) при просмотре собственных фотографий практически повсеместно в той или иной степени реакция отторжения, обнаруживающая дезинтеграцию между самоидентичностью и внешним обликом;
- 4) принятие черт внешнего облика как защита самоотношения для поддержания целостности личности;
- 5) внешний облик не рассматривается как способ выражения личности, как способ коммуникации с другими;
- 6) символический образ внешности, включающий в себя как черты внешности, так и экспрессивные компоненты внешнего облика;
- 7) совладание с нестандартными чертами внешности путем включения их в положительную смысловую систему;
- 8) направленность на преобразование внешнего облика или отсутствие средств преобразования.

Карпинский К.В.

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно, Республика Беларусь

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СМЫСЛА ЖИЗНИ

Современная психология проявляет повышенный интерес к смыслу жизни, который рассматривается как важнейший фактор развития, адаптации, благополучия и здоровья личности. В основе многих концепций, затрагивающих смысловую проблематику, лежит «презумпция позитивности» – базовое допущение, согласно которому сам факт наличия смысла в индивидуальной жизни обеспечивает нормальное развитие и функционирование личности. Лишь некоторые концепции подчеркивают амбивалентную, неоднозначную роль смысла жизни в существовании личности.

В наших исследованиях теоретически обоснованы, методически операционализированы и эмпирически изучены различные дифференциально-психологические свойства индивидуального смысла жизни. Результаты позволяют констатировать высокую межиндивидуальную вариабельность смыслов жизни по содержанию, структурной организации и функционально-генетическим особенностям, а также тесную зависимость персонотенного, адаптогенного, саногенного потенциала смысла жизни от его дифференциальных свойств.

Проще говоря, не все смыслы жизни в одинаковой степени полезны, конструктивны, позитивны по своему воздействию на личность. Более того, при определенной конфигурации свойств смысл жизни может не только не выполнять с должной эффективностью свои психологические функции, но и производить заметный кризисогенный,

деформирующий, патогенный эффект. С точки зрения влияния на развитие, благополучие и здоровье личности наиболее значимыми дифференциальными свойствами являются следующие.

Широта/узость смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное содержательной разнородностью смыслообразующих ценностей личности.

Иерархизация смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень дифференциации и соподчинения смыслообразующих ценностей по личностной значимости.

Интеграция/дезинтеграция смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень совпадения когнитивного, аффективного, мотивационного и конативного компонентов смысла жизни.

Согласованность-конфликтность смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное содержательной совместимостью смыслообразующих ценностей личности.

Реалистичность/нереалистичность смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное степенью соответствия смыслообразующих ценностей личности и доступных ресурсов практической реализации.

Устойчивость/изменчивость смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее меру со-

держательной и структурной стабильности смыслообразующих ценностей личности.

Временная локализация смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее характер распределения смыслообразующих ценностей между модулями психобиографического времени личности (прошлым, настоящим и будущим).

Опосредованность смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень конкретизации смыслообразующих ценностей личности в жизненных целях, планах и программах.

Интринсивность/экстринсивность смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, отражающее де-

терминацию выбора смыслообразующих ценностей личности внутренними и внешними причинами.

Конгруэнтность/неконгруэнтность смысла жизни – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное мерой согласования смыслообразующих ценностей личности со смысловыми ориентациями людей из ближнего социального окружения, прежде всего, биографически значимых.

В совокупности перечисленные свойства определяют функциональные возможности и целостный «профиль» индивидуального смысла жизни, по которому он может быть комплексно оценен как оптимальный либо неоптимальный.

Каширина Н.В.

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В нашей работе мы анализируем результаты влияния на индивидуальное сознание одаренных старшеклассников общественных стереотипов, которые постигает личность в своем индивидуальном опыте социализации. Так как «социальность мышления личности раскрывается, прежде всего, через сферу, которая является предметом – областью ее мышления, и через потребность личности как субъекта соотноситься с этой сферой», в нашем случае этой сферой будет интеллектуальная деятельность. В процессе самовыражения в ней личность наталкивается на противоречия между несовпадением индивидуального и общественного, где важными являются сформированные в процессе адаптации к коллизиям личностные особенности, что и образует «Я-концепцию» (Абульханова, 2002). Параметр успешной адаптации в социуме для нашей работы – понятие «актуальная одаренность» (Богоявленская, Шадриков, 2003).

Индивидуальные когнитивные характеристики существенно влияют на формирование отношений с социумом, поэтому целью исследования стало выявление статистически достоверных различий и закономерностей в когнитивной и личностной сферах между одаренными старшеклассниками и школьниками, не проявляющими признаков одаренности.

Нами была сформулирована гипотеза: между одаренными старшеклассниками и школьниками, не проявляющими признаков одаренности, существуют статистически достоверные различия по уровню: полнезависимости-полезависимости (далее ПНЗ-ПЗ); ясности «Я-концепции»; рефлексии. Контингент: старшеклассники с актуальной одаренностью (наличие призовых мест при участии в региональных, Всероссийских олимпиадах) – 16 человек (5 девочек, 11 мальчиков). В эту группу мы также включили призеров областных

и городских олимпиад (14 человек). Группа сравнения: старшеклассники физико-математического класса гимназии – 28 человек. Методики: «Фигуры Готтшальдта», опросник рефлексии А.В. Карпова, методика изучения ясности «Я-концепции», пиктограммы (схема анализа данных пиктограмм Б.Г. Херсонского).

По критерию t-Стьюдента различия между «одаренными» и призерами городских олимпиад составляют 2,5 ($p > 0,05$), школьниками, не проявляющими признаков одаренности, – 4,1 ($p > 0,01$). Мы можем проследить динамику: уровень рефлексии увеличивается вместе с уровнем интеллектуальной одаренности.

Так как успешность в интеллектуальной деятельности обусловлена помимо индивидуальных интеллектуальных возможностей особенностями «интегральных психических процессов», которые обеспечивают организацию и регуляцию интеллектуальной деятельности. Обнаружена зависимость между понижением уровня ясности «Я-концепции» и увеличением символьных изображений по методике «Пиктограммы» (0,43 ($p > 0,05$)).

Выявлена также взаимосвязь между показателями последней методики и ПНЗ-ПЗ (0,35 ($p > 0,10$)). Можем предположить, что эта корреляция обусловлена ригидной ПНЗ у старшеклассников, не проявляющих признаки одаренности, и мобильной у ПНЗ-одаренных.

Параметры ПНЗ-ПЗ – это фактор, который влияет на идентификацию при оценке себя и других людей (Шкуратова, 2008). Если ПНЗ ригидная, то восприятие себя и других как сложно структурированных вызовет колебания самооценки, в том числе ясности «Я-концепции». Если же ПНЗ мобильная, то индивид может переходить как к синтезу, так и к дифференциации без последствий для осознания своей идентичности (это предположение нуждается в дальнейшей проверке).

Климова А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономика», Москва

ТРАНЗАКТНАЯ ВЕРСИЯ ФРУСТРАЦИОННОГО ТЕСТА С. РОЗЕНЦВЕЙГА КАК ТЕХНИКА ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ

Среди способов психологического описания личности особое место занимает транзактный анализ – теория личности и средство интеграции многочисленных практик психологического консультирования и психотерапии. Особые преимущества транзактной теории по сравнению с другими психологическими теориями личности заключаются в том, что личность человека трактуется здесь как «мультисубъектное образование» (В.А. Петровский). При всей простоте этой исходной посылки она заключает в себе огромное разнообразие возможностей психологической поддержки личности, и не меньшее – путей осмысления самого феномена личности. К сожалению, потенциал транзактного анализа оказывается в существенно меньшей степени востребованным в контексте общепсихологической теории личности. Одна из причин этого – отсутствие методического базиса исследований.

На данный момент времени существуют определенные предпосылки для разработки эмпирических методик диагностики Эго-состояний и сценариев личности. В нашем исследовании мы предлагаем транзактную версию фрустрационного теста С. Розенцвейга и апробируем его диагностический потенциал. Идея модификации этого теста заключается в следующем.

– взрослым испытуемым предлагается детская форма тестового материала;

– персонажи картинки «общаются» только через испытуемого, который получает от экспериментатора дополнительную информацию о том, что происходит в ситуации (в традиционной форме один из персонажей обращается к другому со словами, заключающими в себе фрустрационный стимул, другой должен ответить; в данном случае «файлы» высказываний обоих персонажей первоначально пусты);

– фиксируется не только ответ одного персонажа картинки (главный герой) на возможные слова другого персонажа картинки (вспомогательный персонаж), но и мысли, чувства, желания героя картинки – таким образом, различаются «ответы вслух» и «ответы про себя» героев картинки.

Основная идея заключалась в том, что модифицированная методика С. Розенцвейга позволяет структурировать многообразный тестовый материал традиционных психологических и транзактных психологических исследований личности, раскрывая «логику» взаимоотношений между Эго-состояниями, а также сценарными образующими Эго-системы. Опорное допущение работы заключалось в возможности актуализации «детского» Эго-состояния путем предъявления модифицированного варианта теста С. Розенцвейга взрослым испытуемым (благодаря чему проясняется картина внутренних транзакций в структуре личности).

Напомним, что методика С. Розенцвейга представляет собой проективный рисуночный тест, используемый для изучения особенностей поведения человека в ситуации фрустрации. Как и в любой другой проективной методике, изображенные в ней ситуации выглядят крайне неопределенно: изображения – контурные и схематичные, лица и руки персонажей – не прорисованы, позы невыразительны. Все это позволяет исключительно широко трактовать события, происходящие на картинках.

Отметим, что несмотря на вполне конкретную реплику одного из персонажей, далеко не всегда события воспринимаются испытуемыми как неприятные, события могут интерпретироваться как нейтральные, не имеющие никакого определенного значения, иногда как забавные или даже радостные, приносящие герою неожиданное облегчение. Что именно увидит испытуемый в ситуации, под каким углом зрения воспримет происходящие там события, полностью определяется его индивидуальными особенностями и жизненным опытом.

Итак, существуют ли у каждого человека какие-то устойчивые тенденции реагировать определенным образом на неожиданно возникающие неприятности, или его ответы меняются в зависимости от содержания ситуации, и потому предсказать его поведение практически невозможно? Данный вопрос мы ставим в нашей работе, используя и модифицируя эту методику.

Кузнецова О.В.

Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ АДАПТИВНОСТИ

Ориентация современных исследователей на поиск тех универсальных психологических факторов, которые являются основой успешного активного освоения человеком среды в условиях ее постоянного динамизма и многовекторности изменений, актуализирует интерес к проблеме адаптивности как базисной способности приспосабливаться к неопределенным условиям и осуществлять эф-

фективное функционирование в новых обстоятельствах (Анохин, 1978; Либин, 2000; Маклаков, 1996; Налчаджян, 1988; Петровский, 1992; Прохоров, 1999 и др.). Одним из наиболее важных аспектов проблемы является изучение индивидуальных различий в адаптивности. Мы полагаем, что они обусловлены спецификой многоуровневой структурной организации данного свойства. В соответствии с

положениями континуально-иерархической концепции личности (Санникова, 1995), адаптивность рассматривается нами как интегральное свойство личности, включающее формально-динамический, содержательно-личностный и социально-императивный уровни. Своеобразная комбинация компонентов, входящих в структуру, их качественно-количественное сочетание, определяемое как тип адаптивности, является предпосылкой вариативности в ее проявлениях, которые наблюдаются и в психологическом портрете личности в целом. На данном этапе наиболее полно изучены типы адаптивности, определенные комбинацией ее формально-динамических и качественных компонентов. Приведем их краткие характеристики, полученные в результате эмпирического исследования с применением Тест-опросника адаптивности Санниковой-Кузнецовой и 16-PF Кеттелла.

Когнитивный тип. Ведущими характеристиками является независимость (QIV+), негативное отношение к общественным нормам и ценностям, слабый интерес к принятым стандартам (G-), самодостаточность, индивидуализм, отсутствие стремления к кооперации, совместному принятию решения (Q2+). Эмоциональная сфера характеризуется ощущениями благополучия, комфорта, отмечается жизнерадостность, спокойствие, самоуверенность, нечувствительность к замечаниям и порицаниям (O-). Когнитивной особенностью является оригинальность и критичность мышления, богатое творческое воображение, глубина и разнообразие интеллектуальных интересов, поглощенность идеями и фантазиями, самобытность и креативность (M+). Не доверяют авторитетам, склонны опровергать устоявшиеся взгляды, отличаются радикальностью суждений, гибкостью мировоззренческих позиций, терпимостью к новизне (Q1+).

Эмоционально-мотивационный тип. Присуща конформность, покорность, зависимость от группы (QIV-). Такая личность руководствуется мнением окружающих, не может отстоять свою точку зрения, следует за более сильным и легко поддается авторитетами (E-). Вместе с тем эти лица характеризуются как эмоционально стабильные, приспособленные (QII-). Отмечается отсутствие склонности к переживанию чувства вины, спокойствие, бодрость и жизнерадостность (O-), расслабленность, отсутствие сильных побуждений и желаний, удовлетворенность положением дел и отсутствие стремления к преобразованиям и достижениям (Q4-). Они не теряются при столкновении с угрозой и быстро забывают о неудачах (QIV-), проявляют социальную смелость (H+).

Поведенческий тип. Отличает эмоциональная стабильность (QII-), уверенная адекватность, спокойствие и расслабленность, нечувствительность к замечаниям и порицаниям других (O-), нефрустрированность, общая удовлетворенность (Q4-), высокий самоконтроль поведения, организованность, умение эффективно управлять своей энергией (Q3+). Способны тщательно планировать и продумывать свои действия, преодолевать препятствия при столкновении с трудностями в реализации намеченных планов, что сопровождается зрелостью, практичностью, здравомыслием, склонностью решать практические вопросы, увлекаться повседневными делами (M-). Проявляют социальную смелость (H+), доверчивость, открытость (L-). При этом для них характерны консерватизм взглядов, уважение к устоявшимся мнениям, идеям, традициям, недоверие к новизне (Q1-).

Таким образом, каждый тип адаптивности отличается своеобразным сочетанием факторов личности, представляющим его специфику.

Кургинян С.С.

Институт психологии РАН, Москва

ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЧНОГО СЛУЧАЯ АДЕКВАТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К СЕБЕ

Умозрительные исследовательские абстракции в активации психических явлений «внутреннего мира» индивида приводят к нивелированию в личности онтологического единства психического субъекта и его объекта. На материале анализа проблемы отношения личности к себе (Кургинян, 2010) было показано, что данное единство проявляется на уровне индивидуальной формы бытия человека, где личность выступает в качестве субъекта психической деятельности. При этом деятельность определяется из объективной характеристики активности субъекта, которую она (деятельность) обуславливает для обеспечения и поддержания индивидуальной специфики человеческого бытия (Абульханова, 1973). Такой объективной характеристикой активности субъекта предстает «самость» личности. Отсюда выявление подлинной сущности «самости», ее онтологического статуса является перспективным в парадигме субъекта, поскольку принадлежность «самости» конкретному индивиду может быть объяснена из качественного своеобразия внутреннего отношения личности и той объективной необходимости, ко-

торая побуждает субъекта осуществлять это отношение в форме психической активности.

Руководствуясь методологией качественного исследования, мы обратились к изучению частных случаев (case study approach) в качестве основного метода исследования (Cross et al., 2004; Davy, 2004). Выбор данного метода предполагал, что наше внимание будет детально сосредоточено на особенностях модели единичного случая, предполагающего реконструкцию субъективного опыта адекватного отношения личности к себе конкретного индивида. При этом в концептуальном плане нас интересовал феноменологический вопрос: «Поддерживает ли личность адекватное отношение к себе?».

Настоящее исследование методом «единичного случая», главным образом, способствует содействию руководству терапевтическим обращением с личностью, посредством воссоздания условий, необходимых и достаточных для оказания помощи личности в поддержании адекватного отношения к себе. Более того, мы использовали данный метод в качестве средства обобщения «случая» в такой его

презентации, как это имело место при нашем непосредственном собственном его осуществлении. Значимость подобной практики при изучении отношения личности к себе проявляется в том, что она оптимизирует усилия исследователя воссоздавать то подмножество объектов его внутреннего отношения, которое существенно для самого исследуемого, а также воссоздать характер его отношения к данным объектам.

Являясь методом клинично-психологического исследования, данный метод реализует глубинно-неформальный подход к изучению личности и системы ее отношений. В связи с этим качественная диагностика отношения личности к себе, которая проводилась посредством глубинного интервью, предполагала обнаружение признаков адекватности ее отношения как таковых, а не степень отличия

этих признаков от уровня, наблюдаемого у других индивидов.

Метод глубинного интервью был избран как психодиагностический инструмент для выявления актуального состояния «самости» личности в ситуации интервью. С этой целью нами была разработана процедура проведения глубинного интервью, сценарий которого отражал методологию данного исследования (Кургинян, 2011). В серии пробных интервью корректировалась формулировка вопросов к интервьюируемому, апробировались конкретные техники диагностики свойств его отношения к себе, а также уточнялась процедура обработки и преобразования качественных данных (эмпирических следствий) единичного случая. Все это определяло исследовательскую стратегию при составлении протокола «случая».

Ледовская Т.В., Нижегородцева Н.В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Индивидуальное развитие вариативно и своеобразно, в нем обнаруживаются как общие (всеобщие) закономерности, так и типическое (особенное) и единичное (неповторимое). Для того чтобы контролировать целостный процесс формирования будущего профессионала, необходимо исследовать психологическое содержание типов студентов и, соответственно, владеть основными приемами оптимизации их обучения. Типизация студентов на основе успешности учебной деятельности имеет большое значение для организации педагогического процесса, является основой дифференциации и индивидуализации обучения в вузе.

Проблемой психологической типизации представителей различных возрастных категорий занимались многие отечественные и зарубежные исследователи (Г.Ю. Айзенк, Б.Г. Ананьев, В. Вундт, И. Кант, Э. Кречмер, А.Ф. Лазурский, И.П. Павлов, С.Л. Рубинштейн, У. Шелдон, К.Г. Юнг). Определены два основания для выделения типов студентов первого курса: структурный показатель (СП) успешности учебной деятельности (сформированность психологической структуры учебной деятельности) и результативный показатель (РП) успешности учебной деятельности (уровень академической успеваемости). Структурный показатель успешности включает в себе интегральную характеристику индивидуального развития – индивидуальный индекс готовности к обучению в вузе (ИИГ), который отражает степень сформированности психологической структуры учебной деятельности студентов. ИИГ выражается в суммарном значении уровней развития учебно-важных качеств, входящих в психологическую структуру учебной деятельности, с учетом их весового значения структуре.

Основанием для определения групп студентов с разным уровнем структурного показателя успешности учебной деятельности, послужила типология, разработанная в рамках концепции готовности к обучению в школе

применительно к младшему школьному возрасту (Нижегородцева, 2004). Определение уровня РП проводилось при помощи анализа оценок, полученных студентами по итогам двух аттестаций, и по оценкам, полученным в период первой экзаменационной сессии. Каждый из типов образован в результате сочетания уровней развития обоих показателей успешности учебной деятельности.

Обозначенная специфика уровня меры выраженности индивидуально-типологических особенностей у студентов с разными значениями результативного и структурного показателя успешности учебной деятельности позволяет дать комплексную характеристику типов студентов, в основе которых лежит сочетание обоих показателей успешности учебной деятельности.

I тип «Высокоуспешный» (РП – высокий уровень, СП – высокий уровень). Преимущественно интроверты, межполушарная функциональная асимметрия мозга (ФАМ) характеризуется тенденцией к доминированию правого полушария или к отсутствию асимметрии (амбидекстрия).

II тип «Среднеуспешный» (РП – средний уровень, СП – средний уровень). Преимущественно экстраверты. Характеризуется тенденцией к «правополушарному» типу ФАМ и к отсутствию асимметрии (амбидекстрия).

III тип «Низкоуспешный» (РП – низкий уровень, СП – низкий уровень). Преимущественно экстраверты с «левополушарным» типом ФАМ.

IV тип «Дисгармоничный» (вариативный уровень РП и СП). Преимущественно экстраверты, «левополушарный» тип ФАМ. Данный тип студентов характеризуется существенной внутренней неоднородностью, что позволяет выделить его подтипы: подтип студентов с высоким уровнем РП и средним уровнем СП, подтип студентов со средним уровнем СП и высоким уровнем РП, подтип студентов со средним уровнем СП и низким уровнем РП и др.

Локаткова О.Н.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Каждый человек индивидуален, и он сам выбирает стиль жизни, свой профессиональный путь. Становление индивидуальных различий происходит в процессе включения, интеграции старшеклассников в систему общественных отношений, сравнения себя с другими людьми. Подростковый период – это самый сложный возрастной период. В этом возрасте происходит становление личности, у старшеклассника формируются индивидуальные особенности и характеристики – эмоциональные, мотивационные характеристики, самоидентификация, возникновение ответственности за себя, свой выбор, самостоятельности в выборе дальнейшего стиля жизни. Подросток, выбирая профессию и овладевая ей, стремится развить у себя необходимые личностные качества. Но в последние годы одновременно с ростом желания людей получить высшее образование растет и недовольство преподавателей недостаточной самостоятельностью, недостаточной инициативностью, неуверенностью в выборе профессии, недостаточной подготовкой абитуриентов вузов.

Причиной неуспешности в обучении студентов является их неготовность к обучению в вузе. В отечественной психологии готовность связывают с такими понятиями, как установка, предрасположенность субъекта к определенному способу поведения, способность человека ставить цель, выбирать способы ее достижения, осуществлять самоконтроль и самоуправление, оценивать свои способности и потребности (Кусакина, 2008). Готовность к дальнейшему профессиональному обучению, положительная мотивация являются внутренним источником активности личности в процессе приобретения знаний, умений и навыков, необходимых для дальнейшего обучения, самообразования и будущей практической деятельности. В связи с этим одной из центральных проблем педагоги-

ческой психологии является исследование потребностной и мотивационной сфер личности учащегося как проявления индивидуально-психологических особенностей старшеклассников. Любая деятельность инициируется, поддерживается и прекращается под воздействием мотивов человека, является источником активности личности.

Осознаваемые внутренние мотивы, связанные со стремлением к познанию, к творческим достижениям, профессиональному совершенствованию, широкие социальные связи с альтруистической и коллективистической направленностью, социальные мотивы личного и семейного престижа способствуют в процессе обучения старшеклассников развитию положительного отношения к избранной профессии, уверенности в своем профессиональном выборе (Лепешева, 2006). Положительная мотивация, положительное отношение к профессии играют очень важную роль в формировании готовности к обучению в вузе, приобретению знаний, умений и навыков, необходимых как для дальнейшего обучения, так и для будущей профессиональной деятельности. Это открывает перед преподавательским составом школы возможность целенаправленно использовать реально действующие мотивы в учебно-воспитательном процессе.

Выявление и развитие индивидуальных способностей старшеклассника в учебном процессе, ориентация на его личностные интересы и потребности способствует самоопределению старшеклассников, как личностному, так и профессиональному. Такой характер отношений между педагогом и учащимся способствует разрешению проблем в плане самоорганизации старшеклассников, выборе стиля и образа жизни, в выборе и дальнейшем овладении профессией, психологической готовности к обучению в профессиональном учебном заведении.

Маркина Н.В.

НИУ «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ

В условиях кризиса современного образования, когда будущее непредсказуемо и динамично, образовательная практика меняет фокус задач с социализации личности на индивидуализацию личности. Одним из средств решения являются культурно-образовательные события как места концентрации нового социального, культурного, экзистенциального опыта и его рефлексии развивающейся личностью. С нашей точки зрения, модель организации предметного содержания для одаренных детей включает в себя смысловую и событийную ординаты. Смысловая ордината познавательных событий определяется пересечением смысловых оснований деятельности субъектов по-

знания. При этом акцент смещается на решение проблем сопряжения учебных воздействий с закономерностями образования многомерного и смыслового мира развивающейся личности (Клочко, 1995). Событийная ордината дифференцирует предметное содержание с точки зрения тех познавательных ситуаций, которые в силу незавершенности, избыточности инициируют познавательную деятельность.

Психологическая феноменология события обозначена в ряде работ: событие – переживание, со-бытие (Бахтин, 1994), проблемная ситуация (Матюшкин, 1972), событие – впечатление при формировании научной картины мира

(Холодная; 1997), событие как встреча с чудом (Альтшуллер, 1994), символическое событие познания (Грязева-Добшинская, Маркина, 2006). Событийная организация образования задается как цепь незапланированных заранее образовательных событий, совершающихся «здесь и теперь», в равной степени неожиданных и для учителя, и для учеников (Лобок, 2000).

Эмпирическое открытие символических событий познания в процессе общения одаренного ребенка и педагога осуществлено в условиях выездной сессии Открытого лица Челябинска (Аркаим, 2005). На основе параметрической системы «Психологическая топология личности» (Грязева-Добшинская, 2004) при соотношении отражения пространства и времени в изображениях испытуемых выявлен феномен актуализации ранее отрицаемых образов бессознательного. Это сопровождается осознанием многовариативности и сложной организации бытия и усложнением восприятия физического пространства, в котором происходит открытие одаренными детьми новых, ранее сокрытых смыслов. Направления обсуждения полученных фактов задаются эвристическими возможностями

понятия «хронотоп» (Бахтин, 1975; Ухтомский, 1925; Толстых, 2010; Зинченко, 2000; Остапенко, 2005).

При изучении временного аспекта процесса познания одаренных учащихся обнаружены: локализация событий в одном временном интервале («узловые познавательные события») и события, связанные с более поздними («незавершенные познавательные события», события с «невычерпанным» предметным и личностно-смысловым содержанием).

Можно обозначить ряд образов – символов познания. Наиболее часто встречается образ – «встреча»: встреча с художественным произведением и со-бытие – «диалог» с автором произведения, встреча с другим как значимое событие и со-бытие – личностно-смысловой диалог с другим. Среди других универсальных образов-символов событий познания одаренных учащихся: «потрясение», «опыт», «парадокс».

Результаты исследования позволяют обозначить «символическое событие познание» в качестве фактора, моделирующего предметное содержание образовательной программы для одаренных детей как субъектов культуры.

Мишина М.М.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Изучение личности как многомерной системы является одной из сложнейших задач, решающих проблему индивидуальности в психологии личности. Анализ индивидуально-типологических различий структурной организации интеллектуальной деятельности личности предполагает вычленение и описание различных соотношений ее компонентов: мотивационного, оценочно-смыслового, эмоционально-волевого и когнитивного.

При анализе индивидуально-типологических различий структурной организации интеллектуальной деятельности личности следует учитывать, что: существует процесс возникновения, формирования и распада интеллектуальной деятельности личности; структурные компоненты интеллектуальной деятельности личности постоянно меняют свои функции, превращаясь друг в друга (например, потребности конкретизируются в мотивах, действие может стать операцией и наоборот); существует связь интеллектуальной деятельности личности с учебной деятельностью, трудовой, общественной и другими видами деятельности; тип интеллектуальной деятельности личности первоначально возникает и складывается в своей внешней форме как процесс общения и обмена опытом между людьми, затем на этой основе формируются внутренние формы интеллектуальной деятельности отдельной личности, свернутые в своей структуре и опирающиеся на образы и понятия.

Представим типы структурной организации интеллектуальной деятельности личности, в зависимости от которых наблюдаются ее индивидуально-типологические различия.

1. Сбалансированный тип интеллектуальной деятельности личности представлен тесными корреляционными

связями между показателями ее структурных компонентов: мотивационного, ценностно-смыслового, эмоционально-волевого, когнитивного, отражающих ее устойчивую внутреннюю организацию.

2. Несбалансированный тип интеллектуальной деятельности личности с выраженными мотивационным и оценочно-смысловым компонентами включает интеллектуальную активность личности и оценку соответствия реальных результатов с целью, а также умение оценить потенциальные интеллектуальные возможности собственной личности.

Несбалансированные типы структурной организации интеллектуальной деятельности личности характеризуются выраженными индивидуально-типологическими различиями ее структурных компонентов. Тип с выраженными мотивационным и эмоциональным компонентами характеризуется интеллектуальной активностью и неадекватной эмоциональной оценкой соответствия реальных результатов эталонным. Тип с выраженными мотивационным и когнитивным компонентами включает в себя интеллектуальную активность личности и затруднения в решении когнитивных задач. Тип с выраженными оценочно-смысловым и эмоциональным компонентами включает особенности смыслообразования, целеобразования и рефлексии, которые происходят на основе сравнения выполняемых действий с эталонными. Критический анализ и конструктивное совершенствование интеллектуальной деятельности происходит при наличии ее эмоционального принятия. Тип с выраженными оценочно-смысловым и когнитивным компонентами включает особенности протекания смыслообразования, целеобразования и рефлексии, которая возникает на основе сравнения выполняемых

действий с эталонными. Критический анализ и конструктивное совершенствование интеллектуальной деятельности происходит при наличии определенного уровня развития интеллекта. Тип с выраженными эмоциональным и когнитивным компонентами включает эмоциональное принятие собственной интеллектуальной деятельности и своих индивидуально-психологических особенностей при наличии определенного уровня развития интеллекта.

Проблемный тип характеризуется затруднением развития в мотивационном, оценочно-смысловом, эмоционально-волевом и когнитивном компонентах интеллектуальной деятельности личности. Тесные корреляционные связи между показателями структурных компонентов отражают устойчивую внутреннюю организацию интеллектуальной деятельности личности как психологического феномена.

Молчанова О.Н., Некрасова Т.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

РАЗРАБОТКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ДЖ. КРОКЕР НА ВЫЯВЛЕНИЕ БАЗОВЫХ ОСНОВАНИЙ САМООЦЕНКИ

Уровень, форма, тип самооценки, а также особенности ее функционирования отражаются на индивидуальном бытии личности – этот факт находят многочисленные подтверждения в эмпирических исследованиях. При этом методический арсенал изучения самооценки достаточно невелик и в основном сосредоточен на выявлении ее уровня. Однако уровень или «высота» самооценки сами по себе не отражают ее суть, понимаемую как суждение о ценности, значении или значимости «Я», выражающее «мою ответственность именно к моей индивидуальности» (Абульханова, 2009, с. 44). Основания, на которых личность базирует самооценку, могут оказаться более важными, чем уровень самооценки, поскольку именно они презентуют систему личностных значимостей и обуславливают особенности саморегуляции.

В настоящее время проблема базовых самооценочных оснований активно разрабатывается Дж. Крокер и ее коллегами, которые на основе созданного ими опросника и эмпирических исследований выделили семь главных оснований самооценки: одобрение других, поддержка семьи, любовь Бога, академическая успеваемость, внешность, мораль, успешность в условиях конкуренции (Crocke et al., 2001; 2003). Оригинальная версия опросника была апробирована в целом ряде исследований и адаптирована для японской, немецкой, французской, турецкой и испанской выборок. Для нас представляет интерес разработка русскоязычной версии данного опросника, разрешение на которую было получено от Дж. Крокер. Нами был произведен прямой и обратный перевод пунктов опросника, оценка их экспертами и создание его тестовой версии.

Первоначальный вариант опросника прошел апробацию на выборке студентов НИУ ВШЭ (172 человека).

Результаты показывают не слишком высокую согласованность шкал: коэффициент α Кронбаха составил в целом по опроснику – 0,625; по шкалам «академическая успеваемость» – 0,485; «одобрение других» – 0,507; «успешность в условиях конкуренции» – 0,548; «поддержка семьи» – 0,472; «любовь Бога» – 0,379; «внешность» – 0,520; «моральные нормы» – 0,551, что привело к необходимости продолжить работу по улучшению психометрических показателей данной методики. Подобные результаты в других странах обусловили разработку вариантов опросника, различающихся по количеству базовых оснований самооценки: например, из французской версии была исключена шкала «любовь Бога», в японскую версию добавлена шкала «гармоничность в отношениях» и т.д. На основе анализа литературы по ценностям современной молодежи, интервью респондентов, участвующих в первоначальной апробации методики, и экспертных заключений из оригинального опросника Дж. Крокер была исключена шкала «любовь Бога» и добавлены три дополнительные шкалы: «престиж/статус», «поддержка друзей», «отношения с любимым человеком». В апробации новой версии опросника приняли участие студенты технических и гуманитарных вузов Москвы (197 человек). Показатели внутренней согласованности шкал опросника, оцененные с помощью коэффициентов α Кронбаха, оказались достаточно высокими и составили по разным шкалам от 0,680 до 0,837. В настоящее время предпринимаются дальнейшие шаги по проверке психометрических показателей методики с целью создания ее окончательной версии. Полагаем, что разрабатываемый вариант опросника Дж. Крокер перспективен для целого ряда исследований, направленных на изучение базовых самооценочных оснований.

Мохов А.Г.

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург

ТВОРЧЕСТВО КАК РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Продолжая наше изучение взаимосвязи творчества и индивидуальности, попытаемся развить идею, изложенную нами ранее о том, что творчество возникает как преодоление или отказ от индивидуальности. Рассмотрим

более подробно психологические механизмы данного процесса. Для этого воспользуемся идеей Р.М. Грановской о творчестве как процессе изменения картины мира человека (Грановская, 1994). Придерживаясь взглядов П.Я.

Пономарева о творчестве как о побочном продукте деятельности, необходимо отметить, что в процессе деятельности индивидуальные особенности личности играют существенную роль в выборе промежуточных задач и путей поиска их решения, они могут как способствовать получению творческих решений, так и затруднять их нахождение. При этом одним из главных личностных аспектов, мешающих творчеству и нахождению новых побочных решений, являются психологическая инерция (Альтшуллер, 1994), существующие стереотипы (Вербицкий, 1991), неосознаваемые самоограничения (Богоявленская, 2002), образ или картина мира (Грановская, 1994).

Картина мира возникает у человека в процессе жизнедеятельности как определенная система взаимоотношений с внутренним и внешним миром, который фиксируется в нервной организации человека в виде некоего динамического стереотипа (Павлов, 2001). Создание фиксированной картины мира обусловлено свойствами человеческого сознания, которое стремится к упорядочиванию мира и возможности предсказания будущего (Аллахвердов, 2002). Картина мира состоит из некоторых базовых представлений, которые крайне статичны и создают иллюзию устойчивости личности (то, во что личность верит, не подвергает сомнению, и что обычно уже не осознается, например, утверждение, что земля твердая), и подвижной надстройки (те утверждения, от которых личность может достаточно безболезненно отказаться). Базовые представления или стереотипы являются теми инвариантами, вокруг которых построена вся структура личности. Человек очень тщательно охраняет свою базовую часть картины мира, используя разнообразные методы психологической защиты, так как именно она определяет отношение человека к действительности, обладает ценностью и значимостью для упорядочивания мира и отождествляется человеком с собственным «Я». Кроме этого, само устройство

нервной системы оберегает базовые стереотипы от изменений с помощью принципа минимума энтропии, так как такие изменения требуют больших энергозатрат.

Поскольку существующая у человека картина мира как система понятий, представлений, моделей является тем контекстом и материалом, на основе которого создаются модели проблемных ситуаций и ищется решение творческих задач, процесс перестройки модели и разрешения конфликтной ситуации в процессе творчества является одновременно процессом перестройки структуры и изменения личности. Ведь перестройка модели решаемой задачи идет путем осознания и изменения неосознаваемых, автоматически накладываемых ограничений, постулатов, содержаний, которые и делают модель неадекватной. К структуре личности, как любой системе, применим системный подход. Другими словами, с точки зрения системного подхода, любые изменения системы могут быть либо эволюционными (то есть изменения на уровне элементов системы, без изменения структуры системы и ее функций в целом), либо революционные (с изменением этой структуры и функций, то есть возникновением новой структуры – новой системы, что подразумевает отказ от системы уже существующей, ее субъективную гибель).

Разные творческие задачи требуют для решения разной глубины и масштабности изменения наших стереотипов, например, изменение какого-нибудь частного стереотипа мышления – действие, которое не приводит к изменению всей картины мира. Но чем выше сложность творческой задачи, тем глубже должны быть изменения в картине мира личности. Подлинное же творчество требует полного преобразования картины мира. А так как своеобразие картины мира и определяет индивидуальность нашей личности, то творчество требует от человека отказа от своей индивидуальности, отказа от старого, ради рождения нового, ради рождения новой индивидуальности.

Неврюев А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

Проблеме формирования теоретического мышления у подростков посвящено множество отечественных и зарубежных работ. В большинстве случаев основное внимание авторов сконцентрировано на аналитических и синтетических способностях, рефлексии и планировании в контексте решения учебных задач. Значимость перечисленных особенностей для личностного и социального развития подростков обычно остается без внимания авторов.

Развивая идеи В.В. Давыдова о видах мышления (эмпирическом и теоретическом) (Давыдов, 1972), А.З. Зак выделяет основные действия, необходимые для решения задач на теоретическом уровне: анализ, рефлексия, моделирование (Зак, 1982). Основываясь на этом, Р. Атаханов выделяет типы мышления: эмпирическое, аналитическое, планирующее, рефлексивное (Атаханов, 1993). Психологическая характеристика данных типов сводится к описанию мысленных операций и познавательных способностей, необходимых для их реализации (Атаханов,

1993; Зак, 1982). Базовое разделение типов мышления на эмпирическое и теоретическое находит свое отражение в зарубежных исследованиях, где эта проблема чаще всего рассматривается в контексте правополушарного и левополушарного стилей мышления.

Наиболее известные исследования в этом направлении принадлежат Э. Торренсу, который предлагает разделять учеников на левополушарных (склонных к анализу, планированию), правополушарных (склонных к синтезу, эмоциональным) и скоординированных (Ливер, 2006). Предложенный данным автором опросник для диагностики типов мышления, в отличие от разработок отечественных авторов, не содержит объективных заданий, а состоит из описания типичных поведенческих признаков, что значительно повышает его ценность для исследования школьников с различными типами мышления.

В данном исследовании мы раскрываем связь стилей мышления по Э. Торренсу, Р. Атаханову, что позволит вос-

полнить недостаток знаний о связи особенностей мышления подростков.

Исследование особенностей математического мышления показало, что способности к анализу хорошо развиты только у 33% детей, рефлексивные способности у 20,8% детей, способности к планированию у 18,8%. По сочетанию этих характеристик было выявлено 16,7% детей с развитым аналитическим уровнем теоретического мышления, 4,2% детей с планирующим уровнем, 6,2% рефлексивного типа и столько же детей с содержательным анализом предложенных заданий. Эмпирический уровень

мышления констатирован у 66,7% детей. Полученные данные свидетельствуют о недостаточно развитом теоретическом мышлении детей подросткового возраста.

Исследование стиля мышления и обучения с помощью теста Э. Торренса показало, что значения шкал не выходят за пределы средних, доминирующим типом мышления в пределах средних является скоординированный стиль. Данные нашего исследования свидетельствуют, что стиль мышления, по Э. Торренсу, никак не связан с особенностями математического мышления по тесту Р. Атаханова.

Нечепоренко О.П., Разина М.В.

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ

Современный мир крайне жесток. Люди живут в постоянном страхе, что все, чего они добились в этой жизни, у них отнимут более сильные и стойкие. Именно поэтому у многих людей развивается такое явление, как перфекционизм. По мнению П.Л. Хьюитта и Г.Л. Флетта, перфекционизм обозначает стремление быть совершенным, безупречным во всем (Грачева, 2006). Считается, что для людей с положительной перфекционистской тенденцией характерен высокий уровень ответственности. К.А. Абульханова-Славская утверждает, что ответственность – это осуществление внешнего и внутреннего контроля над выполнением собственной деятельности (Абульханова-Славская, 1991). Наше исследование проводилось с целью выявления взаимосвязи между составляющими перфекционизма и уровнями ответственности, а также создания типологии на этой основе. Мы использовали «Многомерную шкалу перфекционизма» П.Л. Хьюитта и Г.Л. Флетта (Грачева, 2006) и опросник «Ответственное поведение» (Дементий, 2001). Выборку составили 50 студентов различных факультетов Омского государственного университета в возрасте от 20 до 24 лет. В результате анализа данных было выявлено наличие взаимосвязи между составляющими перфекционизма и уровнями ответственности. Перфекционизм положительно коррелирует с такими шкалами ответственности, как «отношение к трудностям», «отношение к тому, за что человек должен нести ответственность» и «предвидение результатов деятельности»; отрицательно коррелирует с такими шкалами, как «отношение к последствиям своих поступков», «отношение к новым обязанностям».

Посредством кластеризации явно выделяются три типа, которые были нами условно названы так: «гиперот-

ветственный перфекционист», «безответственный требующий» и «адаптивный».

Начнем с гиперответственного перфекциониста (32%). Данный тип имеет достаточно высокие показатели перфекционизма, ориентированного на себя, то есть такой человек склонен предъявлять к себе завышенные требования. По сравнению с двумя другими типами, данный тип имеет наиболее высокие показатели ответственности по пяти шкалам из восьми. У гиперответственного перфекциониста также наблюдаются достаточно высокие показатели социально предписанного перфекционизма, что говорит о том, что принятие ответственности и давление общества тяготят такого человека, он думает, что окружающие хотят от него слишком много. Безответственный требующий тип (16%) характеризуется высокими показателями перфекционизма, ориентированного на других. Такой человек требует ответственного поведения от окружающих, сам при этом не проявляя подобных качеств. Показатели ответственности данного типа, по сравнению с двумя другими, находятся на более низком уровне. Наконец, третий тип, который мы назвали адаптивным (52%), характеризуется невыраженным уровнем перфекционизма, но высоким уровнем ответственности. Такой человек предъявляет к себе требования, но не очень высокие, он целеустремленный, старается все сделать как можно лучше, серьезно относится к делам, но неудачи не приводят его к депрессии, фрустрации или невротическому состоянию.

Наше исследование имеет большие перспективы дальнейшего развития, так как тема перфекционизма является очень актуальной для современной действительности.

Николаева И.А.

Курганский государственный университет, Курган

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЦЕННОСТНОГО ОЦЕНИВАНИЯ

Ценностное оценивание – присвоение ценностных оценок, сопровождающееся ценностными переживаниями. Ценностное оценивание и ценностное переживание

являются способом существования личностных ценностей человека. Согласно современным исследователям ценностей, ценностное оценивание сопровождает каждый

акт взаимодействия человека с миром. Ценностное оценивание имеет особое значение в сфере самосознания и отношений с другими, именно эти аспекты будут обсуждаться ниже.

Есть мнение, что ценностное оценивание является фундаментальным процессом, исходным по отношению к когнитивным и эмоциональным структурам, основой избирательной психической активности (Б.С. Алишев, В.Е. Ключко). С другой точки зрения, ценностное оценивание вторично по отношению к эмоциям и когнитивным процессам и является результатом эмоционального обобщения (А. Лэнгле, К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Н.Р. Салихова). Имеются данные и о разных видах ценностных оценок – рациональных и эмоциональных, различающихся своим процессуальным содержанием (Р.Х. Шакуров, Н.А. Батурич).

Ценностное оценивание имеет индивидуально-устойчивые процессуальные характеристики – параметры ценностного оценивания, к которым применимы все стилевые атрибуты: межличностная вариативность и индивидуальная устойчивость параметров, инструментальный характер, системное единство. Систему устойчивых индивидуальных параметров ценностного оценивания мы назвали индивидуальным стилем ценностного оценивания. Основанием ценностного оценивания является система ценностных критериев, имеющая уровневое строение.

Для анализа стилевых параметров принципиальное значение имеют фундаментальные и универсальные уровни ценностных критериев, лишенные конкретного содержания. На настоящем этапе исследования мы выделяем следующие.

1) протоуровень установка «да/нет жизни» (Лэнгле, 2004);

- 2) уровень универсальных критериев
 - а) «Я-критерий» (включая ценностное отношение «Я / Мир») (Алишев, 2001);
 - б) абсолютные критерии «высшее» (наилучшее) «низшее» (наихудшее);
 - в) универсальный операциональный критерий – критерий «среднего»;

К универсальным ценностным основаниям должны быть отнесены и архетипы как структурные формы, лишенные конкретного содержания. Но здесь мы их не рассматриваем. Социальные нормы и прототипы должны быть отнесены к уровню конкретных содержательных оснований ценностной оценки. Очевидно, что критерий «Да жизни!» является нормой жизни человека.

Имея в виду только норму, назовем параметры ценностного оценивания, задаваемые универсальными критериями: склонность (анти-)идеализировать других; склонность абсолютизировать идеализируемые образы; степень удаленности «идеальных» образов от «других» (соответствует чувству достижимости/недостижимости «идеалов»); степень удаленности «анти-идеальных» образов от других (соответствует различию между допустимым и недопустимым – чувству недопустимости «анти-идеалов»); склонность ценить «других» как равноценных, выше или ниже «Я»; субъективная близость к тем, кто «выше» или «ниже Я»; самооценочность (глобальная самооценка).

Нами создан методический инструментарий для измерения этих параметров. Получены данные о связи названных параметров с личностными и когнитивно-стилевыми характеристиками.

Стиль ценностного оценивания дополняет наши представления о бытии личностных ценностей и об индивидуальных стилях личности.

Никольская А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДОВОЙ И/ИЛИ ЛИЧНОСТНОЙ ДЕФИЦИТАРНОСТИ ПРИ ПОМОЩИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ДОМАШНЕГО ПИТОМЦА*

По оценкам специалистов, во всем мире наблюдается постоянный рост числа домашних животных (www.rg.ru, 2010, www.rkf.org, 2011). Почему стремление завести домашнее животное становится все более распространенным во всем мире? Почему люди продолжают держать и заводить животных, даже сталкиваясь с агрессивными проявлениями со стороны питомцев в свой адрес? Можно ли, рассматривая данное явление, говорить о тяготении человека к природе, или проблема лежит в плоскости личностной или средовой дефицитарности?

В последние десятилетия наметилась тенденция приобретать животное для совместного проживания, оно начинает выполнять функции социального партнера (Аскаю, 2004; Варга, Федорович, 2010; Оверолл, 2007; Хорвитц, Миллз, 2008; Ялом, 2007). Более того, животные начинают восприниматься человеком как члены семьи (Kruger, Serpell, 2006) и наделяются статусом значимых других (Дерябо, 1995). Вероятно, такие данные не случайно получены именно на городском населении, поскольку эффект

отчуждения индивида в городе известен и описан (напр., Сайко, 2006).

В ходе 7-летней консультационной практики, связанной с жалобами владельцев на отклоняющееся поведение домашних животных (кошек и собак), были получены данные, согласно которым в 75% причина лежит в нарушении взаимодействия человека с животным, в неправильном восприятии человеком животного (Никольская, 2007). Проведенное нами исследование (по тесту С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина (1993)) показало высокий уровень субъективизации владельцами своих животных (по шкале 0 24, М = 18,3), высокий уровень вовлеченности в совместную деятельность (общение) с ними (по шкале 0 24, М = 16) и более низкий по сравнению с этими показателями уровень референтности животного как значимого субъекта (по шкале 0 24, М = 12,4), где М – среднее арифметическое по шкале в «сырых» баллах. Следовательно, владельцы воспринимают своих питомцев как субъектов и вступают в активное общение с ними.

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-06-00735а).

Было выявлено, что стиль этого общения зависит от того, с какой целью приобреталось животное, какую потребность владельца (часто неосознаваемую) оно возмещает, т.е. каковы ожидания владельца от животного, какую роль оно призвано исполнять в его жизни (Панов, Никольская, 2011). Так, человек может приобретать животное в качестве замены ребенка (средовой дефицит) и ожидать от животного исполнения роли человеческого ребенка. Если же говорить о восполнении личностного дефицита, то здесь в зависимости от возраста и индивидуальных особенностей владельцев выявляются разнообразные личностные проблемы (страх смерти, базовое недоверие

к миру, низкая самооценка, проблема сепарации, проблема смыслообразования и т.д.). Встречаются и смешанные случаи, когда животное приобретается с целью снятия как средового, так и личностного дефицита.

Таким образом, консультирование владельцев, предъявляющих жалобы на поведение своих питомцев, оказывается своеобразным психодиагностическим инструментом для выявления индивидуальных особенностей этих владельцев. А в случае, если консультанту удастся оптимизировать взаимодействие в диаде «человек – животное», это оказывает положительный эффект на владельца, снижая остроту его личностной проблемы.

Новикова И.А.

Российский университет дружбы народов, Москва

СПЕЦИФИКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ В РАМКАХ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Системно-функциональный подход к изучению личности и индивидуальности разрабатывается А.И. Крупновым уже более 30 лет. Согласно последнему варианту предлагаемой модели, каждая личностная черта включает в себя, по меньшей мере, установочно-целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный, динамический, эмоциональный, регуляторный и рефлексивно-оценочный компоненты, состоящие из двух переменных (Крупнов, 2006).

Одним из направлений исследований в рамках данного подхода является выявление и изучение типологических (индивидуально-типических) особенностей личностных черт. Первые работы в данном направлении появились около 20 лет назад (в рамках шестикомпонентной модели).

Критерием типологизации, как правило, выступал характер доминирования и соотношения отдельных переменных в структуре изучаемой черты. О.Б. Барабаш (Барабаш, 1992) и И.А. Пономаревой (1994) были разработаны типологии настойчивости студентов, на основе которых были предложены и апробированы программы по гармонизации и развитию настойчивости с учетом выявленной индивидуально-типической специфики. Н.В. Тучаком (1993) были выделены типы инициативности предпринимателей и показано их соотношение с показателями успешности предпринимательской деятельности. Р.А. Мульхи (Мульхи, 1995) было выявлено соотношение индивидуально-типических особенностей трудолюбия со спецификой учебной деятельности студентов.

В более поздних работах для построения типологии, как правило, использовался кластерный анализ. С его помощью были изучены индивидуально-типические особенности: любознательности студентов в соотношении с особенностями их учебной деятельности (Стакина, 2006); ответственности студентов (Казанцева, 2008); организованности студентов на разных этапах обучения

(Русакова, 2009); общительности курсантов военного вуза в соотношении с характеристиками их агрессивности (Исаева, 2008); уверенности сотрудников коммерческих организаций в соотношении с особенностями их самоактуализации и эффективности профессиональной деятельности (Замалдинова, 2011).

В ряде работ в типологическом аспекте изучались несколько черт личности. Н.А. Фоминой были выделены типы общительности, настойчивости, любознательности (отдельно по каждой черте), которые рассматривались в контексте особенностей индивидуальной речевой деятельности (Фомина, 2002).

Были выявлены также сочетания в реализации общительности, настойчивости, любознательности (Каргина, 2005); настойчивости и инициативности в соотношении с карьерными ориентациями студентов (Полянская, 2008).

Вопрос о подобию индивидуально-типических особенностей различных личностных черт был рассмотрен нами совместно с Д.А. Шляхтой на примере общительности, настойчивости и любознательности, в результате чего было показано существование четырех типов (инструментально-смысловой, избирательный, мотивированно-агармонический и слабо-мотивированный), которые отличаются относительной устойчивостью в разных выборках и в разных сферах отношений субъекта (Шляхта, 2009).

В последнее время рассматривается вопрос о специфике индивидуально-типических особенностей системно-функциональных черт личности в выборках разного пола (Нечепуренко, 2009) и возраста (Шурухина, 2011).

Перспективной линией исследований мы считаем изучение этнопсихологической специфики типологических особенностей личностных черт и их проявления в процессе межкультурной коммуникации и адаптации.

Овсянникова В.В.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

Люсин Д.В.

Институт психологии РАН; Москва

ТОЧНОСТЬ И СЕНЗИТИВНОСТЬ КАК ДВА АСПЕКТА РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ

Распознавание эмоций является одной из важнейших социальных способностей человека. В современной психологии предпринимается множество попыток измерить эту способность, чаще всего в рамках изучения эмоционального интеллекта. При этом одним из ключевых вопросов является определение «правильных» ответов в заданиях на распознавание эмоций. Для этого оценивается степень сходства между оценками испытуемых и «правильными» оценками, полученными с помощью группы экспертов или консенсуса выборки стандартизации. Исследователи отмечают, что разные способы вычисления показателей эмоционального интеллекта в тестах зачастую приводят к несогласованным результатам, что является серьезной проблемой при измерении этой способности (MacCann, Roberts, 2008).

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о связи способности к распознаванию эмоций с интеллектуальными способностями и личностными чертами. Эмпирические данные часто противоречат друг другу. Можно предположить, что в основе этих противоречий лежит смешение двух аспектов распознавания эмоций, которые необходимо различать. Одним аспектом является точность – это способность правильно оценить модальность эмоционального состояния другого человека. Вторым аспектом выступает сензитивность – это склонность к преувеличению или преуменьшению интенсивности эмоций другого человека.

Для эмпирического обоснования различий между точностью и сензитивностью распознавания эмоций и анализа их психометрических характеристик была проведена серия исследований. Общая выборка составила 635 чело-

век (средний возраст 21 год). Испытуемые выполняли Видеотест эмоционального интеллекта, разработанный для измерения способности к распознаванию эмоций (Люсин, Овсянникова, 2011), а также ряд методик для оценки других психологических характеристик. Видеотест состоит из семи коротких видеосюжетов и 15 шкал для оценки эмоционального состояния персонажа в них. Показатель точности – это степень совпадения профиля ответов испытуемого с профилем «правильных» ответов, полученных с помощью группы экспертов. Показатель сензитивности представляет собой расстояние между оценками испытуемого и экспертов.

Были вычислены значения коэффициентов надежности показателей точности и сензитивности, проведен анализ связей между самими показателями, а также их корреляции с показателями общего интеллекта, эмоционального интеллекта, Большой пятеркой личностных черт. Результаты показали, что точность и сензитивность имеют достаточно высокую внутреннюю согласованность и ретестовую надежность. Корреляция между показателем точности и показателем сензитивности составила 0,141 ($p < 0,001$), что показывает отсутствие тесной связи между ними. Точность и сензитивность образовали разные паттерны связей с опросником ЭИИ (Люсин, 2006), тестом эмоционального интеллекта MSCEIT (Mayer et al., 2003) и общим интеллектом.

В целом полученные результаты подтверждают предположение о том, что точность и сензитивность являются разными аспектами способности к распознаванию эмоций и по-разному проявляют себя в связях с другими психологическими характеристиками.

Орбелян С.С., Шлягина Е.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Жизнь в современном мире ставит перед человеком сложные задачи адаптации: массовидность форм общественного бытия, быстрая жизнь, необходимость поддерживать вынужденные контакты с большим числом людей ежедневно, постоянное сравнение себя с другими людьми и т.д. В этих условиях теряется подлинность и доверительность общения, отождествление себя с другими людьми и предметами становится результатом потери собственного «Я», отчуждения от своей личности. В юношеском возрасте, характеризующемся еще неокрепшим, диффузным «Я», эти тенденции проявляются особенно остро. Одиночество, таким образом, становится важным аспектом жизни современного человека.

В зарубежной психологии проблема субъективного переживания одиночества давно и серьезно разрабатывается под различными углами зрения. Отечественная же психология обратилась к этой тематике только в последние десятилетия (Хараш, 2000; Мельник, 2004; Неумоева, 2005; Корчагина, 2008; Леонтьев, 2011 и др.).

По ряду вопросов, связанных с субъективным переживанием одиночества, исследователи занимают полярные позиции. Одни рассматривают одиночество как мощный личностный ресурс, и их позицию хорошо отражает высказывание Ж.-П. Сартра: «Если вы одиноки, когда вы один, значит, вы в дурном обществе». Другие указывают на болезненное и деструктивное переживание одиноче-

ства: «Только тот любит одиночество, кто не осужден его испытывать» (Б. Минускович). Эти разные позиции лишней раз указывают на двойственную психологическую природу субъективного переживания одиночества.

В отечественной психологии к настоящему времени разработано уже несколько методик для диагностики субъективного переживания одиночества. Однако эмпирических исследований пока еще крайне мало.

Нами была предпринята попытка исследования различий в переживании юношами и девушками чувства одиночества в зависимости от выраженности их индивидуальных и индивидуально-личностных характеристик.

Для диагностики в исследовании было использовано восемь опросных и проективных методик, что позволило нам получить целостное видение феномена субъективного переживания одиночества и обнаружить различное семантическое содержание феномена в зависимости от выраженности индивидуальных и индивидуально-личностных характеристик.

В исследовании получен ряд важных и интересных данных, и встает вопрос о нахождении личностных предикторов переживания одиночества, что позволит подойти к разработке многомерной модели типологии одиночества.

Орлов А.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОТЕРАПИЯ: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ К ИНДИВИДНОСТИ

В гуманистической психологии (Rogers, 1961), экзистенциальном анализе (Лэнгле, 2009), эзотерической психологии (Гурджиев, 2006), онтопсихологии (Менегетти, 2007) неизменно выделяются две составляющие субъектности: личность человека (специфический конгломерат психофизических характеристик, социальных функций) и сущность человека (свободного и ответственного субъекта, способного принимать автономные аутентичные решения).

Осуществление человека как сущности представляет собой глубокую внутреннюю работу, результат которой – индивидуальность – оппозиционна индивидуальности «плюс» самости.

Опыт психотерапевтической работы с клиентами в недирективных форматах клиентоцентрированной, экспрессивной и онтопсихологии свидетельствует о том, что процесс психотерапии последовательно проходит три основные стадии.

На первой стадии «проблема» клиента локализуется в сфере интерперсональных отношений, или на уровне взаимодействия клиента как личности с другими личностями индивидуальностями. На этой стадии клиент использует оценочный, стереотипизированный, клишированный, знаковый язык.

На второй стадии «проблема» существует уже в сфере интраперсональных отношений, как отношение клиента с той или иной своей личностной особенностью. И наконец, на третьей стадии «проблема» перемещается в сферу трансперсональных отношений и оформляется как отношение человека к своей личности в целом, которое невозможно без внеличностной «точки опоры», в качестве которой может выступить только сущность человека (или точнее, ее осуществление – индивидуальность). На данной стадии сама «личность» клиента ставится им «под вопрос», диапазон самопрезентаций возрастает,

расширяясь и углубляясь; речь насыщается авторскими метафорами, а самовосприятие – уникальными ощущениями и переживаниями. Человек начинает воплощать отличную от индивидуальности психическую конфигурацию – индивидуальность. Это может вызывать у человека целый спектр новых переживаний, которые объединяет ощущение обретения нового смысла жизненности, наполненности, самооценности и т.п.

Подобные переживания могут обретать форму таких измененных состояний сознания, как возрождение, новое рождение, обретение нового «Я» и отказ от «Я» прежнего (личности индивидуальности).

Для третьей стадии психотерапии характерно также проживание символических образов («живых символов» в терминологии К.Г. Юнга), которые (в отличие от метафор) воспринимаются как «нерукотворные», не созданные или порожденные самим клиентом, наполненные смыслом, превосходящим текущее актуальное понимание и тем самым генерирующими новые жизненные возможности.

На данной стадии выявляется сущность индивидуальности человека и начинается процесс ее трансцендентирования, выхода к трансперсональным формам опыта (от переживания другого человека как живого уникального Лица-Лица до переживания Божественного начала). Иначе говоря, в процессе психотерапии происходит перестройка исходной, надстраиваемой над личностью индивидуальности, обнаруживает себя индивидуальность как «новая индивидуальность», включающая в себя «центр инициативы» как свою неотъемлемую часть.

Основные интегральные особенности индивидуальности: нуминозные, трансперсональные переживания, чувствительность и открытость опыту, аутентичность и конгруэнтность, способность не отыгрывать свои состояния действиями и способность любить.

Павлов И.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь

ОБРЕТЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ИДЕНТИФИКАЦИЮ И ОБОСОБЛЕНИЕ С РОДИТЕЛЯМИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Роль родителей в психическом развитии ребенка на различных этапах онтогенеза является одной из самых исследованных тем в современной психологии, которую не обошла стороной ни одна сколько-нибудь крупная психологическая школа. Любая теория личности, разрабатываемая отечественными или зарубежными авторами, так или иначе касается проблемы детско-родительских взаимоотношений. Однако вопрос о том, «что могут и чего не могут родители» (Кон, 2003) в плане влияния на развитие личности и индивидуальности ребенка, по-прежнему остается открытым. Эмпирически данная проблема традиционно изучается путем установления корреляционных зависимостей между стилями воспитания, реализуемыми родителями, или определенными особенностями личности родителей с одной стороны, и определенными особенностями личности или поведения ребенка с другой стороны. При этом дети подспудно рассматриваются в качестве объектов родительского влияния, а не субъектов собственного развития. Субъектность ребенка, реализуемая в отношениях с родителями, недооценивается или не принимается во внимание. В психотерапевтической практике такой подход приводит к убеждению, что любая психологическая проблема даже взрослого человека детерминирована его детским опытом взаимоотношений с родителями.

Наряду с этим многие исследователи (Столин, 1983; Бернс, 1986; Мухина, 1999; Кон, 2003; Подьяков, 2006; Мухина, 2007), занимаясь изучением и теоретическим осмыслением механизмов развития личности на разных этапах онтогенеза, особое внимание уделяют самодетерминации психического развития, рассматривая ребенка в качестве субъекта, а не объекта детско-взрослых взаимоотношений. Такой подход позволяет глубже понять механизмы формирования индивидуальности ребенка в различных семейных условиях, в соответствии с ожиданиями родителей или «вопреки» им. В этой связи можно сказать,

что индивидуальность ребенка до какого-то времени действительно в большей степени формируется взрослыми, в первую очередь родителями и воспитателями, но в определенный момент ребенок перехватывает инициативу «в свои руки» и начинает активно строить собственную индивидуальность.

Таким переломным моментом в личностном развитии ребенка, по мнению исследователей (Кон, 1982; Мухина, 1999; Сапогова, 2005 и др.), становится ранний юношеский возраст. Основными механизмами личностного развития и обретения собственной индивидуальности в юношеском возрасте являются осознанная идентификация и обособление, которые представляют собой два диалектически противоположных способа присвоения содержания образа «Я». Личность присваивает структуру самосознания через идентификационные механизмы, но обособление определяет индивидуальное развитие каждого звена этой структуры, обретает свои сущностные черты через идентификацию и индивидуализирует себя через обособление (Мухина, 1999; Мухина, 2007). Применительно к детско-родительским взаимоотношениям объектами для идентификации и обособления выступают родительские фигуры. Проводимое нами в настоящее время исследование, посвященное изучению особенностей образа «Я» у юношей и девушек из разных типов семей, показывает, что характер образа родителя, который складывается в раннем юношеском возрасте, взаимосвязан со степенью идентификации или обособления с родителем в субъективно воспринимаемом прошлом, настоящем и будущем. Используя родительский образ как своеобразный позитивный или негативный эталон, юноша или девушка сознательно стремятся либо к большей идентификации с ним, либо к обособлению от него в настоящем и будущем, активно преобразуя собственное «Я» и обретая подлинную индивидуальность.

Папуца Н.В.

Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, Нежин, Украина

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Значение общения, взаимодействия, в частности, диалога в существовании и развитии индивидуальности вообще является признанным в науке. Философская метафора «сначала человек, как в зеркало, смотрится в другого человека...» достаточно активно и продуктивно наполняется эмпирическим материалом, тем самым разнообразные аспекты взаимосвязи двух глобальных явлений (общения и становления индивидуальности) постепенно открываются и становятся понятными. Одновременно, «по законам методологического жанра», возникают и новые вопросы. Главным образом, это вопросы о механиз-

мах – ведь в целом уровень современной научной психологии – это уровень интереса к механизму существования, возникновения и изменения тех или иных психических явлений: собственно, центральным является вопрос «как это происходит?», и при этом – на все более тонком и глубинном уровне. Нам представляется важным и интересным проследить это движение в рамках проблемы становления индивидуальности.

Что может открыть нового в проблеме психологии развития использование категории «диалог» в виде исследовательского принципа? Общим выводом многочисленных

трактовок психологических аспектов диалога является, на наш взгляд, понимание его как особого способа взаимодействия и мышления (то есть – внутреннего взаимодействия), который присущ только индивидуальности. При этом люди, которые осуществляют диалог, находятся в субъектной позиции (последнюю, вслед за Г.С. Батищевым (1997), мы понимаем как объединение собственной интенциональности с принятием другого как интенционального партнера).

Анализ современной литературы, посвященной психологии диалога, позволяет выделить ключевые, на наш взгляд, позиции, единство которых может рассматриваться как методологическое основание исследования своеобразных аспектов становления и существования индивидуальности. Имеется в виду следующее: если диалог является способом взаимодействия, присущим исключительно целостной индивидуальности, его использование в качестве действительного объекта и, одновременно, принципа исследования может способствовать преодолению редуцированных тенденций в психологии индивидуальности.

С другой стороны, учет того, что в диалоге обязательно момент своеобразного сочетания «выражение открытость» (выражение как предъявление некоторому другому своего внутреннего, а открытость как стремление и отсутствие боязни получить предъявление от другого) позволяет разворачивать не только исследование в площади конкретного «здесь и теперь» существования человека, но и ставить серьезные вопросы относительно возникновения и развития содержания того, что предъявляется. Отсюда возникает необходимость поиска внутренней психологической репрезентации диалога, т.е. фактически «носителя», который и отображал бы диалог во внутреннем мире человека, и сам бы изменялся в процессе диалога. Нам представляется, что в качестве такого «носителя» может выступить переживание. Реализация диалогического принципа в исследовании психологии индивидуальности будет означать не больше не меньше, как изменение господствующей парадигмы на новую, которую удачно озвучил Р. Мэй, написав, что единица изучения являет собою скорее «существование-двух-личностей-в-мире».

Паукова А.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СНОВИДЕНИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. Целый ряд авторов, начиная с З. Фрейда, говорит о том, что сновидения имеют особую значимость в жизни личности. Выделяется целый перечень функций сновидения: фантазийное удовлетворение желаний (З. Фрейд), дополнение однобокой установки сознания новыми, игнорируемыми в бодрственной жизни фактами, переживаниями, предчувствиями (К.Г. Юнг), отражение незавершенных гештальтов (Ф. Перлз) и т.д.

2. Вместе с тем, остается неясным, каким образом реализуются все вышеперечисленные функции у людей, которые, по их утверждению, не видят и/или не помнят своих сновидений. Ведь для того чтобы проводить работу по пониманию смысла сновидения – вне зависимости от подхода – необходимо иметь в качестве исходного материала образы, сюжеты сновидения или хотя бы чувства, вызванные им. Кроме того, особой спецификой обладают так называемые «осознанные» сновидения (lucid dreamings) – когда сновидец во время сна отдает себе отчет в том, что он спит, и при этом может совершать активные действия, преобразовывать сюжет сна и т.д.

3. В рамках психологии сновидений совершаются попытки создать классификации сновидений или хотя бы зафиксировать основные их виды. Например: сны-кошмары, повторяющиеся сны, эротические сны, «вещие» сны. Однако в основном это применимо только к тем сновидениям, которые обладают более или менее отчетливым образным сюжетом, т.е. сновидениям в общепринятом смысле этого слова.

4. Нам представляется необходимым дополнить существующие «горизонтальные» классификации классификацией «вертикальной», выделив различные «уровни» сновидений. Это будет способствовать пониманию фе-

номена в более широком контексте и позволит четче отразить ресурсы сновидения для развития индивидуальности в каждом случае. Мы выделяем три уровня сновидения – в зависимости от уровня осознанности и включенности «Я»: 1) «неснящиеся» сновидения; 2) сновидения с выраженным образным сюжетом; 3) «осознанные» сновидения.

5. «Неснящиеся» сновидения характеризуются тем, что не оставляют отчетливых следов в памяти сновидца. Казалось бы, можно выдвинуть предположение о том, что есть люди, которым действительно не снятся сны. Однако известно, что применяя специальные техники вспоминания после пробуждения, человек может вспомнить сновидение, хотя до этого считал, что ему ничего не снилось. Таким образом, когда мы говорим о «неснящихся» сновидениях, то констатируем существенный разрыв между сновидческим опытом и опытом бодрственной жизни – фактически, они не пересекаются, а точнее не «сшиваются» сознанием. Говоря о функциях данного уровня сновидений, можно предполагать два варианта, которые, в общем, не исключают друг друга. Первый вариант: такие сновидения не требуют участия сознания сновидца, это бессознательная или полубессознательная переработка остатков дневных впечатлений, ощущений, восприятий, влекущая за собой снижение общего уровня напряжения. Второй вариант: сновидения содержат в себе информацию, угрожающую сознательным установкам сновидца и потому вытесняются.

6. Сновидения с выраженным образным сюжетом рассмотрены в психологической литературе подробнее всего. Их существенной особенностью является то, что они уже не просто незаметно «латают прорехи» в восприятии

личностью актуальной жизненной ситуации, но вызывают к тому, чтобы это восприятие существенно изменить или дополнить – на уровне чувства или смысла. В зависимости от сновидения и от глубины работы с ним возможны изменения мироощущения, мировоззрения, самовосприятия.

7. Уровень «осознанных» сновидений можно охарактеризовать как максимально «продвинутый»: уровень

включенности «Я» в этих случаях максимален. Видя сон, сновидец понимает, что он спит. Соответственно, он может принимать участие в событиях сновидения на ином уровне – становясь субъектом сна и участвуя в творении его реальности, тем самым обретая новый опыт, разрешая актуальные конфликты и проблемы на символическом уровне и пр. – включаясь в психическую жизнь «изнутри» и фактически строя свое «Я».

Разорина Л.М.

Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Успешность строгого научного метода изучения индивидуальности личности связана, как представляется, с решением двух основных методологических проблем: 1) с выбором адекватной теории и конструированием адекватной модели; 2) с использованием адекватного метода.

Выбор адекватной концепции личности в современных условиях не представляет больших затруднений. Во-первых, концепция должна позволять строить программы развития, самоосуществления безопасной и нравственно ответственной личности и ее коррекции (при необходимости); во-вторых, обеспечивать возможность построения научно обоснованного строгого метода исследования; в-третьих, обладать достаточной объяснительной силой.

Таким критериям отвечает концепция Б.С. Братуся (1988), исходящая из методологии деятельностного подхода А.Н. Леонтьева (1975). Б.С. Братусь предлагает и модель личности как средства и орудия приобщения человека к человеческому роду. В структуре личности он выделяет ядро личности (личность в узком понимании) как систему смысловых образований, фиксирующих позицию личности и обеспечивающих нравственную и смысловую регуляцию внутреннего мира человека и его взаимоотношений с внешним миром.

Основная плоскость движения в личности – нравственно-ценностная. В широком понимании личность включает и характер как способ реализации позиции. Проекция личности на плоскость бытия, культуры и смыслов отражают, по сути, предложенную М. Смитом структуру установки, включающую когнитивный, эмоциональный и операциональный механизмы поведения.

Таким образом, в концепции развито представление А.Н. Леонтьева о личности как моменте деятельности; приращением стало представление о самоосуществлении и саморегуляции.

Возможность построения строгого научно обоснованного метода изучения личности как нормативно заданного системного образования и индивидуальности личности как вариативного продукта также заложена в методологии деятельностного подхода.

Представление Б.С. Братуся о том, что личностные ценности, конституирующие позицию личности, могут изменяться от положительного (соотнесенного с социальными потребностями и нравственными критериями) к отрицательному полюсу (извращенные ценности), задают пространство методики исследования, учитывающей специфические особенности смысловых образований.

И такая методика в отечественной практике существует. Она создана Г.Е. Залесским (1985; 1994) в русле представлений П.Я. Гальперина, развивавшего подход Л.С. Выготского к диагностике, и учитывает, с одной стороны, специфику ценностно-смысловых образований, с другой стороны, механизм поведения, исходящий из представлений М. Смита.

Апробация серий «Д» ценностно-нормативной методики применительно к основным отношениям человека (к миру, к другому человеку, к себе) обнаружила, что после 90-х гг. прошлого века удельный вес эго-направленности молодежи возрос и превышает 90% практически в каждой экспериментальной выборке.

Вместе с тем, трудоемкость анализа и интерпретации результатов требует: 1) введения более четких критериев разграничения типологических групп (со сформированной гуманистической социально адекватной позицией, с неустойчивой и эгоистической позицией); более четкой и строгой типологии испытуемых в соответствии с замыслом Г.Е. Залесского на основе выполнения диагностических заданий, строящихся на основе нормативного модельного подхода, направленного на выявление содержания и характера ценностных ориентаций и устойчивости нравственной позиции, как особенностей и специфики индивидуальности личности.

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Богомаз С.А., Сулимина О.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Томский государственный университет, Томск

Тверской филиал Московского гуманитарно-экономического института, Тверь

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ШКАЛ ВТОРОЙ ВЕРСИИ МИННЕСОТСКОГО МНОГОФАКТОРНОГО ЛИЧНОСТНОГО ОПРОСНИКА (ММПИ-2)*

Миннесотский многофакторный личностный опросник является одной из наиболее известных в мире методик диагностики личностных особенностей. Уникальной чертой, отличающей его от других аналогичных методик, является клиническая верификация основных шкал, в ходе которой отбирались пункты, позволяющие дифференцировать больных психическими заболеваниями и испытуемых без диагностированных психических нарушений. В мировой практике к настоящему времени применяется вторая версия опросника (ММПИ-2, 2001), в состав которой входит ряд дополнительных шкал, содержательных шкал и пересмотренных клинических шкал.

В частности, на основе содержательного анализа пунктов были предложены и валидизированы 15 содержательных шкал. Часть из них направлена на диагностику особенностей, не учитывавшихся в первой версии (шкалы тревоги, страхов, обсессивности, поведения типа А), часть позволяет уточнить основные шкалы (депрессия, озабоченность здоровьем, антисоциальные практики), другие относятся к нарушениям адаптации в конкретной сфере (семейные проблемы, нарушения работоспособности, неготовность к лечению). В отличие от основных шкал, содержательные шкалы включают обоснованные пункты и обладают лучшей надежностью-согласованностью и обеспечивают ряд дополнительных возможностей при диагностике личностных особенностей.

В России получили распространение две апробации первой версии методики, известные под названиями методика многофакторного исследования личности (Березин и соавт., 1994) и стандартизированный многофакторный метод исследования личности (Собчик, 2007), включавшие модификацию ряда пунктов. Официальная апробация второй версии методики на русском языке начата в настоящее время. Права на нее на основе договора с правообладателем – издательством Миннесотского университета – при-

надлежат работающей в России компании «Джунти О.С.» (Флоренция, Италия).

Целью данной работы является пилотажное исследование психометрических показателей содержательных шкал русскоязычной версии ММПИ-2 (надежности-согласованности и интерференции с другими основными шкалами). В пилотажном исследовании участвовали 253 человека (79 мужчин и 174 женщины) от 17 до 72 лет (средний возраст $29,2 \pm 10,2$ года), жители Москвы, Твери и Томска. Испытуемые заполняли вторую версию методики.

Результаты. Надежность-согласованность большинства содержательных шкал варьировала от 0,75 до 0,82 как у мужчин, так и у женщин. Исключение составили три шкалы: озабоченность здоровьем, антисоциальные практики и поведение типа А, α Кронбаха которых было в низком диапазоне 0,68–0,71. Содержательные шкалы на среднем уровне положительно коррелируют между собой и с основными шкалами, что соответствует существующим данным (ММПИ-2, 2001), свидетельствуя о наличии общей составляющей, характеризующей нарушения в целом. Ни в одном случае коэффициент корреляции не достигает 0,80, т.е. шкалы измеряют содержательно разные конструкты. Корреляция шкал, содержательно уточняющих основные шкалы, с соответствующими основными шкалами во всех случаях превышает 0,50, иными словами, речь идет о действительно близких конструктах (например, шкалы тревоги и обсессивности со шкалой депрессии, шкала вычурного мышления – со шкалой шизофрении и т.п.).

Выводы. Таким образом, результаты пилотажного исследования свидетельствуют о надежности и дискриминантной валидности содержательных шкал русскоязычной версии ММПИ-2, что позволяет использовать их для более полной диагностики личностных особенностей.

Рудыхина О.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

СТРУКТУРА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ В СООТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В настоящее время авторы многих психологических исследований стремятся к реализации интегративного подхода в своих работах, что также проявляется в области изучения когнитивно-стилевой организации человека.

Несмотря на то что исследования 50–70-х гг. XX в. (Gardner et al., 1959; Kagan, 1966; Witkin, 1971) постепенно сменились работами, направленными на определение места познавательных стилей в структуре индивидуальности

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 12-06-00403.

человека (Royce, Wardell, 1978; Nosal, 1990; Либин, 1998; Собчик, 1998; Холодная, 2002; Берулава, 2010), этот вопрос до сих пор не решен. Решению данной задачи может способствовать изучение структуры эпистемологических стилей, являющихся стилями высокого порядка в иерархии познавательных стилей и обозначающими индивидуально-своеобразные формы познавательного отношения к себе и к окружающему миру.

Поскольку ценности детерминируют процесс познания человеком социального мира (Лебедева, 2001), можно предположить, что ценностные ориентации являются одним из главных компонентов структуры эпистемологических стилей. К тому же в современных исследованиях ценностно-мотивационной сферы проявляется тенденция обращения к типологическому подходу (Бубнова, 1999; Корнилова, Степаносова, 2006; Сафин, Нурлыгаянов, 2008; Апресян, 2008).

Учитывая, что типологию личности К.Г. Юнга можно рассматривать в качестве классификации познавательных личностных типов (Холодная, 2002), в данной работе мы предприняли попытку рассмотреть специфику взаимосвязи типологических характеристик и особенностей иерархии ценностных ориентаций в качестве компонентов структуры эпистемологических стилей, а также определить взаимосвязи данной структуры с интеллектуальными стилями. В исследовании использованы методики: методика «Ценностные ориентации» (М. Роквич); опросник «Стиль мышления» (А. Харрисон и Р. Брэмсон); опросник «Психологический портрет» (Д. Кейрси).

В исследовании приняли участие студенты 1 и 3 курса технических, экономических, гуманитарных специальностей

Новосибирского государственного технического университета ($n = 367$).

В результате проведенного факторного анализа (использован метод главных компонент; вращение – нормализованный варимакс) получена факторная структура терминальных и инструментальных ценностей, каждая из которых представлена пятью факторами. Проведенный вторичный факторный анализ показал, что внутренняя структура взаимосвязи терминальных и инструментальных ценностей с индивидуально-типологическими и индивидуально-стилевыми характеристиками определяется пятью факторами, объясняющими 51,59% общей дисперсии, которые получили названия: «Направленность на саморазвитие посредством интеллектуального познания», «Направленность на гармоничное взаимодействие, обусловленная интуитивным восприятием», «Направленность на активность в окружающем мире», «Направленность на практическую деятельность», «Направленность на реализацию высоких притязаний и достижение независимости».

В результате структуризации психологических характеристик обнаружено, что типологические характеристики, отражающие особенности восприятия и принятия решения, связаны не только со степенью выраженности интеллектуальных стилей, но и с особенностями иерархии ценностных ориентаций. Полученные в исследовании результаты не только открывают возможности для создания типологии, объясняющей структуру эпистемологических стилей, но и вносят вклад в изучение вопроса взаимосвязи когнитивно-стилевых и личностных особенностей в структуре индивидуальности.

Скуденков В.А.

Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИДЕРА

Говоря о лидере, мы подразумеваем человека, стоящего во главе определенного коллектива людей, как в коммерческой, так и в государственной, практической и научной сферах деятельности. Развитие индивидуальности лидера происходит не только благодаря достижениям в профессии, социальном статусе, финансовом благополучии, а в постижении смысла своего развития. Индивидуальность определяется через неповторимое своеобразие психики человека, как своеобразное триединство индивида, личности и субъекта деятельности.

В современной трансперсональной психологии вводится целостная характеристика индивидуальных свойств человека интегральная индивидуальность. Это больше, чем совокупность особых качеств личности, а «особый, индивидуально своеобразный характер связи между всеми свойствами человека» (Мерлин, 1986).

В интегральной индивидуальности выделяются различные аспекты: биохимический, индивидуально-психический (темперамент, особенности личности), социально-психологический (роль в социуме), трансперсональный (духовно-мировоззренческий).

По нашему мнению, осмысление своей деятельности в трансперсональном пространстве это в любом случае уже развитие. Умение заглянуть «за» время, пространство, отношения и увидеть более целостную картину энергетических потоков своей жизни изменяет самовосприятие и самооценку лидера. Вторым феноменом процесса развития индивидуальности лидера является становление индивидуального стиля как способа адаптации человека к конкретной профессиональной среде, социальной группе и обществу в целом, осознания себя в мире и мира в себе. Это приводит к пониманию различных энергий в пространстве, умению их видеть, понимать и управлять ими, использовать для своего и общественного развития. Использование энергетических состояний приводит к личностному росту в социальном пространстве. Развитие этих двух феноменов взаимосвязано, при этом индивидуальный стиль опосредует взаимодействие индивидуальности человека и внешних условий его жизнедеятельности.

Перед лидером стоит задача интеграции различных индивидуальных стилей в одном пространстве: начиная от рабочего пространства индивидуального стиля профессиональной деятельности, заканчивая духовным пространством

ством системой мировоззрения лидера, в которой формируется его личность.

Развитие индивидуальности лидера через трансперсональное постижение себя происходит через осознание и принятие черт своего архетипа, понимание стратегий его развития, знание защитных механизмов, адаптации и стиля мышления. Более успешно это реализуется посредством: 1) формирования позиции внутреннего наблюдателя; использовать разные каналы восприятия реальности; 2) формирования способности планировать события и корректировать их при необходимости за счет активизации личностных ресурсов и психической энергии; 3) формирования установки поддерживать позитивную динамику своего развития. Осознанная включенность в события, в переживания, вместо механистического про-

живания, приводит к более полному переживанию своей жизни.

Индивидуальность человека является интегральным феноменом, проявляющимся на разных стадиях личностного развития. У человека при этом формируется интегральная индивидуальность, как своеобразный характер связи между всеми свойствами человека, и индивидуальный стиль, как способ адаптации к конкретной профессиональной среде, социальной группе и обществу в целом.

Индивидуальный стиль способствует эффективному продвижению человека к вершинам личностного и профессионального развития. Творческое саморазвитие личности лидера определяется деятельностью в трансперсональном пространстве.

Солоненко М.А.

Институт философии РАН, Москва

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ КРЕАТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ

В конце XX – начале XXI веков в отечественной и зарубежной интегративной и трансперсональной психологии были получены весьма интересные экспериментальные результаты, согласно которым в творческой деятельности человека и в различных состояниях сознания креативной индивидуальности, как правило, преобладает трансцендентное и виртуальное восприятие времени.

В ходе экспериментальных исследований было показано, что практически во всех видах творчества происходит частичное или полное искажение времени. А это значит, что в процессе творчества человек часто теряет «чувство времени», утрачивает чувственную и когнитивную связь с объективной реальностью и с реальным течением объективного времени.

С точки зрения синергетики и современной когнитивной науки, объяснить парадоксальный «пси-феномен», связанный с потерей креативной индивидуальностью «чувства времени» можно тем, что сознание творчески одаренной личности способно к абстрагированию от внешнего мира и к нелинейному восприятию времени (времени, не разделенному на прошлое, настоящее и будущее).

Экспериментальное подтверждение такому выводу можно найти, например, в книге современного английского психолога, создателя трансперсональной психологии С. Тейлора «Покорение времени. Как время воздействует на нас, а мы на время», где традиционное линейное время (время с прошлым, настоящим и будущим) определяется автором как «психологическая иллюзия» (Тейлор, 2010).

С помощью изменения способов восприятия времени, как показывает С. Тейлор, «можно не только ускорить или замедлить, но и расширить время, выйти за его пределы, или на какой-то миг полностью остановить неуловимый бег времени» (Тейлор, 2010).

По данным интегративной психологии, искажение восприятия длительности временных периодов существенно зависит от «поглощенности» человека творческой деятельностью». Объясняется это главным образом тем, что интеграция в творческом процессе внутреннего мира человека с внешним миром, в котором он находится и действует, «приводит к такой ситуации, когда привычные способы восприятия времени подавляются». Именно подавление привычных механизмов структурирования времени и приводит к искажению его восприятия. Во-вторых, в творческом акте «нивелируется граница между объектом и субъектом, между тем, что есть (предметная среда), и тем, что есть для субъекта (индивидуальное психосемантическое пространство)».

В результате творчество происходит как бы вне времени и вне пространства, в полном присутствии «здесь и сейчас», в растворении человека в творческом процессе. Такое искаженное состояние творческого сознания человека есть не что иное, как «некий аналог архаического восприятия реальности (презентизм первобытного мышления), когда мир распаковывается в ежесекундном присутствии» (Козлов, 2009).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в творческом процессе происходит некое «выпадение» человека из континуума линейного времени. А это значит, что в творчестве человек из привычного линейного времени «прошлое-настоящее-будущее» попадает в нелинейное (круговое, циклическое и точечное) время, то есть попадает как бы в «полное присутствие» подлинного настоящего времени (времени как такового, времени «здесь и сейчас»).

В переходе творчески одаренного человека от реального линейного времени к трансцендентному времени (времени как таковому, времени «здесь и сейчас») и заключена, на наш взгляд, «великая и непостижимая тайна» творчества и творческой активности человека.

Субботина Л.Ю.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Современная жизнь личности перенасыщена информацией, стрессогенами, дефицитом времени, инновационными факторами среды и многими другими обстоятельствами, которые делают жизнь человека напряженной, нестабильной и дискомфортной. На личность «давит» и научно-технический и технологический прогресс: усложнение технологий, увеличивающийся поток информации, стремительный темп жизни. Все это повышает требования к умственным и психическим сторонам личности. Но вместе с тем, при всей многочисленности психических травм и стрессов сегодняшней жизни, наше «Я» не разрушается. Общество и конкретная личность вырабатывают способы смягчения данной ситуации. Но, к сожалению, динамика жизни часто опережает адаптационные возможности конкретной личности.

Универсальный закон самосохранения, действующий на уровне индивидуальности, личности, актуализирует специальные механизмы, позволяющие не допустить перенапряжения психики. Одним из таких механизмов является психологическая защита. В отличие большинства других объективных психологических свойств и функций (компенсации, эмоций, функциональных состояний), действующих в основном на уровне индивида или индивидуальности, психологическая защита оберегает личность. В этом ее принципиальное значение в общей психической организации.

Психологическая защита – это, прежде всего, способность искажения и перекодирования восприятия в форму, приемлемую для личности, сохраняющую самооценку и деятельность на субъективно комфортном уровне. Как и большинство объективных психологических закономерностей, психологическая защита действует в значительной степени вне сознательного контроля. Однако в определенных случаях психологическая защита может содержать и элементы сознательных оценок.

Психологическая защита выступает мегасвойством любой личности, с основной функцией оберегать личность от травмирующих воздействий среды. Компонентами психологической защиты выступают защитные механизмы. Защитные механизмы имеют собственную структуру и взаимные связи разной направленности и прочности, образуя единые структурные комплексы.

Уровень защитной психической активности у разных людей различен. Исследования свидетельствуют, что качество и форма используемых защитных механизмов связана с типом личности, индивидуальности и возрастом.

Психологическая защита имеет процессуальный характер и уровневое строение. Основой для построения уровневой модели являются представления о строении деятельности и взаимосвязи уровней для решения конкретной задачи. Защитное поведение можно рассматривать как специфическую деятельность.

Изучение психологической защиты представляет собой теоретически и практически значимую проблему, исследование которой в последние годы значительно активизировались. В теоретическом плане исследование защитного поведения вносит вклад в теорию личности и отражает один из аспектов ее структуры и функционирования. Эта проблема интересна для практических областей психологии личности, так как открывает возможности для построения типологии личности и теоретических моделей личности с учетом фактора защитного поведения. В практическом плане исследование этого вопроса дает возможность предсказать поведение человека в стрессовых ситуациях. Знание феномена психологической защиты, умение их диагностировать, является необходимым для проведения психологических консультаций, оценки эффективности профессиональной деятельности, разработки систем обучения и воспитания.

Ушаков В.О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛЯЦИИ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Проблема способностей всегда являлась актуальной, поскольку способности – есть необходимое условие любой деятельности или отношений. Человек реализует себя в мире, осуществляя спектр разнообразных деятельностей, которые он способен выполнять. Адекватная оценка своих способностей и их целенаправленное развитие связаны с более осознанным отношением к себе и к деятельности. От этого, по нашему мнению, напрямую зависит эффективность человека в деятельности и в его разнообразных отношениях с окружающим миром. Необходи-

мость осознанного применения и развития своих способностей делает проблему механизмов их регуляции весьма актуальной в сфере психологии в образовании, психологии труда, психологии личности.

Управление собственными способностями представляется нам предельно высоким уровнем развития познавательной деятельности индивида. Регулирование, осуществляясь на основе некоторых поступающих данных, решает задачу упорядочивания тех действий, которые человек способен реализовать в деятельности. Сталкиваясь

со сложной для себя задачей, человек выбирает определенный способ действий, который поможет ему данную задачу решить. Эффективное в плане результата определение соответствующих действий, необходимых для реализации деятельности зависит как от качества обработки информации, поступающей извне, так и от данных обратной связи об уже выполненном этапе работы. Регулирование в структуре способностей будет, в конечном итоге, решать задачи адекватного построения деятельности на основе данных прямой и обратной связи.

Для того чтобы понять, как человек управляет своими способностями нужно дать конструктивное определение способностей и понятие об их структуре, а также показать их развитие. Другими словами, нам необходимо иметь надежный и проработанный теоретический базис. В качестве такой методологии для нашего исследования выступает теория системогенеза деятельности и способностей В.Д. Шадрикова. Автор дает обоснованное определение способностей и понятие об их структуре (Шадриков, 2007). Опираясь на комплексный подход к психическим функциям Б.Г.Ананьева (2001), В.Д. Шадриков выделяет в структуре способностей функциональные, операционные и регуляционные механизмы. Первые создают функциональную основу способностям, вторые реализуются как

система интеллектуальных действий, задачей же регуляционных механизмов, как мы предполагаем будет заключаться в упорядочивании этих действий и управление реализацией способностей в деятельности. Благодаря этим механизмам мы можем назвать деятельность человека осознанной и целенаправленной. Регулирующие механизмы в целом связывают активность человека в единую линию поведения вместо хаотичных действий методом «проб и ошибок».

По утверждению С.Л. Рубинштейна, мышление как познавательная деятельность связано с действием (Рубинштейн, 2006). Реальное практическое действие, в которое включено мышление, превращается в интеллектуальное действие. Так, согласно концепции В.Д. Шадрикова познавательные способности субъекта будут развиваться по пути освоения таких действий – интеллектуальных операций (Шадриков, 2007). Процесс освоения операций не может осуществляться стихийно, регулирование осуществляется в конкретной предметной деятельности, в которую включены интеллектуальные операции. Деятельность механизмов регуляции познавательных способностей заключается, таким образом, в их организации, осознании (рефлексии) процесса решения, руководствуясь представлением о результате.

Фам А.Х.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ВЫБОРА В СИТУАЦИЯХ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ

В центре внимания нашего исследования находится процесс выбора в реальных жизненных ситуациях. Используя разработанный нами психодиагностический инструмент «Субъективное качество выбора» (Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007), опросник «Паспорт выбора» и другие авторские методики, мы исследовали феноменологию выбора в ситуациях различного уровня субъективной значимости: т.н. «повседневного» (П) и «судьбоносного» (С) выбора (выборка – студенты факультета психологии Московского государственного университета, N = 74).

Проведение исследования на материале экологически валидных ситуаций выбора, а не в условиях лабораторного эксперимента, позволяет раскрыть процессы построения деятельности выбора в проективной ситуации. Задавая два крайних полюса значимости ситуации выбора, а не тип самой ситуации (конкретное содержание выбора), мы исходили из того, что субъективное восприятие ситуации как более или менее значимой может быть различным у разных людей и зависит от индивидуальных особенностей деятельности выбора, личностных переменных и общего жизненного контекста, в который тот или иной выбор включен. Качественный анализ свободных описаний ситуаций выбора и данных других методик подтверждает нашу гипотезу о творческом характере деятельности выбора, ее принципиальной неалгоритмируемости, несводимости к простой процедуре взвешивания альтернатив.

В понимании участниками ситуации выбора был выявлен большой индивидуальный разброс (при этом в П разноплановость описаний была выражена сильнее).

В процессе выбора испытуемые использовали различные, индивидуальные стратегии устранения неопределенности: опору на внешние средства (обращение за помощью к авторитетным лицам, учет мнения других людей; подчинение условиям ситуации, время), опору на внутренние средства (ориентацию на собственные желания и интересы; ориентацию на текущее состояние; опору на рациональные доводы; риск, волевое усилие). Порой человек прибегает к редукции альтернатив, а иногда – напротив, к сохранению «статуса кво» имеющихся альтернатив с целью отсрочивания момента выбора. Зачастую человек комбинирует несколько стратегий, чтобы сделать более качественный выбор.

Стоит отметить, что описания стратегий П оказались на порядок более малочисленными и лаконичными, нежели в случае С. Индивидуальное восприятие выбора нашло отражение и в авторских названиях ситуаций П и С. Часть названий отражают ориентацию участника на процесс «выбирания», часть – на результат, а некоторые характеризуют общий контекст ситуации.

Далеко не всегда процесс выбора разворачивается прямолинейно и предсказуемым образом, заканчиваясь в момент предпочтения человеком одного из имеющихся вариантов:

а) в некоторых случаях процесс «выбирания» и взвешивания альтернатив продолжается и после формального окончания выбора;

б) иногда имеет место «выбор без выбора», т.е. не происходит отказа ни от одной из альтернатив;

в) наконец, возможна ситуация выбора третьей альтернативы – при исходном наличии двух; она может быть как совершенно новой, так и компромиссом между вариантами, заданными изначально.

Описанный выход за рамки заданного (предпочтение третьего варианта действия при имеющихся двух) подводит нас к пониманию деятельности выбора как «творческой самодеятельности» (Рубинштейн, 1986) и надситуативной активности личности (Петровский, 2010).

Федоровых Г.А.

Ковровская государственная технологическая академия им. В.А.Дегтярева, Ковров

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Современные ученые выделяют некоторые профессии в «профессии высшего типа». Это профессии, которые требуют присутствия творческого начала и «необходимости постоянной внеурочной работы над предметом и собой». В то же время, образовательная деятельность может создать стрессовые условия и для студентов и для преподавателей.

В отечественной психологии вопросы, касающиеся развития стресса, индивидуальных различий в реагировании и преодолении стресса, состояния нашли отражение в работах Л.И. Анциферовой (1994), В.А. Бодрова (2006), Л.Г. Дикой (2003), А.Б. Леоновой (2004), В.Л. Марищука (2001), К.В. Судакова (1982).

Актуальность исследования состоит в том, что изучение субъективных оценок позволяет направить внимание на свойства своей личности, в том числе и ее стрессоустойчивость. Цель работы: изучить уровень субъективной оценки стрессоустойчивости личности студентов и преподавателей в период напряженной учебы. Объект исследования: стрессоустойчивость личности студентов технических специальностей и их преподавателей. Предмет исследования: субъективная самооценка уровня стрессоустойчивости студентов и преподавателей.

В исследовании приняли участие 25 студентов 4–5 курсов (23 девушки и 2 юноши) в возрасте от 19 до 22 лет, и 28 преподавателей КГТА (16 женщин и 12 мужчин) в возрасте 21–73 года. Были применены следующие методики: 1) «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности»; 2) «Анкета самооценки состояний» АСС; 3) «Шкала социальной адаптации».

Результаты исследования. И студенты (68%), и преподаватели (82,1%) чаще оценивают стрессоустойчивость своей личности как высокую и выше среднего уровня. Большинство преподавателей (60,7%) субъективно оценивает свое самочувствие как хорошее. В то же время, боль-

шинство студентов (72,0%) субъективно оценивает свое самочувствие как удовлетворительное. Наиболее значимым жизненным событием для студентов является учеба и связанное с ней нервно психическое напряжение. Для преподавателей важнее серьезные жизненные перемены: травма или болезнь; смерть близкого члена семьи; изменение финансового положения; изменение условий жизни; проблемы с начальством, конфликты; перемена места жительства и т.п.

Низкая самооценка своего самочувствия у студентов в период экзаменационной сессии может быть показателем снижения их нервно-психической устойчивости, то есть повышения риска развития стрессового состояния. Преподавательская работа в вузе способствует повышению субъективных оценок, а в связи с этим, и выработке навыков социальной адаптированности личности и устойчивости к стрессу. Но, с высоты своего жизненного и профессионального опыта преподаватели, возможно, недооценивают негативное влияние периода напряженной учебы на психическое состояние студентов. Невысокие показатели субъективной оценки стрессоустойчивости личности отдельных студентов можно расценивать как результат небольшого жизненного опыта, непонимания внутренних ресурсов своей личности по совладанию своим поведением в конкретной стрессогенной ситуации. Субъективная оценка своей устойчивости к стрессу помогает осознать свое поведение, а значит, и изменить его и свое состояние.

Качественное профессиональное образование будущих специалистов должно быть сопряжено с поиском новых подходов в обучении в соответствии с требованиями времени. Возникает необходимость комплексной психологической помощи на разных этапах обучения и профессионального становления молодежи. Для студентов важна также и социальная поддержка особенно со стороны преподавателей.

Филитиди Т.И.

Центр диагностики и консультирования детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, Анапа

ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ОБЩЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С КОМПЕНСИРОВАННОЙ ЗАТРУДНЕННОСТЬЮ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Предметом нашего исследования выступают особенности личностной регуляции общения и социального по-

ведения старших подростков, в жизненном опыте которых имел место факт задержки психического развития с по-

следующей компенсацией (до уровня возможности обучения в общеобразовательной школе). Факт наличия у рассматриваемой нами категории подростков задержки в психическом развитии с последующей ее компенсацией может рассматриваться как опыт пребывания в пролонгированной трудной жизненной ситуации и ее успешного разрешения.

Эмпирическую базу исследования составили девятиклассники общеобразовательных школ Анапы и Краснодар. Основная группа включала 99 школьников, у которых в детстве констатировалось наличие задержки психического развития (54 мальчика и 45 девочек). Группу сравнения составили 118 школьников (62 мальчика и 56 девочек) с возрастнo-нормативной траекторией психического развития. Выявление характеристик личностной регуляции общения и социального поведения подростков осуществлялось при помощи опросника HSPQ Р.Б. Кеттелла (Рукавишников, Соколова, 1994).

Полученные данные дают основание констатировать, что затрудненность психического развития в детские годы и последующая компенсация этой затрудненности оказывают значимое влияние на личностную регуляцию общения и социального поведения в старшем подростковом возрасте. Данное влияние наиболее ярко выражено в таких личностно-регуляторных сферах, как эмоциональная привлекательность контактов с другими людьми, способы выражения коммуникативных потребностей, самоконтроль социально-нежелательных поведенческих тенденций, и в меньшей степени затрагивает личностную позицию старших подростков по отношению к окружающим.

Локализованные в подростковом периоде возрастнo-отсроченные эффекты компенсированной затрудненности психического развития в сфере личностной регуляции ком-

муникативного поведения являются поло-специфически. В сравнении с нормативно-развивавшимися сверстниками у мальчиков с компенсированной затрудненностью психического развития оказываются хуже сформированными операционально-поведенческие компоненты общения (при одинаковой степени привлекательности сферы общения), а у девочек – потребностно-мотивационные (на фоне равенства операциональных возможностей реализации коммуникативных потребностей).

Приоритетным фактором сдерживания нежелательных поведенческих реакций у девочек-подростков с компенсированной затрудненностью психического развития выступают осознание социальных требований и мотивация одобрения; при этом собственные моральные нормы и представления выполняют лишь вспомогательную роль. Для их возрастнo-нормативных сверстниц характерен противоположный механизм социального самоконтроля.

Эмоциональный фон повседневного межличностного взаимодействия и поведения в группе более гармоничен и консонантен у девочек-подростков с компенсированной затрудненностью психического развития, нежели чем у их нормативно развивавшихся сверстниц, испытывающих значительное психическое напряжение из-за конфликта между стремлением к реализации индивидуалистических ценностей и чувствительностью к групповому мнению.

Результаты проведенного исследования позволяют осуществить более точную расстановку приоритетов в программах психологической поддержки и развития подростков с компенсированной затрудненностью психического развития в качестве субъектов компетентного социального поведения и продуктивного межличностного общения.

Харлова К.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ (ОПЫТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Во многих исследованиях было показано, что музыка способна значительно влиять не только на психологическое, но и на физиологическое состояние слушателя (Ч. Дизренс, Н. Черкас, Ф. Блум). Как сказал Л.С. Выготский: «Все то, что совершает искусство, оно совершает в нашем теле и через наше тело» (Выготский, 1986).

Гуманистические и экзистенциальные психологи определяли организменные реакции как организмический оценивающий процесс, при котором ценности никогда не становятся фиксированными, или ригидными, а переживания точно отображаются в символах, постоянно и заново оцениваются с точки зрения организмического удовлетворения. Многие наши сенсорные или висцеральные ощущения не символизируются, но доступны для осознания, если существует такая потребность. Это касается и таких всецело бессознательных процессов, как регуляция температуры тела, и таких свойственных только человеку функций, как выбор жизненного пути.

На основе обобщенного эмпирического материала Б.М. Теплов впервые в отечественной практике с позиций

деятельностного подхода качественно проанализировал структуру музыкальности, вскрыл психологическую природу музыкального переживания. Проанализировав многочисленные высказывания композиторов и писателей, он показывает важную роль эмоций и чувств в качестве предметного содержания музыки, доказывая возможность отражения качественного многообразия эмоций в музыке (Теплов, 1947). Новаторски проанализировал коммуникативную природу музыки в связи с ее направленностью на слушателя В.В. Медушевский (Медушевский, 1983). Проводились исследования, где ставился акцент на особое влияние музыкального ритма произведения на организм слушателя (В.С. Марахасин и В.М. Цехановский), на влияние музыкальных ритмов на биоритмы человеческого мозга (Г. Уолтер, В.И. Петрушин).

Проведенное нами исследование посвящено феноменологии восприятия классической музыки, поэтому мы использовали как опыт феноменологии чувственного восприятия, так и опыт феноменологии интерпретации субъектом своих реакций на прослушивание отрывков класси-

ческой музыки. Исследование носило экспериментальный характер и в нем приняли участие 20 человек (10 испытуемых русских, 10 испытуемых итальянцев в возрасте от 22 до 57 лет), которые прослушивали отрывки из произведений Вивальди, Берлиоза, Равеля, Мендельсона, оценивая свое состояние, выполняя тест Люшера, давая ассоциации и образы на предъявляемые отрывки. Кроме того, производились замеры физиологических параметров.

Была подтверждена гипотеза об изменении организменных реакций участников эксперимента в процессе прослушивания отрывков классической музыки. Обнаружены статистически значимые взаимосвязи между организменными реакциями участников эксперимента, самооценкой состояния и отношением к классической музыке.

Мы обнаружили сходные ассоциации у русской и итальянской части выборки, которые позволили нам сделать вывод о том, что интерпретация музыкальных отрывков не зависит от культурной идентичности и национальности. У тех участников эксперимента, которые смогли осознать организменные реакции и проинтерпретировать возникшие у них ассоциации, оказались выше показатели жизнестойкости, самооценка уровня жизни, настроения.

Таким образом, развитие чувствительности личности в опыте восприятия классической музыки состоит в осознании индивидом своих психофизиологических ощущений и не зависит от национальности, образования и музыкальных предпочтений.

Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ВЛИЯНИЕ ПРЕНАТАЛЬНЫХ ГОРМОНОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ШКОЛЬНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ*

Проведенные на разнополых близнецах исследования показали, что наличие мужского плода во время пренатального развития может оказывать влияние на формирование находящегося по соседству женского. Как правило, это влияние объясняется за счет повышенного уровня тестостерона. Ожидается, что особенности такого комплексного поведения как академическая успешность, благодаря связям с когнитивными способностями, на которых они базируются, и с некоторыми аттитюдами, имеющими половые различия, могут оказаться опосредованно связаны с маскулинизирующим действием пренатальных гормонов.

В исследовании, проведенном на выборке близнецов, нами анализируется влияние биологических детерминант на развитие когнитивной сферы.

Гипотеза исследования: уровень пренатальных гормонов влияет на когнитивные способности, проявляющиеся в академической успеваемости. Предполагается, что по гуманитарным предметам наиболее высокие показатели будут у девочек из однополых ДЗ пар, наиболее низкие – у мальчиков из однополых ДЗ пар, а девочки и мальчики из разнополых ДЗ пар получают промежуточные по значению показатели. При влиянии пренатальных гормонов на математические способности картина будет противоположной.

Выборка исследования: близнецы (2282 пары) и одиночнорожденные (3907 чел.) школьного возраста (2–11 классы). Количество разнополых пар ДЗ близнецов – 497 (21,8% от всей выборки близнецов). Выборка репрезентативна населению РФ по региону проживания, количеству детей в семье и социально-демографическому статусу родителей.

Экспериментальные показатели: успеваемость во 2–4 классах, 5–6 классах, 7–11 классах; социально-демографические характеристики (регион проживания, возраст и образование родителей, возраст и количество других детей в семье); внутрисемейные отношения близнецов.

Девочки из однополых близнецовых пар (МЗ и ДЗ) и одиночнорожденные девочки превосходят девочек из разнополых ДЗ пар по предметам гуманитарного цикла иностранному языку в младших и старших классах, литературе и всему гуманитарному блоку предметов в 5–6 классах и на уровне тенденции в 7–11 классах.

Мальчики из разнополых ДЗ пар превосходят мальчиков из однополых пар, а также одиночнорожденных мальчиков по физическому развитию в первые 6 лет обучения, а также по ряду предметов естественнонаучного цикла в 5–11 классах. По предметам гуманитарного цикла мальчики из разнополых ДЗ пар оказываются менее успешны, чем другие группы мальчиков.

Результаты, полученные для предметов математического и естественнонаучного цикла, оказываются противоположны ожидаемым в соответствии с гипотезой о влиянии пренатальных гормонов на развитие когнитивных способностей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что академическая успеваемость по гуманитарным предметам, обусловленная развитием вербальных и вербально-логических способностей, в некоторой степени связана с гормональными влияниями на ранних стадиях онтогенеза. Академическая успеваемость по предметам математического и естественнонаучного цикла не выявила аналогичных закономерностей.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 12-06-00790а).

Чудова Н.В.

Институт системного анализа РАН, Москва

ВРАЖДЕБНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Проведено исследование враждебности в ее связи с другими личностными особенностями и особенностями ценностной сферы. В исследовании приняло участие 258 испытуемых в возрасте от 18 до 64 лет; использовано 11 методик. Различия между группами высоковраждебных и низковраждебных оценивались по критерию Манна-Уитни.

Высоковраждебные отличаются низким уровнем конструктивности мышления и эмоционального интеллекта, высоким уровнем нарциссизма и перфекционизма, а также высокой склонностью приписывать другим враждебность, холодность и подозрительность. Характерологические особенности дополняют этот портрет: людям с высокой враждебностью свойственны высокая педантичность, застреваемость, возбудимость. Все эти характеристики неувидительны, именно такого человека легко назвать враждебным.

Интересна же и неожиданна система ценностей враждебного человека: принятие ценностей самостоятельности, благожелательности, универсализма и отвержение ценностей достижения и власти-богатства. Согласно методике Ш. Шварца, такой выбор отражает максимальное разведение по ценностной оси «выход за пределы Я – самоутверждение» с некоторым сдвигом в сторону открытости по оси «открытость – сохранение». По данным (Магун, Руднев, 2008), именно такая структура ценностей – надличные интересы преобладают над ориентацией на конкуренцию – характерна для населения стран «старого капитализма».

В нашей стране, согласно исследованию 2007 г., число людей с такими ценностными ориентациями не превышало 6%, однако составляло вполне компактную группу (по результатам кластерного анализа). В странах «постсоциалистических» преобладают люди с ориентацией на самоутверждение, в России пять лет назад таких было почти 80%.

Интересно, что, согласно данным «Европейского социального исследования», вторая ценностная ось разводит уже не страны, а возраст респондентов для людей

в возрасте характерно принятие ценностей сохранения, а для молодых людей – ценностей открытости. Таким образом, наши «враждебные» – это, независимо от реального возраста, люди, похожие на молодых западноевропейцев.

Как можно в свете этих новых данных проинтерпретировать такую, казалось бы, безусловно неприятную личностную особенность, как враждебность? Когда речь идет об осуждаемой в обществе черте личности, признание наличия у себя соответствующих переживаний и мыслей требует сформированности специального механизма, позволяющего преодолеть действие защит и реакций социальной желательности.

В связи с этим приходится признать, что низкие показатели по враждебности возникают либо в случае реального отсутствия во внутренней жизни человека признаков враждебности, либо в случае их игнорирования. Другими словами, если полюс высокой враждебности однороден с точки зрения проявлений агрессивности, то полюс низкой враждебности расщепляется на собственно неагрессивность и вытесненную агрессивность. Тогда следует предположить, что шкала враждебности отражает готовность человека признавать собственную подозрительность и недоброжелательность.

Следует отметить, что показатель социальной желательности, действительно, оказался значимо ниже в группе высоковраждебных по сравнению с группой низковраждебных.

Добавим, что, по тесту Кеттелла, у высоковраждебных не только выше эмоциональная нестабильность (С-) и доверчивость (L-), но и выше твердость (I-) и спокойная самоуверенность (O-). Видимо, именно принятие собственной агрессивности, признание себя неидеальным с точки зрения морали, позволяет человеку, во-первых, замечать у себя агрессивные импульсы, во-вторых, сталкивать их с гуманистическими ценностями, и, в-третьих, иметь массу внутриличностных проблем, сопровождающих перенос напряжения столкновения личного с надличным извне вовнутрь.

Шадриков В.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СПОСОБНОСТЕЙ И ОДАРЕННОСТИ

В соответствии с авторским подходом способности определяются в трех измерениях: индивида, субъекта деятельности и личности (Шадриков, 2007). Способности человека как индивида отражают их природную сущность, способности человека как субъекта деятельности развиваются на основе природных способностей путем достраивания их системой интеллектуальных операций,

способности личности представляют собой способности субъекта деятельности, поставленные под контроль нравственных качеств человека.

В каждом измерении способности имеют индивидуальную меру выраженности и проявляются в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности. Индивидуально-своеобразное сочетание

проявления способностей в каждом из отмеченных направлений дает неповторимую картину индивидуального проявления способностей.

Природные способности определяются генетическими факторами, способности субъекта деятельности детерминируются индивидуальным характером освоенных интеллектуальных операций, преломленных через условия их реализации в конкретных видах предметной и интеллектуальной деятельности.

Наконец, проявление способностей субъекта деятельности ставится под контроль личностных качеств, число которых исчисляется сотнями. Так, например, атлас личностных черт, построенный А.Г. Шмелевым, насчитывает более 2000 качеств (Шмелев, 2002). Сочетание параметров способностей в трех направлениях позволяет представить теоретическое многообразие индивидуальных проявлений способностей.

Если представить одаренность как интегральное проявление способностей в целях конкретной деятельности, то многообразие индивидуальных проявлений одаренности существенно увеличивается по отношению к индивидуальному выражению отдельных способностей. Характер индивидуального проявления одаренности будет определяться числом способностей, вовлеченные в деятельность, и спецификой деятельности.

Как показали наши исследования (Шадриков, 2010) деятельность с позиции реализующей ее системы способностей можно представить как постоянно меняющуюся по составу и мере взаимодействия структуру способностей, каждая из которых имеет свое оперативное проявление. Одаренность всегда будет носить функциональный характер и иметь индивидуальную выраженность. В этом и заключается вся тайна одаренности, которую мы должны учитывать в практической деятельности.

Шестак Е.А.

Кубанский государственный университет, филиал, Славянск-на-Кубани

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И «ОБРАЗА Я» СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития общества возрастают требования к системе образования, качеству подготовки профессионалов и уровню сформированности их профессионально значимых характеристик, которые в значительной степени закладываются на вузовском этапе профессиональной подготовки.

Цель исследования: выявить и описать взаимосвязь «Образа-Я» и уровня развития эмоционального интеллекта у студентов педагогов психологов, обучающихся на первом и пятом курсе филиала Кубанского государственного университета г. Славянске-на-Кубани.

Гипотеза исследования: самооценка и ценностные ориентации личности, как составляющие «Образа-Я», взаимосвязаны с уровнем развития эмоционального интеллекта педагогов-психологов, обучающихся на первом и пятом курсе.

Методы исследования: тест М. Куна «Кто Я?» «Тест двадцати высказываний» (модификация Т.В. Румянцевой); Ценностные ориентации М. Рокича; методика Н. Холла на определение уровня эмоционального интеллекта. Методы обработки данных: коэффициент корреляции Спирмена, критерий Фишера для долей (ϕ).

В выборку вошли 48 студентов первого (25 человек) и пятого курса (23 человека), в возрасте от 17–23 лет, специальности – педагогика и психология, из них 44 девушки и 4 юноши.

1. Несмотря на разницу подходов к определению «Образа-Я» как в отечественной, так и в зарубежной литературе, большинство специалистов выделяют три взаи-

мосвязанных компонента в «Образе-Я»: познавательный, эмоциональный и поведенческий.

2. На основе моделей эмоционального интеллекта, предложенных различными авторами, а также основных личностно-профессиональных качествах личности психолога можно выделить структуру эмоционального интеллекта, включающую, следующие компоненты: эмоциональный компонент, когнитивный компонент, поведенческий компонент.

3. Эмоциональная составляющая «Образа-Я» представляет собой, прежде всего когнитивную способность, где степень сформированности ценностных ориентаций, мера причастности к обществу, интересов неразрывно связана с самоотношением, сформированностью собственного «Образа-Я».

4. Обобщая результаты сравнительного анализа «Образа-Я» и эмоционального интеллекта, можно констатировать, что среди первокурсников больше студентов с завышенной самооценкой ($p < 0,05$), а среди пятикурсников – с адекватной ($p < 0,05$). Однако одинаковое количество студентов обоих курсов имеют высокий, средний и низкий уровень эмоционального интеллекта (при $p < 0,05$).

5. Гипотеза частично подтвердилась. Эмоциональный интеллект связан с ценностной системой и не связан с самооценкой личности студентов.

Таким образом, мы выявили, что для становления педагога психолога как профессионала важным является работа, направленная на осознание собственных чувств, эмоций, самосознания и эмпатийности.

Шляпников В.Н.

Академия социального управления, Москва

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ

Значительное место в современной дифференциальной психологии занимают исследования гендерных особенностей психики человека. Наряду с этим проблема индивидуальных различий волевой регуляции, обусловленных гендерной принадлежностью, остается практически не изученной. Согласно современным представлениям важной составляющей волевой регуляции субъекта является его волевая самооценка. В связи с этим целью этой работы является изучение гендерных особенностей волевой самооценки личности.

В своей работе мы будем придерживаться культурно-исторического и деятельностно-смыслового подхода к проблеме воли. В рамках данного подхода воля рассматривается как высшая психическая функция, которая формируется прижизненно и имеет социальное происхождение; обеспечивает овладение и произвольную регуляцию субъектом собственных психических процессов и функций; опосредствована различными социокультурными и индивидуально-психологическими средствами и имеет системное строение.

Можно предположить, что гендерные особенности волевой самооценки могут быть обусловлены следующими факторами: функциональными различиями психических и психофизиологических процессов у мужчин и женщин; особенностями социализации, связанными с усвоением типичных полоролевых моделей поведения. Различными требованиями к волевой регуляции, предъявляемыми со стороны общества по отношению к мужчинам и женщинам.

Для достижения поставленной цели нами был разработан опросный лист, который включал в себя следующий

набор методик: «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова; «Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн» В.А. Иванников, Е.В. Эйдман; шкала №5 (Mf) из опросника ММРП в модификации Л.Н. Собчик.

Исследование проводилось на добровольцах: 50 мужчинах и 50 женщинах в возрасте от 20 до 24 лет, имеющих (14%) или получающих (86%) высшее образование, холостых или незамужних, студентах (86%) или офисных работниках различного профиля (14%). Всего в исследовании приняло участие 100 человек.

В ходе исследования нами были обнаружены следующие закономерности. Мужчины по сравнению с женщинами более склонны к эмоциональному и социальному самоконтролю. Уровень волевых самооценок у мужчин и женщин находится примерно на одном уровне, но наблюдаются значимые расхождения по отдельным качествам: у мужчин более выражены упорство, энергичность, смелость, организованность, решительность, а у женщин самостоятельность, дисциплинированность, обязательность. Связь между особенностями волевой регуляции и характером поло-ролевой модели поведения, демонстрируемой респондентами, наблюдается только по показателям волевой самооценки и только в группе женщин. В среднем, маскулинные женщины имеют более высокий уровень волевой самооценки, чем фемининные, и демонстрируют ряд качеств, характерных для «мужского профиля» (энергичность, смелость, целеустремленность, упорство). В группе мужчин эти связи не прослеживаются.

Раздел 3

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СУБЪЕКТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Абдульманова Д.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ

В современном мире диапазон возможностей человека широк как никогда ранее, он реально стоит перед выбором в выстраивании своей жизни, своего жизненного пути. Основываясь на представлениях современного гуманистического и экзистенциального подходов, мы рассматриваем жизнь человека в ее целостности и отводим решающую роль собственным выборам человека при активном выстраивании собственной жизни, своего жизненного пути, своего жизненного сценария.

Реальность сегодняшней ситуации состоит в том, что люди должны самостоятельно решать эту задачу, задачу конструирования собственной жизни. И то, как человек проходит свой жизненный путь, становится своеобразным отражением личности: ее мировоззрения, направленности, ее достижений, притязаний, ценностей и отношения к жизни. Именно изучение человека в контексте его выборов, совершаемых им в процессе прохождения жизненного пути, является актуальной задачей психологической науки. При этом в психологии не существует единого толкования понятия жизненного пути человека, для его описания предлагается множество различных терминов.

В своих исследованиях для операционализации этого понятия мы предлагаем использовать понятие «жизненный сценарий».

В изучении жизненного сценария мы опираемся на событийный подход: события – это основные структурные единицы жизненного сценария человека. С событиями связаны изменения в направлении развития личности, динамика этих изменений, реальная перестройка ценностной системы личности и ее характера. События жизни – это узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период

определяется дальнейший жизненный путь человека. Жизненный сценарий включает в себя ряд событий, составляющих в определенном смысле «каркас» жизни, ее план, согласно которому выстраивается вся траектория жизненного пути. Это те события, тот минимум, без которых человек не будет считать свою жизнь полной и прожитой «правильно». То есть данный событийный ряд определяет «маршрут» жизни.

Жизненный сценарий человека, чаще всего имея в своей основе нормативные представления, может индивидуализироваться в соответствии с особенностями личности. Нормативный жизненный сценарий – это сценарий, стремление к исполнению которого свойственно большинству людей в контексте данных общественных отношений, данной культуры и исторической ситуации.

Индивидуальный сценарий – личный сценарий жизни отдельного человека, имеющий в своей основе нормативный сценарий. Его событийный состав и степень индивидуализации (отличия от нормативного) выстраиваются в соответствии с особенностями личности, он отражает тот смысл, который человек приписывает миру и себе, его цели и устремления, ценностные ориентации, подходы к решению жизненных проблем и т.п. Индивидуальность человека может быть описана через индивидуализацию сценария.

На основе проведенного эмпирического исследования нами были выделены следующие характеристики жизненного сценария человека:

1) широта сценария – определяется количеством наиболее значимых событий, выделяемых человеком в качестве каркаса собственной жизни;

2) распределенность событийного ряда – темпоральная характеристика сценария, отражающая расположе-

ние событий индивидуального сценария человека на линии его жизни, их распределенность во временной перспективе личности;

3) уникальность сценария – субъективная оценка человеком степени отличности (непохожести) своей жизненной истории от жизни других людей.

Аликина Е.Л.

НИУ «Пермский государственный университет», Пермь

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ МАТЕРЬЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА/ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ХАРАКТЕРИСТИК СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ

В нашем исследовании мать выступает как самостоятельный субъект, который проявляет активность, в том числе познавая индивидуальность своего ребенка в качестве отраженной субъективной реальности (Васягина, 2011; Филиппова, 2002). В основу категоризации субъективной реальности, которая выступает как результат познания, была положена структура интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986), дополненная индивидуальными характеристиками индивидуальности (Ананьев, 1968), а также интеллектуальными особенностями (Платонов, 1972). Эмпирическое подтверждение данной структура получила в исследованиях С.Ю. Ждановой (2005), Н.И. Иоголевич (2007).

В соответствии с системным подходом Б.Ф. Ломова (1984), особенности познания индивидуальности ребенка матерью детерминируются той средой, в которой происходит процесс познания, т.е. семейной средой.

В исследовании изучалось влияние двух видов семейно-средовых характеристик (Равич-Щербо, 2000): внутрисемейных (образование, возраст испытуемых, состав семьи) и индивидуальных (количество детей в семье, очередность рождения детей). В результате исследования выяснено, что основное влияние на особенности познания матерями индивидуальности детей оказывают индивидуальные средовые характеристики испытуемых. Общие тенденции в процессе познания матерями индивидуальности ребенка/детей проявляются в том, что матери всех групп используют общие категории, которые были теоретически выделены в структуре индивидуальности.

Данные контент-анализа показывают, что с увеличением количества детей удельный вес категорий, отражающих психологические особенности детей, особенности общения детей и их социальные роли, возрастает, а удельный вес категорий, отражающих индивидуальные характеристики, значительно снижается.

Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что в зависимости от порядка рождения ребенка матери в процессе познания индивидуальности акцентируют свое внимание на различных категориях: единственный ребенок – индивидуальные характеристики, старший ребенок – социальные роли, средний ребенок – особенности мотивационной сферы, младший ребенок – особенности общения.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют, что такая внутрисемейная средовая характеристика, как образование испытуемых, влияет на особенности познания по двум категориям: интересы ребенка и особенности взаимоотношения ребенка с отцом.

Внутрисемейные средовые характеристики (возраст испытуемых, конфигурация семьи) несут опосредованную внутригрупповую нагрузку в процессе познания матерью индивидуальности ребенка/детей.

Таким образом, субъективная реальность, отражающая особенности познания матерью индивидуальности ребенка, зависит от параметров ее индивидуальных семейно-средовых характеристик: количество детей в семье и порядок рождения ребенка в семье.

Альперович В.Д.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРАГЕ И ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ КАК ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Актуальность исследования обусловлена возросшим в условиях макросоциальных трансформаций и обострения межкультурных конфликтов интересом психологов к динамике образов Другого. По мнению отечественных ученых, в интерпретациях личностью групповых представлений о Другом и событийной организации ею жизненного пути объективируется ее индивидуальность. Изучено влияние исторических условий жизни социума на динамику представлений о Другом макрогруппы (Емельянова, 2006; Sesa, 2001), этапов жизненного пути (Тулинова, 2005) на динамику представлений о Враге, влияние событий на

динамику отношений личности с Другими, их образов (Бодалев, 2000; Рубинштейн, 2003). Трансформация представлений о Враге под влиянием жизненных событий остается малоизученной.

Исходя из упомянутых и многих других работ, мы понимаем представления о Враге как когнитивно-эмоциональные образования, имеющие социально-психологические характеристики, а именно функции в общении, отношения, интерпретации поступков Врага. Направления трансформации – совокупности структурных (исчезновение, добавление, смещение (ядро/периферия) эле-

ментов, их групп) и содержательных (изменение свойств, функций, отношений Врага) изменений представлений. Значимое событие – составляющая жизненного пути, определяемая личностью как влияющая на изменения в ее системе отношений.

Типы событий «отрицательное поведение Другого», «поступок самого субъекта» (Бодалев, 2000; Чудновский, 2000) определены на основе разработанных нами показателей: степени рассогласования ожидаемого и «реального» отношений Других к личности в связи с ними; субъектов, которым она приписывает за них ответственность; их включенности в ее жизненные планы.

Цель исследования (под руководством проф. В.А. Лабунской): определить влияние значимых событий на трансформации представлений о Враге. Гипотеза: тип значимого события определяет направление трансформации представлений о Враге. Авторские методики: «Социально-психологические характеристики представлений о Враге», «Значимые жизненные события в период взрослости». Эмпирический объект: 204 человека 32–45 лет. Для 51% выборки (группа 1) значимы события «отрицательный поступок Другого» («предательство» партнера по общению) (75–89% от числа названных респондентом

событий), менее важны события «поступок самого субъекта» (в т.ч. окончание института, свадьба) (11–16%). Для 49% выборки (группа 2) значимы события «поступок самого субъекта» (62–90%).

Анализ прежних и актуальных представлений выполнен посредством деления элементов, названных респондентами, на группы, обобщения их по категориям, отражающим свойства, функции Врага: Активный участник конфликтной интеракции; Субъект враждебных отношений; Субъект конфронтации; Субъект манипуляций; Субъект, не принадлежащий к «мы»; Субъект соперничества; Носитель отрицательных качеств, – их частотного и качественного анализа. В группе 1 трансформации представлений о Враге идут в направлении усиления отрицательных нравственных качеств, «предательства» Врага; в группе 2 – в направлении усиления различий ценностно-смысловой сферы, в наделении Врага завистью, агрессией. Результаты исследования свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы. Тип значимых событий («отрицательное поведение Другого»/«поступок самого субъекта») определяет направление трансформации (усиление значимости «предательства» Врага/ценностно-смысловых различий, агрессии Врага) представлений о Враге.

Ануфриюк К.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ И ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТНОСТИ

Способность активно «выстраивать» собственное бытие, быть его субъектом, признается одной из центральных характеристик человека в рамках различных исследовательских направлений. В связи с этим в последние годы в отечественной науке активно развивается субъектный подход, осваивается категория субъекта, включающая рассмотрение человека как активного, деятельного существа, творчески преобразующего мир и себя, исследуется субъектность как качество «быть субъектом».

В центре нашего внимания – специфика субъектности в подростковом возрасте. По мнению ряда исследователей (Фельдштейн, 1994; Цукерман, 1995 и др.), в этот период наблюдается наиболее интенсивное формирование субъектных качеств. Анализ литературных источников позволил представить субъектность как интегральное личностное образование, которое проявляется в определенных свойствах, представляющих единый симптомокомплекс и образующих целостную, связную структуру. На основании обобщения отмеченных разными авторами атрибутов, раскрывающих общее качество субъектности, нами были выделены следующие базовые свойства субъектности: активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность, самооценочность, независимость от других людей и внутренний локус контроля.

Целью исследования являлось изучение особенностей отношений и защитно-совладающего поведения у подростков с разным уровнем развития базовых свойств субъектности. В исследовании приняли участие 213 подростков (14–16 лет) разных школ г. Санкт-Петербурга. Были

использованы следующие методики: опросник «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной, методика СПА К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации Т.В. Снегиревой, методика «Незаконченные предложения» Сакса и Леви, Шкала временных установок Ж. Нюттена, тест-опросник по изучению механизмов психологической защиты Р. Плутчика. Г. Келлермана и Х.Р. Конта, опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман.

Посредством кластерного анализа выборка была поделена на три подгруппы (кластера) по базовым субъектным свойствам. Первую подгруппу составили подростки с низким уровнем развития субъектности (70 чел.), вторую – со средним (68 чел.), третью – с высоким уровнем (75 чел.). Анализ особенностей отношений в подгруппах подростков с разной выраженностью субъектных качеств показал, что чем выше субъектность, тем выше принятие себя, других, положительное отношение к сверстникам, к учителям. Среди подростков со средним и высоким уровнем субъектности гораздо меньше число тех, кто с пессимизмом относится к своему будущему (1-я подгруппа – 25%, 2-я 9%, 3-я 10%). Наиболее положительную аффективную оценку своему будущему дают подростки с высоким уровнем субъектности, они видят свое будущее в большей степени зависящим от них, а не от обстоятельств.

Анализ особенностей защитно-совладающего поведения в подгруппах с разным уровнем субъектности выявил, что подростки с низким уровнем субъектности чаще других прибегают к использованию незрелых защитных механизмов и неконструктивных копинг-стратегий, таких

как замещение, регрессия, бегство от проблем. Подростков со средним и высоким уровнем субъектности отличает более конструктивное защитно-совладающее поведение, включающее отрицание, планирование и переоценку.

Таким образом, более высокому уровню субъектности сопутствует положительное отношение к другим, себе, будущему, преобладание в репертуаре защитно-совладающего поведения зрелых защит и конструктивных стратегий.

Бабич О.М.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ КАК ОСНОВА СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Совершенствование высшего образования, а также задача подготовки высокопрофессиональных кадров выдвигают проблему успешности учебно-профессиональной деятельности (УПД) студентов в число актуальных научно-практических проблем. В качестве факторов успешности выделяются разные психические предпосылки. В их числе называется уровень развития когнитивных процессов (мышления, памяти, внимания и т.д.), ответственное отношение к учебе, наличие познавательной и профессиональной мотивации. В совокупности эти предпосылки составляют психический арсенал личности, необходимый для успешности УПД. Однако потенциальные возможности человека могут в полной мере проявиться и реализоваться лишь при общей рациональной самоорганизации и эффективном самоуправлении деятельностью.

Наличие необходимых когнитивных и мотивационных предпосылок к успешной учебе не гарантирует устойчивую успеваемость. Основной причиной неуспеваемости О.А. Конопкин считает несформированность у студентов умений осознанной саморегуляции деятельности. В рамках субъектной парадигмы индивидуальность личности проявляется в субъектности, которая может быть раскрыта через механизмы саморегуляции (Огнев, 1998; Петровский, 1996). По своей сути субъектность – это основа личности, активная позиция человека при решении жизненных задач. В данном случае индивидуальность студента может выступать как своеобразие личности, ее неповторимость, и проявляться в специфике способностей к саморегуляции собственной деятельности.

Индивидуальные особенности саморегуляции (целеполагание, анализ внешних и внутренних условий деятельности, программирование, оценка результатов и др.) являются основой для формирования у студентов индивидуального стиля саморегуляции, т.е. таких особенностей, которые устойчиво проявляются в различных видах УПД

и являются значимым предикатом продуктивности их выполнения (Конопкин, 1995; Моросанова, 2007). Уровень развития регуляторных умений представляет возможным диагностировать индивидуальный профиль саморегуляции, компонентами которого являются также личностные свойства (гибкость, самостоятельность), обнаруживающие свою принадлежность к личности студента как субъекту УПД, способному инициировать эту деятельность и управлять ею.

Самостоятельность в организации и регуляции УПД выступает важнейшей субъектной характеристикой студента. Индивидуальные различия этой характеристики могут быть достаточно велики, что позволяет условно представить их на оси, на полюсах которой располагаются репрезентативные группы «автономных» и «несамостоятельных» студентов, качественно отличающихся по способам саморегуляции деятельности.

Индивидуальные особенности саморегуляции студентов необходимо учитывать не только в качестве постоянного фактора, влияющего на успешность их учебы, но и для разработки адекватных способов коррекции недостатков этого механизма. Таким образом, если отсутствие способности самостоятельно организовать УПД выступает для некоторой группы студентов основной причиной их неуспеваемости, то выделение типологических групп представляет большой практический интерес, выходящий за рамки собственно УПД. Разработка корректировочно-развивающих мер, соответствующих индивидуальным особенностям студентов и конкретным формам обучения в вузе, может строиться лишь на основе определенного представления о психологических причинах и механизмах самостоятельности деятельности, о возможностях и способах формирования субъектной позиции студентов с учетом их индивидуальности.

Бабулина Л.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ЕЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Мы представляем одну из сторон исследования, посвященного сопоставлению субъектного и сценарного подхода к исследованию жизненного пути личности. Проблема жизненного пути как особой социальной формы

индивидуального развития является составной частью учения о личности и рассматривается в исторической, философской, педагогической науках, в психологии личности. При этом, например, для Б.Г. Ананьева основными

характеристиками жизни был возраст человека. Реальная биография, жизненный путь индивида значительно богаче и шире онтогенеза, включает историю «формирования в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения» (Ананьев, 1996). Мы сталкиваемся неизбежно с множеством взаимопроницающих факторов – биологических и социальных, общественно-исторических, индивидуально-психологических, возрастных, не забывая об одном из самых весомых факторов – качестве и уровне активности самого субъекта жизни.

Индивидуальная биография, рассматриваемая через призму анализа деятельностей и отношений личности, является скорее многомерной, подчиненной нескольким разным неравнозначным жизненным ритмам одновременно. «Развитие, – пишет Л.И. Анцыферова, – есть единство разных типов изменений: одиночных и системных, проходящих и стабильных, позитивных и негативных». В продолжение жизни человек не исчерпывает всех своих возможностей, потенциала развития, «...точный диапазон и механизмы индивидуальных возможностей личности принципиально неопределимы, они могут быть очерчены только приблизительно» (Балтес, 1987).

По определению Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна, жизненный путь личности – это путь становления ее индивидуальности. Практически одновременно с С.Л. Рубинштейном к данной проблеме подошел Д.Н. Узнадзе, который считал основным критерием определения личности наличие у нее сознания, возникающего на основе объективации. Личность ведет к становлению субъекта сознания и деятельности в их единстве. Считалось, что субъект самоопределяется по отношению к внутренней и внешней необходимости одновременно.

На основе ответственности личность развивает активность, имеющую мотивационную проекцию во времени и пространстве, посредством ценностей, действуя как

субъект воли, становится выше своих потребностей (Узнадзе, 1969), при этом подчиняя себе импульсы. Здесь можно увидеть сходство с понятием «надситуативная активность», которая была предложена В.А. Петровским и которая подразумевает активность, выходящую за пределы адаптации.

При реализации субъектного подхода на первый план выступают два методологических значения концепции личности как субъекта жизни (Абульханова, 2006). Первое методологическое значение – преодоление доминирования структурно-субстанционального определения личности, сложившегося в отечественной психологии. Структурный подход не вскрывает проективных способностей личности, возможностей ее изменения и развития в жизненном пути, рассматривая ее как наличную данность. Сосредоточенность отечественной психологии на изучении личности ребенка привела к тому, что не проводились исследования достижений взрослой личности, сохранения ее идентичности в изменяющихся условиях, развития индивидуальности. Второе методологическое значение – преодоление безличного и бессубъектного подхода к самому жизненному пути. Последнее свойственно феноменологическому, биографическому, событийному, возрастному подходам и концепциям жизненного пути.

Карл Роджерс предложил в качестве субъекта рассматривать страдающую, нуждающуюся в помощи личность, к которой надо относиться не как к пациенту, а «как к субъекту, способному с небольшой помощью решить свои проблемы» (Абульханова, 1999). Однако на уровне психотерапии не удалось развернуть все возможности категории субъекта, которые позже были успешно реализованы в рамках транзактного анализа. Концепция личности как субъекта жизни предполагает изменение, совершенствование качеств личности в процессе самовыражения, самореализации, раскрытие детерминации жизни самой личностью и детерминации личности жизнью.

Базылевич Т.Ф.

Московский государственный университет технологий и управления, Москва

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ – ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Категория «Индивидуальность» сегодня является одной из основных в психологии. Однако это понятие до сих пор часто используют как синоним отдельных индивидуальных различий, что ведет к «мозаичным» представлениям о природе данного феномена, редуцируя его содержание. Шаги к возрождению дифференциальных отраслей психологии в типологическом познании инициированы Министерством образования. В.Д. Шадриковым по данному вопросу была создана специальная комиссия, подчеркнувшая очевидные трудности развития соответствующих дисциплин и – вместе с тем их актуальность для проблем человекознания. Новым объектом дифференциальной психологии и психофизиологии становилась индивидуальность (которая всегда целостна).

Проблема воссоздания целостности индивидуальности при всей ее кажущейся простоте долгое время не поддавалась научному решению. Потребовалось специ-

альное изучение новой для типологического познания проблемы целостной индивидуальности (Базылевич и др., 1994–2012). Индивидуальность – в системном ракурсе ее анализа в русле субъектоцентрированных исследований – понимается не как особая группа свойств человека, а как закономерно фиксируемая в поведении констелляция этих свойств, которая возникла в результате индивидуально-системного обобщения типологически важных свойств прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (сравнение прогноза и реальности) и будущего (субъективный прогноз образа планируемого результата). Здесь неожиданным стал факт об общем генезе разных свойств нервной системы в периоды решения когнитивной задачи.

Логика проделанных работ в данной типологической области может быть обобщена следующим образом. Индивидуальность человека в единстве индивидуальных и личностных компонент субъекта деятельности наиболее

полно выражается в интегрированных показателях функциональных систем, являясь инвариантной составляющей разнообразной активности субъекта. В конкретных исследованиях доказательно выявлено, что гармоничность целостной индивидуальности определяется задатками сопряженных индивидуальных особенностей. В частности, данную сферу составляют: акмеологический статус зрелой личности (Базылевич, 2007), эффекты действия малых доз радиации на человека (Базылевич, 1998), специфика переделки навыка и стрессоустойчивости (Базылевич, Алиева, 1998; 2004), выраженность профессионального «выгорания» (Базылевич, Бутылин, 2006), риски психосоматики, типологические предикторы алкозависимости, компенсаторные возможности психологических защит личности (Базылевич, Выставкина, 2011), формально-динамическая сторона толерантности, инновационности и лидерства (Базылевич, Дубинин, Пономарев, 2011; 2012).

Конкретные исследования последнего десятилетия показывают, что проработка проблем индивидуальности в полной мере реализует психологический закон о преломлении «внешних причин через внутренние условия» взаимодействия человека с его специфической средой (Рубинштейн, 1995; Брушлинский, 1993 и др.). «Жесткие» звенья такого взаимодействия включают в качестве системообразующего фактора интегрированные в целостной индивидуальности стабильные, конституциональные, природные, генотипические свойства человека (Базылевич, 2005–2010). Сегодня можно констатировать, что психическое развитие человека в современном обществе, переходящем от эпохи масс к эпохе индивидуальностей, в значительной мере определяется фундаментальными законами целостности типологических свойств человека как личности, как индивидуальности и как субъекта деятельности.

Белан Е.А.

Кубанский государственный университет, Краснодар

ПОЛОВАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ АКТИВНОСТИ В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Личностная детерминация активности – известная тема психологических исследований. Тем не менее, более внимательный взгляд на обозначенную проблематику выявляет множество недостаточно полно исследованных контекстов. Например, чем в большей степени определяется индивидуализация поведения личности в жизненных ситуациях – выраженностью отдельных личностных характеристик или их определенным сочетанием?

В проведенном нами исследовании приняли участие 294 человека, мужчины и женщины в возрасте 18–45 лет. Всего были измерены 74 значимые для организации активности личности в жизненных ситуациях индивидуальные характеристики. Примечательно, что статистический сравнительный анализ не выявил достоверных различий по выраженности каждого из измеренных признаков. Это могло бы означать, что мужчины и женщины в различных жизненных ситуациях ведут себя одинаково, или личностные характеристики не влияют в достаточной степени на организацию поведения.

Однако это ошибочный вывод.

Для дальнейшего анализа различий мы применили многомерный метод дискриминантного анализа (общая модель, обратный пошаговый метод), который позволяет различать группы по совокупности показателей с учетом их внутренних взаимосвязей. Оценка значений квадратов расстояний Махаланобиса с учетом уровня значимости позволяет сделать вывод, что подвыборки мужчин и женщин по совокупности личностных характеристик различаются достоверно ($p = 0,00$). Была выявлена одна статистически значимая каноническая функция ($p = 0,00$). Согласно таблице коэффициентов факторной нагрузки, максимальные коэффициенты корреляции соответствуют переменным контроля происходящего ($-0,33$), самостоятельности ($-0,48$), выдержки ($-0,59$), настойчивости

($-0,54$), общего уровня развития волевых качеств ($-0,45$), самооценки здоровья ($0,39$), негативных психических состояний ($0,33$), субъективного благополучия ($0,34$), эго-защиты реактивных образований ($0,32$), регрессии ($0,27$), предпочтения традиционных мужских видов деятельности ($0,30$), трансситуационной изменчивости ($0,21$), копинга положительной переоценки ($0,23$), эго-защит интеллектуализации ($-0,32$) и вытеснения ($-0,35$).

Это означает, что у мужчин более развиты волевые качества личности, они более решительны, настойчивы, самостоятельны, постоянно контролируют происходящее, менее обеспокоены своим здоровьем, реже переживают негативные психические состояния и склонны к переживанию субъективного благополучия; мужчины не склонны к жизненным изменениям, не желают заниматься традиционными мужскими видами деятельности, не склонны к положительной переоценке жизненных трудностей, у них не выражены защиты реактивных образований и регрессии, но чаще проявляются защиты интеллектуализации и вытеснения. Женщины обладают противоположными характеристиками.

Анализ показал высокую степень адекватности дискриминации подвыборок мужчин и женщин по совокупности личностных характеристик. Согласно классификационной матрице, общее число правильных классификаций составляет 80,27%, в то время как равновероятностное распределение составляло бы 50,00%. Таким образом, сама по себе выраженность тех или иных личностных характеристик не определяет активности личности в жизненных ситуациях. Гендерная индивидуализация активности детерминируется в большей степени определенным сочетанием личностных характеристик и их внутренними взаимосвязями.

Бирюкевич Е.А.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХАРАКТЕРЕ

Понятие «характер» стало особенно популярным с развитием клинической характерологии на рубеже XIX–XX вв. Затем к проблеме характера и индивидуальности обратился целый ряд ученых. Но сегодня интерес к этой теме снизился, и может показаться, что понятие «характер» устарело, что оно должно быть отправлено на задворки современной психологии. Однако в обыденном сознании понятие «характер» по-прежнему занимает одно из ведущих мест. Характером объясняют свое и чужое поведение, оправдывают поступки; характер оценивают и осуждают; в характере видят причину конфликтов и им упрекают. Для обыденного сознания в психических особенностях человека нет ничего более осязаемого и реального, чем характер. Практика оказания психологической помощи также постоянно обнаруживает значимость этого понятия.

В наших эмпирических исследованиях была предпринята попытка изучить феноменологию обыденных представлений о характере. В беседах респондентам задавались вопросы о том, как они понимают сущность характера, сильные и слабые черты своего характера, как они относятся к этим чертам и как объясняют причины их возникновения, а также о желании и усилиях по изменению своего характера. Анализ протоколов (62 респондента, мужчины и женщины в возрасте от 17 до 60 лет) позволил систематизировать обыденные представления о характере. Наиболее интересными оказались суждения респондентов об изменениях своего характера в течение жизни, о возможности и необходимости таких изменений. Здесь были выделены две основных смысловых сферы, внутри которых диапазон мнений мог существенно различаться. Эти сферы можно очертить с помощью понятий «могу» и «хочу».

Оказалось, что в представлениях практически любого человека есть определенное мнение о происхождении характера, о роли в характере биологических (наследствен-

ных) особенностей и, соответственно, вера (или неверие) в возможность изменения своего характера. Здесь на одном полюсе находится полное отрицание роли самого человека в появлении и развитии каких-либо черт своего характера. Обычно эта позиция аргументируется ссылкой на абсолютную роль наследственности или, реже, влиянием жизненных обстоятельств (родителей, семьи, жизненных событий). На другом полюсе находятся респонденты, которые считают, что «свой характер можно и нужно воспитывать!». Таким образом, одни респонденты полагали, что они ничего не могут сделать со своим характером, другие, напротив, считали, что характер развивается прижизненно и может быть изменен, т.е. продемонстрировали веру в саму возможность таких изменений.

Оказалось, что многие респонденты рассматривают качества своего характера как неотъемлемую часть своего «Я», как основу своей самоидентичности. Соответственно, всякие попытки окружающих людей указать на недостатки и на необходимость меняться понимаются ими как покушение на их суверенное право оставаться самими собой: «Я не хочу пытаться сделать из себя чужой идеал... я пытаюсь быть индивидуальностью». Некоторые респонденты, маскируя свое нежелание менять черты характера, апеллировали к привычке: «Я привыкла к своему характеру, научилась справляться с теми или иными чертами...». Вместе с тем, были обнаружены и респонденты с высоким уровнем мотивации к изменению своего характера. Обычно они подробно описывали свои конкретные действия и усилия по преодолению недостатков своего характера.

Выявленные в наших исследованиях две смысловых области, описываемые шкалами «могу что-то изменить – не могу ничего изменить» и «хочу меняться – не хочу меняться», позволяют ориентироваться в обыденных представлениях о характере при оказании психологической помощи.

Бобровская Л.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОБРЕТЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Идея нашего исследования, рассматриваемого в этом докладе, заключается в рассмотрении взаимосвязи творческой активности и состоятельности личности. Состоятельность личности это единство желаний и возможностей личности, которое проявляется в чувстве успешности, удовлетворенности собой и стремлении к новым успехам (Петровский, 2010). Творческая активность трактуется нами как процесс усмотрения и реализации новых возможностей собственной активности, сопровождающийся

чувством вдохновения и завершающийся созданием субъективно нового продукта (Максимова, 2006).

Творческая активность понимается как сочетание адаптивной и неадаптивной активности (Петровский, 1996). Адаптивная активность – это направленность на рациональное приспособление к окружающей среде, неадаптивная – проявление способности и желания субъекта превысить требования ситуации и действовать не только ради адаптации.

Мы рассматриваем концепцию ранних бессознательных решений, то есть выводов и суждений, которые возникают у ребенка, если родители игнорируют его спонтанную активность или препятствуют ей (Гулдинг, 1997). Ранние решения блокируют проявления творческой активности личности.

В исследовании применялись такие эмпирические методики, как личностные опросники; нестандартизированное интервью. Нами была разработана модификация методики «Тест общей самооффективности» А. Бандуры, ориентированная на изучение самооффективности в творчестве, а также интервью, направленное на выявление особенностей подхода участников к решению различных жизненных задач и проявления творческой активности.

Выборка испытуемых была представлена студентами, находящимися в процессе написания дипломных работ.

Впервые творческая активность рассматривалась на примере двух видов деятельности испытуемых: заданной – написание дипломной работы – и свободно избранной: любая интересная для испытуемого деятельность.

В результате обработки и анализа данных мы можем говорить о наличии взаимосвязи между творческой активностью и состоятельностью личности, а также между творческой активностью и ранними бессознательными решениями. Основными результатами нашей работы стали следующие.

1. Личностная состоятельность является комплексным образованием, включающим в себя сочетание опоры на внешние и внутренние ресурсы для самоосуществления в деятельности, переживание надежды на успех, а также психологического благополучия личности. Личностная состоятельность может обретаться в процессе как свободно избранной, так и заданной деятельности. Но в большей степени состоятельность личности связана с деятельностью, которую субъект выбирает сам.

2. Творческая активность, взаимосвязанная с личностной состоятельностью, обнаруживает себя в заданной и свободно избранной деятельности. Но она более выражена в последней, так как выбранная свободно деятельность ближе по своим свойствам к творческой активности личности.

3. Ранние негативные решения обнаруживают негативную взаимосвязь с творческой активностью в свободно избранной деятельности, что может говорить о большей личностной значимости такой деятельности и большей ее взаимосвязи с установками личности.

В нашем исследовании мы рассмотрели процесс обретения личностной состоятельности при реализации творческой активности в двух видах деятельности. Мы можем говорить о характере значимой взаимосвязи между переменными нашего исследования, выстроить логику этой взаимосвязи и продолжать дальнейшую работу в направлении изучения личностной состоятельности.

Буров В.А., Бурова А.-В.В.

Институт философии РАН, Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ТРАНСМОДАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ ЗНАНИЙ. ТЕХНОЛОГИИ ЛИФТА

Сегодня полученные специалистом знания не просто за несколько лет устаревают, а еще и отстают от общего развития всех сфер общества и как принятые специалистом нормы становятся причиной формирования институциональных ловушек неадекватного новым условиям профессионального поведения. Мы рассмотрели множество таких примеров в науке, образовании, социальных практиках, политике и производстве. Был сделан вывод, что во всех рассмотренных примерах нормой оказываются неоговариваемые редукции сложности знания. Мы попытались оценить процент специалистов, которые не могут работать со сложностью. Для этого мы обратились к практике ЕГЭ. Статистика ЕГЭ, построенная на основе более чем двух с половиной миллионов ежегодных развернутых измерений, показывает низкий процент выполнения сложных заданий: только от 0,2% до 1,5% участников (один из 100 или 500) сегодня способны работать со сложностью. Происходит подпороговое развитие управления, экономики, производства, образования, науки и других сфер. Результатом неадекватного профессионального поведения становится системный кризис.

То, что такая ситуация сохраняется уже несколько десятилетий, показывает нам, что реализуемая модель элиминирующая индивидуальность классического знания и опирающийся на нее действующий технологический

уклад достигли потолка своего развития и нужны новые группы технологий, которые могут перенести развитие на находящийся над этим потолком новый этаж. Что может стать таким технологическим лифтом? Искомый результат радикального повышения доступной специалистам сложности мы могли бы получить за счет индивидуальной субъектной структуры знания, сегодня складывающейся лишь у одного из 100 или 500 участников ЕГЭ, и повышения интеллектуальной производительности специалистов на несколько порядков.

Нами были проанализированы пороги сложности, разделяющие группы заданий ЕГЭ, рассмотрены подпороговые состояния подготовки школьников и модальности выхода из этих состояний и перехода через пороги сложности. Систему таких порогов, подпороговых состояний и модальностей перехода мы включаем в субъектную структуру знания, а работу с ними определяем как новый технологический лифт. Были определены необходимые изменения в трансмодальной субъектной структуре знания: развитие оснащенной специальными знаниями рефлексии, изменение норм познавательного и коммуникативного поведения, формирование новой системы управляющих культурных кодов, управляющих культурных образцов жизни, перцептивных и транзактных баз субъекта, формирование новых культурных образцов навигации в системе

доступного знания, изменение референтных групп и типов социальной и личностной идентичности.

В наших опытах образовательный процесс был направлен на становление индивидуальности и строился сразу в нескольких модальностях индивидуальной субъектной структуры знания: формальное знание, пороги сложности, нейрональный формат, формат функциональной асимметрии мозга, формат внутрличностной коммуникации, формат личностного потенциала, перцептивные

и транзактные базы субъекта знания, социальный формат, культурные коды, культурные образцы жизни, производство жизненных миров. Наши наблюдения и опыты показывают, что при таком трансмодальном выстраивании процесса обучения происходит становление индивидуальной субъектной структуры знания, повышается интеллектуальная производительность человека, происходит позитивное изменение управляющих культурных кодов и выбираемых им культурных образцов жизни.

Бурова А.-В.В.

Московская общеобразовательная средняя школа №1106, Москва

НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Предметом наших исследований в разных опытах (А.В. Буров, В.А. Куликовская, А.-В.В. Бурова) было становление индивидуальности учащихся. В качестве одной из модальностей становления индивидуальности мы выделили становление субъектной структуры знания, наблюдаемой как одаренность учащегося. Представленные в нашем докладе опыты становления индивидуальности через формирование индивидуальной субъектной структуры знания были связаны с подготовкой к ЕГЭ.

Мы обратили внимание на то, что статистика выполнения некоторых заданий показывала, что с ними справляется лишь один из 100 или 500 выпускников (1 ученик из двух или пяти московских школ). Из этой статистики следовало, что в ЕГЭ существуют пороги сложности выполнения заданий, переход через которые не был обеспечен школьными методиками преподавания.

Мы сделали предположение, что феномен перехода отдельных учащихся через такие пороги связан с действием не учитываемого в современной педагогике фактора становления индивидуальности. Таким фактором мог быть обнаруженный нами в сотрудничестве с учеными Института мозга эффект изменения активности мозга в коммуникации по типу нейробиологического резонанса, который мы отнесли к работе зеркальных нейронов.

Рассматривая многочисленные эффекты синхронизации различных типов физиологической активности в группах, мы обнаружили и феномены резонансного повышения активности мозга обучаемого, повторяющего картину активности мозга обучающего. Эту группу фе-

номенов мы определяем как нейробиологический резонанс.

В педагогических опытах мы обнаружили, что фактор резонансного изменения активности мозга позволяет более чем на порядок повысить производительность учебной деятельности, превысив показатели всех членов учебной группы, работающих по традиционным методикам. Более того, результаты такого изменения активности приводят к более высоким результатам, чем те, которые демонстрируют опытные специалисты высшей квалификации. Открытой остается проблема индукций нейробиологического резонанса. Мы полагаем, что основой технологизации таких практик нейробиологического резонанса является формирование при подготовке специалистов специальных перцептивных и транзактных баз специалиста, позволяющих наблюдать и работать с этим феноменом. Без отслеживания процессов в современно оснащенных лабораториях эту задачу решить невозможно.

Мы полагаем, что формирование таких баз у педагога можно осуществлять по принципу биологической обратной связи, визуализируя картину активности мозга специальными приборами, как это было в некоторых наших опытах. Сегодня мы понимаем, что становление индивидуальности – это процесс формирования не только целостности и самости через отделение человека от других, но и более широких целостностей: произвольного становления множества резонансных взаимодействий с другими, делающих доступными недостижимые иным путем возможности человека.

Буровихина И.А., Лидерс А.Г.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ КАК СТРУКТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА МИРА СУБЪЕКТА

Категория «образ мира» как основополагающее понятие психологии индивидуальности широко используется для описания вариативности, функций, генеза, а также

структуры целостной системы значений, в которых мир репрезентируется в сознании субъекта. В изучении образа мира традиционным стало признание существова-

ния в нем наряду с поверхностными ядерных структур, составляющими которых являются личностные смыслы (Серкин, 2005) как индивидуальное отношение субъекта к явлениям объективной действительности (Леонтьев, 1983). В рамках данной работы нам было интересно выявить и описать индивидуальные особенности отношения к семье, которые как ядерные составляющие образа мира могут быть обнаружены при сопоставлении различных представлений мира (В.В. Петухов), например, при проведении гендерных и возрастных сравнений.

Методика изучения представлений о семье была предложена О.А. Минеевой и А.Г. Лидерсом (2011) в качестве инструмента изучения системы конструкторов-противопоставлений, в совокупности образующих семантическое пространство восприятия семьи. Методика подразумевает произвольную сортировку респондентом 100 карточек-понятий, описывающих различные грани жизни семьи. Диагностический диапазон «Методики свободной сортировки понятий» позволяет выявить не только универсальные и групповые особенности представлений о семье, содержательно описанные в ранее осуществленных исследованиях (Лидерс и др., 2006; 2010), но также определить индивидуальные черты реконструируемого семантического пространства, которые до этого не были изучены.

Экспликация индивидуальной системы шкал-конструкторов, по гипотезе авторов, требует минимально пятикратного осуществления процедуры сортировки понятий одним респондентом, которого в каждом из повторе-

ний просят максимально отождествить себя с какой-либо социальной группой (национальной, половой, возрастной, определяемой семейным положением и наличием детей), объективно включающей его в себя как члена в настоящее время.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что структура представлений о семье отдельного субъекта будет в целом тождественна структуре семантического пространства, реконструированного в результате обработки результатов группы респондентов, но при этом содержание (наполнение) выделенных шкал будет различным у различных представителей группы, вплоть до возможности описания индивидуальных портретов образа семьи. Для верификации данной гипотезы мы сопоставили семантические пространства возрастных и половых групп респондентов (Минеева, 2011) с индивидуальными результатами двух участников исследования.

Анализ подтвердил наше предположение о том, что система конструкторов «семейные состояния и чувства», «оценка благополучия семьи», «функции семьи» является универсальной системой значимых признаков, которые выделяются при осмыслении семьи как явления жизни. При этом широко варьирует значимость отдельных признаков, различными оказываются специфика чувств и личных переживаний, критерии «хорошей семьи», а также понимание содержания семейных ролей и функций, что в совокупности обуславливает индивидуальные особенности представлений о семье.

Виленская Г.А.

Институт психологии РАН, Москва

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ В МЛАДШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ*

Контроль поведения рассматривается нами как одна из основных функций субъекта, наряду с когнитивной и коммуникативной. Он играет решающую роль в возможности целенаправленного поведения вообще, организуя все доступные ресурсы и поведение человека в соответствии с целью (Сергиенко и др., 2010). Имея уже некоторую информацию о развитии контроля поведения в младенческом возрасте (Виленская, 2009), у подростков (Ветрова, 2011), у взрослых (Ковалева, 2004), мы пока не многое знаем о развитии его в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Имеются отдельные данные о развитии внимания, контроля импульсивности, роли речи в регуляции поведения, эмоциональной сфере дошкольников, однако целостная картина развития регуляции индивидуальности с позиции системно-субъектного подхода пока не создана.

В исследовании участвовали 43 ребенка в возрасте 36–51 мес. (из них 24 девочки), воспитанники д/с г. Москвы. Использовались методики, тестирующие характеристики, содержательно связанные с контролем поведения. Диагностика когнитивного контроля осуществлялась при помощи субтеста «Словарный» детского варианта теста

Векслера и теста «День-Ночь» (детский вариант теста Струпа). Контроль действий диагностировался при помощи субтеста «Кубики» детского варианта теста Векслера и набора моторных проб из теста «Шкалы развития младенцев Бейли», соответствующих возрасту детей в выборке (Bauley, 1993). Эмоциональный контроль оценивался при помощи Теста детской тревожности (Психологический практикум..., 2004) и опросника для родителей ECL (Vithlani et al., 2010), оценивающего лабильность эмоций и эмоциональную регуляцию ребенка. Контроль интеллектуального развития осуществлялся при помощи теста «Рисунок человека» Гудинаф-Харрис (Бурменская, 2001). Необходимо было проверить, можно ли использовать эти методики для диагностики контроля поведения, оценить возрастные и половые особенности в уровне развития и соотношении его компонентов, выявить индивидуальные варианты его развития.

Различные оценки внутри каждого компонента контроля поведения коррелируют между собой (тревожность и эмоциональная регуляция, вербальный ментальный возраст и контроль импульсивности, невербальный ментальный возраст и моторная шкала). Это свидетельствует о ва-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00785.

лидности этих методов для оценки компонентов контроля поведения в дошкольном возрасте. Отмечается разнонаправленная возрастная динамика компонентов контроля поведения. У старших детей отмечается худший эмоциональный контроль (более выраженная тревожность), лучший контроль действий (выше невербальный интеллектуальный возраст, оценки выполнения моторных проб) и оценка интеллектуального развития (выше результаты теста «Рисунок человека»). Повышение тревожности, возможно, связано с расширением круга социальных контактов ребенка, необходимостью перейти на новый уровень регуляции своего поведения, овладеть новыми стратегия-

ми самоконтроля, и в этой связи, имеет, видимо, адаптивное значение. Интересно отсутствие половых различий в развитии контроля поведения у дошкольников, что, скорее всего, связано с небольшим объемом выборки.

Компоненты контроля поведения могут соотноситься между собой различным образом. Так, повышенная тревожность может быть как у детей с высоким уровнем развития контроля действий, так и у детей импульсивных, с низким когнитивным контролем, т.е. роль эмоционального контроля оказывается неоднозначной и может, возможно, быть основой для формирования индивидуальных профилей контроля поведения.

Войтик Т.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ

Образование выполняет важную социальную функцию, заключающуюся в содействии развитию, воспитанию, обучению ребенка. Особое значение приобретает задача социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в группах, где осуществляется инклюзивная практика. Положение человека с ограниченными возможностями здоровья в социуме во многом определяется характером и уровнем специального образования. Дети с проблемами в развитии – это дети, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания. Дети с ОВЗ являются полиморфной и крайне разнообразной группой, следовательно, различаются и их образовательные потребности, т.к. они задаются спецификой нарушения психического развития и определяют особую логику построения учебного процесса, находят свое отражение в структуре и содержании образования.

Социализация личности невозможна без общения. Именно семья является для малыша первичным социальным окружением. Начиная с первичных форм общения матери с ребенком происходит постоянное включение в те или иные формы общественной практики. Выступая и субъектом, и результатом общественных отношений, личность ребенка формируется через ее активные общественные действия, сознательно преобразуя и окружающую среду, и саму себя в процессе целенаправленной деятельности.

Семья для малыша, имеющего проблемы в развитии, является первичным социальным окружением. Ребенок постигает особенности человеческих отношений через общение с близкими взрослыми, через игровые отношения и общение со сверстниками. Именно полноценное, организованное общение с близкими взрослыми и со сверстниками способствует успешной социализации ребенка. Характер отношения в семье к ребенку, его интересам, по-

требностям, уровень психолого-педагогической и общей культуры родителей, образ жизни семьи, структура, индивидуально-типологические особенности родителей – все это отражается на динамике развития ребенка.

Установлено, что детям удается достичь гораздо лучших результатов в развитии, когда в коррекционной работе активно участвуют родители. И как показывает практика, при организации родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, достигаются положительные результаты. Так, в группе, реализующей инклюзивную практику для детей раннего возраста, родители активно подключаются к совместной деятельности с детьми.

Для большинства родителей наиболее значимым средством оказывается информация о практических мерах, которые вполне обоснованно могут помочь развитию ребенка. Примечателен тот факт, что родители детей с ОВЗ активно осваивают психолого-педагогические приемы, методы развития коммуникативной и социальной компетентности своих детей. Осваивая педагогические приемы, они в дальнейшем организуют игры и занятия с детьми в домашних условиях.

Активно взаимодействуя с ребенком, родители обеспечивают полноценное психическое и психологическое развитие своего ребенка, а также реализуют комплекс индивидуально-ориентированных мер по ослаблению, снижению или устранению возникших проблем в развитии малыша. И здесь неоценимую помощь оказывают педагоги, работающие с ребенком. Именно педагоги способны помочь в создании воспитывающей среды, оздоровлении и нормализации отношений в семье и усилении воспитательной и социальной функции семьи, которая в дальнейшем обеспечит условия для полноценного развития личности и социализации ребенка с проблемами в развитии.

Джанашиа А.З.

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

СОДЕЙСТВИЕ В САМОРАЗВИТИИ С ОПОРОЙ НА ЖИТЕЙСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ

Существенной предпосылкой для становления субъектности личности выступает интенсивное развитие самосознания в подростковом возрасте. Подросток, осознавая свои неудачи в повседневной жизни – в учении, поведении, во взаимоотношениях со сверстниками, взрослыми, испытывает чувство неудовлетворенности собой, которое, в свою очередь, приводит его к желанию быть успешным, в поведении и учебной деятельности.

Попытки подростка «стать лучше» являются началом самовоспитательной деятельности, которая с возрастом может перейти в саморазвитие. Нередко намерения подростка заниматься самовоспитанием угасают по тем или иным причинам. Недостаточное внимание педагогов и психологической службы к потребности подростка в достижении, к его самостоятельным попыткам заниматься самовоспитанием нередко ведет к формированию у него психологии неудачника, к задержке становления его как субъекта учения и поведения. Существует расхождение между намерением подростка работать над собой и тем, что формируется у него только с помощью воспитания.

Таким образом, возникает научная проблема: какие действия необходимо формировать у подростка, чтобы он мог самостоятельно преобразовать намерение в актуальную цель, которая и позволит ему регулировать свою деятельность и поведение.

Одним из путей решения названной проблемы является изучение жизненных планов и намерений заниматься самовоспитанием и оказание содействия в их реализации. Согласно собственным исследованиям, наиболее эффективным способом содействия подростку в реализации им своего намерения является использование подсказок с опорой на житейский опыт подростка в управлении своим поведением (Джанашиа, 2008). Методика основана на использовании не прямых подсказок, определяющих только

направление анализа, но самое действие самостоятельно, на основе собственного житейского опыта ищет, подбирает испытуемый.

Методика «подсказки» смоделирована по аналогии с методикой, разработанной С.Л. Рубинштейном для развития мышления как общей способности у учащихся (Рубинштейн, 1959). Эффективность использования «подсказок» при обучении доказана в исследованиях К.А. Славской (1968). Было установлено, что обучить учащихся решению задач можно с помощью действий переноса решения одного типа задач на другой тип. Учащийся, однако, выполняет не механический акт «переноса», а использует уже применявшиеся ранее решения, знания, принципы. За подобным актом переноса стоит «синтетический акт соотнесения обеих задач и включение их в единую аналитико-синтетическую деятельность» (Рубинштейн, 1959).

Основную идею рассматриваемого подхода будет эффективно применить в вопросах разработки практических подходов к вопросам содействия подростку в реализации его намерения заниматься самовоспитанием. Непрямые подсказки взрослого призваны, во-первых, актуализировать имеющийся стихийно сложившийся поведенческий опыт подростка, который «обычно оказывается недостаточным, несовершенным, наивным в собственном смысле слова» (Выготский, 1982); во-вторых, произвести перенос известных по опыту действий саморегулирования на личную ситуацию.

Таким образом, опыт подростка в поведении и саморегуляции выступает как зона ближайшего развития, с которой и работает взрослый (Ивашенко, 2008). Приведенная методика обеспечивает минимальное участие взрослого в выборе необходимого действия, а участие испытуемого – максимальное.

Жуланова И.В.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

Медведев А.М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Волгоградский филиал, Волгоград

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ КАК РЕАЛЬНАЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ

Традиционная для педагогической психологии тема соотношения обучения и развития задана известным тезисом Л.С. Выготского: обучение должно вести за собой развитие. Бесспорность этого тезиса для представителей культурно-исторического подхода не отменяет необходимости его разработки: как реализовать это «вождение», как обеспечить движение обучаемого в предполагаемом направлении, наконец, к чему «прицепить трансмиссию

двигателя обучения». Ведь для того чтобы вести, надо быть уверенным, что есть нечто, что ведет, и нечто, что ведется. Развивающее образование, рассматриваемое в контексте культурно-исторической психологии, предполагает ориентацию на модель развития как взаимодействие идеальной и реальной форм (поведения, деятельности, сознания). Во взаимодействии реальной и идеальной форм Л.С. Выготский видел принципиальное своеобразие

детского развития в отличие от других видов и форм развития: По мысли Л.С. Выготского, идеальная форма уже существует и предпослана развивающейся психике ребенка, более того, она не только предпослана, но и взаимодействует с реальной формой.

Но этот тезис Л.С. Выготского можно обернуть: реальная форма также уже существует, взаимодействует с идеальной формой и обнаруживает себя в этом взаимодействии. Ее назначение – быть функциональным органом, ориентирующим человека в культурной среде. Эта особенность выражена во введенном П.Г. Нежновым понятии культурной натуральности – это та культурная оснастка, которая на данный момент выступает уже ставшим функциональным органом человека и поэтому натуральна: она столь естественна для него, что им уже не рефлектируется. Главной чертой этого новообразования является «некоторая мера непосредственности, т.е. определенная слитность с объектом (средой) и с самим собой, аффективной стороной своего действия» (Нежнов, 2004).

Именно эта культурная натуральность предстает в «поведенческом тексте» (терминология К.Н. Поливановой и Г.А. Цукерман) ребенка, прямо считывается с его поведения. В раннем онтогенезе на нее трудно не обращать внимания. Как правило, взрослый все-таки отвечает на действия-вызовы и на прямые обращенные к нему вопросы ребенка.

Иначе в юности. Дистанцирование, стремление к автономии, поиск своих, порой экзотических, вычурных, субкультурных форм поведения делает культурную натуральность не всегда внятной для самих молодых людей и понятной для взрослых. Применительно к юношескому возрасту культурная натуральность – это воспринятые и освоенные к данному периоду жизни прототипы сложившихся в культуре действий и их ориентировок различной степени осознанности и проработанности (от аттитудов до ценностных диспозиций). С этой культурной натуральностью студенты входят в образовательный процесс, это содержание и соответствующие ему переживания составляют основание их избирательности, пристрастности, их ориентировки во всем континууме учебных дисциплин и способов взаимодействия с преподавателями вуза. Эти продукты инкультурации мы обозначили термином «индивидуальные теории».

Как преподаватели психологии, мы в качестве особой педагогической задачи видим необходимость экспликации «индивидуальных теорий», поскольку именно они как составляющие мировоззрения составляют главный предмет психологического образования студентов гуманитарных специальностей, к тому же – предмет, включенный в возрастную задачу построения индивидуальной идентичности (Э. Эриксон), в задачу персонализации (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев).

Запесоцкая И.В.

Курский государственный медицинский университет, Курск

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ВОСПРИЯТИЕ БОЛИ

Учение о боли является одной из центральных проблем биологии, медицины и психологии. Многочисленные исследования болевых ощущений с убедительностью показали, что переживание боли индивидом зависит как от величины раздражения, так и от индивидуальной реактивности организма, функционального состояния его нервной системы, зависящих в свою очередь от ряда факторов, в том числе и психологических в значительной степени (Давыдова, 1940; Мелзак, 1981; Осипова, 2001; Орбели, 1935). С.Л. Рубинштейн (1998) определяет эмоцию как особую субъективную форму существования и развития потребностей. П.К. Анохин (2003) определял боль как своеобразное психическое состояние человека, обусловленное совокупностью физиологических процессов центральной нервной системы, вызванных к жизни каким-либо сверхсильным или разрушительным раздражением.

Для медицинской практики в связи с «сигнальным» значением боли очень важной является объективная характеристика выраженности болевого ощущения. Трудность и сложность этой оценки связаны с тем, что по своему характеру боль является субъективным ощущением, зависящим не только от величины вызывающего ее раздражителя, но и от психической, эмоциональной реакции личности на боль. Любая боль включает сенсорный, аффективный, вегетативный, двигательный и когнитивный компоненты (Гримак, 1987). Степень и характер зубной

боли при заболевании твердых тканей зуба определяется глубиной и выраженностью патологического процесса (Бажанов, 1990).

Для решения поставленных задач был использован следующий методический инструментарий: визуальная аналоговая шкала боли, шкала ситуативной и личностной тревожности, опросник нервно-психического напряжения, «Диагностика эмоционального интеллекта», опросник «Уровень субъективного контроля». Эмпирическое исследование проводилось с февраля по апрель 2012 года на базе стоматологических поликлиник г. Курска. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 25 до 45 лет. В основе процедуры разделения стоматологических больных на группы с нормальной и повышенной чувствительностью зубов по объективным признакам лежит экспертное мнение врача-стоматолога о состоянии чувствительности зубов. В качестве объективного признака наличия повышенной чувствительности зубов выступает расширение дентинных канальцев зуба, которое обнаруживается при стоматологическом осмотре. В результате исследования были получены следующие результаты.

1. Стоматологические больные, обладающие высоким уровнем ситуативной и личностной тревожности, имеют более высокие показатели болевой чувствительности, чем больные с низкой ситуативной и личностной тревожностью.

2. Стоматологические больные, обладающие высоким уровнем нервно-психического напряжения, имеют более высокие показатели болевой чувствительности.

3. Стоматологические больные, имеющие высокий уровень эмоциональной осведомленности и распознавания эмоций других людей, отличаются более высокими показателями болевой чувствительности. Группа стоматологических больных с высоким уровнем управления своими эмоциями и самомотивации отличается более низкими показателями болевой чувствительности.

4. Стоматологическим больным с высокими значениями по шкалам общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в области межличностных отношений и интернальности в отношении здоровья и болезни свойственны более низкие показатели болевой чувствительности.

5. Особенности эмоциональной сферы – личностная и ситуативная тревожность, уровень нервно-психического напряжения, эмоциональный интеллект, уровень субъективного контроля – влияют на восприятие боли стоматологическими больными.

Зеленцова Н.Н.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

ОТ ЛИЧНОСТНОЙ МИФООНТОЛОГИИ К РАЗВИТИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Очевидно, что синонимы истинного «Я» – понятия «Я-концепция» и «образ-Я», под которыми понимается устойчивое, согласованное, вербально зафиксированное представление человека о себе самом, которое формируется в течение его жизни. «Я-концепция» определяет не столько то, что представляет собой индивид, сколько то, что он о себе думает, как смотрит на возможности собственного развития в будущем, и связана с проблемой самосознания (Rogers, 1994; Бернс, 1996; Панталеон, 1989; 1991; Столин, 1983; 1985; Зимачева, 1997 и др.).

При этом особенность категории «Я-концепция» состоит в отсутствии оценочных суждений и наличии описаний представлений человека о самом себе. Все, что проявляется в человеке в данный момент через его самопредъявление, «истинное» или «реальное Я».

Это справедливо и для проектирования человеком собственного будущего, когда в качестве основного конструкта его «Я» выделяется его «потенциальное» или «идеальное Я». К.В. Андреева (2003) упоминает о том, что поведение человека всегда так или иначе соотносится с его представлениями о самом себе и о том, каким он должен быть. По В. Франклу (1990), «человек по своей сути стремится найти цель и осуществить свое предназначение в жизни».

Ю.М. Швалб, О.В. Данчева (1991) обращают внимание на взаимовлияние индивида и общества, отражающееся в понятиях «Я-концепция» и «Мы-сознание». Если человек чувствует свою принадлежность к той или иной социальной группе, то характеристики его «Мы-сознания» личностно значимы для него, и чем более у человека развита ценность «Мы», тем менее он подвержен одиночеству.

Сейчас в нашей стране происходит становление новых форм «Мы-сознания», т.к. «каждый шаг по пути обособления «Я» ведет к расширению и обогащению «Мы».

Согласно Андерсен-Хей (Карвасарский, 2000), «интраперсональное относится к уровню «Я»..., где главным является раскрытие человеческой индивидуальности, эмоционального состояния и их представительства в физическом теле; трансперсональное ориентировано на максимальную реальность... единство человека, универсальный или космический план, в котором человек переживает переход границ его «Я» в универсальное сознание».

Процесс дифференциации феноменального поля, происходящий вследствие общей тенденции к дифференциации, являющейся частью процесса актуализации, позволяет ребенку постепенно начать отличать себя от остального мира, ощущать себя отдельным объектом, объясняет возникновение «Я-концепции» человека. По мере становления социальной восприимчивости ребенка развиваются его способности, а «Я-концепция» дифференцируется и усложняется.

Таким образом, в значительной степени содержание «Я-концепции» – это продукт социализации. Основная направленность в разработке и реализации развития «Я-концепции» состоит в расширении представлений ребенка о картине мира, окружающей среде, межличностных отношениях, психологических знаниях, способствующих пониманию себя, развивающих позитивную «Я-концепцию», познавательном интересе и исследовательской активности.

Представления ребенка о себе весьма мифологичны (мифоонтологичны), но именно они определяют его поведение и успехи, возможности и желания, т.к. «Я-концепция» есть интегральное образование, определяющее особенности взаимодействия с окружающим миром, самим собой и влияющее на все остальные личностные характеристики. При этом показатель знания человека о себе – это выражение его «Я-концепции», самописание человека (личностный миф).

Исаева С.

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Крым, Украина

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В современном обществе особое место занимает проблема межличностных конфликтов. Конфликт – это столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия. Противодействие субъектов конфликта может разворачиваться в трех сферах: общении, поведении, деятельности. Конфликты неизбежны в любой социальной структуре, так как они являются необходимым условием для развития общества.

В настоящее время активно изучаются конфликты в виртуальном пространстве. Они являются одной из главных проблем на данном этапе развития современного общества, так как в последние годы виртуальная среда стала неотъемлемой частью жизни человека. Важным является изучение сущности конфликта в виртуальной среде, его основных функций и причин возникновения.

Виртуальная среда – это любое виртуальное пространство, насыщенное информацией, очерченное тем или иным смысловым контуром. Существуют уровни виртуальной реальности: естественный или физический (ближайший к реальности уровень, поскольку этот вид виртуальности определяется природой); технический (компьютерные технологии, реклама и СМИ); культурный (произведения литературы, искусства, мифологии); мистический (виртуальности этого уровня сложнее проявляют себя в актуальном мире).

Любой конфликт сопровождается проявлением агрессии. Агрессия – это целенаправленное деструктивное индивидуальное или коллективное поведение, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным),

причиняющее физический или психологический ущерб другому человеку или группе людей. Она выражается с помощью слов и выражений, которые называются лексами. Их делят на два типа: лексы, используемые для явного выражения агрессии (эксплицитное насилие); лексы, используемые для неявного выражения агрессии (имплицитное насилие).

Исследование конфликтов в виртуальном пространстве литературы и Интернета предполагало два этапа. На первом этапе с помощью опроса нами были выявлены литературные предпочтения школьников. На втором этапе исследовалось содержание выделенных произведений с помощью методики И.Ю. Черепановой и подсчитывался уровень эксплицитной и имплицитной агрессии в текстах с помощью методики «Семантическая агрессия». Результаты методики «Семантическая агрессия» свидетельствуют о том, что в литературных произведениях, которые выбирают школьники независимо от возраста, преобладает имплицитная (закрытая) конфликтность.

Сравнительный анализ показал, что эмоциональное состояние литературных героев совпадает с эмоциональным состоянием читателя. Содержательный анализ текстов на основе методики И.Ю. Черепановой выявил, что наиболее высокая конфликтность литературных героев наблюдается в произведениях, читаемых в подростковом возрасте. Таким образом, читатель окружает себя литературной виртуальной средой, которая близка его психологическому возрасту и дает возможность расширения зоны вариативного развития (Абраменкова, 2000).

Карпов А.В.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ*

Рефлексивность как детерминанта индивидуализации процессов принятия решения (ПР) исследовалась на двух уровнях – результативном и процессуальном. На первом из них установлено, что между ними отсутствует прямая, однозначная зависимость. Эта связь носит существенно более сложный характер инвертированной «U-образной» зависимости. Ее общий смысл состоит в том, что максимальное качество процессов ПР имеет место не при минимальной рефлексивности (что вполне естественно и понятно), но и не при максимальном ее значении (что уже менее очевидно с априорной точки зрения). Оно максимально на некотором промежуточном, хотя и достаточно высоком значении рефлексивности. Другими словами,

существует некоторый интервал оптимальных значений рефлексивности, на котором значения «внешнего критерия» (эффективности деятельности, качества ПР и др.) являются максимальными. Сдвиги как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения рефлексивности ведут к снижению качества процессов ПР.

Установлено и значимое детерминационное влияние рефлексивности на процессуальные особенности принятия решения. В целом высокорефлексивные индивиды, «выигрывая» в чем-то одном, «проигрывают» в другом, и наоборот. Например, «выигрывая» в степени разнообразия репертуара способов и стратегий, высокорефлексивные индивиды часто «проигрывают» в адекватности и реали-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 11-06-00823.

зuemости этих способов; «выигрывая» в широте информационной основы решений, они нередко «проигрывают» в содержательных особенностях используемых информационных признаков. Далее, параметр рефлексивности обуславливает и различия в той или иной ориентации при осуществлении процесса ПР – либо преимущественно на объективную ситуацию, либо на свою субъективную интерпретацию ситуации. Первая установка более характерна для низкореклексивных индивидов и предполагает большее доверие объективной информации, большую активность в ее поиске и использовании. Вторая установка более характерна для высокореклексивных индивидов и предполагает большую опору на прошлый субъективный опыт, на оперирование не столько эксплицитной, сколько имплицитной информацией и ситуации выбора.

Наряду с этим, низко- и высокореклексивные индивиды характеризуются различиями и еще по одному – также обобщенному – параметру. Низкореклексивные индивиды более склонны (и способны) упрощать ситуацию выбора, если она действительно сложна, по сравнению с высокореклексивными. Напротив, высокореклексивные индивиды более склонны усложнять ситуацию выбора, даже если она относительно несложна.

Еще одной общей особенностью является то, что большинство обнаруживаемых различий, существуя в общем

случае, зависят и от типа ситуации выбора. Эти различия существенно выше в ситуациях «субъект-субъектного» типа (то есть в так называемых рефлексивных ситуациях), чем в ситуациях «субъект-объектного» типа.

Наконец, было выявлено, что параметр рефлексивности в целом оказывает значимое влияние на ряд важных феноменов и эффектов, характеризующих содержание и специфику процессов ПР (например, на эффект «реактивного сопротивления в выборе», на эффект «позитивного сдвига риска» и др.).

При этом в общей феноменологической картине процессов ПР должны быть дифференцированы такие феномены, которые оказываются либо несензитивными к фактору рефлексивности, либо – чувствительны к нему. В свою очередь, вторые могут либо усиливаться и гипертрофироваться под влиянием фактора рефлексивности, либо ослабевать, редуцироваться и даже – инвертироваться. При этом существует и тенденция, состоящая в том, что степень трансформации феноменов ПР под влиянием фактора рефлексивности зависит и от содержания самих феноменов, от их сложности.

Чем более сложным и комплексным является тот или иной феномен, тем в большей степени он сензитивен к фактору рефлексивности и тем более он вариативен при изменении данного фактора.

Курников А.Р.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКА И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Становление субъектности занимает в подростковом возрасте особое место. Возрастающие возможности осознания регуляторного опыта обеспечивают развитие субъектного отношения подростка к разным сферам жизни и способствуют проявлению его индивидуальности. Изучая особенности переживания одиночества у подростков, мы проанализировали содержание переживаемого ими одиночества. Мы констатировали, что содержательно оно различно. Это различие в тягостном переживании одиночества мы обозначили как переживание одиночества по поводу «отсутствия поддержки со стороны значимых других» (O1) и как переживание одиночества в ситуации «поиска смыслов жизни» (O2). Нами были получены данные о степени социально-психологической адаптированности исследуемых подростков (шкала СПА Роджерса и Даймонд). Их мы можем рассматривать, в том числе, и как показатели проявления индивидуальности подростка.

Применяя критерии коэффициента сопряженности (C) и X² к оценке полученных данных, мы установили, что проявляющие индивидуальность подростки, испытывающие эмоциональный комфорт, как правило, ни тот и ни другой вид одиночества не испытывают – O1 и адаптированность подростков (C = 0.53; X² = 29,3; p < 0,001); O2 и адаптированность (C = 0.37; X² = 12; p < 0,005)). Чем более подростки принимают себя, тем менее выражены у них оба вида одиночества – самопринятие и O1 (C = 0.34; X² = 9,7; p < 0,01); самопринятие и O2 (C = 0.46; X² = 20,3; p < 0,005). Среди тех подростков, кто принимает других, больше тех, кто не испытывает одиночества «от отсут-

ствия поддержки значимыми другими» (принятие других и O1 (C = 0.36; X² = 11,2; p < 0,005)).

Среди тех подростков, которые испытывают тревожность и беспокойство, явно преобладают те, кто испытывает оба вида одиночества – эмоциональный комфорт и O1 (C = 0.5; X² = 25,8; p < 0,001); эмоциональный комфорт и O2 (C = 0.42; X² = 16,1; p < 0,001). В то же время, среди тех, кто испытывает эмоциональный дискомфорт, чаще можно встретить тех, кто реже испытывает переживание одиночества (эмоциональный комфорт и частота переживания одиночества (C = 0.45; X² = 19,5; p < 0,001)). Вероятно, это можно объяснить тем, что эмоциональный дискомфорт затрудняет рефлексию одиночества подростками. Возможно, что подростки, испытывающие эмоциональный дискомфорт, в силу особой чувствительности, характерной для данного возраста, могут любой повод воспринять как ситуацию нежелательной одиночества. Тот факт, что подростки, испытывающие тревогу и беспокойство, редко переживают одиночество, можно объяснить тем, что их эмоциональное состояние связано не столько с переживанием одиночества, сколько с другими, более важными для них событиями их жизни. Ситуация одиночества воспринимается подростками как вынужденная остановка своей активности, как нарушение ритма привычной жизни, а средств рефлексии пока еще недостаточно.

Подростки, проявляющие свою индивидуальность, не испытывают одиночества ни «от отсутствия поддержки другими», ни от «поиска смыслов жизни». Эти подростки переживают одиночество, осваивая и принимая опыт рас-

ставания со старыми ценностями, опыт утраты близких отношений, опыт потери какой-то части себя самого. Без доброжелательной поддержки со стороны окружающих это может вызывать тягостное переживание одиночества. Исследуемые нами подростки, анализируя собственные

переживания, отмечают, что «человек не должен оставаться один никогда – нужно чтобы был кто-то рядом». В то же время опыт продуктивного бытия наедине с собой является важнейшим условием для становления индивидуальности человека.

Колпачников В.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА КАК СТРОИТЕЛЬСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА

Осмысление жизненного опыта, символизация его в представлениях, идеях, знаниях и убеждениях происходит в течение всей жизни человека. Каждый человек растет, развивается, живет в уникальных условиях, проявляет себя уникально и, соответственно, испытывает уникальный жизненный опыт. И осмысляет этот уникальный опыт тоже уникально – в соответствии с особенностями собственного уже сформировавшегося мировоззрения, особенностями устремлений и ценностей – «забот» (по М. Хайдеггеру, 2006). Итогом этой уникальной работы переживания и осмысления жизненного опыта является уникальный жизненный мир и сам человек в нем. Этот индивидуальный жизненный мир становится, в свою очередь, интегративным регулятивным средством организации актуальной активности человека. Можно выделить два уровня активности осмысления жизненного опыта – спонтанный и осознанный.

1. Спонтанная активность в формировании индивидуального жизненного мира. Движимый потребностями человек «находит» и символизирует небезразличные для его жизнедеятельности элементы, процессы, события, принимает в процессе совместной со значимыми другими людьми их взгляды, представления, способы понимания/осмысления/концептуализации мира и самого себя в нем. В изначально совместном бытии становящийся человек опробует, проверяет и принимает (или не принимает) представления, знания и способы деятельности, которые уже используются другими людьми. Эти представления, знания и способы деятельности/общения становятся его собственными инструментами упорядочивания и организации собственного жизненного опыта и активности. Именно этот процесс обмена знаниями и представлениями, как и способами деятельности, создает почву для большей или меньшей общности всегда уникально-индивидуальных картин мира и, соответственно, большего или

меньшего взаимопонимания/непонимания между людьми. Все это в значительной степени происходит спонтанно, как бы само собой. Правда, в основе этого, тем не менее, всегда лежит активность, забота, деятельность становящегося человека.

2. Осознанная активность по конструированию и строительству своего мира и жизни. В процессе осмысления жизненного опыта человек неизбежно становится перед необходимостью личного выбора. Мы выбираем, как поступить в той или иной ситуации, – и тем самым укрепляем, утверждаем своими поступками те или иные представления о мире, в котором живем, и о собственной жизни. Мы выбираем, во что верить или не верить («Есть ли на свете мужество» и любовь – «каждый решет сам»). Мы выбираем, какие мы, что истинно в нас и окружающих нас людях («я – верный друг», «я не вор», «людям присуще стремление к самоактуализации и самореализации» и т.п.). Выбор подчас ясен и спонтанен, подчас – сложен и мучителен. Но необходимость выбирать является некоторой неотъемлемой и неизбежной экзистенциальной данностью. В этом осмыслении жизненного опыта, как уже отмечалось, активно используются культурные представления. Но культура – сложна и противоречива. В ней есть разные представления и способы действия. И нужно выбирать.

Так творится мир и бытие человека. Жизненный мир и бытие в нем, по Л. Бинсвангеру (1999), определяется в своих базовых характеристиках «экзистенциальным априори» – совокупностью взаимосвязанных категорий и представлений-смыслов, сложившихся и продолжающих развиваться в процессе осмысления жизненного опыта. Практическими формами содействия человеку в осознанном осмыслении опыта и строительства жизненного мира являются диалогические практики образования и психологического консультирования.

Кондратюк Н.Г.

Психологический институт РАО, Москва

НАДЕЖНОСТЬ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕКА: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТОРНЫЙ ПОДХОД

Последние десятилетия в работах отечественных и зарубежных авторов мы можем наблюдать увеличивающийся интерес к одной из интенсивно развивающихся отрас-

лей психологической науки – психологии саморегуляции. Начало XXI в. в отечественной психологии ознаменовалось оформлением и развитием дифференциально-регу-

латорного подхода к исследованию индивидуальности (Моросанова, 2002–2011). Направленный на развитие фундаментальной проблемы общей психологии – саморегуляции, а также переосмысления теоретических аспектов классических проблем общей и дифференциальной психологии, дифференциально-регуляторный подход открывает широкие возможности для решения актуальных (практических) задач психологии труда и организационной психологии, психологии принятия решений, спортивной и политической психологии, педагогической психологии, и позволяет таким образом реализовать остро стоящий в психологической науке вопрос о единстве психологии и практики. Такой подход отвечает мировым тенденциям к исследованиям саморегуляции, в которых изучение феномена саморегуляции имеет значение только тогда, когда одновременно вносит существенный вклад в разработку как теоретических, так и прикладных вопросов (Vohs & Baumeister, 2004).

В рамках дифференциально-регуляторного подхода нами поставлен вопрос о необходимости исследования особенностей саморегуляции в стрессовых условиях, что естественным образом привело к исследованию феномена устойчивости саморегуляции произвольной активности. Для определения устойчивости психической регуляции как способности к сохранению качеств регуляции деятельности в напряженных, психологически трудных условиях соревновательной борьбы было введено понятие «надежность осознанной саморегуляции» (Моросанова, 1984). Кроме того, было проведено исследование надежности осознанной саморегуляции как стилевого свойства в учеб-

ной деятельности студентов (Моросанова, Сагиев, 1994). Дифференциально-регуляторный подход (Моросанова, 2011), с одной стороны, и запросы современного общества, поднимающие вопросы необходимости осуществления человеком разнообразной деятельности в психологически напряженных условиях, с другой, ориентируют исследования надежности осознанной саморегуляции на раскрытие и анализ дифференциально-психологических основ ее формирования для решения проблемы индивидуальной надежности действий человека в условиях стресса и преодоления стрессовых состояний.

Проведенный теоретический обзор позволил прийти к следующему определению понятия «надежность осознанной саморегуляции». С позиций дифференциально-регуляторного подхода, надежность осознанной саморегуляции человека рассматривается как устойчивость качеств осознанной саморегуляции психической активности и практической деятельности в стрессовых условиях. Она характеризует индивидуальную систему саморегуляции в целом и одновременно является регуляторно-личностным свойством субъекта произвольной активности, психологическим ресурсом формирования профессиональной надежности. Кроме того, проведенное эмпирическое исследование позволило доказать, что дифференциально-психологическими основами надежности осознанной саморегуляции в условиях стресса являются развитие и профиль стилевых особенностей осознанной саморегуляции, выраженность личностных диспозиций и функциональных состояний человека, а также индивидуально-типическая специфика их взаимосвязи.

Краснянская Т.М., Тылец В.Г.

Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СУБЪЕКТНОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема выявления измерений такого сложного феномена, как индивидуальность, неизбежно сталкивается с трудностью обоснования подходов, позволяющих соотнести определенный пласт индивидуальности с вводимым субъектным измерением. Позиционируя в качестве одного из субъектных измерений индивидуальности безопасность, интерпретируемую в качестве состояния подконтрольности субъекту экзо- и эндогенных параметров, поддерживающего динамическое равновесие со средой на соматическом, энергетическом, информационном уровнях и обеспечивающего неснижение во времени вероятности реализации жизненно значимых для него целей (Краснянская, 2006), обозначим, не претендуя на исчерпываемость, контуры решения этой проблемы.

Исходя из данного определения, в качестве субъектного измерения индивидуальности безопасность очерчивает горизонты возможного развития индивидуальности, конкретизирует субъектные ресурсы и приоритетные факторы такого развития. На ресурсном уровне безопасность интегрирует особые проявления субъекта, ответственные за адекватное отреагирование ситуаций, нарушающих его физическое, психическое и/или психологическое благопо-

лучие на уровне, препятствующем процессам самоактуализации. При всем возможном разнообразии компонентов данного субъектного измерения индивидуальности – эмоциональная устойчивость, интеллектуальность, критичность, ответственность и т.д. – в настоящее время имеется опыт объединения их в особые комплексы характеристик, обозначаемых понятиями «жизнестойкость» (Kobasa, 1979; Maddi, 1983; Леонтьев, Рассказова, 2006 и др.) и «аксидентальные способности» (Елисеев, 1998). Вместе с тем, данные представления не позволяют еще в полной мере раскрыть обозначенное субъектное измерение индивидуальности.

Образуемое безопасностью пространство субъектного измерения индивидуальности охватывает широкий спектр проявлений, располагающихся между проекциями на индивидуальность полюсов минимизации и оптимизации состояния безопасности. Полюсу минимизации соответствует редукция индивидуальности до параметров субъекта, вынужденно на приоритетной основе погруженного в насыщенную деятельность по восстановлению своего равновесия со средой, повышению подконтрольности внешних и внутренних факторов, определяющих разви-

тие индивидуальности. Рост подконтрольности субъекту внешних и внутренних факторов, соответствующих повышению уровня безопасности, соотносится с усложнением индивидуальности через повышение разнообразия и гармоничности ее организации.

Усложнение индивидуальности задается составляющими или аспектами безопасности, содержание и цена которых определяется индивидуальными приоритетами искомого субъектного измерения. Оценке подлежит то, что значимо для субъекта и насколько это для него значимо, т.е. происходит индивидуальное преломление выделяемых приоритетов через сложившуюся у субъекта картину мира и позиционирования себя в нем. Наиболее полному

«расцвету» индивидуальности способствует оптимальный для нее уровень безопасности.

При этом требуется конкретизация основных способов или принципов введения безопасности в качестве субъектного измерения индивидуальности. В качестве таковых обозначим принципы системности, процессуальности, модельности и голографичности, очерчивающие своеобразие безопасности в качестве субъектного измерения индивидуальности и детализирующие психологические механизмы реализуемой при этом проекции. Открывая новые горизонты рассмотрения индивидуальности, безопасность как ее субъектное измерение требует дополнительных исследований.

Кузнецова М.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

В последнее время методология гуманитарных наук переживает общий кризис, связанный с активной и преобразующей ролью субъекта и как наблюдателя, и как предмета исследования, индивидуальностью его проявлений и следующей из этого проблемой усреднения. Долгое время все научное познание строилось на основе базовых представлений точных наук о возможности выделения независимых и объективно существующих единиц анализа (наблюдаемых объектов и явлений), а также на наличии объективных и жестко детерминированных связей между ними. Эти связи, в виде структурных или причинно-следственных отношений, представлялись неизменными константами, существующими вне зависимости от позиции и воли наблюдателя. Обозначенные аксиоматические положения были положены в основу организации научного эксперимента. Поскольку естественнонаучное познание позволяло изолировать изучаемые объекты, центральным предметом научных исследований служили такие независимые единицы, их свойства и взаимосвязи. В физике все изменилось с появлением исследований на квантовом уровне. Выяснилось, что субъект, наблюдающий за находящимися вне его объектами и явлениями, также оказывает определенное воздействие на происходящие с ними изменения. Таким образом, в жестко детерминированной схеме отношений появилась еще одна переменная – субъект или наблюдатель (своего рода «черный ящик»).

Примечательно, что при изучении самого субъекта, его психической реальности, мы до сих пор преимущественно остаемся на основаниях классической физики и элементарной геометрии. Мы предполагаем возможность четкого разграничения объектов психики и установления прямых связей между ними. Безусловно, применение обозначенных аналитических подходов позволило психологам собрать множество важных для науки данных, установить частные факты и отношения. Но при обратном движении от частного к общему целостная картина никак не собирается.

С другой стороны, положение о наличии у человека свободной воли и все имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что предсказать поведение человека на основе принципов жесткого детерминизма невозможно. Связи между различными психическими актами, свойствами и состояниями, безусловно, существуют, но часто они не являются прямыми, они могут носить временный функциональный характер, по-разному проявляться в различных условиях. Отсюда, в отличие от «точных» наук, работающих с прямыми связями, гуманитарные науки всегда получают целый спектр возможных взаимосвязей между одними и теми же объектами или явлениями.

Решение этой проблемы гуманитарные науки нашли в усреднении собираемых данных. Такой подход позволяет дать среднестатистическое описание и среднестатистический прогноз изменений в той или иной системе. Основой для операционализации и прогнозирования является информация о том, как данная система ранее проявлялась и вела себя в подобных условиях. Все выявляемые путем усреднения факты характеризуются разной степенью достоверности, определяющей возможность реализации усредненных прогнозов. Естественно, что такие прогнозы редко реализуются в имеющемся виде, поскольку они изначально были усредненной моделью и включали в себя возможности самых разных реальных сценариев и проявлений. Кроме того, каждая новая ситуация вносит новые условия, ни одна из них в точности не повторяет предыдущие.

Одним из путей решения обозначенных проблем является обращение к частным вероятностным моделям. Именно это было сделано в квантовой механике. И проведенные нами исследования позволяют сказать, что такой подход эффективно работает в контексте решения задач психологической науки. Что очень важно, поскольку сама проблема субъекта становится центральной проблемой всего научного познания.

Купченко В.Е.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Жизненный путь личности имеет единые для всех «измерения», но способ разрешения возникающих проблем, построение жизни, удовлетворенность ею индивидуальны. Жизненная стратегия, по нашему мнению, представляет собой индивидуальный способ организации личностью собственной жизни. При исследовании жизненной стратегии мы реализовывали субъектный и системный подходы.

Цель – исследование особенностей личности и социальных представлений у лиц с различным типом жизненных стратегий в пожилом возрасте. Выборку составили 70 человек, в возрасте от 55 лет до 84 лет, имеющих среднее, средне-специальное и высшее образование. Все они составляли группу пенсионеров. В соответствии с целью исследования были выбраны следующие методики: тест смысложизненных ориентаций, самоактуализационный тест, многомерная шкала перфекционизма (MPS), методика «Стиль саморегуляции поведения», шкала общей самоэффективности, тест на оптимизм/пессимизм, модификация семантического дифференциала «Социальные представления о реальной и идеальной жизни». Проведенное эмпирическое исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1) В пожилом возрасте выделены типы жизненных стратегий: активный, умеренный и безынициативный. Для активного типа жизненной стратегии характерно: наличие жизненных целей на будущее, восприятие жизни как эмоционально и событийно насыщенной, удовлетворенность прошлой жизнью. Безынициативный тип жизненной стратегии в пожилом возрасте характеризуется отсутствием жизненных целей в будущем, неудовлетворенностью пройденным жизненным путем, отсутствием смысла и интереса в настоящем, несамостоятельностью при решении жизненных проблем. Пожилые люди с умеренным типом жизненных стратегий занимают промежуточную позицию и характеризуются отсутствием далеко выстроенных целей в будущее, удовлетворенностью своим прошлым, ситуативной неуверенностью в своих силах.

2) Активный, умеренный и безынициативный типы жизненных стратегий различаются по таким особенностям личности, как перфекционизм и саморегуляция. Для активного типа характерны самостоятельность выполнения деятельности и высокая степень ее планирования, гибкость и адекватность реагирования на изменяющиеся условия, ориентация на высокие стандарты. Безынициативный тип отличается несформированностью осознанного планирования целей и программирования действий, неадаптивностью к переменам в жизни, отсутствием высоких требований, предъявляемых к себе. Умеренный тип жизненной стратегии характеризуется достаточным уровнем планирования и регулирования своей деятельности, но неспособностью быстрого реагирования в критической ситуации, а также отсутствием стремления в постановке труднодостижимых целей. По таким личностным особенностям, как оптимизм и самоэффективность, значимых различий не было нами выявлено.

3) Социальные представления о характеристиках реальной жизни у лиц пожилого возраста активного, оптимального и безынициативного типов жизненной стратегии различны. Так, пожилые люди активного типа жизненной стратегии представляют реальную жизнь как гармоничную: в ней присутствуют активность, целенаправленность, ответственность, счастье, наполненность смыслом, позитивными эмоциями. По представлениям лиц оптимального типа, реальная жизнь быстротечна, насыщена событиями, успешна, справедлива, легка, а позитивное начало помогает разрешать возникающие трудности. Для лиц безынициативного типа реальная жизнь в целом является плохо управляемой, зависящей от других людей, безответственной и пассивной, хотя и отмечается представление о легкости и оригинальности. Для пожилых людей всех типов жизненной стратегии идеальная жизнь представляется счастливой, активной, светлой, оптимистичной, управляемой, наполненной смыслом и зависящей от них самих.

Ледовая Я.А., Пузанова К.И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА В СВЯЗИ С УРОВНЕМ ПОЛЕЗАВИСИМОСТИ

Попытки увеличить спрос на продукт посредством внедрения в него вызывающих эмоции элементов предпринимались с начала 1970-х гг. Именно тогда в Японии выдвинулось новое направление в дизайне – kansei engineering (kansei – особый вид удовольствия, получаемый в результате взаимодействия с предметом). Сегодня наиболее подходящим понятием, отражающим суть на-

правления kansei, можно считать словосочетание «эмоциональный дизайн». Его основная функция – вызывать у потребителя чувства и эмоции, способствующие приобретению товара. Эту технологию применяют такие компании, как Apple, Google, Samsung, Mazda.

Д. Норман, известный своими работами в области когнитивной психологии памяти, уже 10 лет именно с

психологической точки зрения описывает то, почему так успешны приемы маркетологов и дизайнеров в проектировании. Он выделил три типа реакций: интуитивный уровень – моментальное эмоциональное реагирование на стимул; поведенческий – контроль над автоматическими повседневными действиями; рефлексивный – сознательный выбор продуктов, наделенных особыми значениями, смыслами и ценностями (Norman, 2004). Существует несколько основных способов создания эмоционального дизайна. Оказать влияние на интуитивный уровень можно с помощью ярких цветов, обтекаемых форм, симметрии. Одним из способов создания тесной эмоциональной связи с объектом является использование антропоморфности в объектах дизайна, то есть «наделение» человеческими качествами (как физическими, так и психологическими) неодушевленных объектов.

Мы предположили, что полезависимость станет той характеристикой познавательной сферы личности, которая будет способствовать выбору в пользу антропоморфных, а не «нейтральных» объектов дизайна, – в силу большей направленности на взаимодействие с другими людьми и более слабой способности выделять себя и объекты из среды. В качестве стимульного материала были использованы изображения 38 пар объектов дизайна – антропоморфного и неантропоморфного (посуда, мебель, предметы повседневного обихода). Испытуемые (N = 24) делали выбор в пользу одного из объектов, основываясь на своих личных предпочтениях. При просмотре послед-

них 10 слайдов каждый из испытуемых комментировал свой выбор. Эти комментарии были проанализированы и кодированы; также был измерен уровень полезависимости (методика «АКТ-70»).

Было обнаружено, что в целом по выборке испытуемые отдавали свое предпочтение объектам без элементов антропоморфности. Хотя тенденция к выбору антропоморфных объектов присутствует у полезависимой (ПЗ) части выборки. Комментарии о причинах выборов показали, что ПНЗ испытуемые чаще руководствовались функциональными характеристиками объектов («Идея шикарная. Практично то, что он прозрачный», «Удобно: три яруса, все видно»), а ПЗ испытуемые предлагали менее рациональные объяснения («Нравится, что прозрачный», «Прикольно, классный такой. У второго мне не нравится форма»). Мы предположили, что это обусловлено особыми способами контакта с объектом – назовем их «перцептивным эгоцентризмом» (у ПЗ) и «перцептивной децентрацией» (у ПНЗ).

Наблюдение за испытуемыми в процессе выполнения заданий показало, что ПНЗ тратят больше времени на выбор между двумя объектами. Эту особенность мы объясняем описанным в литературе наличием инертности в зрительном анализаторе у ПНЗ испытуемых (Либин, 1999), за счет которой создается предпосылка для проявления излишнего заострения внимания на отдельных элементах в процессе выбора объекта.

Марченко Е.Е.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Республика Беларусь

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ УЧАЩИХСЯ ПЯТЫХ КЛАССОВ

Проблема психологического сопровождения учащихся в период перехода из начальной школы в пятый класс привлекает внимание как академических, так и практических психологов. Особое внимание уделяется поиску критериев и инструментов оценки успешности перехода учащихся в среднюю школу.

В контексте содержания новой социальной ситуации развития в подростковом возрасте в качестве основного критерия могут выступать особенности субъектной позиции учащегося.

Для изучения данных особенностей нами была разработана и апробирована клиническая беседа, которая позволяет дифференцировать учащихся в зависимости от меры рефлексивности в отношении учения, эмоционального отношения к различным аспектам школьной жизни, наличия личностного смысла учебы. В исследовании приняли участие 79 учащихся, обучающихся в различных школах г. Бреста. С каждым респондентом мы беседовали дважды: в конце четвертого и конце пятого классов.

На основе полученных в эмпирическом исследовании данных был проведен типологический анализ учащихся на границе младшего школьного и подросткового возрастов как субъектов учебной деятельности. Было выделено шесть типов учащихся, каждый из которых получил на-

звание, отражающее главную особенность субъектной позиции в учении.

«Безразличные» подростки испытывают выраженные затруднения в аргументации своего отношения к отдельным урокам и учению в целом на фоне общей пассивности и безразличия к школьной жизни. Характеризуются отсутствием или низкой степенью сформированности рефлексии в сфере самосознания.

«Негативисты» не только не имеют личностного смысла учения, но и имеют явно выраженное негативное отношение к учебе. Регулирующая функция рефлексии блокируется аффективными процессами.

«Прагматики» дифференцируют различные уроки по степени привлекательности и важности. Однако для этого типа детей полезными кажутся лишь те уроки, которые дают знания и умения, применимые в конкретной жизненной ситуации или в контексте ближайшего будущего.

Четвертый тип учащихся является переходным и характеризуется внутренней борьбой между еще не полностью присвоенным «надо» и личными внеучебными стремлениями. Данные учащиеся обозначают необходимость учения и нужность всех школьных предметов. Однако в процессе беседы выражают желание частично сократить нелюбимые уроки и облегчить учебный процесс.

Во многих случаях у детей данного типа отношение к урокам находится в прямой зависимости от получаемых отметок.

«Рефлексирующие» учащиеся имеют дифференцированное отношение к различным урокам. Они способны отделять свое личное, эмоционально окрашенное отношение к предмету от его объективной значимости. Учение обладает личностной значимостью. Важной характеристикой данной группы детей можно назвать логичную и внятную аргументацию своего отношения.

«Золотые» учащиеся демонстрируют высокую заинтересованность в учебе, осознанное отношение к различ-

ным урокам. Главное отличие от представителей предыдущего типа заключается в отсутствии нелюбимых уроков, а также в надситуативной активности и явно выраженном интересе к познанию за пределами школьной программы.

Описанная нами типология может быть полезна для понимания происходящих с учащимися изменений после перехода в пятый класс, а также причин уже имеющихся или назревающих проблем в учебной сфере, неблагоприятных тенденций в личностном развитии учащихся; может быть использована для разработки коррекционно-развивающих программ для детей группы психолого-педагогического риска.

Меркулова О.П.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ: РАЗЛИЧИЯ В ТЕОРИЯХ И ДИНАМИКА ОПИСЫВАЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Понятие «субъект» относится к числу наиболее активно разрабатываемых в современных исследованиях, но при этом и наиболее дискуссионных. Попытка сопоставления различных трактовок понятия «субъект» позволила предположить, что они связаны не только с развитием системы философского и психологического знания, но и с динамикой стоящей за этим понятием реальности.

Существенным в разработке данного понятия представляется отношение между индивидом и окружающей его культурой. При этом условно можно выделить три различных «статуса» индивидуального субъекта.

«Погруженность в культуру». Индивид взаимодействует с однородным культурным окружением, его индивидуальные потребности и способы их удовлетворения «канализируются» (Нюттен, 2004) в соответствии с нормами и эталонами, принятыми в данной культуре. Взаимодействие с иными культурными нормами отсутствует либо вследствие их недоступности (в замкнутых сообществах), либо вследствие особенностей личности и познавательной сферы индивида. Субъектом развития как самодвижения в этом случае выступает социум, а развитие индивида сводится к освоению наличной культуры. Это соответствует представлениям о ведущей роли обучения в развитии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.), об индивидуальном развитии по логике формирования (П.Я. Гальперин, ранние работы В.В. Давыдова и др.). Развитие индивида по логике самодвижения не рассматривается, и, как следствие, при использовании термина «субъект» он не нагружается особым содержанием, а зачастую используется как синоним «индивида» или для указания на человека как «носителя» деятельности, противостоящего объекту.

«Удержание культуры». Будучи сформированным как личность «внутри» определенной культуры, индивид сталкивается с иной культурой, решая при этом задачи

противостояния противоречащим нормам и ценностям. Возможны «перерождения личности», связанные с сознательным переходом в иную культуру, принятием ее норм и ценностей (обращение в «новую» религию и т.п.). Такого рода феноменология нашла свое отражение в понимании субъекта как высшего уровня развития личности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.).

«Создание себя в культуре и культуры в себе». Индивид как объективно, так и субъективно оказывается в маргинальном положении: «между» разнородными культурными нормами и ценностями. Потеря оснований собственной личности в культуре ведет к поиску иных оснований – прежде всего, в своих потребностях (А. Маслоу), организме (К. Роджерс) и др. Размытость границ (дозволенного и недозволенного, возможного и невозможного и др.) требует их постоянной проверки – через надситуативную активность (В.А. Петровский), выдвижение и проверку гипотез об истолковании опыта (Дж. Келли) и др. Та высшая идеальная форма, с которой взаимодействует ребенок в процессе своего развития (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин и др.) в противоречивой, динамично меняющейся культурной ситуации, оказывается не соответствующей «задачам развития» ребенка, который может рассматриваться как субъект развития (во многом по логике не только формирования, но и самодвижения), начиная с самых ранних этапов онтогенеза и на протяжении всей жизни. При этом бытие субъектом – не данность, а возможность и задача.

Предлагаемое уточнение понимания индивидуально-го субъекта соотносится с идеями В.К. Шабельникова о возрастании индивидуальной субъектности при повышении плотности межэтнических взаимодействий и разрушении родовых структур; тремя типами культуры в трактовке М. Мид и некоторыми другими теоретическим дискурсами.

Наконечная М.Н.

Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, Нежин, Украина

СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОМОЩИ ДРУГОМУ КАК ДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Помощь другому – это действие по способствованию вхождению другого человека в состояние субъектности. При этом состояние субъектности понимается как активный, ответственный, зрелый модус существования индивидуальности. Субъектность как состояние стимулирует развитие субъектности как качества индивидуальности.

Для того чтобы способствовать вхождению другого в состояние субъектности, индивидуальность должна сама быть субъектной. При этом помогание другому развивает помогающего субъекта. То есть помощь другому – это взаиморазвивающий акт, способствующий становлению субъектности обеих индивидуальностей. Помощь другому, будучи продуктом и процессом активности человека, сама по себе остается глубоко индивидуальным действием. Индивидуальные аспекты помощи другому обусловлены уникальностью ситуации взаимодействия, личностными особенностями субъектов интеракции и спецификой самого помогающего отношения к другому и ответного отношения того, кому помогают.

Субъектное измерение помощи другому особенно отчетливо проявляется при анализе понятия помощи в рус-

ле системно-субъектного подхода Е.А. Сергиенко (2012) и психологии человеческого бытия В.В. Знакова (2011). В частности, Е.А. Сергиенко, анализируя особенности научной позиции В.В. Знакова, отмечает: «Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия раскрывает новые источники формирования субъектности человека» (Сергиенко, 2012). Как можно предположить, в частности, одной из таких ситуаций может быть ситуация помощи другому. Интересной является следующая мысль В.В. Знакова: «В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум» (Знаков, 2011). Метаперсональная интерпретация важна также в процессе помощи другому.

Таким образом, помощь другому – это комплексное действие индивидуальности, которое можно и нужно анализировать с точки зрения субъектного подхода в психологии, что открывает значительные возможности для понимания совокупного бытия людей в этом мире.

Осинина Т.Н.

ООО «Новая медицина – 2000», Орехово-Зуево

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

В структуре учебной деятельности мнемические процессы выступают как важнейшее условие ее эффективности. В учебном процессе именно способность учащихся к самостоятельному реконструктивному воспроизведению является показателем высокого уровня усвоения знаний.

Целью настоящего исследования стало изучение объема и качественного своеобразия воспроизведения учебного материала школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей.

Объект исследования – мнемическая деятельность. Предмет исследования – объем и качественное своеобразие непосредственно и отсроченно воспроизведенного учебного материала школьниками 12–13 лет с различным уровнем развития мнемических способностей. Методы исследования: метод развертывания мнемической деятельности, направленный на изучение мнемических способностей как системы функциональных, операционных и регулирующих механизмов (Шадриков, Черемошкина, 1986); методика исследования эффективности воспроизведения учебного текста (Черемошкина, Осинина, 2011).

В исследовании приняли участие 96 школьников 12–13 лет. В выборке испытуемых выделены три группы школьников в соответствии с уровнем развития мнемических

способностей. Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы.

1. Объем непосредственно воспроизведенного учебного текста определяется продуктивностью функциональных и уровнем развития регулирующих механизмов мнемических способностей. Качественное своеобразие непосредственного воспроизведения учебного материала обусловлено уровнем развития мнемических способностей школьника. Чем выше уровень развития мнемических способностей субъекта, тем большим количеством привнесений характеризуется его воспроизведение и тем реже он искажает учебный материал.

2. Объем отсроченно воспроизведенного учебного текста определяется эффективностью, уровнем реализации операционных и наличием регулирующих механизмов мнемических способностей. Качественное своеобразие отсроченного воспроизведения учебного материала зависит как от продуктивности функциональных, эффективности операционных, так и от наличия регулирующих механизмов мнемических способностей.

3. Школьники, характеризующиеся доминированием функциональных механизмов (первый уровень развития мнемических способностей), способны успешнее проявить свою память при непосредственном воспроизведе-

дении. Воспроизведения испытуемых с перцептивной обработкой запоминаемого материала отличаются объединением смысловых единиц текста, заменами слов, искажениями, обобщениями.

4. Эффективность и уровень реализации операционных механизмов (второй уровень развития мнемических способностей) повышает вероятность долговременного запоминания и правильного отсроченного воспроизведения учебного материала. Для школьников с образной обработкой запоминаемого материала характерно более подробное восстановление текста, отличающееся значительно меньшим количеством искажений и большим ко-

личеством привнесений по сравнению с учащимися с перцептивной обработкой.

5. Наличие регулирующих механизмов в структуре мнемических способностей субъекта (третий уровень развития мнемических способностей) повышает показатели эффективности как непосредственного, так и отсроченного воспроизведения учебного материала. Для учащихся с мыслительной обработкой запоминаемого материала характерны высокие показатели объема воспроизведения, точное (без искажений), последовательное восстановление учебного текста на основе его конкретизации.

Погонцева Д.В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ОЦЕНКИ

В рамках гендерных исследований неоднократно поднимаются проблемы женской красоты (в рамках феминистских работ и работ, посвященных сексизму), рассматриваются различные аспекты становления гендерной идентичности и ее особенностей. В нашем исследовании приняли участие 304 женщины в возрасте от 18 до 56 лет. Участницам исследования была предложена Методика исследования гендерной идентичности (МИГИ) в адаптации М. Бураковой (2000).

Данная методика использовалась нами для изучения представлений респондентов о маскулинности и фемининности красивой женщины (объект оценки), а также для определения гендерной идентичности участниц исследования (субъект оценки). Она представляет собой семантический дифференциал из 30 пунктов – по 10 пунктов в шкалах маскулинности, фемининности и 10 пунктов – нейтральных характеристик. Каждый пункт оценивается по 7-балльной шкале. Исходя из количества баллов, набранных по шкалам маскулинности и фемининности, определяется вид гендерной идентичности красивой женщины.

В ходе анализа полученных данных мы поделили выборку на четыре группы по типу гендерной идентичности участников: 51% обладают фемининной (полотипичной) гендерной идентичностью; 21% андрогинной гендерной идентичностью; 19% маскулинной и 9% недифференцированной гендерной идентичностью. Анализ гендерной идентичности, приписанной красивой женщине, также позволил выделить четыре группы в соответствии с каждым типом гендерной идентичности: 63% приписали фемининную (полотипичную) гендерную идентичность; 21% андрогинную гендерную идентичность; 11% маску-

линную и 5% недифференцированную гендерную идентичность.

Мы также проанализировали распределение типа гендерной идентичности, приписываемого красивой женщине, – женщинами с различным типом гендерной идентичности. Так, женщины с недифференцированной гендерной идентичностью приписывают красивой женщине: 36% фемининную идентичность; 28% недифференцированную; 21% андрогинную; 15% маскулинную гендерную идентичность. Женщины с маскулинной гендерной идентичностью приписывают красивой женщине: 35% фемининную идентичность; 32% андрогинную; 23% маскулинную гендерную идентичность; 10% недифференцированную. Женщины с андрогинной гендерной идентичностью приписывают красивой женщине: 61% фемининную идентичность; 28% андрогинную; 11% маскулинную гендерную идентичность. Женщины с фемининной гендерной идентичностью приписывают красивой женщине: 79% фемининную идентичность; 13% андрогинную; 6% маскулинную гендерную идентичность; 2% недифференцированную.

Таким образом, было установлено, что женщины с фемининной и андрогинной гендерной идентичностью чаще приписывают красивой женщине фемининную гендерную идентичность, в то время как женщины с маскулинной идентичностью и недифференцированной гендерной идентичностью в равной степени приписывают красивой женщине как маскулинные, так и фемининные характеристики. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что гендерная идентичность женщины влияет на приписывание определенных характеристик и гендерной идентичности другим (в частности красивой женщине).

Салихова Н.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

УРОВЕНЬ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В качестве одного из параметров индивидуальности человека может выступать уровень, на котором он осуществляет субъектную регуляцию своей жизни. С.Л. Рубинштейн (1989) разводит понятия «регуляция в рамках отдельной ситуации» и «регуляция на уровне жизни в целом». В первом случае человек погружен в текущую активность и действует в соответствии с ситуативными требованиями, во втором – встает в осознанное и рефлексивное отношение к жизни в целом, действуя в ситуации с ориентацией на ее целостный горизонт.

В контексте проблемы регуляции жизни необходимо предложить более дифференцированный взгляд на то, что именно и в каком горизонте субъект регулирует, что является объектом его регуляции. Это можно сделать в соответствии с контекстуально-уровневой моделью ценностно-смыслового строения жизнедеятельности человека как субъекта жизни. Данная модель разработана на основе обобщения современных концепций смысловой сферы личности (Леонтьев, 1999; Серый, 2004; Шаров, 2000 и др.) и их сопоставления с уровневыми представлениями об организации стилей активности человека (Либин, 1998; Шкуратова, 1998). По аналогии с представлением о строении деятельности А.Н. Леонтьева (1972) выделены качественно специфичные функционально-структурные единицы строения целостной системы жизнедеятельности, различающиеся по критерию масштаба регуляторного контура. Каждый из них определяет соответствующий уровень ее ценностно-смысловой регуляции (Салихова, 2010).

Центральный уровень модели составляет жизнь как целостность, в единстве ее деятельностной и бытийной сторон. Выше него расположен уровень со-бытийных общностей, в соотношении с которыми человек определяет смысл своей жизни и в отношении которых человек может выступать в качестве субъекта регуляции. Они образуют

метасистему по отношению к системе жизни отдельного человека. Ниже центрального располагается уровень сфер жизни как ее подсистем, смысл которых задается в рамках жизни в целом, затем следует уровень деятельности и общения, и в качестве последнего определен уровень действия. На каждом уровне строятся структурно-функциональные регуляторные системы разного масштаба со своим составом, механизмами и закономерностями функционирования как универсальными для всех уровней, так и специфичными для каждого из них.

Система уровней открыта как вверх, так и вниз. Вверх уровни могут мультиплицироваться в соответствии с увеличением масштаба и возвышением по смысловой вертикали уровня метасистемы: от наиболее близкого человеку социального окружения до Универсума. Вниз они дифференцируются в зависимости от содержания действия, которое может включать разные по составу и сложности гомо- и гетерогенные композиции, образованные и многоступенчатыми координациями ряда действий, и их операциональным составом, и отдельными операциями и даже отдельными движениями – в случае если последние стали предметом осознанного и целенаправленного выполнения.

В зависимости от преобладающего масштаба системы отношений, в горизонте которой человек осознает и осмысливает отдельные поступки и действия и, соответственно, регулирует свою жизнедеятельность, можно определить характерный для него индивидуальный уровень субъектной регуляции жизнедеятельности: на уровне отдельных действий, на уровне единичных деятельности и общения, на уровне сферы жизни, жизни в целом и жизни со-бытийной общности. Возможны и более сложные композиции, заданные сочетанием нескольких и даже всех уровней, когда человек координирует разные масштабы осмысления своих действий.

Селезнева М.В.

Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) им. В.Ф. Маргелова, Рязань

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СУБЪЕКТНОМ КОНТЕКСТЕ

За последнее десятилетие в понимании и исследовании индивидуальности наблюдается смена дифференциально-психологической парадигмы, сочетающей в себе биологический и социальный подходы, культурно-феноменологической, ценностной, субъектной парадигмой (Карпенко, 2009).

Подтверждением тому служит субъектно-центрированная концепция индивидуальности личности (Абулханова, 2009); концептуальная модель индивидуальности

как проявления внутреннего мира (Шадриков, 2009); онтопсихологический подход, в рамках которого идея субъекта выступает творческой основой индивидуальности (Татенко, 1996); культурно-психологическая модель индивидуальности (Старовойтенко, 2009); мультисубъектная теория, рассматривающая индивидуальность как потенциал субъектности и определяющая ее в трансактивных категориях (Петровский, 2007); субъектный контекст исследования индивидуальности (Карпенко, 2009);

гуманистически-экзистенциальный подход (Лэнгле, 2009; Орлов, Шумский, 2009).

В субъектном контексте исследования индивидуальности З.С. Карпенко предлагает рассматривать интегральную субъектность как концепт, представляющий «картографию» бытия человека в его различных ипостасях: индивида, субъекта, личности, индивидуальности.

Модусы жизнеосуществления человека соотнесены в данном концепте с различными уровнями субъектогенеза: индивид – относительный субъект; собственно субъект индивидуальной деятельности – моносубъект; личность – полисубъект; индивидуальность – метасубъект; универсальность – абсолютный субъект. Интегральная субъектность задается двумя векторами: горизонтальным – деятельностным и вертикальным – ценностно-целевым вектором развертывания духовных интенций человека.

Из смоделированных четырех секторов два верхних представляют социальные и культурные обстоятельства бытия человека, два нижних – относительно индивидуальные формы существования. Два сектора справа показывают соотношение «Мы» (культура) и «Оно» (природа). И далее автор указывает методы исследования индивидуальности для каждого отдельного сектора, очерченного направлениями субъектогенеза (Карпенко, 2009).

В приведенной картографии культурно-феноменологическое становление индивидуальности показано на плоскости с помощью прямой линии, соединяющей секторы «Я» и «Мы». В реальности оно, естественно, осуществляется по спирали, поднимаясь на все более высокий уровень. Причем каждый высший уровень не упраздняет низший, а вбирает в себя все то, что накоплено в нем. Учитывая, что везде, где есть тот или иной уровень субъектности, присутствует и соответствующий уровень индивидуальности (Карпенко, 2009; Татенко, 1996), мы предлагаем дополнить контекст понимания генеза индивидуальности – субъекта уровнями субъектности, через призму которой следует рассматривать индивидуальность.

Для выявления уровней субъектности предлагается использовать следующую теоретическую модель: 1) уровень проявления активности (по самому определению субъекта и субъектности); 2) уровень умственного развития, который необходим для осознанного и произвольного выполнения требуемого действия; 3) уровень развития самооценки, который необходим для рефлексии правильности выполняемого действия; 4) уровень эмоционального развития, который позволяет эмоционально реагировать на успешность/неуспешность выполняемого действия; 5) уровень развития творческого воображения как предпосылка для актуализации зоны ближайшего развития (Панов, 2010).

Селезнева Е.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Жизненные отношения – это сущностные динамические разноплановые взаимосвязи человека с миром и самим собой, в которых человек, целенаправленно реализуя планы и программы своей жизни, преобразовывает себя, собственную жизнь и окружающую действительность и которые выступают в качестве акмеологических критериев его зрелости. Активно интегрируясь и преломляясь в ходе реализации жизненных целей, жизненные отношения образуют единое пространство, в котором то или иное жизненное отношение актуализируется в зависимости от конкретных жизненных планов человека. Высокий уровень субъектности позволяет человеку формировать саморазвивающуюся и саморегулирующуюся систему жизненных отношений, которая обеспечивает продуктивность его самоосуществления в сферах витальных контактов с миром, профессиональной деятельности, общения и самопознания.

В совместном с О.В. Емельяновой исследовании мы показали, что субъектность выступает как фактор построения индивидуальной системы жизненных отношений. На выборке государственных служащих регионального уровня управления (n = 176) было показано, что в сфере отношений к деятельности с повышением уровня субъектности государственный служащий все

реже относится к своей профессиональной деятельности негативно или безразлично. Были обнаружены различия в латентной структуре жизненного отношения к себе, позволяющие констатировать качественную однородность самоотношения в группе с высокой субъектностью, проявляющуюся в положительной корреляции саморукводства, самопринятия и самооценности, и противоречивость отношения к себе в группе с низкой субъектностью, проявляющуюся в том, что саморукводство и внутренняя конфликтность выступают как два полюса, между которыми и балансирует отношение к себе.

В то же время латентная структура отношения к другим у государственных служащих с высоким и низким уровнем субъектности имеет значительное сходство, что определяется профессиональными особенностями общения государственных служащих, приводящими к формированию негативного опыта, который затем определяет общий характер отношения государственных служащих к другим людям. В сфере витальных отношений установлено, что уровень субъектности отрицательно взаимосвязан с тревожностью, фрустрированностью и ригидностью, то есть с ростом субъектности значительно реже возникают негативные проявления витального жизненного отношения.

Нами также были выявлены тенденции в проявлении жизненных отношений государственных служащих с разным уровнем субъектности.

В группе с низким уровнем субъектности выделены следующие тенденции жизненных отношений: позитивная профессиональная; негативная профессиональная; тенденция к гармонизации жизни; противоречивая коммуникативная; тенденция к самоуправлению; негативная коммуникативная; тенденция к недостаточной самоактуализации; тенденция к необоснованной агрессии; тре-

вожная профессиональная; тенденция к независимости, тенденция к максимальной самоактуализации.

В группе с высоким уровнем субъектности выделены следующие тенденции жизненных отношений: позитивная профессиональная; субъектная; негативная коммуникативная; негативная профессиональная; противоречивая тенденция к самоуправлению; гармоничная тенденция к самоуправлению; тенденция к скрытой жестокости; саморазрушительная; противоречивая тенденция к самоактуализации; тенденция к независимости.

Семенова Л.Э.

Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород

ГЕНДЕРНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ДЕТСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Гендерную субъектность мы рассматриваем как важнейшую характеристику личности, связанную с ее активностью в овладении культурными знаками гендера и процессом конструирования гендера на индивидуальном уровне, находящую свое проявление в различных эффектах само-репрезентаций субъекта (действиях, высказываниях, моделях поведения). Гендерная субъектность есть результат использования в процессе социального познания гендерной категоризации и самокатегоризации, определяющий внутреннюю позицию личности, обуславливающий систему ее отношений к миру, другим и самой себе, через которую преломляются все внешние воздействия и которая позволяет личности делать осознанные выборы, совершать те или иные поступки.

Поскольку культура придает исключительное значение всему тому, что она связывает с полом человека, наделяя его преимуществом в познании реальности над другими категориями, уже на этапах раннего онтогенеза гендер начинает играть центральную роль в социальном развитии личности. Именно через гендер дети интерпретируют свой индивидуальный опыт, осознают себя и других людей. Иными словами, субъект всегда конструируется исключительно как гендерный, и его активность носит гендерную окраску.

Конструирование гендера осуществляется посредством социальных влияний (общественный уровень) и собственной активности индивида (индивидуальный уровень). Социальные влияния подразумевают транслируемые индивиду различными институтами и агентами гендерной социализации культурные знаки гендера; собственная активность индивида – реализацию его гендерной субъектности.

По имеющимся в психологии данным (Клецина, 2004; Штылева, 2008), в плане гендерной социализации в большинстве случаев преобладает репродуктивный характер этого процесса, связанный с воспроизводством домини-

рующих в обществе гендерных стереотипов, тогда как социальное творчество (сознательный отход от традиционных гендерных стандартов) сведено к минимуму. Особенно это касается детского возраста, когда на первый план выходит усвоение предложенного социокультурного опыта, а не его преобразование, что подтверждают результаты нашего исследования.

Так, в частности, нам удалось убедиться в том, что для детей дошкольного и младшего школьного возраста в целом характерен репродуктивный тип гендерной субъектности, тогда как относительно социального творчества были обнаружены проявления только его отдельных элементов. При этом нами была выявлена следующая закономерность становления гендерной субъектности в онтогенезе.

Первоначально у детей имеет место проявление особого типа нестереотипной гендерной субъектности – наивная, которая оказывается результатом отсутствия или недостатка у них соответствующего социального опыта. Далее в условиях широкого распространения дифференцированной стратегии гендерной социализации, ориентированной на гендерно-стереотипные стандарты, большинство детей приобретает маловариативную стереотипную гендерную субъектность.

В свою очередь, появление сознательно нестереотипной гендерной субъектности возможно только при наличии соответствующих факторов – элементов нетрадиционной гендерной социализации и нестандартного гендерного опыта.

В ходе выполненного нами исследования был установлен факт более широкой вариативности проявлений гендерной субъектности девочек как следствие существования в обществе более разнообразных стандартов женственности и традиций андроцентризма, обуславливающих большую лояльность к гендерным нонконформистам женского пола.

Сергиенко Е.А.

Институт психологии РАН, Москва

ОБОСНОВАНИЕ КОНСТРУКТА КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕСУРСА САМОРЕГУЛЯЦИИ

Конструкт «контроль поведения» относится к области психологии саморегуляции поведения. Необходимость выделения данного конструкта обусловлена попыткой целостного анализа регуляции человеческого поведения, где соединяются как общепсихологические, так и индивидуально-психологические линии его изучения. Потребность в интегративном изучении человека, его психических проявлений остро ощущается психологической наукой и практикой.

Чем обусловлено введение нового конструкта «контроль поведения», относящегося в проблемной области саморегуляции человека? Одна из причин – это попытка интегрировать в данном понятии индивидуальные ресурсы человека, в основании которых лежат его способности: психологические, психофизиологические, нейропсихологические, нейрофизиологические, молекулярно-генетические. Эти уровни организации человека составляют общую основу способностей контролировать собственное поведение в самом широком значении. В то же время, в большинстве работ саморегуляция исследуется как или интеллектуальный контроль, или эмоциональная саморегуляция, или волевая (произвольная) деятельность. Попытки связать способности человека с его саморегуляцией представлены в целом ряде работ.

Так, А.В. Либиной введено понятие «совладающий интеллект», Д.А. Леонтьев оперирует понятием «личностного потенциала в регуляции поведения», Т.В. Корнилова пишет об интеллектуально-личностном потенциале, М.А. Холодная разрабатывает гипотезу о произвольном и произвольном интеллектуальном контроле.

Вторая причина выделения конструкта контроля поведения состоит в представлении о том, что он является

основой саморегуляции человека, на которой строится сложнейшая уровневая организация регуляторной деятельности.

Третья причина выделения данного понятия – это представление о возможности неосознаваемого и непроизвольного контроля поведения, наряду с осознаваемым и произвольным. Наконец, четвертой причиной послужило то обстоятельство, что в большинстве отечественных работ ведущая роль в развитии регуляции поведения, да и всего психического развития отводится взрослому.

Такая прямая социальная детерминация ставит ребенка в роль объекта воздействия, а не субъекта взаимодействия. Тогда как наше изучение раннего развития, наряду с большим числом зарубежных работ, указывает на необходимость понимания психического развития ребенка и его способностей к регуляции поведения как сложного процесса двусторонних, субъект-субъектных взаимодействий.

Обозначение понятия как «контроль поведения» имеет зарубежные аналоги, однако его содержание в большей степени вбирает в себя отечественную психологическую традицию на основе разрабатываемого системно-субъектного подхода, который отражает новейшие тенденции в развитии психологической науки.

В настоящее время получены веские экспериментальные аргументы, эмпирическая проверка гипотезы продолжается по нескольким линиям: сопоставление контроля поведения с защитными механизмами, изучение различных возрастных групп, различных жизненных ситуаций, которые позволяют верифицировать гипотезу контроля поведения и предсказания, сделанные на ее основе.

Скутина Т.В.

Сибирский федеральный университет, Красноярск

«СУБЪЕКТНОСТЬ АВТОРСТВА» ПОДРОСТКА И ПРОБЫ РЕЖИССИРОВАНИЯ

Развитие субъектной, авторской позиции – одно из генеральных направлений личностного развития в подростковом возрасте. «На этом отрезке онтогенеза ребенок строит собственную субъектность как субъектность авторства, т.е. подросток лишь постольку является таковым, поскольку он замысливает собственное действие, осуществляет его, получает собственный продукт и тем самым проявляет собственный замысел» (Поливанова, 1996). Однако доведение замысла до продукта представляет для подростка проблему. Характерным для этого возраста является спонтанное продуцирование разнообразных инициатив, начинаний, не доводимых до конца. Подростковый возраст, согласно Д.Б. Эльконину, это пе-

риод мотивационно-потребностного развития, углубленной ориентации в нормах, смыслах, мотивах отношений людей, формирования личных смыслов жизни. Для решения «задач на смысл» преимущественное значение имеют символические средства, представленные языками искусств (Веракса, Дьяченко, 1996).

Мы предприняли попытку использования театрального языка в образовательном пространстве подростковой школы как средства художественного моделирования социально-психологических ситуаций, актуальных для подростков, и средства поиска их смысла и выражения открытого, найденного. Работа разворачивалась на материале курса «Интересы. Ценности. Нормы» (ИЦН) для

5–7 классов (Хасан, Дорохова), действующего в Красноярской Гимназии «Универс».

На первом этапе исследования в центре нашего внимания оказалась позиция Режиссера, аккумулирующая функции авторства и управления процессом совместной творческой деятельности. В переводе на русский язык «режиссер» означает «управляющий». «Человек, который явно видит свой замысел и затем, работая со съемочной группой, умеет довести его до окончательного и точного воплощения, может быть назван режиссером» (Тарковский, 1992). От режиссера требуется творческая индивидуальность, неповторимое своеобразие личности, придающее уникальный характер результатам его творчества (Карп, 2003). Предполагалось, что по мере совершения подростком проб режиссирования актуализируются его индивидуальные ресурсы к занятию управляющей позиции в общении: инициативность, умения влиять на людей, устанавливать межличностные контакты, доводить задуманное до конца.

Мы разработали и провели в течение третьей четверти 2011/2012 уч. г. образовательный модуль из шести сдвоенных уроков по темам «Я и мои сверстники», «Я и мой

дом», «Что мне можно, а что – нельзя». В результате дискуссии выделялись волнующие подростков противоречия, вопросы, например: «Роль в компании – это выбор или приговор?», «Может ли быть подростковая компания без лидера?», «Что не должно быть можно никому?». Подростки выражали свой ответ в форме мини-пьесок, сценок, которые затем ставились. На первом этапе модуля в качестве режиссера выступал сам автор, на втором позиции Драматурга и Режиссера были разделены.

В исследовании приняли участие 39 подростков, учащихся 6-х классов, две группы девочек и одна мальчиков, занимающихся в рамках курса «ИЦН» отдельно. «Театральная» форма уроков вызвала живой отклик подростков, активно включавшихся и забывавших порой о переменах. Обнаруженный после занятий в форме режиссирования сдвиг в сторону более высокого самооценивания по шкалам «легко устанавливает отношения со сверстниками»; «предлагает свои идеи, замыслы»; «проявляет активность в общении» и по сумме всех 9 шкал ($p \leq 0,01$ во всех случаях) является неслучайным по критерию знаков, так же как и положительный сдвиг для шкалы «организаторских умений» (методика КОС-2).

Трофимова Ю.В.

Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

ПРОЯВЛЕНИЯ СУВЕРЕННОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ*

Понятия «суверенность», «суверенизация» еще не вошли полноценными понятиями в психологический язык, что определяет задачу объективации этих понятий и уточнение их онтологического статуса. Суверенность начинает пониматься как «способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство» (Нартова-Бочавер, 2008), «способность выбирать точки приложения своих возможностей, менять себя и свое жизненное пространство» (Клочко, 2009), способность к «самополаганию благодаря имеющейся силе» (Дорофеев, 2009). Единой трактовки суверенности нет, но в столь разнообразных концепциях обнаруживается ряд схожих положений, принципиальных для понимания суверенности как психологического феномена: обнаруживается связь понятия «суверенность» с открытостью как сущностной характеристикой человека; за суверенным человеком признается самостоятельность в общении с миром (социальным, природным); указывается на связь характера суверенности и жизненной продуктивности человека.

В проведенном исследовании была предпринята попытка выйти за пределы трактовки суверенности пространственными характеристиками и показать возможность рассматривать суверенность через обозначенные выше в теоретическом анализе проявления суверенности: «открытость-закрытость» личности, самостоятельность, содержательные характеристики жизненного самоосуществления.

С этой целью нами были использованы: опросник «Суверенность психологического пространства» и сочинение «Моя жизнь». Выделенные группы, различающиеся по степени суверенности психологического пространства личности, сравнивались между собой по проявлениям суверенности («открытость-закрытость» личности, самостоятельность, содержательные характеристики жизненного самоосуществления), индикаторы которых были выделены из текстов сочинений респондентов. В исследовании приняло участие 50 респондентов юношеского возраста. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Суверенность личности может быть понята как способность к самостоятельному взаимодействию с культурой (предметным и социальным миром), посредством которого обеспечивается системное усложнение жизненного мира человека, выступающее основанием устойчивости становления человека на протяжении всей его жизни.

2. «Открытость-закрытость» личности, самостоятельность, содержательные характеристики жизненного самоосуществления можно рассматривать как существенные проявления суверенности.

3. Для «суверенных» юношей и девушек характерна большая открытость к действиям в меняющихся и неопределенных обстоятельствах, тогда как для «условно суверенных» характерна готовность действовать в прогнозируемых, продуманных ситуациях, а для группы

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-16-№ 22003а/Т по теме: «Сценарии суверенизации в юношеском возрасте на этапе обучения в вузе».

«депривированных» респондентов высок риск отказа от действий, сворачивания деятельности.

4. «Суверенным» респондентам в большей мере присуще принятие своей субъектной, авторской позиции по отношению к жизни и большая выраженность осознания себя как субъекта действий и связанного с этим принятием свободы и ответственности к переживаемым событиям.

5. Обнаружены различия в пространстве самоосуществления и деятельности. Так, у «депривированных» юношей и девушек пространство самоосуществления и

деятельности смещено в «ПРОШЛОЕ-настоящее-будущее», для «условно суверенных» – в «НАСТОЯЩЕЕ-прошлое-будущее», а для «суверенных» пространство самоосуществления и деятельности задано координатами «прошлое-НАСТОЯЩЕЕ-будущее».

6. Показано, что признаком низкого уровня суверенности могут выступать отсутствие рефлексивной позиции и использование прилагательных, говорящих о эмоционально отрицательном отношении к описываемым ситуациям.

Фанталова Е.Б.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ВНУТРЕННИЙ ВАКУУМ В ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

Понятие «внутреннего вакуума», актуальное для жизни современного человека, уже давно вошло в понятийный аппарат экзистенциальной гуманистической психологии и психотерапии. В ней оно чаще употребляется как экзистенциальный вакуум, означающий обесценивание жизни и потерю ее смысла (Франкл, 1990), ощущение внутренней пустоты, порождающей чувство зависимости от окружающего мира (Сартр, 1989), появление внутренней тревоги в связи с потерей прежних жизненных ориентиров при ощущении неограниченной внешней свободы (Фромм, 1990).

Методическое обеспечение данного понятия было осуществлено автором в методике «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» (УСЦД) (Фанталова, 2001; 2011). Итоговые показатели методики следующие: общий интегральный индекс расхождения между Ценностью (Ц) и Доступностью (Д) по 12 различным жизненным сферам, означающим общечеловеческие ценности (Рц-д); внутренний конфликт (ВК), означающий превышение Ц над Д по какой-либо жизненной сфере на 4 и более единицы; внутренний вакуум (ВВ), означающий превышение Д над Ц также на 4 и более единицы; нейтральная зона (НЗ), означающая отсутствие значительного расхождения между Ц и Д (разница между этими показателями в 3 и менее единицы).

Следует отметить, что если ВК – это состояние, когда ценностный объект малодоступен или недоступен совсем, «желаемое» не совпадает с «реальным», значимые потребности и ценности находятся в состоянии блокады, то ВВ – это, напротив, состояние, когда доступный объект не представляет интереса, может сопровождаться ощущением «внутреннего балласта», «избыточности присутствия», ненужности, никчемности, внутренней пустоты. В свою очередь, НЗ – бесконфликтное, спокойное состояние, где «желаемое» и «реальное» полностью или частично совпадают, гармонически уравновешены во внутреннем мире субъекта.

Для исследования субъективных компонентов эмоциональной регуляции в условиях переживания ВК и ВВ была создана методика «Семь состояний», входящая в общую ценностно-ориентированную систему «Диагностика внутреннего конфликта» и позволяющая в течение 3–5 минут оценить эмоционально-личностный и психический статус конкретного случая (Фанталова, 2001; Фанталова, Куприна, 2011). Методика включает пять эмоционально отрицательных состояний (ЭОС) и два эмоционально положительных (ЭПС).

В настоящем исследовании методика «Семь состояний» применялась в условиях переживания внутренних вакуумов (ВВ) студентами (выборка 71 человек).

Были использованы средние показатели по каждому из семи состояний, взятые в условиях переживания ВВ по различным жизненным сферам, в частности, по таким как «Здоровье», «Интересная работа», «Любовь», «Материально обеспеченная жизнь», «Свобода как независимость в поступках и действиях», «Познание», «Творчество». Все сферы, связанные с переживанием ВВ, были выявлены с помощью авторской методики УСЦД.

Основные результаты проведенного исследования показали следующее. Субъективная оценка состояния «внутренний вакуум» у студентов сопряжена с тенденцией к актуализации своих проблем, стремлением привлечь к ним внимание, с одной стороны, а также с наличием иррациональности установок и внутриоценочных критериев, тенденцией уйти в свой внутренний мир и своеобразием мотивации, с другой.

На фоне такой амбивалентной эмоциональной регуляции внутренних вакуумов у студентов отмечается также негативизм в отношении ряда социально-личностных аспектов, включающих отношение к будущему, к матери и к сексу.

В таких сферах, как работа, учеба, отмечается неуверенность в своих силах, избегание ответственности, трудность принятия решения.

Хохлова Л.П.

Институт психологии и педагогики, Москва

ТРАНСМОДАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНАЯ АНАЛИТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Наступило время активного проявления индивидуальности. Из персоны «нон грата» в иерархических системах, в сетевом обществе она вырывается на передний план во всех сферах бытия современного человека. Индивидуальность – это активизированный представитель целостности человека. Вопрос о творении новых форм реального бытия предполагает динамические изменения не только усложняющейся окружающей среды, но и самого познающего субъекта и способов его познания собственной индивидуальности и индивидуальности других людей, а также способов взаимодействия индивидуальностей друг с другом. Множественность воспринимаемых человеком реальностей обуславливает необходимость их совместного существования, сопряжения и развития.

Моноонтологическое и полионтологическое видение мира и его измерения в этих парадигмах явно недостаточны. Трансмодальный модус познающего субъекта (Л.П. Хохлова) отражает мир как совокупность разного типа и уровня реальностей, в т.ч. и ризоморфных. Измерения в трансмодальной субъектной аналитике происходят в субъектном, резонансном движении «сквозь или через» множественные и неоднозначные по уровню онтологии, требующем навыка трансформации имплицитной тревоги дезинтеграции, которая сцеплена с зачатками и началами индивидуальности.

Трансмодальное движение разума определяется субъектом интерпретации, который способен перестраивать прежнюю структуру индивидуальности через деконструкцию и деструкцию, сборку и разборку субъекта. Это определяющий момент состояния трансуровневого (неопределенного) субъекта. При этом глубинное рекурсивное движение, создаваемое самим субъектом, обнаруживает и проявляет гетерогенные сцепки следов непроявленной индивидуальности, холодаймов (по терминологии В. Вульфа).

Холодаины выступают как психосемантические декодеры, как предсуществующие пределы психики. Они эксплицируются через интуитивное ощущение модальностей человеком своего бытийного статуса и представляют собой человеческие измерительные инструменты постне-

классического типа. При многомерном резонансе следов (холодаймов) происходит когеренция изоморфных структур-состояний индивидуальности из разных позиций субъектных миров. При сопряжении и трансформации прежде неразвивающихся глубинных структур наступает конвергенция и подъем системы до потенциального уровня. Подобная процедура производит новые жизненные миры, стимулирует развитие индивидуальности и человеческого капитала в целом.

Проводимые нами исследования (1977–2010 гг.) с помощью методики КАМВОХ (Л.П. Хохлова) на основе метода Дж. Келли показали, что при проведении специализированных тренингов (Трансмодальное субъектное консультирование) у испытуемых происходит высвобождение глубинных структур индивидуальности от имплицитной агрессии и гетерогенного «плена».

Экспериментальное исследование эмоционально-смысловых и содержательных характеристик гетерогенных субъектных структур у членов групп «до и после» прохождения групповой психотерапевтической работы выявило статистически значимые изменения внутренней парадигмы гомогенных и гетерогенных структур при характеристике «плохих объектов» в сопоставлении с собственным «Я».

Общая картина ответов испытуемых выявила постепенное внутреннее движение от гетерогенных и эмоционально напряженных факторов к гомогенным и амбивалентно насыщенным состояниям, что в целом способствует высвобождению энергии, которая ранее тратилась испытуемыми на поддержание «ядра напряжения» негативной проекции.

Исследования контрольных групп показали, что значимых преобразований в гомогенных и гетерогенных факторах не происходит. Чувственно-смысловой опыт в подобных группах позволяет создавать такую психологическую атмосферу, благодаря которой происходит развитие и проявление зачатков индивидуальности и способностей личности, до этого находившихся в плену у контурно размытых форм сознания.

Раздел 4

ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Адмакина Т.А.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург

РАЗНООБРАЗИЕ КОГНИТИВНЫХ ОЦЕНОК МУЗЫКИ XIX И XX ВЕКОВ У СЛУШАТЕЛЕЙ

В последнее время наблюдается процесс усложнения и интеллектуализации музыкального искусства. Так, музыка XIX в. характеризуется единым способом построения музыкальной мысли, понятной композиционной логикой. В XX в. наблюдаются разнообразие музыкального языка, множество диссонансов, полистилистика, алогические музыкальные формы и т.д., что обуславливает сложность ее восприятия слушателем. Попытка исследовать понимание современного искусства была предпринята в работе В.Ф. Судакова (1980).

При опросе школьников оказалось, что высокие оценки (нравится, очень нравится) получили произведения И.С. Баха, А. Бабаджяна. Музыка А. Скрябина и А. Веберна оценивалась отрицательно. Схожие данные были получены в социологическом исследовании (Алексеев и др., 1979), направленном на изучение массовых музыкальных вкусов молодежи. Последнее место в их предпочтениях занимает музыка «новых средств» (А. Веберн, электронная музыка).

В связи с этим представляет интерес рассмотрение особенностей восприятия и когнитивной оценки слушателями музыки XIX и XX вв. Предполагается, что музыка XIX в. порождает однозначные образы, так как логика построения музыкальной мысли понятна широкому кругу людей. Новые стили, формирующиеся на основании нетрадиционных логических структур, первоначально отторгаются популяционной массой и порождают большое разнообразие в музыкальном отклике.

Нами было предпринято следующее исследование. Испытуемые прослушивали шесть музыкальных произведений (В. Моцарт «Вариация №3», А. Скрябин «Прелюдия №16», С. Прокофьев «Марш из оперы “Любовь к трем апельсинам”», Г. Утвольская «Симфония №4», Р. Шуман «Шопен», И.С. Бах «Прелюдия №11»).

После каждого музыкального произведения слушатели заполняли методику «Семантический дифференциал», состоящую из десяти однополюсных параметров: энергичность, серьезность, яркость, содержательность, вдохновение, опустошенность, торжество, страх, наслаждение, гнев. Каждый параметр оценивался от нуля до трех баллов. Выборку исследования составили 157 человек. Возраст варьируется от 16 до 26 лет. Распределение по полу следующее: представителей мужского пола 21,65%, представителей женского пола 78,35%.

С целью выявления разнообразия когнитивных оценок испытуемыми музыкальных композиций осуществлялся расчет дисперсий по каждому параметру используемой методики. Далее подсчитывался средний арифметический показатель дисперсий по всем параметрам методики «Семантический дифференциал» для каждого музыкального произведения: Бах (0,45), Моцарт (0,56), Шуман (0,64), Скрябин (0,82), Прокофьев (0,77), Утвольская (1,33). Мы видим, что наблюдается увеличение значений средних показателей дисперсий при оценке музыкальных произведений, начиная с более ранних композиторов и заканчивая более поздними. Есть небольшие исключения, например, разнообразие оценок произведений С. Прокофьева (более позднего композитора) ниже, чем показатели дисперсии при оценке композиции А. Скрябина, что, вероятно, обусловлено особенностями музыкальных фрагментов.

Таким образом, можно констатировать наличие следующей закономерности: музыкальные произведения XX в. порождают у слушателей больший разброс оценок в методике «Семантический дифференциал», что может свидетельствовать о разнообразии музыкальных образов, обусловленных когнитивной сложностью современного искусства.

Аминов Н.А., Блохина Л.Н.

Психологический институт РАО, Москва
Федеральная таможенная служба, Москва

ЧУВСТВО БЛАГОДАРНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Природа эффективности сознательной саморегуляции индивидуального поведения на основе усвоенных и выработанных человеком моральных (нравственных) принципов является одной из актуальных проблем изучения нормативной регуляции поведения людей. Как показали результаты эмпирических исследований, прототипической ситуацией для развития уровня морального сознания является чувство благодарности, или осознание индивидом того, что личное благо или успех является следствием помощи других людей.

По мнению Р. Лазаруса и В. Лазаруса (Lazarus & Lazarus, 1994), благодарность относится к группе «эмпатических эмоций», т.е. в способности сопереживать другим. Дж. МакКаллоган (McCullough, Kilpatrick, 1987) и его коллеги выделяют три основные функции благодарности: а) «моральный барометр» (реакция другого как благодетеля по отношению к нуждающимся или достойным); б) моральный мотив (побуждение благодарных людей к просоциальному поведению по отношению к благодетелю и к другим людям); в) моральное подкрепление (поощрение благодетеля к моральному поведению в будущем). При этом отмечается, что способность испытывать благодарность позитивно связана с эмпатией и пониманием других людей и негативно – с чертами, препятствующими просоциальному поведению и построению полноценных взаимоотношений. Хотя чувство благодарности (или признательности) можно рассматривать как одно из ряда социальных эмоций, степень его изученности несколько ниже других эмоциональных явлений. Даже в тех случаях, когда изучают эмоциональные реакции получающих помощь, чувство благодарности практически не исследуется и даже не упоминается. Причина такого умалчивания чаще всего заключается в отсутствии научной традиции: еще нет достаточно общепринятого описания и операци-

онализации научного конструкта «благодарность», а значит, для науки это понятие пока не стало объектом постоянного внимания.

При попытке научного описания и операционализации понятия благодарности как подкласса эмпатической реакции был использован системный подход к анализу многоуровневой организации личности, предложенный Н.А. Аминовым (1997). В соответствии с этим подходом было выделено четыре уровня организации индивидуальности: морфофизиологический, процессуальный, личностный и социально-психологический, и проанализировано с помощью трансформационных решеток, как происходит переход влияния свойств ЦНС и асимметрии мозга с морфофизиологического уровня на процессуальный (эмпатию), который, в свою очередь, оказывает влияние на формирование личностных диспозиций на индивидуальном уровне морального сознания и детерминирует моральный выбор на социальном уровне. Именно этот подход и позволяет пошагово проследить поэтапное развитие моральных инстанций индивидуальности и объяснить природу трех основных функций «благодарности»: «морального барометра», морального мотива и морального подкрепления на социальном уровне.

Поскольку, как показывают результаты исследований, проведенных в России и за рубежом, к 16 годам только 10% юношей и девушек достигают понимания морали как системы взаимообусловленных правил, направленных на достижение общего блага, или имеют сложившуюся систему моральных принципов, вышеупомянутый системный подход открывает новые перспективы не только к исследованию, но и к управлению формированием альтруистического поведения, что до сих пор является одной из самых трудных и нерешенных задач в общей дидактике (Шварцман, 1989).

Артюхов А.А.

Санкт-Петербургская православная духовная академия, Санкт-Петербург

УЧЕТ ПРОЦЕССОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА В ЕГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПО «НАЧЕРТАНИЮ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОУЧЕНИЯ» СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Каждый человек обладает неповторимой индивидуальностью, которая развивается в течение всей его жизни под влиянием многих факторов.

В нашем докладе мы обратимся к рассмотрению индивидуального развития одного из самых трудных периодов жизни – подросткового, по одному из сочинений русского христианского автора XIX в. – святителя Фео-

фана Затворника. В его труде «Начертание христианского правоучения» имеются следующие мысли по поводу индивидуального развития человека и, в частности, подростка.

1. Развитие человека в добродетели можно сравнить с семенем, которое проходит разные стадии развития: трава, колос и пшеница. Подобно этому и человек име-

ет естественные возрасты: младенческий, юношеский и мужеский (или совершенный), так и степени духовного возрастания: новоначальные, успевающие и совершенные или степени обращения, очищения и освящения.

2. Святитель Феофан Затворник употребляет наименование юношеского возраста, под которым следует понимать и подростковый как переходный этап от детства к взрослости в жизни человека.

3. Юношеский возраст характеризуется как время борьбы и подвига над искоренением страстей и насаждением добрых расположений, надежды на достижение совершенства в жизни. Юноше предлежит через труд образовать себя как взрослого, культурного и духовного человека.

4. Святитель Феофан Затворник говорит об «индивидуальности воззрения». Это понятие употребляется им в контексте рассуждений о единомыслии людей, которые пытаются рассуждать о вопросах веры, опираясь только на свое мнение. Святитель Феофан считает, что верующий человек не должен быть равнодушным к тому образу мыслей, которые он в себе поддерживает. И такой человек должен заботиться о внутреннем объединении своего мнения со всеми своими единомыслителями. Поэтому, если есть индивидуальность воззрения, то нужно об этом скорбеть, особенно если оно успело так укорениться, что требует борьбы в его искоренении.

5. Особенную роль в формировании индивидуальных особенностей подростка играет развитие тела. Святитель Феофан говорит, что тело человека является органом, через который душа взаимодействует с внешним миром, выполняет свое земное жизненное назначение. Поэтому тело достойно внимания и попечения. Но имея такое значение, тело само собой не может править, а все должно быть отдано во власть духа. Отсюда следует, что воспитание тела и приспособление его к цели человеческого бытия принадлежит самому человеку.

6. В развитии воли человека нужен руководитель. К руководителю воспитуемый должен иметь послушание, тогда он сможет правильно, быстро и качественно в нравственном отношении прийти к совершенству. Это очень важная мысль, с помощью которой в психолого-педагогическом сопровождении подростка можно добиться высоких и нужных результатов, где совершенством будет являться взрослое высоконравственное состояние человека, некогда бывшего подростком.

7. Для юношей характерно чувство влюбчивости, которое является для них «мучительным и убийственным». Это чувство присуще в большей мере тем, кто не имеет целомудрия. Святитель Феофан говорит, что нецеломудрие приводит в страдание личность человека. Физическое нецеломудрие способствует потере в человеке чувства человечности и падению до уровня животных. Эта мысль актуальна в современном воспитании подростков.

Гаурилюс А.И.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ ДУХОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ И ПРАВОСЛАВНОМ УЧЕНИИ

В последнее десятилетие в обществе активно обсуждается тема, затрагивающая проблему духовности. Учитывая определенные культурно-исторические условия развития нашего общества, интерес представляет сопоставление содержания понятия духовности в психологии и православном учении. В православии понятие духовности однозначно связывалось с духом, вдыхаемым в человека Богом. В психологии под духовностью, с материалистической точки зрения, стали понимать две фундаментальные потребности, индивидуально проявляющиеся у каждой личности, – потребность в познании мира, себя, смысла жизни (преимущественно духовность) и потребность жить и действовать для других, доброе, заботливое отношение к людям и заинтересованность в своей работе (преимущественно душевность).

Следует отметить, что идея связи духовности с познанием присутствует и в православии. Считалось, что слову «дух» более всего соответствует разум или ум. Благодаря разуму познаются невидимые, духовные вещи и их внутренние свойства. «Сказать: животное разумное есть то же, что сказать: животное одухотворенное» (Свт. Феофан Затворник, 1898, с. 98). Однако если в психологии потребность в познании направлена на познание социального и предметного мира с целью обретения смысла жизни, получение удовольствия от процесса познания, то в православии познание направлено на познание законов Бога с

целью восстановления своего первоначального нормального состояния и общения с Богом и духовным миром.

Такая духовность наделяла человека особенной чертой – бессмертием, предполагающим бесконечную возможность познания и усовершенствования. Через дух от Бога душа одухотворяется и становится духовным существом, что дает ей возможность проявить себя самостоятельной личностью. При этом никто, кроме Господа, не может научить истинному познанию себя.

Необходимым условием формирования духовности является способность человека обращать внимание, прежде всего, не на свои достоинства, а на свои недостатки. Знания о духовном мире, основанные на своих идеях и фантазиях, носят неверный характер. Значительным препятствием в развитии духовности выступают страсти. В целом, ограниченное стремление к овладению научными знаниями и искусствами, удовлетворению своих многообразных потребностей, развитию способностей, проявлению чувств, свидетельствует о душевности человека. При этом научное понимание духовности упустило из вида то, что человек вне христианства или не соблюдающий заповедей имеет иное происхождение по духу («от диавола»), а следовательно, и иную духовность.

И в науке, и в религии духовность человека связывается с сознанием, самосознанием и самостоятельностью. Еще в православном учении обращалось внимание на то,

что духовность может возрастать на основе рефлексии мыслей, чувств, желаний. Так же как и в православии, психология рассматривает духовность во взаимосвязи с совестью. Заметное противоречие наблюдается в отношении проявления степени духовности.

Психология определяет содержательность духовности исходя из количественных показателей. В результате мерой духовности индивида и личности выступает богатство и разнообразие элементов внутреннего мира, а сама духовность рассматривается как «мера владения индивида информационными ресурсами своего внутреннего мира» (Бондырева, 2007, с. 19). При этом степень духовности рассматривается достаточно механистически, что

проявляется в таких довольно спорных утверждениях, что более высокое, большое, подвижное, сложное, широкое, глубокое, просторное является более духовным, «прогресс духовнее регресса, опытность духовнее неопытности, чрезвычайное духовнее обыденного» и других.

В православии существует иное мнение, согласно которому простой человек, т.е. менее знающий, но живущий по заповедям, «выше многообразованного и элегантного» и более духовен.

В заключение следует отметить, что согласно православному учению только духовность человека позволяет судить о его индивидуальности и исключительности характера.

Густова Л.В.

[название организации??], Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

Данное исследование обретает особую актуальность на современном этапе развития России, который сопровождается курсом государственной политики, направленным на усиление религиозного влияния в обществе – в образовании, спорте, науке, армии, однако практически не существует фундаментальных психологических исследований результатов такого влияния.

Религиозные системы являются системами духовного воспитания, которым присущи свои эталоны личности – модели идеального человека, которым приписываются конкретные личностные характеристики, особенности поведения и мышления. Набор личностных характеристик религиозного эталона зависит от того, какая идеология фундирует конкретную религиозную систему.

Религиозность как личностное качество формируется в религиозной деятельности, в процессе адаптации человека к определенной религиозной системе. Индивидуальный уровень религиозности понимается как степень включенности в религиозную деятельность.

С целью выявления взаимосвязи индивидуального уровня религиозности и личностных качеств у спортсменов нами было проведено эмпирическое исследование.

Гипотеза эмпирического исследования: Если религиозность (набожность) как самостоятельное качество формируется в религиозной деятельности, то это приводит к актуализации определенных личностных качеств. У людей с высоким и низким уровнем религиозности набор актуализированных личностных качеств будет различным.

При этом мы предположили, что при высоком индивидуальном уровне религиозности личностные качества будут соответствовать эталону, лежащему в идеологии

ческой основе религиозной системы, в которую включен конкретный человек, и наоборот: у людей с низким уровнем религиозности актуализированные личностные качества будут слабо соответствовать, либо вообще не соответствовать эталону.

Методики исследования: Методика определения индивидуального уровня религиозности И.С. Шемет; 16-факторный личностный опросник Р. Кэттэлла (Форма А, которая включает 187 вопросов); для определения связи между параметрами использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Выборка: 140 респондентов, из них 70 респондентов женского и 70 респондентов мужского пола, в возрасте от 14 до 65 лет, относящих себя к православному вероисповеданию.

Результаты: выявлено, что при высоком индивидуальном уровне религиозности (набожности) обнаружена тенденция к актуализации таких личностных качеств, как – подчиненность, сдержанность, высокая нормативность поведения, робость, подозрительность, тревожность, высокий самоконтроль, напряженность; при низком индивидуальном уровне религиозности проявляется тенденция к актуализации таких качеств, как: жизнерадостность, эмоциональная яркость в отношениях между людьми, динамичность общения, эмоциональное лидерство в группах, эмоциональная значимость социальных контактов, экспрессивность, экспансивность.

Полученные данные исследования были проинтерпретированы нами через интегративный подход И.С. Шемет, что позволяет сделать вывод о том, что повышение индивидуального уровня религиозности отрицательно сказывается на личностных качествах и приводит к дезинтеграции психики.

Заикин В.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ГРУППОВОГО УРОВНЯ МОРАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В социальной психологии проблема того, как индивидуальный уровень соотносится с групповым и социальными уровнями активности человека существует с начала самостоятельного пути данной науки. Само возникновение социальной психологии во многом обязано тому факту, что личное и общественное в человеке находятся в сложной взаимосвязи (Андреева, 2007) и не всегда ведут к общественному и гуманитарному прогрессу, а иногда и прямо противоречат ему.

Действительно, как возникают те феномены, которые препятствуют вполне моральным и гуманным людям, собравшись вместе, реализовать эту моральность и гуманности при принятии групповых решений (Зимбардо, 2011).

Наше исследование морального функционирования было основано на социально-интуиционистском подходе Дж. Хайдта (Haidt, 2001; 2007), а также на операционализации черт реального субъекта, которые можно выделить в теории социального разделения ответственности Б. Латане и Дж. Дарли (Latane & Darley, 1970), теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера (2000) и теории социального влияния Ф. Зимбардо (2011).

Наше исследование принятия групповых моральных решений подтвердило выдвинутые гипотезы. Всего в исследовании приняло участие 86 человек, 35% мужчин и 65% женщин, возраст респондентов находился в диапазоне от 18 до 24 лет, средний возраст 21,9 года.

Основными методами эмпирической работы были групповая дискуссия и тип группового решения, вердикт (Бовина, 2002), а также методика оценки уровня развития

морального сознания, тест моральных дилемм Л. Колберга (Colby & Kohlberg, 1987).

Выделенная нами черта «ограниченная рациональность субъекта» проявлялась в том, что участники более низких уровней не могли в полной мере ориентироваться в аргументах и позициях участников более высокого уровня в рамках групповой дискуссии. В целом их познавательная активность была направлена на сохранение баланса, а не на поиск новой информации. В совокупности с феноменом моральной регрессии данная характеристика подтверждает, что моральное сознание не является исключительно когнитивной структурой.

Характеристика «склонность к оппортунизму» проявила себя в том, что участники более высокого уровня с удивительной легкостью отказывались от своих аргументов при принятии группового решения. Причины этого могли быть различны: одним было важно сохранить отношения в группе, другим повысить свой авторитет. Но подобное положение вещей явно противоречит когнитивным теориям морали и позволяет с уверенностью сказать, что ситуация может быть значимым фактором, влияющим на эксплицитированные моральные суждения.

Характеристика «пассивность» проявилась в том, что участники дискуссии были не склонны искать дополнительные причины и основания своей позиции. Их удовлетворял более доступный, а не более верный тип аргументации. Несмотря на то, что дискуссии протекали достаточно оживленно, участники очень редко выделяли в аргументах позицию оппонента, критически оценивали ее и возвращали суждения более высокого уровня, тем самым повышая когнитивную сложность суждений.

Кашапов М.М.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА*

Отличительными особенностями индивидуальности профессионала является активное отражение действительности, способность адекватно ориентироваться в ней, духовное самосовершенствование (Митина, 2005; 2010; Чудновский, 1997; Шадриков, 2007; 2009). Путь повышения духовности человека – в улучшении качества мышления, очищении его от отрицательных психических проявлений, в самоанализе и моральном самосовершенствовании. Мощный рычаг повышения духовности – в объединении, сотрудничестве сознаний людей (Путляева, 1994). Благодаря духовности человек способен трансформировать возникшую ситуацию в желаемое событие.

В наших работах (Кашапов, 2000 2009) методом поперечных срезов исследовано творческое профессиональное мышление на каждом этапе: довузовское (профильное), вузовское, послевузовское обучение, а также самостоятельная профессиональная деятельность. Установлено, что событийность определяется тем эффектом последствий, который возникает в результате проживания данной ситуации. Эффект характеризуется теми изменениями, которые возникли в деятельности, выполняемой личностью (ситуативные изменения), или в самой личности, выступающей в качестве субъекта деятельности (надситуативные изменения).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 10-06-00459а).

Надситуативные изменения имеют более длительный воздейственный характер, поскольку приносят коренные преобразования в личность; обеспечивают существенную переоценку ценностей; способствуют конструктивному переосмыслению приоритетов; активизируют смыслообразование. Надситуативные изменения можно сконструировать следующим образом: «запускать себя» в разнообразные ситуации; рефлексировать происходящее; делать выводы, адекватные целям моделируемой ситуации, а в случае необходимости – вносить соответствующие коррективы в свое профессиональное и личностное духовное развитие. Для этого необходимо адекватное осмысление происходящего.

Успешная актуализация надситуативного мышления повышает эффективность творческого процесса, направленного на создание событийности. Существенной помехой в реализации данного направления может выступить смысловой барьер как явление взаимного непонимания, возникающего между людьми и основанного на том, что одно и то же событие при одинаковом значении имеет для них разный смысл. Смысловой барьер часто наблюдается тогда, когда люди не понимают мотивов поведе-

ния друг друга и либо действуют без учета этих мотивов, либо приписывают партнеру по взаимодействию ложные мотивы. Нередко это отношение распространяется на всю ситуацию общения, которая приобретает астеническую окраску.

Таким образом, в целях предотвращения негативного влияния смыслового барьера на возникновение событийности целесообразно руководствоваться принципом дополнительности действия ситуативных (обеспечивающих вариативность профессионального поведения) и надситуативных (обеспечивающих более высокий уровень осмысленности и осознанности профессиональной деятельности) факторов. Данный принцип характеризуется тем, что в большинстве случаев детерминирующими факторами являются надситуативные факторы, тогда как ситуативные играют роль модулятора (определяя вариативность проявления надситуативных факторов). Однако иерархия факторов может меняться. Доминирование именно надситуативного фактора детерминирует трансформацию ситуации в событие и способствует целенаправленному изменению структурных компонентов духовности индивидуальности профессионала.

Лазарев А.Г.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

ДУХОВНОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ

Психологию всегда относили к наукам о духе, но собственно психологии духовности так и не было построено. В настоящее время интерес к духовности начинает возрастать. Проблема состоит в изучении духовной реальности человека средствами науки с ее жесткими критериями научности. Духовность – высшее проявление сущности человека, его внутренняя приверженность человеческому, нравственному долгу, подчиненность высшему смыслу бытия. Духовность личности выражается в ее сверхсознании, потребности стойкого отвержения всего низменного, беззаветной преданности возвышенным идеалам, обособленности от недостойных побуждений, сиюминутной престижности и псевдосоциальной активности (Еникеев, 2006). Марьясова (2004) рассматривает духовность как систему отношений человека к миру и себе в мире. Говоря о духовности, она выделяет, прежде всего, нравственный строй личности, ее способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следовать идеалам истины, красоты, добра.

Отношение человека к обществу, другим людям определяет фундаментальные качества личности и характер человека, его нравственность. Из определений духовности можно выявить, что нравственность есть одно из измерений духовности человека. Значимость восточных единоборств состоит именно в том, чтобы верно направить и прогнозировать развитие нравственности растущей молодежи. Следует отметить, что все многообразие китай-

ской философской мысли базируется на общих характерных признаках духовной культуры и натурфилософии.

В восточном боевом искусстве считалось, что силе можно противостоять только податливостью и слабостью, движение и покой должны постоянно чередоваться, жесткие силовые движения следует совмещать с мягкими и гибкими ухищрениями от ударов, резкие остановки – с внезапными рывками вперед и пр. (Оранский, 1990).

Традиционные единоборства представляют собой сохраненную историческую традицию боевых искусств, представленную как в виде технической, так и в виде духовно-нравственной составляющей практики. Исследования (Труфанова, 2006) доказывают, что ведущие ценности практиков традиционных видов единоборств – ценности общения, содействия окружающим, любви. Для них в максимальной степени характерны ориентации на творчество, физическое и духовно-нравственное самосовершенствование. Потребность в деятельности занимает более низкую позицию в их ценностной шкале, чем у практиков других направлений единоборств. Они испытывают горячий интерес, наслаждение при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами и т.д.

И главная причина именно в последовательности, гибкости и принципах обучения (нравственных позициях). Умение отстаивать свое мнение, но без грубости, физическая сила, но без насилия, культура, уважение человеческой жизни, личности, открытие новых творческих способностей.

Марков А.С.

Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, Рязань

ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА КАК ПОДГОТОВКА К СЛУЖЕНИЮ РОДИНЕ

С психолого-педагогической точки зрения для каждого вида воспитания есть свои собственные цели, которые определяют известные черты личности специалиста и характер его поведения. Они заданы тем, что воспитатель хочет увидеть в своем ученике и последователе. В первую очередь следует определиться, для какой деятельности мы готовим будущих офицеров. Чем военно-профессиональная деятельность офицера отличается от других видов человеческой деятельности?

В качестве примеров особенных видов деятельности психологи обычно приводят игровую, учебную или профессиональную деятельность. У военных психологов встречается понятие «учебно-боевая деятельность». Однако эти определения не отражают временную перспективу профессиональной деятельности, характер воинского труда офицера и его особенности.

В настоящее время во всем мире большинство людей задействовано в сфере услуг: учителя оказывают образовательные услуги, врачи – медицинские услуги и т.д. Задача армии и флота – забота о внешней и внутренней безопасности Отечества, служение своему народу.

Служба – это особый вид трудовой деятельности, у которого нет продукта. Результаты воинского труда офицера в мирное время не видны неспециалистам.

Первая особенность обучения в военном вузе – это ориентация на службу, а не на производство материальных ценностей или услуг. Причем курсант должен осознать временную перспективу своей воинской деятельности, что это не на год, не на два или пять, а на всю оставшуюся жизнь, навсегда. Уже на первых курсах военного вуза от ветеранов военной службы и от офицеров-преподавателей он слышит, что бывших офицеров не бывает.

Таким образом, точно так же, как ребенок, придя в первый класс школы, должен принять внутреннюю пози-

цию школьника, и курсант с первого курса военного вуза должен принять позицию служения своему народу, своему Отечеству.

Вторая особенность военного вуза в том, что это учреждение закрытого типа. В нем нет разрыва между обучением и внеучебной жизнью. Курсант днем и ночью находится на военной службе, он не покидает территории воинской части (военного вуза) в течение учебного года. А если юноша покидает территорию училища, то только в составе группы и под командой старшего – на спортивные соревнования или научную конференцию. Следует особо отметить, что замкнутый воинский коллектив играет роль своеобразного катализатора, ускоряя процесс формирования мировоззрения будущего офицера, готового посвятить свою жизнь служению Родине. При этом формирование личности будущего офицера идет на трех уровнях: эмоциональном, когнитивном и поведенческом.

Третьей важной отличительной особенностью военного вуза является то, что пространственно-предметная составляющая образовательной среды включает реальные образцы боевой техники и вооружения, которые в случае небрежного или ошибочного применения несут реальную угрозу здоровью и жизни курсантов. Это ведет к появлению ответственности: меняется внутренняя позиция обучающихся, возникает особое отношение к себе, к окружающим, к миру. В ходе обучения возникает сенсорный опыт обращения с оружием, происходит поведенческое подкрепление учебного материала.

Сформировать мотивацию служения извне невозможно, служению невозможно научить. Курсант учится сам. Наша задача состоит в организации психолого-педагогического сопровождения личностного развития, профессионального и духовного становления курсанта в подготовке его к служению Родине как будущему офицеру.

Муравьёва О.И.

НИУ «Томский государственный университет», Томск

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫБОРА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Можно только удивляться тому, что начиная с работ Л.С. Выготского и Т. Куна проблема ценностей как познавательных, методологических установок исследования эксплицируется в научный психологический дискурс уже почти на протяжении столетия, но до сих пор так и не получает своего решения. Думается, что причина этого лежит в том, что психология до сих пор пыталась найти эти ценностные основания в самой себе, забывая о том, что она уже построена на ценностных основаниях рационализма и гуманизма с их антропологической установкой. При этом становится все более очевидным, что гумани-

стическая парадигма уже исчерпала себя и в том смысле, что все, или почти все знания о человеке, которые можно было получить, опираясь на нее, уже получены. Именно поэтому, пытаясь найти новые ценностные основания, психологи все чаще обращаются к знаниям, полученным в рамках религиозных традиций. Однако некритичная интеграция этих знаний в психологию грозит ей попаданием в опасную ловушку.

Показательным примером этого является такое современное направление, как позитивная психология. После того как был проведен, как пишет Д.А. Леонтьев (2011),

«анализ авторитетнейших основополагающих нравственно-философских» текстов разных культур: Библии, Корана, Бхагавадгиты, Талмуда, кодекса Бусидо, текстов Конфуция, Аристотеля и Фомы Аквинского, были выделены шесть универсальных кросс-культурных добродетелей: мудрость, смелость, гуманность, социальность, умеренность и духовность (Селигман, 2006). Сразу же возникает целый ряд вопросов, имеющих принципиальное значение. Отметим лишь два. Вопрос первый: почему только эти тексты, а не тексты, например, Платона, Василия Великого, блаженного Августина и др.? Вопрос второй: почему в этом списке не оказалось базовых христианских ценностей – любви, милосердия, смирения?

Понятно, что сами исследователи этих вопросов себе не задают. Удивительнее другое: эти вопросы не задают себе и их последователи в нашей стране, притом что отечественная наука всегда уделяла большое внимание строгой методологической обоснованности психологического исследования. Ведь совершенно очевидно, что в основе изложенных выше представлений лежит эмпиризм, традиционно присущий американской психологии, а также все те же ценностные основания гуманистической парадигмы.

Позитивная психология наступила на старые грабли «анализа по элементам», которые отечественная наука вы-

бросила на свалку еще в первой половине прошлого века. М. Селигман просто вывел среднее арифметическое. Но уже всем давным-давно понятно, что истина не лежит посередине, и искать ее надо вовсе не там, где светло, а там, где ее потеряли.

Такое некритичное использование знаний, полученных в рамках религиозных традиций, может привести к духовно опасным результатам. Вместо того чтобы на основе религиозных знаний открывать новые перспективные направления исследований, психология начинает профанировать религию, при этом сама рискует превратиться в новую магию, жонглирующую религиозными истинами, все под той же старой, но такой притягательной звездой гуманизма.

Ведь если христианство ставит своей целью подчинение плотского духовному, то магия ищет способы духовное поставить на службу плотскому. Очень точно уловил это метапредметное содержание позитивной психологии А.Н. Поддъяков (2012), охарактеризовав ее как гламурную.

Сейчас вновь исключительно актуальным становится известный, но несколько перефразированный призыв Б. Паскаля: «Пусть, по крайней мере, прежде чем использовать (в оригинале было – оспаривать) религию, они постараются узнать, какова она».

Никитчук К.Л.

НИУ «Томский государственный университет», Томск

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Программа экологического развития общества, главным принципом которой явился переход всех стран к устойчивому развитию, стала результатом работы Конференции Организации Объединенных Наций по охране окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро (1992). Одной из приоритетных целей мероприятия стал поиск решения проблемы взаимодействия человека и природной среды. В связи с этим последние годы мировое сообщество уделяет особый интерес развитию экологического образования в концепции устойчивого развития как интегрирующего фактора в образовании в целом. В результате мы всё чаще слышим о смене парадигмы образования: от знаний к компетентности. Возможно, это вызвано тем, что в быстроменяющемся мире стандартный «багаж знаний», полученный в учебном заведении, не устраивает ни общество, ни государство. Поэтому задачу нового образования можно сформулировать как овладение различными видами деятельности с учетом жизненного опыта.

Цель устойчивого развития – выживание человечества в целом и повышение качества жизни для каждого человека в отдельности (Мамедов, 2008). Особая роль здесь должна уделяться образованию, т.к. только оно способно реализовать преобразование связей природы и общества. Формирование системы образования для обеспечения устойчивого развития предполагает переход к модели об-

разования, основанной на целостном подходе «человек-общество-природа». Предпосылками для этого являются:

- единство природы, определяющее жизнь человека на планете;
- многоуровневая система формирования культуры общества: от дошкольного до послевузовского образования;
- взаимозависимость компонентов природной и социальной среды.

Цель экологического образования – формирование экологической культуры, основанной на чувстве сопричастности и ответственности по отношению к окружающему миру, и как результат – развитие экологической компетентности (конструктивное взаимодействие человека с природой). Такой этап экологического развития позволит сформировать общественно-экологическое мировоззрение, воплощать знания в практику, тем самым поднимать уровень культуры человека и общества в целом. По мнению академика Д.В. Лихачева, «в конечном счете, цель человеческого существования – культура» (Бурмакин, 1977). Согласно вышесказанному, экологическая компетентность может выступать как один из факторов духовности человека, т.к. духовность это есть высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности.

Резапкина Г.В.

Федеральный институт развития образования, Москва

ДИАГНОСТИКА НАПРАВЛЕННОСТИ, МОТИВОВ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Кадровые службы все чаще заходят в тупик, потому что заказчикам нужны сотрудники не просто опытные и компетентные, а честные (или наоборот – готовые преступить закон), инициативные и самостоятельные (или наоборот, послушные и зависимые). Великий русский психолог Б.Г. Ананьев говорил о невозможности воспитания без учета характеристик высшей структуры личности, ее мировоззрения, направленности, ценностных ориентаций (Ананьев, 2001).

Существует ряд методик для выявления направленности, мотивов и ценностей человека, однако насколько достоверны результаты, основанные на самооценке тестируемого, «пропущенной» через представления авторов методик о смыслах и ценностях? Можно ли с помощью диагностики уловить неуловимое, ответив на главный вопрос – каков человек? Злой или добрый? Жадный или щедрый? Способен ли он на подлость и предательство? Готов ли он – нет, не отдать свою жизнь за ближнего, а хотя бы в чем-то поступиться своими интересами ради другого? Насколько искренне он принимает и разделяет ценности социума, следует им из-за страха наказания или из-за своих убеждений?

Направленность личности – важнейшая характеристика, задающая вектор личностного развития. Для определения направленности личности я предлагаю использовать систему топов – ценностных суждений, прошедших культурный отбор и определяющих основные нравственные понятия, выработанные человечеством.

Методика «Нравственная направленность личности» (Резапкина, 2010) представляет собой двадцать семь пар противоположных по смыслу утверждений, сгруппированных по девяти темам: Умеренность – Излишества; Щедрость – Жадность; Миролюбие – Гневливость; Жиз-

нелюбие – Уныние; Смирение – Тщеславие; Великодушные – Зависть; Доверчивость – Подозрительность; Трудолюбие – Безделье; Самостоятельность в поступках и суждениях – Зависимость. В методике «Мотивы труда» (Резапкина, 2012) использован метод сравнения и выбора утверждений, иллюстрирующих пять основных мотивов профессиональной деятельности (Деньги, Слава, Власть, Творчество, Служение).

Трудность диагностики жизненных ценностей заключается в высокой вероятности «социально желательных» ответов. Повысить достоверность результатов можно с помощью косвенных вопросов, отнесенность которых к отдельным шкалам для испытуемого неочевидна. Методика «Иерархия жизненных ценностей» (Резапкина, 2012) позволяет выявить отношение человека к восьми важнейшим жизненным ценностям: Здоровье, Материальная обеспеченность, Творчество, Семья, Карьера, Служение, Слава, Отдых и развлечения.

Предложенный блок методик отвечает принципу дублирования, или перекрытия тестов, поэтому результаты всех трех методик необходимо рассматривать в комплексе. Методики можно использовать в работе с подростками и взрослыми. Методики просты в работе и допускают самостоятельную обработку и ознакомление с полученными результатами, которые изложены доступным языком в поддерживающем ключе, что позволяет человеку осознать свои мотивы, направленность и жизненные ценности, увидеть другие, возможно, более эффективные модели поведения и жизненные стратегии. На основании полученных результатов психолог может оценить степень дисгармоничности личностного развития, и в случае необходимости предложить индивидуальные или групповые формы работы, дать рекомендации педагогам и родителям.

Рогова С.А.

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, Пенза

О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ДУХОВНОСТИ И МЫШЛЕНИЯ

В настоящее время на разных уровнях активно обсуждается тема падения уровня духовности общества. В связи с этим возникает вопрос о возможностях, предпосылках, условиях развития духовности у детей как идущего нам на смену поколения. В своей монографии В.Д. Шадриков (2009), детально исследуя проблему развития духовности, которое он понимает как высшее проявление человечности, приходит к выводу о том, что предпосылкой и условием ее развития является мышление. Следуя данной логике, нужно признать, что корни деградации духовности следует искать в мышлении современного человека, которое также должно деградировать. Так ли это?

В настоящее время человек не просто изменяет реальность, строя новые дома или сажая и вырубая деревья. Мысль человека не просто все глубже проникает в тайны природы, она создает новую реальность, в т.ч. нанореальность. Заметим, что именно человек, его мозг, мышление порождает данную реальность. Как это становится возможным? Появляются ли у него новые способности, виды мышления? Ведь человек XXI в. не только способен выдерживать большие эмоциональные, шумовые нагрузки и т.п. Сегодня обычный человек способен выполнять деятельность, которую на более раннем этапе развития человечества могли выполнять лишь избранные его пред-

ставители. Так, лишь Ю. Цезарь был способен выполнять несколько действий одновременно: писать, читать, слушать... Сегодня на улицах города мы можем наблюдать обычную картину: подросток переходит напряженную по транспортному движению улицу с наушником в одном ухе (слушает музыку или изучает язык и т.п.). При этом одновременно он разговаривает по мобильному телефону. Так и хочется сказать: «Юлий Цезарь отдыхает».

Единичное стало общим. Современный человек непроизвольно овладевает новыми, более сложными видами мышления (что никак не указывает на его деградацию). Подобная деятельность основана на способности человека, «свойстве функциональной системы» (Шадриков, 1998, 2009) воспринимать или воспроизводить два или более одновременно происходящих, различных, но определенным образом взаимосвязанных процесса.

Речь идет о полифонических способностях и полифоническом мышлении, о котором в начале XX в. говорил М. Бахтин, а в XXI в. В.П. Зинченко высказал необходимость его разработки, изучения его психологической сущности (Зинченко, 2010). В то же время психологическая

сущность полифонических (не только музыкальных) способностей у детей дошкольного возраста на определенном уровне изучена (Рогова, 2006; 2008; 2009). Однако полифонические способности, которыми человек уже пользуется в настоящее время, так и не значатся в списке способностей, которые должны быть развиты у детей в дошкольном возрасте.

Подобное положение указывает на недостаточную мобильность социума, государства, которое должно особую заботу оказывать деятелям науки, образования и культуры, работающим в направлении развития подрастающего поколения. Недостаток этого внимания вызывает раздражение общества. Агрессивные проявления данного раздражения свидетельствуют об уровне развития человечества, его мышления, а также об отсутствии механизмов, способных разрешать сложные проблемы без применения насилия.

По нашему мнению, это отнюдь не указывает на падение духовности. Скорее, это кризисное состояние общества, которое уже наметило пути выхода из него, обретая и активно осваивая новые виды мышления.

Русина Н.А.

Ярославская государственная медицинская академия, Ярославль

ЕДИНСТВО ДУХА, ДУШИ И ТЕЛА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Психологическая организация человека представлена состоящей из индивидуальных (телесных), субъективных (душевных) и духовных проекций. В логике психологической антропологии и психосистемологии, ориентированной на создание целостного образа человека, такое понимание является научно корректным и профессионально значимым для педагога, психолога, врача. Разведение понятий «тело» и «телесность» имеет принципиальное значение. «Тело» означает физический объект, не несущий субъектности. «Телесность» есть одухотворенное тело. Эти понятия отличает мера жизненности (примеры: близнецы, телесная терапия, танцующий, спортивный человек). Телесность (плоть, живое тело, тель, динамическое тело) рассматривается как особый феномен и предметное поле психологических исследований, занимающих пространство «между» душой и телом, в его физическом понимании. Пространство «между», пространство возникновения новых смыслов, пространство, соединяющее противоположности. Плоть есть избыток тела.

Душу, как и телесность, можно очищать. «Седалище души искали внутри, а она нежным покровом облекает нас» (Шпет, 1922). Есть суждение, что душа входит в момент зачатия или в тело младенца с его первым криком. А когда человек умирает, душа уходит, и тело становится легче. Но тело теряет телесность. Означает ли это, что потеря телесности сопровождается утрату души? Может ли быть телесность без души? А душа без телесности? В традициях древней русской психологии плоть осмысливалась как «дом и зеркало души, а душа как дом и зеркало духа» (Шевцов, 2005). Обобщая вышесказанное, заключаем: не может быть ни телесности без души, ни души без телесности. Но они не равнозначны. Природа их разная. Душа

имеет условную «вещественность». Вещественность эта полевая. Вещественность телесности скорее материальная плюс полевая.

В материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. Дух творит формы, является содержимым души. Для души существенно не только местонахождение, но и положение: говоря о симпатиях, используют выражение «душа лежит» к кому-либо или к чему-либо. Для духа важно расположение: говорят о хорошем или дурном расположении духа. Дух является содержимым души. Душа автономна и индивидуальна. Дух существует как часть межличностной субстанции, осколок мирового духа. Душа есть избыток психики. Неважно, божественный это дар или человеческий. Имеет место духовная природа души и ее энергичность. Она может преодолевать слабости тела и агрессию духа. Может не только болеть, но и волишь, вельть.

Заключаем: душа, содержащая дух, наделяет им тело, которое приобретает телесность. Примирение происходит в пространстве «между», где встречаются деятельный дух, страждущая душа с одушевленными движениями тела. Душа, как и телесность, может болеть. Душу, как и телесность, можно очищать, «целить». Термин «целительство» здесь наиболее уместен: делать целым, цельным то, что невозможно разделять и лечить отдельно. Душа, при ее кажущейся непространственности, находится между духом и телом. Все вместе они образуют целостный состав человека. Душа вовне, воздушным покровом облекает нас. Вся душа есть внешность (шрамы, морщины). (Пример: смерть человека – лицо разглаживается и становится умиротворенным). Душа это настроенность телесных вибраций.

Вывести себя внутренне из жизненного созерцания возможно в условиях духовного бытия, когда начинается освобождение человека от «зашлакованности» чужой и собственной самостью.

Находим в известных школах близкие практики: «разождествление» в психосинтезе, «кресение» в русской народной прикладной психологии, «очищение» в практиках Востока, «исповедь» в различных религиозных верованиях, «восхождение» в интегральном психоанализе, ме-

тод работы в Причине В. Гоча. «Дух человеческий имеет общение с миром трансцендентным, вечным, живет в нем и сам принадлежит вечности.

Смертны те элементы душевной деятельности, которые связаны с жизнью тела: чувства и мыслительные процессы, неразрывно связанные с деятельностью мозга. Но бессмертны те элементы самосознания, которые связаны с жизнью духа» (Войно-Ясенецкий, 1978).

Самойлова И.Г.

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНОСТИ

Одно из значений понятия индивидуальности в отечественной психологии связано с утверждением, что личность становится индивидуальностью, лишь достигая высшего уровня своего развития (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн и др.). И хотя критерии указанного уровня являются неопределенными, сегодня очевидно, что они могут быть поняты только в контексте духовных достижений личности.

Актуальность изучения духовных измерений индивидуальности обусловлена необходимостью разработки новой стратегии дальнейшего эволюционного развития человека и общества. Решению этой задачи был посвящен проходивший в Москве в 2012 г. международный конгресс «Глобальное будущее 2045».

Было отмечено, что для изменения губительного вектора развития нашей цивилизации «необходимо изменить сознание массового человека», трансформировать «определенный комплекс его психических свойств» (агрессивность к себе подобным, эгоизм, непомерные потребительские интенции), которые проявляются у всех народов и во всех культурах (Дубровский, 2012). Поэтому дальнейшее развитие человека до нечеловека или постчеловека невозможно только на основе технологического прорыва.

Новая эволюционная парадигма должна опираться не только на нанотехнологии, но и на опыт высокой нравственности и культуры, накопленный тысячелетиями в религиозно-духовных системах. Важно интегрировать духовные практики и новое мировоззрение, создать новый техно-трансцендентный мир, наполненный новыми духовными смыслами, которые поведут человеческую эволюцию в сторону богочеловека, в сторону бессмертия. Таким образом, становление индивидуальности связывается с духовным уровнем развития личности, т.е. с уровнем высокой духовной интеграции.

Круглый стол «Диалог конфессий», в котором участвовали представители различных религий, выявил сходную

точку зрения о том, что современный человек является всего лишь «переходным существом», способным подняться на более высокий эволюционный уровень. В выступлениях религиозных деятелей был сделан акцент на приоритетность внутренних духовных методов работы с сознанием. Развивая наше сознание с помощью медитативных практик, мы можем обнаружить внутреннее пространство осознанности, не зависящее от физического тела, мирских желаний и эгоцентризма.

Близкими к высказанной позиции религиозных деятелей являются предложения В.Ф. Петренко исследовать глубинные основы медитации. Он отметил, что «разрабатывая изощренные техники медитации и психопрактики, мы выйдем на контакт с возможными мирами на глубинных медитативных уровнях» (Петренко, 2012). «Мы мало владеем техниками измененных состояний сознания», хотя многие из нас уже практикуют различные медитативные практики, а опыт пребывания в измененных состояниях сознания уже давно применяется в различных религиозных традициях (Петренко, 2012).

Мы согласны с утверждением В.Ф. Петренко, что медитация является «формой духовной практики, снимающей привычные штампы и стереотипы, навязывающие образ врага, «враждебного иного» (Петренко, 2011).

Имея собственный двенадцатилетний опыт духовного пути в сахаджа йоге, мы также считаем, что медитация, изменяя процессы категоризации, является технологией развития толерантности. Медитация имеет абсолютную ценность как религиозно-мистический опыт формирования «интуитивной, нечеткой логики, логики иррациональных состояний и парадоксов» (Бахтияров, 2012).

Ее психопрактические потенциалы могут способствовать реализации поставленной на конгрессе задачи – найти технологии для овладения человеком «новыми типами логики, интуитивными способами познания» (Ицков, 2012), без которых невозможно достижение духовных уровней индивидуальности.

Соколова И.М. (1), Знаменская И.И. (1), Крылов А.К. (2), Александров Ю.И. (1)(2)

(1) Государственный Академический университет гуманитарных наук, Москва

(2) Институт Психологии РАН, Москва

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ «СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ ОНТОГЕНЕЗА*

Нравственность как характеристика личности формируется при взаимодействии с моралью сообщества и является характеристикой формирующегося в культуре субъективного опыта. Мы исходим из того, что структуры и субъективного опыта, и культуры представлены системами разного возраста: как низкодифференцированными системами, сформированными на самых ранних этапах образования упомянутых структур, так и дифференцированными системами, образовавшимися на более поздних этапах (Александров, Александрова, 2009).

На модели дилемм «свой»/«чужой» мы проверяли гипотезу, согласно которой нравственное развитие развертывается от формирования наиболее древних систем, актуализация которых лежит в основе поведения «в любом случае помогать своим», к более поздно формируемому поведению, связанному с пониманием ценности жизни любого, в том числе и «чужого» индивида.

Испытуемым (дети 3–11 лет) предлагалось решить моральные дилеммы типа «свой»/«чужой», персонажи которых конфликтовали из-за ресурса. «Чужому» этот ресурс был жизненно необходим, а «своему» нет. «Свои» и «чужие» были разделены по видовому признаку. В качестве «чужих» выступали животные (дикие, домашние) и инопланетяне (более подробно см. Соколова, 2011; Знаменская, 2012). Предлагалась контрольная дилемма «Человек»: конфликт между «своими».

Поскольку считается, что в решении моральных дилемм участвуют эмоции (см. например, Green et al, 2001; Koenigs et al, 2007), постольку в ходе всего исследования проводился мониторинг пульса с помощью биомыши SWOP-048. Для объективной проверки эмоционального вовлечения испытуемых в решение моральных дилемм мы сравнили данные пульсометрии, полученные непо-

средственно перед экспериментом (контроль), во время эксперимента и сразу после эксперимента.

Данные были обработаны по методу (Гуров, 2010; Крылов и др., 2012), позволяющему оценить степень эмоциональной вовлеченности испытуемых. Предполагалось, что она увеличивается во время предъявления моральных дилемм. Ответы испытуемых были разделены на две категории: за «своих» (свой вид), за «чужих» (другой вид). Вычислялся индекс «защиты»: усредненный балл ответов на дилеммы (1 балл зачислялся за выбор персонажа, жизненно нуждающегося в ресурсе; 0 баллов – за обратный ответ).

Обнаружено, что предпочтение «чужих» при решении данных дилемм формируется на более поздних этапах онтогенеза. Для анализа данных были выделены группы контраста: 3–4 года; 5–6 лет; 7–9 лет; 10–11 лет. Выявлен возрастной тренд в решении дилемм. Младшие дети чаще встают на сторону «своего». Достоверные различия были обнаружены для дилеммы «Инопланетяне» при сравнении групп 7–9 лет и 10–11 лет; для дилемм «Белки», «Собаки» при сравнении группы 3–4 года с группами 7–9 лет и 10–11 лет (критерий Манна Уитни двухсторонний, $p < 0,05$). Отметим, что в дилемме «Инопланетяне» дети позже «переходят» на сторону «чужих», чем в дилеммах «Белки», «Собаки». Во время предъявления дилемм у 14 из 16 детей (группа 7–9 лет) по показателям пульса выявлены достоверные изменения вегетативного статуса, соответствующие повышению степени эмоциональности ситуации (критерий Краскелла Уоллиса, $p < 0,05$). Таким образом, в процессе онтогенеза нравственное предпочтение «своего»/«чужого» формируется от более древних форм поведения (выбор «своего») к более поздно сформированным (выбор «чужого»).

Титов Р.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОЙ МОТИВАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В исследовании нас интересовала религиозность как психологическая переменная, как часть структуры личности; не содержание веры, а отношение к ней. Выделение таких «религиозных ориентаций» помогает прояснить противоречивую роль религиозности в психике (Allport, Ross, 1967). Конкретно мы рассматривали автономную и

контролируемую религиозность. Понятие автономии (и контроля) взято из теории самодетерминации (Ryan, Deci, 2000; Гордеева, 2010), в которой оно рассматривается не как индивидуализм и независимость, а как степень присвоения мотивации, ее включения в «я»: «мне просто это нравится», «это для меня важно» или «меня заставили»,

* Работа поддержана грантами РГНФ (№11-06-482а) и Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ России (№ НШ- 3010.2012.6.).

«иначе было бы стыдно». Религия – одна из областей применения понятий автономии и контроля, результаты в этой области согласуются как с другими сферами, так и с более ранними подходами к религиозности (Ryan et al., 1993; Neuginck, 2009).

Мы пришли к необходимости изучения религиозных выборов, несмотря на ограничения такого подхода, т.к. на более разнообразных выборках над всем довлеет фактор «общей религиозности» (ср. Donahue, 1985). Это соответствует и многим исследованиям в русле теории самодетерминации, в которых некоторое поведение у испытуемых наличествует (школьники, сотрудники, члены фитнес-клуба), а мотивация различна.

Выборку составили 127 посетителей православных интернет-форумов, идентифицирующих себя как православных. Методики – адаптируемые нами опросники и показатели психологического благополучия (SWLS, ШСС, СЖО, VT-D, ДТР). Методы анализа собранных данных: проверка согласованности пунктов, дисперсии, нормальности распределения. Факторный анализ (максимальное правдоподобие, с анализом собственных значений), анализ расстояний Махаланобиса, линейная и ранговая корреляция, дисперсионный анализ, структурное моде-

лирование (регрессионные и медиационные модели), кластерный анализ (методы Уорда и k-средних).

Выводы:

1. Опросники интернализации религиозности и потока в религии обладают хорошими психометрическими свойствами и могут использоваться в дальнейших исследованиях.

2. Автономная и контролируемая (хорошо и плохо «присвоенные» личностью) мотивации религиозности ортогональны и в равной мере могут мотивировать религиозные действия. Но влияние их во многом противоположно. Автономная мотивация связана с большей «глубиной» религиозности и основными показателями психологического благополучия. Контролируемая – наоборот, с меньшей выраженностью потока в религиозных действиях, с чувством бессмысленности жизни и нездоровой рефлексией. Некоторые из этих связей тем сильнее, чем важнее религия для человека.

3. Анализ, ориентированный на людей, а не на переменные, подтвердил эти выводы и показал, что за одной и той же «степенью» религиозности может стоять качественно разная мотивация и связанные с ней психологические характеристики.

Шемет И.С.

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ДУХОВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Спортивная психология направлена на формирование определенного идеала личности спортсмена, который можно обобщенно обозначить как здоровая, самоорганизующаяся, саморазвивающаяся личность, обладающая высоким уровнем субъектности. Как отмечает С.Д. Неверкович, «физкультурная и спортивная деятельность развивает такие черты личности, как настойчивость, упорство, инициативность, стремление “постоять за себя”». Эти черты практически не зависят от вида спорта.

А.В. Родионов выделил наиболее типичные для спортсменов черты характера: эмоциональная устойчивость, стремление к лидерству, склонность к риску, расчетливость, новаторство, самоконтроль, общительность. Данные идеалы и ценности присущи спорту как системе социального воспитания и восходят к древнегреческому идеалу совершенствования человека, развитию его духовных и физических качеств, то есть стремлению к богоподобию.

Данная традиция была продолжена советской педагогикой в концепции гармонично развитой личности, идеала советского человека как человека-победителя, и продолжается в настоящее время А.А. Передельским в концепции формирования нравственного и духовного здоровья личности средствами физической и спортивной культуры.

В современной России общая тенденция социализации сейчас представляет собой интенсивную христианизацию общества, вектор которой противоположен ценностям

спорта. Если мы возьмем и сравним по любому параметру вектор развития психики, который закладывается спортом и закладывается христианством, то увидим, что они противоположны. Возвышение духа – унижение духа, активность – пассивность, вызов – смирение, доминирование – подчинение, бесстрашие – страх.

Проблема влияния религиозности спортсменов на эффективность спортивной деятельности не изучена. В советской психологии спорта религиозное влияние на спортсмена не было предметом изучения, поскольку очевидным было влияние коммунистической идеологии: атеизм, патриотизм, борьба за лидерство на международном уровне, в силу чего спортсмен был носителем менталитета человека советской эпохи. В настоящее время в связи с распространением религиозных систем в обществе появилась необходимость изучить, насколько спортсмены подвержены религиозному влиянию, и как это влияет на их личность и спортивные результаты.

Для исследования религиозного влияния нами проведен теоретический анализ понятий религиозности и духовности с позиции интегративного подхода к психике. Духовность рассматривается нами как способность психики человека управлять жизнью и поведением. Религиозность рассматривается нами как включенность (адаптированность) к требованиям религиозной системы. Большинство религий постулирует собственные исключительные права на духовное совершенствование, отрицают путь духовного развития вне религии. Это приводит к зависимости

человека от религиозной системы, отказу от собственных духовных исканий. Высокая субъектность предполагает повышение независимости человека от внешних влияний, к какому бы уровню психики они ни прикладывались.

В этой связи религиозная адаптация является неким этапом развития духовности, за которым должна последовать рефлексия этого влияния, диалектическое отрицание и выход духа за пределы конфессиональной границы, с целью поиска собственных духовных ориентиров.

С точки зрения концепции интеграции психики, религиозная адаптация не является необходимым условием развития духовности, а является реальным современным

фактором психологического влияния, последствия которого нелинейны и нуждаются в системном анализе.

Для определения индивидуального уровня религиозности мы разработали анкету, состоящую из 24 вопросов, которая позволяет комплексно оценить религиозность (набожность) человека исходя из его самооценки, отношения к вере, степени включенности в ритуальное пространство и культовое служение. Анкета позволяет определить высокий, средний или низкий уровень религиозности респондента независимо от его конфессиональной принадлежности.

Шеховцова Л.Ф.

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург

ОДУХОТВОРЕНИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Современное психологическое знание описывает процессы, функции, состояния, структуры человека, но при этом теряет самого человека. Человек есть целое. Идея целостности стала основанием для разработки системной модели человека как гармоничной одухотворенной индивидуальности и ее становления. В момент рождения человеческая индивидуальность несет в себе множество потенциальных функций. Становление индивидуальности происходит в ходе онтогенетического развития и жизненного пути. Гармонизация ее потенциалов (индивидуальных свойств) и тенденций (личностных свойств), акций (субъекта деятельности), их одухотворение представляют собой процесс становления индивидуальности, который содержит несколько стадий.

- 1) адекватное самосознание – знание себя, своих индивидуально-субъектных особенностей;
- 2) формирование индивидуального стиля деятельности, поведения и различных компенсаторных механизмов;
- 3) жизнестворчество – человек сам создает своими действиями свою индивидуальность в процессе движения к самостоятельно поставленной жизненной цели;
- 4) обретение аутентичности и гармоничности: самоосуществление – это нахождение своего предназначения в этом мире, подлинного себя;
- 5) одухотворение индивидуальности.

Если потребность проявления себя, адекватного выражения своего «Я» – это проявление зрелости личности, то способность человека быть самим собой – это проявление зрелости индивидуальности. Высшая стадия индивидуализации – это интеграция развитых, совершенных структур индивида, личности и субъекта деятельности и их одухотворение.

В процессе онтогенеза происходит проявление функциональной предназначенности структур индивидуальности: индивида, субъекта деятельности, личности. В результате максимального развития всех структур, составляющих индивидуальность, у взрослого человека как бы

умножается число степеней свободы каждого из компонентов системы (Ананьев, 1969), а тем самым и его возможностей, возрастает свобода самореализации. Каждая из структур индивидуальности выражается в интегральном параметре, отражающем функцию этой структуры, высший уровень развития структуры может быть представлен критериями, выражающими ее одухотворение.

Теоретико-экспериментальные исследования позволяют утверждать, что состояние активации мозга является интегральным параметром индивида – энергетическим потенциалом, обеспечивающим психическую деятельность. Критерии его развития – приобретение человеком способности к произвольной регуляции своего состояния, обретение устойчивого состояния бодрости и душевного мира, а также одухотворение телесного субстрата.

Интегральным параметром структуры «субъект деятельности» является «интеллект», критериями его развития – гармоничность его составляющих, а также «одухотворение» ума – обретение Истины в познании мира и себя. Интегральным параметром структуры «личность» является система отношений и смыслов человека. Нравственная регуляция выступает критерием зрелости, высшего развития личности – это одухотворение личности, обретение веры.

Когда человек полностью посвящает всю свою жизнь, всего себя служению людям, то в крайнем варианте происходит как бы отрицание им своего существования, отрицание себя отдельного, единичного. Другая сторона такого альтруистического максимализма – это максимальная персонификация, запечатление себя в других, существование не в себе, а в других, существование во множественном. Хотя необходимость синтеза человекознания сегодня осознана научным сообществом, но он еще не завершён ни в теоретическом, ни в практическом планах. Можно надеяться, что XXI век осуществит программу интеграции знаний о человеке в целостную концепцию человека и его развития.

Раздел 5

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА

Алюшева А.Р.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

КУЛЬТУРНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ И МАКРОСТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Постановка вопроса о том, какие события формируют жизненный путь человека, требует обращения к психологической структуре, ответственной за поддержание самосознания личности в диахроническом измерении – автобиографической памяти (АП). АП – высшая мнемическая функция, организованная по смысловому принципу, оперирующая с личностно отнесенным опытом (Нуркова, 2009).

Специфическим для АП средством, задающим ее макроструктуру, является культурный жизненный сценарий – разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «описании» событий жизни, а также приписываемая им значимость и валентность (Berntsen, Rubin, 2004).

По нашему мнению, можно выделить следующие виды культурных жизненных сценариев: семейные сценарии (информированность о жизни родителей, ближайших родственников); внешние культурные жизненные сценарии (усвоение нормативных жизненных моделей из внешних, общих для всех источников (например, из литературы)); типичный сценарий (усвоение представлений о содержании обычной жизни в данной стране).

Мы предполагаем, что функции и структурно-содержательные характеристики АП производны от уровня усвоения своеобразия культурных средств, воплощенных в репертуаре культурных жизненных сценариев. Соответственно, чем выше осведомленность о различных формах сценарности, тем оптимальнее организован автобиографический опыт. Выборку составили 72 респондента в возрасте от 17 до 21 года, а также 70 родителей респондентов.

По результатам опроса респондентов данной выборки был получен типичный российский жизненный сце-

нарий. Далее изучались представления о семейном сценарии.

Респондентам предъявлялась методика «Линия жизни» с измененной инструкцией – требовалось вспомнить эпизоды из жизни родителя (на выбор: матери или отца) от рождения до сегодняшнего дня. Далее методику «Линия жизни» с обычной инструкцией заполняли родители респондентов. Количество совпавших по содержанию воспоминаний рассматривалось как показатель представленности в памяти респондентов семейного жизненного сценария.

Литературный сценарий исследовался с помощью анкеты, включающей в себя вопросы о значимых для респондентов художественных произведениях, их событийной представленности в памяти, наличии любимого литературного героя как образца проживания конкретного сценария.

В основной серии исследования сравнивались показатели АП у трех групп респондентов с разным уровнем усвоения репертуара сценариев. Были выявлены значимые различия характеристик АП у респондентов высокой и низкой групп.

Так, респондентов высокой группы отличает большее количество воспоминаний в целом ($p = 0,010$) и большая пропорция позитивных воспоминаний на «Линии жизни» ($p = 0,004$), выделяется значимо больше жизненных тем (примеры тем: «семья», «работа», «обучение», «путешествия», «увлечения», «достижения» и др.) ($p = 0,027$) и больше несценарных, уникальных воспоминаний ($p = 0,05$).

Последний результат заслуживает нашего особого внимания, т.к. показывает, что сценарное и несценарное в автобиографическом опыте – не оппозиция.

Испытуемые, имеющие высший суммарный балл сценарности, значимо чаще вспоминают неординарные события личного прошлого. Соответственно, их АП содержательно насыщеннее, ярче. Мы предполагаем, что развитая АП включает в себя сбалансированное сочетание сценарных, типичных и несценарных, уникальных воспоминаний.

Итак, для респондентов с высоким уровнем усвоения репертуара культурных жизненных сценариев характерны полифункциональность и содержательное разнообразие АП. Культурный сценарий жизни становится механизмом организации макроструктуры АП, при помощи которого осуществляется избирательное включение воспоминаний в историю жизни.

Бойко З.В.

Российский университет дружбы народов, Москва

СВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Миграционные процессы и межэтнические перемещения порой ведут к изменению или потере культурной идентичности как мигрантов, так и принимающей стороны. Растущая миграция ведет и к изменению, усложнению этнокультурного состава принимающих стран. Именно в такой быстроменяющейся социокультурной обстановке сегодня особую роль приобретает идеология толерантности, которая способна обеспечить и поддерживать диалог между представителями разных культурных и этнических групп.

Целью нашего эмпирического исследования было изучение связи этнической идентичности и толерантности российских студентов. Исследование проводилось в 2009–2011 гг. на базе РУДН, МГИМО и РГГУ (Бойко, Соколова, 2010). Всего в исследовании приняли участие 107 респондентов, российских студентов, обучающихся по направлению «Связи с общественностью». Из них 67 девушек и 40 юношей в возрасте от 19 до 23 лет.

Для диагностики типов этнической идентичности применялась методика «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова). Эта методика позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации. Для диагностики уровня толерантности использовался экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова), который включает утверждения, выявляющие отношение к некоторым социальным группам, коммуникативные установки (готовность к сотрудничеству, конструктивному решению конфликтов и пр.).

В результате корреляционного анализа нами были выявлены положительные значимые связи между общей толерантностью и всеми типами этнической идентичности, кроме типа «этнонигилизм». Эти корреляции подтверждают закон социально-психологической связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, установленный Н.М. Лебедевой.

Положительная значимая связь между общей толерантностью и этнической индифферентностью (0,24) указывает на то, что размывание этнической идентичности, выраженное в ее неопределенности, неактуальности этничности для личности напрямую связаны с проявлением толерантности. Чем менее важна этническая идентичность для индивида, тем толерантнее он.

Положительная связь между уровнем общей толерантности и позитивной этнической идентичностью (0,40) означает, что чем сильнее выражена позитивная этническая идентичность, тем выше общий уровень его толерантности. Другими словами, позитивное отношение к собственной культуре и своей этнической группе сочетается с положительным отношением к другим культурам.

Отрицательные корреляции были выявлены между общим уровнем толерантности и такими типами этнической идентичности, как этноэгоизм (-0,64), этнофанатизм (-0,37) и этноизоляционизм (-0,50). Эти связи свидетельствуют о том, что чем сильнее выражена у студентов этническая идентичность по типу «этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм», тем ниже уровень общей толерантности.

В том случае, когда индивид убежден в превосходстве своей этнической группы над другими, независимо от того, насколько открыто или скрыто, агрессивно или безобидно он проявляет эту свою убежденность, уровень его толерантности в таком случае будет ниже.

Отрицательная значимая связь была также выявлена между возрастом и этнической индифферентностью (-0,37). Это значит, что с увеличением возраста человека снижается уровень этнической идентичности по типу «этническая индифферентность». Это говорит о том, что с возрастом этническая идентичность человека становится более четкой, определенной для него самого.

Булатова М.Е., Стефанов А.К.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КРЕАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ*

Определение креативности до сих пор остается предметом большого числа дискуссий. Большинство ученых сходятся во мнении, что данное понятие должно включать в себя характеристики оригинальности и новизны, а также характеристики полезности и ценности для индивида и/или социальной группы (Amabile, 1983, 1996).

В настоящий момент существуют исследования, подтверждающие, что индивидуальные ценности, сформировавшиеся под влиянием социокультурного окружения, влияют на проявления креативного поведения (Dollinger et al., 2007; Shane, 1995; Лебедева, 2011). Вместе с этим пристальное внимание исследователей обращено к изучению взаимосвязи креативности и внутренней мотивации (наличия субъективного интереса при осуществлении деятельности) (Amabile, 1983; Amabile et al., 1994).

Теоретическую основу исследования составили: теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца, выделяющая структурную модель осознанных целей удовлетворения потребностей, сформировавшихся в результате взаимодействия с представителями социокультурного пространства; теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, выявляющая градацию мотивационной ориентации поведения личности – от внешней (под влиянием внешних ресурсов или социального окружения) к внутренней (выраженной в проявлении субъективного интереса в деятельности) мотивации; теория креативного поведения как инвестирования Р. Стенберга и Т. Любарта, выделяющая креативное поведение как способ поиска неизвестных или непопулярных решений, идей, обладающих большим потенциалом, и дальнейшего его рационального использования.

Наше исследование преследует цели выявления устойчивых детерминант креативного поведения, а также изучения степени их выраженности в зависимости от уровня креативности в повседневном поведении.

В исследовании приняли участие студенты различных факультетов московских вузов. Общий объем выборки – 353 респондента (127 мужчин, 226 женщин). Согласно цели исследования выборка была разбита на две группы в соответствии с креативностью повседневного поведения.

Полученные эмпирические данные были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью статистического пакета SPSS 17.0. Для определения внутренней согласованности психологических шкал вычислялся коэффициент α -Кронбаха. Для установления достоверности различий использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Помимо того применялся корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена, а также множественный последовательный регрессионный анализ.

В настоящем исследовании установлено, что для более креативных респондентов характерно преобладание ценностной ориентации «Открытость изменениям» и выраженная внутренняя мотивация в креативном поведении, для менее креативных респондентов характерно предпочтение ценности-мегаблока «Сохранение». Также выявлена позитивная взаимосвязь ценности «Открытость изменениям», внутренней мотивации креативного поведения и уровня проявления креативного поведения. Наряду с этим выявлена негативная взаимосвязь ценности «Сохранение», внутренней мотивации креативного поведения и уровня проявления креативного поведения.

Вержибок Г.В.

Минский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Минск, Республика Беларусь

ПРИБЛИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Культура в качестве социального явления может быть определена в самом общем виде как «образ жизни» человека и общества, практическая реализация общечеловеческих духовных ценностей в делах и отношениях, «связь людей» (Зинченко, 1994), в этом статусе представляя собой важнейший компонент и показатель уровня развития человеческой цивилизации. Культура является способом организации человеческой жизнедеятельности (Розов, 1992), она создает нормы и правила, определенные стереотипы и образцы, ожидания и убеждения, влияет на процессы развития психики, проявления поведенческой деятельности. Культура как ценность рассматривается как

ориентир и потенциальная направленность действий индивида на включение смыслового значения в осознанный вариант принятия, выступая как избирательное отношение к значимым компонентам гуманистической направленности в непрерывном процессе социализации-индивидуализации (Весна, 1997).

Человек приближается к культуре через освоение культурного наследия данного общества, которое предьявляет индивиду определенного рода предписания, санкции и ограничения, касающиеся способов, форм, мер и порядка исполнения действий в повседневной жизни с конкретным набором культурных знаний, умений, навыков. Опре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01071).

деленные формы социального поведения значимы во всех культурах, поскольку представители всех культур могут различать: объединяющие (оказание помощи, одобрение) и разъединяющие (агрессия, избегание); субординационные (подчинение, конформизм) и доминирующие (превосходство, распоряжения); близкие (самораскрытие) и формальные (требования этикета) отношения (Triandis, 1978; Foa, Foa, 1974).

Однако проблема преемственности культурных ценностей формулируется в контексте присущих современному обществу кризисных явлений на фоне становления стандартизированной, унифицированной для всех культуры, при воздействии «культурных синдромов» (Triandis, 1989; 2002). Навязывание новых моделей поведения и переоценка ценностей при сложности «фильтрации» приводит порой к проблемам в воспитании, проявлениям асоциальности и деструктивности, нестабильности отношений между людьми.

Совокупное действие факторов приводит либо к усилению автономности личности, либо к усилению групповых норм, что сказывается на содержании «Я-концепции» созданием элементов, которые в разной степени нагружены результатами этого действия (Berry et al., 2002).

Понимание личности и культуры личности невозможно в отрыве от социального контекста, когда «любые факторы становятся его действенными пружинами, реальными причинами, когда они пропущены через ментальность людей и трансформированы ею, ведь каждый человек имеет свою особую внутреннюю позицию и ему может быть видно то, что незаметно другим» (James, 1899), что опосредует выраженность индивидуализации человека как личности. Как следствие, образующийся личностный смысл (Леонтьев, 1998) формирует позитивное мироощущение во временной перспективе (Белинская, 2004), устойчивость самости и «чувства себя» (Erikson, 1996), оказывая влияние на успешность в разных сферах жизнедеятельности.

В процессе переоценки традиционных ценностей «мозаичности» самой культуры, складывается новая система приоритетов, выступающая духовной основой модернизации всех видов общественных отношений, происходит признание новой культуры – партнерства, диалога и сотрудничества как способов гармонизации потребностей и интересов, ценностных ориентиров, консолидации жизненных сил.

Гавронова Ю.Д.

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА «Я»

Взаимосвязь ценностей культуры и профессионального образа «Я» студентов представляет интерес в связи с ростом культурных взаимодействий.

Германия – одна из стран с большой концентрацией русского населения. Незнание национальных особенностей поведения в профессиональной сфере и ценностей культуры нередко становится причиной конфликта культур и культурного барьера. Изучение ценностей культуры и их соотнесения с профессиональным образом «Я» русских и немецких студентов позволит наладить взаимопонимание между культурами.

Профессиональный образ «Я» – это осознание и оценка себя как представителя определенной профессии (С.Д. Джанерьян, Ф.К. Свободный). Профессиональные образы «Я» включают в себя когнитивную, эмоционально-оценочную и поведенческую составляющие (С.Т. Джанерьян, Л.Б. Шнейдер).

Цель исследования: определить и выявить универсальный и культурно-специфический характер взаимосвязи ценностей культуры с профессиональным образом «Я» русских и немецких студентов.

Объект исследования: профессиональный образ «Я».

Предмет исследования: взаимосвязь ценностей культуры и профессионального образа «Я» русских и немецких студентов.

Гипотеза исследования: существуют как общие, так и специфические особенности взаимосвязи между ценностями культуры и составляющими профессионального образа «Я» русских и немецких студентов.

Выборка включала 600 респондентов: 300 русских студентов Смоленского государственного университета в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст 18,6 года) и 300 немецких студентов из разных вузов Германии в возрасте от 17 до 28 лет (средний возраст 20,8 года).

Методы исследования. Социально-психологический опрос с помощью: 1) опросника Ш. Шварца для изучения ценностей на индивидуальном уровне. 2) методики «Личностный дифференциал» (ЛД) в адаптации Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинды для изучения образа «Я». Обработка количественных данных проводилась с помощью статистического пакета SPSS 19 с использованием множественного регрессионного анализа (метод *stepwise*).

Результаты исследования.

Как у русских, так и у немецких студентов ценности Самопреодоление (Благожелательность) положительно связаны с эмоционально-оценочной составляющей профессионального образа «Я».

У русских студентов ценности Самопреодоление Универсализм отрицательно связаны с поведенческой составляющей профессионального образа «Я», а у немецких положительно. Можно предположить, что активность немецких студентов в отличие от русских направлена на поддержание благополучия и справедливости. Русские в своем поведении не руководствуются принципами терпимости и справедливости.

Специфичность взаимосвязи ценностей Открытости изменениям с профессиональным образом «Я» состоит в том, что у немецких студентов положительные связи цен-

ностей Самостоятельность не только с поведенческой составляющей, но и с эмоционально-оценочной составляющей.

Вывод. У русских студентов при профессиональном взаимодействии с немецкими студентами может возникать недопонимание на основании того, что активность немецких студентов направлена на гармонию, терпи-

мость, понимание и справедливость, в то время как русские студенты не руководствуются этими принципами. Кроме того, русским студентам тяжело будет понять, что немецкие студенты при формировании своей самооценки руководствуются принципами автономии и независимости, т.е. оценивают себя на основании того, насколько самостоятельно они добились желаемых результатов.

Глазков В.В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

РОЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ БЫТИЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Важнейшим критерием искусства является способность вызывать отклик у других людей. Следовательно, отношение к произведениям искусства как часть отношения к художественной культуре характеризует личность, воспринимающую художественные произведения. Целью данного исследования стало выявление связи между отношением личности к произведениям искусства и спектром ее «бытийных ценностей» (Д.А. Леонтьев, А. Маслоу).

Проброобразом способа оценки отношения к художественному творчеству послужила статья Г.С. Альтшуллера «Краски для фантазии», в которой приводится шкала оценки научно-фантастической литературы. (Альтшуллер, 1991). Уровни развития идеи таковы: идея (ситуация, сюжет) представлена «как есть», в своем исходном, «классическом» варианте; прототип изменен, но нет качественно новой идеи; прототип изменен так, что появляется качественно новая идея; новая идея, не имеющая близких прототипов в данном виде искусства.

Стимульным материалом служили пять «подборок» (литература, музыка, живопись, театр, балет) коротких целостных произведений искусства или их законченные по смыслу фрагменты. Четыре произведения, составляющие каждую «подборку», были объединены общей художественной идеей, которая развивалась в соответствии с вышеназванными уровнями. Каждое произведение оценивалось по двум критериям: ценность для личности испытуемого и оценка его качества, совершенства исполнения. Оценка давалась по 11-балльной шкале от -5 до +5.

Итоговые данные сопоставлялись с ранее полученными результатами методики «ценностный спектр» (Д.А. Леонтьев). После месячного перерыва респондентам была предложена модифицированная методика «ценностный спектр», в которой в качестве объектов выступала последовательность произведений искусства из описанной ранее методики.

Полученные данные обрабатывались, главным образом, при помощи алгоритма построения максимального корреляционного пути по методу Л.К. Выханду (1964).

Исследование проводилось в двух группах студентов: бакалавров-исполнителей и исполнителей-инструменталистов. Группы состояли из 18 и 19 человек, мужчины составляли от 27% у исполнителей-инструменталистов до 32% у бакалавров-исполнителей. Средний возраст студентов в группе бакалавров был 22,8 года, в группе инструменталистов – 25,6 года.

В группе бакалавров наивысшие ранговые места заняли гуманистические ценности добра и справедливости. Для более прагматичных инструменталистов-исполнителей наиболее значимыми оказались ценности «добро», «жизненность» и «богатство».

В выборе наиболее значимых объектов обе группы были едины: человек – жизнь – любовь. Низшие ранговые места заняли ценности «простота» и «легкость» для будущих бакалавров и «простота», «самодостаточность» и «единство противоположностей» для инструменталистов-исполнителей.

Анализируя отношение студентов к произведениям искусства, отметим количественное преобладание «оценок» над «ценностью», что указывает на тенденцию к «ценительству» в искусстве. Студенты обеих групп были критично настроены по отношению к новизне ведущей художественной идеи. При этом будущие бакалавры оказались более смелыми в оценках произведений, содержащих качественно новую идею.

В обеих группах были выявлены значимые корреляционные связи между критериями отношения к искусству и бытийными ценностями. Факторный анализ показал ведущую роль отношения к произведениям искусства в формировании структуры бытийных ценностей испытуемых, что подтвердило огромную роль искусства в формировании личности.

Гриценко В.В.

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск

Смотрова Т.Н.

Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Балашов

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ*

Ценности культуры оказывают организующее, направляющее и регулятивное влияние на становление отдельной личности, на формирование ее индивидуальных ценностей и ценностных ориентаций, на выбор жизненного пути и жизненных стратегий.

Можно выделить две тенденции по отношению к влиянию ценностей культуры на формирование жизненных стратегий в современных условиях:

1) унификация и стандартизация жизненных стратегий личности, основанная на общих универсальных ценностях и принципах, независимо от ее культурных особенностей;

2) дифференциация и индивидуализация жизненных стратегий, направленная на адаптацию стратегий к культурным традициям, нормам, ценностям (Гришина, 2011).

В этой связи особый интерес вызывает исследование иерархии ценностной структуры личности у представителей разных культур.

Учитывая важную роль ценностей и ценностных ориентаций на таком этапе жизненного пути человека, как юность, когда наиболее интенсивно происходит жизненное самоопределение, в исследовании приняли участие русские (n = 300) и немецкие (n = 300) студенты, в возрасте от 17 до 27 лет.

В данной статье мы ограничимся анализом результатов кросс-культурного исследования ценностей, полученных с помощью методики С. Шварца. Согласно полученным результатам, наиболее значимыми ценностями для русских студентов являются ценности Равноправия (4.9), Мастерства (4.7), Принадлежности (4.6). Для немецких студентов более предпочтительны ценности Равноправия (5.3 балла), Интеллектуальной автономии (4.7) и Мастерства (4.2).

Четвертую и пятую позиции в иерархии ценностей русских заняли ценности Интеллектуальной (4.6) и Аффективной автономии (4.5), а у немцев – ценности Гармонии (4.1) и Аффективной автономии (4.0).

Последние шестой и седьмой ранг в иерархии ценностей у русских получили ценности Гармонии (4.3) и Иерархии (3.7), а у немцев – ценности Принадлежности (3.7) и Иерархии (2.6).

Как видим, существующее ранговое совпадение определенных ценностей культуры позволяет говорить о некотором сходстве ценностных структур русских и немцев. Это, прежде всего, нашло отражение в том, что вершину ценностной структуры и русских, и немцев прочно занимают ценности индивидуалистического полюса (Равноправие и Мастерство), служащие личностному росту и развитию.

Если посмотреть на среднегрупповые показатели, то здесь картина такова: русские студенты «уступают» немецким студентам по ценностям Равноправия, имеют практически одинаковые с ними значения по ценностям Интеллектуальной автономии и «превосходят» их по ценностям Мастерства и Аффективной автономии. В этом смысле мы можем говорить о сходстве в ценностных предпочтениях русских и немецких студентов, а также предположить некое сходство между ними в векторе формирования жизненных стратегий, определяемое мотивационными целями ценностей Равноправия (равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность), ценностей Мастерства (амбиции, успех, смелость, компетентность), ценностей Интеллектуальной автономии (любопытность, открытость новому опыту, изобретательность) и ценностей Аффективной автономии (удовольствие, возбуждение, разнообразие).

Дагбаева С.Б.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, Чита

ЭТНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальность темы исследования этнической социализации молодого поколения в настоящее время определяется распространением социальной нетерпимости в отношениях людей (события в Норвегии, Франции, России и т.д.).

В связи с этим осмысление круга вопросов, связанных с проблемой обеспечения успешной этнической социализации молодого поколения, есть настоятельное практическое требование общественной жизни, характеризующейся не

* Исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кросс-культурное исследование жизненных стратегий жителей малых и средних городов России и Германии в условиях социально-экономической нестабильности», проект № 11-06-01175.

только переплетением культур, размыванием традиционных устоев межкультурного взаимопонимания, но и обострением чувства национального самосохранения.

Несмотря на то что в настоящее время проблема этнической социализации нашла отражение в психолого-педагогической теории, она не получила необходимого решения в практике образовательных учреждений. Современная система образования не должна оставаться в стороне от проблемы развития адекватных представлений о различных аспектах межэтнического взаимодействия, привития учащимся разного возраста навыков конструктивного межэтнического и межкультурного общения, формирования позитивной этнической идентичности и толерантности. Наиболее сенситивным к усвоению социально значимых ценностей является подростковый возраст. В этом возрасте формируется этническое самосознание учащихся, следовательно, именно на данном этапе воздействие на этнические стереотипы и установки может оказаться наиболее эффективным. Вместе с тем, школа еще продолжает оставаться консервативным социальным институтом, а на занятиях преобладает информативная форма передачи знаний об этносах.

Исходя из изложенного, мы предприняли изучение особенностей этнической социализации молодого поколения в изменяющихся социокультурных условиях такого крупного и поликультурного региона, как Забайкальский край. В исследовании приняли участие 120 подростков. Как показало исследование уровня этнического самосознания (ЭСС) с помощью соответствующей методики В.Ю. Хотинец, большинство респондентов отчетливо осознает себя членом этнической группы. Данная методика позволила выявить 32% с высоким, 66% со средним и 2% с низким уровнем развития этнического самосознания.

Методика «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой выяви-

ла высокий уровень толерантности у 10% от общего числа исследуемых, средний уровень толерантности обнаружен у 56,7% исследуемых, и у 33,3% учащихся был выявлен низкий уровень этнической толерантности.

Анализ результатов по методике «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса показал, что наибольшая дистанция у учащихся читинских школ существует по отношению к узбекам (4,77) и армянам (4,6). Меньшая социальная дистанция – по отношению к татарам (4,43) и бурятам (3,12). В числе наиболее предпочитаемых народов испытуемые видят русских (дистанция 1,17) и украинцев (1,8).

При диагностике с помощью методики «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой было установлено, что доминирующим типом этнической идентичности является «позитивная этническая идентичность» (15 баллов из 20 возможных), а также наблюдается тенденция к этнофанатизму (10,97 балла) и этнической индифферентности (10,78 балла). Уровень этнонигилизма составляет 2,9 балла, уровень этноэгоизма – 6,57 балла, уровень этноизоляциялизма 7,89 балла. Таким образом, наблюдается трансформация этнического самосознания по типу гиперидентичности, которая может проявляться в различных формах этнической нетерпимости.

Полученные результаты свидетельствуют об определенной избирательности в отношении к иным этническим группам, социальной дистанции, гиперболизации этнической идентичности и недостаточной этнической толерантности школьников. На основании полученных результатов планируется разработка программы этнокультурного тренинга и техники повышения межкультурной сензитивности – культурного ассимилятора применительно к специфике региона, что требует дополнительных исследований особенностей этнической социализации молодого поколения Забайкальского края.

Жеребцов С.Н.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь

ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК СПОСОБ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ

В исторической динамике обращает на себя внимание соотношение индивидуации и индивидуализации в человеке. Индивидуация (как проявление индивидуальных особенностей) преобладает над индивидуализацией (выступающей выражением особенностей личности) на начальных стадиях культурного строительства. В современной культурной ситуации, ситуации информационного общества, выпукло обозначается роль разнообразия знаковых средств психической деятельности. Благодаря фиксирующе-ограничивающей функции знак «выхватывает» объект из небытия и, следовательно, позволяет сформировать отношение к объекту. Разнообразие и богатство знаков делают процесс формирования отношения высвобождающим и одновременно противоречивым, тогда субъекту необходимо возникшую ситуацию как-то пережить. Сама субъектность переживания и предметной деятельности позволяет не только обозначить предмет или процесс, но

и дать себе имя, назвать себя, зафиксировать тем самым свое существование, которое само возможно, потому что означено, оформлено.

Но переживания предзаданы и формой (артефактом), и необходимостью, судьбой, структурой тела человека, другими данностями жизни, которые могут и не осознаваться, поэтому и требуется не просто масштаб сознания, но более широкий масштаб личности. Субъектом переживания выступает не сознание, а личность. Переживания органичны личности, жизненной ситуации личности. Оформление словесное, предназначенное для другого, помогает, тем не менее, и самому субъекту осознать и, следовательно, овладеть образной динамикой, т.е. овладеть переживанием, сделать его реальным для себя как для другого. Именно в этом смысле стоит говорить о принципиальном диалогизме переживаний личности, их социально-психологическом генезисе и онтологии. «Я нахожу себя

в эмоционально-взволнованном голосе, воплощая себя в чужой воспевающий голос, нахожу в нем авторитетный подход к своему внутреннему волнению; устами возможной любящей души я воспеваю себя» (Бахтин, 1996).

Переживания, предметом которых выступает целостная жизнь, жизненный путь, судьба, наиболее индивидуализируют человека: он один на один с собственной жизнью, смертью, собственным «Я». Такие переживания поднимают личность над эмпирической ограниченностью и однократностью существования, одухотворяют жизнь, являются самоценными. Для таких переживаний культура выступает огромным, единым и одновременно удивительно разнообразным функциональным органом. Думается, что современная культура и личность в ней переживают кризис, который вызван острым дефицитом индивидуальности.

Быть собой, быть неповторимым – это огромный риск, постоянные противоречия, острые переживания и, следовательно, обостренная экзистенция. Поэтому, наверное, индивидуальность – самая большая роскошь и самое большое проклятие современного человека.

Нормы в пространстве индивидуальности присутствуют, но в «снятом» виде. Они – не императивы, а ориентиры. Рефлексивно переживающему человеку в его жизни

ничто не может быть предписано. Его активность есть осознанность, включенность. Любую конвенцию он принимает в расчет. Нормы ситуативно специфичны, их много, они противоречивы, нужно переживать их динамику в смысловом пространстве личности, чтобы совладать с различными антиномиями бытия, чтобы выработать приемлемое отношение к чему-то или кому-то. Индивидуальность – это сверхнормальный человек, который может на нормы посмотреть сверху.

В разных ситуациях и состояниях человек является индивидуальностью в различной мере. Индивидуальность – это своеобразная актуальность бытия, необыденность жизни, это превращение, приключение, игра. Переживание есть процесс формирования отношения, позиции, идентичности в целом. Переживание есть способ актуализации «Я», обострения существования. М.К. Мамардашвили говорит о «Я» как о точке преодоления хаоса, распада (Мамардашвили, 1990). То, что переживание имеет все признаки игровой деятельности (Хейзинга, 1997; Шаров, 2004), не является случайным. Интериоризованная игра, превращенная игра есть переживание. Играть может только индивидуальность. Только индивидуальность может породить чудо, каковым и является жизнь человека превращающегося, творческого, переживающего.

Ефремова М.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДЕНЬГАХ У МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Принадлежность личности к той или иной религии обязывает человека исповедовать и сознательно выполнять ее нормы и правила. Это указывает на наличие целого комплекса факторов, оказывающих влияние на сознание и поведение человека.

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи характеристик религиозной идентичности с установками по отношению к деньгам московских студентов, представителей двух конфессиональных групп. Мы предполагаем, что существуют сходства в представлениях о роли и функциях денег у представителей православия и ислама, что обусловлено особенностями религиозного мировоззрения.

В исследовании приняло участие 274 студента, из них 170 христиан, 104 мусульманина. Для изучения религиозной идентичности использовалась авторская методика измерения выраженности религиозной идентичности, которая оценивалась с помощью шкалы, включающей в себя ряд вопросов, затрагивающих два основных аспекта: субъективное определение своего уровня религиозности, формальные аспекты религиозной жизни – шкала «Следование религиозным практикам» (частота посещения храма/мечети и т.д.).

Отношение к деньгам измерялось на основе блока вопросов (представление о роли и функциях денег) из стан-

дартизированной программы исследования экономико-психологических характеристик личности (Современная психология..., Ч. 5, 2002).

Результаты исследования:

Полученные данные о роли денег и их функции подверглись факторному анализу (метод главных компонент). В результате было выявлено два фактора: деструктивная роль денег, смыслообразующая роль денег. Представления о функциях денег изучались по аналогичной схеме. В результате факторного анализа было выявлено три фактора: деньги – источник удовольствий, деньги – источник помощи другим и поддержания нормальных условий жизни, деньги – источник достижения целей и безопасности.

В целом представление о деньгах как источнике помощи другим и поддержания нормальных условий жизни преобладает у российских студентов независимо от конфессиональной принадлежности. Обнаружены высокие показатели по представлению о деньгах как источнике достижения целей и безопасности. Для представителей двух конфессий доминирует представление о деструктивной роли денег.

У представителей двух конфессий выявлена отрицательная взаимосвязь ($p < 0,001$) значений по шкале «Следование религиозным практикам» с восприятием денег

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 11-06-00056а (Взаимосвязь компонентов психологической структуры социального капитала и установок экономического поведения).

как источника удовольствий, а также с представлением о смыслообразующей роли денег ($p < 0,001$). У студентов-мусульман присутствует отрицательная взаимосвязь выраженности религиозной идентичности со значимостью денег.

Краткие выводы:

1. Выявлены сходства во взаимосвязях религиозной идентичности с представлением о деньгах: характеристики религиозной идентичности у представителей обеих конфессий связаны с отрицанием значимости денег и их смыслообразующей роли.

2. В сознании молодых россиян, вне зависимости от вероисповедания, деньги – источник помощи другим и поддержания нормальных условий жизни.

3. Выявлено, что у студентов, последователей обеих конфессий, доминирует представление о деструктивной роли денег. Религиозное мировоззрение в целом не поддерживает приоритета материальных благ над духовными.

4. Наряду с представлением о продуктивной функции денег выявлено представление об их деструктивной роли, что свидетельствует о внутреннем конфликтном характере представлений о деньгах у российских студентов.

Исаева А.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОППОЗИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Индивидуальная жизнь протекает в непрерывном установлении и воссоздании личностью отношений к значимым объектам (В.Н. Мясичев, С.Л. Франк, А.Ф. Лазурский, С.Л. Рубинштейн, Е.Б. Старовойтенко). Одной из основополагающих категорий теории отношений является «противоречие» (Е.Б. Старовойтенко). Ей сопутствует понятие «оппозиций жизни» как значимых моментов жизни, которые, вступая в контрастные или асинхронные отношения, становятся детерминантой индивидуального бытия.

Содержания, процессы, различные аспекты жизни, которые онтологически не всегда являются бинарными противоположностями, сталкиваются и обретают характер «оппозиционности» в динамике индивидуального проживания и самоосуществления.

Так, например, в новелле Ж.-П. Сартра «Стена» для одного заключенного в ожидании казни встают оппозиции панического страха умереть и умирания от страха (он не пришел в сознание до самой казни), для другого – находящегося в той же ситуации – оппозиции рефлексии прожитой жизни как полной любви, самоотверженности, смысла – и тотального обесценивания состоявшейся жизни и всех значимых отношений.

Полагаем, что значимые оппозиции жизни могут выступать основным предметом жизненных отношений личности. «Встать в отношение» – это эксплицировать в отношении значимые оппозиции жизни и устанавливать между ними новые соотношения.

В «Истории моих бедствий» П. Абеляра отношение автора к своему творчеству пробуждается в обнаружении им своих способностей и их неоднозначных влияний на других людей. Ставшее основополагающим, это отношение в течение всей жизни развивается в обращении П. Абеляра с главенствующими оппозициями своей жизни: неутолимой потребностью в своем созидаемом бытии-в-Других и ответными отношениями Других в диапазоне от преданности до разрушительной ненависти.

Структурные составляющие обращения личности с оппозициями жизни можно представить через «архитектонику» жизненных отношений личности (Е.Б. Старовойтенко). Обращение с оппозициями может осуществляться интуитивно – на уровне фантазии, воображения, символотворчества; феноменологически – на уровне осознанных переживаний; интеллектуально – на уровне дискурсивно-логического познания; рефлексивно – в соотнесении с «Я».

Личность обращается к значимым оппозициям жизни в деятельности, поступке, в диалоге с Другим, в осмысленной экспрессии тела или тексте, становящемся событием. Оппозиции как предмет жизненного отношения определяются индивидуальностью и ведут к тайнам индивидуальной души – ее глубинным значимостям, личной этике, жизненным смыслам. Способность личности к диалектическому обращению с оппозициями определяет эффективность и результативность ее отношений к жизни.

Тексты культуры содержат имплицитные модели творческого, нетривиального, зачастую уникального обращения личности с оппозициями в воссоздании индивидуальной жизни. Особый интерес представляют тексты самопознания А. Августина, П. Абеляра, Дж. Кардано, Н. Бердяева. Ранние тексты – космогонические мифы, апокрифы – при герменевтическом анализе могут дать понимание генеза способности личности к обращению с оппозициями и, соответственно, ее истоков.

Тексты волшебных сказок – сюжеты об эго-героях – открывают культурно-типологическую специфику жизненных отношений личности в аспекте оппозиций (Исаева, 2011).

Реконструкции этих моделей могут эффективно использоваться в психологическом консультировании, психотерапии, психологическом сопровождении частной жизни и практиках личностного роста.

Калиненко А.А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННЫХ НАМЕРЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Интерес к ценностным основам отдельной личности и общества в целом всегда возрастал на грани эпох, в кризисные, переломные моменты истории человечества, необходимость осмысления которых закономерно требовала обращения к проблеме ценностей. Кардинальная смена общественной системы и произошедшие за последнее десятилетие изменения в российском обществе потребовали переоценки значимости многих фундаментальных ценностей (Серый, 1999).

Нами была поставлена задача по решению проблемы прогнозирования поведения осужденных по истечении сроков пребывания их в условиях длительной социальной депривации пенитенциарных учреждений. В работе исследуются ценности на культурном и индивидуальном уровнях осужденных в связи с их этнокультурной принадлежностью, изучаются противоречия и конфликты ценностей как внутри одного уровня, так и в межуровневом пространстве, выявляются эффекты (влияние) ценностей разных уровней на жизненные предназначения и намерения.

Вопросы индивидуальности и культуры изучаются: (Гриценко, 2002; Лебедева, 2007; Солдатова, 2001; Стефаненко, 2008; Татарко, 2007; Хотинец, 2002, 2008 и др.). В.Ю. Хотинец (2002) описывает взаимодействие в метаиндивидуальном пространстве систем индивидуальности и этнокультурного мира. Н.М. Лебедевой (2007) выявлены связи ценностей культуры с экономическими и социальными показателями. В отечественной и зарубежной кросс-культурной психологии признается (Лебедева, 2007; Хотинец, 2011; Rokeach, 1973; Schwartz, 1994), что ценности, доминирующие в обществе как главный элемент культуры, и ценностные приоритеты реализуются в намерениях, основных целях. Исследования ценностей осуществляются на двух различных уровнях анализа: индивидуальном и культурном. Описание связи жизненных намерений осужденных, находящихся в условиях длительной социальной

депривации, с ценностно-смысловой сферой в большинстве случаев недостаточно полно исследовано. Имеет место дефицит эмпирических исследований прогнозирования поведения осужденных, находящихся в условиях длительной социальной депривации.

В соответствии с вышесказанным данный пробел можно закрыть эмпирическими исследованиями ценностно-смысловых факторов жизненных намерений осужденных с помощью диагностического инструментария: методика «Смысло-жизненные ориентации» (Леонтьева, 1992), опросник изучения базовых культурных ценностей (Шварц, 1992), методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (Фанталова, 1992), методика «Жизненные предназначения» (Моткова, 1998).

Теоретико-методологической основой исследования являются: культурно-историческая теория Л.С. Выготского (принцип культурного опосредования психики, сознания, поведения), позволяющая осуществлять рассмотрение культурного опосредования жизненных намерений осужденных; концепция метаиндивидуального этнического мира В.Ю. Хотинец, согласно которой индивидуальность и этнокультурный мир рассматриваются как взаимодействующие самостоятельные и взаимозависимые системы.

Научный вклад данной работы заключается в разработке и осуществлении корректирующих мероприятий по предупреждению и профилактике рецидивных, противоправных действий осужденных, а также психологической поддержки осужденных, основанной на знании особенностей функционирования их ценностно-смысловой сферы. Тем самым гуманистическими способами и методами возможно решить проблему рецидива совершения преступлений и обезопасить общество от возможных противоправных действий со стороны личности, находившейся в условиях длительной социальной депривации.

Карпова Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Санкт-Петербург

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложившаяся на современном этапе ситуация развития человеческой культуры и общества в целом характеризуется новым витком в эволюции характера основных социальных процессов и отличается стремлением постиндустриального общества к совершенствованию своих социальных структур и институтов.

Наиболее актуальными условиями, формирующими и направляющими процессы современного развития, являются сознательное и целенаправленное использование

в экономике, культуре и социальной практике систем искусственного интеллекта и, в частности, компьютерных информационно-коммуникативных технологий, телекоммуникаций и сети Интернет. Анализ и изучению основных характеристик информационных технологий было посвящено немало исследований, среди которых необходимо выделить работы Д. Белла, М. Кастельса, Д. Лайона, Дж. Мартина, И. Масуды, А. Тоффлера, Ф. Фукуямы, Ф. Хайека.

Очевидно, что информация и коммуникации являются важной составляющей не только технологического, но и образовательного, социального и культурного пространств современного общества. Соответственно, решение вопроса о составе и структуре современных образовательных технологий продиктовано в первую очередь внедрением системной, рациональной, информационной среды в обучающий процесс. Под рациональностью в данной ситуации будем понимать определенную форму целенаправленного освоения реальности, основанную на главенствующей роли мышления в процессе изучения окружающей действительности.

По мнению Т.Д. Марцинковской (2010), имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о том, что овладение современной информационной культурой, взаимодействие с разными средствами сети Интернет связано с освоением адекватных путей, позволяющих людям справиться с интенсивными потоками разнообразной информации, выделением из них значимых и полезных сведений. В целом это создает особую познавательную ситуацию, характеризующуюся многомерностью или повышенной когнитивной сложностью. В свою очередь, Л.И. Божович (2008) предлагает рассматривать сущность информационной культуры с точки зрения взаимосвязи развития познавательной мотивации и ведущих потребностей соответствующего возраста.

Таким образом, информационное воздействие на когнитивном уровне состоит в побуждении субъекта

учебного процесса к комплексному решению задач целенаправленному добыванию учебной информации, отбору ее по содержанию и смыслу, активизации мыслительных структур для ее обработки, определению (и применению) приемлемых методов и средств ее обработки с целью достижения учебной цели. Исходя из этого, можно предположить, что анализ индивидуальных и личностных особенностей личности обучаемого может быть условием выбора модели максимально эффективного воздействия.

По мнению С.Л. Рубинштейна (2003), ядром или общим, главным компонентом любой умственной способности является свойственное данному человеку качество процессов анализа, синтеза и обобщения (генерализации). Следовательно, интеллект складывается по мере того как формируются, совершенствуются и закрепляются основные мыслительные операции – анализ, синтез, обобщение. Другим, производным компонентом способностей является более или менее рациональная и отработанная совокупность операций (умственных действий), с помощью которых может осуществляться соответствующая деятельность.

Таким образом, в широком смысле обучаемость можно рассматривать как общую способность к усвоению новых знаний и способов деятельности, в узком – как величину и темп прироста эффективности индивидуальной интеллектуальной деятельности под влиянием тех или иных обучающих воздействий.

Костандян М.Э., Ледовая Я.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ДИВЕРГЕНТНОЕ ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ БИЛИНГВОВ И МОНОЛИНГВОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО И МУЛЬТИЯЗЫКОВОГО КОНТЕКСТОВ

Интеллектуальные способности (конвергентные и дивергентные способности, обучаемость и познавательные стили) входят в структуру ментального опыта человека (Холодная, 2010). Люди разных культур обладают отличающимися друг от друга картинками мира, они по-разному воспринимают физические характеристики пространства и времени, события и их последовательность (Voroditsky, 2010). У билингвов картина мира способна изменяться в зависимости от того, на каком языке они думают и говорят в данный момент (Ogunnaike, 2010). Переходя с языка на язык, билингв способен по-другому анализировать и описывать реальность.

Можно предположить, что отдельные аспекты интеллектуальных способностей у билингвов лучше развиты, чем у одноязычных людей.

Основная цель данного исследования – анализ и сопоставление уровня развития параметров творческого мышления (беглости и гибкости) армяно-русских билингвов и русскоязычных монолингвов.

Гипотеза: у билингвов лучше, чем у монолингвов, функционируют беглость и гибкость креативного мышления. Предмет исследования – различия в проявлениях беглости и гибкости творческого мышления при решении задач на вербальную и невербальную креативность у ар-

мяно-русских билингвов и русскоязычных монолингвов. Объект исследования – 34 армяно-русских билингва (18–32 лет) и 34 русскоязычных монолингва (18–28 лет). Все являются студентами различных вузов Санкт-Петербурга или молодыми специалистами, выросшими в России. Следует отметить, что армяно-русские билингвы идентифицировали себя с двумя культурами: русской и армянской. Они воспринимали себя представителями как российского, так и армянского сообществ.

Методики исследования: анкета и биографическое интервью; методика Дж. Равена «Прогрессивные матрицы» для уравнивания выборок по параметру конвергентного мышления; субтест Э. Торренса «Незаконченные фигуры»; субтест Дж. Гилфорда «Необычное использование». Статистические методы: критерий нормальности Колмогорова-Смирнова, непараметрический критерий U Манна-Уитни и иерархический кластерный анализ.

Результаты. Статистически значимые различия обнаружены по параметрам «беглость» и «гибкость» методики «Незаконченные фигуры». Билингвы дают большее количество ответов, чем монолингвы. Рисунки билингвов помещены в большее число разнообразных контекстов, чем ответы монолингвов. Результаты методики «Необычное использование» значимо не различались.

Обсуждение. Лучшие результаты билингов по параметрам «гибкость» и «беглость» можно объяснить тем, что отдельные аспекты их интеллектуальных способностей (в данном случае – образная беглость и гибкость) функционируют лучше, чем у монолингов. Потенциальное преимущество в разные образные контексты фигуры-стимула может происходить за счет двуязычия. Люди, освоившие армянский и русский языки как родные и с детства живущие в двух социокультурных контекстах, успешнее в применении разнообразных стратегий при работе с конкретными и наглядными образами.

Таким образом, по результатам нашего исследования, беглость и гибкость креативного мышления билингов проявляются лучше при решении задач на наглядно-образное мышление, чем при решении более абстрактных образных задач.

Структура интеллектуальных способностей билингов (в первую очередь, образное творческое мышление) организована сложнее, чем у монолингов, за счет владения двумя лингвистическими контекстами и погруженности в два различных культурных контекста.

Крюкова Т.Л.

Костромской государственной университет, Кострома

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ КОПИНГ-ИССЛЕДОВАНИЙ*

Индивидуальность человека проявляется, в том числе, в стиле совладания со стрессом, складывающемся к юности. Традиционно стиль исследовался в трех основных психологических направлениях – личностные диспозиции, характеристики когнитивных процессов, параметры поведения и деятельности.

Стиль совладающего поведения – это совокупность привычных и устойчивых способов поведения, используемых субъектом в стрессовых ситуациях, включающая группы стратегий, близких по смыслу, например, приближение-удаление от стрессовой ситуации. В последнее время активно обсуждается значительное влияние социального контекста, культуры на переживание стресса и выбор совладания человеком (П.Т. Вонг и Л.С. Вонг, 2006; Kwiatkowska, 2010).

В нашем исследовании подтвердилась невозможность понять, отличаются ли особенности переживания стресса и паттерны совладания с жизненными трудностями, без учета социокультурного контекста жизнедеятельности людей в разных культурах. Методология социальной контекстуализации совладающего поведения продуктивна при анализе совладания со стрессом в индивидуалистических и коллективистических культурах (Hofstede, 2001).

В кросс-культурном исследовании, проведенном в пяти странах, нами установлено, что европейцы из традиционно индивидуалистических культур (немцы, французы) в высокой степени стремятся отличать себя от россиян, воспринимая их как «Других» в копинге (совладании).

Выявлены различия в ауто- и гетеростереотипах россиян о типичных способах поведения при трудностях своих и европейцев: наиболее популярными являются

копинг-стратегии «делаю все, что могу, чтобы решить проблему» и «упорно работаю», причем наибольшая степень выраженности отмечена у немцев, а наименьшая у чехов и поляков. Россияне и французы находятся на равных позициях по выраженности этих стратегий.

Установлен факт, что в представлении россиян им самим практически несвойственна стратегия избегания («закрываюсь от проблемы так, чтобы ее можно было избежать»), а всем европейцам она характерна в большей степени, что подтверждает и достоверность различий по данной стратегии ($p = 0.000$). Россияне также приписывают себе более эффективные стратегии совладающего поведения, а европейцев нередко представляют более слабыми и зависимыми, ориентированными на эмоциональное отреагирование, а не на решение проблем.

Данные различия указывают на противоречивость ауто-стереотипа россиян, их проективность, так как наличие у них трудностей – обладание вредными привычками и зависимостями и др. – указывает как раз на стремление уйти от проблемы, что соотечественники отрицают как стратегию совладания у себя.

Россияне характеризуют себя позитивно, но при этом имеют смутное и стереотипизированное представление о личностных качествах, трудностях и способах их преодоления у европейцев. Причем парадоксальным и неутешительным, на наш взгляд, является тот факт, что более размытое и индифферентное представление у россиян существует о славянских, «братских» представителях Восточной Европы (чехи и поляки), с которыми имеются общие корни славянской культуры.

Исследование подтвердило, что привычные и устойчивые способы поведения в трудных ситуациях обусловлены и культурой субъекта совладания.

* Исследование имеет финансовую поддержку РГНФ, проект № 12-06-00535а.

Лебедева Н.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ЦЕННОСТИ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ИННОВАТИВНОСТИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ*

В исследовании выявлены и проанализированы культурные различия в ценностях, имплицитных теориях инновативности и отношении к инновациям в трех этнокультурных группах россиян: русских, представителей народов Северного Кавказа (ингушей и чеченцев) и тувинцев (N = 804). Обнаружены как межкультурные сходства, так и различия в качествах, необходимых новатору, в представлениях русских, респондентов с Северного Кавказа и тувинцев. У русских более выражены индивидуальные теории инновативности, у респондентов из Северного Кавказа и Тувы – социальные. Это согласуется с результатами исследований в Китае, показавших, что в понятие креативности у китайских учителей входят коллективистские ориентации (Rudowicz & Yue, 2000), и с тем, что в имплицитных культурно-специфических теориях креативности в Индии и США доминируют культурно одобряемые черты личности (Runco & Johnson, 2002).

Выявлены значимые различия в ценностях между русскими и представителями народов Кавказа: ценности Сохранения более значимы для представителей народов Кавказа, чем для русских и тувинцев, а ценности Открытости изменениям более значимы для русских, чем для тувинцев и северокавказцев. Эти различия отражают разное положение исследуемых культур на континууме «традиционность – модернизированность», где русская культура располагается ближе к полюсу модернизированности, культура Тувы и культуры народов Северного Кавказа – ближе к полюсу традиционности. При сравнении ценностей представителей народов Северного Кавказа и тувинцев обнаружилось значимые различия в ценностях Сохранения (более значимы для народов Кавказа).

С помощью моделирования структурными уравнениями построена культурно-универсальная модель влияния ценностей на установки по отношению к инновациям, прямого и опосредованного имплицитными теориями инновативности. Прямое влияние ценностей Открытости изменениям на установки по отношению к инновациям позитивное, а ценностей Сохранения – негативное. Показана важная медиативная роль имплицитных теорий инновативности, как Индивидуальных, так и Социальных, во влиянии ценностей Сохранения на отношение к инновациям, трансформирующая негативное влияние ценностей Сохранения в позитивное.

В данном исследовании впервые выявлялись имплицитные теории инновативности у разных культурных групп российского социума. Была показана культурно-универсальная модель влияния ценностей через имплицитные теории инновативности на установки по отношению к инновациям. Это означает, что инновативное поведение человека обусловлено не только его установками по отношению к инновациям, но и культурой, в которой он прошел социализацию, усвоил ценности и имплицитные теории инновативности. В исследовании показано, как ценности Сохранения, обычно рассматриваемые как препятствующие инновациям, могут трансформироваться через имплицитные теории инновативности в поддерживающие инновации. Представления о том, что новатор должен обладать социально ориентированными качествами личности (доверие людям, честность, послушание, почитание авторитетов) может способствовать принятию инноваций, и это важно учитывать при планировании и внедрении инноваций в разных регионах России.

Летишкова З.Х.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ПОКАЗАТЕЛИ АДАПТИРОВАННОСТИ МИГРАНТА**

Покидая родину и родную культуру, мигрант переживает множество потерь: потерю дома, положения в обществе, он ощущает утрату идентичности, потерю психологической поддержки, ощущает неуверенность в будущем. Миграция является сверхсильным стрессовым фактором, вызывающим психологические нарушения и иногда даже психические расстройства. По мировой статистике, у мигрантов и вынужденных переселенцев частота нарушений психического и психологического здоровья в 1,5–2 раза

выше по сравнению с общей популяцией (Интернет-ре-сурс: www.demoscope.ru).

Психоэмоциональное состояние мигрантов (например, состояние тревоги или депрессии) может служить характеристикой степени их адаптированности, а также определять их общее поведение в новой социокультурной среде и, следовательно, рассматриваться в качестве индикаторов успешной или неуспешной адаптации в новой социокультурной среде.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 10-06-00086-а («Влияние социокультурных факторов на экономическое сознание»).

** Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

На снижение психологического благополучия мигрантов оказывают влияние такие факторы, как расставание с близкими людьми из-за переезда на новое место жительства, изменение собственного статуса, изменение материального положения, возможно, изменения в личностной идентичности и т.д. Стресс аккультурации также, вероятно, приводит к снижению психологического благополучия. Адаптируясь к новой культуре, мигрант может переживать чувство ностальгии. При этом чувство ностальгии не столь безобидно для психического состояния, как может показаться на первый взгляд.

Например, А.В. Зинченко отмечает, что ностальгия может быть сопряжена с негативными психосоматическими состояниями, ажитированной депрессией (Зинченко, 2009). Сам факт попадания в новую культуру, ценности и нормы которых являются не совсем ясными для мигранта и часто неочевидными, приводит к повышению чувства тревоги.

Однако важно заметить, что существуют различия между группами мигрантов, как в отношении степени, так и в отношении типа психических расстройств, которыми они страдают (Раутен, 1991). В частности, Дж. Линдерт с коллегами пришли к выводу, что уровень депрессии и тревожности в среде трудовых мигрантов и беженцев требует отдельного рассмотрения, так как существуют различия в психическом здоровье между различными группами мигрантов (приводится по: Alegria et al., 2008). Дж. Линдерт отмечает, опираясь на данные ряда исследований, что относительно распространенности шизофрении и других психических заболеваний среди трудовых мигрантов можно сделать вывод: у мигрантов больше проблем с психологическим здоровьем, чем у принимающего насе-

ления. По мнению автора, распространенность депрессии и тревожности среди мигрантов может быть связана с финансовыми трудностями, которые испытывают мигранты в стране иммиграции (Lindert et al., 2009).

Таким образом, можно заключить, что при рассмотрении степени успешности приспособления мигранта к новой этнокультурной среде основное внимание уделяется анализу субъективной удовлетворенности жизнью, психологическому благополучию и душевному здоровью мигрантов.

Стремясь выявить факторы, влияющие на этнокультурную адаптацию, исследователи рассматривают те же самые факторы, которые рассматривают специалисты, занимающиеся рассмотрением стресса аккультурации. Однако в исследованиях, посвященных психологической адаптации мигрантов в принимающем обществе, не изучалось, как разные аккультурационные стратегии мигрантов связаны с такими компонентами психологического благополучия, как «Самопринятие», «Автономия», «Позитивные отношения с другими», «Способность к управлению ситуацией», «Наличие цели в жизни», «Уровень личностного роста» и с общим уровнем психологического благополучия. Могут ли определенные стратегии аккультурации прогнозировать психологическое благополучие мигранта в принимающем обществе как долгосрочный результат аккультурации? Связаны ли стратегии аккультурации мигрантов с их социокультурной адаптацией?

Поиск ответа на эти вопросы определил ход наших дальнейших исследований и послужил основанием образования подхода к исследованию взаимосвязи стратегий аккультурации с психологическим благополучием мигрантов.

Лепиокова З.Х., Татарко А.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ С ИХ АККУЛЬТУРАЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ*

Гражданская идентичность имеет большое значение для социального развития общества, являясь важным фактором, выполняющим интегрирующую функцию в процессе межкультурного взаимодействия. В данном исследовании мы попытались выявить взаимосвязь характеристик гражданской идентичности представителей принимающего населения с выбором того или иного аккультурационного ожидания. Стоит отметить, что под характеристиками гражданской идентичности в данном исследовании принимались валентность (позитивность) и выраженность гражданской идентичности. Эмпирическую базу исследования составили представители принимающего населения Москвы (N = 120, средний возраст 36 лет).

Так, в результате проведенного множественного регрессионного анализа выяснилось, что выраженность

гражданской идентичности у представителей принимающего населения отрицательно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием «Исключение». В этой связи необходимо отметить, что гражданская идентичность часто рассматривается современными исследователями как национально-гражданская идентичность.

В современном российском этнополитическом дискурсе под национально-гражданской идентичностью понимается осознание причастности к сообществу граждан того или иного государства. Содержательно она представляет собой общую лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином, эмоциональную привязанность к стране, включает в себя отождествление (идентификацию) с гражданами страны, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией (Рыжо-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00056а («Взаимосвязь компонентов психологической структуры социального капитала и установок экономического поведения»).

ва, 2008). Если рассматривать выраженность гражданской идентичности в данном контексте, становится ясным и очевидным, почему выраженность гражданской идентичности не способствует проявлению аккультурационного ожидания «Исключение» в принимающем обществе.

Обращает на себя внимание то, что позитивность гражданской идентичности принимающего населения Москвы положительно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием «Мультикультурализм», в этой связи стоит отметить, что для группового сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой идентичностью и аутгрупповой толерантностью.

Таким образом, подтвердилось то, что характеристики гражданской идентичности сопряжены с определенными аккультурационными ожиданиями принимающего населения.

В отношении взаимосвязи характеристик гражданской идентичности с аккультурационными ожиданиями принимающего населения обнаружено, что выраженность гражданской идентичности представителей принимающего общества отрицательно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием «Исключение», тогда как позитивность гражданской идентичности положительно взаимосвязана с аккультурационным ожиданием «Мультикультурализм».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что характеристики гражданской идентичности отчасти могут обуславливать выбор того или иного аккультурационного ожидания представителем принимающего общества.

Мазилова Г.Б.

Керченский экономико-гуманитарный институт Таврического национального университета Украины, Керчь, Украина

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СТРАНЕ ИНОЙ КУЛЬТУРЫ

Характерным признаком социально-психологической реальности является рост этнических миграций. Актуальность проблемы связана с трансформацией идентичности личности при жизни в стране иной культуры. Предмет исследования – особенности трансформации социальной идентичности женщин, живущих в Иордании.

Испытуемые – 54 украинки и россиянки из «Русского центра» в г. Амман и женщины других национальностей, живущие в г. Амман в количестве 26 человек (француженки – 3, польки – 7, славянки – 6, еврейки – 5, татарки – 2, турчанки – 7).

При жизни за рубежом происходит вхождение в новую культуру. В кросс-культурной психологии рассматриваются явления «культурного шока» (Оберг, 1988) и «стресса аккультурации» (Дж. Бери, 1990), вызывающие кризис идентичности личности. Обширный пласт социально-психологических явлений (социальные установки, стереотипы и т.п.), многие экономические, политические, культурные проблемы в итоге оказываются вопросами идентичности (Иванова, 2004; Лебедева, 2003; Мнацаканян, 2004; Дробижева, 2006, и др.).

Социальная идентичность – знания индивида о собственной принадлежности к группе вместе с ценностными проявлениями (Тэшфел, Тернер, 1986). Эффективной стратегией вхождения в новую культурную среду является интеграция, другие стратегии подразумевают либо замкнутость в своей этнической группе, либо растворение в новой культуре (Лебедева, 2003; Стефаненко, 2003). Когда субъект приезжает в чужую страну, начинается процесс обустройства в новом обществе, включающий организационные, правовые, культурные, психологические и другие аспекты.

Трансформация идентичности – необходимый компонент адаптации к новой среде (Гриценко, 2002; Стефаненко, 1999). Кризис идентичности – особая ситуация со-

знания с утратой определенности социальных категорий и ценностей (Андреева, 2000).

Нами использовались психодиагностические методики исследования: методика «Двадцать утверждений» (Kuhn, McPartland); «Методика неоконченных предложений» (А. Пейн, А. Тендлер). Сразу при регистрации в «Русском центре» выраженными оказались характеристики: личностная идентичность, социальные и ролевые позиции (супруга местного жителя, служащая, пр.), описание внешности (красивая, блондинка и т.п.). Преобладают позитивные качества (добрая, ответственная, т.п.). Через полгода после приезда увеличивается количество семейно-ролевых (член сирийской семьи, любимая жена и т.п.), деятельностных (изучаю язык и т.п.), характеристик общения (дружу с приехавшими из Украины и т.п.), возрастает гражданская идентичность (гражданин страны) (p -level < 0,05). Быстрой трансформации этнической идентичности не фиксируется, но растет дифференциация по критерию этничности, национальности.

По ряду параметров украинские/российские и иностранные испытуемые имеют близкие характеристики: личностная идентичность, статусно-профессиональная, ролевая позиция, гражданская идентичность. Украинки/россиянки демонстрируют большую выраженность семейной, этнической, поло-ролевой идентичности, склонности к общению. У иностранок наблюдается высокий уровень описания своих физических данных, переживаемого состояния в данный момент, восприятия себя собственником (p -level < 0,05).

Таким образом, социальные условия влияют на идентификационные характеристики. Наблюдаются общие особенности динамики идентичности у украинских/российских женщин и иностранок: повышается уровень этнической и гражданской идентичности. Наблюдаются различия: в украинско-российской группе произошло

увеличение показателей – статусно-профессиональная позиция, самооценка способности к деятельности; в иностранной группе усилились такие характеристики, как гражданская идентичность, представления о своих физических данных.

Итак, независимо от культурной принадлежности происходит повышение значимости одних характеристик и

понижение других. На фоне роста этнической идентичности происходит усиление глобальной, деловой, социально-ролевой идентичности, перспективной и рефлексивной идентичности. Успешное вхождение в новую культурную и этническую среду связано с обретением семейной, деловой идентичности, обретением деятельностных, социальных и материальных перспектив.

Масленникова Е.М.

Тверской государственной университет, Тверь

INDIVIDUALITY VS INDIVIDUALISM В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В английской лингвокультуре за словом INDIVIDUALITY стоят дополнительные ассоциации, которые отражают преобладающие в общественном мнении ценностные суждения и предпочтения. Синонимический ряд INDIVIDUALITY (индивидуальность) образован 10 существительными: CHARACTER ‘отличительное свойство’, DISCRETENESS ‘обособленность’, DISTINCTION ‘отличие’, DISTINCTIVENESS ‘своеобразие’, ORIGINALITY ‘самобытность’, PECULIARITY ‘специфичность’, PERSONALITY ‘личность’, SEPARATENESS ‘обособленность’, SINGULARITY ‘необычность’, UNIQUENESS ‘уникальность’. Существительные отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: степень, характер и глубина (не) соответствия норме.

В синонимическом ряду INDIVIDUALISM ‘индивидуализм’ различия наблюдаются по следующим признакам: ориентация субъекта на себя или на общество; происходящие с ним поведенческие и/или духовные изменения; его приспособленность к существующим обстоятельствам и окружающим условиям; наличие/отсутствие внутреннего противоречия. Ряд насчитывает 8 членов: EGOCENTRICITY ‘эгоцентричность’, EGOISM ‘эгоизм’, FREE-THINKING ‘вольнодумство’, INDEPENDENCE ‘независимость’, ORIGINALITY ‘самобытность’, SELF-DIRECTION ‘направленность на себя’, SELF-INTEREST ‘собственный интерес’, SELF-RELIANCE ‘самостоятельность’. Оба синонимических ряда совпадают в одном члене ORIGINALITY ‘самобытность, оригинальность, своеобразие’. Часть слов из синонимического ряда INDIVIDUALISM употребляются для выражения отрицательной оценки, обозначая постоянную черту характера. В ряд INDIVIDUALITY включены переменные свойства, в том числе внутренние.

Понятие INDIVIDUALITY включает в себя определенную отстраненность и отчужденность от общества, выражая сложную идею обособленности субъекта, а так-

же необычности того, что рассматривается говорящим или непосредственно самим субъектом как его характерная особенность. INDIVIDUALISM предполагает не только самовыражение, но и, в определенной степени, противопоставление собственной личности остальным членам социума. Это качество не находит оправдания в обществе, но самому субъекту внушает чувство уверенности в себе и позволяет находиться в согласии и гармонии с самим собой. INDIVIDUALISM обозначает свойства характера, которым говорящий дает отрицательную или ироническую оценку. Проявление INDIVIDUALITY зависит от среды, в которой находится субъект, что предполагает умение согласовывать внутренние убеждения и установки с внешними уступками. Понятие INDIVIDUALITY отражает сосредоточенность субъекта на реакции извне и тесно связано с его личной жизнью и общественной деятельностью с учетом наличествующих внешних тревожащих обстоятельств.

Как показывают биографии Дж. Брумеля (1778–1840) и О. Уайльда (1854–1900), обладавших, с точки зрения современников, исключительной индивидуальностью, качество INDIVIDUALITY устанавливает настороженное отношение к субъекту. Викторианская эпоха окончательно закрепила действующий в англоязычном социуме негласный запрет на проявление чувств, поэтому эмоциональная вовлеченность и намерение произвести сильное впечатление вызывают общественное возмущение.

Как особая категория INDIVIDUALITY рассматривается в этическом, эстетическом и моральном плане. Человек, обладающий индивидуальностью, с точки зрения англоязычных писателей XIX в., способен оказаться аморальной личностью.

Поэтому лингвокультурные типажи, представляющие типичного англичанина как An Englishman и John Bull, связаны с идеей обыденности, невзрачности и заурядности.

Мелехонова И.Н.

Костромской государственной университет, Кострома

ИССЛЕДОВАНИЕ РАСТУЩЕГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ*

Понимание конструкта *индивидуализма-коллективизма*, предложенного в межкультурной психологии Г. Хофстеде (1980), и его взаимосвязи с другими личностными образованиями является чрезвычайно актуальным и востребованным в динамично меняющейся современной российской культуре.

В этой связи нами была сформулирована следующая гипотеза: Признаки принадлежности к коллективистической культуре могут проявляться в выборе стратегий совладания со стрессом, таких, например, как, прежде всего, обращение к социальному окружению, поиск поддержки; и в меньшей степени – участие, т.е. самостоятельный поиск решения проблемы.

В данном исследовании приняло участие 123 человека: 43 мужчины в возрасте от 19 до 45 лет (средний возраст 21 год), 80 женщин в возрасте от 19 до 44 лет (средний возраст – 21 год). Все испытуемые кроме двух человек указали, что они имеют русскую национальность. Почти все испытуемые на данный момент имеют неполное высшее образование.

Был использован методический инструментарий, полученный от польских коллег (проф. Анна Квятковска, Институт психологии Польской академии наук, Варшава, Kwiatkowska, 2011), который входит в крупное кросс-культурное исследование культуры- стресса-образа «Я».

Опросник «Трудные жизненные ситуации и стратегии совладания с ними» (CCCS1a: Kuo, Roysircar, и Newby-Clark, 2006). Методика «Трудные жизненные ситуации и стратегии совладания с ними» состоит из двух частей. Каждая из них включает текст (три различные трудные ситуации: «Ваше здоровье»; «Болезнь»; «Ваши коллеги»)

и вопросы-утверждения о копинг-поведении в этих конкретных ситуациях.

При оценке результатов методики выяснилось, что основной стратегией совладания с трудными жизненными ситуациями у российских испытуемых стало участие ($p < 0,03$), предполагающее активное поведение человека в трудной ситуации. Это значит, что респонденты давали наиболее высокие оценки таким своим возможным действиям, как: «Я пытаюсь продумать все тщательно и подумать о возможных действиях до принятия решения»; «Я буду твердо стоять на ногах и постараюсь столкнуться с проблемой лицом к лицу»; «Я стараюсь, во-первых, разработать план действий, а затем действовать согласно ему» и др. Испытуемые, реализующие данную стратегию совладания, стараются установить значение ситуации, понять происходящие негативные процессы и оценить их возможные последствия. Данная стратегия предполагает принятие проблемы и непосредственно активное участие самого человека в ее разрешении, поиске выхода: без ориентации на окружение и других людей, без переключения на что-либо другое или уход в себя, предполагается, что человек сам оказывает себе помощь и поддержку.

Второе место по выраженности занимает стратегия «коллективное совладание», в которой большое значение имеет поддержание отношений с семьей, друзьями и теми, кто способен оказать содействие в разрешении трудной ситуации. Можно сделать вывод об амбивалентности стратегий совладания со стрессом, связанных с социокультурным контекстом – принадлежностью испытуемых-россиян к коллективистической культуре, но неоднозначным образом.

Николаева И.А., Крючкова Т.И.

Курганский государственный университет, Курган

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ К СЕБЕ И ДРУГИМ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Индивидуальность человека имеет свою проекцию в музыке благодаря возможностям музыкального интонационно-ритмического языка и музыкальной символике. Особенности музыкального восприятия и выражения чувств и эмоций в музыке, ее духовного содержания, проявления музыкальной индивидуальности исследовались Л.Л. Бочкаревым (2007), С.М. Каргапольцевым (2007), В.И. Петрушиным (2007), М.С. Ува-

ровым (2008), В.А. Фролкиным (2008), В. Холоповой (2009) и другими.

Задача, поставленная нами выявить взаимосвязь индивидуальных особенностей ценностных отношений личности и параметров музыкальной выразительности предпочитаемой музыки. Исследования музыкального содержания, чувств, ценностных переживаний чаще всего осуществляются методами с вербальным обозначением

* Исследование имеет финансовую поддержку РГНФ, проект № 12-06-00535а.

чувств человека. Однако В. Холопова (2009) отмечает «органическое противоречие между словесным и музыкально-интонационным способами выражения эмоций».

Нами предпринята попытка использовать пространственный язык и невербальную графическую шкалу «высшее (идеальное) – низшее (антиидеальное)» (Николаева, 2007) для описания особенностей ценностных отношений индивидуальности.

Шкала с индивидуальной субъективной метрикой и предварительное индуцирование испытуемыми образов «других людей» дают возможность измерить следующие параметры ценностных отношений:

- склонность (анти-) идеализировать других (как количество образов «идеалов» и «антиидеалов»);
- абсолютность – относительность идеализируемых образов, т.е. близость их к абсолютным полюсам идеального и антиидеального;
- степень противопоставления «другим» идеализируемых образов;
- склонность ценить «других»: а) как равноценных «Я», б) «лучше Я», в) «хуже Я»;
- субъективная близость а) к тем, кто «лучше Я», б) к тем, кто «хуже Я»;
- самооценку (глобальная самооценка).

Как показано нами ранее, названные параметры связаны со многими индивидуальными и личностными особенностями (Николаева, 2004; 2007). С помощью ранговой корреляции Спирмена вышеназванные параметры испытуемых соотносились с экспертной оценкой предпочитаемых ими отрывков музыки. Всего оценивалось 11 параметров музыкальной выразительности.

Результаты. Темп и динамика (громкость) музыкального произведения не обнаружили связей с параметрами ценностных отношений. Остальные девять параметров имеют связи на уровне $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$. Регистр имеет противоположные связи со склонностью ценить других: «ниже Я» и «выше среднего», а также связь с высокой «изоляцией» образов – «антиидеалов» от «других». Ритмичность, как и гармония, связаны с абсолютизацией образов – «антиидеалов»: чем сильнее диссонанс и более изломан ритм – тем мягче оценки антиидеальных образов. Тембр и лад прямо связаны с чувством равноценности «Я» и «других». Горячий тембр и мажорный лад предполагают чувство равноценности себя и других. Холодный тембр и минорный лад соответствуют чувству единичности и уникальности «Я». Минорный лад соответствует мягким оценкам «антиидеалов».

С фактурой произведения связано наибольшее количество параметров ценностных отношений личности: склонность выносить крайне низкие оценки другим – количество «антиидеальных» образов, склонность ценить других «выше среднего», степень абсолютности «идеальных» образов, чувство достижимости «идеалов» и чувство субъективной близости к тем, кто «ниже Я».

Наконец, интегральный показатель «эмоциональность произведения» обнаружил единственную связь с параметром «субъективная близость к тем, кто «ниже Я»».

Интерпретация и обсуждение полученных связей позволяют говорить о том, что использование графической проекции ценностных отношений дает дополнительную возможность изучения индивидуального своеобразия ценностных отношений, а также новую информацию о музыкальной индивидуальности.

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва

АМАРКОРД: ПОМНЮ, КАК БЫЛО, ИЛИ ПОМНЮ, КАК НАДО ПОМНИТЬ? АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ГОРОДСКИХ «БАБУШЕК» ДЕРЕВЕНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Для пожилого человека история прошлого – это уникальный субъективно очевидный результат прожитой жизни. Ведущей деятельностью завершающего этапа жизни становится финальная интеграция рассказа о себе. Каждый человек, безусловно, убежден в том, что его жизненная история реалистично отражает перипетии прожитого. Но в современных концепциях память мыслится как активное психологическое орудие преобразования опыта в свете актуального статуса личности. Так что же человек вспоминает о себе, когда жизнь фактически прожита?

Для того чтобы выявить вклад «объективного» жизненного опыта и последующих операций по его трансформации, мы проанализировали нарративы трех групп респондентов. Первую группу составили пожилые женщины (средний возраст 82 года), которые родились и прожили всю жизнь в деревне. Вторую группу – коренные горожанки (средний возраст 79 лет). Третью груп-

пу составили женщины аналогичного возраста, которые родились и прожили детство и юность на селе, а затем переехали в крупный город. Первые две группы были выбраны в качестве контрольного условия конгруэнтности усвоенного в детстве культурного жизненного сценария и дальнейшей жизненной эмпирики. Третья целевая группа представляет собой пример диссонанса между опытом детства и юности (сельский) и контекстом дальнейшей жизни (городской).

Проверялась адекватность трех конкурирующих гипотез относительно ретроспективного конструирования автобиографического нарратива. 1. Культурные ценности, усвоенные в детстве, определяют самосознание личности на протяжении всего жизненного пути, так что в автобиографическом нарративе пожилого человека доминируют ценности социального контекста первичной социализации. 2. Автобиографический нарратив отражает момент фиксации опыта (как прожил, так и вспо-

минает). 3. Автобиографический нарратив отражает самоидентичность личности в момент рассказа, при этом происходит трансформация всей субъективной картины жизненного пути в соответствии с актуальной на сегодняшний день системой культурных требований.

Анализ 60 автобиографических нарративов по разработанной нами методике позволил прийти к выводу о том, что автобиографические воспоминания являются пластичными. Воспоминания об отдаленных от момента наррации периодах жизни создаются в соответствии с актуальной на сегодняшний день идентичностью и выражают ценности, которые господствуют в текущем культурном контексте. В связи с этим воспоминания респондентов целевой группы о деревенском детстве, вопреки способу проживания этого жизненного этапа, воспроизводятся по «городской» модели. Поскольку для людей деревенского происхождения, которые в юности переехали в город, овладение ценностями городской

культуры переживается как личное достижение, наблюдается гиперболизация городского образца истории, что делает воспоминания значительно более «городскими», чем воспоминания коренных горожан. В воспоминаниях о возрасте зрелости наблюдается сближение нарратива со стандартной городской моделью. Вследствие этого их рассказы становятся тождественными рассказам коренных горожан. В воспоминаниях о пожилом возрасте обнаружен эффект восстановления влияния исходного интериоризированного в детстве культурного жизненного сценария в целевой группе.

По нашему мнению, это связано с несовпадением ожиданий горожан деревенского происхождения относительно статуса старика в городской культуре с реальной жизненной практикой. В результате мы наблюдаем эскалацию деревенского образца рассказа о себе, который сходен по форме, но превосходит по интенсивности деревенский прототип.

Одинцова А.Ю.

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА КОЛЛЕКЦИОНЕРА В УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Предмет исследования – формирование в усадебной среде XVIII – начала XX в. культуры коллекционирования произведений искусства и сложение особого типа личности, в которой собирательство, коллекционирование превратилось в индивидуальную черту характера. Изучение психологии собирательства позволяет взглянуть с новой точки зрения на проблематику сложения частных коллекций. Такой подход плодотворен для изучения истории русского искусства. Коллекционирование произведений искусства как социальный феномен отражает личностные интересы и вкусы собирателя, индивидуальную восприимчивость к ценностям искусства (Коул, 1997).

На сложение и развитие традиций собирательства, становление характера коллекционера существенно влияла система воспитания. Основные теории формирования характера уделяют внимание фазам развития ребенка в ранние годы жизни, внешнему контролю на ранних стадиях развития. Э. Фромм отмечает формирование стяжательской ориентации характера (Фромм, 1993). Если рассматривать особенности воспитательной системы в усадебной традиции, то в раннем возрасте ребенок несколько ограничивался в свободе передвижения, физическом развитии (Лотман, 1998). Отсюда «обломовщина» – явление, характерное для помещичьего строя России.

Положительные стороны домашнего воспитания связаны с образом жизни, обладающим высокими эстетическими свойствами: архитектура, садово-парковое искусство, библиотеки, «изящные искусства». Усвоению коллекционирования как мировоззренческого образца способствовало то, что, будучи творческой деятельностью по своему содержанию, оно легко воспринималось как естественное состояние личности, реализующей свой созидательный потенциал. Склонность к собирательству связана с особенностями развития психических процессов человека.

На процессы формирования личности влияют различные аспекты социального и культурного окружения.

Концепция Э. Фромма представляет социальный характер как продукт общественного развития, поскольку он формируется на основе выбора способа, каким удовлетворяются универсальные психические потребности человека в своем сообществе. Исследователь выделяет распространенные в XVIII и XIX вв. рецептивную, эксплуататорскую и стяжательскую ориентации характера. Мировоззрение последней основывается на проявлении склонности к стяжательству и экономии, причем эти свойства распространяются как на атрибуты материальной сферы, так и на мысли, чувства (Фромм, 1993).

Подобные ценностные ориентации характерны для дворянской среды рубежа XIX–XX вв. Особое отношение к собственной родовой памяти инициировало создание галереи семейных портретов. Галерея обычно включала два раздела – фамильный и официальный, в которых пересекались смысловые оси развития жизни дворянина. Большую часть собрания составляли коллекции западноевропейского искусства. мода на европейское искусство, начавшись с эпохи Петра I, поддерживалась многими русскими императорами, а вслед за ними воспроизводилась в дворянской среде.

В коллекциях, складывавшихся в XVIII в., прослеживается стяжательская ориентация их владельцев. В XIX в. разительно изменилось отношение владельцев имений к усадебному убранству: родовые коллекции, портретные галереи стали пониматься как достояние, предмет гордости и часть истории, которую стремились увековечить и приумножить (Саверкина, 2004). Эти изменения носили конструктивный и созидательный характер, позволяя психологически зрелым людям проявить индивидуальные творческие способности.

Осипова Е.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ОТНОШЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ*

Исследование инноваций представляет большой интерес для ученых разных дисциплин, что, в свою очередь, приводит к формированию различных подходов к изучению инноваций и, соответственно, отсутствию единой точки зрения по поводу содержания данного понятия.

Различные детерминанты инновативного поведения заслуживают теоретического и эмпирического изучения. В последние годы внимание ученых обратилось к исследованию социального капитала как предиктора инноваций (Maskell, 1999; Knack & Keefer, 1997; Daklhi and de Clercq, 2004).

Нам показалось интересным изучить взаимосвязи между социальным капиталом и отношением к инновациям на разных выборках внутри одной страны – России.

Целью эмпирического исследования стало выявление взаимосвязей социального капитала и отношения к инновациям в разных федеральных округах России.

Исследование проводилось в разных федеральных округах России – Центральном, Дальневосточном и Северо-Кавказском. Общий объем выборки составил 1000 человек.

Статистическая обработка данных позволила выявить различия в характеристиках социального капитала. Так, показатель «Доверие» выше в Центральном федеральном округе, а «Толерантность» – в Дальневосточном федеральном округе.

Взаимосвязи социального капитала и отношения к инновациям изучались путем проведения регрессион-

ного анализа. Обнаружено положительное влияние социального капитала на отношение к инновациям, но оно специфично для каждого изучаемого федерального округа. В Центральном округе выявлено наибольшее количество положительных взаимосвязей: «Уровень доверия», «Толерантность» и «Воспринимаемый социальный капитал» способствуют положительному отношению к инновациям. В Северо-Кавказском округе «Толерантность» и «Воспринимаемый социальный капитал» также способствуют положительному отношению к инновациям. В Дальневосточном округе «Уровень доверия» и «Воспринимаемый социальный капитал» положительно взаимосвязаны с «Ориентацией на будущее». «Воспринимаемый социальный капитал» также способствует установке на «Риск ради успеха» и увеличивает «Индекс инновативности».

По результатам эмпирического исследования можно сказать, что Центральный федеральный округ отличается большее количество положительных взаимосвязей показателей социального капитала с установками по отношению к инновациям. В других округах социальный капитал в меньшей степени взаимосвязан с инновативными установками личности.

Выявленные универсальные и специфические различия во взаимосвязи социального капитала с отношением к инновациям требуют учета социо-культурного контекста при планировании и внедрении инноваций в масштабах всей страны и в отдельных регионах России.

Пащенко А.К.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В НОРМАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

К настоящему времени в рамках структурно-диалектического подхода сложилась определенная традиция построения исследования культурного пространства личности, опираясь на тезис о том, что «социальная норма исторически есть фиксация такой ситуации, в которой индивидуальное биологическое преобразуется в видовое биологическое как нормативное, культурное» (Веракса, 2000). Исследования, выполненные в рамках данного подхода, рассматривали такие аспекты освоения нормы, как структура нормы, ее рефлексия, классификация норм. Наше исследование нормативного поведения школьников позволило выделить уровни нормативной ситуации: импульсивный, полевой, ролевой и нормативный. Стало понятно,

что процесс освоения нормы сопряжен с необходимостью последовательного прохождения каждого из выделенных уровней. Каждый уровень имеет свои характерные признаки, способность к выделению которых указывает на уровень нормативности человека (Пащенко, 2010).

Вместе с тем в исследованиях, посвященных развитию личности учащегося, обращает на себя внимание недостаточная разработанность и освоенность проблематики пространства активности личности ученика (Пащенко, 2010). Такая ситуация, на наш взгляд, объясняется сложностью объекта рассмотрения. Под пространством активности, вслед за Н.Е. Вераксой, мы понимаем «область индивидуальной активности человека, в которой он отличается и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01071).

утверждает это свое отличие от других» (Веракса, 2000). Согласно концепции нормативной ситуации, человек действует и взаимодействует с другими людьми в рамках нормативных ситуаций, которые выступают в качестве единицы жизненного пространства личности. Нормативная ситуация есть стандартная ситуация социального взаимодействия, в которой достаточно точно определены правила социального поведения, а само нормативное пространство лишает человека его индивидуальности в интересах общества.

Л.Ф. Баянова, анализируя произведение У. Шекспира «Трагедия о Гамлете, принце Датском», отмечает, что функция короля, владеющего самой высокой социальной позицией и являющегося существом максимально обезличенным, безусловно соблюдать принятые в культуре нормы и контролировать соблюдение этих норм другими. Опираясь на структурно-диалектический подход к пониманию проблематики личности, Л.Ф. Баянова, вслед за Н.Е. Вераксой, выделяет основание понятия «личность»: способность творить новую норму через сопротивление социуму (Баянова, 2011). Момент, указанный Л.Ф. Баяновой, делает возможным рассмотрение проблематики

формирования индивидуальности человека в рамках концепции нормативной ситуации. Под «индивидом» в нормативной ситуации мы понимаем человека, способного соотносить себя с культурой, утверждать себя в ней.

Целью нашего исследования стало изучение теоретико-методологических аспектов формирования индивидуальности человека в нормативной ситуации. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Формирование индивидуальности человека в нормативной ситуации структурно обусловлено особенностями строения самой нормативной ситуации.

2. Становление индивидуальности характеризуется качественным изменением компонент структуры нормативной ситуации.

3. Стратегическим путем формирования индивидуальности является последовательное и качественное освоение уровней нормативной ситуации.

Перспективным направлением исследования является создание и апробирование методики, использование которой позволит изучать формирование индивидуальности как на когнитивном, так и на поведенческом уровнях.

Пищик В.И.

Институт управления, бизнеса и права, Ростов-на-Дону

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВКЛЮЧЕННОСТИ В МЕДИАКУЛЬТУРУ

Поскольку сегодня получила большое распространение медиакультура как решающий фактор формирования личности студенческой молодежи, становится актуальной проблема степени ее влияния. Актуальность определила цель исследования: изучить психологические особенности студентов с разной степенью включенности в медиакультуру.

В исследовании приняли участие студенты гуманитарных специальностей, всего 358 чел. Применялись методики: анкета для исследования включенности студентов в медиакультуру; методика исследования жизненных смыслов В.Ю. Котлякова; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; методика измерения коммуникативной дистанции А.Н. Андреевой; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттела.

По результатам анкетирования студенты были разделены на две группы: с низкой степенью включенности и с высокой степенью включенности в медиакультуру. Медиакультура основывается на новых символах, моделях, программах, формальных языках, алгоритмах, виртуальных представлениях и воображаемых ландшафтах. Все это предполагает необходимость владения современной «информационной грамотностью».

Замерив социальную дистанцию в группах, нам удалось выявить, что коммуникативная дистанция студентов в первой группе ниже, чем во второй; это говорит о том, что в группе с низкой степенью включенности больше личных контактов, испытуемые более открыты для общения с другими людьми, чего нельзя сказать об испытуемых с высокой степенью включенности. Близкая

дистанция означает, что общение протекает при тесном соприкосновении в пространстве.

В группе с высокой степенью включенности в медиакультуру такие жизненные смыслы, как экзистенциальные и гедонистические имеют большую степень выраженности, чем в группе с низкой степенью включенности в медиакультуру. А такой жизненный смысл, как «семья» имеет большую выраженность в группе с низкой степенью включенности в медиакультуру.

Анализ результатов исследования показал, что все студенты имеют осмысленные жизненные перспективы и способны сознательно планировать цели на будущее, что, возможно, является отражением особенностей студенческого возраста, во время которого происходит становление главного мотива (жизненной цели), выявление и формулирование задач, связанных с будущим. Испытуемые первой группы более осмысленно и достаточно устойчиво оценивают пройденный отрезок жизни, ее продуктивность и самостоятельность, по сравнению с группой с высоким уровнем включенности в медиакультуру, результативность жизни, удовлетворенность самореализацией выше.

Такие ценности, как инструментальные, имеют значимые различия в группах с низкой включенностью и с высокой включенностью в медиакультуру. Это говорит о том, что показатели по таким шкалам, как уверенность в себе, воспитанность, жизнерадостность, самостоятельность, ответственность, в группе с высокой степенью включенности значительно отличаются от этих показателей в группе с низкой степенью включенности в ме-

диакультуру. Личностные факторы, как E (мягкий), G (высокая нормативность) и Q1 (имеет установившиеся взгляды и идеи), доминируют в группе с низким уровнем включенности в медиакультуру. А такие факторы, как I (мягкосердечие) и L (доверчивый), имеют большую сте-

пень выраженности в группе с высокой степенью включенности в медиакультуру.

Пока рано делать заключения, но некоторые наброски психологического портрета обеих групп можно уже сделать.

Савина О.О., Смирнова О.М.

Гимназия №1505, Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Актуальность вопросов становления идентичности обусловлена проблематичным характером жизни современного человека: утратой традиций, морально-нравственных, ценностных ориентиров, глобализацией, интеркультуральностью существования, развитием виртуальных, знаково-графических реальностей. Среди зарубежных подходов к изучению идентичности есть акцентирующие внимание на том, что общественные процессы требуют от субъекта все большего сочетания множества реальностей, вследствие чего речь идет о субъекте с множественной идентичностью (Identity and difference, 1997; Mummendey, 1997). Некоторые отечественные подходы к идентичности указывают, что существование в гетерогенных культурах требует осуществления культурной работы личности, возрождающей трансформации (Магомед-Эминов, 2007). Прикладные исследования в области идентичности уделяют внимание значимым для формирования идентичности сферам, в том числе влиянию культуры (Zielke, 2008).

Проблема становления идентичности является одной из основных в подростковом возрасте в связи с ростом самосознания, саморазвитием личности. Молодежные субкультуры являются важным фактором социализации, вовлекая все большее число молодых людей (Башкатов, 2000), например, субкультура любителей аниме и манги – отаку (Druzen, 2002). Сейчас в России упоминания об этой социальной группе все чаще появляются в СМИ, а в каждой школе и вузе можно встретить ее представителей (Громов, 2008). Малая изученность данного социального явления дает возможность выявить в нем новые психологические феномены, в том числе и в сфере трансформации идентичности в связи с возможной интеграцией ценностей одной культуры в другую.

В пилотажном исследовании субкультуры отаку проводились наблюдения, беседы, интернет-опрос 506 чело-

век (46% мужчин и 54% женщин в возрасте от 13 до 25 лет).

Результаты позволили выделить три группы, отличающихся по степени и характеру воздействия субкультуры отаку. 1. Сравнительно нейтральный эффект субкультуры: интересы молодых людей в данной сфере ограничиваются просмотром аниме, изредка чтением манги, использованием аниме-смайлов и сленга. 2. Негативный эффект: эти люди проводят за просмотром аниме/чтением манги и обсуждениями на форумах, в группах социальных сетей более 3 часов в день, считая это основным смыслом своей жизни, позволяющим отвлечься от мрачной и неинтересной реальной жизни. Для них важна групповая идентичность: они носят одежду и различные атрибуты, обозначающие принадлежность к субкультуре, приобретают плакаты и фигурки любимых персонажей, используют в речи сленг. 3. Позитивный эффект: смотрят аниме/читают мангу в умеренных и средних объемах (до часа в день). Первоначальный интерес к аниме развил в них желание саморазвития, они увлеклись культурой Японии, ее языком, искусством и историей. Высокая психологичность сюжетов многих аниме пробудила в них интерес к своему внутреннему миру, личности, философии и психологии, самообразованию. Они «учатся чувствовать», понимать свои эмоции. Многие под влиянием данной субкультуры занялись восточными единоборствами, йогой, медитацией, ведут здоровый образ жизни.

В результате исследования были выделены позитивные (рост личности: расширение интересов, постановка целей и решение задач, увеличение социальных контактов); нейтральные (стойкость, совладание с жизненными трудностями и неудачами) и негативные аспекты воздействия субкультуры на идентичность (сужение личности, асоциальное поведение, снижение успеваемости).

Семёнова Е.М.

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Беларусь

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Многочисленный славянский народ – белорусы – является братским народом для русских и украинцев и имеет свою богатую историю. Еще со времен Великого Княжес-

тва Литовского белорусов отличает их индивидуальная особенность – толерантность как черта национального характера. Выраженную специфическую «памяркоўнасць»

(уступчивость, доброжелательность) народного белорусского характера многие исследователи связывают с тем, что часть Беларуси продолжительное время входила в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Тяжелая подневольная жизнь, опустошительные войны, наличие крепостного права, а также специфические природно-климатические условия (многокилометровые леса, заболоченная местность, изолированность поселений) оказали влияние на становление национального характера белорусов. Именно с этими факторами связывают их толерантность, выражающуюся в долготерпении и жизнестойкости белорусов, но часто оборачивающуюся покорностью обстоятельствам и настороженностью в отношении радикальных изменений.

В проведенном нами исследовании, направленном на выявление толерантных стратегий поведения, приняло участие 214 человек: 107 белорусов и 107 россиян (55 женщин и 52 мужчины в каждой выборке). Возрастной диапазон людей, принявших участие в исследовании, был от 20 до 43 лет (средний возраст 26 лет). В состав выборки вошли студенты различных специальностей, служащие, учителя, воспитатели, военные, медицинские работники, рабочие (Одинцова, Семёнова, 2011).

В результате проведенного исследования было выявлено, что белорусы чаще россиян в стрессовых ситуациях прибегают к поведенческой стратегии избегания и эмоциональному копингу. Иными словами, белорусам свойственен уход, отвлечение от проблем. Они предпочитают не задумываться о трудностях, прибегая к различным формам социального отвлечения. При столкновении с трудными жизненными ситуациями белорусы центрируются

на страданиях, склонны погружаться в свою боль, испытывать нервное напряжение.

Белорусы более пассивно, чем россияне, воспринимают жизненные трудности. Впрочем, о пассивности («абыякавасці») белорусов как одной из основных особенностей менталитета пишут многие культурологи, философы, политики (Носевич, 1997; Данич, 2004; Мудрый, 2007), это подтверждается и нашим исследованием.

По показателям теста жизнестойкости у белорусского народа достаточно выраженными оказались определенные цели в жизни, они ориентированы на будущее, что придает их жизни осмысленность, направленность и перспективу движения. Высокие показатели жизнестойкости белорусов отражают их психологическую живучесть, что является психологической основой для позитивного мироощущения, превращает препятствия и стрессы в источник роста и развития.

Полученные в нашем исследовании данные подтверждаются исследованиями В.В. Кириенко, М.М. Колонтай, Ф. Кудринского, материалы которых говорят о том, что у белорусов ярко выражены коллективистские черты, выраженное неприятие неопределенности, боязнь рисковать, стремление к избеганию. В то же время белорусский народ является обладателем мощнейшего ключевого личностного национального ресурса – толерантности, которая помогала ему выстоять в страшные исторические периоды жизни (войны, теракты, катастрофы). Сложные социально-экономические условия сегодняшнего времени также эффективно преодолеваются белорусами во многом благодаря их внутреннему ключевому ресурсу – национальному толерантному характеру.

Станковская Е.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ГЕНЕЗ СУБЪЕКТА: ОПЫТ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Воспитание личностью собственного субъектного начала является важным императивом современной культуры: самополагание и самореализация, самоконтроль и самооценка выступают значимыми темами индивидуальной жизни. Проблема субъекта активно разрабатывалась в отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, В.А. Петровский и др.). Однако социальные изменения и бурное развитие психологической практики, происходящие в России в последние десятилетия, обуславливают новый всплеск интереса к этой теме.

В частности, в фокусе внимания оказываются вопросы формирования человека в качестве субъекта жизни и создания соответствующих эффективных психологических инструментов. Продуктивным контекстом для решения отмеченных задач, на наш взгляд, выступает новая персонология (В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко) с ее ориентацией на синтез теории, герменевтики и практики.

Обращение к интегральному теоретическому контексту позволяет увидеть четыре взаимосвязанных источ-

ника становления субъектного начала в индивидуальной жизни: культуру, отношения с другими людьми, отношение личности к себе и деятельность. Блестящий анализ культурогенеза форм субъективности представлен в работах М. Фуко. Им показано, как «забота о себе», поначалу тесно связанная с политикой и социальным статусом, постепенно превращалась в разветвленную систему техник, направленных на познание истины, раскрытие индивидуальности в поступках, занимаемых позициях, отношениях с другими людьми и с собой, – становилась практикой свободы европейского человека (Фуко, 1998; 2007). Перспективной также представляется деконструкция современного дискурса, осуществляемая в рамках нарративной психологии: эксплицированные М. Уайтом (2010) идеи «изолированного, инкапсулированного Я», «интернализующего» понимания, отождествляющего проблему и субъекта и т.д.

В онтогенезе отправной точкой зарождения субъектности выступают отношения с другими людьми. Значимые другие транслируют культурные формы и каноны субъектности, маркируют человека как источника соб-

ственных действий («Это ты сделал!»), вбирают и возвращают его личностные вклады, стимулируют рефлексию и запрашивают отношение к себе. В качестве особой формы субъектопорождающего взаимодействия могут быть рассмотрены различные виды психологического консультирования и психотерапии.

По мере взросления центральным, интегрирующим другие жизненные отношения становится отношение личности к себе (Старовойтенко, 2004). Человек не просто инициирует различные формы активности, но сам сознательно определяет себя в своих взаимоотношениях, становится избирательным в постановке целей. Именно посредством развития данного отношения индивидуум обретает новые пространства свободы – известную сте-

пень свободы не только от внешних обстоятельств, но и от самого себя.

Наконец, важным источником становления субъекта выступает деятельность с ее потенциальностью к самодвижению (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.А. Петровский). В процессе деятельности трансформируются не только материальные объекты, но и сам субъект: он «наталкивается» на свои неизвестные ранее свойства, накапливает избыточные возможности, обретает новые смыслы, овладевает собой.

Таким образом, в интегральном, междисциплинарном контексте постановка вопроса о генезе субъекта в индивидуальной жизни связана с раскрытием субъектопорождающих потенциалов культуры, отношений с другими людьми, отношения личности к себе и деятельности.

Старагина И.П.

Независимый научно-методический центр «Развивающее обучение», Харьков, Украина

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ В СЦЕНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Обращение к сценическому творчеству, а именно к его полной форме (замысел спектакля – написание сценария – постановка спектакля), оказывается продуктивным для открытия младшими школьниками «вероятностной» картины смыслов одного и того же словесного взаимодействия. При этом важным является то, что сценическое творчество есть творчество не одного человека, а «единого творческого организма» (взросло-детского сообщества). Именно взросло-детское сообщество, а не отдельный ребенок, обнаруживает новые, «скрытые» от него ранее смыслы и утверждает их в сценическом произведении, т.е. можно говорить о «движении» смыслов как о проявлении жизни такой культурной формы, как сценическое творчество (Старагина, 2010).

Мы поставили перед собой задачу выяснить, насколько «индивидуальны» смыслы, проявляемые в произведениях, создаваемых разными взросло-детскими творческими сообществами, и обязательна ли их динамика. В исследовании приняли участие 86 детей в возрасте 8–9 лет (три класса учащихся общеобразовательной школы) и трое взрослых (учителя).

Наблюдения охватили создание семи сценических произведений, в которых главным героем выступал один и тот же персонаж. Кроме метода наблюдения в исследовании применялся контент-анализ групповых письменных текстов (сценариев). Было выявлено, что смысловой контекст, в котором действует главный герой, в каждом взросло-детском сообществе оказался своеобразным. При этом в процессе создания спектаклей в каждом взросло-детском сообществе произошло движение смыслов, которое носило тоже специфический характер.

В одном взросло-детском творческом сообществе (группа А) были обнаружены такие смысловые контексты: в первом спектакле проявилось безусловное принятие главного героя близкими людьми (друзья); во втором спектакле при сохранении безусловного принятия глав-

ного героя близкими людьми (семья, друзья) наметилось критическое отношение со стороны «чужих» людей; в третьем спектакле обнаружилось критическое отношение к главному герою со стороны близких людей (семья) и условное принятие (оценка успехов) как «чужими», так и «близкими».

В группе Б смысловые контексты существенно отличались, начиная с первого спектакля, где кроме безусловного принятия главного героя близкими людьми (друзья), обнаружилось сразу и критическое отношение как со стороны близких, так и «чужих» людей, а также было проявлено и безучастное отношение к проблемам главного героя. Во втором спектакле все смыслы сохранились, но стало доминировать «безусловное принятие» со стороны близких. В третьем спектакле наметился «отход» от семьи и друзей. Главный герой стал действовать в совершенно «чужом» мире. При этом в отличие от сценария группы А, где важным для детей оказалось признание заслуг героя членами семьи, в сценарии группы Б прощание с героем происходит в момент признания его заслуг «чужими» людьми. Дети «привели» главного героя к независимости от семьи.

В первом спектакле в группе В господствует условное принятие главного героя близкими людьми (друзьями), главный герой в каждом из своих поступков защищен прочным «алиби». И только к последнему эпизоду дети позволяют главному герою действовать по неосторожности, по собственной неуклюжести и при этом остаться безнаказанным, т.е. в смысловом контексте обнаруживается безусловное принятие главного героя.

Исследование позволяет утверждать, что полученные вариативные картины смыслов, а также их динамика являются доказательством того, что в процессе сценического творчества взросло-детское сообщество выступает носителем индивидуальных смыслов, т.е. проявляет себя как индивидуальность в культуре.

Старовойтенко Е.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Перспективным направлением развития психологии личности является разработка новой персонологии как интегральной науки, изучающей личность в измерениях культуры, социума, жизни, «Я» и «Другого». Особая роль принадлежит культурному подходу, акцентирующему духовный, ценностно-творческий вектор познания и бытия личности.

Данный подход означает, во-первых, реализацию потенциала культуры при изучении личности, во-вторых, рассмотрение личности в ее жизненном воссоздании, обновлении культуры и саморазвитии на этой основе, в-третьих, обогащение культуры персонологическими идеями и практиками. «Культурная персонология» в единстве герменевтики, теории и практики является проектом модернизации моделей и технологий познания и консультирования личности в актуальном социально-экономическом контексте.

Парадигма культуры, развиваемая в персонологии, позволяет обратиться к множеству источников знаний о личности, по-новому соотнести и объединить известные теории личности, исследовать культурогенез идеи личности, открыть новые связи фундаментальной, экспериментальной и прикладной психологии личности, способствовать развитию «личностной культуры» в обществе.

Реализуется общий персонологический принцип интеграции разных исследовательских методов, разнообразных стилей мышления, эксплицитных и имплицитных концепций, различных консультативно-психотерапевтических традиций и новаций. «Интеграция» понимается как «применение в новой сфере», «включение в другой контент», «объединение», «обобщение», «синтез».

Ключевой проблемой разработки персонологии в парадигме культуры является обоснование и применение «метода персонологической интеграции культурного опыта». На наш взгляд, он предполагает:

– использование текстовых, образных, символических материалов литературы и искусства, максимально полно отражающих различные явления внутренней и внешней жизни личности;

– развитие «культурной феноменологии личности» на основе анализа и синтеза описаний индивидуальной личности, содержащихся в литературных текстах;

– извлечение из культурных источников научно значимых «фактов личности», связанных с качествами, типами, сознанием, бессознательным, особенностями жизни их героев и авторов.

– построение моделей личности путем синтеза положений тех философских и психологических концепций, которые являются достоянием гуманитарной культуры, основаны на реализации культурных предпосылок познания личности и содержательно соотносят «личностное», «жизненное», «культурное». В частности, концепций З. Фрейда, К.Г. Юнга, О. Шпенглера, Э. Мунье, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М. Фуко, М.К. Мамардашвили и др.;

– построение моделей «Я» творцов культуры на основе их рефлексивных текстов и синтез данных моделей с целью обоснования субъективного начала индивидуальной жизни и творчества. Авторами персонологически ценных рефлексивных текстов выступают М. Аврелий, А. Августин, П. Абеляр, Б. Челлини, Ф. Петрарка, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, К.Г. Юнг, С. Дали и т.д.;

– воссоздание культурно-исторической динамики идей, отражающей восхождение европейской мысли к личности. Построение и обобщение моделей, релевантных разным культурным эпохам и содержащих специфические и трансспективные характеристики личности;

– экспликацию из культурных источников оценочных и рефлексивных параметров идентичности личностей, взаимной репрезентации «Я» и «Других», уникальности и аутентичности личности;

– создание личностных психопрактик с учетом лучших исторических традиций поддержки человека человеком, с привлечением многообразных культурных инструментов, с постановкой экзистенциальной задачи развития связей личности с культурой.

– разработку концепций и моделей личности как носителя, автора и адресата культуры; исследования жизни, бытия-в-других, творческих вкладов личности в мире культуры.

Культурная персонология является наукой постижения и толкования, интерпретации и моделирования, понимания и объяснения, коррекции и развития личности. Характер данной науки отвечает ценностям многомерного взгляда на человека в области современной гуманитаристики.

Татарко А.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ*

Исследование социальных процессов, происходящих в поликультурном обществе, в частности, процессов взаимодействия культуры и экономики, показывает, что их детерминацию невозможно объяснить отдельными социально-психологическими факторами. Мы сталкиваемся с необходимостью рассматривать не набор, а целостную систему социально-психологических факторов, влияющих на развитие поликультурного общества. В социальных науках существует понятие, системно описывающее феномен социальной интеграции, способствующей развитию обществ, – это понятие «социального капитала». Особенно актуальным представляется исследование социально-психологических явлений, которые могут способствовать интеграции поликультурного общества, такого как, например, Россия.

Носителем, субъектом социального капитала является группа, социальный капитал, как ресурс группы, складывается из отдельных «вложений» людей. Что вкладывают люди в группу? Фактически, их вклад – это психологические отношения, которые можно определить как «социально-психологический капитал». Социально-психологический капитал отдельных людей, точнее их отношение как к группе в целом, так и к отдельным членам группы, окружению, на социетальном уровне приводит к возникновению таких характеристик общности, на основании которых и категоризируют группу как обладающую высоким социальным капиталом.

Но в основе этого социального капитала лежат особые отношения людей: отношение к ближайшему окружению (доверие, толерантность), отношение к общности в целом (воспринимаемый социальный капитал, социальное доверие), отношение к своей принадлежности к общности (идентичность). Все эти виды отношений являются социально-психологическим капиталом группы. *Они вкладываются в группу отдельными людьми, принадлежат в целом группе.*

Социально-психологический капитал – это ресурс психологических отношений, содержащийся в *социальных группах и доступный включенным в них индивидам. С авторской точки зрения, именно этот ресурс отношений является психологической основой для формирования со-*

циального капитала. Данный ресурс находит свое выражение в поведении (создание сетей, ассоциаций, самоорганизация), которое и трактуется как социальный капитал. Однако за таким поведением всегда стоят определенные отношения к группам как целостным субъектам, отдельным представителям данных групп и собственному членству в этих группах (социальная идентичность).

В заключение сформулируем основные теоретические положения, разработанные автором в результате теоретического анализа проблематики.

1. Социально-психологический капитал поликультурного общества включает в себя такие компоненты, как: доверие (межличностное, социальное, институциональное), гражданскую идентичность личности (такие ее характеристики, как выраженность и позитивность) и толерантность к культурному и этническому разнообразию.

2. Основными детерминантами социально-психологического капитала являются две группы факторов, источники которых лежат внутри и вне индивида. Внутренний фактор – это индивидуальные ценности, формирующиеся в процессе воспитания и социализации. Внешний фактор – это воспринимаемый социальный капитал, на основе которого индивид принимает решение о размере вложения собственного ресурса отношений в интеграцию и развитие социальной общности.

3. Помимо ценностей и воспринимаемого социального капитала, важной детерминантой социально-психологического капитала является этническая культура. Поэтому в поликультурном обществе существуют различия в выраженности различных компонентов социально-психологического капитала у представителей разных этнических групп.

4. Социально-психологический капитал осуществляет регулятивную функцию по отношению к психологическим явлениям, регулирующим поведение индивида, – представлениям и установкам. Т.е. существует связь между компонентами социально-психологического капитала, социально-экономическими установками и представлениями. При этом у различных этнических групп поликультурного общества характер данной связи может быть разным.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-06-00570а.

Уруджева И.Ш.

Новгородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Российская Федерация является многонациональным государством. Специфику современной полиэтнической среды России определяют не только проживающие здесь испокон веков народы, но и миграционные потоки людей из бывших союзных республик. Поэтому становится актуальным вопрос о формировании межэтнической толерантности как у мигрантов, так и у местных жителей. Развитие межэтнической толерантности зависит во многом от психологической адаптации мигрантов, от индивидуальных особенностей взаимодействия их с коренным населением в новой социальной среде, в результате которого создаются оптимальные условия не только для приспособления, но и для реализации личностью ее потребностей, целей и ценностей.

Динамические характеристики адаптации определяются индивидуальными (возраст, пол, образование; мотивация и ожидания индивида) и групповыми факторами, к которым относятся: степень сходства или различий между культурами; особенности культуры, к которой принадлежат переселенцы; особенности стран пребывания.

Нами с профессором Т.И. Чирковой было организовано исследование социально-психологических условий успешной адаптации мигрантов с Кавказа к новой среде. Результаты исследования свидетельствуют о частичном обособлении представителей Кавказа от местных жителей, об их определенной автономности, отсутствии у некоторых из них стремления к интеграции с доминирующим этносом.

Для большинства мигрантов с Кавказа характерна частичная ассимиляция: на работе, на учебе и при общении с местными жителями они руководствуются нормами, требованиями другой (доминирующей) культуры, а в семье, на досуге, в религиозной сфере – нормами своей

традиционной культуры. Отношения молодых и взрослых респондентов к местным жителям различаются. Для 52% молодежи желательно и возможно принятие местных жителей как личных друзей, а для 40% взрослых респондентов – принятие как соседей, что понимается неоднозначно: либо мигранты тесно общаются с соседями, и это доставляет им удовольствие; либо мигранты воспринимают соседство как неизбежность и избегают близких контактов с соседями. Некоторые молодые респонденты демонстрируют чувство превосходства при общении с местным населением. Также молодежь не готова принимать местных жителей как близких родственников посредством брака. Очень часто это связано с тем, что следование традициям предполагает заключение брака с представителями своей национальности.

Наше исследование показало, что процесс адаптации сопровождается различными явлениями, вызывающими этническую толерантность или интолерантность у мигрантов в межкультурном взаимодействии. Это, в свою очередь, указывает на необходимость особого внимания к развитию толерантных отношений между людьми, проживающими на одной территории и принадлежащих к разным этносам, при сохранении самобытности каждой культуры и каждого этноса в отдельности.

Помощь, которую психолог должен оказывать мигрантам, может выглядеть следующим образом: 1) психологическая помощь (диагностика, профилактика, коррекция, консультация, просвещение); 2) профориентационная помощь (выбор профессии, содействие в трудоустройстве); 3) реабилитационная помощь (комплекс мероприятий, направленных на освобождение людей от стресса и кризиса, вызванных сменой места жительства, негативным опытом взаимодействия с представителями другого этноса).

Фофанова Г.А.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА ПИДЖИНИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ САМОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР

Диалогическая самость субъекта образовательной субкультуры рассматривается нами как динамическое знаково-символическое проявление уникальности субъекта, представленное в виде континуального взаимодействия Я-позиций личности, манифестирующееся в диалоге с реальным или воображаемым Другим, опосредованное языковыми практиками и воплощенное в тексте определенной нарративной конфигурации, интердетерминированное ситуативными, субкультурными, общекультурными и социальными переменными, а также событиями личностной истории субъекта. Основным медиатором проявления диалогической самости в контексте образова-

тельных субкультур выступает язык, используемый субъектами при конструировании повествований, связанных с собственным опытом пребывания в мире.

Образовательная субкультура направлена на формирование определенного типа мышления у принадлежащих к ее пространству субъектов. Она целенаправленно осуществляет данный процесс с помощью специально организованных образовательных практик и сталкивается с рядом сложностей, так как любое изолированное пространство рано или поздно оказывается перед лицом собственной предельности – ситуации, когда ощущается недостаток внутренних ресурсов для создания непротиво-

речивой концепции мира. В первую очередь, с этим сталкиваются субъекты институциональной принадлежности (в нашем исследовании – студенты высших учебных заведений), осознающие нехватку ресурсов и объяснительных моделей, необходимых для познания и понимания как окружающего, так и внутреннего мира.

В условиях субкультурного деления необходимо возникновение и существование специфических речевых практик, используемых для достижения взаимопонимания субъектов внешнего и внутреннего диалога. Данные практики могут рассматриваться как содержащие в себе отпечатки механизмов, поддерживающих функционирование диалогической самости. К ним относятся механизм пиджинизации, реализующийся в упрощении способов передачи содержания для достижения минимального уровня взаимопонимания субъектов коммуникации. Его проявления, в первую очередь, фиксируются в пространстве нарративного повествования субъекта, в результате чего содержание повествования редуцируется к более простым формам, содержащим общедоступный опыт и средства трансляции содержания минимальной сложности, представленные в обеих пограничных субкультурах и

основной культуре. Существует и механизм креолизации, который характеризуется усложнением изначально примитивных форм манифестации содержания повествования, с целью обогащения опыта субъектов диалогического взаимодействия и, как следствие, расширения протяженности зоны взаимного обмена, присутствующей между субкультурами, вступающими в контакт.

С нашей точки зрения, результатом работы механизмов пиджинизации и креолизации может являться достижение взаимопонимания и согласованности действий участников диалогического контакта. Данные механизмы выступают как в качестве инструмента социализации, так и в роли источника поддержания внутренней стабильности и целостности диалогической самости субъекта коммуникации. Тем не менее, изменения социокультурной среды, состоящие в возрастающем объеме Интернет-коммуникации, сворачивании гуманитарного блока в рамках образования, временном сжатии и интенсификации процессов информационного обмена, на наш взгляд, приводят к доминированию механизма пиджинизации, что не может не сказываться на глубине и содержательности коммуникации, познания и самопознания субъекта.

Харитонова Т.Ю.

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Савенко Е.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Современное искусство – явление достаточно сложное и многогранное. Как и все остальные продукты человеческой деятельности, оно выражает внутренний мир индивида, создающего или воспринимающего произведение искусства. Неопределенность стимула, предлагаемого зрителю современным изобразительным искусством, делает и самого художника интерпретатором своего произведения, и зрителя – интерпретатором и творцом в акте художественного восприятия. При этом индивидуальность человека может проявляться по-разному в ситуациях неопределенности: с положительной или отрицательной стороны, возможны конфликты между различными сторонами индивидуальности (Шадриков, 2010).

Нефигуративность современного, особенно концептуального искусства позволяет исследовать факторы, связанные с внутренним миром личности, т.е. с ценностями, личностными проблемами, психодинамикой, смыслами. Смысл характеризует место и роль чего-либо в контексте жизненного мира субъекта, процессы циркуляции смыслов во взаимоотношениях личность – культура и личность – личность задают и наполняют смысловое поле индивидуальности (Леонтьев, 2001).

Проведение исследования на выставке из парижского Центра Помпиду в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга (2010) позволило нам сделать вывод о том, что восприятие произведений современного искусства становится для зрителя решением проблемы смысла, удержи-

вая вынесение эстетической оценки. Решение проблемы смысла мы определяем как творчество зрителя, возможное только при осознании всех аспектов процесса восприятия, в том числе и «организменных реакций» (Роджерс, 2007). Опыт восприятия и осознания современной фотографии, выразившийся в интерпретации экзистенциальной тематики, стал предметом нашего исследования, которое мы провели на выставке современной фотографии «Анни Лейбовиц. Жизнь фотографа» (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 2011).

Использование междисциплинарного среднего подхода позволило нам провести исследование творческой индивидуальности современного художника. Предметом исследования стало выражение психологических особенностей дизайнера в дизайн-проектах современных интерьеров. Совмещение проективных методов и психологических тестов помогло нам выделить и соотнести психологические особенности авторов интерьеров и особенности дизайн-проектов.

На основании проведенного исследования были сделаны выводы о выражении психологических особенностей дизайнера в продукте его творческой деятельности, который используется заказчиком для удовлетворения жизненных потребностей. Дизайн интерьера современного человека обладает своими личностными особенностями, сосуществующими с личностными особенностями обитателя дома (Менегетти, 2010).

Наше окружение потенциально представляет собой наиболее могучую форму произведения искусства из всех, что мы можем воспринять в жизни. Принесет ли оно с собой болезнь или излечение, зависит от всех тех, чьи решения и действия придадут форму окружению человеческого существа (Дэй, 2000).

Интеграция исследований в области психологии восприятия современного искусства и психологии творческой личности позволяет использовать междисциплинарный средовой подход для психологических исследований индивидуальности в современном искусстве.

Хотинец В.Ю.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

БУЛЛИНГ И ВИКТИМИЗАЦИЯ В ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ*

Буллинг (от англ. bully – запугивать) – агрессивное преследование одного из членов группы со стороны других (одного или части группы). Это подтип агрессивного поведения, при котором человек или группа неоднократно нападают, оскорбляют, и/или изолируют беззащитного человека (Salmivalli, 2010). Виктимизация (лат. victim – жертва) – процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства.

Большинство зарубежных исследований по данной проблематике ориентировано на изучение запугивания среди учащихся школы (Boulton, Smith, 1994; Olweus, 1978; Salmivalli, Lagerspetz, Bjorkqvist, Osterman, Kaukiainen, 1996; Veenstra et al., 2005), детей в детских дошкольных учреждениях (Alsaker, Nagele, 2008).

Отечественная наука позволяет рассматривать проблемы буллинга и виктимизации в образовательном пространстве в границах теоретических позиций (Руденский, 2002): «дефект социализации личности» (Е.В. Руденский, Г.Г. Шиханцев), «личность как жертва социализации» (А.В. Мудрик), «неблагоприятные результаты социализации – деперсонализация, дереализация, дезинтеграция, деиндивидуализация» (Е.Ю. Боброва), «деформация личности» (А.А. Бодалев, М.Ю. Кондратьев, А.А. Маркова, Е.И. Рогов), «технологический дефект социализации» (Е.Ю. Боброва), «дефект воспитания личности» (А.Б. Орлов) – все эти феномены отражают своего рода «издержки» (В. И. Загвязинский) современного российского образования.

Так, с позиций Е.В. Руденского, буллинг и виктимизация могут быть рассмотрены как «результат дефицитарности интерактивной системы образования, которая детерминирована дефицитами субъектных и профессионально-педагогических качеств личности учителя, необходимых для решения социально-педагогических задач социализации личности учащегося в образовательном процессе школы, и дефицитами социально-психологических потенциалов личности учащегося».

Однако на сегодняшний день рассматриваемые процессы не включены в проблемное поле этнической и кросскультурной психологии (Хотинец, 2012). Так, по ре-

зультатам опросов учителей города Ижевска Удмуртской республики обнаружены некоторые факты длительного (повторяющегося) физического или психологического насилия над детьми из этнических меньшинств (удмурты (титульный народ), кавказские диаспоры) со стороны одноклассников, принадлежащих к доминантному народу (русские). Кроме того, в ходе обследования учеников выявлен буллинг и в отношениях между учителями и учащимися, принадлежащими к разным этническим группам.

Неутешительны факты того, что среди учителей обнаружены и такие полярные типы, как «булли-садист» (Twemlow, Fonagy, Sacco, Brethour, 2006; Кон, 2006), получающий удовольствие от злоупотребления властью над детьми (в основном учителя русской этногруппы), и беспомощная «жертва булли» (учителя, принадлежащие к этногруппе меньшинства). Здесь процессы буллинга и виктимизации необходимо изучать в аспекте межличностной перцепции на границе разных культур.

При решении этих вопросов непременно нужно учитывать социально-психологические подходы, в частности, к изучению содержания и функций социальных стереотипов (D. Katz, K. Braly; H. Tajfel; H.C. Triandis); межкультурного опыта в уменьшении числа негибких этноцентристских установок, фиксированных стереотипов, предубеждений и дискриминации (S. Bochner, R.W. Perks; J.A. Vornberg, R.T. Grant); атрибутивных процессов, психологического высвобождения как важных механизмов противодействия для членов негативно стереотипируемых групп (B.N. Major, A. Spenser, T. Schmader, R.A. Wolfe, J. Crocker; F.M. Moghaddam, D.M. Taylor, W. Lambert, A.E. Schmidt); связи стереотипов с поведенческими реакциями (L. Lepore, R. Brown) и др.

Надо полагать, отечественная этническая и кросскультурная психология (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.В. Гриценко и др.), концепция этнической индивидуальности (В.Ю. Хотинец) становятся теоретико-методологической основой в исследовании проблем буллинга и виктимизации в интеркультурной ситуации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ (проект № 12-16-18001а).

Шаринова М.Ё.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

На данный момент в психологической науке взаимосвязь этнокультурной идентичности и субъективной картины жизненного пути (далее СКЖП) является мало исследованной областью.

Между тем, эта тема представляет большой научный и практический интерес, в особенности для многонациональных стран, ведь одна из их наиболее значимых задач – это обеспечение спокойной жизни населения, а в качестве фактора, способствующего облегчению внутригосударственных взаимоотношений, выступают знания и учет психологических особенностей этого населения, в том числе знания о СКЖП в зависимости от этнокультурного фактора.

Изучение особенностей СКЖП личностей с различной этнокультурной идентичностью является важным моментом в осмыслении своеобразия поведения, общения, ценностных ориентаций представителей того или иного этноса, ведь этническая культура детерминирует сознательно-поведенческие характеристики человека, определяя целостность личности, которая внешне проявляется в субъективной картине жизненного пути.

Таким образом, целью нашего исследования было изучение этнокультурных особенностей СКЖП. В нем приняли участие 150 человек, 75 русских и 75 таджиков.

Для выявления особенностей СКЖП были выбраны методики: «Оценивание пятилетних интервалов» (Е.И. Головаха, А.А. Кроник), «Психологическая автобиография» (Е.Ю. Коржова), «Семантический дифференциал времени» (Л.И. Вассерман), «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) и опросник «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд).

По уровням этнокультурной идентичности выборка была условно разделена на 3 группы – респонденты с низким, средним и высоким уровнями. Для этого респондентам была предложена составленная нами анкета «Этнокультурная идентичность», которая включает вопросы на

знание языка, идентификацию со своей этнической группой, знание и следование ее культуре.

Полученные в ходе исследования результаты позволили заключить, что:

1. Национальность оказывает существенное влияние на выраженность различных компонентов СКЖП: русские отличаются тем, что у них больше значимых жизненных ожиданий и нереализованного творческого потенциала, и им более свойственно считать свою жизнь продуктивной; таджики же психологически моложе своего хронологического возраста и считают планы прошлого более реализованными. Им также более свойственно брать на себя ответственность за различные жизненные ситуации, происходящие с ними, чем русским.

2. Национальность также влияет на структуру показателей СКЖП: структура СКЖП русских и таджиков отличается степенью интегрированности (у русских более интегрированная), у русских осмысленность и контролируемость жизни связана со временем и мало связана с событиями. У таджиков мы наблюдаем противоположную ситуацию (осмысленность связана с конкретными жизненными событиями и почти не связана с оценкой параметров времени).

3. Совместное влияние факторов национальности и пола выявило различие в таких характеристиках СКЖП, как: психологический возраст, количество грустных событий, реализованность и удовлетворенность жизнью, ответственность (в разных сферах).

4. Фактор этнокультурной идентичности также детерминирует выраженность некоторых психологических характеристик и структуру связей в СКЖП. Чем выше уровень этнокультурной идентичности, тем меньше интегрированность СКЖП.

Таким образом, этнокультурная идентичность является одним из важных факторов формирования субъективной картины жизненного пути личности.

Раздел 6

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СОЦИУМ

Алексеева О.С., Козлова И.Е.

Психологический институт Российской академии образования, Москва

ВЛИЯНИЕ ПОЛА И ПОРЯДКА РОЖДЕНИЯ НА КОГНИТИВНОЕ И ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ

В литературе широко обсуждается вопрос о влиянии пола на когнитивное развитие. Считается, что у мужчин лучше пространственные способности и они имеют более высокие результаты при решении математических задач, чем женщины. Женщины превосходят мужчин по вербальным способностям. Исследования различий по показателю IQ более противоречивы.

В большинстве работ не было обнаружено различий между мужчинами и женщинами по коэффициенту интеллекта, однако есть данные, что по некоторым тестам интеллекта мужчины превосходят женщин в среднем на 5 баллов (Линн, 2010). Различия по показателю IQ связывают со многими факторами, в частности с порядком рождения. Например, было показано, что мальчики, которые являются старшими сиблингами, имеют более высокий интеллект, чем мальчики – младшие сиблинги (Bjerkedal, Kristensen, 2007).

Что касается половых различий по характеристикам личностной сферы, то большинство исследователей сходятся на том, что данные различия стабильно выявляются на разных возрастных этапах и в разных культурных выборках (Fiengold, 1994, McCrae, Costa 1984).

В кросс-культурном исследовании, проведенном в шести странах, было показано, что женщины демонстрируют более высокий уровень невротизма, доброжелательности и сознательности, в то время как мужчины более экстравертированы (Fiengold, 1994).

В более крупном кросс-культурном исследовании установили, что у женщин более выражены такие личностные показатели, как нейротизм, доброжелательность и открытость чувствам, тогда как мужчины более уверены в себе и демонстрируют более высокий уровень открытости идеям (Costa, 2001).

Цель данного исследования – проанализировать влияние порядка рождения и пола на когнитивное и личностное развитие. В исследовании приняло участие 307 полных семей, имеющих двоих детей, разница в возрасте между которыми не превышает 5 лет. Исследование интеллектуального развития проводилось с помощью теста Векслера. В диагностике показателей личностной сферы использовались: тест Айзенка (EPI) в адаптации Русалова (1992); тест-опросник уровня субъективного контроля (Бажин и др., 1993); шкала поиска ощущений Заккермана (адаптация: Егорова, Пьянкова, 1992).

Результаты. На всей выборке различий между мальчиками и девочками по выполнению субтестов теста Векслера и по вербальному, невербальному и общему интеллекту обнаружено не было.

Проведенное сравнение с помощью метода ANOVA выявило значимые различия между девочками и мальчиками по уровню невротизма: девочки более невротичны, чем мальчики. Дисперсионный анализ показал, что самый низкий IQ среди всех старших детей имеют старшие сиблинги девочки, у которых младший сиблинг мальчик. А самый высокий невербальный интеллект наблюдается в парах, где оба сиблинга девочки. По показателю вербального интеллекта значимых различий выявлено не было. Анализ совместного влияния таких двух переменных, как пол и порядок рождения, показал, что девочки независимо от того, в каких они парах находятся – разнополых или однополых – и независимо от порядка рождения более невротичны.

В то же время для мальчиков в разнополых парах порядок рождения является значимым фактором: если мальчик является старшим в такой паре, то он менее невротичен по сравнению с младшим.

Стоит также отметить тот факт, что самые низкие значения по уровню невротизма имеют старшие братья, как в разнополых, так и в однополых парах, тогда как самые

высокие показатели по невротизму – у младших сестер из разнополых и однополых пар.

Баёва Е.А.

РосБизнесКонсалтинг, Москва

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современное общество все больше лишается абсолютной власти трансцендентных оснований, представленных политикой, этикой, религией. Данные процессы открывают новые возможности для индивидуализации современного человека, освобождающегося от давления коллективной социальной реальности, в которой индивидуальное многообразие редуцируется до всеобщего начала. Социальная жизнь становится подобной «броуновскому движению», где индивиды движутся по собственной жизненной траектории, самостоятельно конструируя биографические проекты.

В этих условиях актуализируется понятие «сообщество», противопоставляющее понятию «коллективная общность» как высшей субстанции понятие «сингулярность». Коллективная общность заменяется сообществом – своеобразным стержнем, который присутствует в структуре любого общества независимо от уровня его организации. При этом сообщество состоящее из сингулярностей, не представляет собой атомизацию индивидов и дезинтеграцию важнейших социальных механизмов.

Наиболее широко раскрывают смысл современного сообщества понятия «бытие-вместе» Ж.Л. Нанси и «бытие-обществом» Г. Зиммеля, в которых отражен механизм самотрансценденции (Нанси, 2009; Зиммель, 1996).

У Ж.Л. Нанси «бытие-вместе» становится возможным благодаря склонности индивидов к совместному существованию и их коммуникации между собой. В сообществе подчеркивается сингулярность индивида, которая уравновешивается его психофизиологическим стремлением к коммуникации. Сообщество — это самотрансценденция индивида, его экстатичное состояние, когда значимой частью феноменального поля становится Другой. Внутри сообщества рождается истинное социальное бытие. Сообщество объединяет индивидов как множество Его в «единое Его», или «высшее Мы».

С утратой трансцендентных оснований современное сообщество становится непроектируемым, незавершен-

ным, становящимся, связанным с прерыванием, различием, сингуляризацией индивидов. В своем сингулярном бытии индивидуальность остается, с одной стороны, различимой, с другой, частью сообщества.

Здесь целесообразно зафиксировать дуалистический момент, связанный с отношением сингуляризации социального пространства и идеальных конструкций. Влияние идеальных сущностей, интегрирующих индивидов существенно нивелируется, но сохраняется, а индивид становится ведущим элементом организации социального пространства.

В дуалистической социальной онтологии Г. Зиммеля осуществлен синтез психологизма и трансцендентализма, согласно которой под покровом коллективного сознания скрываются бесчисленные повседневные взаимодействия людей, наполненные индивидуальным смыслом. Общество – это процесс взаимодействия, становление «бытие-вместе», берущего начало в чистом потоке жизни. «Бытие-обществом» как процесс становления, совершается в индивидах (различиях), в виде частных процессов синтеза. Общество трактуется Г. Зиммелем по аналогии с развитием жизненных процессов, идейный замысел которых он почерпнул у А. Бергсона. Становление общества осуществляется в постоянной самотрансценденции, в процессе которой социальная жизнь под воздействием актуальных событий приобретает обновленное содержание, значения, смыслы.

Таким образом, развитие современного общества сопровождается его самотрансценденцией, выступающее катализатором процессов индивидуализации. В самотрансценденции раскрывается креативный потенциал индивидов, который разрушает субстанциальность и управляемую централизацию коллективной общности. Индивидуальное бытие становится первичным и выступает источником идеальных образований (общества, государства, экономики).

Башкин М.В., Кирюхина В.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

СВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СО СТИЛЕМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ*

Роль семьи для ребенка несравнима по своей силе ни с какими другими социальными институтами, поскольку

именно в семье формируется и развивается личность, происходит овладение ею социальными ролями, необходимы-

* Работа выполнена при поддержке ГК №14.740.11.0238 в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

ми для успешной адаптации в обществе. Семья выступает как первый воспитательный институт, связь с которым человек ощущает на протяжении всей своей жизни.

Различные стили семейного воспитания по-разному влияют на формирование и развитие личности ребенка. Данная проблема широко отражена в работах Л.С. Алексеевой, Л.И. Божовича, М.А. Галагузовой, Т.А. Куликовой, С.В. Ковалева, В.И. Титаренко, В.В. Ткачевой и других ученых.

Целью нашего исследования было выявление связи тревожности младших школьников со стилем семейного воспитания. Актуальность рассмотрения данного вопроса обусловлена увеличением в детской популяции числа тревожных детей. Отметим, что тревожность является индивидуальной психологической особенностью, проявляющейся в склонности человека к переживаниям, опасениям и беспокойству.

В исследовании приняли участие 78 человек: 30 младших школьников и 48 родителей. Нами был использован следующий психодиагностический инструментарий: методика PARI (Е.С. Шеффер, Р.К. Белл; в адаптации Т.В. Нещерет); тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин); проективная методика для диагностики школьной тревожности (А.М. Прихожан); рисунок семьи.

На основе проведенного корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) нами было установлено, что авторитарный стиль воспитания в семье связан с такими показателями, как «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка» ($r = 0,579$; $p = 0,001$), «Излишняя концентрация на ребенке» ($r = 0,515$; $p < 0,01$), «Подавление воли» ($r =$

$0,512$; $p < 0,01$), «Ощущение самопожертвования» ($r = 0,457$; $p < 0,01$), «Подавление агрессии» ($r = 0,445$; $p < 0,05$), «Раздражительность» ($r = 0,444$; $p < 0,05$), «Сверхавторитет родителей» ($r = 0,413$; $p < 0,05$), «Чрезмерная забота» ($r = 0,398$; $p < 0,05$), «Доминирование матери» ($r = 0,347$; $p < 0,05$), «Излишняя строгость» ($r = 0,368$; $p < 0,05$).

Выявлено, что демократический стиль воспитания в семье связан с такими показателями, как «Зависимость от семьи» ($r = 0,564$; $p < 0,01$), «Подавление воли» ($r = 0,537$; $p < 0,01$), «Излишняя концентрация на ребенке» ($r = 0,534$; $p < 0,01$), «Чрезмерная забота» ($r = 0,457$; $p < 0,01$), «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка» ($r = 0,444$; $p < 0,05$), «Опасение обидеть» ($r = 0,426$; $p < 0,05$), «Подавление сексуальности» ($r = 0,439$; $p < 0,05$), «Доминирование матери» ($r = 0,409$; $p < 0,05$), «Развитие активности ребенка» ($r = 0,394$; $p < 0,05$), «Исключение внесемейных влияний» ($r = 0,38$; $p < 0,05$), «Ощущение самопожертвования» ($r = 0,373$; $p < 0,05$), «Уклонение от конфликта» ($r = 0,337$; $p < 0,05$).

Результаты эмпирического исследования позволили нам сделать вывод, что в случае использования авторитарного стиля воспитания обоими родителями ребенок не испытывает тревожности, поскольку родители ведут себя одинаково. В том же случае, когда один из родителей применяет авторитарный стиль воспитания, а другой придерживается демократического стиля, у ребенка формируется тревожность. Подчеркнем, что результаты проведенного исследования служат основой для организации нами коррекционно-развивающей работы с тревожными детьми и их родителями.

Бескова Т.В.

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, Саратов

КРИТЕРИИ «ОТБОРА» ОБЪЕКТОВ И ПРЕДМЕТОВ ЗАВИСТИ

Одним из механизмов формирования зависти является социальное сравнение. Еще Ф. Бэкон, внесший значительный вклад в понимание социально-психологической природы данного феномена, отмечал, что «в зависти всегда таится сравнение; а где невозможно сравнение, нет и зависти». В современной психологической литературе достаточно часто постулируется неразрывность двух элементов негативного социального сравнения – осознания превосходства Другого и своего более низкого положения. Однако, на наш взгляд, наиболее важным в понимании механизмов возникновения зависти, является разделенность этих двух составляющих процесса социального сравнения – не всякое осознание превосходства Другого ведет к негативным эмоциям и к снижению собственной самооценки. В соответствии с чем должны существовать некие психологические «фильтры», определяющие, эмоциональные последствия какого знака будут иметь место в результате сравнения и будет ли происходить снижение самооценки субъекта или нет. Одни из таких «фильтров» проводят селективный отбор объектов и предметов превосходства Другого. Отбор объектов происходит по двум критериям.

1. Степень психологической близости между субъектом и превосходящим его объектом сравнения. Завистник, как правило, сравнивает свое положение, свои достижения со статусом людей, близко стоящих на социальной лестнице. Чем короче социальная дистанция (объективная или представляемая), тем выше вероятность возникновения зависти. Объектами зависти чаще всего становятся родственники, сверстники, коллеги, добившиеся успеха, получившие признание, имеющие таланты и т.д. (Архангельская, 2004). В исследовании А. Тессера и М. Миллара (1998) показано, что чем более близким является для субъекта объект сравнения, тем более сильные отрицательные эмоции возникают у него в том случае, когда он оказывается хуже него по значимому параметру.

2. Размерность целого, частью которого осознает себя человек («Я как часть целого»). Человек, помещая себя в центр картины мира, определяет контуры своего «Я», диаметр которых может весьма сильно варьироваться (от «только Я» – «Я и семья» – «Я и друзья» – «Я и коллеги» до «Я и общество»). В зависимости от размерности того целого, частью которого человек себя представляет, и определяются границы завистливого/независтливого

отношения – чем шире эти границы, тем превосходство меньшего количества людей будет ассоциироваться со своим более низким положением.

Отбор предметов также осуществляется по двум критериям.

1. Степень значимости для субъекта сравниваемых параметров. Предметом зависти скорее будет являться то, что входит в идеальный конструкт жизни человека. То, что не значимо и не ценно, к чему у человека нет «пристального интереса», не вызывает завистливого отношения. Зависть словно «маркирует» значимые для человека предметы, при этом вовсе не подразумевая их абсолютной ценности для других людей и человечества в целом.

2. Степень различия по тому или иному параметру между субъектом и объектом сравнения. К. Муздыбаев, изучая завистливое отношение к успеху и везению, показывает, что в ситуации удачливого выигрыша в лотерею завистливые аттитюды возрастают по мере того, как увеличивается величина выигрыша (Муздыбаев, 2002). Иначе говоря, большее везение вызывает и большую досаду. На наш взгляд, это касается не только ситуации везения – желание «одинаковой судьбы» с объектом превосходства, входящим в круг ближайшего окружения, имеет место быть и при объективных достижениях.

Кроме «фильтра», осуществляющего отбор объектов и предметов зависти, известен и ряд других, не позволяющих ассимилировать негативный результат социального сравнения в пониженную самооценку.

Бойко М.С.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА ВЗРОСЛЫХ

Возрастная психология взрослых представляет собой сравнительно новый раздел психологической науки. Несмотря на проведение множества эмпирических исследований, осуществленных на «взрослой» выборке, существование теорий и различных схем, часто имплицитно подразумевающих попытки описания закономерностей развития взрослого человека, сам феномен взрослости остается малоизученным.

Целью нашего исследования является рассмотрение взаимосвязи психологического и хронологического возрастов взрослых. Под психологическим возрастом мы понимаем те психофизиологические, психологические и социально-психологические изменения, которые происходят в психике человека. В своей работе мы придерживаемся концепции, предложенной Ю.Н. Карандашевым (1991, 1997). Разработанная им возрастная функционально-стадиальная периодизация онтогенетического развития синтезирует попытки многих исследователей найти общий закон психического развития. Она основана на соотношении между возрастными стадиями и психическими функциями, то есть предметом периодизации является психика человека, которая «выступает как совокупность определенным образом организованных функций, развертывающихся по мере развития человека» (Карандашев, 1991).

На основе данной модели онтогенетического развития с целью изучения взаимосвязи психологического и хронологического возрастов взрослых нами был разработан тест-опросник «Психологический возраст личности». В обследовании приняли участие 89 человек в возрасте от 14 до 47 лет обоего пола с разным образовательным уровнем, ведущим видом деятельности, семейным положением, количеством детей. Анализ результатов исследования позволил выявить умеренную степень соответ-

ствия психологического и хронологического возрастов (59%) у данной выборки испытуемых. 30% респондентов проявили себя старше и 11% младше своего психологического возраста, что, с одной стороны, свидетельствует о значительной гетерохронности развития взрослых людей, с другой – о сложности его социальной ситуации.

Выраженная тенденция опережения психологическим возрастом хронологического обнаружена среди лиц: мужского пола; хронологического возраста ранней зрелости; с базовым и высшим образованием; ведущих трудовую деятельность; состоящих в браке; с одним ребенком. Отставание психологического возраста от хронологического наблюдается преимущественно у лиц: мужского пола; хронологических возрастов ранней и поздней зрелости; с незаконченным высшим образованием; ведущих трудовую деятельность; не состоящих в браке; с двумя детьми.

Соответствие рассматриваемых возрастов отмечено среди респондентов: женского пола; подростково-юношеского хронологического возраста, а также хронологических возрастов средней и поздней зрелости; без образования, со средним, средним специальным и высшим образованием; ведущих учебную деятельность; не состоящих в браке; с тремя и четырьмя детьми, а также без детей, с одним и двумя детьми.

Результаты проведения факторного анализа подтвердили преимущественное соответствие психологического и хронологического возрастов респондентов подростково-юношеского хронологического возраста, а также хронологических возрастов средней и поздней зрелости, и несоответствие – у испытуемых хронологического возраста ранней зрелости, что связано, на наш взгляд, с преимущественной психологической сложностью кризиса самоопределения.

Болотова А.К.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВРЕМЯ КАК КРИТЕРИЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К СОЦИУМУ

Адаптацию в широком смысле трактуют как процесс приспособления деятельности человека в изменившихся условиях существования, как процесс активного взаимодействия личности и среды, активного приспособления к индивидуальным условиям жизнедеятельности, осуществляемым в пространстве и во времени.

Характер адаптационных приспособлений, их временные пределы и этапы связаны, прежде всего, с развитием субъективного чувства времени, адекватными временными восприятиями, а также со стилем и способами организации жизнедеятельности человека в соответствии с временными типологиями индивидуальности (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.К. Болотова, Л. Зайверт).

Адаптация индивида к неблагоприятным воздействиям социальной среды приводит не только к сдвигам физиологических систем организма и его психического состояния, но и к нарушениям социализации личности в социуме. Однако адаптация осуществляется как процесс, протекающий во времени, и поэтому все эти изменения имеют различные временные характеристики и связаны с определенными временными моментами, этапами ограничений или повышенных требований к человеку и способам организации его деятельности.

Смеем предположить, что адаптация, как и всякий процесс, имеет свою динамику и протекает как развернутый процесс распределенных во времени и последовательно сменяющих друг друга этапов самореализации личности в новых, изменяющихся или резко изменившихся условиях деятельности. При этом важно отметить, что процесс адаптации не всегда представляется непрерывным, зачастую это дискретный во времени процесс, прерванный в ситуации дезадаптации. Здесь могут иметь место и кратковременные «возмущения», предполагающие ситуативную адаптацию. При этом некоторые исследователи полагают, что в процессе общей и ситуативной адаптации можно

выделить три последовательно протекающих временных периода: 1) адаптационное напряжение; 2) адаптационная стабилизация; 3) адаптационное утомление (Ф.Б. Березин, Г. Селье, А.Б. Леонова).

Представленный нами анализ различных подходов к выделению и описанию этапов и периодов адаптации личности к социуму показывает, что все они, так или иначе, раскрывают временные пределы и сроки наступления адаптированности. По нашему мнению, важным критерием адаптированности к социуму выступает временной критерий. Можно сформулировать четыре основных временных критерия адаптации индивидуальности к социуму.

1. Успешность деятельности и так называемый жизненный успех (карьерные успехи, межличностные отношения, удовлетворенность жизнью).

2. Способность своевременно избегать и устранять ситуации угрозы в деятельности и психологической безопасности.

3. Рациональное целеполагание и перераспределение жизненных стратегий во времени.

4. Осуществление деятельности и принятие решений в оптимальных временных пределах (сроках).

Интересно отметить, что ряд психологов на Западе выделяет в качестве значимого фактора адаптации так называемый жизненный успех (*Lebenserfolg*), который стоит несколько выше удовлетворенности жизнью в целом (*Lebenszufriedenheit*) и профессиональной удовлетворенности (*Berufszufriedenheit*), понимаемой в наших критериях как успешность деятельности. По данным лонгитюда Геттингенского университета, ведущими критериями профессиональной адаптации для различных когорт испытуемых в первую очередь выступает жизненный успех и удовлетворенность жизнью, в соответствии с пространственно-временными стратегиями организации жизнедеятельности в социуме.

Василевская Е.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЮНОСТИ

В настоящее время изучение возрастного периода юности приобретает особую актуальность в связи с возникновением в европейском обществе префигуративного типа культуры, когда в связи с ускорением технического прогресса, из-за недостатка знаний в некоторых сферах жизни, старшее поколение вынуждено обращаться за помощью к молодым (Мид, 1983). Усиление авторитета юношеских групп, появление молодежной культуры, которая стремится к проявлению собственной индивидуальности, неизбежно усиливают разрыв между поколениями.

Проведение межпоколенческих исследований позволяет изучить социально-исторические, культурные факторы, оказывающие влияние на развитие психологии юности, а также позволяет вскрыть причины происходящих явлений.

Цель нашего исследования – сравнение особенностей ретроспективных переживаний юности в двух выборках: 1925–1927 гг. и 2011–2012 гг. Для проведения исследования мы пользовались автобиографической анкетой о переживаниях юности, разработанной М.М. Рубинштейном

(1928), и результатами его исследования в 1925–1927 гг. Нами была сформирована аналогичная выборка, состоящая из 129 человек. С помощью метода хи-квадрат мы показали константность следующих характеристик проживания юности в выборках 1925–1927 гг. и 2011–2012 гг.: чувство взрослости, рефлексия, романтические устремления, потребность в аффилиации, начало профессионального самоопределения. Мы также выявили качественную специфику в особенностях проживания юности респондентами двух выборок с помощью метода контент-анализа. Поведение юношей и девушек из выборки начала XXI в. носило более инфантильный характер, а именно: выборка характеризуется более выраженным чувством взрослости и его инфантильным характером, более ранним началом любовных отношений, большим стремлением к путешествиям, приключениям, и меньшим – к романтической любви, самопожертвованию, профессиональному самоопределению. Неизменными остаются в обеих выборках

рефлексивные процессы и стремление к дружбе, как наиболее устойчивые конструкторы.

На наш взгляд, качественная специфика может быть обусловлена социально-историческими изменениями, в первую очередь, раздвижением хронологических границ периода юности, т.е. в настоящее время начало юности относится к более раннему возрасту, а завершение периода юности – к более позднему. Изменение социально-исторических факторов: отношение к морали, цензуре, религии, браку, природе оказывает влияние на специфику модели проживания юности в нашей выборке, она сопровождается осознанием вседозволенности, возможности открыто выражать свое мнение, в то же время несерьезным отношением к социальным институтам брака, религии и т.д. Проведенное исследование показывает важность не только учета количественных новообразований возрастного периода, но и прослеживания качественной специфики, которая диктуется социально-историческими изменениями.

Володина Ю.А.

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Современная государственная политика в отношении детских домов и школ-интернатов ставит своей основной целью их реформирование и ликвидацию с точки зрения социально-правового статуса, что нашло отражение в процессах деинституционализации детей-сирот, направленных на передачу детей-сирот в приемные семьи на воспитание и организацию социально-медико-психологического сопровождения детей-сирот в интернатных учреждениях нового типа.

В настоящее время разрабатываются и адаптируются в социально-образовательном пространстве различные модели деинституционализации детей-сирот. Их анализ позволяет зафиксировать ряд недостатков, наиболее типичных из которых – несоответствие цели содержанию представленных моделей деинституционализации; отсутствие научного подхода, раскрывающего эффективные пути деинституционализации детей-сирот; отсутствие, в большинстве случаев, целостности компонентов модели; упрощенность моделей для интернатных учреждений, отсутствие системы критериев качества внедрения моделей деинституционализации, что говорит о невозможности оценки их эффективности.

С точки зрения О.И. Иванова, который считает для воспитанников важной составляющей подготовку их к выполнению определенных социальных ролей, в первую очередь, в трудовой деятельности и в различных формах общественно-культурной деятельности, наиболее эффективной можно считать построение такой модели процесса деинституционализации, которая бы выявляла и отражала всю совокупность факторов, прямо или косвенно определяющих данный процесс («deskриптивной» модели).

Deskриптивная модель деинституционализации организует и координирует в единое целое цели, задачи, прин-

ципы, механизмы деинституционализации, реализуемые в новых социально-экономических условиях и включает теоретико-научную, процессуальную и результативную стороны. Построение deskриптивной модели деинституционализации детей-сирот позволяет обеспечить безопасность личностного проявления обучающегося в учебных ситуациях, создать условия для его личностной самоактуализации и личностного роста, формировать активность ученика, его готовность к будущей профессиональной деятельности, к решению проблем социальной реинтеграции, единство внешних и внутренних мотивов, развивать чувство компетентности и принадлежности к определенной социальной группе как компонентов собственного достоинства и критерия социально-профессиональной зрелости, чувство уверенности в себе как предпосылки самоактуализации.

Результатом процесса деинституционализации, таким образом, должен стать каждый конкретный воспитанник во всем богатстве его индивидуальных характеристик, взятый на определенной стадии его жизненного цикла в конкретной микро- и макросреде. Этот результат будет следствием процесса взаимодействия личности с другими людьми, конкретными социальными группами, социальными институтами.

Итак, предлагаемая нами deskриптивная модель деинституционализации детей-сирот является многоуровневой и многосторонней, поскольку определяет характер взаимодействия образовательного учреждения и субъектов социально-образовательного процесса в нем друг с другом и с социально-профессиональными институтами регионального и федерального уровня (включая учреждения начального, среднего, высшего профессионального и дополнительного образования).

Горбачева Е.И.

Психологический институт РАО, Москва

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ПРИНЯТИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ

Изучение того, как тот или иной психический феномен проявляется в отличающихся своими характеристиками группах или у ее отдельных представителей, безусловно, способствует его более глубокому пониманию. К таким сложным и многомерным феноменам, сущность которых нуждается в дифференциальном анализе, относится принятие нормативов в нравственной сфере. Его структуру определяют следующие компоненты: 1) выбор соответствующего способа поведения, выражающего согласие с нравственным нормативом, отвергающего его или апеллирующего к обстоятельствам, затрудняющим принятие определенной линии поведения (ситуативный ответ); 2) оценка проблематичности ситуации морального выбора (трудная или легкая для того, чтобы принять определенное решение); 3) оценка ситуации с позиции ее моральной обязательности (наличие или отсутствие опасений за то, что будет или уже сделан выбор несостоятельного в моральном плане способа поведения); 4) обращение к тем или иным мотивационным основаниям, которые могли повлиять на выбор того или иного способа поведения. Определение индивидуальных вариантов нормативоприятия осуществлялось посредством соотношения указанных структурных компонентов, измеряемых соответствующими шкалами разработанного нами ситуационного теста. Были выделены следующие индивидуальные варианты принятия нормативов в нравственной сфере.

Первый из них, нравственно ориентированный, характеризуется доминированием просоциального поведения в ситуации конфликта целей участников взаимодействия. Этот тип поведения проявляется независимо от контекста ситуации (формальные или неформальные отношения, имеет ли место равенство позиций участников или же отношения строятся как иерархические и др.), ему свойственна высокая степень восприимчивости к императив-

ности моральных требований и осознанное отношение к воплощающим их нормативам.

Второй, морально адаптивный вариант нормативоприятия характеризуется доминированием просоциального типа взаимодействия с близкими людьми и с лицами, от которых зависит самореализация испытуемого, средней или высокой восприимчивостью к императивности моральных требований, средней степенью последовательности в мотивационных основаниях выбора. Третий вариант (морально релятивный) характеризуется, прежде всего, «моральной акцентуацией» – высоким уровнем принятия одних нормативов при умеренном принятии и даже отрицании других. Отчетливо здесь проявляются противоречия в признании императивности моральных требований: высокие и средние показатели их проблематизации проявляются на фоне низкой оценки возможной недопустимости проступка и необходимости соблюдать моральные обязательства перед другими. Четвертый (морально индифферентный) вариант осуществляется в форме как норматив-поддерживающего, так и ситуативного отношения к нравственным нормативам. Для этого варианта характерна средняя и низкая степень субъективной восприимчивости к моральной обязательности собственного поведения. Имеет также место ярко выраженная непоследовательность в мотивационных основаниях своего поведения в ситуациях морального выбора. И наконец, для пятого варианта нормативоприятия – мы его назвали аморальный – свойственна значительная доля норматив-отрицающих ответов; отношение к нормативу осознанно, но противоречиво в своих мотивационных основаниях: даже тогда, когда испытуемыми отрицается необходимость действовать в соответствии с нормативом, они находят этому вполне моральные оправдания («не могу поступиться своими принципами», «это пойдет на пользу обществу и т.п.).

Гривцова Ю.Г.

Воронежский государственный университет, Воронеж

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В КАРТИНЕ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Весь опыт жизни и деятельности человека в мире отражается в таком психологическом образовании, как картина мира, которое формируется в сознании человека и, в свою очередь, направляет его поведение и деятельность. С одной стороны, картина мира – это определенное видение мира, обусловленное различными факторами (физическими, социально-экономическими, культурными, экологическими и др.). С другой – это способ такого видения, своеобразный фильтр, через который проходит вся поступающая к человеку информация (Синянский, 2002). Картина мира является интегральным психологическим

образованием, основываясь на котором, человек познает окружающий его мир и выстраивает свои отношения с ним. Картина мира отдельного человека определяется всей историей его жизни и становления как личности, субъекта деятельности и индивидуальности.

Основоположник ленинградской школы психологии Б.Г. Ананьев выступал за комплексное изучение человека как индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности (Ананьев, 1969). Несмотря на историческое противоборство двух отечественных школ психологии, во введенном лидером московской школы А.Н. Леонтьевым

понятии «образ мира» вполне четко выделяются данные уровни организации психики. Как индивид человек наравне с животными существует в предметном четырехмерном мире (трехмерное пространство и время), при освоении которого происходит становление и развитие базовых психических процессов и функций. В процессе своей деятельности люди активно строят образ предметного мира – мира, в котором они живут, действуют, который они преобразуют, а сам образ мира опосредует деятельность людей в объективном реальном мире. Специфичной составляющей образа мира человека как личности является система значений, названная А.Н. Леонтьевым «пятым квазиизмерением» (Леонтьев, 1979). Каждый индивид усваивает значения окружающих его объектов в условиях общения и взаимодействия с другими людьми, постепенно расширяя как круг общения, так и собственное смысловое поле. Таким образом, картина мира составляет содержательную сторону человеческого сознания, формирование которого происходит в процессе освоения человеком накопленного культурно-исторического опыта.

В течение жизни мы активно познаем окружающий нас мир и самих себя, и делаем это исходя из собственных потребностей, интересов, ценностей, мотивов. Любая информация, прежде чем стать частью картины мира человека, оценивается им по степени важности, привлекательности, полезности и т.д., т.е. проходит субъективную обработку по значимым для конкретной личности критериям. С одной стороны, картина мира человека является более или менее точным отражением окружающего предметного и социального мира, а с другой – является специфичной индивидуальной моделью реальности. Первое позволяет нам достаточно эффективно осваивать объективную действительность и взаимодействовать с другими людьми. Благодаря второму мы делаем это присущими только нам способами, реализуя свой индивидуальный стиль деятельности и общения. В результате взаимодействия всех сфер психики с окружающей действительностью формируется целостная индивидуально специфичная картина мира человека.

Гуляихин В.Н.

Волгоградский государственный университет, Волгоград

ПЕРВИЧНАЯ ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Правовая социализация представляет собой непрерывный процесс усвоения человеком кодекса писаных и неписаных правил поведения, совместимого с коллективными нормами той социальной группы, в которую он входит. Для него всегда остается актуальным вопрос: «Как пройти этот процесс без тотальной потери индивидуальности и личностного начала?». Отличительной чертой первичной социализации является то, что в силу своих возрастных психосоциальных особенностей человек выступает на данном этапе личностного становления в большей степени как ее объект, постепенно трансформируясь в ее полноценного субъекта – активно действующую индивидуальность с полноценным набором личностных качеств.

Успех первичной правовой социализации напрямую зависит от качества связей субъекта с его социальным окружением. Если качество этой связи было положительным, то молодой человек сумеет благодаря развившейся у него способности к обобщению объективно определить свой социально-правовой статус, а также понять и осмыслить необходимость выполнения им соответствующего комплекса общественно-правовых ролей. При успехе психосоциальной самоидентификации индивид ясно осознает свое место в обществе и куда надо ему дальше двигаться, чтобы полностью реализовать свой духовный потенциал. Если же качество этой связи имеет негативный характер, то из-за ее противоречивости и хаотичности он не может идентифицировать свое «Я», у него происходит путаница в выборе тех социальных ролей, которые он уже должен выполнять в силу имеющихся объективных общественных потребностей. Субъект со «спутанными» соци-

альными ролями неизбежно отчуждается как от собственных личностных духовных потребностей и персональных интересов, так и от выполнения общественного долга и гражданских обязанностей. Его «спутанное» правосознание может детерминировать девиантное поведение. В некоторых случаях молодежь стремится к «негативной идентификации», то есть отождествляет свое «Я» с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители и друзья. Путаница ролей может быть обусловлена той исторически сложившейся социокультурной ситуацией, в которую «погружен» человек. Если индивид не идентифицировал своего «Я» и не может проявлять свою индивидуальность даже на основе девиантной матрицы выбора общественных ролей, то он становится субъектом «спутанного» правосознания, которое в силу слабости своей формы, изменчивости и непостоянства своих аксиом будет перманентно «уходить в себя», ускользая от позитивного воздействия агентов социализации.

Молодым людям приходится вести сражения за выбранную ими форму индивидуальности. В процессе поиска своего «Я» и отстаивания естественного права на идентичность они могут выбрать в качестве своих противников вполне достойных и положительных людей, которые не разделяют созданных ими идеалов и могут своими действиями ущемлять их интересы. Они могут стать правовыми нигилистами или впасть в инфантильную апатию, когда убеждаются в том, что преуспевающие в обществе люди с высоким формальным статусом не желают брать на себя обязательств быть лучшими из лучших и нести социальную ответственность.

Котова С.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Как известно, понятие жизнестойкости было введено С. Кобейса и С. Мадди (1984) и разрабатывалось на пересечении экзистенциальной психологии, психологии стресса и психологии совладающего поведения (Крюкова, 2004; Леонтьев, 2006). Исходя из междисциплинарного подхода к явлению жизнестойкости человека, Д.А. Леонтьев считает, что данное свойство личности характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Такой подход к определению жизнестойкости указывает на ее связь со способами поведения человека в определенных, стрессогенных ситуациях.

Важным становится изучение жизнестойкости современной вузовской молодежи. Целью нашего исследования стало определение жизнестойкости у студентов вузов, расположенных в городах с разной численностью населения. В ходе исследования, проведенного в 2008–2009 гг., было опрошено 456 респондентов. Основной массив выборки составили студенты РГПУ им. А.И. Герцена (177 человек), Петербургского ГУПС (81 человек), Новгородского ГУ им. Я. Мудрого (98 человек), Елецкого ГУ им. И.А. Бунина (100 человека). Для исследования индивидуально-личностных характеристик были отобраны методика оценки копинг-стратегии Р. Лазаруса, опросник Я. Стреляу, опросник PEN/EPQ Г. и С. Айзенков, Торонтская алекситимическая шкала.

Студенты мегаполиса обладают большими значениями по шкале «динамичность» и «выносливость» (опросник Я. Стреляу). Эмоциональная реактивность и сенсорная чувствительность, напротив, выше нормы у студентов вузов небольших городов. На основании этого можно сделать вывод, что студенты мегаполиса более эмоционально устойчивы. У студентов вузов, расположенных в мега-

полисе, результаты по методике Айзенков соответствуют среднему уровню, тогда как у студентов периферийных вузов результаты свидетельствуют о повышенном уровне показателя нейротизма.

Предполагается, что именно неспособность описать собственное эмоциональное состояние словами (алекситимия) ведет к тому, что человек не прерывает поведение, связанное с перенапряжением, и в дальнейшем это приводит к нарушению функционирования организма и психосоматическому заболеванию (Николаева, 2008). Результаты нашего исследования показали, что основной массив выборки находится на границе нормы. Уровень алекситимического типа продемонстрировали лишь студенты из небольшого города (НГУ) $65,7 \pm 11,0$. Следующим этапом анализа стало изучение копинг-стратегий. Исследование показало, что у студентов вузов, расположенных в мегаполисе, нет различий в проявлениях эмоциентрированного и проблемноцентрированного копинга. Величины этих параметров у них также не различаются. Однако у студентов вузов, расположенных в небольших городах, величины эмоциентрированного копинга выше как по сравнению со значениями студентов, обучающихся в мегаполисе, так и по отношению к своим же значениям проблемноцентрированного копинга ($p < 0,05$).

Результаты проведенных методик позволяют нам утверждать, что студенты мегаполиса отличаются от студентов малых городов большей жизнестойкостью, проявляющейся в таких показателях, как выносливость и динамичность, копинг-стратегиями, направленными на решение задач. У студентов малых городов, в отличие от студентов мегаполиса, выявлены повышенная реактивность и сенсорная чувствительность и более выражены копинг-стратегии, не связанные с решением проблем, и тенденция к алекситимии.

Лучинкина А.И.

Институт психологии им. Г.С. Костюка, Киев, Украина

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРНЕТ-СОЦИАЛИЗАЦИИ

В процессе социализации человек проходит путь от индивида до индивидуальности, приобретая на разных этапах процесса социализации определенные «социализационные» характеристики. Социализация в реальном пространстве изучена уже достаточно широко, а вот исследования этого процесса в Интернете малочисленны. Хотя именно в интернет-пространстве складываются новые сетевые сообщества со своими законами, культурой, языком, что оказывает влияние на развитие индивидуальности. Интернет-социализация представляет собой непрерывное взаимодействие одной личности с другими личностями в

пространстве Интернета, благодаря чему происходит обогащение опыта человека, усвоение социальных норм сети, расширение вариативной зоны развития и, на этой основе, формирование индивидуальности. Мы предполагаем, что в интернет-социализации можно условно выделить четыре этапа: мифологический, мотивационный, когнитивно-инструментальный и ценностно-смысловой (Лучинкина, 2012).

Мифологический этап включает две фазы. На первой, начальной, человек приобщается к мифам об Интернете с разной степенью следования им. На второй фазе мифоло-

гического уровня происходит приобщение пользователя к мифам в сети: о живом компьютере, о модераторах и т.д. Основным критерием прохождения этапа выступает субъектность в следовании мифам.

Мотивационный этап интернет-социализации связан с процессом перехода потребности личности, которую нельзя или сложно удовлетворить вне Интернета, в устойчивый мотив. Этот этап предполагает три фазы: возникновение и осознание потребности; внутренний контроль; целеполагание. Основным критерием, определяющим фазу прохождения этапа, является устойчивость мотивации.

Когнитивно-инструментальный этап, по нашему мнению, условно можно разделить на четыре фазы. На первой фазе происходит первичное знакомство с сетью и освоение простейших навыков на инструментальном уровне (скачать реферат, отправить письмо). Когнитивный уровень на этой фазе предполагает повышение уровня концентрации внимания (необходимо выделить нужную информацию из всего информационного потока в сети). Вторая фаза на инструментальном уровне связана с повышением социальной активности в сети, включенность в деятельность. На когнитивном уровне происходит повышение уровня распределения внимания. В ходе третьей фазы происходит формирование виртуальной идентичности субъекта, выраженное в выборе персонажа в игре, аватара. Мы

считаем, что когнитивный уровень этой фазы связан с повышением уровня рефлексии и развитием дивергентного мышления. Четвертая фаза предполагает преобразование интернет-пространства и соответствует по уровню владения хакерам и грамотным программистам. Основными инструментальными критериями являются уровень компьютерной грамотности, скорость и качество навигации, поисковая стратегия. Основными когнитивными критериями являются изменения уровней развития когнитивной сферы личности.

В развертывании ценностно-смыслового этапа интернет-социализации выделим следующие фазы: интернет-дикарь (все в Интернете только для удовлетворения собственных нужд, преконвенциональный уровень развития морали, высокая склонность следования мифам об Интернете); человек-Творец (конвенциональный уровень развития морали, стремление к преобразованию виртуального мира, стремление к самоактуализации); человек Мира (высокий уровень моральности, отсутствие этнических рамок, готовность к пониманию культуры других); человек-Цифра (ориентированный только на сеть как на объект исследования, проводящий в сети большую часть времени). Основными критериями являются базовые установки о мире, жизненные смыслы, цели, уровень развития морали.

Нехорошева И.В., Zubov В.Н.

Университет Российской академии образования, Москва

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва

КОМФОРТНОСТЬ ЖИЗНИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ С ВЫСОКИМИ ПРАВСТВЕННЫМИ КАЧЕСТВАМИ

Снижение нравственного состояния российского общества становится все более очевидным и уже оценивается как «комплексная и системная морально-нравственная деградация нашего общества» (Юревич, Ушаков, 2010). Этот процесс проявляется в растущем безразличии к несправедливости и в распространении поведения, нарушающего этические и правовые нормы. В связи с отмеченными тенденциями встает вопрос: комфортно ли живется в современном социуме оставшимся немногим людям с высокими нравственными качествами? Поскольку у таких людей больше развита эмпатия, и они в более чувствительны к несправедливости по отношению не только к себе, но и другим, то можно предположить, что жить им в современных условиях менее комфортно, и они находятся в менее позитивном эмоциональном состоянии.

С целью эмпирической проверки высказанного предположения было опрошено 98 человек, 43 мужчины, 55 женщин в возрасте 19–66 лет, из них 83% старше 40 лет. Почти все имеют высшее образование или учатся в вузе. Все опрошенные пенсионного возраста работают.

Из нравственных качеств оценивался уровень эгоизма по шкале К. Муздыбаева и уровень сформированности нравственных убеждений в недопустимости присваивать чужое и брать взятки по специально разработанным ме-

тодикам на основе подхода Г.Е. Залесского. По результатам оценки нравственных качеств выборка была поделена на три группы: с низкими «Н» (28 чел.), средними «С» (62 чел.) и высокими «В» нравственными качествами (8 чел.). Отметим, что в группу «В» были отобраны люди не просто с положительными, а именно с высокими нравственными качествами. Комфортность жизни и эмоциональный фон оценивались с помощью таких вопросов, как: «Оцените комфортность жизни», «Как бы вы оценили свое обычное настроение?». Отличия между группами оценивались по критерию Манна-Уитни.

При обработке ответов оказалось, что оценка комфортности жизни, легкости адаптации, настроения снижается при переходе от группы «Н» к «С» и далее к группе «В». Люди с низкими нравственными качествами оценивают комфортность жизни выше, чем люди средней группы ($p < 0,05$). Группа «В» с высокими нравственными качествами оценивает комфортность жизни в среднем еще ниже, чем две другие группы, хотя отличия еще не достигают значимого уровня достоверности. При ответе на второй вопрос получены те же тенденции. Группе «В» менее комфортно существовать в мире современных людей ($p < 0,1$) по сравнению с противоположной группой. Группе «В» также труднее, чем противоположной группе, адаптироваться к жизни среди современных людей

($p < 0,1$). Таким образом, людям с высокими нравственными качествами несколько менее комфортно жить в современном социуме и труднее адаптироваться к жизни в нем.

Свое обычное настроение группа «В» оценила ниже группы «С» ($p < 0,01$) и ниже группы «Н» ($p < 0,01$). То есть группа с высокими нравственными качествами в меньшей степени, чем две другие группы, испытывает прекрасное настроение и в большей степени испытывает напряжение, раздражение, тоску или страх. В оценке преобладающего эмоционального состояния все три

группы значимо различаются между собой ($p < 0,01$ для групп «В» и «Н», $p < 0,05$ для других комбинаций). При переходе от группы «Н» к средней «С» и к группе «В» преобладающее эмоциональное состояние сменяется с радостного, светлого, приятного на спокойное, уравновешенное и даже неудовлетворенно-раздраженное. То есть эмоциональное состояние людей с высокими нравственными качествами в большей мере можно назвать безрадостным. Таким образом, можно сделать вывод, что личностям с высокими нравственными качествами психологически менее комфортно жить в социуме.

Одинцова М.А.

Университет Российской академии образования, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕРТВЫ

В последнее время проблема виктимности и виктимизации в психологии становится актуальной. Особенно большой опыт по данному вопросу накоплен в виктимологии, криминалистике. Вместе с тем, отмечается недостаток психологических исследований, связанных с выявлением личностной специфики жертвы. Использование опросника «Тип ролевой виктимности» (Одинцова, 2012) с последующим анализом полученных данных позволило нам выделить следующие группы индивидов: игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, очень виктимные и невиктимные («норма»).

Группа с преобладанием социальной роли жертвы – это испытуемые, которые переживают свое аутсайдерство. Игровая роль жертвы отличается манипулятивностью, демонстративностью и рентными установками. Для очень виктимных индивидов свойственны общие характеристики как игровой, так и социальной ролей жертвы (преувеличение своих страданий, их демонстрация, кверулянтские и рентные установки, манипуляции, и т.п.). В группе «норма» не обнаружены признаки ролевой виктимности.

Далее необходимо было выявить, отличаются ли выделенные группы по индивидуально-личностным особенностям. Для этого был сделан анализ данных по тесту «Большой пятерки». В результате выявлен высокий уровень экстраверсии у индивидов с игровой ролью жертвы. Общительность – их основная черта. Очень виктимные и индивиды с социальной ролью жертвы отличаются меньшей степенью выраженности экстраверсии. Среди них больше замкнутых, предпочитающих одиночество людей. Средний уровень экстраверсии характерен для невиктимных. Это люди, которые сочетают в себе как черты экстраверта, так и характеристики интроверта. Анализ степени выраженности эмоциональной стабильности в различных группах показал следующее. Низкий уровень эмоциональной стабильности характерен груп-

пе очень виктимных и индивидам с социальной ролью жертвы. Такие люди часто испытывают стресс, им свойственно постоянное беспокойство, они ранимы и обидчивы. Самый высокий уровень уступчивости присущ двум группам – это невиктимные и испытуемые с игровой ролью жертвы. Уступчивость в поведении личности проявляется в заинтересованности в других. Уступчивые люди умеют сочувствовать, они мягкосердечны, уделяют много времени другим, умеют утешить, почти со всеми поддерживают хорошие, теплые взаимоотношения.

Было обнаружено, что высокий уровень сознательности (подготовленность, систематичность, обязательность, любовь к порядку, и т.п.) присущ группе невиктимных. Испытуемые данной группы обращают внимание на детали, не откладывают повседневные дела, любят порядок, придерживаются графика, не пренебрегают своими обязанностями, требовательны к себе, тщательно распределяют время и стараются не тратить его зря. Самые низкие показатели по шкале «сознательность» обнаружены у очень виктимных.

По личностной характеристике «открытость опыту», отметим, испытуемые набирали довольно высокие и примерно одинаковые по значениям баллы. Было выявлено, что как виктимным, так и невиктимным индивидам в одинаковой мере свойственно хорошее воображение, высокий уровень понимания происходящего, глубина исследования, умение оперировать достаточно большим количеством информации и т.п.

Таким образом, был сделан вывод, что индивидуально-личностная характеристика «открытость опыту» является именно тем источником, тем вспомогательным средством, важнейшей ценностью, личностной возможностью, которая позволит виктимному индивиду эффективно решать жизненные задачи, будет способствовать развитию, самостоятельности, позитивному отношению к жизни в целом.

Сившикина М.Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Волгоградский филиал, Волгоград

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА СОБСТВЕННОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Социальная среда и стереотипы, присущие окружению, оказывают несомненное воздействие на оформление индивидуальности в юношеском возрасте. Выявление особенностей гендерных стереотипов современных студентов позволит сделать психологическую, в частности просветительскую и консультативную работу с ними более эффективной. Проблема становления гендерной идентичности в отечественной психологии, как правило, рассматривается в контексте изучения подросткового возраста.

Этому предмету посвящены исследования Ю.Е. Аlesiной и А.С. Воловина (1991), Т.А. Арканцевой и Е.М. Дубовской (1999), Н.Е. Харламенковой и Т.С. Стоделовой (2002). Работ, посвященных изучению гендерной идентичности студентов, меньше. Примером исследования, посвященного интересующему нас предмету, является работа Л.П. Великановой (2006), но в ней не рассматривается интересующая нас роль стереотипа.

В качестве гипотезы исследования мы предположили, что стереотипы опосредствуют гендерную идентичность, что может проявляться в содержании и согласованности/рассогласованности социальных ролей и стратегий межличностного взаимодействия. В нашем исследовании приняли участие 99 студентов вузов г. Волгограда. Были применены проективные техники: модифицированный вариант методики «Приписывание качеств» Д. Каца и К. Брейли, «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой, авторская методика «Продолжение сказки о Спящей Красавице», а также стандартизированные методики: шкала феминности-маскулинности

С. Бэм, методика диагностики типов межличностных отношений Т. Лири, методика диагностики социально-психологической адаптивности К. Роджерса и Р. Даймонда.

Проведенное исследование показало, что у 82% респондентов проявляется андрогинность (по шкале С. Бэм). Интересно, что юноши придают большее значение прогнозированию разделения ролей в семье (30% опрошенных), а для девушек важными являются идеальные отношения между супругами, основанные на идее вечной любви (29% опрошенных).

Респонденты, которые ориентированы на то, чтобы в семейной жизни между супругами были четко поделены социальные обязанности, активную, ведущую позицию отводят мужчинам, выделяя при этом такие качества, как деловитость, энергичность. Женщине отводится пассивная, второстепенная позиция. С другой стороны, ведущую роль женщинам в семье отводят те испытуемые, которые настроены на познание своего внутреннего «Я». Среди характерных качеств женщины они выделяют гордость, агрессивность, прагматичность, ориентацию на материальные ценности, доброту.

Итоги работы создают основу для дальнейшего исследования противоречий, связанных с решением молодыми людьми важнейшей возрастной задачи, обозначаемой как построение эго-идентичности (Эриксон, 1996), как персонализация (Слободчиков, Исаев, 2000). Одно из таких противоречий – сочетание детерминированности выборов с нечетко осознаваемыми стереотипами и, одновременно, поиск индивидуально неповторимой жизненной траектории.

Смирнова Ю.С.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОТЛИЧИЕ ОТ БОЛЬШИНСТВА: ПРОБЛЕМА СТИГМАТИЗАЦИИ

Некоторые индивидуальные особенности человека могут быть связаны с его нежелательным отличием от большинства – стигмой. Стигматизация сопряжена с предубеждениями, отвержением, дискриминацией, диффамацией. Обычно ей подвергаются люди, которые, напротив, нуждаются в социальной поддержке и заботе. Среди стигматизирующих атрибутов – различного рода заболевания (СПИД, туберкулез, психические расстройства), которые делают человека в глазах окружающих неполноценным, бесперспективным, опасным. Наличие таких установок не может не сказаться на его жизненном благополучии. Не случайно стигма приобрела статус второй болезни (Финзен, 2001), а борьба с ее негативными эффектами – одно из приоритетных направлений работы ВОЗ.

Предмет исследования – установки студентов к представителям категорий «инвалиды», «психически больные», «больные СПИДом». Было опрошено 80 студентов. Для сбора данных использовалась авторская методика шкалирования. Респонденты оценивали типичных представителей названных категорий дважды – исходя из своих собственных установок и исходя из представлений, которые, по их мнению, распространены в обществе. Факторный анализ позволил сгруппировать отдельные шкалы-дескрипторы в более емкие категории-факторы: «психическое отклонение», «локализация ответственности», «неблагополучие», «оценка», «невозможность изменений», «активность». По первым пяти факторам были обнаружены различия в оценках данных категорий исходя

из собственных и доминирующих в обществе установок ($p \leq 0,035$).

По мнению респондентов, большинство людей, в отличие от них самих, склонны преувеличивать наличие нарушений психики у «больных СПИДом» и «инвалидов». Студенты приписывают обществу большую, нежели самим себе, склонность обвинять «психически больных» и «больных СПИДом» в том, что с ними произошло («сами виноваты в своих страданиях»). Оценки категорий как несчастных, лишенных, страдающих от своей неполноценности, данные студентами, ниже тех, которыми они наделили общественное мнение. Обществу респонденты приписали менее позитивную, нежели себе, оценку названных категорий (никому не нужны, вызывают безразличие, нетерпимость). В обществе присутствуют несвойственные опрошенным представления о «психически больных» как о бесперспективных, обреченных, не имеющих надежды на лучшее.

Обнаруженные различия свидетельствуют в пользу толерантности студентов на фоне нетерпимости, свойственной, по их мнению, обществу в целом. Возможно,

студенческая молодежь, действительно, более терпима. Существуют и иные интерпретации. Ценности современного общества требуют от человека проявления толерантности, не позволяют выражать предубеждения открыто. Респонденты могли приписать более негативные представления обществу в целом, чтобы на их фоне сохранить позитивными представления о себе как об образованных, терпимых и справедливых людях. Легко замечая наличие предубеждений у других, люди недооценивают собственную предвзятость (Pronin, 2002). Возможно также, что на индивидуальном уровне степень стигматизации гораздо ниже, нежели люди склонны приписывать обществу в целом.

Получается, что навешивание ярлыка стигматизирующего заболевания на человека сопряжено с пониманием им того, что в обществе будут негативно к нему относиться, даже если его собственные установки положительны. С другой стороны, есть основания для снижения уровня восприятия и страха стигматизации, поскольку результаты красноречиво демонстрируют, что многие на самом деле относятся к данным группам с пониманием.

Тужикова В.И.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О СЕМЬЕ (ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ)

Наше исследование было направлено на изучение гендерных особенностей представлений современной молодежи о семье. В современной психологической науке понятие «представление» определяется как наглядный образ предметов или явлений, возникающий на основе прошлого опыта путем его воспроизведения в памяти или воображении. Представления о семье мы рассматриваем как наглядный образ будущей семьи, возникающий на основе продуктивного воображения. Образ можно понимать как субъективную представленность предметов или явлений окружающего мира, обусловленную чувственно воспринимаемыми признаками и гипотетическими конструктами.

В исследовании принимали участие студенты Воронежского государственного университета в количестве 96 человек. Качественный и количественный анализ результатов позволил подтвердить существование различий в представлениях мужчин и женщин о семье.

Женщины считают, что будущая семья – это прежде всего опора и поддержка в жизни, в семье самое главное – это любовь, забота, нежность, взаимопонимание, поддержка в трудную минуту и взаимовыручка. Семья в представлениях женщин – мир тепла и заботы, надежная крепость, защищающая от невзгод, надежная опора в жизни, часто даже смысл собственной жизни. В меньшей степени семья выступает для них гарантом стабильных сексуальных отношений и материального благополучия. Будущий супруг представляется женщинам как добрый, искренний и честный, целеустремленный, готовый взять на себя ответственность человек. При создании семьи

женщины, прежде всего, будут руководствоваться такими качествами, как честность, чуткость, заботливость.

Мужчины же представляют себе семью как правильно работающий механизм, где все налажено, все функционирует четко и без сбоев: обед по расписанию, половая жизнь регулярно, забота и поддержка женой обязательна. В представлениях мужчин будущая супруга должна быть заботливой и внимательной по отношению к мужу, внешне привлекательной и обаятельной, умной, должна любить детей и хорошо вести домашнее хозяйство. Семья, по их мнению, должна быть материально обеспечена, т.е. супруги должны проживать в отдельной квартире, иметь финансовую независимость от родителей, иметь средства для осуществления своих желаний. При создании семьи для мужчин на первый план выступают ценности дела: способность действовать самостоятельно, принятие обдуманных и рациональных решений, самоконтроль и умение настоять на своем, не отступить перед трудностями.

Представления мужчин и женщин о семье совпадают только в двух случаях. Во-первых, самое ценное в семье – это доверие и искренность, а во-вторых, именно семья приносит счастье родительства. Исследование подтвердило гипотезу о том, что у женщин в представлении о семье преобладает эмоциональная сторона (любовь, взаимопонимание, взаимовыручка и поддержка), у мужчин, напротив, процессуальная – устроенный быт, стабильные сексуальные отношения. Результаты исследования могут быть полезны педагогам, психологам, социальным работникам в вопросах подготовки молодого поколения к предстоящей семейной жизни.

Фалкина С.А.

Общеобразовательная школа №37, Симферополь, Украина

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ЛИЧНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

Стремительное развитие компьютерных и информационных технологий меняет условия социализации подрастающего поколения. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения особенностей усвоения системы ценностей, социальных норм, существующих в киберпространстве, и тех новообразований, которые появляются в результате социализации. В настоящее время в отечественной психологии популярно представление о социализации как двустороннем процессе, предполагающем как усвоение социального опыта, так и активную реализацию индивидом общественных отношений. В ряде исследований результатом социализации предстают личностные нормы (Г.М. Андреева, В.С. Магун и др.); личностные смыслы (Е.Ю. Артемова, А.Г. Асмолов и др.); социальные привычки (С.А. Беличева, А.В. Петровский и др.), установки, мотивационные образования, в том числе ценностные ориентации, а также «целостные эффекты структуры образования личности, к которым, прежде всего, относится характер личности». В западной психологии выделяют самосознание человека и его «Я концепцию». Таким образом, содержательная сторона социализации предполагает определение того, какие личностные приобретения и образования развиваются в процессе взаимодействия личности и среды.

Эмпирическое исследование проводилось на базе общеобразовательной школы №37 г. Симферополя АР Крым. В исследовании принимали участие 100 респондентов в возрасте 13–17 лет. Рассматривалось влияние Интернета на ценностную сферу подростков, образ «Я» и уровень развития морального сознания. По результатам проведенного исследования были получены следующие данные.

1. Наиболее значимыми ценностями для всех подростков выступают следующие: «настоящая дружба», «смысл жизни», «интересная жизнь», «взаимность в отношении с людьми», «здоровье», «надежность», «заслуживающий доверия», «уверенный в себе», «целеустремленный». Однако в выборе ценностей подростков

с разной степенью активности существуют некоторые различия. Так, для интернет-пользователей характерен более широкий ряд предпочитаемых ценностей, в который входят следующие категории: «безопасность семьи и близких», «чувство собственного достоинства», «удовольствие», «любящий хорошо отдохнуть», «честный», «почитающий родителей», «способный», «смелый», «искренний», «независимый».

2. У подростков, которые являются активными интернет-пользователями, отмечается более высокий уровень развития морального сознания. Развитие морального сознания подростков, не включенных в интернет-пространство, соответствует преконвенциональному уровню, когда поведением управляет опасение или страх быть наказанным, лишиться вознаграждения, и конвенциональному уровню, для которого характерна ориентация на заданные извне нормы и требования, нравственное поведение подчинено категории стыда (не соответствовать правилам, установившимся сначала в семейном, приятельском микромире, а потом и в более обширном мире, в обществе в целом). Подростки – активные пользователи Интернета имеют конвенциональный и постконвенциональный уровень развития морального сознания – уровень автономной морали, ориентированной на внутреннюю систему принципов и на общечеловеческие нравственные нормы. Подростки, включенные в интернет-среду, имеют доступ к многочисленным источникам информации, знакомятся с различными точками зрения, получают опыт решения различных проблемных ситуаций, знакомятся с миром различных культур, исполняют заданные виртуальным сообществом социальные роли. Данные факторы могут способствовать формированию автономной морали среди подростков.

3. Полученные данные указывают на различия в образе «Я» подростка в реальном и виртуальном взаимодействии. В сети подростки оценивают себя более независимыми, интересными и умными.

Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л.

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

ВЛИЯНИЕ СТЕПЕНИ ЗНАКОМСТВА ПАРТНЕРОВ НА НЕВЕРБАЛЬНУЮ КОММУНИКАЦИЮ*

Недоверие к незнакомцам представляет собой одну из поведенческих универсалий человека (Eibl-Eibesfeldt, 1989). Человек старается избегать контактов с посторонними и ощущает дискомфорт от общения с сильно отличающимися от него по своим внешним данным или поведению людьми (Бутовская, 1999). Существуют достоверные

различия в невербальной коммуникации между людьми, в зависимости от их симпатий друг к другу (Crane et al., 1987; Freedman, 1975).

Цель данного исследования – выявить влияние степени знакомства партнеров на невербальную коммуникацию. В нем приняли участие дети и подростки в возрасте 9–17

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00010-а.

лет – учащиеся общеобразовательных школ г. Москвы (Центральная Россия), г. Владикавказа (Республика Северная Осетия-Алания), пос. Октябрьский (Челябинская область), с. Криничное (Республика Украина), с. Астрадамовка (Ульяновская область) и г. Нерехта (Костромская область). При изучении невербального поведения использовался метод прямого этологического наблюдения за общающимися парами в естественной обстановке и интервьюирование. Всего было проведено наблюдений за 1992 парами.

Степень знакомства является значимым фактором для дистанции общения человека (Allgeier, Byrne, 1973; Byrne et al., 1970; Holmes 1992). Полученные данные показали, что друзья взаимодействуют на более близком расстоянии, чем приятели. Друзья также более эмоциональны при общении, чаще касаются друг друга, более прямо ориентированы, чаще смотрят друг другу в глаза и больше говорят о людях, чем приятели или одноклассники, находящиеся в нейтральных отношениях.

Классические исследования невербального поведения показали, что от близости отношений партнеров зависит индивидуальная дистанция в парах женщин, но не в парах мужчин (Crawford, Unger, 2000; Deaux, LaFrance, 1998; DePaulo, Friedman, 1998; Hall, 1984). Наши данные подтвердили это: для мальчиков степень знакомства не является важной при общении с партнером своего пола. Это связано с большей конкурентностью и стремлением к ли-

дерству в парах мальчиков. Исследования на взрослых выборках показали, что в парах мужчина-женщина степень знакомства менее значима, чем для пар женщин, но более значима, чем для пар мужчин (Бутовская, 2004: 229; Byrne et al., 1970; Heska, 1972). Однако во всех исследованных нами населенных пунктах в парах мальчик-девочка партнеры чаще общаются с менее знакомыми, чем в парах одного пола. Это объясняется особенностями общения в подростковом возрасте: для 10–12-летних подростков характерна половая сегрегация (Психология подростка, 2007), а друзей противоположного пола у старшеклассников значительно меньше, чем друзей своего пола (Кон, 1989).

Во всех населенных пунктах для школьников младшего и старшего подросткового возраста степень знакомства важнее, чем для партнеров среднего подросткового возраста. Известно, что чем младше индивид, тем больше у него потребность в аффилиации (Бутовская, 2004). В этом случае поддержку он получает от своего друга, при этом в подавляющем большинстве случаев зафиксированных пар – это друзья одного пола. В возрасте 12–14 лет подростки несколько чаще образуют пары с одноклассниками, с которыми они находятся в нейтральных отношениях, в том числе и с лицами противоположного пола. А к 15–17 годам возрастает стремление общаться с лицами противоположного пола, в том числе зачастую уже образуются пары, в которых формируются устойчивые социальные связи.

Фомичев А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ И ОСОЗНАННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ

В большинстве современных исследований стереотипов авторы обращаются к их содержанию, игнорируя непосредственный механизм работы стереотипов, хотя до сих пор знания в этой области не являются исчерпывающими. В частности, не возникает вопрос того, как данный имплицитный конструкт может осознаваться и какие факторы с этим связаны. В качестве теоретического основания в данном исследовании использовалась теория Баарса (Baars, 1985). Объединяя современные представления о стереотипах и теорию Баарса, мы можем заключить, что стереотипы являются контекстами, которые не входят в рабочую область сознания, но регулируют его действие и общую направленность, отбирая и транслируя информацию, как некоторый фильтр. Как и любой контекст, стереотип не может быть осознан напрямую, но осознать его использование можно через последствия его проявления в нашем поведении. Таким образом, через процесс анализа следствий мы устанавливаем причину, которая изначально неосознаваема. Процесс осознания универсален, но мы предполагаем наличие ряда личностных факторов, которые связаны со степенью осознанности.

Объектом данного исследования являются стереотипы. Предметом – факторы, которые связаны с осознанностью стереотипов. В качестве респондентов выступили 53 жителя России; 14 мужчин и 39 женщин, в возрасте от 14

до 63 лет ($Md = 38.5$). В качестве основного метода исследования использовалась методика, включающая в себя описание 19 ситуаций и двух стереотипных мнений о проблеме, описанной в каждой ситуации. Респондент должен был выбрать, какое из мнений в отношении каждой ситуации ему наиболее близко. Далее респондентам предлагалось оценить по десятибалльной шкале, насколько выбранное мнение соответствует существующему в России стереотипу о проблеме, описанной в ситуации. Второй методикой данного исследования являлся опросник Экспресс-СМИЛ (Собчик, 2006). Данная методика была выбрана в связи с высокой дифференцирующей способностью по отношению к личностным факторам и небольшим временем заполнения. Для обработки результатов проводилось сравнение средних двух групп оценок (стереотипные и нестереотипные ответы).

В исследовании были получены данные, которые свидетельствуют о том, что в целом стереотипы могут быть осознаны, что проявляется в оценке стереотипной позиции, как наиболее близкой к существующему стереотипу в России (стереотипные ответы $M = 6.74$, $Sd = 1.66$, нестереотипные $M = 5.62$, $Sd = 1.96$, $t = 5.28^{***}$). При этом было выявлено, что общая склонность к применению стереотипов никак не связана со степенью осознанности стереотипов. При рассмотрении корреляций между личностными

акцентуациями по опроснику СМИЛ и осознанностью стереотипов было установлено, что в целом личностные факторы не связаны с осознанностью стереотипов, за исключением эмоциональной лабильности ($r = 0.31^*$). Данный результат соотносится с функциями стереотипов, поскольку они призваны экономить когнитивные ресурсы и в большей степени опираются на эмоциональный компонент деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо искать факторы осознанности стереотипов в

других индивидуальных различиях, а не в личностных чертах.

В частности, были получены данные о том, что люди, занимающиеся просоциальной деятельностью, направленной на природу, склонны к большей осознанности применения стереотипов, чем люди, занимающиеся протестной деятельностью ($M = 7.78$, $Sd = 1.38$ и $M = 5.43$, $Sd = 1.74$ соответственно), что может быть причиной различий и базой для дальнейших исследований.

Чернобровкина И.Г.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА

Появление Интернета как средства коммуникации позволило по-новому взглянуть на значение индивидуальности для человека. Дело в том, что Интернет, с одной стороны, в некоторой степени отражает социальные процессы и нормы, выработанные в обществе, с другой стороны, открывает новые возможности для своего выражения. Выражение индивидуальности в интернет-пространстве, как и в социальной реальности, в разные временные периоды было различным и, можно сказать, претерпевало определенное развитие. Данное явление связано с развитием самого Интернета.

При коммуникации мы выявляем индивидуальность человека, т.е. совокупность его психических особенностей, взятых как целое и отличающих его от других людей. Однако когда Интернет только стал использоваться как средство коммуникации, его главной особенностью была анонимность пользователей, т.е. членов коммуникационного процесса. Возможность анонимного общения способствовала необычному процессу.

В результате данной коммуникации явление индивидуальности либо исчезало совсем (пользователи Интернета не раскрывали и не указывали информацию о себе, пытались не выделяться среди других пользователей), либо, как правило, индивидуальность пользователя, его отличительные особенности были очень яркими. Анонимное существование в сети снимало социальные нормы, запреты и ограничения и позволяло пользователям сети как угодно проявлять и выражать себя.

Подобные возможности породили всплеск неординарных самовыражений, пользователи Интернета меняли свои имена, характеристики и даже пол (Арестова, 1996; Жичкина, Белинская, 1999). Однако подобное выражение индивидуальности было хоть и ярким, но не достоверным. Можно сказать, что это была искусственная индивидуальность или виртуальная индивидуальность.

И она, как правило, очень сильно отличалась от реальной, действительной индивидуальности пользователя.

С развитием Интернета мода на анонимность исчезает. В 2004–2006 гг. в информационном пространстве возникают социальные сети (Facebook, ВКонтакте и др.), которые полностью меняют представление и процесс коммуникации в интернет-сети. Главной особенностью социальных сетей является сознательное афиширование достоверной информации о себе другим пользователям сети.

Открытая самопрезентация пользователя в Интернете стала обычным процессом и шагом для установления коммуникации. Явление самопрезентации в интернет-сети способствовало повышению значения индивидуальности человека. Пользователи сети стали придавать индивидуальности особое внимание. В настоящее время стало неактуально скрываться и сливаться с серой массой, неактуально сочинять и придумывать неординарные образы. Интерес стала вызывать истинная индивидуальность пользователя, его характерные особенности, неповторимость и уникальность. И социальные сети стали средством отражения этой индивидуальности.

А.Г. Асмолов (1990) писал, что индивидом рождаются, личностью становятся, а индивидуальность отстаивают. На наш взгляд, в настоящее время в социальных сетях происходит активный процесс отстаивания индивидуальности. В этом контексте нам импонирует понятие индивидуальности, которое дает В.В. Степанова. Она понимает индивидуальность как уникальную совокупность способностей человека, позволяющих ему эффективно реализовывать собственные идеи средствами культуры, что влечет за собой как развитие индивидуальных способностей, так и обновление культурной традиции (Степанова, 1996). Под средствами культуры мы подразумеваем информационные возможности нашей эпохи.

Чернов Д.Н.

Российский национальный исследовательский медицинский университет, Москва

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА «РОДИТЕЛЬ–РЕБЕНОК»*

Детско-родительские отношения являются важнейшим условием развития индивидуальности ребенка. Перспективным для их анализа может стать субъектно-деятельностный подход, в котором обосновывается необходимость рассмотрения психологии индивидуального субъекта через представления о субъекте коллективном (Рубинштейн, 1994; Брушлинский, 1994). Критериями сформированности коллективного субъекта являются взаимосвязанность/взаимозависимость, способность проявлять совместные формы активности и саморефлексивность. Критерии рассматриваются как стадии и типы развития коллективного субъекта: потенциальной (предсубъектности), реальной и рефлексивной субъектности (Журавлев, 2002).

Мы полагаем, что система «родитель-ребенок» становится коллективным субъектом тогда, когда родитель и ребенок имеют глубокую потребность в совместной активности и деятельности; ребенок, завися в развитии от активного участия родителя в организации развивающих форм активности, в наибольшей степени получает в них возможность для реализации своей индивидуальности. Необходимой для формирования коллективного субъекта «родитель-ребенок» является рефлексия родителем возможностей ребенка, осознание необходимости создания развивающих социокультурных условий в соответствии с индивидуальностью ребенка, что способствует развитию рефлексии у ребенка своей и совместной активности.

На основе методики «Родительское сочинение», модифицированной (Шведовская, 2005), мы разработали проективную методику «Мы вместе с ребенком», предназначенную для диагностики сформированности детско-родительской общности как коллективного субъекта. Родителям предлагаются 30 незаконченных предложений; их необходимо завершить фразами, выражающими представления родителя о его взаимоотношениях с ребенком.

Предложено фиксировать параметры: 1) степень взаимосвязи/взаимозависимости ребенка и родителя; 2) интенсивность и широта сфер совместной с ребенком активности; 3) степень рефлексивного отношения родителя и ребенка к совместной жизнедеятельности. Путем контент-анализа в высказываниях выделяются словесные показатели параметров. Соответствующее словосочетание оценивается в один балл. Итогом подсчетов являются три показателя, указывающие на уровень сформированности коллективного субъекта «родитель-ребенок». Широкий спектр тем позволяет использовать методику для анализа единичного случая.

Методологическая ориентация на концепцию коллективного субъекта обеспечивает теоретическую валидность. Полуструктурированный характер способствует снятию барьеров во взаимодействии с родителем. Методика позволяет быстро получить материал как для статистического анализа, так и для углубленной работы с семьей.

Методика апробирована при исследовании 60 родителей, воспитывающих младших дошкольников. Получены значимые корреляции с параметрами опросников «Анализ семейных взаимоотношений» Эйдемиллера-Юстицкиса, «Направленность личности» Смекала-Кучеры, теста-опросника родительского отношения Варги-Столина, опросника диагностики рефлексивности Карпова, методик «Фильм-тест» Жилия и «Кинетический рисунок семьи» Бернса-Кауфмана.

С помощью методики обнаружено, что при воспитании младших дошкольников для семьи характерен уровень предсубъектности с рефлексивным отношением родителя к совместной активности (Чернов, 2011). Мы считаем, что методика позволяет сделать шаг в преодолении разрыва между методологическим и методическим обеспечением исследований детско-родительских отношений в отечественной психологии.

Чикалова Е.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

МАСКУЛИННОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ: ОТ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ К ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ВЫБОРУ

Происходящие в современном обществе процессы, связанные с трансформацией его структурных элементов, характеризуются исследователями в терминах «неопределенности», «непредсказуемости» (Бек, 2000), «текучести» (Бауман, 2008). Специфика современных социальных изменений выражается в значительном ускорении их тем-

па, в неравномерности трансформационных процессов на различных уровнях социума, в сложности прогнозирования их последствий для общества в целом, для социальных институтов, общностей и групп, а также для отдельных людей. Модификация гендерного порядка, как одна из значимых тенденций социальных изменений в совре-

* Работа поддержана грантом РГНФ 12-06-00237а.

менных условиях, требует глубокого и всестороннего анализа. Круг проблем, затрагиваемых исследователями при изучении обозначенных процессов, достаточно широк. В настоящее время наименее разработанным направлением в рамках гендерных исследований является проблематика, связанная с изучением маскулинности (Ключко, 2009). Под «маскулинностью» в данном контексте понимаются социально сконструированные, характерные для определенной культуры в определенный момент времени ожидания относительно поведения мужчин, их переживаний, представлений и специфики взаимодействия с социальным окружением (Берд, 2006).

Анализ маскулинности как социально-психологического феномена позволяет выявить проблемные точки в процессе самореализации мужчин и женщин в современных условиях. С одной стороны, отмечается увеличение разнообразия индивидуальных моделей поведения, обусловленное необходимостью адаптироваться к меняющимся условиям. В качестве примера можно привести ситуации, когда ориентация мужчин на самореализацию в профессиональной сфере может дополняться или заменяться ориентацией на самореализацию в семье (Ангелова, Темкина, 2009; Чернова, Шпаковская, 2010). С другой стороны, существуют определенные нормативные каноны, задающие ориентиры того, что значит быть «настоящим мужчиной». В отличие от индивидуальных практик они являются менее подвижными, менее разнообразными,

характеризуются сконцентрированностью вокруг нормативного каркаса гегемонной маскулинности.

Исследователи фиксируют сосуществование в российском обществе нескольких моделей маскулинности, среди которых доминирующими являются основанные на принципе мужской гегемонии, на противопоставлении мужчин и женщин, своих и чужих, начальника и подчиненного и т.п. (см.: Малышева, 2008; Мещеркина, 2002; Скороспелова, 2002; Чернова, 2001 и др.). Как отмечает Е.Ю. Мещеркина, жизненные практики, выходящие за пределы данных нормативных предписаний, в настоящий момент не занимают ведущего положения и в дальнейшем будут встречать на своем пути препятствия, поскольку трансформации в российской патриархальной культуре представляют собой сложный и медленный процесс (Мещеркина, 2002: 24).

Таким образом, в условиях современности человеку приходится постоянно соотносить свои действия, с одной стороны, с требованиями ситуации, а с другой – с нормами, усвоенными в процессе социализации (которые зачастую оказываются неадекватными сложившимся обстоятельствам). Основной задачей психологов в этой ситуации становится поиск возможных вариантов решения данных противоречий в контексте признания многообразия возможных тактик и стратегий поведения, а также преодоления основанных на принципе «иерархия/подчинение» взаимодействий.

Юшачкова Т.Б.

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск

УРОВНИ ПОНИМАНИЯ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Проблема понимания людьми друг друга, несмотря на давнюю традицию изучения в рамках психологической науки, по-прежнему вызывает большое количество вопросов, ответы на которые нередко носят дискуссионный характер. Одни авторы считают, что такой подход к пониманию просто недопустим: оно либо есть, либо его нет. Другие, рассматривая понимание с позиции результативной составляющей процесса познания, склоняются к мысли о возможности их выделения. При этом существуют разные точки зрения.

Очень часто глубина познания другого человека определяется через раскрытие характеризующих его свойств индивида, личности, субъекта деятельности или индивидуальности. Понимание мотивов поведения соответствует еще более высокому уровню понимания. Но и здесь есть своя иерархия, в нижнем ряду которой находится познание мотивов и целей лишь отдельных поступков, а на вершине – выявление ведущих целей и мотивов поведения человека. Некоторые психологи связывают наиболее высокий уровень понимания с умением предугадать последующие поступки, проникать в резервы развития личности другого человека.

В рамках данной проблемы нами было проведено исследование, основывающееся на положении, согласно которому уровни диагностируются по степени точ-

ности понимания. О высоком уровне делают вывод в том случае, если у субъекта формируется точное представление о психологических особенностях познаваемого человека.

В число испытуемых вошли студенты Магнитогорского государственного университета, а также их матери. Всего было изучено 73 пары. В работе применялся широкий набор методик. Изучение точности понимания ценностных ориентаций (ЦО) проводилось с помощью метода взаимооценок. Предметом оценки выступал ценностный ряд методики ЦО 36 (автор В.Н. Куницына).

По результатам исследования были сопоставлены показатели студентов, наиболее точно представляющих ценностные предпочтения своих родителей, и, напротив, студентов, допускающих максимальное количество ошибок. Соответственно, эти группы демонстрировали высокий и низкий уровни понимания ценностных ориентаций близкого человека.

Согласно полученным данным, психологический портрет студентов, наиболее точно определяющих жизненные принципы родителей, выглядит следующим образом: для них очень большое значение имеют отношения с другими людьми, наличие понимания и доверия в семье, дружеской поддержки, зрелой любви. Они боятся быть отвергнутыми другими людьми. Вместе с тем, они

достаточно «гедонистичны»: стремятся к получению удовольствия от еды, любви, отдыха и др. Не отличаются высоким уровнем мотивации достижения, считают себя не слишком успешными и авторитетными в решении различных социальных вопросов, предпочитают уходить от решения сложных межличностных ситуаций.

В отличие от них, студенты, плохо разбирающиеся в ценностных предпочтениях своих родителей, в меньшей степени ориентированы на межличностные отношения, не слишком стремятся к удовлетворению своих желаний.

Они эмоциональны, чувствительны, неуверенны в себе, зависимы от мнения других людей, не удовлетворены общением в близком кругу, им не хватает внимания и заботы со стороны близких людей. Испытывают трудности в общении.

Итак, проведенное нами в рамках уровневого подхода исследование позволило установить ряд особенностей понимания в близких отношениях, которые могут быть использованы в практике работы психолога с семейными парами.

Раздел 7

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ЕЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Бубнов А.Л.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ГРУППОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАМКАХ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МАЛЫХ ГРУПП

Современные реалии развития общества, организации трудовой деятельности и отношений внутри малой группы, коллектива заставляют искать новые подходы для объяснения механизмов групповой динамики, внутригрупповых процессов и феноменов, в том числе групповой идентичности. Сравнительно новым, но достаточно актуальным в российской социальной психологии сегодня является субъектный подход к малым группам, который привлекает все больше сторонников в научном сообществе (Гайдар, 2006; Журавлев, 2008; Сарычев, 2009; Чернышев, 2012 и др.). Характерной особенностью данного подхода является принципиальное различие понятий групповой и социальной идентичности.

Социальная идентичность – это результат процесса социальной идентификации, под которым понимается определение себя через членство в социальной группе (Павленко, Корж, 1998). Процесс социальной идентификации состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически относительно менее важными, чем общие групповые свойства. Таким образом, социальная идентичность как результат социальной идентификации организует социальный мир группы и определяет самого человека как члена каких-то одних групп, но не других.

Понятие групповой идентичности впервые появилось в работах Э. Эриксона. Под групповой идентичностью он понимает включенность человека с момента его рождения в социальную группу и выработку у него мироощущения, присущего данной группе (Эриксон, 1996). В современной психологической науке групповая идентичность (с точки зрения субъектного подхода к группе) трактуется как результат отождествления индивидом себя

с реальной группой членства как целостным субъектом и принятия ее норм и ценностей как своих собственных (Гайдар, 2009). С этой позиции групповая идентичность позволяет рассмотреть отличия между группами, входящими в одну и ту же широкую социальную общность. Социальная же идентичность в этом контексте рассматривается как принадлежность индивида к социальной общности в целом. При этом, конечно, и социальная, и групповая идентичности имеют ряд схожих черт: положительная или отрицательная направленность, степень одобрения норм и ценностей всеми членами группы, а также стремление сохранить или достигнуть превосходства над аутгруппой. Но есть и отличия между ними: в случае социальной идентичности нормы и ценности более широкой социальной общности, с которыми отождествляет себя индивид, носят более обобщенный характер, они менее конкретны, нежели нормы и ценности конкретной группы членства, с которой соотносит себя личность в случае групповой идентичности.

Итак, можно заключить, что на современном этапе развития социальной психологии проблема соотношения социальной и групповой идентичности ставит ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Наиболее распространенной на сегодняшний день является точка зрения о том, что социальная и групповая идентичности являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами целостной идентичности человека. Дальнейшее развитие субъектного подхода к малым группам открывает широкие перспективы для изучения ранее неизвестных и не поддававшихся объяснению механизмов развития малой группы, становления группы как целостного субъекта и позволяет по-новому раскрыть сам процесс идентификации личности с группами различного рода и масштаба.

Волгач Г.А.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГРУППАХ РАЗЛИЧНОГО РАЗМЕРА

С середины XX в. работы ряда отечественных и зарубежных психологов были обращены к тем изменениям, которые затрагивают групповые процессы и поведение отдельных индивидов в зависимости от увеличения или уменьшения численности группы. К таким работам можно отнести изучение того, как влияет увеличение размеров группы на характер взаимоотношений ее членов, на процесс коммуникации в группе и достижения в ней согласия, на развитие в группе конформизма, на поведение ее членов и успешность группы, то есть на те феномены и процессы, которые так или иначе затрагивают групповую идентичность.

При изучении малых групп было обнаружено, что по мере роста численности групп члены ее становятся все меньше похожими друг на друга, и наоборот, чем меньше группа, тем менее индивидуальны ее представители. Еще одна особенность заключается в том, что развитие индивидуальности членов группы сопровождается уменьшением ее сплоченности и единства (Зиммель, 1909). Если говорить об особенностях коммуникации в группах, различных по размеру, здесь можно отметить следующее: по мере того как размер группы увеличивается, становится более трудным достижение согласия по вопросам, связанным с деятельностью группы и выполнением ее задач. Увеличение числа членов в группе также усиливает тенденцию к неформальному разделению групп на подгруппы, что может привести к появлению несогласующихся между собой целей (Сладкевич, 2001). В других исследованиях было показано, что по мере увеличения размера группы среди ее членов проявляется тенденция все меньше общаться друг с другом и чаще обращаться к лидеру, роль которого возрастает (Бэйлс, 1965). Особенно наглядно эту особенность можно наблюдать на примере работы студенческой группы.

Изучая, как увеличение размера группы влияет на поведение ее членов, Э. Томас и К. Финк (1965) пришли к выводу, что более крупные группы значительно продуктивнее, чем меньшие по размеру. Кроме того, в более крупной группе меньше согласия, но также меньше и напряженность. В более поздних исследованиях было установлено, что величина группы не оказывает прямого и однозначного влияния на успешность ее деятельности. Однако увеличение или уменьшение количества членов в зависимости от задачи группы, ее структуры и взаимоотношений может повлиять на результаты работы (Карпенко, 1984).

Полученные в ходе приведенных исследований выводы дают нам основание полагать, что групповая идентичность, представляющая собой объект нашего исследования, также будет проявляться неодинаково в группах, различающихся по численности участников. Так, можно предположить, что в студенческих группах с меньшим количеством членов будут доминировать когнитивный и эмоциональный компоненты групповой идентичности, так как такие группы являются более согласованными, а их участники разделяют общегрупповые цели, более склонны к общению и чаще достигают согласия. С увеличением размера студенческих групп будет наблюдаться тенденция к преобладанию поведенческого компонента групповой идентичности, о чем свидетельствует возрастание конформности, продуктивности деятельности и сильная роль лидера в таких группах. Такое неодинаковое преобладание в структуре групповой идентичности ее компонентов, на наш взгляд, может быть связано с тем, что группа с большим количеством членов действует совместно под влиянием лидера или большинства, нежели разделяя общие цели и стремясь достичь согласия, договориться.

Гайдар К.М.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

Проблема индивидуальности является традиционной для психологии. Она интенсивно изучается в таких ее отраслях, как психофизиология, психология личности, дифференциальная, возрастная, педагогическая психология и др. Что касается социальной психологии, то, на первый взгляд, она не имеет «точек соприкосновения» с этой проблемой. Но таковые все же находятся, если малая группа изучается как единый субъект.

Еще на заре XX в. Г.А. Роков, анализируя школьный класс, высказал ценную мысль о том, что это особая

групповая индивидуальность, имеющая отличительные свойства, не сводимые к свойствам отдельных детей (Роков, 1903). Сходные мысли содержались в работах В.М. Бехтерева: коллектив, называемый им «собирающей личностью», понимался как индивидуальность, которая зависит от умственного уровня его членов, их профессии, служебного положения и пр. (Бехтерев, 1911 и др.). Вслед за этими авторами об индивидуальности детского коллектива как субъекта воспитания, имеющего определенный стиль и тон, свою психологическую атмосферу,

собственное «лицо», писал А.С. Макаренко (1983). Однако впоследствии исследования групповой психологии, в том числе и индивидуальности группы, были свернуты. Ряд современных социальных психологов (Коломинский, 1976; Новиков, 2003; Сушков, 2000) считает правомерным понятие «индивидуальность группы».

Мы полагаем, что углубленное осмысление проблемы индивидуальности группы возможно с позиций субъектного подхода к ней. Групповой субъект – это динамическое и системное качество социальной группы взаимосвязанных и взаимодействующих людей, проявляющееся, когда она не только действует как единое целое в значимых социальных ситуациях, осуществляя разные виды совместной активности, но и преобразовывает их (то есть ситуации) и саму себя, осознавая при этом, что именно она является источником этих действий и преобразований. Индивидуальность группового субъекта – это своеобразное сочетание подструктур его психологии, социально-психологических свойств, которое создает его неповторимость и отличия от других групп, проявляющееся в особых, характерных именно для данного группового субъекта способах взаимодействия с реальностью, осуществления разных видов совместной активности, осознания себя и других групп.

Индивидуальность группового субъекта выражается, прежде всего, в особенностях его совместной активности. К ее видам относятся совместная деятельность группового субъекта, его общение, взаимоотношения, взаимодействия, социальное познание, в том числе самопознание, рефлексия и саморефлексия, управление и самоуправление, поведение, творчество и др. Она может воплощаться в двух формах – внутригрупповой и межгрупповой.

Все виды совместной активности группового субъекта имеют общие качества, представленные в виде континуума: а) осознанная и целенаправленная – импульсивная и бесцельная; б) систематичная – эпизодичная; в) конструктивная – деструктивная; г) основана на самоорганизованности группы – основана на внешних организационных факторах; д) внутринаправленная – внешненаправленная; е) субъектно-ориентированная – предметно-ориентированная; ж) воспроизводящая – преобразующая; з) адаптивная – неадаптивная; и) продуктивная – непродуктивная; к) вызывающая субъективную удовлетворенность – не вызывающая ее. Сочетание видов, форм, качеств совместной активности группового субъекта, имеющее место в конкретной ситуации его жизнедеятельности, позволяет раскрыть индивидуальность его социально-психологических проявлений.

Григорьев А.В.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И АДАПТИРОВАННОСТЬ МОЛОДЕЖИ*

В современных динамичных условиях развития общества актуализируется проблема социально-психологической адаптации человека. Необходимым условием адекватности и оптимальности самоизменений и изменений социальной среды является социальная активность индивида, в процессе которой он получает информацию о важнейших характеристиках социальной среды, познает суть несоответствия индивидуальных возможностей требованиям среды, оценивает потенциальные пути разрешения проблем, получает ценную обратную связь, позволяющую объективизировать и оценивать свою активность и ее результаты.

Социальная активность и социально-психологическая адаптация, основным результатом которой является адаптированность индивида, это взаимосвязанные процессы. От вида социальной активности зависит своеобразие адаптационных процессов. Так, в нашем исследовании на 400 студентах показано, что политически активные молодые люди несколько хуже, чем остальные, адаптируются к окружающей социальной среде за счет невысокого эмоционального комфорта, что связано с более высокими требованиями к окружающим по сравнению с требованиями к себе, стремлением к решению реальных проблем, доминированием и недостаточной интернальностью. Активные в

сфере религии студенты предпочитают уход от проблем, принимают собственную личность легче, чем окружающих людей, не доминируют и неплохо адаптируются за счет эмоционального комфорта. Студенты, активные в сфере развлечений и культуры, успешно адаптируются в социуме за счет одинаково хорошего притяжения окружающих и себя, отсутствия доминирования, достаточной интернальности, эмоционального комфорта и предпочтения тактики ухода от проблем. Активные в сфере спорта и туризма молодые люди адаптируются к социальному окружению благодаря одинаковому принятию как окружающих, так и себя, достаточному эмоциональному комфорту, они интернальны, не доминируют, умеют решать реальные проблемы и не уходят от них.

В свою очередь, направление и содержание адаптационных процессов определяют своеобразие социальной активности у молодых людей. В группе студентов с низким уровнем социально-психологической адаптированности, измеренной по методике К. Роджерса, Р. Даймонда, объективные проявления социальной активности ярко не выражены, активность проявляется ситуативно, связана с повышенной тревожностью, направлена, в основном, на сбор информации и осознание сути проблемной ситуации. Следует отметить, что субъективная оценка своей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант №11-06-00716 а).

социальной активности достаточно высока (в среднем 7,8 балла по 10-балльной шкале) и значимо не отличается от самооценки социальной активности у адаптированных студентов. Это может свидетельствовать как о напряженности функционирования психических процессов у плохо адаптированных студентов в процессе социальных взаимодействий, так и о действительно высокой социальной активности, направленной на разрешение проблемных ситуаций.

В группе адаптированных студентов социальная активность субъективно оценивается также высоко (в среднем 8,2 балла), имеет другую направленность и содержа-

ние. Социальная активность в данной группе основана на высоком уровне социально-психологической адаптированности, эмоциональном благополучии, оптимальном уровне тревожности, связана, скорее, не с разрешением трудной проблемной ситуации, а с самореализацией своего личностного потенциала, с саморазвитием и поиском новых социальных ситуаций.

В этом случае особо выделяются студенты, которые направлены не на сохранение равновесия своих возможностей и требований социальной среды, а на нарушение этого равновесия за счет предъявления повышенных требований к среде и ее преобразования.

Григорьева М.В.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ*

Проблема активности субъектов общественных отношений имеет междисциплинарный характер. Вместе с тем, особое значение для социальной психологии имеет выявление социально-психологического содержания и направленности активности молодых людей в обществе, так как это знание позволит выявить закономерности развития индивида, обусловленные включением его в общество, определить характер влияния индивидуально-психологических и социально-психологических качеств на эффективность социальных взаимодействий, повысить адаптационный потенциал субъектов общественных отношений, снизить рискогенность процессов социальной активности молодежи. Индивидуальные проявления социальной активности зависят от множества детерминант. Уровневый анализ позволяет выделить среди них психофизиологические, связанные в основном со свойствами нервной системы индивида; психологические (особенности когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых, поведенческих и других свойств индивида); социально-психологические (отношения, ценности, установки и др. диспозиции личности).

Психологическая адаптация – постоянный процесс, в котором гетерохронность возможностей (требований) личности и требований (возможностей) среды сменяется их синхронностью, нарушаемой со временем, что запускает новый цикл достижения равновесия. В силу этого адаптация – это динамичное равновесие в системе «индивид – среда», являющееся необходимым условием развития личности. Одновременная психологическая и социальная обусловленность адаптационных процессов, необходимость учета индивидом как своих индивидуально-психологических качеств, так и социальных условий их проявлений, придает проблеме адаптации сложный и многоплановый характер, заставляет исследователей изучать комплексные психологические и социально-психо-

логические явления и свойства. Одним из таких комплексных индивидуально-психологических свойств личности, которые, тем не менее, обусловлены ее социальной сущностью, является индивидуальный адаптационный стиль как проявление комплексных адаптационных способностей.

Адаптационные способности индивида, связанные с возможностью рефлексии его взаимодействий со средой, в первую очередь, с социальной средой, активно развиваются в подростковом и юношеском возрасте. В этом процессе велика роль социальной активности, позволяющей на практике реализовывать и тренировать адаптационные действия, складывающиеся в индивидуально-адаптационный стиль. К основным адаптационным действиям можно отнести следующие: когнитивные (мысленное моделирование адаптационной ситуации, выявление сути несоответствия своих возможностей и требований среды, структурирование ментальных репрезентаций и др.), волевые (инициация своей активности по устранению несоответствия своих возможностей и требований среды и фрустрационных состояний, сопротивление давлению среды, усиление своих воздействий на среду и др.), саморегуляционные (оптимизация механизма тревоги, усиление позитивных эмоций, снижение дистрессовых состояний и т.п.), собственно внешние ориентировочные и преобразовательные действия (коммуникативные, перцептивные, интерактивные и др.).

Объединение адаптационных действий в систему и выработка своего индивидуального адаптационного стиля позволяет субъекту использовать компенсаторные механизмы, механизмы взаимоусиления элементов системы, механизмы поддержания стабильности, разрушение неэффективных структур и создание новых структурных объединений адаптационных действий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант №11-06-00716 а).

Губайдуллина Г.Г.

Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН, Саратов

К ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность, представляющая собой высшую форму активности человека, выступает центральной категорией отечественной психологии. Наряду с традиционными видами активности (игровой, учебной, трудовой) рядом ученых выделяется специфический вид – экономическая (Андреева, 2000; Дейнека, 2000; Китов, 1982; Спасенников, 2003).

Особой формой данной активности, наряду с экономическим поведением, является экономическая деятельность. Под экономической деятельностью в самом общем виде понимается деятельность по производству, распределению, обмену и потреблению экономических благ. Несмотря на интерес, проявляемый к ее изучению, на сегодняшний день существуют вопросы, не освещенные в достаточной мере. Одним из таких вопросов является выделение факторов, влияющих на ее эффективность.

В работах ученых рассматриваются различные факторы, например, институциональная среда, социальные факторы и т.д. Однако экспериментальное исследование профессионально важных качеств (ПВК), способствующих успешности субъекта в экономике, до настоящего времени не проводилось. Благодаря ПВК экономическая активность успешно усваивается, переходя в свою высшую форму – экономическую деятельность, вследствие чего повышается ее эффективность. В данном случае под ПВК мы понимаем индивидуальные качества субъекта, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее усвоения (Шадриков, 1982). Выявление ПВК экономической деятельности позволит в дальнейшем разработать систему рекомендаций по совершенствованию процесса профессиональной подготовки специалистов с целью повышения уровня их экономической компетентности.

С данной целью нами в настоящее время проводится экспериментальное исследование экономической активности субъектов на экономико-психологической модели «Рыночная экономика», разработанной ЦПЭИ СГСЭУ

при СНЦ РАН на основе алгоритма экономико-психологического моделирования (Неверов, Марков, 2011). Выявление психологических характеристик, влияющих на эффективность данной деятельности, проводится с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла и 5-факторного личностного опросника Р. МакКрея, и П. Коста. Объем выборки составил 120 человек (10 экспериментальных замеров на базе СГСЭУ и БФУ им. И. Канта). На данный момент обработана только часть эмпирических данных, однако уже получены первые статистически значимые результаты, которые мы раскроем в представленных тезисах.

При сопоставлении результатов экономического эксперимента с данными, полученными с помощью 16-факторного опросника, методом корреляционного анализа было выявлено, что существует взаимосвязь между экономической эффективностью и практичностью ($r = 0,39$, $p < 0,05$, $n = 27$). Эти данные подтвердились при сопоставлении эффективности с параметрами личности, выделяемыми в 5-факторном опроснике, в ходе которого также выявлена взаимосвязь между результатом и практичностью ($r = 0,34$, при $p < 0,05$, $n = 45$). Помимо этого возможна связь между уровнем ригидности ($r = 0,39$, $p < 0,05$, $n = 45$), реалистичности ($r = 0,39$, $p < 0,05$, $n = 45$) и экономической эффективности. Эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что субъекты, реалистично оценивающие ситуацию, ориентированные на общепринятые нормы, более внимательные к мелочам, настойчивые и высоко ценящие материальные ценности, достигают более высокой экономической эффективности.

Значимые связи с другими психологическими характеристиками установлены не были, предположительно по причине недостаточности обработанной выборки. Полученные данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования профессионально-важных качеств в экономической деятельности.

Жарков Г.В.

Владимирский государственный университет, Владимир

РИСКОВАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА ИНДИВИДУАЦИИ РОССИЙСКОГО «КРЕАТИВНОГО КЛАССА»

В социальных науках ныне много внимания уделяется моделированию человека, соответствующего современной культурно-исторической ситуации. «Современный человек» в большинстве этих моделей это активный гражданин, с развитым чувством социальной ответственности, внутренне независимый и интеллектуально самостоятельный, открытый всему новому, отличающийся толерантностью к окружающим и уважительным отношением к зако-

нам (Inkeles, Smith, 1974). Иными словами, реализующий свою индивидуальность в построении новых типов и систем социальных отношений, преобразующих экономическую, политическую и культурную реальность.

Начиная с осени 2011 г. во Владимирской области фиксируется количественный и качественный рост различных форм социальной активности. При этом наблюдается изменение состава участников подобных акций. Объектом

нашего исследования стали представители так называемого «креативного класса» со следующими социодемографическими характеристиками: возраст – 25–45 лет, высшее образование с наличием дополнительной профессиональной подготовки, с заработной платой не менее чем в 1,5 раза больше средней по региону. Сферы профессиональной деятельности: наука, интеллектуальные сервисы, владельцы собственного малого бизнеса. Всего в исследовании приняло участие 114 человек (выборка уравнена по демографическим характеристикам). Интересно отметить, что половых различий по результатам исследования обнаружено не было.

Предметом представляемой части исследования было отношение к социальной активности именно как к форме рискованной самореализации, то есть деятельности, которая осознается как возможная угроза индивидуальному качеству жизни, в том числе физическому и психическому здоровью. При этом в публикациях по проблемам рискованного поведения, изданных в «старых демократиях», социальная активность исключена из списка видов рискованного поведения, в то время как в «развивающихся демократиях» (страны БРИК, Латинская Америка) она рассматривается как таковая. Методы исследования: авторский опросник рискованного поведения, интервью, включенное наблюдение. В исследовании получены следующие результаты.

1. В процессе исследования не было установлено наличие половых различий мотивации, форм и оценок соци-

альной активности (хотя изначально предполагалось, что женщины будут предпочитать менее рискованные формы или вообще избегать ее).

2. Основным мотивом участия в социальной, в том числе гражданской активности для представителей «креативного класса» является индивидуация и самоидентификация. Именно поэтому они отказываются от стандартных, предписанных, манипулятивных форм социальной и гражданской активности в пользу тех, которые предполагают максимально индивидуализированные формы участия.

3. Участие в формах гражданской и социальной активности рассматривается испытуемыми именно как рискованная деятельность, которая может угрожать их финансовому, социальному, а иногда и физическому благополучию. Однако в силу высокой привлекательности для них рискованных видов деятельности в целом (в т.ч. спортивных, сексуальных и даже противоправных), осознание (или представление) социальной активности как рискованного действия не предотвращает, а более чем в 60% случаев провоцирует респондентов на такие формы участия.

4. Весьма неожиданным результатом было то, что как рискованная практика рассматривается участниками и неучастие в предписанных формах социальной активности. Это неучастие тоже может расцениваться респондентами как проявление собственной рискованной индивидуальности.

Журавлева Н.А.

Институт психологии РАН, Москва

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ ТИПОМ ЦЕННОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Экономическое сознание и экономическое поведение личности во многом определяются психологическими особенностями личности и, с нашей точки зрения, прежде всего типом ее ценностных ориентаций, который мы рассматриваем как опосредствующий фактор в процессе влияния социально-экономических условий в обществе на экономические представления личности. Основное предположение заключается в том, что люди, придающие разную значимость деньгам, по-разному относящиеся к богатству, материальному благосостоянию, имеющие различные установки на те или иные формы экономического поведения, прежде всего, характеризуются разной структурой ценностных ориентаций. Для изучения ценностных ориентаций личности использовался адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Для выявления различных характеристик экономического сознания личности применялась специальная программа опроса (Журавлев, Журавлева, 2002). Выборку исследования составили жители Московского региона. Было опрошено 745 человек, которые примерно в равных частях распределялись по разным социальным группам.

Выполненное исследование позволило выделить следующие пять психологических типов ценностной направленности современной личности. 1. Социально от-

ветственный тип, ориентированный на межличностные отношения, в первую очередь, характеризуется направленностью на семью, работу и общение с друзьями, а также этические ценности. 2. Для представителей активного типа, ориентированного на ближайшее социальное окружение, наиболее приоритетными являются ориентации на семью, работу и любовь, а также ценности социальной ответственности. 3. Жизненные цели типа, ориентированного на самоутверждение, прежде всего, связаны с направленностью на свободу, любовь и общение с друзьями, а также творческой самореализацией. 4. В качестве основных жизненных целей типа, ориентированного на достижение материального благополучия семьи, выступают ориентации на семью, материальную обеспеченность и работу, а также деловые качества и упорство в достижении целей. 5. Приоритетными жизненными целями типа, ориентированного на достижение высокого уровня материального благосостояния, являются ориентации на семью, любовь и материальную обеспеченность, богатство, а также прагматические ценности.

Результаты исследования показали, что ценностные ориентации оказывают значительное влияние на формирование отношения личности к деньгам и ее экономических притязаний. Деньги оцениваются как высокозначи-

мые прежде всего респондентами, характеризующимися ориентацией на богатство, материальную обеспеченность и собственность. А менее всего деньги значимы для лиц, в структуре ценностей которых приоритетное положение занимают ориентации на творчество, познание, общение с друзьями и честность.

При этом для первых двух ценностных типов, характеризующихся более низкой значимостью денег и меньшими притязаниями, чаще свойственна духовная направленность экономических представлений, выражающаяся в стремлении не думать о завтрашнем дне, помогать близким. Представители других трех психологических типов,

которых отличает более высокая значимость денег и более высокие притязания, чаще связывают свои экономические интересы с покупкой ценных бумаг и той или иной недвижимостью. При этом если для первого из ценностных типов первостепенную значимость представляет наличие высокооплачиваемой работы, а третий и четвертый типы заинтересованы в развитии собственного прибыльного дела, то для пятого из них экономические интересы во многом связаны с вложением денежных средств в иностранные банки, с точки зрения мужчин, и осуществлением крупных пожертвований на общественные нужды, по мнению женщин.

Зайцева М.А.

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Украина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ ПОДРОСТКОВ – ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Глобальная сеть Интернет представляет собой огромное информационное поле и кроме этого дает новые возможности разнообразным видам общения и развлечения. По сравнению с традиционными способами взаимодействия подростка и окружающей его социальной среды, Интернет и сетевое общение в целом имеет ряд преимуществ: личная безопасность, отсутствие дискриминации по половым, возрастным и этническим признакам, достаточно возможностей для творческого самовыражения, возможность многократного вхождения в социум.

Некоторыми авторами уже составлялись типологии интернет-пользователей, но они рассматривались с точки зрения длительности нахождения в сети, вида деятельности или удовлетворения различного рода потребностей. За кругом рассмотрения остались самооценка, копинг-стратегии, цели в жизни и локус контроля, что, на наш взгляд, необходимо учитывать при общении в виртуальном пространстве.

Кроме того, не учитываются детско-родительские отношения, которые также могут иметь влияние на общение в интернет-среде. Поэтому достаточно важным является изучение особенностей этого взаимодействия. Целью нашего исследования было составление психологического портрета типичного пользователя сайтов социальных сетей.

В соответствии с целью данной работы нами было проведено эмпирическое исследование пользователей социальной интернет-сети «ВКонтакте». В исследовании принимали участие 200 подростков (учащиеся 8–10-х классов). Были использованы: методика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан; методика диагностики копинг-механизмов Э. Хейма; опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафер; тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева;

опросник уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (УСК). Для статистической обработки эмпирических данных применялся факторный анализ.

В результате было выделено 6 факторов. Поскольку в третий и шестой фактор вошли подростки-пользователи с интернальным локус-контролем, мы объединили их в одну группу. Таким образом, получилось пять психологических типов пользователей. Первый тип подростков-пользователей – «творцы». Выражают уверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора. У них есть цели, которые придают их жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Второй тип – «папины дети». На них большое влияние оказывают их взаимоотношения с отцами. Третий тип – «интерналы». Считают, что большинство важных событий в их жизни являются результатом их собственных действий, что они могут ими управлять и, следовательно, берут на себя ответственность за свою жизнь в целом. Подростки данного типа склонны обвинять самих себя в разнообразных неприятностях и неудачах. Четвертый тип – «мамины дети». Для них нахождение в социальной сети связано с директивностью и требовательностью со стороны матери. Пятый тип – «демократы». Для таких мальчиков-подростков важны отношения на равных с отцами, а для девочек дружеские отношения.

Для выделенных групп были составлены коррекционно-развивающие программы. Так, для типа «творцы» разработан тренинг личностного роста, для типа «интерналы» – программа «Мир вокруг нас». Поскольку в группах «папины дети», «мамины дети» и «демократы» для подростков влияющими на посещаемость социальных сетей являются взаимоотношения в семье, мы разработали для них общий тренинг детско-родительских отношений.

Иванова Г.П., Шакирова Э.Ф.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ИНТЕГРАТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Современное общество выдвигает заказ на образование творческих, мобильных педагогов, способных преобразовывать педагогическую среду, принимать решения в ситуации неопределенности, брать на себя ответственность за осуществление выбора. В научной литературе представлены три основных подхода к определению понятия «социальная активность»: во-первых, социальная активность как сверхнормативная, инициативная, творческая деятельность, самодеятельность (Ануфриев, 1969; Морджович, 1970); во-вторых, социальная активность как поведение личности (Мальковская, 1988; Маралов, 1990); в-третьих, социальная активность как черта, свойство, интегративное качество личности (Бехтерев, 1996; Карпенко, 2005).

Последний подход был взят за основу в нашем исследовании. Формирование социальной активности личности мы рассматриваем как целостную систему, обладающую интегративными свойствами и состоящую из взаимосвязанных, функционально единых компонентов, придерживаясь, таким образом, системного подхода. Качества личности в научной литературе рассматриваются как совокупность всех социально и биологически обусловленных компонентов личности, предопределяющих ее устойчивое поведение в социальной и природной среде. Качества человека – устойчивое отношение к какому-то определенному объекту. Выявить объект отношения – значит найти истоки личностного качества.

Определение сущности понятия «социальная активность студентов» в аспекте личностного качества требует учета таких факторов, как возрастные особенности студентов, уровень профессионального образования (среднее, высшее), критерии социальной активности, имеющийся социальный опыт личности. Анализ научной литературы и практическая деятельность позволили

определить содержательную характеристику социальной активности студентов педагогического профиля, которая включает в себя компоненты, отражающие когнитивные, оценочно-эмоциональные, мировоззренческие и поведенческие структурные признаки, гуманистические, деловые и гражданские качества педагога, социальный опыт личности.

Среди множества интегративных качеств личности, представленных в научных исследованиях, мы отобрали наиболее отражающие социальную активность будущего педагога и объединили их в три основные группы: гуманистические, деловые и гражданские качества. Каждая из представленных групп качеств личности педагога взаимосвязана и отражает познавательный, эмоциональный, мировоззренческий и поведенческий признаки социальной активности. Развитие и формирование социальной активности происходит в многообразной интегративной, общественно значимой деятельности, в результате которой обеспечивается глубокое и полное саморазвитие личности.

В условиях учреждения образования таким видом деятельности является внеучебная работа, которая способна обеспечить положительную динамику личности, способствует выбору студентами адекватных целей и ориентиров, творческому отношению к выполняемым делам, окружающим и к себе, а также помогает преодолению неудач и ошибок, продуктивному выходу из кризисных ситуаций. Таким образом, социальная активность личности студента в нашем исследовании рассматривается как интегративное общественное качество, проявляющееся в инициативной социальной деятельности, обусловленной внутренней (психической) и внешней (практической) активностью личности, а также в преобразовании себя и окружающей действительности в соответствии с социально одобряемыми нормами.

Капка Э.А.

Крымский инженерно педагогический университет, Саки, Украина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-РОЛЕВИКОВ

Интернет-социализация – непрерывное взаимодействие одной личности с другими в интернет-пространстве, благодаря которому осуществляется обогащение опыта человека, усвоение социальных норм и ценностей сети, расширение зоны вариативного развития, что составляет содержательную сторону этого процесса (Лучинкина, 2012).

Лучшим отражением виртуального, фантастического, привлекательного мира являются ролевые компьютерные онлайн-игры, которые дают человеку уже готовый почти настоящий мир собственного персонажа, возможности

его развития с предоставлением различных альтернатив, разного рода деятельности, экономика на которую можно воздействовать, множественность иерархии по разным направлениям, социальные отношения, миф и история возникновения мира (Немирова, 2001). Целью нашего исследования стало исследование отличий содержательной стороны социализации у интернет-ролевики в зависимости от типа игр. В исследовании приняло участие 50 подростков 8–9 классов.

На первом этапе эмпирического исследования нами было определено два типа игры: «Боевки» и «Моделирую-

щие» игры. Под «Боевками» мы понимаем игры, предполагающие боевые действия игроков, как индивидуальные, так и массовые. В «Моделирующих» играх сам процесс игры представляет собой моделирование группой людей той или иной ситуации. Подавляющее большинство игр моделирует те или иные аспекты реальности.

Что касается усвоения моральных норм, нами было выявлено, что игроки находятся на второй (социоморальные обоснования отражают мораль, которая исходит не из явных проявлений типа физической силы, а из перспектив, выводимых из отношений с другими) и третьей стадиях «автономной» морали (социоморальные обоснования отражают стремление построить внутренние взаимности или межличностные ожидания просоциальных чувств, заботы и поведения). На второй стадии находится 80% играющих в «Боевки» и 75% играющих в «Моделирующие» игры. На третьей стадии – 25% играющих в «Моделирующие» игры и 20% играющих в «Боевки».

Анализ показателей базовых убеждений двух групп игроков позволяет сделать вывод о том, что существует статистически достоверное отличие базовых убеждений играющих в «Моделирующие» игры от игроков в «Боевки».

Существуют также различия в ценностях, в зависимости от типа игры. У играющих в «Боевки» преобладают такие эмоции как: практическая, пугническая и глорическая. У играющих в «Моделирующие» игры преобладают такие эмоции, как: гедонистическая и акизитивная. Оценка игроком героя «Боевок» выше, нежели самооценка игрока, следовательно, игрок четко представляет себе свой идеал, к которому будет стремиться. Предпочитающие «Боевки» реалистично смотрят на виртуальный мир, способны адекватно оценивать его и свои возможности, полагают, что мир в целом справедлив, полагают, что способны управлять событиями, но полагаются на везение.

Играющим в «Моделирующие» игры присуща готовность осваивать и эффективно применять аналитические компьютерные программы, строить долговременные жизненные планы и работать на перспективу, обладают такими свойствами групповой игровой деятельности онлайн, как раскрепощенность, доступность социальных контактов. Убеждены в том, что мир полон смысла, и события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости, в мире больше добра, чем зла. У ребят данной группы высокий уровень самооценки и самоконтроля.

Комкова Е.И.

Минский институт управления, Минск, Республика Беларусь

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Формирование социальной активности в детском возрасте обусловлено сложившимися в обществе механизмами социализации. Социальная активность является одним из важнейших показателей социализации человека – усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются качества личности. Общество формирует систему требований, которые реализуются через агентов социализации и непосредственное общение. Формирование инициативы и исполнительности ребенка зависит от положительного или отрицательного отношения окружающих людей к проявлению его активности.

Под социальной активностью В.Г. Маралов и В.А. Ситаров (1991) понимают способность ребенка включаться в специфическую для такого возраста деятельность по решению общественных задач, проявлять уровень психической активности, который способствовал бы получению результатов, значимых для других и для себя в плане становления социально значимых черт личности. Единицами социальной активности являются исполнительность, инициативность, ответственность и самостоятельность.

Генезис социальной активности нельзя привязать к какому-либо конкретному возрастному периоду (у одних дошкольников она возникает раньше, у других – позже). Есть и такие дети, которые поступают в школу с преобладанием социально реактивных форм поведения. Активность развивается у отдельного ребенка неравномерно, в одних сферах быстрее, в других – медленнее; одни фор-

мы активности детей-дошкольников начинают доминировать раньше, другие – отходят на задний план. В нашем исследовании социальной активности в различных видах деятельности (игра, труд, учебная деятельность и общение со сверстниками) принимали участие дети старшего дошкольного возраста, воспитанники дошкольного учреждения г. Минска.

Детей с реактивным типом социальной активности, который характеризуется пассивностью в общении, в игре и на занятиях, медлительностью и неуверенностью в себе, в нашей выборке не оказалось. Наиболее инициативными оказываются дети в игре и на занятиях. Они с желанием включаются в деятельность, могут организовать других, выдвинуть инициативу, но не доводят начатое дело до конца и не владеют необходимыми для этого навыками. Детей с исполнительно-инициативным типом социальной активности отличает желание задавать тон в различных видах деятельности, преподносить новую инициативу, они могут организовать других детей, доводить дело до конца. Чаще всего, это также происходит в игровой деятельности. Дети исполнительного типа не проявляют инициативы в вышеуказанных видах деятельности, но они охотно подчиняются другим, старательны, владеют соответствующими навыками, достигают хороших результатов.

К концу дошкольного возраста у детей уже формируется тип социальной активности, который характеризует индивидуальный способ познания и взаимодействия с окружающими его людьми. Поскольку в исследовании

53,3% детей показали один и тот же тип социальной активности во всех изученных видах деятельности и 26,6% использовали три различных типа в разных видах деятельности, можно сделать вывод об индивидуальной вариативности исследуемого нами признака у старших дошкольников.

Большая часть детей предпочитает брать на себя инициативу или быть исполнительными, а 26,6% либо инициативны, либо исполнительны в зависимости от условий, в которые они попадают в процессе общения и деятельности. Это говорит о гибкости их модели поведения в ситуации межличностного взаимодействия.

Корнеева И.Е.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ГОТОВНОСТЬ К ОБЪЕДИНЕНИЮ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА*

Одной из социальных практик гражданского общества является самоорганизация способность населения к социальному взаимодействию на уровне согласования социально значимых целей (Мерсиянова, Корнеева, 2011). Практики самоорганизации рассматриваются как формы и модели объединения инициативных групп граждан с целью выражения коллективных требований-сообщений, затрагивающих проблемные условия жизнедеятельности всего местного сообщества или значительной его части.

Готовность к самоорганизации анализировалась нами на основании данных всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Сбор данных осуществлялся методом личного интервью по формализованной анкете. Выборочная совокупность опроса составила 2000 респондентов, отобранных с учетом социально-демографических характеристик, репрезентирующих взрослое население России по полу, возрасту, типу населенного пункта. Для выявления готовности людей к объединению респондентам было предложено несколько проблемных вопросов-ситуаций, связанных с решением ряда общественных проблем как повседневного, так и чрезвычайного характера (предупреждение правонарушений, чрезвычайные происшествия, организация праздника и т.д.). На основании этих вопросов был проведен иерархический кластерный анализ (Ward's method). В результате было выделено 5 групп россиян.

Организаторы (4%). 80% из них безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут в форме подготовки / организации. Чаще встречаются среди женщин с низким уровнем образования и дохода. Почти половина имеет образование не выше среднего общего. Каждый второй представитель этой группы проживает в селе и ПГТ.

Активисты (9%). 84% из них безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут во всех возможных формах. Преимущественно женщины. Самая высокообразованная и высокодоходная группа. Почти четверть представителей данной группы проживает в городах с населением от 100 до 500 тыс. чел.

Участники (32%). 71% из них безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут в форме участия. Чаще встречаются среди людей среднего возраста (30–60 лет). Каждый второй имеет начальное профессиональное или среднее специальное образование. Треть проживает в селе; реже, чем в среднем представители данной группы встречаются в городах с населением от 50 до 250 тыс. чел. Чаще женаты /замужем.

Неактивные (35%). Почти две трети из них безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут в основном в форме участия или в форме подписания коллективного письма протеста. Каждый четвертый представитель этой группы старше 60 лет. Чаще встречаются в городах-миллионниках и городах с населением свыше 500 тыс. чел. Женщин больше чем мужчин.

Равнодушные (20%). Только 46% из них безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Вместе с тем, представители данного кластера принимать участие в инициативе / мероприятии / акции не планируют. В этой группе мужчин больше чем женщин. Самая большая доля людей старше 60 лет. Около четверти представителей данной группы проживают в городах-миллионниках.

* В данной научной работе использованы результаты работы Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора по проекту «Вызовы и перспективы развития гражданской самоорганизации и благотворительности в России в среднесрочной перспективе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Криворучко М.В., Щербакова К.Н.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМИ ФОРМАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

В рамках социально-психологических исследований, посвященных тематике социальной активности российской молодежи, на современном этапе наиболее остро стоит вопрос о ценностных приоритетах молодежи и возможностях ее политической активизации.

Актуальность обращения к ценностным ориентациям обусловлена тем, что они выступают одной из важнейших составляющих индивидуального политического сознания, отражают значимость политической действительности для личности. Отмечается, что ценностные ориентации в политической сфере существуют в двух основных формах: групповые политические ценности, выработанные общественным сознанием обобщенные представления о политической сфере, и персональные индивидуальные когнитивные конструкты в структуре личности, определяющие ее отношение к политическим событиям, явлениям и процессам, а также практическую реализацию в своем поведении общественно-политических идеалов (Шерковин, 1982).

Целью нашей работы стало описание типов политической активности и особенностей их ценностных ориентаций у студенческой молодежи 18–25 лет. Основными методами сбора данных стали авторская анкета, описывающая формы политической активности, интерес к политике, установки и убеждения молодежи, и опросник А.В. Капцова «Тест личностных ориентаций». В результате исследования были выделены три типа молодежи с разными формами политической активности, которые отличаются по ряду ценностных ориентаций.

Первый тип (31% опрошенных) составляют политически активные личности с ярко выраженной гражданской позицией, способные к выражению своих политических интересов. Для данного типа приоритетными ценностями являются: саморазвитие, материальное благополучие,

индивидуальность, креативность. При этом политические установки и убеждения молодежи данного типа взаимосвязаны в основном с такими ценностными ориентациями, как престиж, материальное благополучие и индивидуальность. Молодежь стремится к признанию и уважению со стороны государственных органов и политических лидеров и готова эффективно взаимодействовать с ними при сохранении независимости от них и материальном поощрении.

Второй тип (50%) составляет молодежь, принимающая эпизодическое участие в политике (только голосование). Для них характерен интерес к политическим событиям в стране, противоречивость политических установок и убеждений и латентность политических намерений. Для данного типа приоритетными ценностями являются: индивидуальность, саморазвитие, креативность и духовное удовлетворение. При этом политические установки и убеждения данной молодежи взаимосвязаны с материальным благополучием. Молодежь стремится к достижению материального достатка и обретению жизненной стабильности.

Третий тип (19%) составляет политически пассивная молодежь, которую характеризует отсутствие интереса к политике и негативное отношение к избирательной системе и выборам. Для этого типа приоритетными ценностями являются: индивидуальность, духовное удовлетворение, взаимоотношения и достижения. При этом политические установки и убеждения молодежи данного типа политической активности взаимосвязаны в основном с такими ценностями, как материальное благополучие, индивидуальность, креативность и взаимоотношения. Молодежь данного типа стремится к повышению своего материального уровня, сохранению личностного своеобразия и взаимодействию с кругом близких людей.

Купрейченко А.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ*

Социальная активность – квинтэссенция жизни человеческого сообщества, поэтому это понятие неизбежно оказывается в фокусе внимания общественных наук. Наиболее широкая трактовка социальной активности основана на общеполитическом понимании активной роли субъекта во взаимодействии с социумом, посредством которой

субъект познает, преобразует социальную реальность и самого себя.

Придерживаясь этого подхода в своих исследованиях (Купрейченко, Моисеев, 2010), социальную активность мы определяем как индивидуальные или групповые действия, направленные на изменения «Я» социального, сво-

* В данной научной работе использованы результаты работы Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора по проекту «Вызовы и перспективы развития гражданской самоорганизации и благотворительности в России в среднесрочной перспективе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

его места в обществе (социуме), а также общества (социума) в целом.

Более узкое понимание социальной активности определяет ее как сверхнормативную, инициативную, творческую деятельность, самодеятельность. Во многих работах социальная активность понимается как общественная деятельность. В современных исследованиях нередко социальная активность выступает синонимом гражданской, а также общественной активности, и в этом случае она определяется как вовлеченность личности в социальные практики гражданского общества: добровольчество, денежные пожертвования, практики самоорганизации по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству, собрания жильцов дома или подъезда), а также выражение своего мнения через Интернет.

Такое различное понимание социальной активности, а также наличие близких, зачастую пересекающихся терминов (социальная, общественная, гражданская активность) затрудняет сопоставление результатов различных исследований, например, понимание, какой уровень социальной активности считать нормативным, какие качества личности являются ее предикторами, как оценить ее эффективность и т.д. Это приводит нас к первоочередной задаче классификации видов и форм социальной активности по разным основаниям.

Например, социальная активность может быть разделена на различные виды и типы по следующим основаниям: 1) по широте охвата заинтересованных сторон (активность может быть направлена на удовлетворение потребностей личности, конкретных групп, общества, все-

го человечества и т.д.); 2) по источнику инициативы (реактивная, проактивная, превентивная); 3) по целям и характеру (гуманитарная, восстановительная, миротворческая, созидательная, поисковая, демонстративная, контрольная, протестная, разрушительная и т.д.). Активность может включать следующие виды деятельности и мероприятия: воспитательные, активизирующие, информирующие, организующие и т.д.; 4) по сфере реализации (культурно-досуговая, образовательная, профессиональная, семьи, социального развития, здоровья, художественно-эстетическая, спортивная, политическая, гражданско-правовая, экономическая и т.д.); 5) по субъекту (социальная активность может проявляться одиночно, в малой или большой группе); 6) по интенсивности или уровню (от пассивности до сверхактивности); 7) по временным характеристикам (частоте и длительности). По этим основаниям активность может быть: кратковременной, длительной, постоянной, разовой, систематической и т.д. Можно выделить виды и по временному изменению интенсивности: зарождающаяся, формирующаяся, растущая, угасающая и т.д.; 8) по эффективности для общества. Этот показатель является наиболее значимым, но также и наиболее трудно поддающимся оценке. Нередко активность может сочетать в себе и про-, и антисоциальные функции, например, участие в некоторых видах молодежных неформальных организаций; 9) по эффективности для субъекта активности.

Таким образом, многообразие форм и видов социальной активности определяет необходимость строгого подхода исследователей к анализу ее содержания и динамики, а также выделению критериев ее эффективности.

Купрейченко А.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Акбарова А.А.

Институт психологии РАН, Москва

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА*

Социальное самоопределение рассматривается как процесс поиска субъектом собственного способа жизнедеятельности в его социуме на основе системы жизненных принципов, ценностно-смысловой системы, а также исходя из своих возможностей, способностей ожиданий и притязаний, их соотношения. Современные исследования показывают, что существует взаимосвязь готовности к экономической активности, оценок качества жизни и субъективного экономического статуса личности (Головина, Савченко, 2004; Журавлева, 2006; Осипенко, 2005; Позняков, 2002; Филинкова, 2005; Хащенко, Баранова, 2004; Hartner, Kirchlner, Poshalko, Rechberge, 2010; Wenzel, 2007). Состояние исследований, посвященных самоопределению, предоставляет множество возможностей для изучения и развития понятия. Соответственно, программа нашего исследования представляет собой попытку систем-

ного изучения структуры социального самоопределения. Один из блоков исследовательской программы направлен на изучение субъективного социального и экономического статуса, а также уровня личностной зрелости, их индикаторов, уровня и динамики. Также респондентов просили ответить на вопрос, считают ли они себя социально активными людьми, в каких сферах проявляется их активность. В исследовании участвовало 377 человек.

Результаты контент-анализа показали, что субъективные экономический и социальный статусы, а также личностная зрелость являются комплексными и взаимосвязанными явлениями. Среди критериев экономического статуса встречаются нравственные, моральные и духовные критерии, которые чаще упоминаются при описании уровня личностной зрелости. В экономическом статусе присутствуют характеристики, которые можно отнести

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-36-01099a1.

как к социальному статусу, так и духовному уровню, который описывает уровень личностной зрелости. Среди критериев социального статуса фигурируют экономические показатели, а личностная зрелость оценивается через социальное положение в обществе.

Но в схожих областях все же присутствует качественное различие. Например, работа выступает общим показателем как экономического, так и социального статуса, но она рассматривается в качественно разных аспектах. Для субъективного экономического статуса важно наличие или отсутствие работы, соотношение усилий, затраченных на нее и оплаты труда. При определении социального статуса важна занимаемая должность, ее престижность и авторитетность в обществе (политические деятели, чиновники, ученые). Уровень личностной зрелости редко определяется через работу или должность, но представители некоторых, обычно творческих профессий воспринимаются как духовные, нравственные.

Проявление активности, стремление к более высокому статусу, как экономическому, так и социальному, либо духовному, нравственному развитию встречаются как критерий в среднем или высоком уровне статуса. Низкий уро-

вень статуса воспринимается как безнадежное состояние, характеризуется ленью, нежеланием, объясняющими неуспех человека. Действительно, более 90% респондентов отнесли себя к средней категории социального положения в обществе, большинство планирует увеличить свою активность. Более половины (около 60%) респондентов считают себя социально активными людьми. При этом социальная активность практически в равной степени направлена на экономическую сферу (27%) и достижение социального статуса (21%).

Таким образом, результаты исследования показывают, что и субъективный экономический, и субъективный социальный статусы оказывают влияние на экономическую и социальную активность личности.

Эмпирическое исследование позволило установить, что имеет место существование общих критериев и сходство представлений о личностных особенностях, необходимых для достижения высокого экономического и социального статуса, личностной зрелости. Однако установлено, что в сознании респондентов существует разграничение социального и экономического статуса личности, а также уровня личностной зрелости.

Лебедева Н.М., Осипова Е.В., Черкасова Л.Л.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ*

В современном мире необходимым условием экономического роста и процветания является переход национальных экономик в инновационную фазу развития. С этой целью во многих государствах развиваются национальные инновационные системы, увеличиваются государственные и частные инвестиции в научные разработки, создаются специальные кластеры инновационного развития: свободные экономические зоны, технопарки, центры превосходства и т.п. При этом, как правило, мало внимания уделяется анализу национальной культурной специфики, и в планируемые процессы вмешивается неучтенный фактор: культура и социальный контекст, в котором инновации рождаются и распространяются. В России доля принципиально новых продуктов катастрофически мала в сравнении с другими европейскими странами. И здесь, на наш взгляд, на пути инновационного развития вообще и для рынка в частности встает не столько технологический, сколько культурный барьер.

Данное исследование посвящено изучению взаимосвязей ценностей, социального капитала и установок по отношению к инновациям. В исследовании участвовали респонденты из четырех федеральных округов России – Центрального, Дальневосточного, Приволжского и Северо-Кавказского. Респондентам (N = 1238) предлагался опросник, в который вошли следующие методики: методика ценностей Шварца SVS-57, шкала самооценки ин-

новативных качеств личности (Лебедева, Татарко, 2009), методика оценки социального капитала (Татарко, 2011). В результате корреляционного анализа выявлена положительная взаимосвязь ценности Открытости изменениям и позитивного отношения к инновациям. Также обнаружено, что компоненты социального капитала (доверие, толерантность, воспринимаемый социальный капитал) положительно взаимосвязаны с отношением к инновациям. Кроме того, выявлено, что ценности Сохранения и Самопреодоления, отражающие интересы группы, позитивно взаимосвязаны с измерениями социального капитала. Также обнаружено, что социальный капитал как напрямую, так и через ценность Открытости изменениям позитивно влияет на отношение к инновациям.

Эмпирическая модель, полученная с помощью моделирования структурными уравнениями, в целом подтверждает гипотезы исследования и демонстрирует позитивное влияние ценностей Открытости изменениям и социального капитала на отношение к инновациям в России. Сильная связь ценности «Открытости изменениям» с отношением к инновациям говорит о необходимости создания условий для формирования данной ценности как мощного ценностно-мотивационного базиса индивидуальной креативности и инновативности.

Воспринимаемый социальный капитал в этой модели выполняет функцию медиатора. Доверительные отно-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00056а («Взаимосвязь компонентов психологической структуры социального капитала и установок экономического поведения»).

шения в группе как напрямую, так и опосредованно, через ценности «Открытости изменениям», способствуют принятию и поддержке инноваций. Это может говорить о том, что в сознании наших респондентов доверие является необходимым элементом инновационной среды и открытости изменениям. Если следовать логике Fromhold-Eisebith, который утверждает, что общая цель социально-

го капитала заключается в том, «чтобы поддерживать элементы стабильности и надежности в условиях перемен» (Fromhold-Eisebith, 2002), а инновационная и творческая среда в большей степени ориентирована на концепции изменений, то наша модель в очередной раз доказывает этот механизм.

Маслова О.В.

Российский университет дружбы народов, Москва

СТИЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Согласно концепции стиля жизни А. Адлера, индивид вырабатывает определенные способы подстройки себя к жизни. Это может быть зрелый стиль, помогающий индивиду справляться со сложностями жизни, а может быть и самозащитный, когда индивид просто отражает угрозы. Г. Олпорт отмечал, что во взгляде на личность как на процесс стилизации признается безграничность индивидуальности, хотя в целях сравнения можно группировать сходные стили и типы (Олпорт, 2002). Проведенное нами эмпирическое исследование межкультурной адаптации китайских студентов ($n = 200$) позволило выделить 3 группы, различающиеся по ряду параметров адаптации направленности на взаимодействие с новым окружением, причастности (отчужденности) к новому обществу, конформности по отношению к новым правилам и нормам, а также по удовлетворенности от взаимодействия с новым социумом, ностальгии и депрессивности. Комбинации этих параметров взаимодействия с новым окружением мы назвали стилями адаптации.

Стиль самой большой по численности группы (49,5%) мы назвали «взаимодействием по новым правилам». Он характеризуется наибольшей направленностью на взаимодействие, высокой конформностью, ориентацией на новые нормы и правила, низким уровнем депрессии и отчужденности. Уровень субъективной удовлетворенности при данном стиле адаптации является наиболее высоким.

Стиль второй группы (29%) кроме максимально выраженной ностальгии характеризуется направленностью на взаимодействие, но сниженной, по сравнению с первой группой, конформностью: контакты с новым социумом строятся без достаточного учета новых правил (ситуации). Мы назвали этот стиль «взаимодействием по старым правилам». Причины неучета новых правил могут быть самы-

ми разными: незнание новых норм или их непонимание, а также нежелание или неумение им следовать. Такое взаимодействие, когда контактирующие стороны пользуются разными правилами, как правило, не приносит удовлетворения, и в силу значимости (представители этой группы стремятся к взаимодействию!) возникает ощущение беспомощности, отчужденности, опустошенности, подавленности. Этот стиль самый неблагоприятный в плане переживания отрицательных эмоций.

У третьей группы (22%) высокий уровень ностальгии сочетается с невысокой направленностью на взаимодействие и сотрудничество с новым социумом, низкой конформностью и низкой удовлетворенностью отношениями с окружающими. Стиль, характерный для этой группы, мы назвали «уходом от взаимодействия». Не стремящиеся к активным контактам и мало зависимые от нового окружения, представители этой группы не удовлетворены отношениями с окружающими, но это не погружает их в депрессию. Т.к. они не вступают в активное взаимодействие с новым социумом, то и не чувствуют себя беспомощными в нем.

Нас интересовала динамика адаптации, поэтому мы сравнили частоту встречаемости выделенных нами стилей на подготовительном факультете и на старших курсах. Оказалось, что с годами наблюдается снижение числа «взаимодействующих по новым правилам» и рост числа прибегающих к стилям «уход от взаимодействия» (к нему прибегают чаще юноши) и «взаимодействие по прежним правилам» (чаще девушки). Вероятно, смена стиля связана с опытом неудовлетворительного взаимодействия, ситуациями неуспеха, переживаниями состояния неудовлетворения от контакта. Эти ситуации неуспешного взаимодействия, вероятно, и заставляют сменить стиль адаптации.

Меланьина А.А.

Воронежский государственный университет, Воронеж

НОРМАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ

Изменение системы ценностей и, как следствие, системы нормативной регуляции деятельности человека в настоящее время приводит к серьезным социальным ослож-

нениям. Важными оказываются проблемы молодежи (под которой в общем виде понимается как юношество, так и собственно молодой возраст, а на практике чаще всего –

студенчество), поскольку последняя выступает в качестве основной «группы риска» в современном нестабильном мире и одновременно главным ресурсом общественного прогресса. Опираясь на ряд исследований (Меланьина, 2011), можно сформулировать некоторые теоретические предположения и практические рекомендации, касающиеся оптимизации нормативной регуляции в учебных группах студентов.

1. Для студенческой группы с низким уровнем социально-психологического развития (в основном, в первый год обучения в вузе) характерны быстрое формирование норм, опирающихся на ценности ее участников, но медленное усвоение норм, привнесенных извне. Это усугубляется излишним внешним контролем функционирования норм. Тем не менее, для таких групп свойственно почти полное отсутствие внутреннего поощрения и наказания за соблюдение/нарушения групповых правил. Актив группы еще не выделен. Функцию субъекта нормативной регуляции могут по очереди примерять на себя разные члены группы. Традиции, запреты и предписания также еще не сформированы. Основными задачами преподавателей и кураторов в таком случае должны стать:

а) поддержка и выделение в актив тех членов группы, чьи ценности соответствуют адекватной внутренней мотивации учебной деятельности (выбор старосты, ответственные поручения таким студентам);

б) реализация функций поощрения и наказания без излишнего контроля жизнедеятельности группы (посредством установления доверительных партнерских отношений со студентами);

с) участие в формировании традиций группы, поддержка традиций, способствующих благоприятному протеканию учебного процесса.

2. Для группы со средним уровнем социально-психологического развития характерны сформированный актив, который постепенно перенимает роль субъекта нормативной регуляции, а также значительное количество норм-предписаний наряду с некоторыми традициями и запретами (то есть нормы достаточно мягки, но отклонение от них не карается, при том, что и следование им не является в большинстве случаев необходимым условием). В такой группе в задачи кураторов и преподавателей входит:

а) анализ норм, поддерживаемых и санкционируемых активом группы. В случае значительного развития норм, неблагоприятствующих успешной реализации учебного процесса, необходима корректирующая работа по перестроению актива группы;

б) поддержка перехода благоприятных норм из ранга предписаний в традиции;

с) введение санкций в случае нарушения благоприятных норм.

3. Для группы с высоким уровнем социально-психологического развития характерны сформированный актив, устойчиво выполняющий функции субъекта нормативной регуляции, развитые нормы-традиции, естественное внутреннее поощрение и санкционирование. В таких группах возможность внешнего воздействия на процесс нормативной регуляции, вероятнее всего, сведена к минимуму или же должна осуществляться путем специальных мероприятий (тренингов, дискуссий, деловых игр).

Нормативная регуляция в учебной группе студентов является своеобразным «ключом» к оптимизации разных аспектов учебного процесса. Лучшее понимание специфики этого явления способствует выбору адекватных мер по повышению учебной мотивации, успеваемости, развитию интереса студентов к научной и общественной деятельности.

Мерсиянова И.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РОССИЯН В ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Гражданское общество является одним из базовых институтов российского общества. Одновременно оно представляет собой поле взаимосвязи и взаимопроникновения других социальных институтов (третьего сектора, благотворительности, территориального общественного самоуправления, прав и свобод и др.), общественно значимый итог функционирования которых проявляется в качестве соответствующих социальных практик.

В докладе будет охарактеризована вовлеченность россиян в некоторые социальные практики гражданского общества на основе данных, полученных в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который ведется Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» с 2006 г. Это – добровольчество, денежные пожертвования, практики самоорганизации по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству, собрания жильцов дома

или подъезда), а также выражение своего мнения через Интернет.

В частности, представляет интерес задача изучения влияния различных социально-демографических характеристик респондента на уровень его вовлеченности в неформальную добровольческую деятельность. В целом за последние 2–3 года занимались добровольной и безвозмездной деятельностью на благо других людей (не членов семьи и близких родственников) 24% россиян. CHAID-анализ показал, что в различных социально-демографических группах этот показатель заметно различался. Чаще других добровольческой работой занимались наемные работники с высшим образованием (35%), особенно в возрасте 31–45 лет (35%) и 46 лет и старше (40%), а также предприниматели, бизнесмены и лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью (41%).

Аналогичным образом были выявлены черты социально-демографического портрета тех россиян, которые уча-

ствуют в денежных пожертвованиях. В целом за последние 2–3 года совершали денежные пожертвования, давали незнакомым нуждающимся людям деньги (включая просящих милостыню) 51% опрошенных. CHAID-анализ показал, что чаще других денежные пожертвования совершали следующие группы граждан:

- женщины со средним общим образованием, проживающие в больших и крупнейших городах, т.е. с населением от 100 до 250 тыс. и от 500 тыс. чел. до 1 млн (61%);
- женщины со средним специальным образованием, проживающие в средних, больших и крупнейших городах – с населением от 50 до 250 тыс. или от 500 тыс. до 1 млн (62%);
- женщины с образованием не выше неполного среднего, предприниматели и занятые индивидуальной трудовой деятельностью, работники по найму (58%);
- женщины с высшим образованием (63%), особенно проживающие в средних и крупнейших городах – с населением от 50 до 250 тыс. или от 500 тыс. до 1 млн (68%);
- мужчины со средним специальным образованием, предприниматели и занятые индивидуальной трудовой деятельностью (67%);

– мужчины с высшим образованием, предприниматели, бизнесмены и занятые индивидуальной трудовой деятельностью (63%).

Институционализация Интернета как нового канала взаимодействия проявляется в функционировании различных практик самоорганизации в его пространстве. По нашим оценкам, через Интернет в добровольчество вовлекаются чуть больше полумиллиона человек, делают денежные пожертвования через Интернет, с помощью веб-кошелька почти в два раза меньше россиян.

Данные наших исследований подтверждают наличие потенциала для переноса практики самоорганизации из Интернета в традиционные формы. Среди молодежи, например, традиционная и онлайн формы самоорганизации пересекаются и взаимно дополняются (Мерсиянова, Солодова, 2009).

В стране развиваются социальные практики гражданского общества. Вовлеченность в них значительного числа россиян является необходимым условием становления их как массовых, устойчивых и социально значимых.

Моисеев А.С.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РАЗНЫХ ПОДГРУПП РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Проблема содержания и характеристик понятия самоопределения как социально-психологического явления до настоящего времени не получила должной проработки, а потому сохраняет высокую актуальность. Подход с позиции самоопределения дает конкретное объяснение места и роли различных социально-психологических феноменов в общей психологической структуре регуляции социального поведения личности и группы. Выполненное исследование было посвящено анализу особенностей социального самоопределения среднего класса (Купрейченко, Моисеев, 2010; Моисеев, 2011). Совокупный объект выборки исследования составил 397 респондентов, проживающих в Москве и Московской области, в возрасте от 17 до 69 лет. Одной из задач исследования был анализ самооценки социальной активности у трех различных подгрупп среднего класса, выявленных на основании социально-экономической самоидентификации респондентов.

Результаты показали, что для представителей «нижнего» среднего класса основной причиной, позволяющей считать себя социально активными, так же как и социально неактивными, является семья. Активность этих людей сосредоточена в сфере семьи. По всей вероятности, сосредоточение социальной активности в сфере семьи связано с отсутствием возможностей (прежде всего материальных) проявлять активность в других сферах, требующих более обширных горизонтальных и вертикальных социальных связей.

Другая картина наблюдается в отношении представителей «среднего» среднего класса. Эти респонденты связывают социальную активность со сферой работы. Они имеют неплохой материальный уровень и социальный

статус, вместе с тем, им есть куда развиваться. Поскольку определенные позиции уже достигнуты, можно предположить, что представители «среднего» среднего класса с более высоким оптимизмом оценивают результаты своей социальной активности, главным образом, в сфере работы. Им нет необходимости полностью «уходить в семью» как в единственную сферу, где возможны положительные результаты.

Иные причины для того, чтобы считать себя социально активными, отмечают представители «верхнего» среднего класса. Для них социальная активность – это активность на социетальном уровне. Сравнительно высокий социальный и материальный уровень этих людей позволяет им рассматривать социальную активность как активность в контексте общества в целом. Они мало проявляют активность в сфере семьи и работы, им необходимо стараться внести свой вклад в общество в целом. Это может быть связано с осознанием той идеи, что социальная активность, направленная на личные достижения в сфере семьи и работы, уже принесла свои плоды, и дальнейшее развитие в этих сферах без изменения социальных институтов и общества в целом уже не приведет к сколько-нибудь значимым качественным изменениям в жизни этих людей.

Таким образом, с ростом самооценки социально-экономического статуса можно наблюдать, как мотивация и направленность социальной активности трансформируется от личной (сфера семьи) к общественной (работа, общество в целом). Это позволяет сделать предположение, что носителем развивающейся групповой субъектности среднего класса является наиболее успешная в социальном плане подгруппа – «верхний» средний класс.

Мусийчук М.В.

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск

ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-МОТИВИРОВАННАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В ЮМОРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Интенции юмора реализуются в коммуникативных функциях языка. Коммуникация на основе юмора объединяет основания бытия и основания познания человека как коллективного существа, природа которого социальная и вместе с тем – экзистенциальна. Социальность и экзистенциальность «встречаются» в процессе общения на основе юмора. Экзистенциализм противопоставляет классическому рефлекторному анализу индивидуальное сознание через анализ экзистенциальных структур повседневного опыта человека в его полноте, конкретности, уникальности и изменчивости. В юморе артикулируются человеческие состояния, переживания, действия в ситуации отклонения от идеала или нормы.

Юмор как механизм интенционально-мотивированной контаминации (изменения смысла в результате скрещивания различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению) реализуется через передачу коммуникативной интенции (равнодействующей мотивов и целей общения).

Передача коммуникативной интенции осуществляется посредством: воздействия на восприятие содержания через языковую форму как средства изменения смысла в процессе восприятия; наличия в языке (речи) эффективных способов, влияющих на изменение смысла высказывания в процессе их восприятия. Такими способами являются: доведение до абсурда, смешение стилей, намек, ирония, метафоричность, двусмысленность, парадоксальность; динамизация смысловой системы контекста, приводящие к созданию и поддержанию контакта при минимальном количестве затраченных на это средств на различных уровнях взаимодействия (индивидуальном, межличностном, социальном); обесценивание и повышенная оценка, создающие условия для мобилизации коммуникативных ресурсов и выхода из коммуникативного кризиса через изменение целевых и операциональных установок лично-

сти; реализация в контексте языковой формы и ситуации, интерпретация языковой формы через призму ситуации или интерпретация ситуации сквозь призму языковой формы.

Процесс понимания речи, особенно юмористического содержания, предполагает не только передачу сообщения, но и установление его смысла. При этом личностный смысл (термин А.Н. Леонтьева), на наш взгляд, может быть заложен в текст только при наличии уверенности в том, что этот смысл может быть расшифрован, интерпретирован реципиентом. Смысл не существует вне системы социальных коммуникаций и открывается посредством акта коммуникации.

Базируясь на своих концептуальных структурах и фоновых знаниях, на своем видении коммуникативной или социальной ситуации, реципиент определяет, какие смысловые структуры важны для него при ориентации в изменяющейся (или изменившейся) ситуации. Действие механизма интенционально-мотивированной контаминации в процессе восприятия юмористического текста производит эффект обманутого ожидания.

Юмор представляет собой обобщенное отражение действительности, идеальную форму, выраженную на уровне смыслов, не принадлежащих самому предмету, а выражающих отношение субъекта к значению языковых высказываний, текстов, образов сознания, ментальных состояний и действий. Это находит проявление в рефлексии субъекта, способного поставить себя на место комического объекта и приложить к себе мерку идеала (Ж.П. Рихтер).

В основе смыслового восприятия комического находится форма, опосредующая выявление смысловых составляющих на начальном этапе и построение новых смысловых моделей коммуникативной ситуации с целью адекватной в ней ориентации на базе выявленных составляющих.

Насыров Р.М.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ВЛАСТИ И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Актуальность исследования особенностей мотивации власти и уровня развития эмоционального интеллекта определяется тем, что стремление к власти является одной из главных движущих сил человеческой жизнедеятельности. Реализация стремления к власти во многом определяется развитием эмоционального интеллекта: способностью к осознанию и управлению своими и чужими эмоциями и чувствами (Люсин, Ушаков, 2009). При этом уровень эмоционального интеллекта у мужчин и женщин различается, и это доказано в научных исследованиях. Так

как различается уровень эмоционального интеллекта, значит, гипотетически, может различаться и уровень мотивации власти у мужчин и женщин. Поэтому целью нашей работы является изучение особенностей мотивации власти и уровня развития эмоционального интеллекта у юношей и девушек.

Мы предполагаем, что уровень мотивация власти у юношей и девушек может сопровождаться различным уровнем развития эмоционального интеллекта. Исходя из поставленной цели и гипотезы работы, были поставлены

следующие задачи: 1. Выявить особенности мотивации власти у юношей и девушек; 2. Выявить особенности эмоционального интеллекта у юношей и девушек: а) выявить уровень развития осознания и управления своими чувствами и эмоциями; б) выявить уровень развития осознания и управления чувствами и эмоциями других людей; 3. Выявить различия в уровне развития внутриличностного и межличностного аспектов эмоционального интеллекта у юношей и девушек.

В исследовании применялись следующие методики: методика диагностики эмоционального интеллекта (Манойлова, 2003), а также методика «Мотив власти» (Соломоницина, 2005).

В качестве эмпирического объекта исследования выступили 100 (50 девушек и 50 юношей) студентов ЮФУ биологического, психологического факультетов в возрасте от 17–24 лет.

В ходе исследования выявлены различия между показателями эмоционального интеллекта в группах юношей и девушек. Девушки практически по всем показателям как внутриличностного, так и межличностного интеллекта превосходят юношей, кроме показателей понимания чувств других людей, а также показателя понимания своих чувств и эмоций. Данные показатели у юношей и девушек находятся на одном уровне. Показатели таких параметров, как управление своими чувствами и чувствами других людей, у девушек превышают показатели юношей в несколько раз. Исходя из этого мы можем сказать, что девушки обладают более высоким эмоциональным ин-

теллектом, чем юноши. Их потребность во власти более высокая, чем у юношей. Если проанализировать показатели эмоционального интеллекта каждого пола, то можно сказать, что у юношей различия во внутриличностном и межличностном аспектах между группами студентов с высокой и низкой мотивации власти имеются, но не являются огромными.

Эмоциональный интеллект юношей с высокой мотивацией к власти ниже по всем показателям внутриличностного и межличностного аспектов по сравнению с юношами с низкой мотивацией к власти. Исходя из этих данных, можно сказать, что юноши, показавшие низкую мотивацию власти, обладают более высоким эмоциональным интеллектом, чем юноши с высокой мотивацией власти. Как показали результаты исследования, девушки с низкой мотивацией власти обладают более высоким уровнем внутриличностного эмоционального интеллекта, чем девушки с высокой мотивацией. У девушек с высокой мотивацией власти показатель осознания чувств и эмоций других людей (межличностный эмоционального интеллекта), оказался выше, чем у девушек с низкой мотивацией власти.

Делая вывод относительно всей выборки респондентов, можно сказать, что студенты, обладающие высоким эмоциональным интеллектом, не имеют потребности во власти. Студенты с высокой потребностью во власти демонстрируют высокие показатели внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта, но не обладают способностью к межличностному познанию.

Неверов А.Н., Сабирова С.Б.

Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН, Саратов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Проблема экономической активности личности выступает одной из основных в экономической психологии, конституирующей предмет данной области исследований. Остается открытым вопрос о том, выступает ли данный вид активности особой формой социальной активности или же представляет собой специфический феномен. Очевидно, что выявление психологической структуры экономической активности, ее соотнесение с экономической и профессиональной деятельностью – это тот вопрос, без ответа на который экономическая психология не может в полной мере считать себя состоявшейся отраслью научного знания.

Одним из частных моментов, выявление которых необходимо для решения данной комплексной проблемы, выступает проблема определения индивидуальных особенностей детерминации экономической активности. Исходя из этого, нами было проведено исследование, направленное на выявление личностных качеств, связанных с выбором стратегии экономической активности. За основу в понимании стратегий был выбрана экспериментальная модель, разработанная М. Алле и позволившая выделить три базовых стратегии: стратегию максимизации резуль-

тата, стратегию минимизации потерь и смешанную стратегию (Allais, 1953), которые затем были подтверждены в исследовании другого французского ученого Ж. Сапира (2005) и ряда других авторов. Для определения личностных качеств нами были использованы следующие методики: 16-факторный опросник Р. Кеттелла, методика определения уровня субъективного контроля Дж. Роттера (в модификации НИИ им. В.М. Бехтерева), методика определения уровня рефлексивности личности А.В. Карпова и методика определения стиля осознанной саморегуляции В.И. Моросановой.

Общий объем выборки составил $n = 580$. На данный момент обработана первая часть связанной выборки ($n = 27$), в которой проводилось выявление факторной структуры индивидуальных свойств (на основе опросника Р. Кеттелла) в детализации по стратегиям экономической активности. В итоге были получены следующие предварительные результаты.

В группе респондентов, выбравших стратегию минимизации проигрыша (потерь), т.е. ориентированных на получение максимально гарантированного результата от своей экономической деятельности («синица в руках»),

определяющими выступают четыре фактора, объясняющие 79,7% дисперсии, обозначенные нами следующим образом: 1) «экономическое недоверие и внутренняя ответственность» (объясняет 26,8% дисперсии); 2) «рациональная непрактичность» (19,8% дисперсии); 3) «беспокойство (неуверенность)» (17,8% дисперсии); 4) фактор интеллигентности (латентного фанатизма) (15,5% дисперсии).

Выбор смешанной стратегии экономического поведения определяется тремя основными факторами, объясняющими в совокупности 65,9% дисперсии: 1) «рациональная экстраверсия» (33,2% дисперсии); 2) «экспериментирование» (17,8% дисперсии); 3) «радикализм» (14,9% дисперсии).

Выбор стратегии максимизации выигрыша объясняется четырьмя основными факторами (80,7% дисперсии): 1) «решительность» (объясняет 27,6% дисперсии); 2) «интравертированность» (рассеянность и тревожность) (22,1% дисперсии); 3) «предупредительность» (карьеризм) (18,5% дисперсии); 4) «сообразительность» (12,6% дисперсии).

Таким образом, проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что выбор каждой стратегии экономической активности детерминируется специфической структурой личностных качеств, т.е. носит ярко выраженный индивидуальный характер.

Нечепоренко О.П.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕУСПЕХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ

Поиск личностных детерминант успешного и неуспешного поведения – это область научных исследований, волнующая психологов уже несколько столетий.

В XIX в. У. Джемс вывел формулу, которая раскрывала связь успеха с такими особенностями личности, как самоуважение и уровень притязаний. Понимание успеха как положительного результата деятельности стало основанием для многочисленных исследований личностных особенностей, обеспечивающих стремление к достижениям или способствующих переживанию неуспеха.

Я.С. Хаммер (2008) проанализировал современные исследования зарубежных психологов и пришел к выводу, что «профессиональный успех – это совокупность позитивных результатов, накопленных в течение карьеры». Согласно современным отечественным исследователям, в качестве профессионального неуспеха зачастую рассматривается увольнение (Н.А. Гульянова, А.В. Селезнева, А.В. Панченко).

А.В. Селезнева (2007), изучая безработицу среди молодежи, рассматривает длительное нахождение в ситуации незанятости как неуспех, при этом изучает молодых людей с периодом безработицы 1–8 месяцев. Анализ поведенческой активности безработных, находящихся в ситуации незанятости в течение 1–12 месяцев, осуществлен А.В. Панченко. Наблюдая за безработными на протяжении трех лет, он предложил типологию безработных по критерию активности-пассивности и осознанности-неосознанности поведения (Панченко, 2008).

Потеря работы, длительное отсутствие трудоустройства является сложной жизненной ситуацией для каждого, кто сталкивался с подобными трудностями. Исследование, проведенное нами, было направлено на анализ личностных особенностей людей, переживающих профес-

сиональный неуспех, а также тех, кто добился высоких результатов в профессиональной деятельности. В исследовании приняли участие 275 человек: 112 профессионально успешных и 163 безработных, состоящих на учете в службе занятости в течение 3–12 месяцев.

Исследование показало, что личностными особенностями, определяющими неуспешность в профессиональной деятельности, являются низкий уровень притязаний и ответственности, неадекватно высокие притязания в данном виде профессиональной деятельности при отсутствии способностей к этому делу, ярко выраженный социально предписанный перфекционизм, и стабильность оптимистического стиля. Множественный регрессионный анализ позволил выявить влияние совокупности личностных особенностей на успешность / неуспешность в профессиональной деятельности: достичь профессионального успеха способны ответственные лица, умеющие планировать свою профессиональную деятельность, имеющие высокие притязания, не нуждающиеся в социальном одобрении, рассматривающие любые профессиональные ситуации как временные и ставящие себе профессиональные цели соразмерно своим способностям.

Достоверность результатов исследования подтверждена эффективностью работы с безработными, длительно состоящими на учете в Центре занятости населения по ЦАО г. Омска. На индивидуальных консультациях с каждым безработным осуществлялась диагностика личностных особенностей данных граждан, выявлялись причины профессионального неуспеха, разрабатывались рекомендации по повышению успешности личности. Значимость проведенной работы отражается в обретении безработным благополучного психологического состояния и нахождении рабочего места.

Нурлыгаянов И.Н.

Башкирский государственный университет, Уфа

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Вопросы личностного становления, развития и совершенствования представляют особую значимость как для зарубежной, так и для отечественной науки. Трансформации, происходящие в современном обществе, приводят к наполнению сознания новым ценностно-смысловым содержанием и к использованию человеком определенных стратегий в своей жизнедеятельности (Абульханова, 2002; Анцыферова, 2004). В результате в современном российском обществе обнаруживаются группы населения, типы личностей, более или менее адаптированные к новым жизненным условиям.

Целью исследования стало раскрытие основных типов самоопределения личности. Отнесение к определенному типу самоопределения личности строилось посредством микросемантического и контент-анализа студенческих сочинений, в которых предлагалось раскрыть качества и особенности личности, необходимые для реализации собственных целей, и позиции успешной адаптации и самореализации. В качестве методологической базы исследования были взяты представления о феномене самоопределения, развиваемые В.Ф. Сафиним (2004), в частности, взгляды о доминировании сущностного элемента в структуре самоопределения: интенций (потребностно-мотивационная сфера), пассивностей (психофизиологические и характерологические особенности), потенциалов (возможности, способности и склонности) и диспозиций (интериоризованные личностью требования социума).

С помощью метода экспертного оценивания были выбраны субъективно значимые для респондентов выборки «темы» (понятия). В группу экспертов вошли пять человек, имеющие ученую степень кандидата психологических наук.

Список «тем», предложенных для оценивания, содержал 21 понятие. Далее респонденты оценивали субъективную значимость каждой «темы» по пятибалльной шкале: от «полностью согласен» до «совершенно не согласен».

С помощью кластерного анализа оценивалась матрица близостей между понятиями и между респондентами. Испытуемые, вошедшие в первый кластер, отличаются направленностью на материальное благополучие и успех, стремлением к профессиональному росту и карьере. В некоторой мере можно заметить у данных испытуемых преобладание потребностно-мотивационной сферы над другими сторонами личности. Это позволило нам условно интерпретировать данный кластер как интенциональный тип самоопределения.

Второй кластер составили испытуемые, ориентированные в основном на социальные ожидания. Это, в частности, отражено в высокой представленности «тем», связанных с соблюдением общественных норм, правил и традиций и необходимостью их реализации в собственной жизнедеятельности. Согласно взглядам на проблему самоопределения личности, такая направленность на социум может говорить о доминировании диспозиций в сознании и поведении индивида. Это дает нам возможность обозначить рассматриваемый кластер как диспозиционный тип самоопределения.

В третий кластер вошли респонденты, подчеркивающие определенную роль личностных качеств в успешной реализации планов и замыслов в жизнь. Доминирование в выборе стратегии жизнедеятельности темпераментальных и характерологических особенностей позволило нам рассматривать данный кластер с точки зрения качественной интерпретации как пассивный тип самоопределения.

Испытуемые, составившие четвертый кластер, отмечают значение собственных возможностей и необходимости взаимодействия с социумом для выражения себя. Исходя из теоретических представлений об основных компонентах в структуре самоопределения и данных кластерного анализа, можно рассматривать представленный кластер как потенциальный тип самоопределения.

Португалова О.С.

Всероссийский НИИ физической культуры, Москва

АЛЬТРУИЗМ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛОНТЕРОВ

Предлагаемые тезисы представляют эмпирическое исследование психологии волонтеров, целью которого было выявить комплекс специфических социально-психологических характеристик личности волонтера. Актуальность исследования обусловлена состоянием проблемы развития волонтерства и дефицита добровольцев в России (4,6% волонтеров от всей популяции в России, где лишь каждый десятый – участник благотворительных организаций (Якобсон и др., 2011). Проблемой и отправной точкой

исследования стала недостаточная теоретическая разработанность вопроса социальной психологии волонтеров, входящего в более широкую проблему альтруизма.

В XX в. волонтерство исследовалось прежде всего в русле зарубежной социальной психологии и психологии личности. Изучались мотивация «просоциального» поведения, ценностные ориентации волонтеров, их представления о толерантности, роль добровольчества в развитии личности. В отечественных исследованиях последних лет

были выделены как психологические детерминанты волонтерской деятельности: альтруистическая направленность личности, коммуникативная компетентность и социальная экстраверсия (Азарова, 2008).

Эмпирическое исследование проводилось среди 45 жителей Москвы в 2009–2010 гг. Отбор испытуемых проводился так, чтобы состав основной группы соответствовал характеристикам реальных групп волонтеров. В нее вошли 3 мужчины и 22 женщины, средний возраст 34,4 года, все с высшим образованием, средний стаж волонтерства – 4,8 года, отсеивались студенты и «спонсоры». Группу сравнения составили 20 человек. Участники проходили тестирование по программе, которая включала специально разработанную анкету и пять тестов: «Ценности» Ш. Шварца, Ч. 1, «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса, Р. Даймонда, «Одиночество» Г.С. Корчагиной, «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, «Шкала фашизма» Т. Адорно и др. Результаты подверглись корреляционному анализу и статистической обработке.

В результате был установлен ряд достоверных различий в социально-психологических характеристиках волонтеров и неволонтеров. Волонтеры тяготеют к ценностям самопреодоления и сохранения, меньшее значение придают ценностям взаимоотношений, лучше адаптированы социально (повышен уровень самопринятия, при-

нятия других, эмоционального комфорта – эти аспекты связаны с самосознанием личности и «Я концепцией»), обладают большей личностной толерантностью. Волонтеры меньше подвержены авторитарному образу мышления (понижен уровень проективности) и субъективно реже испытывают чувство одиночества (диссоциированного). Вопрос казуальной направленности обнаруженной взаимосвязи остается открытым. На данном этапе возможна постановка дальнейших гипотез: определенные ценностные ориентации предопределяют интерес к волонтерству, а повышенная толерантность на уровне поведения и пониженный уровень одиночества возникают вследствие волонтерской деятельности.

Ценностные ориентации волонтеров направлены в сторону альтруизма, благ группы, сохранения текущего положения вещей, традиций. Компенсацией за отказ от части свобод и удовольствий служит, по-видимому, чувство безопасности и снижение тревожности, повышение самооценки и удовлетворение желания справедливости. Таким образом, волонтерство становится для личности позитивной и социально полезной тактикой решения подобных задач, повышая социальную компетентность, активность и способствуя развитию «Я», в частности решению некоторых внутренних конфликтов, когнитивного диссонанса и желания соответствовать идеальному «Я» (Яницкий, 2000).

Родина О.Н., Прудков П.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ОБ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖИВОТНЫМ

Альтруизм – это одна из наиболее примечательных форм просоциальной активности. Этому явлению посвящено множество исследований, и существует ряд моделей, объясняющих альтруистическую активность (Van Vugt, Van Lange 2008). Однако все такие исследования направлены на изучение альтруизма в отношениях между людьми, в то время как люди иногда демонстрируют альтруистическое поведение по отношению к животным.

Эта форма альтруизма рассматривается в очень малом числе работ (Neumann, 2010), хотя очевидно, что изучение этого феномена позволило бы лучше понять и механизмы альтруистических отношений между людьми.

Исходя из этих соображений, мы решили изучить активность зоозащитников – людей, которые постоянно помогают бездомным животным, тратя на это значительную часть своего времени, дохода, иногда вступая на этой почве в конфликты с родственниками, знакомыми.

Гипотезой нашего исследования была идея некоего усиленного альтруизма, т.е. предположение, что в силу каких-то личностных черт, проблем в семье, работе и т.п. некоторые люди проявляют большее сочувствие к тем, кто нуждается в помощи, и поэтому начинают активно помогать, в том числе и животным.

Для проведения исследования использовались: пятифакторный личностный опросник МакКрае и Коста, опросник на удовлетворенность браком Столина, Романо-

вой, Бутенко, а также разработанные нами опросники на удовлетворенность работой и выраженность альтруистической активности. Последний опросник включал в себя 20 утверждений о помощи людям и животным.

Было выделено две группы обследуемых. Первую группу составили 150 женщин, занимающихся зоозащитой. Случаи, когда зоозащитой занимались мужчины, были единичными, поэтому их данные исключены из анализа. Во второй группе – 56 женщин, не занимающихся помощью бездомным животным. По возрасту и образованию группы не различались.

В результате исследования оказалось, что испытуемые обеих групп не различаются по наличию работы и удовлетворенности ею, по семейному положению и удовлетворенности браком. Однако среди зоозащитников значимо больше женщин, не имеющих детей. По опроснику МакКрае и Коста две группы испытуемых значимо различаются по фактору «Привязанность – обособленность».

В группе зоозащитников, в меньшей мере по сравнению с контрольной, проявлялись такие качества, как конформность, потребность быть рядом с другими людьми. Возможно, это следствие того, что зоозащитная деятельность не очень одобряется обществом, и людям с более низким уровнем конформности легче выдержать общественное давление.

Факторный анализ опросника на альтруизм выявил два фактора. Первый фактор можно описать как сочувствие к страдающим животным, выраженность его существенно выше у зоозащитников. Второй фактор – сочувствие к нуждающимся в помощи людям – оказался у зоозащитников значительно ниже по сравнению с обычными людьми.

Два фактора, а также меньшая выраженность второго фактора у зоозащитников не соответствует гипотезе усиленного альтруизма. Эта гипотеза предполагает наличие только одного фактора альтруизма, а также то, что зоозащитники должны сострадать людям, как минимум, не слабее, чем другие члены общества. Отсут-

ствие детей не влияет на выраженность обоих факторов внутри групп.

Полученный результат можно считать удивительным. Оказывается, есть люди, которые в какой-то мере любят животных больше, чем людей! Проявление этого свойства не стимулируется обществом, и его формирование не зависит от проблем в семье и на работе, возможно, оно в какой-то мере является врожденным.

Кажется, что ни одна из известных теорий альтруизма не способна объяснить полученные данные. Необходимы новые исследования по изучению альтруизма в отношении к животным.

Рыбчак С.В.

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

В условиях системной трансформации современного белорусского общества, оказывающей мощное влияние не только на макросоциальные процессы во всех сферах общественной жизни, но и на индивидуальные судьбы людей, на их ценностные ориентации и нормы поведения, большую актуальность приобретает исследование жизненного самоопределения молодежи. Такое самоопределение является одной из основных форм включения юношества в социальную структуру общества. Оно детерминируется, во-первых, воздействием внешних экономических, социальных, политических, социокультурных факторов, а во-вторых, индивидуальным опытом и мотивацией жизнедеятельности молодого человека.

Социологический опрос, проведенный в первой половине 2012 г., показал, что более трети молодых минчан (34,8%) выбрали место работы, руководствуясь интересом к специальности. Примерно такое число юношей и девушек (31,1%) мотивирует свой выбор места работы совершенно случайными обстоятельствами. Третье место в структуре мотивации выбора работы у минской молодежи занимает заинтересованность в хороших заработках (21,3% от общей численности респондентов). Только 18% опрошенных мотивируют свой выбор места работы тем, что они направлены туда по распределению. На пятом месте в иерархии мотивов выбора места работы молодыми минчанами находятся престиж предприятия, организации или фирмы.

В жизненных планах молодежи и в их реализации важное место занимает работа по специальности. Чем выше

профессиональный статус молодого человека, тем чаще он работает по специальности. Среди тех, кто окончил вузы или техникумы, работают по специальности почти две трети опрошенных (64,4%), среди тех, кто получил специальность в профтехучилище, – половина опрошенных (50,4%), а среди тех, кто приобрел специальность в школе, – всего 16,4% респондентов.

Среди факторов, определяющих степень удовлетворенности молодых людей сделанным выбором специальности и работы по ней, важное значение имеет оценка ими того, насколько удачно складывается профессиональная карьера. В качестве положительного момента следует отметить, что 60% молодых минчан считают вполне нормальной ситуацию, которая складывается в их карьерном продвижении, а из них 11,3% полагают, что их карьера складывается весьма удачно. Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее значимыми факторами социального самоопределения минской молодежи являются любовь, семья, здоровый образ жизни и самореализация личности.

2. Большинство молодых людей, прежде всего студентов, считает важнейшими факторами социального самоопределения самореализацию творческих способностей личности, неразрывно связанную с высоким профессионализмом и мастерством в избранной сфере деятельности.

3. Современные студенты лучше других групп молодежи и представителей старших возрастных когорт вырабатывают и реализуют активную жизненную стратегию, адаптируются к рыночным отношениям.

Самохвалова А.Г.

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЗАЩИТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Многочисленные ситуации затрудненного общения «накапливают» у современных подростков негативные

эмоции. Конструктивно совладать с растущим эмоциональным напряжением ребенок в силу своих возрастных

особенностей еще не может, и поэтому чаще всего использует различные формы психологической защиты. Механизмы психологической защиты обеспечивают подростку воображаемое достижение коммуникативной цели; адаптируют его актуальные коммуникативные трудности к требованиям ситуации общения.

Мы выявили основные формы психологической защиты подростков, проявляющиеся в ситуациях затрудненного общения. Подростки, испытывающие коммуникативные трудности, связанные с негативными установками на другого человека, склонны к пассивно-протестному поведению (они могут «замкнуться» в себе, отстраниться от сверстников, игнорировать любые просьбы, демонстрировать «поведенческий уход» от травмирующей ситуации).

Для подростков, у которых преобладают коммуникативные трудности, связанные с негативным восприятием себя, характерно стремление к оппозиции. Болезненно воспринимаемая критика, претензии, насмешки, гонения являются непосильной, несоизмеримой с реальными возможностями психологической нагрузкой и порождают у подростка внутреннее напряжение, самоунижение, что приводит к негативизму, агрессии и бунту по отношению к «обидчикам».

Оппозиция часто приводит к возникновению у подростков фантазий, в которых он чувствует себя успешным и значимым; регрессивному переходу к более примитивным формам общения (разговор «детским» ломаным языком, примитивные высказывания, трудности в коммуникативном планировании, недифференцированные невербальные реакции, неадекватные коммуникативные действия). В некоторых случаях наблюдается уход в «глупость» или в «болезнь».

Подростки, испытывающие трудности, связанные с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению, часто прибегают к имитации. Ребенок стремится во всем подражать авторитетному лицу, чаще всего лидеру референтной группы, образ жизни которого, стиль одежды и поведения, сленг, даже вкусовые пристрастия безусловно принимаются зависимым подростком и являются примером для подражания.

К демонстративному поведению обычно прибегают подростки с достаточно низким уровнем развития эмпатии, понимания собеседника, эгоцентрическими установками; у таких ребят возможны проявления зависти, враждебности и агрессивности по отношению к более популярным и благополучным сверстникам. Ориентированность на внешнюю оценку и высокую результативность затрудняет поэтапную реализацию их коммуникативных программ. Демонстративные подростки часто не умеют слушать собеседника, давать адекватную обратную связь, а их обидчивость затрудняет анализ собственных коммуникативных действий.

Подростки, для которых характерны трудности самовыражения и самоанализа, часто используют такую защитную модель поведения, как компенсация – это реакция, с помощью которой подросток стремится восполнить и объяснить себе коммуникативную несостоятельность и неадекватность успехами в других видах деятельности или высоким уровнем развития других личностных качеств.

Следовательно, психологические защиты проявляются у подростков как форма адаптации к ситуациям затрудненного общения; а личность с помощью защитных реакций стремится избежать или овладеть угрожающим чувством коммуникативной некомпетентности, сохранив при этом самоуважение.

Семенова Т.В.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

СОЗЕРЦАНИЕ И ЛЕНЬ

Категория созерцания рассматривается в традициях социально-коммуникативной парадигмы психологии сознания (Акопов, 2010). Одной из основополагающих идей, отличающих эту мировоззренческую направленность, является использование термина «созерцание» в категориальном аппарате психологической науки в качестве дефиниции сознания. «Сознание и деятельность» (традиционная для отечественной психологии дихотомия) рассматривается в данном случае в варианте «созерцание и деятельность». Созерцание выступает дополнительной к деятельности категорией сознания (Агапов, Акопов, 2011). При изучении социально-психологической феноменологии различных состояний сознания, в той или иной степени соизмеримых с состоянием созерцания (например, «контакта» в общении, «инсайта» в творчестве и др.), в экспериментально-эмпирических исследованиях выявлено множество нюансов различий в репрезентации внешней и внутренней психологической индивидуальности (Акопов, Семенова, 2010; Семенова, 2012).

Переходя от деятельности к созерцанию, человек отказывается от активности, но не является ли диагностика «созерцания» выявлением симптоматики лени?

В феноменологических описаниях созерцания «удовольствие и покой», в отличие от лени, представлены в виде «умиротворения, удовлетворенности, отрешенности»; прослеживается взаимосвязь с состоянием творческого вдохновения; с точки зрения «экономии сил», лень менее продуктивна, чем созерцание. Созерцание и лень отличаются разной направленностью, а именно, желанием отказаться от чего-то неприятного, непосильного, ответственного (в случае лени), или желанием быть вовлеченным во что-то приятное, притягательное, интересное (в случае созерцания).

С точки зрения основных положений теории психических состояний (Прохоров, 2005; Михайлова, 2006), взаимоотношения созерцания и лени можно проследить по следующим критериям: полярность (лень в большей степени биполярна, чем созерцание, лень чаще не одобряет

ся, созерцание критики не вызывает), осознанность (лень более осознаваема, чем созерцание), эмоции (в созерцании преобладают положительные эмоции, в лени отрицательные), активационные параметры (в состоянии созерцания, как и в состоянии лени, ухудшаются процессы мышления и памяти), тонические параметры (малый ресурс сил в случае лени проявляется в вялости, инертности, несобранности, усталости, а в случае созерцания – во внутренней расслабленности, отрешенности, гармоничности, погруженности в свои чувства), тензионные параметры (лень противоречива, связана как с пониженным напряжением в виде волевой слабости, так и с повышенным напряжением в виде самобичевания; созерцание характеризуется пониженным напряжением-расслаблением, но вместе с тем и

желанием развивать способности к созерцанию с целью саморазвития) и др.

Отличия созерцания и лени как проявление индивидуального человеческого сознания, на наш взгляд, могут быть найдены в сфере поэтического сознания (Акопов, 2010), а как проявление особенностей группового сознания – в сфере национального самосознания (Акопов, 2002). В разрабатываемом нами «тесте преобладающего типа сознания» используется идея дихотомии «созерцание деятельность», которая позволяет на эмпирическом уровне выделять «созерцательный» (с преобладанием созерцания), «деятельностный» (с преобладанием деятельности), «критический» (и то, и то), «становящийся» (не выражено, неопределимо) типы индивидуального сознания.

Семяшкин А.А.

Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва

ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Интернет-зависимость – сравнительно новый термин, который в последнее время стал часто встречаться в профессиональной и популярной психологической литературе. Что же он значит? Под интернет-зависимостью понимается довольно широкий круг явлений, связанных с использованием Интернета. Это и чрезмерное увлечение онлайн-играми, и навязчивое желание проверять свою электронную почту, и предпочтение «кибер-секса» сексу физическому, и сильно выраженное пристрастие к работе с компьютером, и, наконец, общение в социальных сетях и чатах. В целом, интернет-зависимость можно определить как «нехимическую зависимость от пользования Интернетом» (Griffiths, 1996). Высказывается мнение, что интернет-зависимость есть не что иное, как совокупность разных аддикций, а Интернет выступает лишь средством реализации последних (Новикова, 2009). Также считается, что посредством интернет-общения человек воплощает в жизнь свои нереализованные потребности (Скобеева, 2009).

Можно ли считать интернет-зависимость действительно социально-психологическим явлением? Да, можно, и на то есть несколько оснований. Основной причиной, заставляющей человека обращаться к интернет-ресурсам, является поиск и получение информации. Но информация не дана человеку априори во «всемирной паутине». Для того чтобы получить информацию, ему необходимо сделать определенный запрос. Таким образом, когда человек входит и начинает работать в виртуальном пространстве, он погружается в отношения виртуального диалога. Такой вид диалога является определенной формой общения. А общение, как известно, представляет социальную категорию. По сути, при интернет-зависимости общение посредством Интернета заменяет реальное общение. По данным исследователей, большая часть интернет-зависи-

мых лиц «заходит» в сеть ради общения, остальную часть людей, страдающих интернет-зависимостью, привлекают информационные сервисы «всемирной паутины». Последняя особенность служит прямым подтверждением того, что интернет-зависимость имеет социально-психологическую природу.

Для того чтобы понять феномен интернет-зависимости, необходимо исследовать психологические механизмы зарождения этого явления. Очевидно, что в основе интернет-зависимости лежит не одна, а несколько причин. Тягу к виртуальному общению можно объяснить стремлением человека найти людей со схожими интересами, увлечениями, социальными установками и мировоззрениями. И «интернет-площадка» представляет для этого удобные сервисы, такие как всевозможные виртуальные клубы, группы, сообщества, чаты и т.д. Другой причиной массового распространения обсуждаемого феномена, на наш взгляд, является потребность человека в новизне, смене привычной обстановки. Попадая в виртуальное пространство, пользователь испытывает новые ощущения, оказывается в новом для себя мире, который хочется изучить и понять. Еще одна причина состоит в том, что у человека, «погруженного» в интернет-коммуникацию, вероятно, изменяется состояние сознания, и происходящее в киберпространстве кажется ему реальным.

Об усилении социальной роли киберпространства говорит ежегодно возрастающее число его пользователей. Растет и количество виртуальных «площадок» интернет-сообществ, дающих пользователям возможность обмениваться информацией в режиме реального времени. Исходя из вышеизложенных данных о целях использования Интернета его аддиктами, широкое поле для исследования феномена интернет-зависимости открывается перед социальными психологами.

Смирнов А.С.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛИЗАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ

Возможности развития социологии и психологии управления позволяют понять логику, изучить динамику и содержание процессов социализации молодежи, определить роль и место различных факторов, в частности, фактора повышения уровня социального взаимодействия государства и общества на основе высокой гражданской культуры (Феофанова, 2012). Поэтому обращение к управленческим аспектам проблемы социализации молодежи следует признать не только оправданным, но и необходимым. Объект исследования: процесс управления социализацией молодежи. Предмет: молодежная субкультура как фактор управления социализацией.

Для разработки предложений и рекомендаций по управлению социализацией молодежи в Чувашской Республике в ходе подготовки данной работы была поставлена цель: изучить влияние принадлежности к субкультурам на формы досуга и оздоровительную активность молодежи как фактора ее социализации. В работе были использованы такие методы, как анализ источников и литературы, анкетирование, опрос, беседа, обобщение и сравнение. В качестве источников использованы материалы деятельности МО и МП ЧР, ГУЗ «Республиканский центр восстановительной медицины и реабилитации» Минздравсоцразвития Чувашии. В эмпирической части изложены результаты опроса участников межрегионального молодежного фестиваля альтернативных культур «СОК» о формах проведения досуга и творческой активности, видах самооздоровления и аддиктивном поведении молодежи, дана сравнительная оценка особенностей образа жизни молодежи в зависимости от их принадлежности к субкультурам.

На основе полученных данных можно заключить следующее. 1. Лица, относящие себя к молодежным субкультурам, имеют свои особенности и отличительные черты, проявляющиеся в их образе жизни. 2. Принадлежность к

субкультурам является фактором наркотизации; к опасным в плане наркотизации субкультурам отнесли себя 19,0% всех опрошенных. 3. Отношение значительной части молодежи к собственному здоровью остается недостаточно ответственным, оздоровительная активность в целом невысокая. 4. Спектр досуговых занятий и увлечений у неформалов несколько шире, чем у прочих молодых людей, но при этом досуговая самореализация представителей молодежных субкультур имеет преимущественно развлекательно-рекреационную направленность.

При этом следует понимать, что неформальные молодежные объединения, с одной стороны, – закономерное порождение молодежной субкультуры, обусловленное историческими, экономическими, социокультурными причинами, и в них подросток «отрабатывает» идентификационную поведенческую модель, удовлетворяет потребности в общении с ровесниками. С другой стороны, воспитательный потенциал неформальных молодежных объединений изначально антигуманен, так как в них присутствует идеологическое давление на личность, культивируются физиологические, гедонистические потребности, отмечается препятствие ее морально-нравственному развитию, социализации (Топилина, 2006).

Очевидно, что полноценная социализация возможна, когда человек является не только объектом, но и субъектом этого процесса. Как субъект он усваивает социальные нормы и культурные ценности в единстве с саморазвитием, самореализацией, то есть не только адаптируется в обществе, но и активно участвует в процессе социализации, влияет на самого себя и свои жизненные обстоятельства, именно с этой позиции, и возможно управление социализацией молодежи. Игнорирование или недооценка молодежной субкультуры может существенно сказаться на эффективности работы с молодежью в регионе.

Соина И.А.

Российский новый университет, Воскресенск

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Своеобразие, отличие от других людей, особое сочетание психологических особенностей, образующих индивидуальность, проявляется не только в способностях, в чертах характера, темперамента, привычках, индивидуальном стиле деятельности, но и в индивидуальных особенностях социальной активности личности, которая находит выражение, в частности, в том, как взаимодействует личность с социальным окружением. Как неразделимый элемент социальной жизни, человек занимает определенное положение в социальной иерархии, при этом он бывает включен не в одну социальную связь и социаль-

ный институт. В течение своей жизни он проходит через множество социальных систем со своими отношениями в рамках формальной, должностной структуры, с жестко фиксированным ролевым статусом каждого из взаимодействующих субъектов, пронизанных психологическими отношениями.

При этом включенный во множество социальных связей, отношений и взаимодействий человек может выступать как их объектом, так и субъектом. То есть, являясь с одной стороны «продуктом» влияний, которые оказывает социальная система на выборы личностью внешних свя-

зей и отношений, личность, с другой стороны, самостоятельно и очень избирательно относится к окружающим социальным условиям и, в частности, к людям, лишь отдельные из которых становятся для нее субъективно значимыми. Другие же, несмотря на частоту или интенсивность контактов, признанный авторитет или высокий статус, могут не иметь важного значения или большой ценности для личности и не включаться в выделяемое сознанием пространство субъективно значимых психологических отношений, связывающих личность с ее референтным (значимым) окружением (представленным совокупностью элементов ее пространства), расположение которого в пространственной системе координат определяется оценками, представлениями, ожиданиями и предпочтениями личности – личностное социально-психологическое пространство.

Личностное социально-психологическое пространство – сложнейшее многомерное динамическое образование. Складываясь в ходе развития и становления личности, оно представляет собой систему, формируемую социальными, психологическими и ценностными составляющими, и постоянно перестраивается, при этом проявляется жизнетворческая функция выстраивающего его субъекта. Являясь субъектом своей жизни, человек сам, в соответ-

ствии с жизненными целями и ценностями, моделирует и изменяет собственное социально-психологическое пространство, которое затем оказывает воздействие на него же самого, его свойства, качества или подструктуры.

Индивидуальная изменчивость личностного социально-психологического пространства демонстрирует не только степень социальной активности индивида, но и напряженность работы внутреннего мира личности в результате активной внутренней работы. Индивидуальность выступает как организатор и преобразователь социальных обстоятельств.

В случае высокой социальной активности индивидуальность способна создавать новые обстоятельства жизни, что проявляется в выстраиваемом особым образом личностном социально-психологическом пространстве и в особенностях его динамики. В случае низкой социальной активности человек в большей степени может представляться пассивным носителем обстоятельств, но роль индивидуальности в этом случае также высока. Представляя собой источник саморазвития для личности, именно индивидуальность делает человека и выстраиваемое им личностное социально-психологическое пространство относительно независимыми от случайных влияний изменяющейся внешней среды.

Соколова Е.С.

Московский гуманитарный университет, Москва

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖНЫХ ЛИДЕРОВ РАЗНОГО ПОЛА

Исследование ценностей как факторов активности молодежных лидеров не только является важной научной проблемой, но и определяется запросами практики. Молодежные лидеры представляют наиболее активную часть молодого населения России, составляют «золотой кадровый резерв», и в будущем могут занять ключевые позиции в управлении страной. Их жизненные ценности выступают мотивационной основой, осуществляют внутренний контроль при выборе способов достижения целей, определяют вектор поведения и деятельности.

В исследовании, направленном на выявление ценностного компонента активности лидеров, была установлена специфика системы ценностных ориентаций лидеров юношей и девушек. На первом месте представлены ценности «быть любимым» и «суметь воплотить себя, свои мечты в жизнь», на втором «быть здоровым» и «иметь интересную работу», на третьем «быть уверенным в своем будущем» и «целеустремленность», на четвертом «жизненная мудрость», «достижение высокого общественного положения», «чтобы тебя понимали», «быть уверенным в себе», на пятом «жить жизнью, полной развлечений, удовольствий», «иметь широкий круг общения», «воспитанность, хорошие манеры», «быть хорошим специалистом». На последних местах оказались ценности «любить и понимать природу и искусство», «быть любознательным»,

«возможность повышения уровня мастерства в каком-либо деле», а также «иметь высокий статус в группе», «принимать участие в жизни группы» и «уметь подчинить свои собственные интересы интересам дела».

Анализ данных с учетом фактора пола определил, что у юношей в большей степени представлены ценности «жить жизнью полной удовольствий, развлечений» ($p \leq 0,003$) и «жизненная мудрость» ($p \leq 0,003$), а у девушек ценности «быть любимым» ($p \leq 0,0001$), «иметь широкий круг общения» ($p \leq 0,002$), «свобода от внутренних противоречий» ($p \leq 0,003$), «суметь воплотить себя, свои мечты в жизнь» ($p \leq 0,002$).

Кроме того, установлено, что ведущей направленностью личности у всех лидеров является направленность «на себя». Далее следуют направленности «на объект», «на сохранение отношений», «на дело» и «на самореализацию». Однако у юношей в большей степени представлены направленности личности «на объект» ($p \leq 0,0027$) и «на сохранение отношений» ($p \leq 0,004$), а у девушек «на другого человека» ($p \leq 0,003$), «на группу» ($p \leq 0,0001$) и «на самореализацию» ($p \leq 0,0041$).

Подобные результаты нуждаются в дальнейшем осмыслении и изучении таких аспектов активности лидеров, как смысловой контекст и групповые детерминанты социальной активности молодежи.

Спиридонов Я.В.

Башкирская академия государственной службы и управления, Уфа

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА КОНФЛИКТНОЙ КОНГРУЭНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Современные науки о человеке во многом опираются на необходимость рассмотрения конфликта как имманентно присущему спутнику любых реципрокных интеракций. Вместе с тем, особое место занимает проблема определения критериев и факторов конструктивной функциональности конфликта. Наша исследовательская практика позволила нам выделить определяющее условие конструктивной функциональности конфликта, которое выражается в том, что вышеотмеченное возможно лишь в том случае, если конфликт (как на эмоциональном, так и на проблемном уровне) будет осознанно пройден, или изжит в полной мере. Если же его нормальное течение будет по каким-либо причинам прервано (например, в результате избегания или насильственного подавления), то действительность вышеотмеченных функций будет в лучшем случае проблематична. Отмеченное обстоятельство прямо или косвенно подтверждается многими как отечественными, так и зарубежными специалистами в области конфликтов.

Понятие конфликтной конгруэнтности концептуально берет начало в человекоцентрированной парадигме К. Роджерса и обозначает соответствие осознания, переживания и сообщения. А.Б. Орлов и М.А. Хазанова понимают конгруэнтность как процесс безоценочного осознания человеком своих собственных реальных и актуальных ощущений, переживаний и проблем с их последующим точным озвучиванием в языке и выражении в поведении способами, не травмирующими других людей (Орлов, Хазанова, 1993).

Вместе с тем категория конгруэнтности предполагает возможность дифференциации применительно к специфическим областям человеческого взаимодействия (Нельсон-Джоунс, 2000). В соответствии с этим мы выделяем, в качестве относительно самостоятельного, такое свойство субъекта, как конфликтную конгруэнтность, которое

определяется как процесс адекватного осознания своих конфликтных переживаний и их реализации на коммуникативном, поведенческом уровне. Под конфликтными переживаниями мы понимаем спектр эмоций, связанных с противоречиями и проблемами в межличностных отношениях (Спиридонов, 2006).

В структуре конфликтной конгруэнтности мы выделяем три компонента: рефлексивный компонент, компонент реализации и компонент коррекции. Рефлексивный компонент включает в себя когнитивные процессы, направленные на наиболее точную символизацию в «Я концепции» собственных конфликтных переживаний и диспозиций.

Стоит отметить, что мы имеем дело не просто с искаженным отражением психоэмоциональных процессов и состояний в «Я концепции», а даже, может быть, с относительно автономным их функционированием. Компонент реализации образуется механизмами конструктивной реализации конфликтного потенциала. Он определяется актуальными целями личности в заданном ситуативном контексте. В традициях гуманистической психологии принято рассматривать конгруэнтность как совпадение «переживаний» и «сообщения». Вместе с тем, на наш взгляд, принципиально необходим учет ситуативного контекста с учетом актуальных и стратегических целей.

Компонент коррекции является наиболее психологически сложным в плане собственной функциональности и в некоторой степени отражает психотерапевтические аспекты. Он образуется механизмами реконструкции рефлексивного компонента в пользу большего соответствия поведенческим и психоэмоциональным проявлениям. Он, прежде всего, опирается на скрупулезный анализ содержания обратной связи, отражающей объективные проявления конфликтной активности личности (Спиридонов, 2004–2012).

Суслова Т.Ф., Булавинцева О.С.

Российский государственный социальный университет, Москва

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЕРОНТОПСИХИАТРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Исследование проводилось в 2008–2012 гг. в государственном стационарном учреждении социального обслуживания населения г. Москвы «Геронтопсихиатрический центр милосердия». Было обследовано 400 людей пожилого и старческого возраста, находящихся в учреждении свыше одного года. Обработка результатов, в том числе методами математической статистики, в настоящее время продолжается, но нам хотелось в данных тезисах осветить один из аспектов исследования – влияние некоторых со-

циальных и медицинских факторов на проявление социальной активности людей в позднем возрасте.

Выявлено, что группа с низким уровнем социальной активности является самой многочисленной (74,5%) из общей выборки: в группе пожилых – 71,8%, в старческом чуть больше (78,7%). Это люди с крайней вялостью и нестойкостью побуждений и интересов. Отмечены также половые различия в проявлении социальной активности пожилыми людьми. В общей выборке с низким уровнем

активности больше мужчин (52,7%), в группе с высоким уровнем социальной активности существенно больший процент представляют женщины (73,5%). Рассматривая результаты в группах пожилых людей и людей старческого возраста, мы отметили ту же тенденцию, что и при анализе результатов общей выборки. В группе пожилых людей мужчин с низким уровнем социальной активности 63,6%, женщин 36,4%, тогда как высокий уровень социальной активности выявлен у 65,2% женщин и у 34,8% мужчин. В группе лиц старческого возраста сохраняют позицию по высокому уровню социальной активности женщины (63,2%), мужчин же с высоким уровнем социальной активности выявлено лишь 9,1%.

В качестве одного из социальных факторов, детерминирующих социальную активность, нами рассматривался уровень образования. Установлено, что среди людей позднего возраста, имеющих неполное среднее образование и среднее образование, большая часть (56,25%) показала низкий уровень проявления социальной активности.

В группе респондентов со средним специальным и высшим образованием больше людей, имеющих высокий уровень социальной активности (52% и 74%).

С нашей точки зрения, на уровень проявления социальной активности людей позднего возраста может влиять и трудовой статус в прошлом. Выявлено, что высокий уровень социальной активности имеют лица, которые оце-

нивают свою трудовую деятельность как благополучную, удовлетворены своими достижениями, на протяжении всего трудового периода не имели случаев увольнения и снижения профессионального статуса (33,3%). Установлено также, что люди пожилого и старческого возраста, работающие на неквалифицированных работах, показали низкий уровень социальной активности (50%), также низкий уровень социальной активности имеют лица, которые по различным причинам длительно не работали (30,1%) или работали по профессии, не соответствующей образованию (35,2%).

В диагностическом плане все обследованные разделены на три большие группы: органические заболевания ЦНС, шизофрения, умственная отсталость. Было предположено, что психические заболевания не влияют на социальную активность пожилых людей. Гипотеза подтвердилась, данные виды заболевания в одинаковых долях представлены у представителей с высоким и низким уровнем социальной активности.

При длительном нахождении пожилого человека в Геронтопсихиатрическом центре происходит процесс угасания социальной активности. Если в течение года преобладают лица с высоким уровнем социальной активности (23,5%), то после 5 лет пребывания увеличивается число лиц с низким уровнем социальной активности (46%).

Тарасова Е.В.

Курский государственный университет, Курск

СРЕДА УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ГРУППЫ

В «Национальной доктрине образования Российской Федерации» определена важнейшая задача в области становления ребенка: воспитание разносторонне развитой, творческой и социально активной личности. Часто по окончании школы юноши испытывают трудности в социализации, наблюдается низкий уровень развития ответственности и инициативности. В сложившихся условиях социальная активность становится одной из самых важных предпосылок успешной адаптации личности.

Как отмечается в большинстве исследований (Андреева, 1981; Мальковская, 1988; Борисова, 2010), социальная активность является необходимым условием формирования человека как субъекта, предпосылкой всестороннего развития личности. Отсюда следует, что образовательные учреждения должны стимулировать активность учащихся, создавать условия для ее проявления.

Феномен социальной активности привлекает внимание ученых различных гуманитарных наук. Активность понимается С.Л. Рубинштейном как способность человека к систематизации в единое целое своих влечений, умение совершить волевое усилие с целью реализации своих желаний в личностно ценных и общественно значимых формах (Рубинштейн, 1973). По мнению А.Л. Журавлева, активность может быть определена как универсальный способ природно-социальных взаимодействий, в ходе ко-

торой человек развивается и проявляется как субъект (Журавлев, 2009).

Социальная активность понималась как главное в характеристике личности как субъекта общественных отношений (Т.Н. Мальковская, Т.Е. Конникова); как характеристика целенаправленной деятельности человека, связанной с преобразованием общественной среды и формированием социальных качеств личности (Т.С. Борисова); как самореализация личности в совместной деятельности (Б.З. Вульф, М.И. Рожков); как ответственное и заинтересованное отношение человека к труду, обществу (Л.Р. Жилина, В.М. Лапик). Данные авторы делают акцент на значимости социальной активности как деятельности, реализуемой личностью для общества в целом, направляющей человека на положительно окрашенные цели.

В результате, если человек осознает социальный смысл решения общественной задачи, у него доминирует внутренняя мотивация, выражающая позицию субъекта, то можно говорить о реальном проявлении социальной активности как основы социальной зрелости человека. Одним из отличительных признаков социальной активности является возможность ее проявления лишь во взаимозависимости со средой. Особенно значимым становится этот процесс в юношеские годы.

Воспитание социальной активности личности происходит через организацию преобразующей деятельности ребёнка, его участие в различных социальных практиках по выбору. Ключевым условием повышения социальной активности выступает вовлечение молодых людей в социально-полезную деятельность, в ходе которой они могут видеть позитивный результат своих действий. Особую роль в данном процессе выполняет система дополнительного образования детей, которая предоставляет подростку широкие возможности для деятельности в различных образовательных областях, детских объединениях.

О.Е. Лебедев, Б.А. Дейч и Е.Б. Евладова подчеркивают, что дополнительное образование реализует потребность в социальных связях, творческой самореализации в разновозрастном коллективе единомышленников.

Включение обучающихся в совместную деятельность выступает опосредующим фактором формирования их личности, причем ведущую роль начинает играть именно содержание этой деятельности. Совместная деятельность в группе не только помогает самореализоваться, но и стимулирует проявление социальной активности.

Томина Т.С.

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Санкт-Петербург

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В условиях развития современного общества проблема социальной активности личности занимает одно из важнейших мест. Проявление социальной активности студентов способствует их социальному самоопределению, а индивидуальная деятельность в рамках этого процесса увеличивает возможность самореализации в творческой деятельности. В целом социальная активность рассматривается современными исследователями как индивидуальная или групповая деятельность, направленная на изменения социума, на получение конкретного результата деятельности. К сожалению, многие ученые отмечают рост пассивности и инертности социальной активности молодежи (Давыдов, 2009). Однако существует и иная трактовка социальной активности, связанная с групповой структурой и такими параметрами, как массовость и степень интеграции индивидов в группах, в процессе которой возникает особый тип групповой активности (Тард, Лебон, 1998).

Поскольку одним из самых активных состояний человека и проявлений свободной деятельности является творчество (Шаронов, 1997), то представляет определенный интерес исследование социальной активности студентов творческих специальностей. Опрос студентов, обучающихся в Институте дизайна и декоративно-прикладного творчества, показал, что создание творческой атмосферы в процессе обучения способствует индивидуальному проявлению социальной активности. Это отметили 83% респондентов. Готовность к социальной активности отмечена у 72% студентов, хотя считают себя социально активными только 54%. А вот нормативная активность, ори-

ентированная на потребности самой личности, характерна для 93% опрошенных. Следует отметить, что нормативная активность связана с социальной активностью, поскольку часто является ее предпосылкой, возможностью саморазвития и самореализации субъекта. Студенты выделили ряд ценностей, ориентируясь на которые, они проявляют социальную активность. Это ценности переживания, реализуемые в процессе переживания красоты искусства и природы; ценности созидания, реализуемые в продуктивной творческой деятельности; ценности общения, обретаемые в отношениях с другими людьми; ценности преодоления кризисных ситуаций, т.е. реализация способности изменить себя, свою позицию и отношение к ситуации, поскольку изменение ситуации невозможно.

Основными проявлениями социальной активности студенты называли участие в общественных мероприятиях вуза, городских мероприятиях, конкурсах, фестивалях, выставках; участие в выборах; путешествия, поездки с друзьями; общение с друзьями в группах по интересам; активное общение в социальных сетях. Анализ индивидуального проявления социальной активности студентов творческих специальностей позволяет организовать личностно-ориентированное обучение, направленное на раскрытие творческого потенциала студентов.

Таким образом, перед преподавателями вузов, обучающихся студентов творческих специальностей, стоит весьма актуальная задача – развивать социальную активность молодых людей, поскольку это не только будет являться инструментом развития общества, но и будет способствовать проявлению творческой деятельности.

Туровцев Н.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЧЕЛОВЕКА

Адаптация человека к различным жизненным ситуациям осуществляется с помощью различных средств – психологических ресурсов, в качестве которых могут

выступать знания, умения, навыки, способности, личностные качества, убеждения человека, его ценности и т.д. Мобилизация персональных ресурсов помогает

справляться со стрессами и находить пути преодоления возникающих трудностей. Рассматривая ресурсы внутреннего мира человека, исследователи наибольшее внимание уделяют изучению таких феноменов, как психологическая защита, совладающее поведение, личностный потенциал, жизнестойкость, стрессоустойчивость (Соловьева, 2010). Проведенный анализ отечественной и зарубежной научной литературы по данной теме говорит о том, что сущность психологических ресурсов человека, их компонентный и структурный состав, а также критерии их выделения остаются не раскрытыми в достаточной мере. Ядро психологического анализа – выявление критериев, по которым можно очертить границы понятия «психологический ресурс».

Чаще всего в российских и зарубежных словарях ресурс рассматривается как источник, запас, средство, возможность для осуществления чего-либо. В толковом словаре живого русского языка В. Даля понятия ресурса нет, т.к. оно французского происхождения, однако в нем содержатся наиболее часто встречающиеся во многих словарях в качестве синонимов и определений ресурса понятия «запас» и «средство». Запас в русском языке понимается как «всё, что запасено впрок, собрано или сохранено для будущего употребления». «Средство» происходит от слова «среда» (среда, середина, половина) и означает «всё, что служит к достижению цели, к какому-либо намеренному действию». В.И. Даль пишет: «Во всяком деле различаем: намеренье, средства и конец». Таким образом, ресурс можно определить как запас средств, который служит для достижения поставленных целей. Ресурсы имеют целевое назначение, где цель или результат деятельности – один из критериев выделения ресурсов.

Содержание понятия «психологический ресурс» в современной психологии изучается в рамках развития теории психологического стресса. Обычно под психологическими ресурсами понимается совокупность внутренних и внешних переменных, способствующих психологической устойчивости человека в критических ситуациях, а также эмоциональных, когнитивных и поведенческих возможностей, которые используются человеком для адаптации к трудным жизненным ситуациям (Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Л.Г. Дикая).

В психологии стресса и его преодоления устоявшейся концепции психологических ресурсов пока не сложилось. Зато при освещении данной проблематики в научной литературе активно используются различные психологические понятия, начиная с механизмов психологической защиты и совладающего поведения и заканчивая личностным адаптационным потенциалом, личностным потенциалом, а также стрессоустойчивостью и жизнестойкостью. Все эти понятия объединяет то, что в центре внимания исследователей оказываются трудные жизненные ситуации, затруднения, стрессы, кризисы и конфликты, а также те психологические ресурсы, которые помогают человеку справляться с ними и их преодолевать. В связи с этим психологический ресурс можно определить как запас средств, который может быть задействован субъектом для преодоления им трудностей в своей деятельности. При этом мы ограничиваем понятие «психологический ресурс» только психологическими приобретениями субъекта. Критериями выделения психологических ресурсов в конкретной деятельности выступают цель (результат) деятельности и трудная ситуация, возникшая на одном из этапов выполнения деятельности.

Хачатурова М.Р.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Временная перспектива является связующим звеном между всеми сферами жизни человека. Как интегральный конструкт, связанный с множеством личностных особенностей, она способна оказать свое влияние на различные аспекты поведения человека, в том числе и на его поведение в трудных ситуациях социального взаимодействия. В зарубежной психологии проведен ряд исследований, посвященных связи временной перспективы с выбором совладающего поведения в трудных ситуациях (Zimbardo, Boyd, 1999; Wills et al., 2001; Brissette et al., 2002 и др.).

В проведенном нами исследовании приняли участие 156 человек, 87 женщин и 69 мужчин, средний возраст которых 27 лет. Для решения задач исследования были использованы методика Ф. Зимбардо на определение типа временной перспективы личности (в адаптации А. Сырцовой) и методика на выявление типов копинг-стратегий поведения Э. Хайма.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ориентация личности на будущее значимо коррелирует с

выбором адаптивных когнитивных и поведенческих стратегий (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,487$ и $r = 0,517$ соответственно при уровне значимости $p < 0,05$). Это означает, что в трудных ситуациях данные респонденты сохраняют самообладание, стараются проанализировать возникшие трудности, найти возможные пути их решения, а также сотрудничают с другими людьми. Ориентация временной перспективы личности на фаталистическое настоящее значимо коррелирует с выбором относительно адаптивных и неадаптивных эмоциональных стратегий (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,410$ и $r = 0,601$ соответственно при уровне значимости $p < 0,05$). Таким образом, в ситуации конфликтного взаимодействия такие респонденты пытаются подавить свои эмоции, покорно обвиняя себя во всем произошедшем, или, наоборот, становятся агрессивными.

Направленность личности на негативное прошлое значимо коррелирует с выбором неадаптивных эмоциональных и поведенческих стратегий (коэффициент корреляции

Спирмена $r = 0,614$ и $r = 0,434$, $p < 0,05$). Данная временная направленность чаще всего предполагает наличие в прошлом каких-то травмирующих и неприятных переживаний, которые наложили свой отпечаток на личность человека. Поэтому, столкнувшись с новой неприятной для себя ситуацией, человек старается уйти от проблемы, отступить, подавляя в себе негативные эмоции. Ориентация личности на позитивное прошлое значимо положительно коррелирует с выбором эмоциональных адаптивных стратегий (коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,498$, $p < 0,01$). В размышлении личности о своем позитивном прошлом присутствуют положительные яркие эмоциональные переживания. Следовательно, столкнувшись со сложной ситуацией, такая личность старается сохранить оптимизм и веру в собственные силы, справиться с ней

так, как это было раньше, извлечь для себя полезный опыт. Когнитивный анализ возникшей проблемы здесь уходит на второй план.

Наконец, направленность личности на гедонистическое настоящее значимо коррелирует с выбором эмоциональных стратегий и относительно адаптивных поведенческих стратегий (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,451$ и $r = 0,467$ соответственно, $p < 0,01$). Ориентации на данную временную перспективу свойственны желание жить настоящим моментом, получать удовольствие от жизни, часто не задумываясь о будущем. Следовательно, и в трудной ситуации человек старается использовать стратегии эмоциональной разрядки, компенсации, отвлечения с помощью осуществления давно запланированных дел, которые доставляют удовольствие.

Чернышев А.С., Форопонова А.А.

Курский государственный университет, Курск

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОСТИ ГРУППЫ НА АКТУАЛИЗАЦИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ В РЕШЕНИИ ГРУППОВЫХ ЗАДАЧ*

Эффективность совместной деятельности группы во многом зависит от ее организованности как свойства, сохраняющего устойчивость социальной организации в изменяющихся условиях (Чернышев, 1980). Так, в рамках социальной перцепции организованность позволяет группе согласованно отражать существенные качества личности.

Из всего многообразия черт личности оцениваются прежде всего те черты, которые непосредственно способствуют укреплению или разрушению коллектива. Слабое развитие организованности затрудняет процесс познания людей; отражаются броские, лежащие на поверхности, несущественные для коллектива черты личности (повышенная словесная и физическая активность, бойкость, напористость и т.д.). В итоге возникает установка на поверхностное отражение личности, что приводит к дефициту информации о людях и затруднению организационного взаимодействия, особенно в стрессовых ситуациях. На этой же основе возникает тенденция преувеличения роли ряда индивидов в жизни коллектива со стороны эмоционально близких им людей.

Значительно возрастает роль индивидуальных особенностей в экстремальных ситуациях с качественно различными стратегиями взаимодействия индивидов и группы. В частности, стрессогенной является ситуация выбора оптимальной стратегии с высокой ценой риска и высокой ценой индивидуальной и групповой ошибок. В этом случае наиболее типична следующая схема выбора: а) за ошибку «наказывается» ее автор; б) за ошибку любого члена группы «наказываются» все; в) за ошибку любого члена группы «наказываются» только руководители группы; г) за ошибку руководителя группы «наказывается» только группа. Такая схема порождает очень важную в психоло-

гическом отношении систему альтернатив при определении оптимального для группы «удара» стрессора (на всю группу или на наиболее сильного, опытного руководителя, или на «новеньких», слабых, психологически незащищенных и т.д., чтобы за счет их выйти из стрессогенной ситуации) (Сарычев, 2005; Чернышев, 2005). Ограниченность по времени еще более усложняет условия принятия решения, благодаря чему раскрываются, выходят на «поверхность» глубинные групповые процессы.

Динамичность процесса, повышенный коэффициент взаимного влияния объективно требуют постоянного обращения к психологии отдельных индивидов и группы в целом (особенно к ее нормам и санкциям), умения предвидеть стратегии поведения группы и индивидов. Задача решается благодаря организованности, которая на поведенческом уровне проявляется в способности коллектива самостоятельно создавать организацию в ситуации неопределенности, сочетать разнообразие мнений и форм инициативного поведения с устойчивым единством действий его участников по достижению общей цели (Крикунов, 1991; Чернышев, 1991).

Проблемным является феномен взаимодействия личного и группового сознания в оценке субординационных отношений. Совпадение личного и группового вариантов организационных отношений можно рассматривать как конкретное воплощение социально-психологических свойств коллектива в личности, т.е. как своеобразное «внедрение» коллектива в личность. При таком образовании «коллектива в личности» индивиду легко ориентироваться в организационных связях, соотносить личную стратегию с групповой. Вышеописанное можно оценить как один из механизмов самоорганизации или самоуправления коллектива.

* Работа поддержана грантом РФФИ (проект № 11-06-01102а).

Шайдакова Н.В.

Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород

«ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Выражение индивидуальности требует от личности немалых усилий в поиске и применении соответствующих средств. Современное общество потребления предлагает простой способ – выражение индивидуальности через потребляемые объекты, которые также являются маркерами социального статуса (социального признания). В ряде социально-психологических исследований была выявлена роль различных товаров для выражения индивидуальности и социального статуса потребителя: автомобили, виды кофе, марки пива, еда для кошек и др. (Дитмар, 1997).

Т. Веблен, экономист и социолог конца XIX в., ввел в научный оборот понятие, обозначающее стремление демонстрировать социальный и материальный статус посредством потребления определенных товаров и услуг, – «демонстративное (показное) потребление». В современной зарубежной психологии исследователи объясняют различия в понимании феномена демонстративного потребления: с точки зрения теории социального сравнения Л. Фестингера (Н. Ордабаева, П. Шандон), с подчеркиванием влияния подобных сравнений на развитие девиаций среди школьников на этой почве; применения его в качестве средства повышения социального статуса у наименее обеспеченных групп населения (К. Басу и др.); компенсаторного механизма показного потребления, помогающего преодолеть препятствия на пути удовлетворения нематериальных потребностей материальными способами (Э. Пуринтон).

Изучение специфики феномена «демонстративного (показного) потребления», безусловно, требует более детального рассмотрения. Целью представляемого исследования является анализ социально-психологических детерминант показного потребления подростков. В исследовании

приняло участие 80 старшеклассников, из них 16 обучаются в обычной, 64 – в «престижной» школе (гимназии, лицей). Были использованы: личностный опросник «Суверенность психологического пространства», тест-опросник самооотношения (ОСО), тест жизнестойкости, методика «Коммуникативные и организаторские способности» (КОС2) и диагностика эмоционального интеллекта Н. Холла. Идентификация распознавания и практики демонстративного потребления происходила на основе использования авторского опросника (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова).

В результате корреляционного анализа обнаружены корреляции между показным потреблением и суверенностью привычек ($r_s = 263, p = 0,05$), глобальным самооотношением ($r_s = 370, p = 0,01$), самоуважением ($r_s = 258, p = 0,05$), ожидаемым отношением других ($r_s = 313, p = 0,01$), самоинтересом ($r_s = 291, p = 0,01$), жизнестойкостью ($r_s = 436, p = 0,01$), вовлеченностью ($r_s = 420, p = 0,01$), контролем ($r_s = 363, p = 0,01$), принятием риска ($r_s = 334, p = 0,01$), коммуникативными способностями ($r_s = 278, p = 0,05$) и распознаванием эмоций других людей ($r_s = 245, p = 0,05$).

Согласно полученным данным, демонстративное потребление в подростковом возрасте положительно связано с социальной адаптированностью и ориентацией на окружающих. Следовательно, более «социабельные» подростки чаще используют показное потребление, т.к. оно наиболее вероятно обеспечивает повышение социального статуса в подростковой группе. Таким образом, «социальная компетентность» и поиск индивидуальности у подростков конвертируется в практику «престижного потребления».

Шамионов Р.М.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА

Социальная активность личности направлена на взаимодействие с социальными объектами и субъектами. Она неминуемо приводит к преобразованию ситуации, исход которой может быть как запрограммирован личностью, так и неожидан для нее. Тем не менее, неопределенность результата социальной активности не всегда является тормозящим фактором приложения усилий; более того, часто сама активность выступает самостоятельным мотивирующим основанием.

Одна из важнейших проблем при рассмотрении социальной активности личности заключается в ее огра-

ничении определенным социальным кругом (субъективными границами); ряд исследователей указывает на склонность личности пользоваться известными ей средствами, способами достижения в случае социальной неудачи.

Кроме того, имеются и данные о консервативности в освоении новых сфер деятельности, что является сдерживающим фактором социальной активности. В этом отношении выход за пределы условных (субъективных) границ является весомым продвижением личности, требующим адапционной готовности. Это в немалой степени

относится и к преодолению физических, социальных и других границ. Это же относится и к таким формам активности, как смена деятельности или места деятельности, круга общения, групп и т.п.

Достижение социального успеха культивируется институтами социализации и зависит от многих переменных – как объективных, так и субъективных. Во многих исследованиях оно связывается и с параметрами физической привлекательности, и с демографическими факторами первичной социализации, и с удачным стечением обстоятельств, а также характеристиками персональной идентичности, притязаниями, субъектными характеристиками личности и т.п.

Однако, как правило, эти результаты исследований являются либо относимыми к ряду частных ситуаций и охватывающих узкий круг объектов, либо тенденциозны и повторяют обыденные представления об успехе. Между тем, в ситуации высокой социальной конкуренции и при весьма разном отношении в социуме к личности социально успешной и аутсайдеру формируется известная психическая напряженность, отражающаяся на адаптационной готовности и потенциале. С одной стороны, она способна оптимизировать активность, с другой – напротив, снижать ее; основная проблема здесь заключается в переносе фокуса внимания с объектов социальной активности на объ-

екты социальных ожиданий, а также неуспех, источник которого находится либо в самой личности, либо в социальных фрустраторах.

Субъективные представления о социальной успешности и аутсайдерстве, основанные на социальных представлениях, выступают инстанциями личности, детерминирующими эмоционально-оценочное отношение к себе, к результатам своей активности на уровне оперативной и долгосрочной оценки. Иначе говоря, снижение субъективного благополучия личности за счет формирования установки на недостижимость обозначаемых в социуме критериев социальной успешности в значительной степени снижает адаптационную готовность.

Так, в наших исследованиях показано, что снижение притязаний при неблагоприятных обстоятельствах жизнедеятельности консервирует социальную активность за счет нивелирования в ряде областей (например, в экономических вопросах, карьерных устремлениях и т.п.) адаптационной готовности личности. Чем выше планка социальной успешности и нивелирование ее границ на разных уровнях (отсутствие ясных критериев разных уровней социальной успешности за счет акцентирования одних ее аспектов по сравнению с другими), тем очевидней трудности в постановке оперативных целей для реализации социальной активности.

Щербина А.С.

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Украина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРОСТКОВ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Актуальность формирования мировоззрения учащейся молодежи определяется сегодня, прежде всего, масштабом изменений нашего общества на всех уровнях, требующих перестройки сознания. Формирование мировоззрения подростка является одной из важнейших задач современной науки и практики. Мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации (Головин, 1998).

Целью нашего исследования был сравнительный анализ особенностей мировоззрения (установок, эмоциональной составляющей, жизненных планов и целей) подростков пользователей социальных сетей и подростков, которые практически не пользуются Интернетом. Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы №37 г. Симферополя. Всего в исследовании приняло участие 76 школьников 9–11 классов. Эмпирическое исследование предполагало два этапа. На первом этапе были выделены группы интернет-пользователей и не интернет-пользователей путем анкетирования. В каждую группу вошло по 38 человек. На втором этапе диагностированы их личностные характеристики. Они определялись с помощью методик: «Оценка уровня субъективного контроля»

Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинды, анкетирования, проективной методики «Картина мира», методики «Шкала базовых установок» Р. Янов-Бульмана, методики «Предпочитаемые переживания» Б.И. Додонова.

Результаты показали, что не интернет-пользователи в 48% случаев имеют высокий субъективный контроль по отношению к отрицательным событиям и ситуациям; подростки придают более важное значение внешним обстоятельствам; наблюдается отсутствие ответственности за свои отношения с окружающими; отсутствие связи между своими действиями и значимыми событиями. В то время как интернет-пользователям присущи: ответственность за свою жизнь в целом; подростки считают себя, свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, способными вызывать уважение и симпатию других людей.

Группе интернет-пользователей и группе не интернет-пользователей присуще здоровое чувство безопасности, которое основано на трех категориях базовых убеждений, составляющих ядро нашего субъективного мира: вера в то, что в мире больше добра, чем зла, убеждение, что мир полон смысла, убеждение в ценности собственного «Я». Уровень интернальности в обеих группах не имеет существенных отличий. В группе интернет-пользователей и в группе не интернет-пользователей доминируют под-

ростки с «пейзажной» картиной мира и с картиной мира «непосредственное окружение». В группе подростков интернет-пользователей преобладают следующие эмоции: глорические, практические, гедонистические и гностические. В группе не интернет-пользователей: коммуникативные, романтические и эстетические эмоции.

Таким образом, различия в мировоззрении подростков указанных групп имеются. Проявляются они в эмоциональной сфере и сфере контроля своей жизни (рефлексии). Полученные результаты позволили наметить профилактическую работу с подростками обеих групп, включающую тренинг целеполагания и ответственности за свою жизнь.

Раздел 8

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

В БИЗНЕСЕ

Алтухов В.В.

Лаборатория «Гуманитарные Технологии», Москва

КЕЙСОВАЯ ДИАГНОСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОДАЖАХ: НАДЕЖНОСТЬ И ВАЛИДНОСТЬ МЕТОДИКИ

Проблематика измерения индивидуальной способности к работе в сфере продаж является актуальной для современной практики в области оценки персонала в бизнесе. Для этих целей в Лаборатории «Гуманитарные Технологии» была создана под руководством А.Г. Шмелева кейсовая методика «CaseSales» (ситуационный тест продаж), а также проведена работа по исследованию надежности и валидности кейсового метода для диагностики подобного рода. Автор разработки В.В. Алтухов. Методика реализована по принципу COP – «ситуационно-операциональной решетки», которую можно рассматривать как одну из модификаций известной методики «репертуарных решеток» (Франселла, Баннистер) или «теста конструкторов» (Дж. Келли). «CaseSales» является типичным психометрическим тестом, ключи к нему строились с помощью статистической процедуры согласования экспертных оценок и последующего корреляционно-факторного анализа данных экспериментальной выборки.

Кроме того, в методике реализована авторская концепция модели основных компетенций менеджера по продажам «Большая Пятерка Продаж», суть которой заключается в выделении пяти основных компетенций, важных для любых ситуаций продаж, но в разной степени влияющих на эффективность в зависимости от ситуации и этапов продаж: ответственность; предприимчивость; клиенториентированность; влияние; ассертивность. По итогам создания методики, которая состояла из 18 кейсовых заданий (описание проблемной ситуации продаж и 10 вариантов действий на выбор в этой ситуации), были проведены серии эмпирических исследований для выявления надежности и валидности методики.

Первое исследование проводилось на интернет-выборке (220 человек, ситуация самопознания). Около 60%

участников обладали опытом продаж (причем около 30% более 3 лет), при этом около 36% обладали средней или пониженной успешностью, а 27% повышенной или высокой (данные по самооценочной шкале). Участники имели опыт продаж в различных видах и типах продаж. По итогам исследования были изменены показатели надежности и валидности кейсовой методики. Надежность (внутренняя согласованность, коэффициент α -Кронбаха) методики составила в среднем для всех шкал теста 0,64, что является достаточно высоким показателем для методик кейсового типа. Была также показана внешняя критериальная валидность методики – корреляция основной шкалы теста с критерием успешности по данным самооценки составила 0,31 (критерий Спирмена, $p < 0,01$).

Другое исследование позволило подтвердить валидность методики. Было проведено исследование с участием шести крупных компаний, на выборке около 450 менеджеров по продажам (разного типа и вида продаж). По участникам исследования были получены данные по показателям успешности в продажах (оценка производственных показателей HR-специалистами компаний), по итогам которой участники были разбиты на группы – высокоуспешные, среднеуспешные, скорее не успешные. Было произведено сравнение результатов кейсовой диагностики с показателями успешности по крайним выборкам с помощью критерия Манна-Уитни, которые подтвердили критериальную валидность методики уже на реальных данных (были получены значимое отличие по баллам, которые набирают успешные и неуспешные «продажники» по тесту, Критерий Манна-Уитни, $U = 770$, $Z = 2,4$, $p = 0,03$). Таким образом, по итогам двух исследований была показана надежность и валидность кейсового метода для диагностики индивидуального потенциала в продажах.

Анненкова Н.В., Камнева Е.В., Буянова С.М.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ЛИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ: ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Тема социальной ответственности бизнеса в последние годы все чаще поднимается в российской экономической психологии (Журавлев, Купрейченко, 2009). В широком смысле она понимается как «ответственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил, неявно определенных или не определенных законодательством, влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом» (Хваловская, 2010). В то же время проблема личной социальной ответственности (ЛСО) субъекта бизнеса разработана крайне незначительно. Поскольку социальная ответственность бизнеса является добровольным вкладом бизнеса в развитие общества, то особенности и психологические характеристики субъекта ЛСО в области этики, экологии, сострадания и пр. интересуют нас в первую очередь.

В исследовании приняли участие 20 студентов первого курса юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. Были сопоставлены данные по шкале G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (R.B. Cattell's 16PF) и методике диагностики социальной ответственности, разработанной Н.В. Анненковой. В последней представлено 7 проблемных ситуаций, к каждой из которых предлагаются три высказывания, отражающие возможные отношения индивидуума к феномену социальной ответственности: единственная ответственность бизнеса – увеличение прибыли для своих акционеров; бизнес должен делать максимально доступный вклад в решение общественных проблем, повышение качества жизни граждан и сообщества, а также в сохранение окружающей среды; социальная ответственность бизнеса сокращает долгосрочные потери прибыли, создавая в долгосрочной перспективе благоприятное социальное окружение.

Помимо этого, методика позволяет оценить ЛСО индивидуума по отношению к «другому» (ЛСО к другому),

компания (ЛСО к компании) и обществу (ЛСО к обществу).

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что если для женской части нашей выборки (10 человек) не существует зависимости ЛСО к другому, ЛСО к компании и ЛСО к обществу со склонностью к нормативному поведению (по шкале G), то у мужчин (10 человек) наблюдается иная картина. Шкала G 16-факторного теста Кеттелла коррелирует с ЛСО испытуемых к другому ($r = 0,70014$, $p \leq 0,05$) и ЛСО к компании ($r = 0,7215$, $p \leq 0,05$). В то же время у женщин наблюдается тенденция к связи ЛСО к другому с ЛСО по отношению к обществу ($r = 0,610215$), у мужчин ЛСО к другому связано с ответственностью перед компанией ($r = 0,746454$, $p \leq 0,05$).

Иными словами, в исследуемой нами группе мужчин личная социальная ответственность, проявляющаяся по отношению к другому и к обществу, связана с низкой нормативностью поведения и такими личностными характеристиками, как отсутствие усилий по выполнению групповых требований и норм, импульсивность, отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами и стандартами, гибкость по отношению к социальным нормам, свобода от их влияния, иногда беспринципность.

Помимо этого, для мужчин нашей выборки ЛСО к другому и к компании являются связанными понятиями, в то время как женщины воспринимают личную ответственность по отношению к другому скорее как ответственность перед обществом в целом.

В свете полученных данных можно предположить, что у мужчин и женщин может наблюдаться различная структура ЛСО: доминирование ответственности перед обществом или ответственности перед компанией. ЛСО также может идти вразрез с представлениями о социальной нормативности поведения наших испытуемых и быть связана с гибкостью по отношению к социальным нормам.

Антонова Н.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИДЕНТИЧНОСТЬ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕСА*

Профессиональная идентичность как феномен, соединяющий переживание себя как соответствующего самому себе и осознанную позицию, формируется в процессе деятельности и означает наличие выстроенного образа себя в профессии, связей с другими представителями профессионального сообщества и с делом. Специфика деятельности во многом определяет особен-

ности идентичности людей, занимающихся данной деятельностью, поэтому мы предположили, что существуют особенности идентичности, характерные для представителей данного вида деятельности и связанные со спецификой последней.

Целью исследования было выявление особенностей профессиональной и личностной идентичности, ценно-

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г

стей и смысложизненных ориентаций субъектов бизнеса (предпринимателей и топ-менеджеров).

Респонденты – предприниматели и топ-менеджеры коммерческих предприятий, 20 человек, в возрасте от 30 до 55 лет. Методы исследования: 1) тест «Кто Я?» М. Куна, Т. МакПартлэнда; 2) авторская методика «проблемы и решения»; 3) полуструктурированное интервью; 3) модифицированная методика личностного дифференциала (ЛД) для изучения образа «Я» в профессии; 4) модифицированный опросник Д. Супера для изучения ценностей; 5) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Согласно полученным результатам, респонденты имеют в большинстве простроенный, целостный образ себя, связанный с профессиональной деятельностью. Наиболее высокие баллы были получены по факторам оценки и активности (ЛД), что говорит об активной позиции в профессиональной деятельности. Связи с профессиональным сообществом оцениваются респондентами как высокие (в среднем 70 баллов из 98). Связи с делом выявлены на уровне 50–90%.

Затруднения в четком ответе вызвал вопрос: «Почему вы занимаетесь именно этой профессиональной деятельностью?» Часто встречающийся ответ – «Так сложилось». Изучение системы ценностей обнаружило пять наиболее распространенных ценностей: достижение целей, безопасность, эстетика, экономический эффект, самоуважение.

На основании сопоставления типа идентичности, ценностей и смысложизненных ориентаций были выяв-

лены следующие типы предпринимателей. 1. «Социальный». Тип идентичности «Преждевременная идентичность», связанный с принятием профессиональной роли «потому что так получилось» и низкой осознанностью выбора. Для данного типа характерны более низкий уровень осмысленности жизни. Преобладающие ценности: престиж, статус, власть. 2. «Стабильный». Тип идентичности «Стабильная достигнутая идентичность», для которого характерны четкое понимание себя и своего места в жизни, осознанный выбор жизненного пути. Высокий уровень смысложизненных ориентаций. Преобладающие ценности: альтруизм, достижение, безопасность. 3. «Развивающийся». Тип идентичности «Открытая идентичность», для которого характерны глубокое осознание себя и своего места в жизни при сохранении поиска и стремлении глубже понять себя. Связан со средним уровнем осмысленности жизни и следующими ценностями: самоуважение, самостоятельность, эстетика, удовлетворение. Диффузный тип идентичности среди предпринимателей и топ-менеджеров не обнаружен.

Таким образом, можно заключить, что для предпринимателей и топ-менеджеров характерны достаточно высокий уровень профессиональной идентичности и смысложизненных ориентаций, однако тип идентичности связан с ценностями и уровнем смысложизненных ориентаций и может, следовательно, определять направленность личности, индивидуальный стиль деятельности и способ профессионального и личностного самоопределения.

Белоусова В.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

КОУЧИНГ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ*

Обеспечение эффективного профессионального самоопределения является одной из непростых, но важных проблем психологии бизнеса. Современными исследователями отмечается, что способность к самоопределению – это ключевой момент бизнес-мышления и необходимое условие профессиональной успешности (Астафьева, 2003).

Несмотря на то что профессиональное самоопределение – понятие, достаточно часто используемое в современном научном языке, его трактовка, содержательное наполнение достаточно сильно разнятся. Различия в существующих подходах обусловлены представленностью в них активно-деятельностного, ценностно-смыслового и временного компонентов самоопределения (Климов, 1996; Пряжников, 2001, и др.). При этом условия современной бизнес-среды требуют не одностороннего, а комплексного рассмотрения данной проблемы с учетом специфики профессиональной деятельности.

Целью исследования было выявление ценностных, активно-действенных и временных особенностей про-

фессионального самоопределения представителей разных специальностей.

Методы исследования. Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, авторская методика «Профессиональные ценности», разработанная анкета, направленная на изучение активно-деятельностного компонента самоопределения, методика «Профессиональный план», метод интервью.

Эмпирическую базу исследования составили гуманитарные (25 чел.) и технические специалисты (26 чел.), работающие в бизнес-организациях (всего 51 человек).

Основные результаты. Исследование позволило показать наличие значимых различий в структуре ценностных ориентаций у представителей двух групп специальностей. Так, для представителей технической сферы в отличие от гуманитарной более значимыми являются – твердая воля, дружба, эффективность в делах и менее значимыми – ценность здоровья и воспитанность.

При выборе специальности большинство представителей гуманитарного профиля (72%) в первую очередь

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г

руководствовались интересом к сфере деятельности. В то время как представители технических специальностей учитывали не только интерес (46%), но и востребованность специальности (32%). Значимые различия были получены между группами и по активности в области дополнительного профессионального обучения. Технические специалисты чаще учатся, ищут дополнительные знания.

Говоря о временном компоненте профессионального самоопределения, следует отметить преобладание достаточно размытой временной перспективы в обеих профессиональных подгруппах. При этом профессиональные представления большинства гуманитарных специалистов имеют долгосрочную перспективу и неконкретны (например, «через 20 лет буду начальником»). Специалистов технических специальностей отличает более четкое и конкретное видение своего профессионального развития, при этом для них характерно преобладание среднесрочной перспективы.

Полученные данные позволяют говорить о необходимости учета данных особенностей при разработке научно-практических методов работы в области профессионального самоопределения.

На наш взгляд, одним из таких методов является коучинг. Основополагающие принципы и техники коучин-

га обеспечивают возможность эффективной работы в сфере профессионального самоопределения личности. Применение коучинг-подхода позволяет сделать процесс профессионального самоопределения более целостным, объединить активно-деятельностный, ценностно-смысловой и временной компоненты самоопределения.

Опираясь на полученные результаты, нами были проведены коуч-сессии с участниками исследования, направленные на помощь в профессиональном самоопределении и развитии. Как показали данные интервью, результатом проведенной работы стало более осознанное отношение респондентов не только к самому процессу работы, но и к своему будущему профессиональному пути. Отмечалась конкретизация планов и профессиональных перспектив, а также осознание и формулировка своих личных профессиональных ценностей, целей и действий.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о важности реализации коучинг-подхода, включающего в себя глубокую проработку ценностно-смыслового, активно-деятельностного и временного компонентов, при решении современных научно-прикладных задач оптимизации процесса профессионального самоопределения личности.

Белякова А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ*

Актуальность исследования профессионального самоопределения как процесса выбора личностью профессии и самореализации в ней обусловлена выраженным практическим запросом, сформированным в условиях социальных, экономических и политических изменений. Профессиональное самоопределение как одно из условий успешной интеграции в экономические и трудовые отношения, на наш взгляд, должно рассматриваться, в том числе, в контексте его взаимосвязи с экономической сознанием и особенностями экономической идентичности, в частности. Поэтому в нашем эмпирическом исследовании мы рассмотрим характеристики мотивационно-ценностной основы профессионального самоопределения, а также личностный профессиональный план в их взаимосвязи с экономической идентичностью, эмпирическим критерием которой является субъективный экономико-психологический статус.

Целью нашей работы являлось изучение взаимосвязи профессионального самоопределения и экономической идентичности личности как показателя субъективного самоощущения в рамках отношений собственности. Эмпирическую базу исследования составили студенты старших курсов вузов, совмещающих работу по специальности и учебу, и выпускники вузов с опытом работы до пяти лет.

Всего в исследовании приняли участие 83 человека (45 женщин и 38 мужчин) в возрасте от 20 до 29 лет.

Использовались следующие методики: методика «Определение экономико-психологического статуса личности с использованием индивидуальной шкалы благосостояния» В.А. Хащенко, методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир (в модификации А. Реана), методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, методика «Личностный профессиональный план» Е.А. Климова (в модификации Е.К. Кардовской).

На основании результатов определения экономико-психологического статуса личности выборка была разбита на несколько групп в соответствии с особенностями имущественной самокатегоризации, а также в соответствии с представлениями респондентов о доходах богатых и бедных и материальными притязаниями. Используя непараметрический критерий Манна-Уитни, мы сравнили в полученных группах результаты методик «Мотивация профессиональной деятельности» и «Ценностные ориентации». Результаты методики «Личностный профессиональный план» мы подвергли процедуре контент-анализа и сравнили результаты в сформированных ранее группах с помощью составления таблиц сопряженности и с использованием критерия Хи-квадрат.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Нам удалось доказать, что у людей с различным субъективным экономико-психологическим статусом, выделенным нами в качестве эмпирического критерия экономической идентичности, процесс профессионального самоопределения обладает своими характерными особенностями. В частности, у респондентов, субъективно ниже оценивающих свой экономико-психологический статус, ведущими мотивами профессионального самоопределения становятся мотивы достижения желаемого социально-экономического статуса, стремление к преодолению разрыва между текущим и идеальным положением индивида на индивидуальной шкале благосостояния. В их

профессиональной деятельности преобладают внешние положительные мотивы и цели, связанные с высоким и стабильным денежным заработком, возможностью продвижения по карьерной лестнице и достижением социального престижа. Для респондентов, чей субъективный экономико-психологический статус выше, характерно стремление к подлинному личностному и профессиональному саморазвитию в трудовой деятельности, наличие выраженных альтруистических ценностей профессиональной деятельности, а также ценностей и целей, связанных с подлинной самореализацией, как личностной, так и профессиональной.

Богоявленская Д.Б.

Психологический институт РАО, Москва

Клюева О.А.

Тверской государственный университет, Тверь

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИИ

Переход на рельсы рыночной экономики с особой остротой поставил проблему формирования конкурентоспособной личности, поскольку именно конкуренция выступает в качестве механизма ее развития. Выяснение того, какие качества личности, ее индивидуальные особенности обеспечивают конкурентоспособность, было одной из задач нашего исследования. С этой целью было взято интервью у 1000 респондентов различных профессий. 40% составили люди, в разных должностях работающие в бизнесе. По нашей просьбе респонденты описывали конкретный пример конкурентоспособной личности, ее преимущества в ситуации конкуренции. Контент-аналитическое исследование свободного интервью направлено на то, чтобы выявить социально-психологические характеристики образа конкурентоспособной личности, ее индивидуальных особенностей, наиболее значимых для победы в конкуренции.

Согласно социальным представлениям респондентов, конкурентоспособная личность – это, прежде всего, профессионал с высоким уровнем квалификации (29%), обладающий дополнительными профессиональными компетенциями (4%), в возрасте до 45 лет (11%).

По результатам терминологического контент-анализа интервью наиболее важными деловыми качествами конкурентоспособной личности в современных социально-экономических условиях являются: профессиональное развитие, расширение кругозора (39%), гибкость (39%), эрудиция, интеллект (31%), самостоятельность, независимость (29%), креативность (26%); решительность, настойчивость (21%), высокая работоспособность (17%), ответственность (14%), организованность, инициатива, предприимчивость (12%), прогностические способности (10%), смелость, риск (10%), активность (10%), стрессоустойчивость (7%), сила воли (6%), энтузиазм (5%), при-

верженность делу (4%), оптимизм (3%), интерес к инновациям (2%), талант (2%), требовательное отношение к себе (2%), интуиция (1%), чувство юмора (1%), самоконтроль (1%).

Согласно представлениям, существуют качества индивидуальности, характеризующие систему отношений: коммуникативные способности, общительность (56%), лидерство (12%), доброжелательность (6%), высокий уровень культуры (5%), забота о семье (1%), уверенность в себе (9%), амбиции (8%), эгоизм (4%), адекватная самооценка (2%). Среди качеств и черт, характеризующих общую направленность личности, наибольший удельный вес имеют следующие: стремление быть первым и лучшим в условиях конкуренции (69%), целеустремленность (44%), материальные ценности (31%), интерес к работе (25%), стремление занять определенное социальное положение, статус в обществе (13%), карьерный рост (13%).

Наряду с таким качеством, как честность (5%), значимость этических норм, моральные качества (3%), респонденты подчеркивали, что для достижения цели в условиях конкуренции «все средства хороши», т.е. для квазиконкурентоспособности личности в современных условиях допустима недобросовестная конкуренция (5%).

Психодиагностическое обследование по методу «Креативное поле» (Д.Б. Богоявленская) успешных профессионалов, которые не различаются по внешним показателям успешности, позволило выявить существенные характеристики конкурентоспособности личности – наличие творческих способностей, и одновременно оно помогает более четко вычленивать те качества их индивидуальности, за счет которых испытуемые, не способные на развитие деятельности по собственной инициативе, достигают видимого успеха в современных условиях.

Вавина О.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОБЛЕМ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ*

В психологии сложились различные подходы к пониманию самоопределения, его сущности и механизмов. В ряде отечественных работ под содержательной и смысловой основой самоопределения понимается идентичность личности как система представлений человека о себе, своем месте в социальной и профессиональной среде (Иванова, 2003). В нашей работе мы понимаем самоопределение как процесс конструирования и трансформации идентичности личности, который запускается тогда, когда ситуация требует от человека принятия решения и поиска решения проблемы. Развивая подход Н.Л. Ивановой, мы приходим к гипотезе о том, что показателями профессиональных деформаций могут выступать особенности идентичности, в частности, ее содержательные характеристики. Эмпирическое исследование было направлено на изучение особенностей идентичности субъектов бизнес-деятельности, испытывающих затруднения в процессе социального самоопределения, что позволяет определить наличие и характер трудностей в процессе социального самоопределения, особенности изменения личности в деятельности, возможные затруднения профессионального/личностного развития, варианты консультационной работы.

Методическое обеспечение работы: метод анкетирования, метод неоконченного предложения, метод качественного исследовательского интервью, анализ единичного случая, феноменологические методы качественного анализа материала, рефлексивные методы исследования. Тестовая методика «20 утверждений» (Кун, МакПартленд, 1984). Эмпирическая база исследования: 30 субъектов бизнес-деятельности в сферах продаж, страхования, консалтинга, предпринимательства, юриспруденции, инновационных технологий. В качестве основы для анализа содержательных характеристик идентичности мы использовали интерпретационную шкалу Т.В. Румянцевой,

согласно которой выделяются следующие компоненты идентичности: социальное Я, коммуникативное Я, материальное Я, физическое Я, деятельное Я, рефлексивное Я, перспективное Я. (Румянцева, 2006). Получены следующие основные результаты.

Особенности идентичности. Выделены тенденции самоопределения личности в бизнесе: низкая дифференцированность идентичности по отношению к жизненным сферам (преобладание характеристик 2-3 компонентов), преобладание деловых и профессиональных характеристик, сужение социального репертуара ролей, преобладание ориентации на индивидуальные характеристики.

Деформационные проявления идентичности. Смещение соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик главным образом происходит в сторону деятельного Я и рефлексивного Я, наблюдается преобладание характеристик профессиональной деятельности и сужение или отсутствие репертуара социальных ролей. Такие трансформационные процессы в литературе связываются с понятием кризиса социальной идентичности (Иванова, Румянцева, 2009). В качестве деформационного изменения мы рассматривали смещение показателей идентичности в какую-либо сторону: отсутствие показателей социального Я, низкий уровень дифференциации идентичности. Важно отметить, что одно проявление, взятое в отдельности, не позволяет судить о характере деформации, необходимо анализировать общую картину идентичности, учитывая дополнительно показатели.

Полученные результаты можно отнести к разряду предварительных, необходимы исследования на более широкой выборке, но, тем не менее, применяемый исследовательский подход открывает новые аспекты понимания и диагностики трудностей самоопределения личности в бизнесе, а также возможности консультационной работы.

Дмитриева В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В современном понимании лидерство рассматривается, прежде всего, как активная позиция во взаимодействии с окружающим миром, которая проявляется в целостном развитии личной, социальной и профессиональной сферы человека. Лидер направлен на самореализацию, на пути к которой он содействует реализации других людей, достигает экономических результатов и социального успе-

ха. Его отличает особая стратегия и точность в принятии решений, ответственность, творческий поход, что и формирует стиль жизни лидера. Согласно гуманистической парадигме, формирование, развитие и совершенствование личности происходит в течение всей жизни, уделяется особое внимание процессу становления личности лидера и его технической подготовке, начиная с раннего периода

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

жизни. Результаты исследований, проведенных в рамках дипломных работ и магистерских диссертаций на нашей кафедре, показали значимость в формировании будущего лидера таких особенностей биографии, как порядок рождения, специфика отношений с родителями, появление ранней автономии и, как следствие, раннее начало работы и др. (Кармолин, 2010; Макушева, 2008; Молл, 2007; Сухорская, 2009). Было показано, что успешных лидеров-предпринимателей отличают не только экономические результаты, но и высокий уровень здоровья, жизненного тонуса, хорошее настроение и удовлетворенность собственной внешностью. При решении моральных дилемм предприниматели-лидеры, сохраняя дипломатичность, ищут не сиюминутные решения, основанные на личных эмоциях, а исходят из критерия объективной пользы, не забывая о том, что при решении одной проблемы не должна создаваться новая, то есть их действия направлены не только на «сейчас», но и на перспективу.

Полученные результаты (Люфт, 2010; Казанцев, 2011) свидетельствуют о наличии внутреннего критерия оценки, ориентира, свойственного лидеру. Согласно полученным данным, в ситуациях морального выбора лидеры-руководители в большей степени склонны руководствоваться собственной «системой отсчета», внутренними, а не

внешними критериями. Ориентация на «интересы дела» и собственное видение ситуации являются для предпринимателей более значимыми факторами принятия решений, чем внешние нормы и установки. Такая позиция относительно этических критериев собственной деятельности связана у предпринимателей с позитивными личностными особенностями: вовлеченностью, уровнем контроля, принятием риска, жизнестойкостью, а также ценностными ориентациями

Для руководителей наиболее значимы ценности «самостоятельность» (стремление к свободе, самоконтролю) и «стимуляция» (стремление к новизне). В кросс-культурных исследованиях (Казанцев, 2011; Падиля, 2011) было показано, что лидеры, вне зависимости от национальной принадлежности, на последнее место помещают ценность «традиции» и «конформность», то есть просоциальные «ценности сохранения», а на первые места всегда выходят «ценности изменения». Полученные результаты в области изучения лидерства показывают значимость психологических факторов в достижении успеха в различных сферах деятельности, в том числе в области экономики, что делает актуальной разработку образовательных программ, направленных на развитие лидерского потенциала.

Дубиненкова Е.Н.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА ВЫБОР КАНДИДАТОВ НА ВАКАНСИИ

Для консультирования в сфере управления персоналом важно понимать значение влияния установок на принятие решения. Бизнес-среда – пространство, где профессиональные решения строятся не только на рациональности и экономической целесообразности, но зависят от личности руководителя, принимающего решения, в частности, связанные с подбором персонала. Один из факторов влияния установки руководителей на эффективность работы мужчин и женщин. Современные условия смешивают требования к деятельности; появляются новые профессии, к которым в обществе не сформированы установки и нет устойчивых требований «психологическому полу», к компетенциям. Несмотря на новизну задач, стоящих перед специалистами в сфере управления персоналом, исследования гендерных проблем имеет историю. От Платона и Аристотеля, Ж-Ж. Руссо, Э. Канта и Т. Хиггинсона, Х. Ланге, М. Лефевра, Х. Марион, Л. Мархольм, Э. Кей, Г. Гейманс, М. Мид исследования в большей степени строились на выявлении различий между женщинами и мужчинами. М. Хорнер, Э. Маккоби, С. Бэм, Н. Ходоров, К. Гиллиган, Л. Колберг, Е. Маккоби и К. Джеклин изучали условия формирования гендерной идентичности. Особенности социально-экономической жизни общества стимулировали кросс-культурные исследования в области гендерных различий (Д. Вильямс, Д. Бест).

Нами проведено исследование, направленное на выявление степени влияния гендерных установок при выборе руководителями организаций (30 мужчин и 26 женщин)

кандидатов на разные должности (программист, менеджер по продажам, менеджер по персоналу, помощник юриста). Первый этап исследований выявил представления о профессии «программист» как «мужской», «менеджер по персоналу» как «женской», а к «менеджер по продажам» и «помощник юриста» отношение не однозначное. Второй этап исследования позволил проанализировать связь выбора специалиста на указанные вакансии с поло-ролевой идентичностью руководителя. У руководителей был определен уровень маскулинности-феминности (С. Бэм); кроме того, руководителям были предложены резюме специалистов (мужчин и женщин) на вакансии, и они должны были сделать свой выбор.

Полученные данные указывают на достоверность различий по критерию Манна-Уитни, которые оказались незначимы внутри групп мужчин и женщин с разной поло-ролевой идентичностью. Женщины с феминной и андрогинной идентичностью выбирают с равной вероятностью мужчин и женщин на разные должности. Поло-ролевая идентичность мужчин также не влияет на их выбор, значимых различий между маскулинными и андрогинными мужчинами нет. Влияние гендерных установок при выборе кандидата на типично мужскую (программист) и женскую должность (менеджер по персоналу) проявляется в половине выборов, несмотря на более высокую квалификацию кандидата противоположного пола. При равной компетентности, навыках и опыте на должность менеджера по продажам руководители мужчины и

женщины одинаково часто выбирали кандидата мужского и женского пола. На выбор помощника юриста большинство руководителей, как мужчин, так и женщин, выбрали кандидата женщину, т.е. гипотеза подтвердилась в отношении руководителей-женщин и не подтвердилась в отношении руководителей-мужчин.

Внимание к изучению особенностей принятия профессиональных решений, поиск факторов, их определяющих, остается актуальным, а организационное консультирование нуждается в знаниях о влиянии гендера на профессиональную деятельность в организации.

Иванова Н.Л.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСОБЕННОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ*

В докладе представлены результаты исследования самоопределения личности в бизнесе. Особенности самоопределения связаны со многими сторонами жизнедеятельности человека: эффективностью его деятельности, способностями к самореализации, саморазвитию, преодолению кризисов и т.д.

Исследование выполнено в русле психологии бизнеса – современной междисциплинарной отрасли психологии, которая формируется как междисциплинарная область, преимущественно на сочетании подходов экономической и социальной психологии (Журавлев, Купрейченко, 2004), а также психологии деятельности (Иванова, Михайлова, Штроо, 2008).

С психологической точки зрения, бизнес представляет собой особую деятельность и в то же время сложно организованную социальную и профессиональную среду, которая оказывает большое влияние на личность человека.

Самоопределение личности в бизнесе сопровождается постижением норм, правил, ценностей и других аспектов бизнес-сообщества, а также формированием представлений у специалистов о своих профессионально-важных качествах, способностях и других характеристиках, обеспечивающих эффективность деятельности.

Рассмотрим некоторые результаты эмпирического исследования, которое проводилось нами в 2006–2009 гг. Целью исследования явилось изучение социального и профессионального самоопределения у субъектов бизнеса. Выборку составили: участвующие в управлении собственники организаций (9 человек), топ-менеджеры, руководители отделов (32 человека), менеджеры среднего звена (78 человек). Методология исследования основана на сочетании качественных и количественных методов. Использовались методы: модифицированный вариант методики «Двадцать утверждений», модифицированный вариант опросника Д. Кейрси, биографические самоописания, контент-анализ, анкетирование, интервью,

наблюдение, экспертная оценка. Основные результаты следующие.

Проблемы и кризисные проявления самоопределения личности в бизнесе. Кризис самоопределения проявляется в изменении и структуры идентичности и особенностей принятия решений. Что касается идентичности, наблюдается сужение социальных категорий и увеличение характеристик, связанных с более знакомыми, понятными общностями (семья, друзья и т.п.), в которых индивид чувствует себя защищенным и востребованным, лучше ориентируется в системе требований, норм и личностных перспектив. При этом могут наблюдаться болезненные жизненные переживания, депрессивные состояния, проблемы личностного характера (неудовлетворенность собой, пересмотр своих ценностей), неудовлетворенность межличностными отношениями.

Типы самоопределения личности. В результате кластерного анализа выявлено шесть кластеров, которые соответствуют типам самоопределения, получившим рабочие названия: деловой логический (ДЛ), деловой ценностный (ДЦ), рефлексивный аналитический (РА), рефлексивный ценностный (РЦ), базисный рациональный (БР), базисный эмоциональный (БЭ).

Анализ представлений о бизнесе, особенностей выбора этой сферы, понимания факторов успеха у представителей каждого типа.

Различия в представлениях о бизнесе у субъектов, относящихся к различным типам. Первые связаны с объективными показателями бизнеса: деятельность, социальная среда, производство товаров и услуг и т.п. Вторые – с ролью бизнеса для развития личности: самореализация, получение опыта, расширение круга общения, обучение и т.п. Третьи отражают представления о месте бизнеса в жизнедеятельности человека, как положительные, так и отрицательные: обретение свободы, реализация амбиций, интересная жизнь (положительные), зло, нарушение человеческих ценностей, угроза здоровью, потеря друзей (отрицательные).

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Киселева А.П.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ*

Социально-экономические и политические изменения последних десятилетий делают проблему изучения идентичности все более актуальной. В то же время современная экономика не может обойтись без предпринимательской деятельности населения. При этом вопрос идентичности предпринимателей остается недостаточно разработанным. Проблема изучения идентичности достаточно сложная, что отмечается многими авторами (Иванова, 2003; Стефаненко, 1999; Шнейдер, 2001).

В проведенном исследовании была сделана попытка изучения идентичности предпринимателей. Цель исследования – изучение профессиональной идентичности предпринимателей. Объект исследования: процесс профессионального и социального самоопределения личности в бизнесе. Предмет исследования: профессиональное и социальное самоопределение в бизнесе людей с различными особенностями идентичности. Выборку исследования составили 30 предпринимателей в возрасте от 22 до 56 лет, из них 17 респондентов мужчины, 13 респондентов женщины.

Методики: тест личностных конструктов Дж. Келли, модифицированный вариант методики М. Куна и Т. Мак-Партленда «Кто Я?», методическая процедура «Ассоциативные описания», методика «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) А. Е. Климова.

Исследование позволило выявить особенности представлений о бизнесе и профессиональные предпочтения испытуемых с различными системами конструктов и когнитивными компонентами идентичности. Вхождение в бизнес как профессиональную среду осуществляется предпринимателями по-разному, в зависимости от особенностей идентичности. В нашем исследовании выявлены три различных характеристики идентичности, соответствующие различным моделям вхождения в бизнес: «профессиональная», «личностная», «промежуточная».

У предпринимателей с разной спецификой идентичности разное представление о бизнесе. Для приверженцев «профессиональной» модели вхождения в бизнес представления о бизнесе выражаются, прежде всего, через профессиональные характеристики (образование, нацеленность на результат, связи и т.д.). Для приверженцев «личностной» модели представления о бизнесе выражаются через «личностные» категории (энергичный, добрый, психолог и т.д.).

Для испытуемых со средней степенью выраженности профессиональных и личностных качеств («промежуточная» модель) особенности профессиональной сферы выражаются через характеристики личностные и профессиональные, почти в равной степени. У предпринимателей с различными характеристиками идентичности различны и предпочтения в профессиональных сферах. Приверженцы «личностной» модели (преобладающие типы профессий: «человек человек» и «человек художественный образ»), отличаются от остальных (преобладающие типы профессий: «человек человек» и «человек знак»).

Полученные данные соответствуют представлениями Е.А. Климова (2004) и Н.С. Пряжниковой (1996) о профессиональном выборе, согласно которым такой выбор основывается на представлениях человека о профессии, а также о своем месте в этой профессии.

Выявленное отличие «личностной» модели вхождения в бизнес от «профессиональной» и «промежуточной» соответствует разделению идентичности на личностную и социальную. В совокупности полученные данные позволяют говорить о различии в представлениях о бизнесе и профессиональном самоопределении в бизнесе у людей с различной идентичностью.

Другими словами, представления о бизнесе и профессиональном самоопределении в бизнесе связаны с особенностями идентичности.

Китова Д.А.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, Черкесск

Ханова З.Г.

Дагестанский государственный университет, Махачкала

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

Переход российского общества к новым социально-экономическим и политическим условиям развития актуализирует проблему психологической готовности человека

к предпринимательской деятельности, которая включает в себя развитие способности к присвоению экономического опыта, его переработке, к воспроизводству в предсто-

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

** Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ, грант № 11-06-01086а.

ящей экономической деятельности, а также органичное вхождение в социальную среду и приобретение высоко-го экономического статуса. Психологическая готовность к предпринимательской деятельности является психическим состоянием личности, которое характеризуется социально-экономической направленностью, ценностно-целевыми ориентациями, субъектно-деятельностными смысловыми структурами и степенью осознанности отношений к предпринимательской деятельности, складывается в условиях индивидуального и коллективного опыта экономической жизнедеятельности.

Эмпирический анализ паттернов психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности позволил выделить и описать индивидуальные структурно-содержательные компоненты исследуемой готовности. Базовые типы экономической направленности личности студентов: иждивенческие; субъект-центрированные, или эгоистические; рациональные; коллективистские; социальные; альтруистические; демонстративные; имиджевые. Особенности ценностно-целевых ориентаций: размытость целевых ориентаций и ожидаемых результатов предпринимательской деятельности; доминирование личных интересов над коллективными и общественными; преобладание краткосрочных, оперативных целей над среднесрочными и стратегическими; низкая значимость социальных и правовых ценностей. Субъектно-деятельностные смысловые структуры: нарушение структурной логики предпринимательской деятельности; искаженность представлений о способах, средствах и временном континууме предпринимательства; выпадение из поля сознания студентов принципа единства внутренней и

внешней деятельности, а также специфики деятельностного опосредования межличностных отношений; низкая способность к предвидению и (или) преодолению нестандартных ситуаций. Степень осознанности отношений к предпринимательской деятельности: наличие неосознанного негативного отношения к предпринимательской успешности, которая проявляется при оценке личности, деятельности и социальной значимости успешных предпринимателей.

Осмысление феномена психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности в процессе обучения в вузе выявил ряд существенных противоречий между степенью изученности предпринимательства в отечественной и зарубежной психологии и уровнем концептуализации проблемы формирования психологической готовности молодежи к предпринимательской деятельности на различных этапах вузовского обучения. Доминирование экономических проблем в социальной жизнедеятельности молодых людей без возможности их разрешения приводит к конфликту их социальной идентичности, к нарастанию психологических деформаций в целостной структуре личности, к торможению профессионального становления и развития. Разрешение проблемы возможно посредством интеграции в образовательную среду вуза психолого-педагогической системы формирования нормативных моделей экономического поведения личности. Такая интеграция будет способствовать объединению молодежи в единое экономическое, политическое, социальное и культурное пространство, окажет существенное влияние на развитие института предпринимательства в современном российском обществе.

Ковалева О.А.

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома

СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СО СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ

В современных исследованиях особое внимание уделяется проблеме поиска личностью ресурсов для совладания со стрессом и профессиональным выгоранием. Острую актуальность изучение данных вопросов приобретает в среде руководителей организаций, учитывая стрессогенный характер их деятельности: высокую степень ответственности, интенсивность социальных контактов, осуществление функций контроля и стратегического развития компании. Наше исследование направлено на изучение профессионального выгорания и стратегий совладающего поведения у руководителей высшего и среднего звена.

Выборку составили 68 респондентов – руководителей высшего (директора, генеральные директора, $N = 33$) и среднего звена (начальники отделов, производства, цехов, $N = 35$) организаций г. Костромы. В исследовании использованы следующие методы: полуструктурированное интервью, тестирование (методики: МВІ («Методика диагностики профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, 1986), «Опросник способов совладания»

(Р. Лазарус, С. Фолкман, 1988; адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк) и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера, 1990; адаптация Т.Л. Крюковой).

Согласно результатам исследования, и у руководителей высшего звена, и у руководителей среднего звена выявлен средний уровень стресса и профессионального выгорания. Таким образом, стрессовые ситуации на рабочем месте приводят к повышению психической напряженности у руководителей. Но при этом менеджеры не допускают высокого уровня стресса и профессионального выгорания, в чем значимую роль играют их личностные особенности и продуктивный копинг.

Выявлены следующие корреляции: переменная «проблемно-ориентированный копинг» отрицательно коррелирует с переменными «уровень стресса» ($R = 0,265$, $p < 0,05$), «эмоциональное истощение» ($R = 0,313$, $p < 0,01$) и положительно коррелирует с переменной «профессиональная эффективность» ($R = 0,448$, $p \leq 0,0001$). Также выявлено влияние проблемно-ориентированного копинга

на профессиональную эффективность ($\beta = 0,305, p < 0,01$). Уровень стресса положительно коррелирует с эмоционально-фокусированными стратегиями: конфронтативным копингом ($R = 0,246, p < 0,05$), с самоконтролем ($R = 0,247, p < 0,05$), с принятием ответственности ($R = 0,404, p < 0,001$). Эмоциональное истощение положительно связано с самоконтролем ($R = 0,355, p < 0,01$), с принятием ответственности ($R = 0,292, p < 0,05$). Профессиональная эффективность отрицательно связана с принятием ответственности ($R = 0,260, p < 0,05$), положительно связана с положительной переоценкой ($R = 0,293, p < 0,05$).

Наличие данных связей позволяет заключить, что использование руководителями проблемно-ориентированного копинга и стратегий: «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» при совладании со стрессом и профессиональным выгоранием более эффективно по сравнению с использованием стиля «эмоционально-ориентированный копинг» и эмоционально-фокусированных копинг-стратегий. Индивидуальный продуктивный и адекватный ситуации копинг-стиль руководителя является модератором уровня психического напряжения и позволяет сохранять здоровье и психологическое благополучие.

Корягина Н.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ*

Устойчивой тенденцией мирового развития ученые отмечают разработку проблемы профессионализации управленческого труда. Управление не только профессия, труд, наука, но и искусство. Руководитель выступает субъектом управления, предметно-практической деятельности, источником управленческой активности, направленной на определенный объект управления (отдельный индивид или социальная группа). Говоря о специфике и продуктивности управленческого труда, стоит отметить повышенные требования, предъявляемые к психологическим, профессионально значимым качествам человека. На передний план выступают такие требования к личности управленца, как: быть гибким, инициативным, активным (в отношениях, в поведении, в планировании, во взглядах...). Становится очевидным, что меняется не только окружение, но и отношение к нему. Оно становится более качественным, осознанным, сложным, многоуровневым, ценностным и пр. Данные изменения оказывают влияние на самого руководителя, в частности, на его самопрезентацию, но в то же время они формируются под непосредственным влиянием этой самопрезентации.

Человек осознанно или неосознанно определенным образом предьявляет себя окружающим людям, а те, в свою очередь, формируют о нем определенное впечатление на основе поступающей информации. Это самопредьявление включает то, что осознанно создает сам человек (самопрезентация), и то, что отражает его подлинное содержание (самовыражение).

Термин «самопрезентация» также используется как синоним управления впечатлением для обозначения многочисленных стратегий и техник, применяемых индивидом при создании и контроле своего внешнего имиджа и впечатления о себе, которое он демонстрирует окружающим. Все современные социально-психологические концепции самопрезентации можно условно разделить на мотивационные (Е. Джонс и Т. Питтман, Р. Аркин, А. Шутц), лич-

ностные (А. Фенигстейн, М. Снайдер) и ситуационные (М. Лири и Р. Ковальски, Б. Шленкер). Процесс самопрезентации может быть рассмотрен на трех основополагающих уровнях: мотивационном уровне, уровне целей и уровне используемых средств. В соответствии с тремя уровнями мы можем выделить три основные единицы анализа процесса самопрезентации: стратегия, тактика и техника самопрезентации.

В нашем исследовании характеристик самопрезентации у будущих менеджеров (студентов I курса факультета менеджмента) формирование и представление окружающим собственного желаемого образа изучалось в рамках нескольких научных направлений. Понимание самопрезентации в них имеет выраженные особенности и рассматривается как: средство поддержания самооценки (Б. Шленкер и М. Вейголд, М. Лири и Р. Ковальски; Д. Майерс); средство формирования образа «Я» и самооценки (Г. Мид и Ч. Кули); реализация мотивации достижения или же избегания неудач (Р. Аркин и А. Шутц); личностная черта (Л. Фестингер, М. Шериер и А. Басс, М. Снайдер); создание определенного впечатления и регуляция собственного поведения (Ю.М. Жуков).

В ходе исследования было обнаружено, что самопрезентация включает в себя: психодинамические свойства личности, такие как экстраверсия, темп реакций и активность; высокий уровень самооценки; умение понимать отношение на основе эмоций и управлять своей эмоциональной сферой; высокие показатели мотивации на успех; хорошую мобильность в общении, умение подстраиваться под поведение партнера, а также способность изменять стиль общения в зависимости от ситуации. По результатам исследования мы можем предположить, что самопрезентация является одной из важнейших социально-психологических характеристик личности, имеющей интегративный характер в современной управленческой деятельности.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Курбатова С.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СУБЪЕКТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ВЫСШЕГО ЗВЕНА

Существующие исследования профессиональной успешности оставляют за рамками вопрос о ее внутренней картине, а также слабо освещают субъективные критерии профессиональной успешности, признавая сам факт их существования. Настоящая работа посвящена выявлению субъективных критериев профессиональной успешности, а также изучению субъективного отношения как механизма связи между профессиональной идентичностью, личностными смыслами и системой ценностей, регулирующего профессиональную деятельность и влияющего на ее ход и результаты. Мы предположили, что профессиональная идентичность, личностные смыслы и система ценностей являются критериями субъективного отношения к профессиональной успешности.

В исследовании приняли участие менеджеры высшего звена (первые и вторые лица коммерческих организаций с численностью персонала от 50 до 150 человек) из пяти секторов экономики, отвечающие внешним (социокультурным) критериям профессиональной успешности: обладающие высоким доходом, социальным положением, средней и высокой степенью влияния в организации, высоким уровнем компетентности. Методы исследования: 1) модифицированная методика Л.Б. Шнейдер; 2) методика личностного дифференциала; 3) тест «Work Values Inventory» Дж. Супера; 4) «Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Для изучения субъективных критериев профессиональной успешности и субъективного отношения к профессиональной успешности использовалось полуструктурированное интервью.

Результаты. Выделены четыре типа (интеграла) субъективного отношения к профессиональной успешности (по модели эмпирического анализа рефлексивного отношения Е.Б. Старовойтенко). Тип 1: субъективное отношение поддерживает объективное отношение (интериорируются внешние оценки без рефлексии): я делаю так, как от меня ждут, чтобы меня хорошо оценивали. Тип 2: я

убеждаюсь в соответствии субъективного и объективного отношения к оценке моей успешности, я это принимаю и а) ставлю новые цели и наращиваю обороты – развитие; б) меня это обезоруживает – застой. Тип 3: если объективное отношение негативно и противоположно направлено субъективному (по внутренним ощущениям), я готов радикальным образом менять ситуацию (разлом). Тип 4: я изменяю субъективное отношение и согласую его с объективным: в случае завышенной самооценки или заниженных требований к себе – корректирую самооценку и повышаю требования к себе, в случае заниженных внешних требований к себе – конструктивно согласую внешний и внутренний компоненты, что может привести к профессиональной деградации.

Результаты исследования также показали, что субъективные критерии профессиональной успешности существуют, но не являются ведущими (более значимыми) по сравнению с социокультурными, респонденты руководствуются при принятии решения объективными критериями. Наиболее часто упоминаемые критерии профессиональной успешности – это финансовая состоятельность и социальное влияние. Следующими по значимости критериями являются: удовлетворенность результатами деятельности (не относящимися к доходу), самостоятельность при решении задач, сфера ответственности и уровень принятия решений, осознание пользы от профессиональной деятельности для общества.

Интересно отметить упоминаемые в качестве критериев профессиональной успешности эмоции как инструмент воздействия на подчиненных и нарушение социальных стандартов как способ достижения профессионального успеха. На данный момент остается открытым вопрос о динамике субъективного отношения к профессиональной успешности, а также определении значимости (веса) каждого условия в изучаемом феномене, что требует проведения дальнейших исследований.

Мальцева А.В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ТРУДНОМ» ПОДЧИНЕННОМ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В настоящее время достаточно активно обсуждается проблема затрудненного общения. Под затрудненным общением понимается широкий спектр явлений, который можно свести к неналаженному, нарушенному, дискомфортному, неэффективному общению. При изучении управленческого взаимодействия чаще всего ставятся вопросы эффективности руководителя как субъекта общения (Лабунская, 2001). Эмоциональный интеллект спо-

собствует эффективности управленческого общения. При этом эмоциональная сторона взаимодействия является одной из наиболее важных сторон как лидерства, так и руководства (Гоулман, Бояцис, Макки, 2011).

Целью нашей работы было выявление особенностей представлений о «трудном» подчиненном у руководителей с различным уровнем развития эмоционального интеллекта. Мы предполагали, что представления о трудном

партнере у руководителей с различным уровнем эмоционального интеллекта могут различаться. В исследовании применялись следующие методики: методика «Социально-психологические характеристики субъекта общения», разработанная В.А. Лабунской (2001), и методика диагностики эмоционального интеллекта М.А. Манойловой (2004). В качестве эмпирического объекта исследования выступили руководители – менеджеры по персоналу MLM-компании (20 человек).

Наши предположения касались особенностей характеристик общения подчиненных, вызывающих затруднения у руководителей. Для их проверки мы вычислили средние показатели затрудненности общения у руководителей с различным уровнем эмоционального интеллекта и сравнили их для руководителей с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта.

На основе полученных результатов мы можем сделать вывод, что у руководителей с высокими показателями межличностного эмоционального интеллекта степень затруднений в общении с подчиненными ниже, чем у руководителей с низкими показателями. То же можно сказать и в отношении внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта.

Для выявления статистической значимости различий между показателями затрудненности в общении у руково-

дителей с высоким и низким эмоциональным интеллектом нами был использован критерий Манна-Уитни.

Мы установили, что социально-перцептивные характеристики подчиненных, вызывающие затруднения у руководителей с высоким и низким межличностным эмоциональным интеллектом, различаются на статистически достоверном уровне. Т.е. у руководителей с низким уровнем межличностного интеллекта социально-перцептивные характеристики вызывают большие затруднения.

Было установлено, что характеристики навыков взаимодействия подчиненных также вызывают меньшие затруднения у руководителей с высоким уровнем межличностного интеллекта. Относительно внутриличностного эмоционального интеллекта обнаружено, что характеристики навыков взаимодействия вызывают меньшие затруднения у руководителей с высоким уровнем внутриличностного интеллекта, чем у руководителей с низким уровнем, что также подтверждено на статистически значимом уровне.

Итак, полученные нами результаты показали, что у руководителей с различным уровнем развития внутри- и межличностного эмоционального интеллекта существуют различия в отношении характеристик подчиненных, затрудняющих общение.

Позняков В.П.

Институт психологии РАН, Москва

ИНФОРМАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА ДАННЫХ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»*

Сегодня во всем мире идет процесс интенсивного создания электронных баз данных, библиотек и соответствующих справочно-информационных систем. В интернете широко представлены справочные и образовательные ресурсы на английском и многих других языках по различным проблемам экономической психологии, в том числе – психологии предпринимательства.

В мировой науке накоплен определенный опыт психологических исследований предпринимателей и предпринимательской деятельности. Однако в этих исследованиях основное внимание уделялось изучению социальных характеристик предпринимательства (социальное происхождение, особенности воспитания и образования, прежний опыт работы, предпочтительные сферы бизнеса и т.д.). Кроме того, полученные данные характеризуют социально-психологические особенности зарубежных, прежде всего – американских предпринимателей и не могут рассматриваться как релевантные для задачи исследования психологии российских предпринимателей.

Предлагаемый проект предполагает публикацию обширного материала по малоизвестным, труднодоступным данным, полученным в результате многолетних исследований, проведенных по единой программе в ряде

регионов России группой высококвалифицированных специалистов. Разработка информационно-исследовательской базы данных и последующее создание и внедрение информационной системы в сети Интернет с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий создаст принципиально новые возможности для изучения процесса формирования и развития предпринимательства в России.

Выполнение предлагаемого проекта предполагает разработку и создание следующих модулей информационно-исследовательской системы «Российские предприниматели в изменяющемся обществе».

1. Состояние и перспективы развития социально-психологических исследований российского предпринимательства. В данном модуле будет представлен реферативный обзор исследований по психологии предпринимательства, в том числе, выполненных в последние годы, обновленная библиография по психологии предпринимательства. В специальном разделе будут представлены авторефераты кандидатских и докторских диссертаций по психологии российского предпринимательства и смежным проблемам.

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (Грант № 12-06-12042 «Информационно-исследовательская база данных «Социальная психология российского предпринимательства»).

2. Социально-психологические характеристики российских предпринимателей в изменяющемся обществе. В данном модуле будут в развернутом виде представлены результаты эмпирических исследований социальной психологии российских предпринимателей, в том числе дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций, выполненных под руководством отдельных участников проекта.

3. Региональные и гендерные особенности социально-психологических характеристик российских предпринимателей. В данном модуле будут представлены результаты опросов, проведенных по единой программе в разные годы и в различных регионах России (Москва, Центральный регион, Восточная Сибирь и Северный Кавказ), а так-

же результаты, полученные на выборках предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин.

Создание электронной информационно-исследовательской базы данных позволит предоставить доступ к собранной и систематизированной научной информации широкому кругу потенциальных пользователей в глобальной сети Интернет: исследователей, преподавателей, политиков, экономистов, менеджеров, издателей, студентов и др.

Коллективными пользователями проекта выступают научно-исследовательские организации и их подразделения, высшие учебные заведения, а также федеральные и региональные организации, занимающиеся поддержкой и развитием малого и среднего бизнеса в России.

Сашина М.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ДОВЕРИЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ*

В последнее время в психологической науке повышается интерес к проблеме доверия. Доверие рассматривается в контексте межличностного взаимодействия, в рамках исследования социального капитала, а также исследуется уровень доверия к различным институтам, структурам. Существуют исследования, в которых исследуется доверие к медицинским организациям (Изюмова, 2009). Таким образом, в связи с тенденцией увеличения доли платных медицинских учреждений (Созинова, 2005) и, соответственно, появления необходимости выбора медицинской организации для оказания помощи, встает вопрос исследования доверия к медицинской организации как фактора потребительского поведения на рынке медицинских услуг. Целью исследования стало изучение особенностей доверия к платным и бесплатным медицинским центрам и особенностей потребительского поведения на рынке медицинских услуг. Доверие к медицинскому центру нами понималось как уверенное ожидание того, что сделанный выбор медицинской организации, лечащего врача, услуги приведет к положительному результату. Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе было проведено пилотажное исследование с помощью глубинного интервью. Выборку составили 20 человек в возрасте от 21 до 63 лет. Все они имели опыт обращения в платные и бесплатные медицинские учреждения. В результате пилотажного исследования были выявлены характеристики доверия к медицинским организациям рациональные и иррациональные. Рациональные характеристики включают в себя: доверие, основанное на знании о квалификации врача (дипломы, сертификаты); доверие, основанное на совпадении результатов, и доверие, основанное на прошлом опыте. Иррациональные характеристики представляют собой доверие, основанное на личной симпатии к врачу; доверие, основанное на финансах, и доверие, основанное на позитивном ожидании.

На втором этапе в рамках основного исследования была использована специально разработанная анкета. Выборку составили 160 человек – потребители, которые обращались как в платные, так и в бесплатные медицинские центры, в возрасте от 20 до 60 лет. В результате исследования было доказано существование значимых различий в особенностях потребительского поведения при обращении в платные и бесплатные медицинские учреждения. Так, в платные центры обращаются в связи с ожиданиями комфорта, уютной обстановки, более качественного обслуживания. Выбор платного центра происходит более осознанно, потребители тщательно изучают все представленные источники информации, а также обращаются в платные центры в особо сложных, исключительных случаях. Были выявлены также особенности доверия к платным и бесплатным медицинским организациям. В частности, уровень доверия к платным медицинским организациям значимо выше как до, так и после обращения. Кроме того, обнаружены различия в характеристиках доверия: в основе доверия к платным медицинским учреждениям лежат рациональные механизмы, в то время как доверие к бесплатным медицинским учреждениям строится на основе иррациональных факторов.

Таким образом, принимая во внимания существующие исследования в области доверия к медицинским организациям, а также результаты нашего исследования, можно сделать вывод о значимости доверия в потребительском поведении пациентов на рынке медицинских услуг. Высокий уровень доверия к платным медицинским центрам, его рациональные основания могут являться факторами предпочтения, положительных ожиданий, а также более тщательного выбора данных центров. Данная связь может быть опосредована финансовыми затратами, которые несут пациенты, обращаясь в платные медицинские учреждения.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе осуществления проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Солдатов А.В.

Курский государственный медицинский университет, Курск

РОЛЬ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГРУППЕ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Взаимодействие людей всегда происходит в континууме реального времени, на восприятие и переживание которого влияет множество факторов, в том числе и индивидуальные особенности временной перспективы личности. Важность оптимизации взаимодействия в трудовом коллективе подчеркивается многими исследователями как фактора, ведущего к повышению эффективности организации в целом (Занковский, 2002; Никифоров, 2004, и др.).

Наше исследование было направлено на выяснение роли фактора временной перспективы в организации взаимодействия менеджеров среднего звена. Для диагностики временной перспективы был использован опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой (2008). Для изучения особенностей взаимодействия применялась аппаратная методика «Арка» Л.И. Уманского. Особенности взаимодействия менеджеров среднего звена оценивались по следующим критериям: выраженность лидерского потенциала, стиль лидерства, склонность к лидерству каждого члена группы, конфликтность группы, кооперированность группы, контроль совместной деятельности, степень реализации требований инструкции, степень предварительного планирования и т.д. (Чернышев 2005; Сурьянинова, 2011).

Выборку исследования составили 23 менеджера среднего звена управляющей компании «Группа компаний «Разгуляй» в г. Курске. Для статистического анализа нами был использован непараметрический критерий U Манна-Уитни. В результате сравнения группы, продемонстрировавшей эффективное взаимодействие, с группой не-

эффективно взаимодействующих менеджеров нами были получены значимые различия по ряду параметров временной перспективы личности.

1. Группы различаются по показателю «гедонистическое настоящее» ($p = 0,015$). Уровень показателя «гедонистическое настоящее» выше в группе неэффективно взаимодействующих менеджеров. Можно сказать, что человек, имеющий выраженную ориентацию на получение удовольствия и возбуждения в настоящем, отсутствие заботы о последствиях, будущих выгодах и наградах, не склонен к организации эффективного взаимодействия.

2. Группы различаются по показателю «позитивное прошлое» ($p = 0,045$). Уровень показателя «позитивное прошлое» выше в группе эффективно взаимодействующих испытуемых. Таким образом, человек, склонный к сентиментальному, ностальгическому и теплomu отношению к своему прошлому и характеризующейся позитивной его реконструкцией, более продуктивно, с позитивным настроением включается в совместную деятельность.

3. Группы различаются по показателю «будущее» ($p = 0,038$). Уровень показателя «будущее» выше в группе менеджеров, демонстрирующих эффективное взаимодействие в совместной деятельности. Менеджеры, ориентированные на будущее, когда их жизнь определяют планы и стремления к достижению поставленных целей и вознаграждения будущего, характеризуются более активным, планомерным и целенаправленным включением в совместную деятельность, что определяет эффективность работы всего коллектива.

Черныш М.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ*

Малый бизнес, или предпринимательство, как особая форма экономической и социальной деятельности является объектом пристального внимания экономистов, социологов, психологов и политологов. Подобный интерес к малому бизнесу обусловлен тем, что данная форма профессиональной деятельности приобретает все большую популярность и вносит значительный вклад в экономическое развитие общества. Поэтому малый бизнес является объектом изучения многих научных отраслей. Одновременно с этим установлено, что личность, ее качества являются ключевым элементом в малом бизнесе

(Кунц, О'Доннел, 1981; Мескон, Альберт, Хедоури, 1992; Смирнов, 2001), принятие решений рассматривается как основная функция управления, через которую реализуется управление в целом (Виленский, 2004; Благов, 2005; Крутик, Пименова, 2005; Марков, Новиков, 2004). Следовательно, встает вопрос об изучении индивидуально-психологических особенностей, влияющих на принятие решений в малом бизнесе.

Целью исследования было изучение индивидуально-психологических особенностей, необходимых для принятия решения на разных этапах существования бизнеса

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

(становления, развития, плато и кризиса). В исследовании использовались качественные и количественные методы: групповая дискуссия (для уточнения списка индивидуально-психологических особенностей предпринимателей), полуструктурированное интервью и специально разработанный методический инструментарий, направленный на оценку значимости индивидуально-психологических качеств при принятии решения на разных этапах функционирования бизнеса. Выборка состояла из 20 руководителей малого бизнеса со стажем работы 10 лет и более, единолично управляющих своей фирмой.

В результате были выявлены как специфические (необходимые для принятия решений на отдельных этапах жизненного цикла организации), так и универсальные (необходимые для принятия решений на всех этапах существования бизнеса) индивидуально-психологические характеристики. Было также обнаружено, что наиболее требовательным к личности бизнесмена является этап кризиса. Для данного этапа было обнаружено максимальное количество значимых различий ($p \leq 0,05$, критерии Краскала-Уоллеса, Манна-Уитни). По мнению бизнесменов, для данного этапа характерна мобилизация сил, концентрация внимания на приоритетных задачах, а также максимальная сосредоточенность на деле. Так, в ка-

честве важных качеств на данном этапе были выявлены такие характеристики, как волевые качества, жесткость, инициативность, последовательность, предприимчивость, решительность, умение адаптироваться и стрессоустойчивость. На этапе становления организации является значимой только одна характеристика личности бизнесмена: требовательность. На этапе развития для решений, связанных с персоналом, необходимы такие индивидуально-психологические характеристики личности бизнесмена, как агрессивность, требовательность, властность и хладнокровность. Наиболее спокойным и наименее требовательным этапом для бизнесменов является «плато». Для данного этапа характерно некоторое ослабление требований к личности бизнесменов, появление значимости такой индивидуально-психологической особенности, как эмоциональность.

В качестве универсальных характеристик, выделенных как значимые на всех этапах существования бизнеса, предпринимателями были отмечены умение определять приоритеты и умение разбираться в людях. Данные характеристики обусловлены самой спецификой малого бизнеса, которая требует от руководителя постоянного взаимодействия с людьми и умения выделить первостепенные задачи.

Раздел 9

ИНДИВИД И ОРГАНИЗАЦИЯ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Брукштын К.А.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, ЖЕЛАЕМАЯ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ КАРЬЕРНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ

Организационная культура (ОК) рассматривается как феномен, определяющий удовлетворенность сотрудника работой, а также привлекающий в организацию ценных сотрудников (Аверин, 2006; Аксеновская, 2008; Стоянова, 2005; Фофанова, Брукштын, 2010; Alvesson, 2002; Kunde, 2002; Rogelberg, 2007). Степень принятия ОК напрямую связана с соотношением организационных ценностей с ценностями индивидуальными (Барсегян, 2010; Васильева, 2009; Зайцева, 2006; Овсейчик, 2009). Наша гипотеза состоит в том, что образ желаемой организационной культуры связан с карьерными ориентациями сотрудника. Методологическая основа исследования представлена теоретической моделью «Рамочная конструкция конкурирующих ценностей» (Cameron, Quinn, 2005) и концепцией Э. Шейна о типах карьерных ориентаций (Schein, 2004).

Методики: инструмент оценки организационной культуры (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна и тест Э. Шейна «Якоря карьеры». Выборка: 180 работающих человек мужского и женского пола с различными карьерными ориентациями, разных возрастов и с разным стажем работы.

Э. Шейн выделяет 9 карьерных ориентаций (Schein, 2004). С помощью факторного анализа мы разбили эти карьерные ориентации на три карьерных типа. Тип 1 «Преданные делу профессионалы»: Стабильность работы (0,752), Профессионализм (0,738), Служение (0,706), Менеджмент (0,618). Тип 2 «Независимые новаторы»: Предпринимательство (0,814), Независимость (0,779), Вызов (0,579), Менеджмент (0,566). Тип 3 «Консервативные интеграторы»: Стиль жизни (0,913), Стабильность места жительства (0,647).

Основные результаты. Вне зависимости от преобладающих карьерных ориентаций, а также от пола, возраста, в качестве желаемой ОК типа «Клан» выбрало большин-

ство респондентов. Наибольшее предпочтение ОК типа «Адхократия» отдают «Независимые новаторы». В качестве желаемой ОК тип «Рынок» выбрало меньшинство респондентов. Среди этого меньшинства наибольшее предпочтение данному типу отдают «Независимые новаторы». Наибольшие предпочтения бюрократическому типу ОК отдают «Преданные делу профессионалы» и «Консервативные интеграторы». Таким образом, желаемые типы ОК в зависимости от карьерных ориентаций сотрудников разделились на две группы: первая группа представлена ОК типов «Клан» и «Бюрократия», вторая группа включает ОК типов «Адхократия» и «Рынок».

По рамочной конструкции конкурирующих ценностей культуры разделились по измерению «внутренняя ориентация – внешняя направленность».

Таким образом, в результате эмпирического исследования наша общая гипотеза подтвердилась частично, а именно: 1) в образах желаемой ОК не наблюдается статистически значимых различий между сотрудниками карьерных типов «Преданные делу профессионалы» и «Консервативные интеграторы». Однако предпочтения «Независимых новаторов» значительно отличаются от этих двух типов; 2) сотрудники с такими карьерными ориентациями, как «Стабильность работы», «Профессионализм», «Служение», «Менеджмент», «Стиль жизни», «Стабильность места жительства» чаще выбирают ОК типа «Клан» и «Бюрократия». А сотрудники с такими карьерными ориентациями, как «Предпринимательство», «Независимость», «Вызов», «Менеджмент» чаще других предпочитают ОК типа «Адхократия» и «Рынок»; 3) карьерные ориентации сотрудника при выборе образа желаемой ОК связаны, в первую очередь, с ценностью для сотрудника интеграции и единства (внутренняя ориентация) или дифференциации и соперничества (внешняя ориентация).

Григорян Л.К., Лебедева Н.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ*

Было проведено кросс-культурное исследование с целью изучения культурно-психологических особенностей неформальных связей в организациях и их влияния на организационную лояльность. Объектом исследования явились неформальные связи в организациях, предметом – кросс-культурные особенности неформальных связей в организациях как основы организационной лояльности. Были выдвинуты две гипотезы: (1) о существовании культурно-универсальной взаимосвязи между компонентами неформальных связей в организации и организационной лояльностью; и (2) о культурной специфике особенностей влияния неформальных связей на организационную лояльность, обусловленной индигенными моделями неформальных отношений. Для проверки гипотез использовался (1) метод социально-психологического опроса, с применением методики для исследования структуры неформальных связей в организации (Й. Чен, П. Смит; перевод – Н.М. Лебедева, Л.К. Григорян) и (2) шкалы организационной лояльности (Дж. Мейер, Н. Аллен; перевод Н.М. Лебедева, Л.К. Григорян). Данные обрабатывались с помощью конфирматорного факторного анализа и моделирования структурными уравнениями. В ходе исследования обе гипотезы были подтверждены.

В исследовании было доказано, что индигенные модели неформальных связей в организации имеют одинаковую, культурно-универсальную структуру. Было также показано, что в каждой культуре характер влияния неформальных связей на организационную лояльность имеет свою специфику, обусловленную индигенными моделями неформальных отношений и характеристиками данной культуры. Были описаны культурно-специфические паттерны влияния компонентов неформальных связей на

организационную лояльность для пяти стран: Сингапур, Саудовская Аравия, Бразилия, Великобритания, Россия.

В Сингапуре почтение к руководителю положительно влияет на все три компонента организационной лояльности, эмоциональная привязанность – положительно на аффективную и нормативную лояльность, а включенность в личную жизнь негативно влияет на континуальную лояльность. В России эмоциональная привязанность положительно влияет на аффективную и нормативную организационную лояльность. В Саудовской Аравии включенность в личную жизнь руководителя негативно влияет на аффективную организационную лояльность, а эмоциональная привязанность положительно влияет на все три компонента организационной лояльности. В Бразилии только почтение к руководителю положительно влияет на нормативную организационную лояльность. В Великобритании эмоциональная привязанность положительно влияет на все три компонента организационной лояльности, и почтение к руководителю – на континуальную организационную лояльность.

Таким образом, в исследовании разработан психологический подход для изучения кросс-культурных особенностей неформальных связей в организациях как основы организационной лояльности. Ранее данная проблематика разрабатывалась преимущественно в менеджериальной и социологической парадигме. На пересечении социальной, организационной и кросс-культурной психологии были проанализированы культурно-универсальные и культурно-специфические аспекты природы неформальных отношений, а также роль неформальных отношений в организационной лояльности в контексте разных культур.

Грязева-Добшинская В.Г., Глухова В.А., Глухов П.С.

Национальный исследовательский университет «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ К СУБЪЕКТАМ ТВОРЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Эффективность развития той или иной культурной системы, сообщества (организации, предприятия) зависит от отношения различных социальных субъектов (субъектов, выполняющих социальные роли в творческой и инновационной деятельности – руководителей проектов, лабораторий) к людям, создающим творческие продукты, – поддержка их деятельности, предоставление возможности участия в креативных и инновационных проектах.

Создана психодиагностическая технология РОССТЛ (Грязева-Добшинская, Бакунчик, Глухова, Мальцева, 2008), которая выявляет отношения субъектов к людям, занимающимся творческой и инновационной деятельностью. Технология РОССТЛ включена в программу психологического инновационного аудита менеджмента предприятий для определения эмпирических оснований оптимизации взаимоотношений менеджеров и творцов,

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00056а («Взаимосвязь компонентов психологической структуры социального капитала и установок экономического поведения»).

** Работа поддержана грантом РГНФ № 08-06-00633а.

инноваторов в проектных командах. Диагностическая технология РОССТЛ («Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями») выявляет толерантность – интолерантность субъектов к типам творцов, к ценностям, социальным ролям, связанными с творчеством и инновациями. РОССТЛ интегрирует возможности психосемантического и проективного методов. В ее основе – психосемантический метод Дж. Келли (техника репертуарных решеток). Пространство объектов для оценки (элементы) и пространство шкал оценки (конструкты) задавались как два пространства символов. Элементы – различные типажи современных творческих людей, имеющие мифологическую основу. Конструкты – фразеологизмы, соответствующие основаниям бытия (труд, познание, любовь, господство, жизнь, смерть).

Субъекты выбирают 10 типажей людей на заданные рольевые позиции, такие как: «Я»; «Руководитель мужчины»; «Кризэйтор»; «Спасатель в кризисе»; «Увольняемый мужчина». Далее заполняется репертуарная решетка, в которой 10 элементов (типажей людей) оцениваются по 12 конструктам (созданных из фразеологизмов). Для обработки данных применяется факторный анализ. Проведены эмпирические исследования толерантности к творческой личности менеджеров промышленных предприятий с разным уровнем инноваций в рамках психологического

инновационного аудита (Грязева-Добшинская, Глухова, Глухов, 2009).

Результаты исследований на промышленных предприятиях показали возможности технологии РОССТЛ в выявлении степени единства в отношениях субъектов к типам творческих личностей и прогнозировании интеграции творческого лидера, лидера-инноватора того или иного личностного типа. В организациях с высоким уровнем внедрения инноваций или «прорывной» модернизации выявляются 4-6 типов творцов, которые имеют высокие индексы толерантности, и 2-3 типа творцов, которые имеют высокие индексы интолерантности. Это показывает большую степень единства менеджеров-инноваторов в отношении к определенным типам творческих личностей. В организациях с низким уровнем внедрения инноваций или с постепенной модернизацией большое разнообразие типов творцов с высокими индексами толерантности или интолерантности, что сопоставимо с их дифференциацией для организаций разного типа (Бакунчик, 2009) или для студенческих групп (Мальцева, Ульянова, 2009).

Выявленные особенности толерантности менеджеров к субъектам творческой и инновационной деятельности являются основаниями для проведения консультационной и тренинговой работы с группами, проектными командами и организациями.

Деревянко О.И.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ, ОПОСРЕДОВАННОЕ ЛОКУСОМ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА

Успешность решения проблемы организационного поведения личности определяется знанием индивидуальных характеристик сотрудника, которые оказывают непосредственное влияние на его поведение в организации, позволяют выстраивать стратегию управления организацией, прогнозировать межличностные отношения, развивать организационную культуру и решать многие другие проблемы. Согласно мнению П.П. Горностая, значимой личностной характеристикой, определяющей поведение личности, является локус ролевого конфликта. Локус ролевого конфликта представляет собой личностный конструкт, определяющий склонность личности выбирать одну из двух стратегий поведения в ролевом конфликте: экстернальную или интернальную. В первом случае у личности доминирует тенденция отстаивать собственную рольевую «Я-концепцию» и строить рольевое поведение согласно ей. Во втором случае рольевое поведение строится преимущественно в соответствии с рольевыми ожиданиями, и если они противоречат «Я-концепции» человека, то последняя подавляется (Горноста́й, 1998). Под рольевым конфликтом следует понимать состояние психологического конфликта, развивающееся в ходе выполнения социальной роли в условиях противоречивых или частично несовместимых требований, ожиданий к рольевому исполнителю (Ерина, 1982).

Наиболее часто состояние ролевого конфликта возникает у руководителя среднего звена, что подтверждается рядом работ по проблеме ролевого конфликта в управленческой деятельности. Деятельность руководителя среднего звена по своему содержанию опосредована широтой ролевого диапазона, отсутствием однородности ожиданий к руководителю со стороны подчиненных, несоординированностью и несогласованностью отдельных служб или руководителей структурных подразделений, что однозначно приводит к расхождению в ожиданиях и к противоречивости требований к рольевому исполнителю.

В результате проведенного нами исследования было установлено, что 45% руководителей демонстрируют экстернальный локус ролевого конфликта, 38% промежуточный локус ролевого конфликта и 17% интернальный локус ролевого конфликта. Правомерно предположить, что руководитель с экстернальным локусом ролевого конфликта имеет четкую позицию при решении определенных задач, имеет определенные принципы. Это руководитель, который будет строго придерживаться выбранной стратегии. Вероятно, это руководитель, предпочитающий авторитарный стиль управления. Руководители, у которых обнаружен промежуточный локус ролевого конфликта, наглядно демонстрируют, что оказываясь перед выбором стратегии собственного ролевого поведения, он может либо ориен-

тироваться на внутренние ценности, «подстраивая» под них свою социальную роль, либо, напротив, строить ролевое поведение исходя из ролевых ожиданий сотрудников организации. Возможно, это руководители, которые способны в ситуации неопределенности действовать наиболее эффективно, быть более гибкими, учитывая ситуативный фактор. Руководители с интернальным локусом ролевого конфликта предпочитают деятельность со стро-

гой регламентацией. Высокая степень ответственности может негативно сказаться на их внутреннем состоянии, что приведет к неудовлетворенности профессиональной деятельностью и т.д. Таким образом, основываясь на полученных данных, можно утверждать, что локус ролевого конфликта является значимой личностной характеристикой, которая способна определить поведение личности в организации.

Иванова Т.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Рассказова Е.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ: РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ*

В большинстве исследований удовлетворенность трудом понимается как интегральная характеристика, тогда как проблема ее структуры и паттернов остается малоисследованной (Weiss, Dawis et al., 1967; Hackman, Oldham, 1976; QPS Nordic, 2007 и др). Анализ исследований по данной теме позволил выделить и операционализировать три группы компонентов удовлетворенности трудом (Ivanova et al., in press): социальные, организационные и личностные.

Целью исследования было выявление индивидуально-типологических паттернов удовлетворенности трудом, а также их связи с организационными факторами и личностными ресурсами. В исследовании приняли участие 4701 работник теплоэнергетической компании России. Структура удовлетворенности трудом оценивалась при помощи опросника компонентов удовлетворенности работой (Ivanova et al., in press), позволяющей выявить удовлетворенность заработной платой, условиями труда, руководством, коллективом и содержанием труда. Для оценки личностных ресурсов использовались тест жизнестойкости, шкала общей самоэффективности, тест диспозиционального оптимизма, шкала толерантности к неопределенности.

Результаты. Кластерный анализ компонентов удовлетворенности трудом позволил выявить пять паттернов. В группы «высоко удовлетворенных» и «средне удовлетворенных» вошли 14 и 33% работников с высокими и средними показателями по всем компонентам. Третья группа «неудовлетворенных внешними факторами» включала 29% респондентов, нейтрально оценивавших коллектив и процесс работы, но неудовлетворенных заработной платой, условиями и организацией труда. В четвертую группу «неудовлетворенных меж- и внутриличностными факторами» вошли 12% респондентов с противополож-

ным паттерном: нейтральным отношением к заработной плате и условиям труда и неудовлетворенностью коллективом и процессом работы. Пятый кластер «неудовлетворенных» состоял из 11% работников, недовольных всеми компонентами.

Индивидуально-типологические паттерны удовлетворенности трудом были связаны с должностью и стажем работы. В целом, руководители среднего звена и специалисты чаще относились к группам «удовлетворенных», линейные руководители к «неудовлетворенным внешними факторами», рабочие к одной из трех групп «неудовлетворенных». Наименьший стаж работы был характерен для «высоко- и среднеудовлетворенных» респондентов, максимальный для «неудовлетворенных меж- и внутриличностными факторами». Различные паттерны удовлетворенности трудом были сопряжены с различиями в личностных ресурсах.

Жизнестойкость, оптимизм и толерантность к неопределенности снижаются от первой к пятой группе, причем все группы, кроме «неудовлетворенных личностными факторами» и «неудовлетворенных», значимо различаются между собой. Показатели самоэффективности наименьшие в группе «неудовлетворенных личностными факторами», тогда как самоэффективность «неудовлетворенных» работников не отличается от показателей группы «неудовлетворенных внешними факторами».

На основе выраженности и структуры удовлетворенности трудом были выделены пять индивидуально-типологических паттернов, зависящих как от организационных факторов, так и от личностных ресурсов. Снижение показателей личностных ресурсов связано со снижением межличностной и личностной составляющих удовлетворенности трудом, что подтверждает ключевую роль личностных ресурсов в оценке ситуации на рабочем месте.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00806а.

Коробейникова Е.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

ОБНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА

Уже более двадцати лет российское общество претерпевает существенные изменения, связанные с переходом экономики на рыночные принципы. Вместе с тем известно, что модернизация внедряется медленно и противоречиво. Основной причиной этого эксперты называют несоответствие качества менеджмента сложности стоящих перед ним задач. В связи с этим одним из ключевых шагов на пути внедрения модернизации Президент РФ назвал создание целостной системы воспроизводства и обновления профессиональной элиты эффективных менеджеров. Психологической науке принадлежит важная роль в решении сложных задач совершенствования менеджмента. В их число, в качестве одной из основных, входит задача научного обоснования процесса обновления управленческих кадров.

Цель исследования: выявить психологические детерминанты эффективности процесса обновления управленческих кадров. Концепция работы основывается на работах Л.Н. Аксеновской, Т.Ю. Базарова, Л.Н. Захаровой, Т.С. Кабаченко, Е.А. Климова, Б.Ф. Ломова. Используются психодиагностические методики, а также авторская методика «Анализ парадигмы управления (ПУ) в организации». Методы статистического анализа rs Спирмена, Т. Вилкоксона, ANOVA. Исследование выполнено в период 2004–2010 гг.

Выборка: 384 менеджера среднего звена, 258 сотрудников-претендентов на управленческую должность из восьми организаций Нижегородского региона. Полученные результаты могут быть представлены в виде следующих положений.

1. Обновление управленческих кадров – организационный процесс, направленный на развитие у работающих менеджеров индивидуально-психологических особенностей, востребованных в новых условиях, и (или) пополнение уровней управления сотрудниками, которые уже

обладают необходимыми особенностями. На эффективность данного процесса оказывают влияние организационно-психологическая и индивидуально-психологическая детерминанты.

2. Организационно-психологической детерминантой эффективности обновления управленческих кадров является ПУ, представляющая собой ценностно-инструментальное образование, которое соединяет воедино компанию на каждом этапе ее существования и включает в себя следующие компоненты организационно-психологических условий: доминирующие организационные ценности; организационная культура, система мотивирования персонала, принятая модель организационного поведения, система корпоративного обучения персонала. Существует четыре качественно своеобразных типа ПУ, компоненты которых обнаруживают значимую корреляцию, семейный, иерархический, новаторский, деловой.

3. В каждом из выявленных типов парадигмы управления есть свое видение эффективного среднего менеджера, которая выступает индивидуально-психологической детерминантой эффективности обновления управленческих кадров. Существует четыре типа этой модели – «Наставник», «Диктатор», «Новатор», «Предприниматель»; каждый из них характеризуется своеобразным комплексом индивидуально-психологических особенностей – доминирующих индивидуальных ценностей, социальных самоидентификаций, принимаемых управленческих решений, организационного лидерства, работоспособности.

4. В ходе внедрения организационных изменений кадров достигается при условии оптимального соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта (работающего менеджера или претендента на управленческую должность) и новой ПУ экономически перспективного типа.

Львова И.В.

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в г. Кемерово), Кемерово

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ В КОЛЛЕКТИВЕ

Исследование восприятия психологического климата в коллективе выполнено на базе Кемеровского профессионально-технического колледжа (г. Кемерово) весной 2012 г. по запросу администрации колледжа. В нем участвовали представители администрации колледжа (N = 36), преподаватели (N = 44), вспомогательный персонал (N = 18). Были использованы следующие психодиагно-

стические методы: методика ценностных ориентаций (Schwartz, 1992, Карандашев, 2004); тест смысловых ориентаций СЖО (Леонтьев Д.А., 1992); методика изучения психологического климата коллектива (модифицированный вариант методики Б.Д. Парыгина); Опросник социальной поддержки (SSQ, Sarason et al, 1990; перевод Е.И. Рассказовой, модифицированный для исследования

психологического климата в коллективе); тест жизнестойкости (Maddi, 2001; Леонтьев, Рассказова, 2006); опросник копинг-стратегий COPE (Carver, Scheier, Weintraub, 1989) в адаптации Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой; оценка своей работы как труда, карьеры и призвания (в процентах).

Выше всего психологический климат в коллективе оценивает административно-управленческий персонал ($p < 0,05$ в сравнении с преподавателями), ниже всех вспомогательный персонал. Оценка психологического климата повышается при восприятии работы как призвания, а такое восприятие более выражено у преподавателей ($p < 0,02$) в сравнении с административно-управленческим персоналом ($p < 0,000$) и вспомогательным персоналом. Оценка удовлетворенности психологическим климатом повышается также с возрастом и ростом личностной значимости ценностей доброты и традиций. Эти ценности отражают стремление устанавливать доброжелательный стиль взаимоотношений в коллективе и являются ресурсом в формировании благоприятного психологического климата. Более позитивно оценивают климат в коллективе сотрудники с высокой осмысленностью жизни и жизнестойкостью. Наиболее ярко эти связи выражены у преподавателей. Данных по вспомогательному персоналу получено не было.

Оценка психологического климата выше при предпочтении стратегии активного совладания с трудностями. У преподавателей оценка климата выше при предпочтении дополнительно таких стратегий, как позитивное

переосмысление и плановое решение проблемы. У административно-управленческого персонала все указанные взаимосвязи не достигают уровня значимости. Это свидетельствует о том, что когда сотрудники высоко оценивают климат в коллективе, они начинают сами активно его поддерживать и развивать, используя конструктивные стратегии разрешения проблемных ситуаций.

Оценка психологического климата также имеет тесную положительную связь с показателем размера индивидуальной сети социальной поддержки в коллективе. Эта взаимосвязь наиболее ярко проявляется у административно-управленческого персонала, у которого расширение сети поддержки базируется на предпочтении ценностей безопасности. В целом же эта сеть шире при гедонистической ориентации и повышении осмысленности жизни.

Можно сделать вывод, что удовлетворенность психологическим климатом в коллективе во многом зависит от трех факторов:

- 1) личностных особенностей самого человека: а) системы ценностных ориентиров, (ценности доброты и традиций); б) жизнестойкости; в) осмысленности жизни, г) предпочтения эффективных стратегий совладания с трудностями;
- 2) размера сети социальной поддержки в коллективе, которая, в свою очередь, связана с осмысленностью жизни и жизненными ценностями;
- 3) восприятия сотрудниками своей трудовой деятельности в организации.

Лютикова Е.А.

Психологический институт РАО, Москва

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УСПЕШНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Индивидуальность человека – явление многогранное. Выступая как интегрирующее все человеческие свойства, его взаимосвязи с окружением, его роли (Б.Г. Ананьев), индивидуальность также влияет на профессиональную деятельность человека и его жизненное благополучие. В данном докладе жизненное благополучие будет рассмотрено в рамках структуры психологического благополучия, а индивидуальность – на примере жизни и развития современных руководителей.

Начавшиеся в зарубежной психологии личности во второй половине XX в. исследования психологического благополучия породили многообразие подходов к определению содержания этого понятия (Bradburn, 1969; Diener, 1984; 1995; Ryff, 1989; 1995; 1996; Ryan, Deci, 2000; Waterman, 1993), а также многочисленные эмпирические его исследования, направленные в основном на изучение различных «внешних» (социокультурных, социально-экономических, социально-психологических, психологических) факторов, его обуславливающих (Bradburn, 1969; Diener, 1984; 1995; Kasser & Ryan, 1993; Ryff, 1995; Richard & Frederick, 1997). Исследования психологического благополучия управленцев и взаимос-

вязи с их профессиональной средой как в зарубежной, так и отечественной психологии сравнительно немногочисленны (Ryff, 1995). В основном они показывают снижение или же повышение оценок по шкалам психологического благополучия. Именно исследование структуры психологического благополучия обнаруживает, какие из его компонентов оказываются наиболее значимыми для переживания удовлетворенности собой и своей жизнью каждым отдельным человеком, а также людьми, занимающими высокие управленческие позиции, позволяет дать не только количественную, но и качественную характеристику «низкого» и «высокого» психологического благополучия.

Значимость для человека определенных сфер его жизнедеятельности (работы), а также таких «объектов», как «сотрудники», «клиенты», отношение к ним, специфика представлений о них, – все это можно рассматривать как важные субъективные факторы, связанные с особенностями психологического благополучия. Также стоит отметить особенность различия между феноменами «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие». Если первое в большей степени изучает

комфортность индивида во взаимодействии со средой, то второе – психологические предпосылки и условия к реализации гармоничных, субъект-субъектных отношений. При этом чем шире взаимодействия человека со средой (социальной, информационной, технологической), тем больше факторов влияют на его субъективное благополучие. При этом структура субъективного благополучия руководителей пока мало изучена. А это важно, так как

в современной бизнес-среде возрастает понимание важности психологической составляющей как условия эффективности развития предприятия. Психологическая компетентность руководителя является одним из важнейших факторов в этом процессе. На различных выборках взрослых выявлено, что это является значимым фактором для профилактики выгорания, копинга, развития акмеологической компетентности и т.д.

Толочек В.А., Толочек А.В.

Институт психологии Российской академии наук, Москва

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКС ПРОДУКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ*

Эффект объединения разных свойств и становления их в своеобразные ансамбли был назван В.С. Мерлиным «интегральная индивидуальность» (ИИ). Поскольку эти вопросы рассматривались в тесной связи с формированием индивидуального стиля деятельности (ИСД), эффект ИИ интерпретировался как динамичный и позитивный. В исследованиях, выполненных под руководством Б.А. Вяткина, Л.Я. Дорфмана, М.Р. Шукина, эти эффекты устойчиво подтверждались (при позитивной профессиональной эволюции субъектов, при направленном формировании ИСД и ИИ в формирующих экспериментах).

Поскольку проблемы ИСД и ИИ изучались на моделях массовых профессий (учителя, воспитатели и др.) в фазах начального становления профессионализма (практикантов, молодых учителей), представления ученых о «векторе становления» ИИ закрепились, а сама ИИ рассматривалась как цель и желательный результат развития личности и субъекта. Вопрос об оптимальных границах интеграции-дезинтеграции не ставился. Открытыми остаются вопросы различий ИИ в индивидуальной и совместной деятельности, в социотехнических и социономических профессиях, меры интеграции индивидуальности на разных уровнях реального профессионализма субъекта при разной успешности деятельности субъекта.

Недостаточно изучены вопросы влияния субкультуры, в частности, корпоративной культуры организаций на динамику и меру выраженности ИИ сотрудников. В наших исследованиях рассматривались эффекты ИИ на двух моделях: 1) государственной организации (закрытая кадровая политика, «жесткая» культура, низкая адаптивность к среде); 2) коммерческая компания (открытая кадровая политика, «гибкая» культура, адаптивность к среде, высокая вовлеченность – делегирование полномочий сотрудникам и др.).

1. При изучении личности и деятельности управленцев (начальников участков инкассации РОИ при ЦБ РФ, 1994) нами были выделены два «полюса» меры интеграции-дезинтеграции индивидуальности в континууме «малая – высокая» интеграция.

Малоуспешная деятельность начальников участков (их неудовлетворенность сработанностью и психологической совместимостью с начальником управления, при неудовлетворенности отношениями и сработанностью, согласно оценкам их вышестоящего руководителя) характеризовалась выраженной высокой интеграцией их личностных свойств (отраженных в тестах 16PF, УСК, К. Томаса); полюс успешной работы – низкой интеграции личностных свойств (проявляющейся как слабые и редкие интеркорреляции свойств). Парадокс «дезинтеграции ИИ» в группе профессионально успешных отражался в такой же меньшей мере интеграции способов решения управленческих задач, в меньшей мере интеграции долей функций управления, приписываемых субъектами себе и вышестоящему руководителю.

2. При изучении личности и деятельности управленцев (менеджеров и топ-менеджеров коммерческой компании, 2011) нами получены противоположные результаты. Малоуспешная деятельность менеджеров (их неудовлетворенность сработанностью с вышестоящими руководителями, меньшая продуктивность работы) сочеталась с низкой интеграцией личностных свойств (проявляющейся как слабые и редкие интеркорреляции). Успешная деятельность менеджеров (их удовлетворенность сработанностью с вышестоящими руководителями, высокая продуктивность работы) сочеталась с выраженной интеграцией личностных свойств (отражаемой в тесных и частых интеркорреляциях).

* Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 11-06-00081: «Сопряженная профессиональная карьера: становление, эволюция, ресурсы».

Флоровский С.Ю.

Кубанский государственный университет, Краснодар

МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В РЕГУЛЯЦИИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При помощи понятий «макиавеллизм» или «макиавеллистические установки личности», как правило, обозначается степень приверженности человека той точке зрения, что окружающими можно и нужно манипулировать (Christie, Geis, 1970; Знаков, 2000). В сфере организационной психологии макиавеллизм рассматривается в качестве значимого основания прогнозирования индивидуального поведения, а большая или меньшая макиавеллистичность руководителей и сотрудников трактуется в качестве одной из важнейших характеристик культуры организации (Новиков, 1999; 2002; Leavitt, Bahrami, 1998; Weick, 1979). При этом остается открытым вопрос о том, какое влияние оказывает уровень макиавеллистичности индивида на степень его приемлемости со стороны социально-организационного окружения в качестве партнера по повседневным деловым контактам и члена ин-группы. Данная проблема представляет особый интерес в тех случаях, когда уровень макиавеллистических установок социального окружения оказывается явно «смещенным» в ту или другую сторону. Именно это и имеет место в управленческих сообществах, субкультура которых – на фоне других представленных в организации групп и общностей – отличается существенно большей макиавеллистичностью (Donaldson, Lorsch, 1983; Kotter, 1988).

Предметом нашего исследования являлся характер связи функционального вклада макиавеллистических установок руководителей в регуляцию их управленческого взаимодействия (в системе отношений «руководитель-руководитель») с организационно-культурным контекстом реализации этого взаимодействия. В качестве респондентов выступали руководители высшего и среднего ранга пяти производственных и четырех торговых компаний (247 человек). Обнаружилось, что общий уровень макиавеллизма индифферентен с точки зрения регуляции совместной управленческой деятельности руководителей. Более значимое влияние на итоговые характеристики управленческого взаимодействия (степень продуктивно-

сти-непродуктивности и легкости-затрудненности) оказывают парциальные макиавеллистические установки его индивидуальных субъектов, выражающие их позицию по отношению к определенным «жизненным темам» и аспектам социального поведения.

В управленческих коллективах производственных предприятий, характеризующихся преимущественно средним и средне-высоким уровнем макиавеллизма, наиболее эффективными партнерами по взаимодействию оказываются руководители, имеющие относительно более высокие показатели макиавеллистичности в границах указанного диапазона значений. Для обследованных нами производственных компаний актуальны проблемы взаимодействия с внешней средой. Решение этих проблем, как правило, требует гибкости, дипломатичности, умения производить необходимое впечатление и тому подобных качеств, положительно коррелирующих с макиавеллистичностью. В существенно более «манипулятивных» торговых организациях оптимизация менеджерских контактов выступает функцией сложного переплетения как «про-макиавеллистических», так и «анти-макиавеллистических» установок партнеров по взаимодействию. Этот факт отражает хроническую «коммуникативную усталость» руководителей от манипулятивной гиперизошренности повседневных управленческих интеракций.

Таким образом, функциональный вклад рассматриваемой нами категории социальных установок ведущих руководителей организаций в регуляцию их совместной управленческой деятельности и детерминацию «партнерской приемлемости» опосредствуется действием механизма психологического (ценностного) обмена, выражающегося в преимущественной поддержке управленческим сообществом тех руководителей, структурно-уровневые характеристики макиавеллистических установок которых оказываются наиболее релевантными содержанию актуальных для организации задач и «вектору» направленности ее развития.

Чайка Е.Ю., Мандрикова Е.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ТРУДОМ И УВЛЕЧЕННОСТЬЮ РАБОТОЙ*

Как конструкт, психологический капитал представлен через включенные в него компоненты, такие как: самоэффективность (осознание своих способностей выстраи-

вать поведение и прикладывать необходимые усилия для успешной реализации сложных задач); оптимизм (создание положительной установки, атрибуции для следова-

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. (ТЗ № 68.00 по теме: «Позитивная психология как подход к исследованию и экспертизе качества жизни»).

ния к успеху в настоящем и в будущем); надежду (волю, упорство к целям и умение подбирать адекватные пути к их достижению); жизнестойкость (способность находить выход из проблемных и сложных ситуаций, быстрое восстановление нормального состояния для достижения успеха).

Психологический капитал связан с разными аспектами организационной жизни, например, удовлетворенностью трудом, текучестью кадров, субъективным благополучием, лидерством и его влиянием на сотрудников, эффективностью деятельности, творческой продуктивностью и т.д.

Данное исследование посвящено изучению взаимосвязи психологического капитала с удовлетворенностью трудом и увлеченностью работой. Удовлетворенность трудом понимается как приятное позитивное эмоциональное состояние, проистекающее из оценки сотрудником своей работы или производственного опыта, которое является результатом восприятия им самими того, насколько хорошо работа обеспечивает важные, с его точки зрения, потребности.

Кроме того, нам удалось рассмотреть возникновение удовлетворенности трудом не только со стороны ответной реакции сотрудника на рабочий процесс, проистекающей при сравнении желаемого с действительным, но и со стороны способности личности к самомотивации в труде через такие положительные состояния, как оптимизм, жизнестойкость, самооффективность и надежду, которые в совокупности составляют психологический капитал. Увлеченность работой понимается как стойкое, позитивное, связанное с работой состояние наполненности, характеризующееся мощью, преданностью и погру-

женностью в работу, связанное с самооффективностью, лидерством, субъективным благополучием сотрудников организаций.

Для оценки психологического капитала сотрудников российских организаций использовался переведенный методический инструмент измерения психологического капитала (PCQ-24 Ф. Лютэнса), который прошел до этого многоэтапную процедуру адаптации на русский язык ($N = 288$). Интегральный показатель и отдельные шкалы показали достаточную согласованность и конструктивную валидность для использования данного методического инструмента для изучения психологического капитала на русскоязычной выборке. Для изучения взаимосвязи между психологическим капиталом и удовлетворенностью трудом использовались модифицированный тест «Интегральная удовлетворенность трудом» А.В. Батаршева и «Утрехтская шкала увлеченности работой» (Utrecht Work Engagement Scale, UWES) У. Шайфели в адаптации Д.А. Кутузовой.

Исследование проводилось весной 2012 года с привлечением сотрудников российских организаций ($N = 85$). Корреляционный анализ показал взаимосвязь психологического капитала и отдельно включенных в него компонентов с разными аспектами удовлетворенности трудом ($p \leq 0.01$). Взаимосвязь психологического капитала с удовлетворенностью трудом прямо пропорциональна, то есть чем выше уровень психологического капитала у субъекта, тем более он удовлетворен своей трудовой деятельностью. Психологический капитал как конструкт имеет более выраженную взаимосвязь с удовлетворенностью, чем его компоненты (оптимизм, жизнестойкость, самооффективность, надежда) по отдельности.

Штроо В.А., Кольцова Е.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ЖИЗНЬ ИЛИ РАБОТА?*

Как соотносятся между собой у современного человека работа и «остальная жизнь»? Два социально-психологических явления, принявших на рубеже тысячелетий заметный общественный масштаб, заставляют нас вновь вернуться к этому вопросу. Речь идет о таких феноменах, как «трудоголизм» (work holism) и «дауншифтинг» (downshifting), которые, на первый взгляд, представляют собой классическую пару противоположных понятий.

В самом деле, полное подчинение себя «любимой работе», зачастую отсутствие семьи и детей, воскресная депрессия, все это – явные симптомы тяжелого психологического недуга, в серьезных формах приводящего к эмоциональному выгоранию. Становится очевидным, что попытки «раствориться» в работе при столкновении с внутриличностными или межличностными проблемами не только наносят вред личной жизни, но могут снизить и качество выполняемой работы. С другой стороны – рез-

кое «снижение оборотов» на этапе достижения заметных высот профессионального и материального благополучия, отказ от социально одобряемого стремления к успеху, сознательное выключение себя из глобального экономического цикла производства и потребления.

Еще в 70–80-е гг. прошлого столетия большинство руководителей деловых организаций рассматривали работу и личную жизнь своих сотрудников как взаимоисключающие конкурентные приоритеты, где выигрыш в одном означал потери в другом.

Любопытно, что это было характерно не только для западного бизнеса, но и для советского социалистического планового производства. При этом под «личной жизнью», как правило, понимались: время, проведенное в семье или в партнерстве, активный отдых, духовное развитие, забота о здоровье, домашний труд. Однако организационно-психологические исследования последних лет убедительно

* Данная работа выполнена в рамках проекта «Самоопределение личности в бизнесе: проблемы, модели, подходы» программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

доказали, что, тот, кому плохо на работе, вряд ли может быть счастлив дома, и наоборот.

Пожалуй, наиболее часто в качестве одного из ключевых направлений по созданию благоприятных организационно-управленческих условий для достижения «баланса между работой и личной жизнью» (work life balance) рассматривается возможность предоставления сотрудникам индивидуального графика работы. Однако, анализируя факторы, которые способствуют развитию производственного стресса и «профессионального выгорания», можно предположить, что баланс работы и личной жизни зависит не только от внешних условий, но и от внутренней мотивации. Если человек понимает, ради чего он занимается этой деятельностью, видит свой личный интерес в нынешней работе, – то это позволяет человеку плодотворно работать с самоотдачей и личностной включенностью на протяжении всего профессионально-трудоового периода жизни.

Подводя итоги, мы можем обозначить явную содержательную связь между тремя обсуждаемыми понятиями – «трудооголизм», «дауншифтинг» и «баланс между работой и личной жизнью». За двумя первыми понятиями в этом ряду стоят реальные феномены, уже вызвавшие к себе научный интерес. Третье понятие носит скорее искусственный характер, подразумевая некоторое идеальное состояние дел в жизни конкретного человека, достижение которого приносит ему общую удовлетворенность, максимально способствует его самореализации и личностному росту. Нарушение этого баланса чревато множеством негативных последствий, проявляющихся в самых разнообразных формах и в различных сферах его жизнедеятельности. Соотношение же всех трех понятий может быть описано следующим образом. Трудооголизм и дауншифтинг выступают яркими примерами нарушения «идеального» баланса между работой и личной жизнью в ту или другую сторону, соответственно.

Раздел 10

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ

Александрова Л.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СУБЪЕКТИВНАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Исследование проводилось в рамках адаптации методики субъективной витальности с использованием краткой шкалы диспозиционной витальности (Vtd) (Ryan, Frederick, 1997) на базе профессионально-технического колледжа г. Кемерово весной 2012 г. В нем участвовали представители администрации колледжа и профессорско-преподавательского состава, $N = 79$ ($M = 40,8$, $st.dev. = 13,5$). Были использованы следующие психодиагностические методы:

- 1) шкала удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина;
- 2) тест смысложизненных ориентаций СЖО (Леонтьев, 1992);
- 3) тест жизнестойкости (Maddi, 2001; Леонтьев, Расказова, 2006);
- 4) опросник толерантности к неопределенности (McLain, 1993; Луковицкая, 1998).

Применялись также методы, разрабатываемые сотрудниками Лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ: модифицированный опросник удовлетворенности трудом А.В. Батаршева (Батаршев, 2002), опросник мотивации, разрабатываемый на основе теории самодетерминации (Desi, Ryan, 2002), методика оценки состояния потока, предложенной Д.А. Леонтьевым на основе концепции М. Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2010). Кроме того, испытуемым было предложено оценить свою трудовую деятельность как труд, карьеру и/или призвание.

По выборке в целом, Vtd показывает отрицательную взаимосвязь с восприятием своей работы как труда, что, в свою очередь, свидетельствует о негативной психосемантической нагруженности понятия «труд», в противо-

положность понятиям «карьера» и «призвание». Аналогичная отрицательная взаимосвязь наблюдается между Vtd и мотивацией в трудовой деятельности. То есть субъективную витальность снижает все, что имеет оттенок вынужденности, что полностью согласуется с данными зарубежных исследований в русле теории самодетерминации (Nix et al., 1999). Субъективная витальность также связана с повышением удовлетворенности жизнью, результатами своего труда и удовлетворенностью трудом в целом, с внутренней мотивацией достижения и выраженностью состояний потока в трудовой деятельности, а также с личностными ресурсами (жизнестойкость, осмысленность, толерантность к неопределенности).

Так как возраст участников исследования широко варьировался (от 20 до 72 лет), далее выборка была разделена на 3 части – молодые специалисты до 35 лет ($N = 32$), специалисты ($N = 33$) и работающие пенсионеры ($N = 14$). Значимых различий по выраженности Vtd между рассматриваемыми группами не обнаружено, что может быть обусловлено спецификой выборки. Однако при отдельном анализе корреляционных матриц были выявлены как общие, так и специфические для каждой группы взаимосвязи.

1. В группе молодых специалистов Vtd растет одновременно с оценкой работы как карьеры, удовлетворенностью трудом и его результатами, выраженностью состояний потока в процессе работы, убежденностью в подконтрольности значимых событий жизни и толерантностью к неопределенности.

2. В группе специалистов Vtd ассоциируется с состоянием потока, удовлетворенностью трудом и руководством организации, осмысленностью жизни, жиз-

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

нестойкостью и внутренней мотивацией достижения, и снижается при отсутствии мотивации к труду.

3. В группе работающих пенсионеров Vtd повышается одновременно с ростом осмысленности результатов своей деятельности и толерантности к неопределенности. Прямых связей с состоянием потока, мотивацией,

а также удовлетворенностью трудом и жизнью в целом здесь не выявлено.

Можно сделать вывод о том, что роль субъективной витальности в структуре саморегуляции профессиональной деятельности несколько различается в зависимости от возрастной категории специалиста.

Александрова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ*

Среди семейных факторов, влияющих на показатели профессионального самоопределения в студенческом возрасте, следует выделить наличие сиблингов в семье, стиль воспитания, проживание в семье с родителями либо отдельно, например, в общежитии, и влияние родителей, которое испытали молодые люди еще на этапе выбора своего профессионального пути.

В исследовании приняли участие 307 студентов 1, 3 и 5 курсов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве методов исследования использовались специально разработанная анкета, учитывающая показатели профессионального самоопределения и семейную ситуацию респондентов, методика «Изучение привлекательности профессионального будущего» М.Р. Гинзбурга, методика Дж. Холланда, самоактуализационный тест (САТ), методика исследования профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер, методика определения копинг-поведения Р. Лазаруса.

Студенты, отметившие отсутствие влияния родителей на выбор профессии, значимо чаще признают, что осваиваемая профессия способствует их саморазвитию и дает возможность реализоваться в профессии ($p > 0,01$). Студенты, проживающие отдельно от родителей, т.е. в общежитии, значимо чаще показывают высокий самоконтроль поведения, добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах ($p > 0,01$). Они настойчивы в деятельности и обычно достигают в ней высоких результатов. Перед будущим, в т.ч. профессиональным, они испытывают уверенность и спокойствие ($p > 0,01$), в отличие от «домашних» детей. Для студентов, проживающих в общежитии, характерны в большей степени познавательная потребность, стремление к познанию окружающего мира. Студенты, живущие отдельно от семьи, чаще используют конфронтативный копинг

($p > 0,05$), чем те, кто проживает с родителями на этапе обучения в вузе. Студенты, проживающие с родителями на этапе обучения в вузе, оказываются более гибкими в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, способны быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию ($p > 0,01$). Они принимают себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков ($p > 0,05$).

При нестрогом воспитании юноши испытывают интерес к будущему значимо чаще, чем при умеренно строгом воспитании ($p > 0,05$). В семьях, где, по оценкам студентов, их воспитывали умеренно строго, преобладает ориентация на профессии, требующие взаимодействия с людьми и разнообразия контактов ($p > 0,05$).

Обнаружены значимые отличия в показателях профессионального самоопределения в зависимости от количества детей в семье. Единственные дети предпочитают профессии конвенционального типа ($p > 0,05$) и отмечают интерес и увлеченность в отношении своего профессионального будущего ($p > 0,05$). Имеющие одного брата или сестру показывают высокий самоконтроль поведения, добросовестность, ответственность, обязательность, точность, настойчивость и аккуратность в делах ($p > 0,01$). В многодетных семьях юноши гораздо лучше представляют себе все пути получения и овладения профессией ($p > 0,05$), однако к будущему относятся достаточно безразлично, даже равнодушно. У этих молодых людей значимо выше показатели преждевременной профессиональной идентичности ($p > 0,01$). Были также обнаружены некоторые отличия в использовании копинг-стратегий в зависимости от типа семьи. Студенты из неполных семей значимо чаще прибегают к поиску социальной поддержки в решении сложных жизненных задач, чем молодые люди из полных семей ($p > 0,05$).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-06-00490а.

Бабосова Е.С.

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последнее время проблеме выяснения мотивов и ценностных ориентаций профессиональной деятельности ученых уделяется достаточно много внимания. Изучение особенностей мотивации научной деятельности является довольно актуальным, поскольку может использоваться для создания эффективной системы мотивации и стимулирования труда, чтобы побудить ученого в наиболее полной мере реализовывать свой творческий потенциал, проявлять инициативу и достигать наилучших результатов в своей деятельности.

Применительно к предмету нашего обсуждения мотивация научной деятельности представляет собой регулятивную социально-психологическую систему, побуждающую человека к активным действиям, направленным на удовлетворение потребностей в получении новых научных знаний, в приобретении исследовательской профессии и достижении основной цели научной деятельности – генерирование нового научного знания.

В исследованиях, изучающих мотивацию научного творчества, сложилась традиция деления мотивов научной деятельности на внутренние и внешние. Сформировалось мнение о том, что у продуктивного научного работника внутренняя мотивация преобладает над внешней. Внутренним побуждением к исследовательской деятельности служит удовольствие, удовлетворение, получаемое от самого процесса работы, любовь к истине, стремление к интеллектуальному успеху, желание находить и решать интересные проблемы, давать работу уму. Деление на внешние и внутренние мотивы научной деятельности условно, однако результаты исследований показывают, что наибольших результатов в науке добиваются те ученые, для которых увлеченность творческим процессом занимает одно из ведущих мест в структуре мотивов научной деятельности.

Среди мотивов научной деятельности решающая роль признается за так называемым «мотивом достижения» –

стремлением к успеху, к достижению цели. Этот мотив был подвергнут всестороннему исследованию в работах Д. Мак Клеганда.

Для исследования индивидуальных особенностей мотивации научной деятельности важное эвристическое значение имеет сформулированный ученым вывод о том, что важнейшей потребностью человека является потребность, связанная с «мотивом достижения», который проявляется в стремлении добиваться успеха в избранной сфере деятельности (McClelland, 1985). По мнению Д. Мак Клеганда, успехи в области научной деятельности зависят не только от способностей, навыков и знаний. Главным мотивом, делающим работу ученого высокопродуктивной, является мотив достижения, мобилизующий творческие способности личности на выявление научных проблем, постановку и решение вытекающих из них конкретных исследовательских задач.

Согласно исследованиям Мак Клеганда, мотив достижения является производной от базового побуждения «делать что-то лучше», причем не для одобрения или награды, а «ради самого процесса», что очень важно для научной деятельности (McClelland, 1985). Он выделил такие основополагающие характеристики мотива достижения, как стремление к инновационной деятельности, высокое чувство ответственности, планирование действий, готовность к риску.

В области исследовательской деятельности мотивация достижения может усиливаться в тех случаях, когда ученый сталкивается со сложной или неразработанной научной проблемой или попадает в ситуацию, когда ему необходимо овладеть каким-либо навыком, новой программой или лабораторным оборудованием.

По мнению Мак Клеганда, «мотив достижения» связывается с такими целями, которым присущи, прежде всего, сопоставление с критериями успешности» (McClelland, 1985).

Барышева Т.Д.

Мурманский государственный гуманитарный университет, Мурманск

РЕФЛЕКСИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ

Многие современные авторы (Д.А. Шон, А.В. Карпов и др.) признают рефлексивность в качестве ключевой составляющей в обучении, а также в личностном и профессиональном развитии будущих педагогов и психологов. Поэтому целью наших эмпирических исследований (Барышева, 2006; 2009; 2011) было определение уровня развития профессиональной рефлексии и метакогнитивных навыков у студентов до и после их участия в рефлексив-

ных обучающих процедурах. Участвовали 325 студентов разных курсов гуманитарных вузов Мурманской области, обучавшихся по программам психолого-педагогического образования.

Ставились задачи определения уровня рефлексивности и метакогнитивности у студентов, установления взаимосвязи между содержанием профессиональной «Я-концепции» и процессом их профессионального и лич-

ностного самоопределения, а также изучение психолого-акмеологических подходов и возможностей по управлению и развитию профессиональной рефлексии у будущих педагогов и психологов. Использованы количественные и качественные методы сбора информации (тесты, включенное наблюдение, рефлексивные дневники и эссе студентов, анализ документов и материалов).

На диагностическом этапе применялись методики определения метакогнитивной включенности в деятельность и диагностики уровня рефлексивности в модификации А.В. Карпова (Карпов, 2004), процедуры сравнения и ранжирования профессионально важных качеств (ПВК) профессионала. Результаты продемонстрировали зависимость уровня рефлексивности от возраста, стажа, жизненного опыта, уровня осознанного отношения к профессиональной деятельности, сферы профессиональных знаний, уровня профессиональной мотивации участников. Так, например, у студентов-психологов дневного отделения выявлены всего лишь средние уровни метакогнитивности и рефлексивности, которые не соответствовали требованиям будущей профессии, поскольку предполагалось, что у педагогов-психологов должны были определяться повышенные значения рефлексивности как ПВК. Однако наблюдались различия в диапазоне индивидуальных данных: в группах педагогов-психологов выявлен меньший процент студентов с низким уровнем владения метакогнитивными стратегиями саморегуляции.

С помощью метода парных сравнений проведено сопоставление образов «Я-реального» и «Я-идеального» в контексте изучения профессиональной «Я-концепции» педагогов-психологов. Определено, что рефлексивность в обоих ранжированных списках занимает средние позиции и не является предметом саморазвития студентов на стадии ранней профессионализации. Однако зафиксированы значимые различия в ранговых последовательностях качеств в зависимости от года обучения (чем выше курс обучения, тем чаще рефлексивность имеет более высокий ранг). Результаты показали, что личностный аспект профессиональной самооценки выражается в оценке качеств в связи с идеалом образа «Я-профессиональное», и оценивание по этим двум аспектам не обязательно бывает согласованным. Рассогласование может отражать стихийность процесса становления профессионального самосознания студентов и неоднозначно влиять на профессиональное развитие личности будущего специалиста, на его профессиональную успешность.

Одним из итогов диагностики было выявление группы студентов, находящихся в проблемной зоне профессионального становления. Развитие рефлексивной позиции у них относилось к начальному (интуитивному) уровню. На следующих этапах исследования была предпринята успешная попытка направленного воздействия на рефлексивные структуры этих студентов (Барышева, 2011).

Бахтина Л.И.

Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола

О МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ РЕПРЕССИВНУЮ ФУНКЦИЮ

Государственная гражданская служба «представляет собой деятельность по “обработке людей людьми”» (Сурмин, 2007). Имидж государственной гражданской службы напрямую зависит от морально-нравственной составляющей личности государственного гражданского служащего. Государственный гражданский служащий играет роль своеобразного «транслятора» интересов государства в общество, состояние которого может быть обозначено как период «обостренной оценки морально-этических норм» (Попов, 2000) во всех сферах деятельности человека. Реализация репрессивных функций государства находится сегодня под пристальным вниманием общества, поскольку затрагивает права и интересы граждан. Объектом исследования стала личность государственных гражданских служащих, реализующих репрессивную функцию государства, предметом – система морально-нравственных ценностей, входящая в структуру регулятивного аспекта личности.

Исследование проводилось на основе методики изучения ценностных ориентаций М. Рокич. В нем приняли участие 35 государственных гражданских служащих, реализующих в процессе профессиональной деятельности репрессивные функции (служащие Министерства лесного хозяйства Республики Марий Эл и Управления Роспотребнадзора по Республике Марий Эл – группа

А), и 35 государственных гражданских служащих, чья профессиональная служебная деятельность не связана с осуществлением репрессивной функции (служащие Министерства образования и науки Республики Марий Эл – группа В).

При подготовке исследования было выдвинуто предположение, что у служащих группы А должны быть наиболее явно выражены такие черты личности, как честность, бескорыстие, ответственность, исполнительность, способность отдать приоритет интересам государства, смелость в отстаивании своего мнения, чувство моральной ответственности за принятие решения. У служащих группы В должны преобладать, прежде всего, гуманизм, альтруизм, способность принять позицию другого человека, стремление к самовыражению через профессиональную деятельность, доброжелательность, тактичность, вежливость.

Анализ результатов исследования показал, что первые три ведущие позиции списка терминальных ценностей занимают «здоровье» (А – 69%, В – 55%), «любовь» (А – 69%, В – 30%), «счастливая семейная жизнь» (А – 64,4%, В – 65%). «Материальная обеспеченность» занимает более высокую позицию у представителей группы А (46,6%), чем у представителей группы В (20%). Эти показатели могут быть интерпретированы с позиций склон-

ности к совершению противоправных действий. В частности, можно предположить, что меркантильные интересы могут послужить стартовым механизмом для осуществления коррупционных действий.

Неожиданными оказались данные по ценности «счастье других», которая, на наш взгляд, должна отражать саму суть профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. Дело в том, что 55,5% группы А и 50% группы В поставили данную ценность на последнее место.

Не менее интересны результаты опроса по списку инструментальных ценностей. Так, в группе А на первое место была выведена «ответственность» (66,6%), в то время как в группе В данную ценность как ведущую отметили 35%. «Исполнительность» как одну из основных ценностей отметили 46,6% представителей группы А и только 5% из группы В. «Чуткость» в первую очередь должна была бы быть характерной для группы В, однако 17,7% представителей группы А указали ее в верхних строках иерархии, а представители группы В – «опустили» на нижние позиции.

Бахтина Н.Н.

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУБЪЕКТА ТРУДА

Категория «субъект труда» является центральной для психологии труда как самостоятельного направления исследований. Несмотря на положение деятельностного подхода о социальной обусловленности жизнедеятельности субъекта труда, он, субъект, часто рассматривается вне контекста социального времени, социальных изменений и социальной ситуации развития, социальных связей, то есть оказывается «вырванным» из социального пространства, что противоречит методологии современной отечественной психологии.

Понятие «социальная ситуация развития» было введено Л.С. Выготским в качестве единицы анализа динамики развития ребенка. Социальная ситуация развития представляет собой специфическую для каждого возрастного периода систему отношений субъекта в социальной действительности, которая отражается в его переживаниях и реализуется в совместной деятельности с другими людьми (Выготский, 1984). Данное понятие необходимо активно использовать для изучения субъекта труда. С точки зрения системного подхода, социальную ситуацию развития, социальное пространство субъекта труда следует рассматривать как систему всех социальных связей и отношений, в которые он включен. Таким образом, его социальное пространство включает в себя, во-первых, собственно профессиональное социальное пространство. Это пространство совместной деятельности субъекта и его коллег, а также пространство специфических ситуаций труда, куда включен субъект и на основе анализа которых производится изучение деятельности профессионала. То есть, как правило, эти социальные связи и отношения ограничива-

ются кругом выполняемых субъектом профессиональных задач. Во-вторых, это личное социальное пространство, семейное и пространство значимых других, внепрофессиональное пространство. Данное пространство непосредственно не включено в профессиональную деятельность субъекта, но оказывает мощное влияние на ее реализацию.

Профессиональные социальные связи широко описаны в литературе (Климов, 1995; Ломов, 1984; Стрелков, 2001, и др.). Совместная профессиональная деятельность обладает особыми качествами, которые определяются качествами (и уровнем) ее субъекта: общение же выступает как условие и способ формирования этого субъекта (Ломов, 1984). Наряду с профессиональной деятельностью одной из главных сторон жизни субъекта труда являются личные и семейные отношения. Семейные социальные связи субъекта труда и реализация профессиональной деятельности тесно взаимосвязаны. Особенно ярко это проявляется в том случае, когда супруги работают в различных временных режимах, именно здесь может возникнуть проблема временной синхронизации жизнедеятельности как супругов, так и семьи в целом.

Таким образом, социально-психологическая компетентность субъекта труда является тем образованием, без изучения которого не представляется возможным раскрыть причинно-следственные связи, существующие в его социальном пространстве. В случае, когда сам субъект или его окружение (коллеги, родные или близкие) не могут быть компетентными определенное время, происходит видоизменение всей системы наличного социального пространства.

Белюсова В.В., Брисева Ю.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Постановка проблемы. Профессиональное самоопределение играет важную роль в становлении успешных

специалистов. Для каждой определенной профессиональной группы характерен свой смысл деятельности, своя

система ценностей (Климов, 1993). В профессиональной деятельности ценностные ориентации выступают в качестве важного механизма самоопределения личности (Борисова, 1995; Пряжников, 1996; Калинина, 1998; Шаминов, 1997; Касаткина, 2000; Бубнова, 1999; Белоусова, 2007, 2010, и др.). Вместе с тем, перспективным подходом к упомянутой проблематике представляется включение в исследовательский контекст конкретно-профессиональных ценностей, а также профессиональной направленности личности.

Цель исследования. Выявление особенностей профессиональной направленности и значимых профессиональных ценностей у представителей различных технических специальностей.

Выборка. 82 студента выпускных курсов технического университета трех специальностей: «Эргономика» (ЭИИС), «Информационные технологии» (ИТ), «Радиотехническая аппаратура» (РЭА). Группы отличаются друг от друга степенью выраженности (возрастания) технической составляющей предмета труда: ЭИИС – ИТ – РЭА.

Методы исследования. Диагностический блок: методики «Профессиональные ценностные ориентации», «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е.А. Климова. Качественный анализ применялся в обработке материалов интервью.

Результаты. Значимые профессиональные ценности. В ходе исследования были выделены: 1) группа ценностей, важных для всех рассматриваемых подгрупп («Интересная работа», «Сохранение здоровья» и др.); 2) группа ценностей, высоко значимых в подгруппах: ЭИИС – «Личностный рост», «Материальное обеспечение»; ИТ – «Профессиональное развитие», «Карьерный рост»; РЭА – «Материальное обеспечение», «Творчество» и др. Распределение профессиональных ценностей

(здесь и далее для сравнения использовался критерий Манна-Уитни). Между «соседними» группами ЭИИС – ИТ, РЭА – ИТ значимых различий не обнаружено; расхождения проявились при сравнении профессиональных ценностей в «крайних» группах ЭИИС – РЭА. Более значимые ценности для РЭА: «Профессиональное развитие», «Аккуратность» ($p \leq 0,05$). Более значимые ценности для ЭИИС: «Сохранение здоровья», «Оргработа, руководство другими людьми» ($p \leq 0,05$). Особенности профессиональной направленности. Наиболее явные различия по методике ДДО также характерны для ЭИИС и РЭА; группа ИТ заняла «промежуточное» положение:

1) ЭИИС – РЭА: в группе РЭА – превалировала направленность «Человек – Техника» и «Человек – Знак» ($p \leq 0,001$), в ЭИИС – «Человек – Человек» ($p \leq 0,001$) и «Человек – Художественный образ» ($p \leq 0,039$);

2) ИТ – ЭИИС: в группе ИТ – превалировала направленность «Человек – Знак» ($p \leq 0,005$), в ЭИИС – «Человек – Человек» ($p \leq 0,001$);

3) ИТ – РЭА: в группе РЭА превалировала направленность на сферу «Человек – Техника» ($p \leq 0,005$).

Полученные результаты, на наш взгляд, отражают различия в положении групп в техническом пространстве: максимальные расхождения наблюдаются между «крайними» группами и менее выражены между «соседними».

Выводы. Проведенное исследование показывает наличие характерных особенностей профессионального самоопределения (профессиональной направленности и профессиональных ценностей) у представителей различных специальностей – несмотря на то, что все они принадлежат к технической сфере. Отмеченные различия тесно связаны с профессиональной спецификой и достигают своего максимума при сопоставлении «крайних» по выраженности предмета труда профессиональных групп.

Березина Т.Н., Терещенко Р.Н.

Современная гуманитарная академия, Москва

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Традиционно эмоциональную сферу человека рассматривают как объединение всех проявлений эмоциональной жизни человека. Важным достижением современной психологии эмоций является выделение интегральных характеристик эмоциональной сферы, к которым относят: эмоциональный интеллект, эмоциональную осведомленность (Бреслав, 2007) и эмоциональную креативность (Березина, 2012). В этом аспекте эмоциональную креативность, как и эмоциональный интеллект, можно рассматривать и как сквозные характеристики эмоциональной сферы, и как способности к определенному преобразованию информации. Эмоциональный интеллект – это интегральная когнитивная способность к пониманию и управлению эмоциями, эмоциональной информацией (Люсин, 2004), а эмоциональная креативность – дивергентная способность к порождению новых эмоций, эмоционально насыщенных переживаний. Проанализировав различные точки зрения на эмоциональную креативность, мы пришли к

выводу, что рассматривать ее следует в двух смыслах этого понятия.

В широком смысле слова, эмоциональная креативность является сквозной характеристикой эмоциональной сферы, связана с дивергентным чувствованием и проявляется на всех уровнях организации эмоций. В общем смысле слова, эмоциональная креативность – это способность генерировать новые эмоциональные переживания, она включает в себя: эмоциональную подготовленность как понимание разнообразных эмоциональных переживаний на базе предшествующего эмоционального опыта; новизну как способность переживать необычные, с трудом поддающиеся описанию эмоции, и аутентичность как умение выражать эмоции искусно и искренне и разнообразно (Эйврилл, 1991). В этом аспекте эмоциональная креативность может быть связана с эмоциональными особенностями темперамента, характера, мотивации, с аффективными чертами личности.

В узком смысле слова эмоциональная креативность – это способность, составляющая общей креативности, и, как любая способность, связана с деятельностью, обеспечивает эффективность усвоения и выполнения какой-то конкретной деятельности. Именно поэтому эмоциональная креативность как способность должна лежать в основе какой-либо деятельности, и без нее эту деятельность было освоить практически невозможно. В таком ракурсе эмоциональная креативность оказывается и частью художественной креативности (по классификации Т.Н. Березиной). Художественная креативность – это способность,

необходимая для того, чтобы овладеть профессиями из сферы искусства. Опираясь на этот тезис, мы предлагаем разделить художественную креативность на составляющие, соответственно видам искусства. Здесь будет уместно традиционное разделение креативности на вербальную и невербальную. Вербальная необходима творцам в области речевого искусства – писателям, поэтам, драматургам. Невербальная, образная необходима художникам, скульпторам. В этой связи эмоциональная креативность оказывается профессионально важным качеством артистов театра и кино, режиссеров.

Бондарчук Н.В.

Магаданский институт экономики Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Магадан

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТНИКОВ СТАРАТЕЛЬСКОЙ АРТЕЛИ

Для изучения личностных особенностей (направленности личности и уровня субъективного контроля над жизненными ситуациями) работников старательской артели были использованы следующие методы: опросник уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера в модификации Е.Ф. Бажина (1993); методика определения направленности личности (ориентационная анкета) Б.М. Басса в модификации В. Смейкала и М. Кучеры.

Измерение уровня субъективного контроля показало, что среднегрупповые показатели интернальности по шкалам «Общей интернальности» (8,38), «Интернальности в области производственных отношений» (0,68) и «Интернальности в области здоровья и болезни» (-0,29) попадают в диапазон низких значений при сопоставлении с тестовыми нормами. Это свидетельствует о том, что испытуемые не считают себя ответственными за события, происходящие в их жизни, не видят связи между своими действиями и значимыми событиями их жизни, не считают себя способными контролировать их развитие, полагают, что большинство событий являются результатом случая или действия других людей.

Так, в производственных отношениях испытуемые не считают свои действия важным фактором в организации собственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т.п., а склонны приписывать более важное значение внешним обстоятельствам – руководству, коллегам по работе, везению-невезению.

Вопрос о том, влияет ли на снижение уровня интернальности трудовая деятельность в артели или на работу в данных условиях соглашаются люди уже со сниженным уровнем субъективного контроля, остается пока открытым. Низкий уровень ответственности компенсируется авторитарным стилем руководства. Функцию контроля выполняет руководство. Трудности в саморегуляции по-

ведения без руководства подтверждаются тем, что старатели не могут самостоятельно организовать свое свободное время в зимний период. Многие работники в зимний период не пытаются найти временную работу, увлекаются алкоголем.

Работники старательской артели осуществляют деятельность в условиях, в которых результат труда и оплата труда в большей степени зависят от ряда внешних факторов (совместных усилий всех специалистов, погодных условий, исправности техники, состояния месторождений, решений руководителя), чем от самого старателя как индивидуального субъекта труда.

Данные, полученные с помощью ориентационной анкеты, свидетельствуют о том, что для старателей в большей степени характерна направленность на дело (задачу) и на себя, нежели на общение. Респонденты заинтересованы в решении деловых проблем, выполнении как можно лучше работы, ориентированы на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

Испытуемые в большей степени ориентированы на конечный результат совместной деятельности, чем на сам ее процесс. Часть респондентов характеризуется ведущей направленностью на себя, что проявляется в ориентации на собственные потребности (проблемы, чувства), игнорировании окружающих людей и работы, которую они обязаны выполнять и, как правило, сопровождается властностью, агрессивностью в достижении статуса, склонностью к соперничеству, раздражительностью, тревожностью.

Старатели меньше ориентированы на стремление при любых условиях поддерживать хорошие отношения с людьми, реализацию потребности в привязанности и эмоциональных отношениях с другими людьми.

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России, Орел

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ ИНСПЕКТОРОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Основываясь на концепции интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (Мерлин, 1986), рассмотрим отдельные индивидуально-личностные и социально-психологические свойства личности инспекторов дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее ДПС ГИБДД), проявляющиеся в ситуации оказания помощи участникам дорожного движения. По мнению Е.А. Козловской, авторитет инспектора значительно повышается, если он не только выполняет административно-надзорные функции, но и оказывает посильную помощь участникам дорожного движения. Например, предупреждает водителей об опасных участках дороги; отвечает на вопросы, как лучше проехать в тот или иной населенный пункт, где можно отдохнуть в дороге, организует безопасность перехода улиц пешеходами на нерегулируемых светофорами участках дороги (Козловская, 1995).

Называя наиболее эффективные действия при оказании помощи участникам дорожного движения, опрошенные нами сотрудники ДПС ГИБДД указывают, прежде всего, своевременное обеспечение и доступ медицинской скорой помощи, оказание первой медицинской помощи, а также уважительное отношение к гражданам, своевременное принятие решений и регулирование дорожного движения. Эти показатели свидетельствуют об особой значимости компетентности инспекторов ДПС ГИБДД в вопросах оказания первой медицинской помощи, а также коммуникативной компетентности. В основе указанных видов компетентности лежит уникальное сочетание индивидуального (например, индивидуального стиля деятельности) и типичного (предусмотренного стандартными требованиями к профессионально-важным качествам).

Подчеркнем, что при оказании сотрудником первой доврачебной медицинской помощи пострадавшие могут вести себя неадекватно в связи с переживанием отрица-

тельных эмоций (тревоги, страха, злости), состояний беспомощности, паники, болевого шока. В таком крайне неблагоприятном состоянии пострадавшие могут вести себя агрессивно или, наоборот, впасть в оцепенение, ступор, не понимать требований инспектора ДПС ГИБДД, быть неспособными своим поведением создать условия для облегчения процесса оказания первой доврачебной медицинской помощи, осуществляемой инспектором.

В подобных ситуациях от инспекторов ДПС ГИБДД требуются такие индивидуально-личностные свойства, как максимальная собранность, сосредоточенность, распределение и переключение внимания, организованность и быстрая ориентация в местонахождении предметов, необходимых для оказания первой доврачебной медицинской помощи.

Стоит учесть, что на инспектора ДПС ГИБДД при этом действует совокупность отрицательных факторов психологического характера. К ним следует отнести страдание потерпевших; собственное волнение, эмоциональные переживания, связанные с восприятием дорожно-транспортного происшествия и его трагических последствий (сострадание, тревога, досада); осознание ответственности за свои действия; возможные негативные реакции очевидцев, родственников потерпевших. Кроме того, все действия инспектор ДПС ГИБДД должен осуществлять оперативно и на высокой скорости, что предъявляет дополнительные требования к его психическим ресурсам, в том числе моторным свойствам психики, профессионально значимым качествам личности в целом.

Здесь же представляется возможным высказать мысль о целесообразности обучения инспекторов ДПС ГИБДД элементарным приемам оказания психологической помощи пострадавшим в дорожно-транспортном происшествии – поддержанию словесного контакта, стабилизации эмоционального состояния пострадавшего.

Бороздина Л.В., Шалак О.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

«ТРИАДА РИСКА» В РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. был обнаружен феномен высотного рассогласования самооценки (СО) и уровня притязаний (УП) с подъемом личностной тревожности. Детальное изучение феномена вскрыло то, что найденное соположение высот СО и УП является не просто их рядовым сочетанием, а опасным соединением, потенциально патогенным для психосоматических и инфекционных (вирусных) заболеваний (Бороздина, Пукинская,

2000; Бороздина, Былкина-Михеева, 2002; Сидоров, 2007; Бороздина, Пукинская, 2010), вследствие чего феномен получил название «триада риска» (Бороздина, 2006; 2011). Дальнейший анализ позволил выявить причину и механизмы «триады», момент манифестации в онтогенезе – 10 лет (Бороздина, Пукинская, 2010), связь ее различных форм с продуктивностью деятельности – учебной и, частично, трудовой. Последнее с необходимостью вызывает вопрос

об уточнении характеристик проявления «триады риска» в разных профессиональных группах, что составляет предмет настоящего сообщения.

Исследование проводилось в трудовых коллективах, в нем участвовали менеджеры по персоналу – I группа (20 чел.) и менеджеры по продажам – II группа (20 чел.). Для диагностики СО использовалась техника Дембо-Рубинштейн; УП – методика Хоппе-Юкнат; индекса тревожности – шкала Тейлор (MAS); IQ – тест Равена.

Как выяснилось, в обеих профессиональных группах «триада» охватывает примерно 50% выборки, что служит нормативом, однако в I группе по сравнению со II число лиц с одноуровневым соотношением СО и притязаний несколько больше (55% к 45% и 40% к 60% соответственно). При этом тождественность обсуждаемых параметров СО и УП у менеджеров по персоналу достигается преимущественно в высоком секторе, у менеджеров по продажам – в среднем. Таким образом, I группа демонстрирует более благополучное положение в сопоставлении со II по меньшей частоте появления «триады» и более высокому уровню идентичности оценки себя субъектом и его целевого выбора.

Профессиональные группы различаются типом триады: менеджеры по персоналу склоняются к гиперпритязаниям,

когда выбор цели превосходит СО, менеджеры по продажам – к перестраховке, когда притязания оказываются ниже СО. Предпочтение формы «триады» существенно, ибо гиперпритязания, продуцируя большую эффективность деятельности, чреватые высокоамплитудной эмоциональной напряженностью, хронизация которой небезопасна для человеческого здоровья (Бороздина, 2006); перестраховка, создавая гарантию успеха, снижает продуктивность деятельности из-за низкого целеполагания.

Ранее было показано, что «триада риска» имеет факторы, способствующие и препятствующие ее формированию. К первым относятся эмоциональность (Залученова, 1995), ко вторым – психометрический интеллект, о чем свидетельствует то обстоятельство, что у лиц с особо высоким IQ «триада» не образуется, а также установленная в данной работе закономерность, в соответствии с которой чем выше IQ, тем меньше вероятность возникновения «триады» (критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$).

Закономерность получена на полном массиве испытуемых, но менеджеры по персоналу все же характеризуются более высоким уровнем интеллекта, чем менеджеры по продажам. Полученные различия анализируются в контексте специфики профессий и требований отбора.

Брынза И.В.

Южно-украинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Одесса, Украина

ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

В сообщении представлены теоретические и эмпирические результаты исследования особенностей переживания профессионального кризиса у лиц с различной эмоциональной диспозицией. Под профессиональным кризисом понимается психическое состояние личности, характеризующееся субъективными переживаниями невозможности реализации профессиональных планов, возникающих при блокировке целенаправленной профессиональной деятельности внешними (объективными) по отношению к личности и внутренними (субъективное отношение к миру, особенности личности, особенности ее развития) причинами (Санникова, Брынза, 2000).

В работе использовалась авторская методика для диагностики когнитивных, эмоциональных, личностных и поведенческих показателей переживания профессионального кризиса (Санникова, Брынза, 1998) и широко известные методики диагностики спектра черт личности, в том числе и профессионально важных (некоторых показателей потребностно-мотивационной сферы, аспектов самосознания, индивидуально-типических особенностей эмоциональности, факторов личности и др.), гипотетически связанных с показателями профессионального кризиса. Выборка составила 433 человека.

По результатам исследования профессиональный кризис рассматривается как психическое явление, имеющее свою структуру, и как процесс, имеющий определенную стадиальность, динамику и логику развития. Выявлена структура психологического кризиса, изучены индиви-

дуальные различия в переживании профессионального кризиса у лиц с различной эмоциональной диспозицией. Различия определяются качественно-количественным сочетанием, входящих в структуру показателей, и проявляются в специфике протекания данного состояния и в способах его преодоления.

Установлено, что опыт, возраст и стаж работы существенно влияют на особенности переживания профессионального кризиса и его специфику: каждая из групп испытуемых имеет свой, индивидуальный набор параметров самоактуализации, мотивации достижения и других свойств личности, в том числе и невротических.

Подтверждена гипотеза о конституирующем влиянии эмоциональности на индивидуальную структуру состояния профессионального кризиса, на предрасположенность личности к переживанию кризисных состояний. Качественные особенности эмоциональности, степень доминирования каждой модальности и своеобразие их сочетаний (типы, диспозиции) определяют соотношение показателей профессионального кризиса и их индивидуальную специфику.

Специфика переживания профессионального кризиса у лиц, различающихся эмоциональностью, заложена в психологической сущности эмоций каждой из модальностей: в отношении к объекту (положительном или отрицательном), в способах взаимодействия с ним (активном или пассивном) и в направленности на объект или от него.

Установлено, что испытуемые с определенным типом эмоциональности по-разному переживают состояние острого кризиса в непосредственной и профессиональной деятельности общения. Они отличаются разной

склонностью к переживанию кризисных состояний, разнообразием палитры переживаний и мыслеформ, разной глубиной, устойчивостью переживаний кризиса, избирательностью в общении и устойчивостью к изменениям.

Бугайчук Т.В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ВЕДУЩИМИ ПОДСТРУКТУРАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Изучению проблемы профессионального развития в целом и профессиональной идентичности в частности посвящены работы таких исследователей, как Е.П. Ермолаева, Л.М. Митина, Ю.П. Поваренков, Н.С. Пряжников, В.Д. Шадриков и др. Опираясь на концепцию профессионального становления личности Ю.П. Поваренкова, мы исходим из понимания профессиональной идентичности как характеристики субъекта, выбирающего и реализующего способ профессионального взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности. Профессиональная идентичность включает в себя три компонента структуры: когнитивный, мотивационный и ценностный.

Первый характеризует отношение человека к себе как будущему и действующему профессионалу. Речь идет о реальной или прогнозируемой профессиональной самооценке. Р. Бернс и Л.М. Митина пишут об одном из компонентов формирования профессиональной самоидентичности – «Я-концепции», где «Я-концепция» – совокупность всех представлений индивида о себе, включает убеждения, оценки и тенденции поведения. Второй компонент характеризует отношение человека к содержанию, условиям профессиональной деятельности и профессионализации в целом.

Принятие профессии, как отмечается в работах В.Д. Шадрикова, создает специфическую ситуацию включения человека в систему требований и ценностей данной профессии. В качестве субъективных компонентов данной ситуации выступают «готовность к труду», «трудовая зрелость». Третий компонент структуры профессиональной идентичности связан с оценкой отношения человека к системе ценностей и норм, традициям и ритуалам, характерным для каждой профессиональной общности. Этот аспект разработан в меньшей степени, хотя уже в работах

А. Ватермана в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности.

Определим взаимосвязи трех компонентов структуры профессиональной идентичности, которые были выявлены в рамках исследования становления профессиональной идентичности у студентов педагогического вуза. Отмечается высокая значимость связи между профессиональной идентичностью и ее компонентом «принятие профессии» на всех семестрах обучения в специалитете ($p < 0,01$), т.е. мы можем говорить о том, что ведущим компонентом профессиональной идентичности выступает компонент «принятие профессии», но влияют на формирование и развитие профессиональной идентичности все компоненты и механизмы их взаимодействия в период обучения в вузе.

Ведущий компонент профессиональной идентичности – принятие профессии – значимо коррелирует с такими личностными характеристиками, как теплота, импульсивность, смелость, экстраверсия (по Р. Кеттеллу) во втором семестре, и смелость – в шестом семестре. В шестом семестре отмечена обратная взаимосвязь принятия профессии и профессиональной идентичности с уровнем умственного развития (по Р. Амтхауэру). Это говорит о том, что студенты, обладающие высоким уровнем умственных способностей, адекватнее оценивают ситуацию своего профессионального развития, соотносят свои способности с тем уровнем требований, который они увидели в период прохождения первой педагогической практики. Данная связь подтверждает кризис идентичности в шестом семестре, обнаруженный в нашем эмпирическом исследовании. В восьмом семестре выделяется личностное качество, коррелирующее со всеми параметрами профессиональной идентичности, – воображение. Оно является ведущим на данном этапе обучения в вузе и влияет на формирование профессиональной идентичности.

Ваганова О.И.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В свете Болонской Декларации многоступенчатая система высшего образования завоевывает все большее признание. Система подготовки бакалавров и магистров

существует в России с 1992 г. Введение многоступенчатой системы находится в русле диверсификации высшего образования, суть которой состоит в многообразии воз-

возможностей и вариантов получения образования, предоставлении личности права самостоятельно формировать образовательную траекторию с учетом интересов, склонностей, потребностей, с целью более широкого доступа к нему и облегчения трудоустройства.

Выявление и учет индивидуальных различий в творческом потенциале при переходе со ступени бакалавров к магистрам является проявлением компетентностной модели образования. В процессе обучения при многоступенчатой системе подготовки в вузе преподаватель должен не столько сообщать студентам учебную информацию, сколько создавать условия для самоуправления их деятельностью по ее усвоению с учетом индивидуально-стилевых особенностей обучаемых. Для обеспечения оптимальных условий учебной деятельности студентов при массовых формах обучения весьма перспективным шагом является внутригрупповое деление учащихся на условные, подвижные группы в соответствии с темпами продвижения. Гибкость образовательной траектории, определенная свобода выбора, предоставленная студенту в процессе обучения, возможность коррекции и даже кардинального изменения изначального профессионального выбора способствуют формированию инициативной творческой личности с высокой познавательной активностью.

С целью обоснования целесообразности более позднего выбора специализации нами была изучена самооценка студентами правильности профессионального выбора.

В исследовании приняли участие 215 студентов 3–4 курса Волжского государственного инженерно-педагогического университета. Сама возможность выбора направления после 2,5–3 лет обучения является показателем наличия гибкой образовательной траектории, предусмотренной принципами Болонской декларации. Положительным является факт оценки своего профессионального выбора как правильного для 53% студентов. Однако 27% высказались в пользу выбора узкой специализации после 2–3 лет базовой подготовки по широкому профилю. Сюда же, на наш взгляд, можно отнести и те 20%, сожалеющих о своем выборе. То есть, начинать профессиональную подготовку молодым людям, далеко не всегда способным к адекватному профессиональному самоопределению, лучше в широкой предметной области, постепенно определяясь с более специализированной подготовкой.

В заключение следует отметить, что полный переход на двухуровневую систему требует отказа от механического перехода к пересмотру учебных планов и программ, простого «разрезания» существующих программ на два уровня, нужен «интегрированный» подход к реформе учебных планов. При этом необходима организация диалога высшей школы, работодателей и профессионального сообщества относительно содержания программ и требований к навыкам и компетенциям выпускников, сотрудничество по согласованию требований к магистерским программам.

Войтехович Т.С.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА-ВАХТОВИКА КАК САМОРЕГУЛИРУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

В связи с активным освоением минеральных ресурсов на территории Крайнего Севера все более актуальным становится вахтовый метод, активно реализуемый на нефтяных, газовых, алмазодобывающих и других предприятиях. Вахтовая организация труда специалистов позволяет предприятию функционировать непрерывно и интенсивно, принося максимальную прибыль. В свою очередь, данная форма труда задает специфичный ритм жизнедеятельности профессионала: длительный период работы (вахтовый период) регулярно чередуется с длительным периодом отдыха (межвахтовый период), – который определяет функционирование профессионала на всех уровнях интегральной индивидуальности.

Профессионала как интегральную индивидуальность необходимо рассматривать на различных иерархических уровнях: система индивидуальных свойств организма (биохимические, общесоматические, нейродинамические свойства), система индивидуальных психических свойств (свойства темперамента, личности), система социально-психологических индивидуальных свойств (социальные роли в группе, в социально-исторических общностях) (Мерлин, 1986). На интегральную индивидуальность профессионала в период вахты влияет совокупность факторов: климатогеографические (интенсивность солнечной радиации, фотопериодичность, сильные ветры, циклоны, холод, высокая влажность воздуха, напряженность гео-

магнитного поля и другие), производственные (большая доля искусственного освещения, вибрация, вредные химические вещества, монотонность работы, длительный труд на воздухе/в помещении, длительная смена, ночные смены и другие), социально-психологические (групповая изоляция, социальный десинхронизм (Гаранина, 2006), вынужденный круг общения, сниженная вариативность мест отдыха). В связи со специфическим ритмом жизнедеятельности профессионал находится в ситуации постоянной адаптации: то к условиям жизни на вахте, то к условиям жизни в межвахтовый период (феномен множественной реадaptации).

В процессе преодоления влияния неблагоприятных внешних условий профессионал реагирует на всех уровнях интегральной индивидуальности: в виде соматических заболеваний, в виде психических расстройств, ухудшения психоэмоционального состояния, повышения раздраженности и конфликтности, общей неудовлетворенности работой.

Способность интегральной индивидуальности профессионала быть саморегулирующейся системой позволяет ей длительно быть эффективной в трудных условиях жизнедеятельности. Расходование внутренних ресурсов возможно до определенного предела, после которого начинаются расстройства внутренних систем человека, и человек может заболеть. В связи с этим необходимо раз-

вывать способности профессионалов к саморегуляции в столь специфичных условиях труда.

Действия в данном направлении позволяют проводить профилактическую работу со специалистами, работающими вахтовым методом на предприятиях Севера. Изучение образа вахты, экзистенциальных установок профессионала, индивидуального стиля саморегуляции, особенно-

стей волевой саморегуляции, копинг-стратегий, методов саморегуляции позволяет определить индивидуальные особенности интегральной индивидуальности профессионала и построить систему саморегуляции специалистов в экстремальных условиях жизнедеятельности, а также способствовать адаптации профессионалов, выбирающих соответствующие профессии.

Гаранина О.А.

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ В РЕЖИМЕ СМЕННОГО ГРАФИКА

Цель исследования заключалась в выявлении уровня интернальности локуса контроля специалистов, работающих в режиме сменного графика. В исследовании приняли участие 147 человек: 49 мужчин и 98 женщин от 23 до 62 лет. Основную группу составили 107 специалистов: 38 врачей скорой помощи, 35 медсестер, 34 охранника. Все испытуемые работали в режиме «сутки через двое». В группу сравнения вошли 40 специалистов, работающих в обычном режиме (40-часовая рабочая неделя с двумя выходными). Выделение подгрупп специалистов внутри основной группы производилось с целью контроля возможного влияния на результаты исследования фактора напряженности труда.

Выявлено, что средние показатели по всем шкалам опросника УСК у специалистов, работающих в режиме сменного графика, ниже, чем у работающих в обычном графике. Достоверны различия по пяти шкалам из семи: «общая интернальность», «интернальность в области неудач», «семейных отношений», «межличностных отношений», «здоровья и болезни». Специалисты, работающие в режиме сменного графика, организуют время жизни, исходя из внешне заданных, жестких условий времени труда. Реализация повседневных жизненных задач затрудняется особым графиком работы, что приводит к развитию чувства зависимости от обстоятельств или других людей в организации собственного времени жизни. Сниженные показатели по шкале интернальности в области неудач свидетельствуют о слабом чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности приписывать ответственность за подобные события другим людям или считать их результатом невезения.

Низкий уровень интернальности в семейных отношениях связан с рассогласованием времени работы и отды-

ха специалистов и членов их семей, которые работают в обычном режиме или учатся.

Специалист проводит меньше времени с семьей, отдаляется от нее. В первую очередь его беспокоит проблема выдерживания заданного ритма работы и связанные с ним проблемы восстановления нормального состояния организма после смены, подготовка к предстоящей смене, что может вызывать недовольство других членов семьи и конфликтные ситуации.

График работы может служить оправданием отстраненности от проблем семьи и снятия с себя ответственности. Зачастую семья «освобождает» специалиста от решения семейных проблем, снимая с него ответственность за принятие решений. Кроме того, специалисты, работающие в режиме сменного графика, находятся в ситуации социального десинхрониза не только по отношению к членам своей семьи, но и к друзьям и другим членам микросоциального окружения, что выражается в низких показателях интернальности по шкале межличностных отношений.

Низкие показатели интернальности в отношении здоровья и болезни могут свидетельствовать о том, что специалисты склонны считать, что график работы оказывает влияние на их здоровье, нарушает биологические ритмы и способствует обострению хронических заболеваний. Связывая возникновение заболеваний с негативным влиянием рабочего графика, они снимают с себя ответственность за состояние собственного здоровья.

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что различия в уровне интернальности между разными подгруппами специалистов, работающих в режиме сменного графика, оказались незначимыми, можно говорить о взаимосвязи уровня интернальности именно с особенностями рабочего графика данной категории специалистов.

Гильманов С.А.

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Мы считаем, что об индивидуальности можно говорить как о профессиональном качестве: это, с одной сто-

роны, те уникальные черты, богатство личности, которые человек привносит в деятельность и отношения, с дру-

гой, – проявление самобытности позиций, представлений, индивидуальных ценностей, которые формируются по отношению к профессии. Специфический уровень профессиональной индивидуальности – индивидуальность творческая, отличительными чертами которой являются: творческий характер деятельности, привнесение нового в профессиональные действия, ярко выраженный индивидуальный стиль деятельности, накладывающий отпечаток на все действия профессионала и на отношения в профессиональном сообществе.

Особую роль играет творческая индивидуальность в педагогической профессии: именно она обуславливает способность педагога взаимодействовать с индивидуальностью ученика и поддерживать формирование его ценностей, влиять на развитие качеств его личности. Между тем, эти чрезвычайно важные качества педагога мало замечаются психолого-педагогической наукой и практикой. В зоне внимания исследователей, педагогов-практиков, руководителей системы образования оказываются чаще всего средства, технологии, целевые и содержательные компоненты образования, а личность педагога рассматривается в основном с точки зрения ее соответствия «правильным» требованиям организации учебно-воспитательного процесса.

Мы считаем, что для полноценного и гармоничного развития образования чрезвычайно актуальны разработки способов выявления, описания, поддержки творческой индивидуальности педагога в образовательных учреждениях, в системе образования в целом. Поскольку творческая индивидуальность педагога проявляется в характере и содержании отношений и взаимодействиях с учащимися, способах осуществления профессиональных действий, продуктах творчества (изобретений, произведений), то

наиболее актуальными критериями, позволяющими выявлять, описывать, поддерживать педагога с ярко выраженной творческой индивидуальностью, усиливать его влияние на действия коллег и психолого-педагогического сообщества в целом, на улучшение качества учебного процесса, являются следующие.

1. Критерий значимости определяется по тому, насколько уникальные черты личности педагога, его произведений оказывают влияние на развитие качеств ученика, во скольких видах педагогической деятельности других педагогов данные проявления могут применяться, каков масштаб влияния на улучшение образовательного процесса.

2. Критерий оригинальности определяется по признакам новизны, «яркости» «интересности», красоты, всех проявлений действий педагога и в уровне авторства его продуктов (методик, приемов, средств). Даже если продукт создан не самим учителем, то он может быть им интерпретирован, изменен, использован так, что степень авторства высока, а за авторством «просматривается» творческая индивидуальность.

3. Критерий технологичности определяется по тому, насколько продукт творчества педагога целостен и закончен, завершен (не представляет ли из себя часть другого, более значительного педагогического произведения), насколько ясны и определены его цели, громоздок ли он в использовании; оформлен ли он так, что понятно, как можно его применять и использовать в оптимизации деятельности других педагогов.

Оценивание педагога на основе предлагаемых критериев может осуществляться только на основе экспертной оценки, так как творческая индивидуальность педагога является качеством, проявляющимся в определенной системе межличностных отношений.

Головей Л.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Профессиональное развитие как развитие субъекта профессиональной деятельности тесно взаимодействует с онтогенетической эволюцией психических функций индивида и жизненным путем личности в обществе. Профессиональное развитие можно рассматривать как длительный процесс, имеющий определенную структуру и продолжающийся до тех пор, пока осуществляется профессиональная деятельность. Он имеет свои фазы и генетические переходы между ними, которые могут выделяться как критические точки развития. Под критическими точками развития, или кризисами, мы понимаем периоды в профессиональном развитии личности, связанные с перестройкой смысловой структуры профессиональной деятельности, характеризующиеся активизацией адаптационных процессов и личностным переструктурированием.

В исследовании ставился вопрос о том, какие индивидуальные особенности могут обуславливать возникнове-

ние кризисов профессионального развития. В нескольких циклах работ при изучении представителей социомических профессий (педагогов, медицинских работников, менеджеров) было выделено три периода (23–28, 39–49 и 50–60 лет), которые можно назвать кризисными. В них отчетливо проявляются признаки кризиса, относящиеся к разным уровням индивидуальности. Отмечается снижение резервных восстановительных возможностей организма, эмоциональной устойчивости, происходит увеличение тревожности, беспокойства, снижается адекватность в межличностном общении. Проявляется фиксированность на неудачах, социализация поведенческого контроля, возрастание чувства долга, снижение инициативности. На этом фоне уменьшается удовлетворенность профессиональной деятельностью, стремление к самореализации, обостряется чувствительность к профессиональным стрессорам.

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект №10-06-00490а.

В исследовании выделились факторы личности, которые могут выступать в качестве предикторов возникновения кризисов профессионального развития. К их числу относятся проявления замкнутости, отсутствие ориентации на взаимодействие с людьми, эмоциональная нестабильность, жесткость, низкий уровень ценностно-смысловых и познавательных составляющих самоактуализации (негативный взгляд на природу человека, доминирование общежитической мотивации в сочетании с низкой творческой направленностью), преобладание в структуре поведения неконструктивных стратегий, связанных с асоциальным, манипулятивным и агрессивным копингом.

Наряду с этим были обнаружены и факторы индивидуальности, способствующие успешному преодолению профессиональных кризисов и профессиональному развитию в целом. Среди них можно назвать эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные свойства личности, а также такие составляющие самоактуализации как ориен-

тация во времени, поддержка, опора на себя, познавательные потребности, креативность, уравновешенное соотношение общежитической и профессиональной мотивации, конструктивные копинг-стратегии.

В качестве ресурсов совладания личности выступает удовлетворенность жизнью в целом, самооценка здоровья, общение с друзьями, поддержка семьи. Указанные характеристики и показатели профессионального развития преобразуются с возрастом.

Возрастные симптомокомплексы представляют собой взаимосвязь особенностей периода развития, его кризисности, субъектно-личностных и мотивационных характеристик, жизненного и профессионального контекста развития, копинг-стратегий, личных ресурсов преодоления кризиса. Характер переживания профессиональных кризисов и выходов из него во многом определяется индивидуальными особенностями человека и его возрастом.

Данилова М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТАРШЕКЛАСНИКОВ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ*

Важной составляющей профессионального выбора является готовность, включающая такие компоненты, как автономность, информированность о профессиях, принятие решения, планирование, эмоциональное отношение. В исследовании кризиса профессионального самоопределения приняли участие 470 старшеклассников 14–16 лет (200 юношей и 270 девушек). Были использованы: «Анкета опантанта», методика «Профессиональная готовность» (Чернявская, 2001), методика изучения профессиональной идентичности (Шнейдер, 2007).

У подростков 14–16 лет наиболее выраженными оказались такие показатели профессиональной готовности, как «автономность» и «эмоциональное отношение», наименее – показатель «информированность». Т.е., проявляя стремление к самостоятельности и оптимистичное отношение к своему выбору, подростки не имеют необходимой базы для его обоснованности. На фоне недостаточной информированности другие компоненты профессиональной готовности могут отражать неадекватные представления личности о своих возможностях и о различных профессиях.

Исследование мотивации показало, что планируя профессиональное будущее, подростки ориентируются, прежде всего, на внешние мотивы, например, деньги (43,2%), которые в 15–16 лет у девушек теряют свое значение, тогда как для юношей начинают играть более существенную роль. У девушек чаще ($p < 0,05$), чем у юношей, проявляется интерес к существу деятельности и к общественной пользе.

Изучение профессиональных планов старшеклассников выявило, что у юношей от 14 к 15 годам уровень сфор-

мированности планов несколько повышается (от 32% до 41%), однако к 16 годам вновь снижается (до 36,2%). Это говорит о том, что ранее сформированные планы не были достаточно осознанными и самостоятельными, и теперь переосмысливаются и подвергаются коррекции. Ситуация выбора у юношей характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью результата. У девушек профессиональные планы более сформированы ($p < 0,05$). Однако с возрастом у них наблюдается повышение значимости профессии при снижении ценности профессионального образования, что может привести к отсроченному негативному эффекту на следующих этапах профессионального развития и самореализации.

Успешность профессионального выбора во многом определяется статусом профессиональной идентичности (навязанная, диффузная, достигнутая, псевдопозитивная или мораторий идентичности).

Подростки в целом характеризуются статусом диффузной идентичности, у них нет не только ясных целей, но и активности в их формировании, что не позволяет нам говорить о конструктивном развитии процесса профессионального самоопределения. Можно выделить следующие показатели кризиса профессионального самоопределения у старшеклассников:

- низкая информированность о профессиях;
- слабая сформированность профессиональных планов;
- отсутствие активности в вопросе профессионального выбора.

Возрастно-половая специфика кризиса проявляется:

- в снижении у девушек значимости образования;

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект №10-06-00490а.

• в повышении у юношей внешней мотивации выбора профессии.

Таким образом, основные направления психологической помощи подросткам в ситуации кризиса профессионального выбора включают повышение роли профориентационного сопровождения в школе, расширение

кругозора учащихся в мире профессий и знаний в области самопознания, целеполагания и планирования жизни.

К числу наиболее значимых ресурсов личности можно отнести открытость опыту и позитивное эмоциональное отношение подростков к своему профессиональному выбору.

Данченко С.А., Бабина Л.В.

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток

СТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Исследование структуры интеллекта у студентов старших курсов медицинского вуза было проведено с помощью методики «ТСИ» Р. Амтхауэра на выборке из 269 человек (138 женщин и 131 мужчина). Выборка была сформирована с учетом параметров, влияющих на результаты тестирования: уровень и тип образования, общий культурный уровень, владение русским языком как таковым, продолжительность профессиональных занятий, пол, анатомическая зрелость структур головного мозга. Для рассмотрения структуры интеллекта данной выборки было необходимо разработать тестовые нормы, так как считается, что выполнение теста Р. Амтхауэра ставит в неравные условия гуманитариев по сравнению с техниками. Чтобы избежать подобной погрешности, были разработаны тестовые нормы, специфичные для данной группы испытуемых. И только после этого были описаны структуры интеллекта у исследуемой группы.

Таким образом, исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе с помощью точечно-бисериального коэффициента корреляции ($r_{\text{тб}} = 0,2$) было установлено отсутствие взаимосвязи между мужскими и женскими тестовыми показателями. Это позволило произвести расчет норм для одной общей выборки без дифференциации по полу. На втором этапе нормирования результатов с помощью критерия χ^2 Пирсона было установлено, что полученные в ходе пилотажного исследования данные подчиняется нормальному закону распределения т.к. все значения $\chi^2_{\text{эмп.}} < \chi^2_{\text{теор.}}$, при уровне статистической значимости $p \leq 0,01$. Далее были разработаны тестовые нормы для данной выборки по всем девяти субтестам, включая общий балл.

На третьем этапе исследования были выделены 7 групп и описаны их профили: а) группа испытуемых с превалированием вербального интеллекта (6% от выборки); б) группа испытуемых с «математической одаренностью» (1%); в) группа испытуемых с превалированием наглядно-образного мышления (5%); г) группа испытуемых с превалированием конкретного мышления (в данной выборке испытуемых с такой структурой интеллекта не выявлено); д) группа испытуемых с однородными высокими показателями (11%); е) группа испытуемых с однородными средними показателями (64%); ж) группа с однородными низкими показателями (12%).

На четвертом этапе была проведена статистическая проверка однородности показателей у мужчин и женщин с помощью критерия F Фишера. Данные, полученные на этом этапе, показали отсутствие различий между показателями мужчин и женщин.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Результаты, полученные с помощью «ТСИ» Р. Амтхауэра, поддаются закону нормального распределения, а следовательно, к ним можно применять методы параметрической статистики.

2. Отсутствуют значимые половые различия в тестовых показателях у студентов-медиков.

3. Для исследуемой выборки выведены тестовые нормы по всем субтестам, включая суммарный балл.

4. Полученные результаты достоверны на уровне значимости $p \leq 0,01$, значит, данные тестовые нормы можно распространить на генеральную совокупность студентов-медиков в возрасте от 21–24 лет.

Девяткина М.В.

Вологодский государственный педагогический университет, Вологда

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

Деятельность тренера детско-юношеской спортивной школы (ДЮСШ) и учителя физической культуры имеет как сходства, так и различия. Профессиональная подготовка и переподготовка специалистов сферы по физической культуре и спорту часто проводится совместно. Для

учета специфики деятельности специалистов в рамках образовательного курса «Обогащение психолого-педагогического арсенала учителя физической культуры», проводимого в Вологодском институте развития образования, перед лектором была поставлена задача разработать тема-

тический блок по психологии, связанный с повышением эффективности профессиональной деятельности слушателей курса. Для решения поставленной задачи было необходимо сравнить структурно-функциональные характеристики профессионального педагогического мышления (далее ППМ) тренеров ДЮСШ и учителей физической культуры, так как, по мнению М.М. Кашапова, мышление педагога следует называть профессиональным, если оно обеспечивает успешное осуществление профессиональной деятельности, а именно эффективное решение педагогических задач.

Опираясь на теорию ППМ, разработанную М.М. Кашаповым, мы рассматриваем ППМ как познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения педагогической проблемности, характеризующийся личностной включенностью учителя на преобразования в ходе педагогической деятельности (Кашапов, 2000).

Исследование проводилось в период с 2009 по 2011 г. В исследовании приняли участие учителя физической культуры (94 человека в возрасте от 27 до 72 лет), тренеры ДЮСШ (30 человек в возрасте от 23 до 61 года). Для исследования были выбраны следующие методики: опросник выявления ситуативного/надситуативного уровня педагогического мышления М.М. Кашапова, Т.Г. Киселевой; методика диагностики рефлексии А.В. Карпова, В.В. Пономаревой; опросник для определения творческого потенциала О.Н. Ракитской, М.М. Кашапова.

Результаты эмпирического исследования ППМ тренеров ДЮСШ и учителей физической культуры показали следующее.

1. Среди тренеров незначительно выражена доля лиц с преобладанием надситуативного уровня ППМ по сравнению с учителями.

2. Уровень ППМ тренеров связан с творческим потенциалом и общей рефлексией.

3. У тренеров выявлено наличие достаточно значимой корреляционной связи между показателями творческого потенциала и общей рефлексией.

4. У учителей обнаружено наличие отрицательной связи между ситуативным уровнем ППМ и рефлексией взаимодействия и общения, что связано с недостаточно глубоким и поверхностным анализом обследованными учителями содержания и эффективности построения отношений с учащимися.

5. У учителей выражена связь ППМ и рефлексии настоящей деятельности, что обусловлено тем, что они, анализируя свой прошлый опыт, задумываются о настоящем.

6. Чем старше и опытнее учителя физической культуры, тем более у них выражены показатели ретроспективной рефлексии деятельности. При этом данная закономерность наиболее ярко проявляется у учителей с надситуативным уровнем ППМ. Данная закономерность не была выявлена у тренеров.

7. Статистически подтвержденной связи непосредственно между уровнем педагогического мышления, рефлексивными характеристиками мышления и показателями стажа не было выявлено в обеих группах.

Полученные данные позволяют, выстраивая курс по психологии, спланировать задания для более эффективной переподготовки специалистов сферы по физической культуре и спорту.

Дербенева М.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ*

Целью нашего исследования стал сравнительный анализ профессионального самоопределения в период юности в разных образовательных системах. Выборку составили учащиеся 10–11 классов общеобразовательной школы (106 человек), а также студенты 1–2 курса ССУЗов, поступившие в них по окончании 9-го класса (86 человек). Всего 192 человека в возрасте от 15 до 18 лет. В задачи исследования входило сравнительное описание профессионального самоопределения учащихся старшей школы, находящихся на начальном этапе реализации профессионального плана посещающих подготовительные курсы при вузе, и студентов начальных курсов ССУЗов, находящихся на начальном этапе профессиональной подготовки. Методический комплекс составили: «Анкета оптанта», «Методика изучения профессиональной идентичности» Л.Б. Шнейдер, «Методика изучения отношения к профессиональному будущему» М.Р. Гинзбурга, «Шкалы удовлетворенности» О.С. Копиной, «Методика изуче-

ния «Я-концепции»» Х. Абельса, личностный опросник «Большая пятерка», «Копинг-тест» Р. Лазаруса.

Анализ субъективных факторов влияния на профессиональный выбор показал, что школьники больше, чем студенты, испытывают влияние различных источников информации о профессиональном мире: они значимо чаще отмечают влияние родителей, учителей, друзей, специализированные выставки и специальную литературу, а также профориентационные мероприятия в школе (при $p < 0,05$).

Серьезность выбора профессии оказывается выше у школьников ($p < 0,001$). То есть студенты ССУЗов, реально осуществившие выбор профессии, подходили к нему менее серьезно и обоснованно. При этом студенты ССУЗов чаще отмечают безразличие по отношению к профессиональному будущему, тогда как учащиеся школы чаще испытывают интерес и уверенность ($p < 0,001$). Таким образом, студенты оказываются эмоционально менее

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №10-06-00490а «Комплексное изучение психологических факторов возникновения кризисов профессионального развития в периоды юности и ранней взрослости».

включенными в процесс профессионального самоопределения. Однако у них значимо чаще наблюдается достигнутая профессиональная идентичность ($p < 0,001$), при которой человек соотносит себя с избранной профессиональной средой и профессиональным сообществом. Это подтверждается структурой «Я-концепции», в которой представленность «Я-профессиональное» выше в группе студентов ($p < 0,001$). У учащихся школы чаще выражен статус диффузной профессиональной идентичности ($p < 0,05$), что свидетельствует об их недостаточной профессиональной определенности.

При изучении индивидуально-личностных особенностей выявлено, что привязанность, самоконтроль и эмоциональная устойчивость выше в группе учащихся школы по сравнению со студентами ($p < 0,05$), у них же выше удовлетворенность жизнью и удовлетворенность жизненных потребностей ($p < 0,01$), что свидетельствует об их большем психологическом благополучии. Анализ стратегий

совладания со сложными жизненными ситуациями показал, что студенты чаще используют такие неконструктивные копинг-стратегии, как дистанцирование и бегство ($p < 0,05$). Учащиеся школы чаще прибегают к использованию социальной поддержки ($p < 0,05$), эта стратегия позволяет им использовать ресурс социального окружения.

Таким образом, анализ эмпирических данных выявил, что студенты начальных курсов ССУЗов при выраженной направленности на профессиональную сферу и сформированной профессиональной идентичности оказываются эмоционально менее включенными в процесс профессионального самоопределения.

Иначе говоря, ранняя профессионализация в юношеском возрасте наряду с позитивным вхождением в профессиональную среду может сопровождаться личностными трудностями, совладание с которыми задействует неконструктивные копинг-реакции и приводит к снижению общей удовлетворенности жизнью.

Дикая Л.Г.

Институт психологии РАН, Москва

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ

Обосновывается подход к исследованию ресурсов выгорания с позиции личностного потенциала человека как базовой индивидуальной характеристики, как стержня личности, по определению Д.А. Леонтьева (2011). В настоящее время в центре внимания психологов не только жизненные трудности, стрессы, кризисы и конфликты, но и психологические ресурсы личности, которые помогают человеку их успешно преодолевать. В наибольшей степени это относится к деятельности педагогов как наиболее ярких представителей социально ориентированных профессий, у которых число профессиональных и жизненных трудностей все возрастает.

В диспозиции «личность-выгорание» мы рассматриваем личностный потенциал профессионала как ресурс выгорания, который интегрирует определенные психологические особенности и качества личности, способствующие или препятствующие выгоранию. Такой личностный потенциал позволяют педагогу преодолевать заданные обстоятельства, то есть, «выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней среды» (Леонтьев, 2002). Личностный потенциал отражает субъектную и личностную активность профессионала, а взаимодействие личностных и субъектных, природных и социальных качеств человека образуют метасистему детерминации эмоционального выгорания профессионала (Дикая, 2010).

В предыдущих работах нами была обоснована необходимость исследования профессионального выгорания одновременно как социального, профессионального и личностного феномена, как состояния личности и одновременно как вид психического состояния человека, более других состояний отрицательно воздействующего на

свойства и качества личности человека, включая высшие потребности, высшие ценности, экзистенциальную и духовную сферы личности.

Многообразие дефиниций личностных характеристик и качеств, влияющих на выгорание, представленных в психологической литературе, объясняется, на наш взгляд, разнообразием парадигмальной приверженности авторов различным научным традициям (адаптационный потенциал, эмоциональный потенциал) (Доценко, 2008).

По нашим данным, в личностном потенциале, влияющем на выгорание, могут быть интегрированы характеристики личности, отличающиеся по уровню, но одной направленности. Поэтому перспективным является предложение В.А. Ананьева рассматривать развитие личности человека как «Цветок потенциалов», связанных между собой общим смыслом, целями и технологиями, как гармоничное раскрытие потенциалов, формирующих в определенном смысле структуру личности (2007).

С теоретических позиций Т.И. Ронгинской (2002), описавшей последнюю стадию выгорания как потерю смысла жизни, возникновение экзистенциальной пустоты, и данного Л.А. Китаевым-Смыком (2008) определения выгорания как выгорания души, нами были выявлены составляющие духовно-нравственного потенциала личности как ресурса, препятствующего профессиональному выгоранию педагогов (Дикая, Курапова, 2009).

Придерживаясь взгляда В.В. Бойко (1996) на выгорание как профессиональное выгорание, мы определили структуры высокого и низкого самоактуализационных потенциалов, включающих личностные характеристики, способствующие или препятствующие профессиональному выгоранию, самоактуализации и самореализации педагогов (Дикая, Наличаева, 2011).

Дмитриева Е.В.

Смоленская государственная медицинская академия, Смоленск

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И ОСОЗНАННОСТИ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ У СТУДЕНТОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Отношение к профессии, факторы ее привлекательности являются чрезвычайно важными, а при некоторых условиях и определяющими аспектами выбора будущей специальности. «Принятие профессии порождает желание выполнить ее определенным образом, порождает определенную детерминирующую тенденцию и служит исходным моментом формирования психологической системы деятельности» (Шадриков, 1996). Целью нашего исследования было выявить и изучить факторы привлекательности профессии фармацевта. Выборка включала 40 студентов Смоленской государственной медицинской академии 1 курса фармацевтического факультета (очная форма) в возрасте от 17 до 20 лет. Использовалась методика «Изучение факторов привлекательности профессии» (Н.В. Кузьмина, А.А. Реан). Получены следующие основные результаты.

- 70% респондентов выделили как самый значимый фактор привлекательности профессии «большая зарплата». Коэффициент значимости (КЗ) равен 0,625. Это согласуется с данными других, в том числе и зарубежных исследований (Данч, 1974; Дельгас, 2006). При этом 47% студентов указали, что планируют по окончании вуза работать фармпредставителем, а эта специальность из всего ряда фармацевтических одна из наиболее хорошо оплачиваемых.

- 62,5% опрошенных отметили «профессия одна из важнейших в обществе» (КЗ = 0,6). Высокое значение (КЗ = 0,55) «возможности достичь социального признания, уважения» отмечено у 55% респондентов. При ответе на вопрос «почему при поступлении в СГМА выбран именно фармацевтический факультет» более 50% студентов выбрали пункт «престижность профессии». Таким образом, удовлетворенность выбранной профессией зависит от ее объективного признания и общественной важности.

- Одинаковые значения коэффициента (КЗ = 0,5) отмечены для факторов «возможность самосовершен-

ствования» и «работа соответствует моему характеру» (50%).

- Из отрицательных по значимости можно выделить следующие факторы – «нет условий для творчества» (30% респондентов), «большой рабочий день» (25%), «работа вызывает переутомление» (17,5%). Это говорит о том, что студенты уже на первом курсе понимают сложность выбранной профессии, и выбор был осуществлен ими осознанно.

- В личных беседах многие студенты подчеркивали, что им нравится химия и выбор профессии был сделан именно поэтому. В исследовании оказался положительным тот факт, что 23% респондентов планируют работать на химическом производстве, т.е. применять полученные знания непосредственно на практике. И как уже было отмечено выше, 47% выбирают престижную профессию фармпредставителя и 30% собираются быть провизорами (работать в аптеке).

- При ответе на вопрос «легко ли будет трудоустроиться после окончания?» 70% респондентов считают, что легко. На вопрос «что является основополагающим при трудоустройстве?» позиции «связи», «знания» и «личные качества» распределились в равных долях. Т.е. у студентов есть уверенность в дальнейшем трудоустройстве, а это очень важный фактор при поступлении в вуз.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Значимыми факторами привлекательности профессии фармацевта являются высокая зарплата, престижность, важность и социальная значимость.

2. Выбор профессии фармацевта сделан студентами первого курса фармацевтического факультета СГМА не случайно. И утверждение, что целью поступления в высшее учебное заведение является только диплом, неверно.

Налицо факт объективного признания и субъективного понимания студентами общественной важности профессии, что способствует профессиональной стабилизации.

Доценко О.Н., Бондаренко И.Н.

Институт психологии РАН, Москва

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ В СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЯХ

Особую актуальность приобретает изучение различных аспектов эмоциональной сферы профессионалов при выявлении факторов их профессиональной успешности. В.Д. Шадриков утверждает, что эмоции пронизывают все взаимосвязанные блоки психологической системы деятельности и выступают одним из мощных факторов формирования самой психологической системы деятель-

ности (Шадриков, 2009). Эмоциональная направленность (ЭН) личности, согласно разработанной отечественным психологом Б.И. Додоновым концепции, рассматривается как особый мотивационный фактор поведения и деятельности людей, а именно как система установок личности на те или иные ценные для неё переживания (Додонов, 1978). Результаты проведенных исследований позволили

выделить «гуманистический» компонент типов ЭН, который объединил альтруистический, коммуникативный и практический типы ЭН и обнаружил положительные связи с удовлетворенностью профессиональной деятельностью и отрицательные с уровнем выгорания (Доценко, 2008; 2011).

Эмоциональная направленность и эмоциональный интеллект как относительно устойчивые личностные характеристики эмоциональной сферы оказывают опосредствующее влияние на успешность профессиональной деятельности. Эмоциональная направленность проявляется в «содержании человеческих чувств» и «в том, на что, на какие объекты они направляются» (Рубинштейн, 2009), тогда как уровень эмоционального интеллекта выявляет эмоциональное самосознание, умение управлять своими эмоциями, социальную чуткость (эмпатию) и умение налаживать межличностные отношения (Гоулман, 2009).

Целью исследования является изучение роли эмоциональной сферы в успешности профессиональной деятельности, выявленной через показатели процессуальной мотивации, удовлетворенности, увлеченности профессиональной деятельностью для представителей социально-экономических профессий. Объектом исследования стали представители социально-экономических профессий (врачи, всего 50 человек).

С помощью кластерного анализа выделены четыре эмпирических типа данной группы специалистов, различающиеся по выраженности эмоциональной направленности, показателям эмоционального интеллекта, увлеченности профессиональной деятельностью, процессуальной мотивацией и показателям самооценки профессиональной успешности. Дискриминантный анализ показал достоверность различия респондентов с помощью данного набора переменных (λ -Вилкса = 0,031, $p < 0,0000$) и выявил показатель эмоционального интеллекта (ВП понимание собственных эмоций) как детерминанту профессиональной успешности.

Врачи с высоким уровнем ВП отличаются высокой выраженностью «гуманистического» компонента типов ЭН, высоким уровнем энергичности (показатель увлеченности профессиональной деятельностью), процессуальной мотивации и самооценки профессиональной успешности.

Остальные три группы врачей с низким уровнем ВП имели существенные различия по всем исследуемым показателям, определяемым индивидуальными особенностями в эмоциональной, ценностной и мотивационной сферах. Данные различия отражались в показателях удовлетворенности профессиональной деятельностью и профессиональной успешности.

Драчкова В.О.

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ АКТЕРОВ

Л.С. Рубинштейн писал о том, что важным способом формирования индивидуальности является жизненный путь личности, отмечая, что этот путь связан с трудовой деятельностью. Профессиональные контакты со временем переносятся во «внерабочую жизнь», идентификация с профессией зачастую проявляется не только в работе, но и в повседневной деятельности. Некоторые профессии предполагают особые рабочие условия, например, сменные или вахтовые, вынуждающие работника долгое время находиться вне дома. Все это, безусловно, оказывает влияние на образ жизни человека, является важным фактором формирования его индивидуальных особенностей.

Для исследования профессиональной специфичности образа жизни актеров нами была выбрана методика семантический дифференциал (СД) «Образ жизни», разработанная В.П. Серкиным. Были опрошены актеры (21 человек) в возрасте от 23 до 69 лет, со стажем работы по специальности от 5 до 50 лет. Полученные результаты сравнивались с данными исследования описаний образа мира и образа жизни преподавателей Е.В. Дикой (Дикая, 2005). Данные по СД были обработаны методом семантических универсалий и факторного анализа.

В целом, можно сказать, что в группе актеров более разнообразно описание эмоционального отношения к своему образу жизни. Такие характеристики, как «счастливый», «интересный», «истинный», выделенные представителями этой профессии и не встретившиеся в описании

группы преподавателей, могут быть объяснены лучшим отношением к своей работе, идентификацией себя как профессионала в своей области не только в процессе трудовой деятельности, но и во внерабочее время.

При описании специфических особенностей профессиональной деятельности более разнообразное описание было получено в группе преподавателей. Ими были отмечены такие характеристики образа жизни, не выделенные актерами, как «рациональный», «активный», «целостный», «открытый», «оправданный», которые можно объяснить большей независимостью, свободой преподавателей. Выполнение актером профессиональной задачи во многом зависит от режиссера, а преподаватель сам выбирает способ подачи материала, формы работы и т.д. Характеристика «подвижный», полученная в группе актеров, объясняется специфическими особенностями их работы – необходимостью много двигаться, танцевать.

В выделенных обеими группами респондентов ценностных описаниях образа жизни различий не было выявлено. С одной стороны, это можно объяснить тем, что и для актеров, и для преподавателей такие характеристики, как «уважительный» и «нравственный», являются профессионально значимыми. С другой стороны, можно сказать, что такие ценностные качества относятся к ядру образу жизни, который может не иметь профессиональной специфики, что подтверждается результатами проведенного теста «Смыслоразнонаправленности ориентации»

(СЖО), не выявившего статистически значимых различий в смысловых ориентациях у исследуемых групп специалистов.

При обработке данных, полученных в группе актеров, с помощью факторного анализа использовался метод главных компонент, Varimax вращение, критерий нормализации Кайзера. Выделено 13 факторов описания образа жизни, которые объясняют 92% дисперсии результатов.

Это такие факторы, как «привлекательный – непривлекательный», «помогающий – мешающий», «развивающийся – деградирующий», «включенный – не включенный», «свободный – несвободный», «умиротворенный – не умиротворенный», «характерный – бесхарактерный», «цельный – разрозненный», «бодрый – обессиленный», «усталый – отдохнувший», «смелый – осторожный».

Дроздов И.Н.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ

Результаты исследований показывают, что студенты и школьники, имевшие средний балл «удовлетворительно», в последующей профессиональной деятельности часто значительно успешнее по сравнению с теми учащимися, которые получали самые высокие оценки. Кроме того, более 50% руководителей собственного дела – бывшие троечники (Головин, 2011). Исследователи творчества гениев утверждают, что они, как правило, были плохими учениками и студентами (Федотов, 2006; Синебрюхов, 2005).

В процессе обучения крайне низкую успеваемость практически по всем предметам демонстрировали самые знаменитые ученые, философы, писатели, поэты, музыканты, полководцы, политические деятели и изобретатели. Очень плохо учились такие известные люди, как Вольтер, Отто фон Бисмарк, Наполеон, Людвиг ван Бетховен, Александр Дюма-отец, Томас Эдисон, Владимир Маяковский, Сергей Королев, Александр Пушкин, Антон Чехов и многие другие. Анализ биографий «гениальных троечников» позволяет сделать вывод, что с большой вероятностью среди студентов, демонстрирующих низкую успеваемость, есть личности, которые в процессе обучения в вузе, в силу определенных причин, не в полной мере раскрывают свой интеллектуальный и творческий потенциал.

На наш взгляд, можно выделить несколько основных факторов, которые могут препятствовать полноценному раскрытию и развитию индивидуальных задатков личности в процессе обучения в высших учебных заведениях: 1) невысокие возможности для проявления индивидуальности; 2) подавление возможности высказывать личную точку зрения, не совпадающую с мнением преподавателя. Часто низкие оценки выставляются не за плохие знания, а за то, что мнение студента расходится с мнением препода-

вателя; 3) блокирование возможности для проявления творчества; 4) отсутствие возможности проявлять себя на занятиях нестандартно; 5) лишение определенной свободы выбора вследствие излишне формализованной организации учебного процесса и проведения учебных занятий, подкрепляемых требованиями образовательного стандарта.

Вместе с тем, установлено, что основными качествами успешных людей являются: внутренняя независимость от мнения окружающих, большая гибкость, нестандартность, креативность, готовность к обоснованному риску и наличие цели (Головин, 2011). О.С. Виханский следующим образом формулирует правила взаимодействия для тех студентов, которые готовятся к роли элитного менеджера: «Мы будем решать задачи по принципу: “пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что”. И если вы научитесь их решать, то добьетесь успеха в бизнесе, в противном случае будете посредственностями». (Виханский, 2004).

Нами был проведен выборочный опрос слабоуспевающих студентов в количестве 95 человек. Анализ результатов опроса показал, что подавляющее большинство слабоуспевающих студентов имеет высокую мотивацию к учебе. Об этом свидетельствует выбор студентами в качестве причин, побуждающих учиться, желание получать новые знания, необходимость получения профессии, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию. Эти студенты утверждали, что с большим желанием посещают именно те учебные занятия, которые проводятся в живой, интересной, нестандартной форме с привязкой к реалиям современной профессионально-управленческой деятельности. Кроме того, они отмечали, что именно по этим предметам они имеют более высокие оценки.

Заринова Л.З.

НИУ «Пермский государственный университет», Пермь

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НЕЗНАКОМОГО ДРУГОГО У ЛИЦ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

Современное знание о собственной индивидуальности и индивидуальности Другого у субъектов разных профессиональных групп остается дефицитным. В настоящее время открытыми остаются вопросы изучения познания индивидуальности Другого, раскрытия механизмов познания, средств, источников знания о Другом, исследование процесса и результата познания его индивидуальности. С целью изучения особенностей познания индивидуальности незнакомого Другого мужчины и женщины у представителей разных профессиональных групп было организовано и проведено эмпирическое исследование. Выборочную совокупность составили представители двух групп профессий: социономической (врачи, юристы, педагоги) и несоциономической (инженеры, программисты, редакторы, художники и др.). Общий объем выборки – 311 человек, возраст – от 18 до 72 лет. На одном из этапов исследования участникам следовало описать индивидуальность незнакомых мужчины и женщины по фотографии. В качестве методов обработки полученного материала были применены экспертная оценка, контент-анализ, F критерий Фишера, корреляционный анализ.

В ходе исследования были выявлены общие и специфические особенности познания индивидуальности незнакомого человека. Общие тенденции у представителей всех типов профессий проявляются в том, что в знание об индивидуальности незнакомого включены предположения о его психологических особенностях, познавательных процессах, интеллектуальных данных. В незнакомом Другом воспринимающему важна его личность, темпераментальные и характерологические особенности, способности. С позиции участников всех групп исследования, индивидуальность незнакомого мужчины и женщины видится в связи с окружающим миром (информационно-коммуникативные, личностные, профессиональные, бытовые свя-

зи и др.), во взаимодействии с социальным окружением, значимыми другими, что позволяет респондентам обеих групп профессий говорить о том, что познаваемый ими человек – индивидуальность. При описании индивидуальности незнакомого человека они часто ссылаются на свойства личности, значимые для коммуникации, взаимопонимания, общения. Однако при познании индивидуальности мужчины наряду с этим высока частота упоминаний интеллекта, а при познании индивидуальности незнакомой женщины, в первую очередь, указываются внешние физические данные. Раскрывая индивидуальность незнакомого им человека по фотографии, авторы текстов указывают на сложность его познания. В процессуальной стороне познания респондентами применяются преимущественно метафорические приемы отражения объекта познания. Актуализируется восприятие как уровень познания индивидуальности. Само знание, как результат познания незнакомого другого, носит фрагментарный, отрывочный характер, оно ассоциативно, гипотетично. Механизмы познания индивидуальности незнакомого Другого – оценка, стереотипизация.

Специфические особенности в раскрытии индивидуальности незнакомых женщины и мужчины проявляются у представителей профессий типа «человек-человек» через особенности общения. Характерно эмоциональное одобрение, принятие незнакомого Другого. В процессуальной стороне познания представители социономических профессий тяготеют к конкретному, реалистическому, подробному способу описания индивидуальности Другого. Для лиц несоциономического типа профессий наиболее употребимой является мотивационная сфера незнакомого объекта познания (женщины и мужчины). Значимым в индивидуальности незнакомого другого для них является также его социальный статус/роль.

Зеленова М.Е.

Институт психологии РАН, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, УТОМЛЕНИЕ И УРОВЕНЬ СТРЕССА У ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ*

Исследования последних лет показали, что профессиональное здоровье в такой же мере является психологической проблемой, как и медицинской. В связи с этим все большую теоретическую и практическую значимость приобретают работы, выполненные на основе положений ресурсного подхода. В рамках данного подхода ресурсы и резервы организма и психики человека рассматриваются

в качестве одного из основных факторов, противодействующих развитию состояния перенапряжения, утомления и стресса. Именно они в значительной степени зависят от самого человека, поддаются определенной коррекции и могут быть использованы для сохранения и повышения уровня здоровья. В качестве одного из таких ресурсов могут выступать индивидуально-личностные особенно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (Грант 11-06-00-234а).

сти субъекта труда (Бодров, 2011; Freedy, Hobfoll, 1994; Kahneman, 1973; Norman, Bobrov, 1975).

Целью нашего эмпирического исследования, проведенного под руководством В.А. Бодрова, стало изучение взаимосвязи уровня хронического утомления и стресса как показателей профессионального здоровья, и индивидуально-личностных характеристик летчиков. Участниками исследования выступили военные летчики, проходившие плановое медицинское обследование. В специально разработанный психодиагностический комплекс были включены методики, которые можно разделить на три группы. В первую группу вошли опросники, позволяющие охарактеризовать особенности социально-демографического, профессионального и медицинского статуса летчиков. Вторую группу составили методики, направленные на диагностику симптомов хронического утомления и стресса. К третьей группе относятся опросники, направленные на выявление индивидуально-личностных характеристик.

Анализ собранных эмпирических данных позволил получить следующие результаты. Выявлены многочисленные значимые взаимосвязи показателей негативных психических состояний с индивидуально-личностными особенностями летных специалистов. Сравнение индивидуальных профилей летчиков, имеющих разный уровень утомления и стресса, показало, что в наибольшей степе-

ни уровень психической напряженности связан с такими характеристиками, как «уравновешенность», «общительность», «застенчивость», «открытость», «невротичность» и «эмоциональная лабильность».

Кроме того, уровень проявления симптоматики утомления и стресса тесно связан с показателем жизнестойкости, общей самооценкой и такими стратегиями преодолевающего поведения, как «ассертивные действия», «поиск социальной поддержки», «импульсивные», «асоциальные» и «агрессивные» действия. Большое значение для сохранения психического и соматического благополучия летного специалиста имеют составляющие профессиональной «Я-концепции» и переживание профессиональной востребованности. В наименьшей степени проявления неблагоприятных психических состояний связаны с ценностно-мотивационными установками, определяемыми с помощью опросника Ш. Шварца для изучения ценностей личности.

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования позволили выявить взаимосвязь индивидуально-личностных характеристик и негативных психических состояний у летных специалистов. Полученные данные хорошо соотносятся с выводами, сделанными другими исследователями, изучающими проблему взаимосвязи типологических особенностей личности и профессионально-релевантного поведения.

Зотова Н.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТОВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ

Выбор профессии школьником является не одномоментным актом принятия решения, а завершающей точкой длительного процесса профессионального самоопределения. Успешность выбора оказывает существенное влияние на чувство осмысленности жизни человека, собственной востребованности и удовлетворенности от реализации своих способностей. Исследователи профессионального самоопределения считают, что необходимыми условиями успешного выбора являются осознанность, самостоятельность и ответственность принятия решения. Выбор не может быть самостоятельным и ответственным, если он не является осознанным.

Консультируемых подростков с точки зрения их готовности к выбору профессии мы смогли условно разделить на три группы. К первой группе (высокий уровень готовности) отнесли школьников, которые уже приняли решение, но пришли получить подтверждение его правильности, чтобы разделить ответственность за него с профессионалом. Они хорошо осознают три главных фактора профессионального самоопределения – «хочу – могу – надо». Обычно они уже начали в той или иной форме освоение будущей профессии. Вторая группа (средний уровень) – школьники, имеющие разнообразные интересы, склонности и способности ко многим областям деятельности. Они активны, легко учатся, имеют увлечения вне школы. Они все успевают, но им трудно выбрать, какое увлечение

могло бы стать их профессией, поскольку не осознают, что именно их привлекает в данном занятии. Учащимся этой группы требуется помощь профконсультанта, прежде всего, для осознания факторов «хочу» и «могу», т.е. личного самоопределения, а затем для уточнения их фрагментарных и романтических представлений о мире профессий и подготовки набора альтернатив выбора. Третья группа (низкий уровень) – подростки, которые не слишком стремятся учиться и не имеют явно выраженных склонностей за пределами школы, их интересы пассивны – послушать музыку, посмотреть телевизор, поиграть в компьютерные игры. На профконсультации они оказываются по желанию родителей или учителей. В поведении они пассивны, не уверены в себе. Они плохо осознают свои интересы («хочу») и способности («могу»). Немалая часть из них имеет комплекс «обученной беспомощности» разной степени генерализованности. Таким школьникам требуется длительная помощь специалиста, прежде всего, в области личного самоопределения: их необходимо научить понимать себя.

Сравнение этих трех групп учащихся позволяет констатировать, что степень осознанности школьниками факторов, нужных для принятия решения, оказывает существенное влияние на уровень их готовности к выбору. Это позволяет предположить, что в целях повышения успешности выбора профессии учащимися необходимо

проводить работу, направленную на усиление осознанности выбора, осознанности факторов его обеспечивающих: «хочу – могу – надо» и др.

Мы считаем, что опираясь на понятие Л.С. Выготского «зона ближайшего развития» и представления Д.Б. Эльконина о ведущей деятельности, профессиональное самоопределение подростков следует начинать в пятых-шестых классах, проводя с младшими подростками работу

по личностному самоопределению (осознанию их собственных интересов, склонностей, способностей, личных качеств, ценностей, смыслов, становлению позитивного «Я-образа» и т.д.). Эта работа является, с одной стороны необходимым этапом профессионального самоопределения, с другой – психологическим сопровождением развития самосознания подростков, в котором они очень нуждаются.

Исаева Д.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЮНОСТИ И РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ*

Проблема формирования личностной идентичности (ЛИ) в период юности обусловлена необходимостью решения фундаментальных задач социального и личностного самоопределения. Согласно Л.Б. Шнейдер, личностная идентичность есть «самореферентность, ощущение и осознание уникальности «Я» в его экзистенции и неповторимости личностных качеств» (Шнейдер, 2007). Период ранней взрослости связан с переходом в новую ценностно-смысловую общность взрослых людей и характеризуется усилением социального развития личности, направленностью на решение жизненных задач. Процессы самосознания при этом выступают одним из главных условий определения вектора собственной жизни, а также способности проявить и сохранить личностную идентичность в условиях как социальной активности, так и интимной близости. Важной задачей периода ранней взрослости является первичная профессионализация, сопровождающаяся становлением профессиональной идентичности.

Цель исследования состояла в определении условий и факторов достижения личностной идентичности в период юности и ранней взрослости, а также в изучении ее влияния на процесс профессионализации. Было обследовано 362 человека, из них 94 учащихся 10 классов, участвовавших в летней профориентационной практике, 268 студентов 1, 3 и 5 курсов СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Исследование показало, что наиболее распространенным статусом ЛИ является «Мораторий, кризис идентичности» (33%). 32% испытуемых находится в статусе «Диффузия ЛИ», что, по трактовке автора методики МИЛИ Л.Б. Шнейдер, является показателем отсутствия у данной аудитории прочных личностных целей, ценностей и убеждений, а также попыток их сформировать. У 16,6% респондентов отмечается статус «Псевдо ЛИ», что говорит о наруше-

нии механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности. Статус «Преждевременной ЛИ», возникающий в случаях, когда человек не совершал собственных независимых жизненных выборов, характерен для 2% респондентов. Статусом «Достигнутой ЛИ» обладают 16,6% респондентов, сформировавших определенную совокупность личностно значимых целей, ценностей и убеждений, переживающих их как личностно значимые, обеспечивающие им чувство направленности и осмысленности жизни. При этом в период вхождения в раннюю взрослость (19–20 лет) количество молодых людей, достигших ЛИ, значительно снижается до 9% ($p < 0,05$), а к 22 годам вновь повышается до 20%.

В результате анализа межфункциональных связей были выявлены прямые связи между ЛИ и удовлетворенностью совершенным выбором профессии ($p < 0,01$), ощущением возможности самореализации в профессии ($p < 0,01$), направленностью на взаимодействие ($p < 0,05$), самоконтролем ($p < 0,05$), мораторием профессиональной идентичности ($p < 0,01$), и обратные связи между достижением личностной идентичности и влиянием родителей на профессиональный выбор ($p < 0,05$), эмоциональной устойчивостью ($p < 0,05$), страхом ($p < 0,05$), тревогой ($p < 0,05$) и безразличием ($p < 0,05$) к профессиональному будущему, интенсивностью кризисных переживаний «Образ Я» ($p < 0,05$) и разочарования в выбранной профессии ($p < 0,05$).

Таким образом, достигнутая личностная идентичность в период юности и ранней взрослости выступает в качестве фактора успешного профессионального самоопределения, удовлетворенности профессиональным выбором, достижения автономии от родителей, снижения кризисных переживаний личности в учебной деятельности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 10-06-00490а.

Исакова Т.А.

Республиканский институт профессионального образования, Минск, Республика Беларусь

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В психологической науке категория «жизненные планы» возникает в связи с выделением категории субъекта жизнедеятельности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский), изучением психологического анализа жизненного пути личности (Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова), проблемы самоопределения молодежи (Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург), обобщающего механизма жизненного целеполагания (А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Н.Ф. Наумова), диспозиционной концепции личности (В.А. Ядов), профессионального самоопределения (Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, М.Х. Титма).

Как показывает анализ литературы, в период ранней юности происходит активное формирование жизненных планов (Ш. Бюлер, Э. Шпрангер, К. Левин, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Ф.И. Иващенко, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн и др.). При этом личностное и профессиональное развитие детей-сирот характеризуется затруднениями в процессах личностного выбора деятельности, в освоении новых ролей и осознании их значимости, в адаптации к новым условиям жизни (М.Е. Кобринский, Н.Г. Травникова, О.П. Лысенко и др.). У детей-сирот не сформированы мотивы временной перспективы, имеются трудности в планировании и построении жизненных и профессиональных планов, недостаточно проявляется самостоятельность и ответственность за собственное будущее, общение с окружающими и сверстниками часто сопровождается малой избирательностью (О.В. Белановская, Л.И. Божович, И.Ф. Дементьева, И.В. Дубровина, В.С. Мухина, А.М. Прихожан, Л.И. Рюмина, Г.В. Семья, Н.Н. Толстых и др.).

Проведенное исследование жизненных планов детей-сирот, обучающихся в девяти профессионально-технических учебных заведениях Минска (2005–2011 гг.), позволило выявить различия в уровнях сформированности их жизненных планов. Для высокого уровня характерны наличие ближних и дальних жизненных целей и программ, согласованность временных перспектив и способов реализации жизненных и профессиональных планов, представленность профессиональных и познавательных мотивов, ценностей труда. Средний уровень характеризуется минимально конкретизированными планами и несогласованностью в них ближайшей и отдаленной перспектив; неустойчивым локусом контроля; преобладанием мотивов общения, материального обеспечения. Низкий уровень проявляется в отрицании взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим; экстернальным локусом контроля в отношении личного и профессионального будущего; несформированности навыков самопознания, в направленности на материальные ценности.

Условиями эффективности психолого-педагогического сопровождения детей-сирот в процессе профессионального образования являются развитие регуляторных функций и возможностей временного планирования, оценивания и корректировки жизненного и профессионального пути детей-сирот; формирование внутреннего локуса контроля профессиональных и личных планов; развитие системы жизненных и профессиональных целей, согласованности планов и программ; формирование позитивного образа «Я», потребности в непрерывном профессиональном развитии.

Калита В.В., Черникина К.С.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Исследования этнических представлений как элемента этнической индивидуальности актуальны тем, что могут выявлять напряженность и помогать находить пути для сближения людей разных национальностей. Цель исследования – реконструировать у людей, выбравших профессию психолога, этнические представления о себе как о русских и о некоторых представителях стран Азиатско-Тихоокеанского региона (китайцах, корейцах, вьетнамцах и японцах). В исследовании участвовали студенты-психологи 1-х и 5-х курсов ДВФУ (Владивосток). В качестве основного диагностического инструмента был взят «Диагностический тест отношений» (ДТО) Г.У. Солдатовой (Кцоевой) (Солдатова, 1998). Методика направлена на исследование эмоционально-оценочного компонента этни-

ческого стереотипа и представляет собой оригинальную модификацию метода семантического дифференциала. Методическим принципом, положенным в основу ДТО, является учет механизма восприятия этнических групп, которое функционирует преимущественно в рамках оппозиции «нравится – не нравится»: одно и то же качество может интерпретироваться либо позитивно, либо негативно в зависимости от этнического контекста объекта оценки. Респондентам было предложено оценить себя, «идеал», «типичного представителя своей национальности» (в данном случае русской) и типичных представителей стран АТР (Китая, Южной Кореи, Вьетнама, Японии). ДТО позволяет измерить эмоционально-ценностные компоненты по таким параметрам, как амбивалентность (А),

выраженность (S) и направленность (D). Количественные показатели по этим трем шкалам являются эмпирическими индикаторами эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Анализ результатов позволяет говорить о том, что наиболее сходными с собой по эмоционально-ценностным оценкам респонденты считают типичных представителей Кореи. Часть респондентов оценили себя как «менее достойных», чем типичных представителей Кореи.

В отношении представителей Вьетнама уровень межэтнической дифференциации достаточно высок, что говорит о чуждости эмоционально-ценностных представлений и оценок; в сравнении с вьетнамцами респонденты оценивали себя как «более достойных» (положительный знак выраженности и направленности значительно отличается от нуля).

У двух групп респондентов были получены согласованно высокие показатели (значительно отличающиеся от нуля) по отношению к типичным представителям Китая. Положительный знак свидетельствует о том, что себя респонденты считают значительно лучше типичных пред-

ставителей Китая, оценивая себя как «более достойных людей». При этом высок коэффициент амбивалентности – этнической неопределенности стереотипа по отношению к данной группе. Явное отличие выраженности и направленности эмоционально-ценностных компонентов прослеживается при дифференциации респондентов с группой типичных представителей Японии. Японцы для респондентов оказались наиболее загадочны и неопределенны как этническая группа и при этом «более достойны» по эмоционально-ценностным компонентам.

Таким образом, мы можем сделать вывод о существовании отличий в представлениях респондентов о себе и о типичных представителях стран АТР (Китай, Южной Кореи, Вьетнама, Японии). Респонденты имеют довольно устойчивые, определенные и выраженные представления о том, какими бы они хотели быть и какими они являются на самом деле. Этнические представления о жителях стран АТР не обладают богатой когнитивной наполненностью, что может послужить причиной искажения образа этнической индивидуальности представителей данных стран.

Калита В.В., Якухный А.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ТИПОМ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СПОСОБОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТРУДНОЙ СИТУАЦИЕЙ У ПСИХОЛОГОВ

В настоящее время термин «копинг» отражает достаточно широкую психологическую реальность. В большинстве случаев совладание понимается как индивидуальный способ взаимодействия с трудной ситуацией (внешней или внутренней), определяемый ее субъективной значимостью для человека и его собственными психологическими возможностями. С другой стороны, понятие «совладающее поведение» может обозначать очень широкий спектр активности человека – от бессознательных психологических защит до целенаправленного преодоления кризисных ситуаций.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что существует взаимосвязь между типом личности и выбором копинг-стратегии; была сформулирована задача определить взаимосвязь между типом личности и выбором копинг-стратегии, преобладающих у студентов 1 и 5 курсов. В качестве диагностических методик использовались: «Копинг-тест» Р. Лазаруса и методика «Мини-Мульт» (Сокращенный многофакторный опросник личности) Ф.Б. Березина и М.П. Мирошникова в адаптации В.П. Зайцева. Статистическая обработка результатов проводилась методом ранговой корреляции Спирмена, критерием Фишера и U-критерием Манна-Уитни (Сидоренко, 2007). Эмпирическая выборочная совокупность состояла из 34 человек: из них 18 студентов 1 курса и 16 студентов 5 курса.

Результаты по методике «Копинг-тест» показали, что студенты первого и пятого курсов чаще прибегают к таким стратегиям как: а) планирование решения проблемы, б) самоконтроль, в) принятие ответственности. Результаты по методике «Мини-Мульт» позволили нам опреде-

лить, какие типы личности преобладают среди опрошенных студентов. Для выяснения статистически значимых различий процентных соотношений между показателями у студентов 1 и 5 курсов был применен U-критерий Манна-Уитни и угловое преобразование Фишера. Результаты подтвердили отсутствие значимых статистических различий.

Чтобы достоверно выяснить наличие статистически значимой корреляции между показателями выбора копинг-стратегий и преобладающим типом личности, был применен метод ранговой корреляции Спирмена. В результате была обнаружена связь между переменными «паранойяльность» (Pa) и преобладанием копинг-стратегии конфронтация – $r_s \text{ эмп.} = 0,625$ в группе студентов первого курса. Паранойяльность характеризует обидчивость испытуемого, его склонность к аффективным реакциям; чем больше проявляется в характере человека эгоизм, чрезмерное самомнение, самодовольство тем чаще он прибегает к конфронтационному поведению.

В выборке студентов пятого курса была обнаружена связь между переменными депрессия (D) – дистанцирование, $r_s \text{ эмп.} = -0,557$ и истерия (Hy) – дистанцирование, $r_s \text{ эмп.} = 0,561$. Показатель по шкале депрессии показывает склонность испытуемого к социопатическим вариантам развития личности, и данные показатели обратно коррелируют с показателями дистанцирования. Это говорит о том, что такие личности стремятся привлечь внимание к себе. Истерия также обратно связана с дистанцированием ($r_s \text{ эмп.} = -0,561$); истероидные типы личности не стремятся решать проблему на расстоянии, им важно действовать в самой ситуации, чтобы быть в курсе дела.

Камнева Е.В.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Экстремальные и инициирующие развитие стресса условия прохождения службы сотрудником органов внутренних дел могут создавать сложнейшую картину изменения его личности. Ответной реакцией на длительные профессиональные стрессы становится «психическое выгорание», под которым понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, которое проявляется в трех группах переживаний: эмоциональном истощении – переживание опустошенности и бессилия; деперсонализации – дегуманизация отношений с другими людьми (проявление черствости, бессердечности, цинизма или грубости); редукции личных достижений – занижение собственных достижений, потеря смысла и желания вкладывать личные усилия на рабочем месте (Maslach, Jackson, Leiter, 1996).

Среди факторов, вызывающих выгорание, выделяют особенности профессиональной деятельности и личностные особенности профессионалов (Dion, 1989; Schaufeli, Enzmann, 1999). Ряд ученых считает, что личностные особенности намного больше влияют на развитие выгорания по сравнению не только с демографическими характеристиками, но и с факторами рабочей среды (Huebner, Mills, 1994; Mills, Huebner, 1998; Oktay, 1992). Среди личностных факторов, способствующих выгоранию, выделяют такие показатели предрасположенности к стресс-реакциям, как соотношение экстернальности и интернальности локуса контроля, подразумевающее степень ответственности человека за свою жизнь, поведение типа А, предпочитаемые человеком стратегии преодоления кризисных ситуаций.

Целью исследования стало выявление факторов «психического выгорания» сотрудников органов внутренних дел. В исследовании приняли участие 200 сотрудников органов внутренних дел. Методики исследования: опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексон,

адаптированный Н.Е. Водопьяновой, и «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик.

В результате проведенного факторного анализа полученных результатов были выделены два фактора. В первый фактор со значимыми положительными весами вошли экстраверсия, редукция и лабильность, а с отрицательными знаками – эмоциональное истощение, деперсонализация, интровертированность. Следовательно, факторами профессионального выгорания будут низкий уровень экстраверсии и высокий уровень интровертированности. Такой стиль общения, являющийся фактором профессионального выгорания, можно обозначить как социальную пассивность, базирующуюся на интровертированности, рассматриваемую как неоднозначное свойство: имеется в виду менее выраженная реактивность внешних проявлений чувств, эмоциональная и личностная отстраненность от окружающих при одновременно более богатой интрапсихической активности, что обнаруживается как высокая рефлексивность, напряженная внутриличностная работа по самосовершенствованию, склонность к мечтательности и фантазированию. Второй фактор представлен со значимым положительным весом агрессивностью, а с отрицательными знаками – эмоциональным истощением, сензитивностью и тревожностью. Сниженный эмоциональный фон, равнодушие или эмоциональное перенасыщение в сочетании с повышенной мнительностью, склонностью к навязчивым страхам, с чувствительностью к давлению окружающей среды создает условия формирования явной склонности к агрессивным высказываниям и/или действиям.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что «сильнее выгорают» сотрудники, имеющие интровертированный характер, особенности которого не согласуются с профессиональными требованиями коммуникативных профессий.

Кириллова Е.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППОВОГО ПСИХОТЕРАПЕВТА

Актуальность темы, посвященной стилю деятельности группового психотерапевта, весьма велика, так как групповой формат работы широко распространился как в профессиональной деятельности психологов-консультантов и психотерапевтов, так и в процессе обучения студентов психологическим дисциплинам.

В данном случае мы имеем в виду практику человекоцентрированной группы, как в психотерапевтическом, так и в обучающем контекстах. Индивидуальный стиль психотерапевта, как и другого субъекта деятельности, ха-

рактеризуется определенными признаками. Такими общеизвестными признаками индивидуального стиля можно считать следующие: а) устойчивая система приемов и способов деятельности; б) обусловленность этой системы определенными индивидуальными качествами; в) эффективность приспособления к объективным требованиям деятельности (Климов, 1982).

К. Роджерс определял психотерапевта как лицо, содействующее развитию потенциала группы и участников. Психотерапевт должен быть эффективным, прежде всего,

в построении межличностных отношений (Rogers, 1970). Психотерапевт создает такую ситуацию, при которой становится ненужным для группы в роли руководителя и одновременно способным проявлять свою индивидуальность. Выделение значения группового психотерапевта как индивидуальности составляет его основное отличие от других методов групповой психотерапии. Самым трудным требованием для ведущего группы является его отказ от того, чтобы быть компетентным, трудолюбивым и успешным (Devonsher, 1976).

В то же время это не исключает того, что он должен быть опытным и хорошо знать групповые феномены, а также должен уметь работать в группе с актуальными ситуациями «здесь-и-сейчас». Перечисленные аспекты деятельности являются двойственными и проблемными в работе группового психотерапевта, вызывают множество страхов и тревог, которые не способствуют выражению собственной индивидуальности и оказывают влияние на стиль работы. Они создают проблематизацию, требуют обсуждения, рефлексии, обуславливают новизну исследования.

Деятельность человекоцентрированного психотерапевта является, прежде всего, речевой. Индивидуальный стиль может быть раскрыт с помощью интенциональности речи (Павлова, 2007). Как показало наше исследование интенциональности психотерапевтической речи (Орлов, Кириллова, 2010), психотерапевтическими интенциями являются следующие: принятие безоценочное, эмпатия, конгруэнтное самовыражение, помощь, самораскрытие, стремление, предоставление самостоятельности.

Мы видим, что все это еще и собственно человеческие интенции, связанные с отношениями между людьми: принятие человека таким, каков он есть; понимание его чувств; искренность; стремление помочь человеку в понимании самого себя, в рефлексии самоотношения, в поиске смыслов, в обращении человека к внутреннему ресурсу; раскрытие своего опыта Другому; предоставление человеку свободы самостоятельного выбора.

Важно отметить внесение нами изменений в классификацию интенций. Эмпатия, находящаяся ранее в классе контактных интенций диалогической категории, теперь отнесена нами к классу сущностных категории помогающих интенций. Объект направленности данной интенции «Самосознание клиента».

Психотерапевт должен развивать в себе эмпатическое понимание, безусловное позитивное принятие человека и конгруэнтное самовыражение. Все они неразрывно связаны между собой. Именно их психотерапевт реализует в группе, что является основой стиля его деятельности, т.к. данные условия являются основой метода человекоцентрированной психотерапии. Собственный уровень тревожности и страха ограничивает использование психотерапевтом триады психотерапевтических условий и других психотерапевтических интенций, в зависимости от этого меняется стиль: от «недирективного» до «авторитарного». В человекоцентрированном подходе быть человеческим означает быть профессиональным, и степень выраженности собственно психотерапевтических интенций в значительной мере определяет индивидуальный стиль работы группового психотерапевта.

Киселева Т.Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД*

Реформирование образования с жестко заданными требованиями к процессу и результату педагогической деятельности породило новую проблему – проблему самореализации, самоактуализации и проявления индивидуальности педагогом. Во главу угла поставлен компетентностный подход, именно он положен в основу новых стандартов. Как соотносятся требования компетентностного подхода с педагогическим творчеством?

Нами была предпринята попытка сравнить компетентностный и личностно-ориентированный подходы. Компетентностный подход заранее четко определяет образ успешного человека, у которого обязательно должен быть сформирован набор компетенций, в противном случае нельзя рассчитывать на успешное дальнейшее обучение. Личностно-ориентированный подход звучит гораздо гуманнее, поскольку постулирует успех любого ребенка, независимо от его способностей. Для этого педагогу необходимо создать такие условия, которые бы учитывали индивидуальные особенности ребенка. В этом, безусловно, проявится индивидуальность и самого педагога, его

профессиональное творчество. При реализации компетентностного подхода педагог четко знает, какие навыки он формирует у ребенка; он ведет за собой, независимо от намерений и желаний самого учащегося. В отличие от вышеназванной позиции, личностно-ориентированное обучение позволяет реализовать более креативную позицию педагогу, который не навязывает своего мнения, а исходит от интересов ребенка.

Одним из общих моментов в рассматриваемых подходах выступает «уровневость». Если в компетентностном подходе согласно Национальной рамке квалификации уровни компетенций соотносятся со ступенями образования, то в личностно-ориентированном подходе осознание педагогом уровня развития учащихся позволяет реализовать индивидуально-дифференцированное обучение, добиваясь при этом наилучших результатов.

Интеграция анализируемых подходов проблематична, но возможна при условии, что компетентностный подход используется для анализа педагогической деятельности. Учитель сам должен обладать всей совокупностью ком-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-06-00739а.

петенций, которые он собирается формировать у своих воспитанников, при этом в качестве специфической компетенции, которой в обязательном порядке должен владеть педагог, выступает креативность. Под креативностью педагога мы понимаем творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к порождению принципиально новых, необычных идей, отклоняющихся от традиционных схем мышления. Сюда же входит, на наш взгляд, способность решать проблемы, возникающие в процессе педагогической деятельности; диагностические способности для реализации индивидуально-дифференцированного подхода, способность адресно мотивировать каждого учащегося, умение четко ставить цель, владение различными педагогическими технологиями.

Совокупность навыков, обеспечивающих нестандартное решение педагогических задач, включая формирование креативности у детей, мы обозначаем как «творческая педагогическая компетентность» и выделяем три аспекта такой компетентности. Во-первых, насколько педагог готов к творчеству в условиях неопределенности и альтернативности образовательного пространства. Во-вторых, насколько он восприимчив к достижениям в других предметных областях, не являющихся сферой его профессиональной деятельности. Третий аспект творческой компетентности представляет собой степень овладения педагогом системой технических и технологических навыков и умений, от которой зависит способность осуществить задуманные идеи.

Колесникова В.В.

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

ВЗАИМОПОСРЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И СПЕЦИФИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ИМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Семья и профессиональная деятельность – важнейшие сферы жизнедеятельности человека. Они опосредуют специфику образа жизни и образа мира человека (Серкин, 2005). В них реализуется большинство потребностей человека. Например, в семье могут реализоваться такие потребности, как: потребность в принятии, в любви, в принадлежности к социальной группе, в продолжении рода, в воспитании и пр. Профессиональная деятельность может способствовать реализации потребности в признании, развитии, познании, самореализации, а также других социальных потребностей.

Негативные отношения членов семьи к профессиональной деятельности конкретного человека могут негативно сказываться как на качестве ее выполнения, так и на эмоциональном состоянии человека (Алешина, Лекторская, 2002). Можно проследить и обратную тенденцию влияния профессии и семьи на индивидуальные особенности их субъектов. Так, профессия способствует формированию определенных, профессионально обусловленных черт личности (самоорганизация, интеллектуальное развитие, самооценка и т.д.). Семья, в свою очередь, может также способствовать выработке индивидуальных особенностей человека (эмоциональная сфера, мотивация, саморегуляция и пр.).

Семья и профессиональная деятельность – это взаимообуславливающие сферы жизнедеятельности человека. Семья, как правило, влияет на качество выполнения профессионалом своих функциональных обязанностей. Настроение, эмоциональное состояние профессионала преимущественно берут свое начало в семье (при наличии таковой). Внутрисемейные проблемы могут влиять на качество выполнения профессиональной деятельности как негативно (рассеянность, безразличие), так и позитивно.

Например, человек может «уходить с головой в работу», чтобы отвлечься, отстраниться от домашних проблем. Такого рода «сублимация» может происходить в ответ на психотравмирующую ситуацию в семье. Благополучие семейной жизни оказывает в целом позитивное воздействие на состояние человека, его индивидуальные особенности, способствующие качественному выполнению профессиональных обязанностей.

Реализация терапевтической функции семьи детерминирует эмоциональную сферу личности. Взаимопомощь и взаимоподдержка членов семьи помогают находить способы разрешения профессиональных проблем и вырабатывать индивидуальные особенности личности способствующие профессиональному росту и развитию. Профессиональная деятельность, в свою очередь, может оказывать непосредственное влияние на внутрисемейные взаимоотношения, образ жизни семьи (бытовые, материальные условия; ритм жизни семьи – время на отдых, работу, досуг, общение; функционирование семьи – удовлетворение/неудовлетворение потребностей, ожиданий членов семьи и пр.). Неприятности с работы человек, как правило, «несет» домой, в семью, что может негативно влиять на взаимоотношения (конфликты, эмоциональное состояние, недовольство и т.д.), а может и позитивно (доверительность общения членов семьи, сплочение членов семьи совместным решением образовавшейся проблемы и т.д.).

Темперамент, характер, потребности, индивидуальный стиль поведения и деятельности могут влиять на структуру семьи (распределение ролей, выполнение домашних обязанностей, тактика поведения в конфликтных ситуациях, хобби, традиции семьи, ритуалы и пр.) и на специфику реализации профессиональной деятельности (качество выполнения профессиональной деятельности).

Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск

СТРУКТУРА СОЦИОСРЕДОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РАБОТНИКОВ ВАХТОВЫХ ФОРМ ТРУДА В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Цель исследования: изучение структуры социосредовой профессиональной адаптации работников вахтовых форм труда в условиях Крайнего Севера. Проведено исследование на трех основных производствах, имеющих вахтовую организацию труда в условиях Крайнего Севера: 1) нефтедобывающее производство, где приняли участие в исследовании 129 человек (о. Колгуев, длительность вахты 52 дня) и 59 человек (буровые «Тобой», «Тэдинка» Ненецкого автономного округа, длительность вахты 28 дней); 2) алмазодобывающее производство, 63 человека (п. Светлый, Архангельская область, длительность вахты 15 дней); 3) лесозаготовительное производство, 45 человек (Устьянский район Архангельской области, длительность вахты 14 дней). Всего в исследовании приняло участие 297 человек в возрасте от 21 до 63 лет (средний возраст 38,9 + 0,61).

Методики. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда (1954) в адаптации А.К. Осницкого; методика изучения социально-психологического климата в трудовом коллективе А.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто (1990); волевого самоконтроля А.Г. Зверкова, Е.В. Эйдмана (1990); диагностики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (1988); мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана (1990); опросник уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина и соавт. (1984); индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик (1998); тест цветовых предпочтения М. Люшера (1949); психогометрический тест С. Деллингер, адаптированный А.А. Алексеевым, Л.А. Громовой (1996). Анкетирование – анкета для выяснения социологической информации (пол, возраст, профессия, стаж работы и т.п.), причин работы вахтовым методом, особенностей саморегуляции во время вахты.

Для определения структуры социально-психологической адаптации работников вахтовых форм труда был

проведен двухэтапный кластерный анализ показателей специалистов по шести переменным социально-психологической адаптации (адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, стремление к доминированию), который выявил два кластера, соответствующих группам специалистов, статистически достоверно отличающихся по совокупности параметров социально-психологической адаптации.

В структуре социально-психологической адаптации большую роль играет «принятие других», что связано с тем, что работники все свое время проводят в вынужденном круге общения с коллегами, поэтому, обладая высоким уровнем принятия, они способны избегать конфликтных ситуаций. На втором месте по силе связи находится показатель интернальности или уровня субъективного контроля. При этом в структуре адаптации вахтовых работников он представлен отрицательным полюсом, т.е. противоположным значением – экстернальностью, характеризующейся увеличением стремления приписывать причину событий внешним условиям, что связано со стремлением сохранить себя, т.к. в сложных условиях жизнедеятельности вахты часто возникают конфликтные ситуации, при условии приписывания своим индивидуальным особенностям у работника развивается неудовлетворенность собой, для преодоления которой требуются большие личностные ресурсы. На третьем месте находится интегральный показатель адаптации, который включает в себя гибкость в использовании способов саморегуляции, ориентацию на конструктивное разрешение конфликтных ситуаций, которые приобретают особое значение в экстремальных условиях жизнедеятельности в вахтовый период.

Таким образом, в структуру личностного ресурса социосредовой профессиональной адаптации вахтовых работников в условиях Крайнего Севера входит высокий уровень принятия других, низкий уровень интернальности, высокий уровень интегрального показателя адаптации.

Кузнецова Ю.М.

Институт системного анализа РАН, Москва

ЧИНОВНИК И ЭМОЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МИМИКИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ*

Объективные требования, предъявляемые профессиональной деятельностью, являются фактором развития и реализации индивидуальности взрослого человека. В настоящем сообщении описаны особенности распознавания эмоциональной мимики, выявленные у специали-

стов среднего звена в области управления образованием (руководителей структурных подразделений и методистов одного из Методических центров Департамента образования г. Москвы). В группу сравнения вошли испытуемые, не имеющие опыта управленческой работы.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 10-06-00236-а.

В качестве диагностического инструмента использована компьютерная методика Распознавания эмоциональной мимики (РЭМ) (Кузнецова, Чудова, 2010; Ениколопов, Кузнецова, 2011), с помощью которой устанавливается способность человека адекватно категоризовать динамически предъявляемые мимические выражения эмоций гнева, печали, презрения, радости, страха и удивления. Ранее проведенные исследования дают основания полагать, что успешность распознавания эмоциональной мимики зависит от способности испытуемого к уподоблению, то есть, при решении задачи категоризации эмоционального состояния партнера по общению испытуемый моделирует для себя это состояние, воспроизводит его в своем внутреннем плане действия, опираясь на зрительно воспринимаемые проявления данной эмоции.

Поэтому систематические ошибки, совершаемые при распознавании эмоциональной мимики, мы рассматриваем как проявление тех индивидуальных особенностей, которые отличают организацию эмоциональной сферы самого испытуемого. Соответственно и различия, фиксируемые для групп испытуемых (например, гендерных, возрастных или профессиональных), отражают характерные для этих групп способы не только восприятия, но и переживания эмоциональных состояний.

Результаты проведенного исследования демонстрируют наличие профессиональной специфики организации

эмоциональной сферы. С одной стороны, чиновники точнее, чем представители группы сравнения, распознают гнев, радость и удивление, что свидетельствует о большей «разработанности» соответствующих регистров эмоциональных состояний и способности улавливать их признаки на лице собеседника. С другой стороны, вместо презрения они значимо чаще ошибочно распознают эмоции из категории гнева (гнев, злоба, осуждение).

Таким образом, выявляется склонность чиновников видеть окружающих гневающимися чаще, чем есть на самом деле, что свидетельствует о значимости для наших испытуемых данной эмоции – как в плане важности при ориентации в текущих социальных контактах, так и в плане ее представленности среди других эмоций в собственной эмоциональной сфере управленцев. Обычно выражение субъектом гнева вызывает у его партнера эмоцию страха. По нашим данным оказывается, что чиновники хуже, чем испытуемые из группы сравнения, распознают страх, вместо которого склонны видеть удивление.

Следовательно, наряду с гипертрофированной значимостью эмоции гнева наблюдается блокирование способности к распознаванию комплементарной эмоции страха, что можно рассматривать как проявление специфического для специалистов в сфере государственного управления нарушения механизма обратной эмоциональной связи.

Кутилов В.П.

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ САМОПОЗНАНИЯ

Рефлексия широко исследуется как в зарубежной, так и в отечественной науке. Однако в большинстве современных научных работ мало освещен процесс развития рефлексии в юношеском возрасте. При анализе этого вопроса мы исходим из культурно-исторической теории, согласно которой, развитие рефлексии происходит благодаря освоению социокультурных средств (Выготский, 1982). Цель исследования – изучить связь вербальных средств самопознания (ВСС) с рефлексивностью. Выдвинув гипотезу о существовании связи между уровнем использования ВСС и уровнем рефлексивности, мы сравнивали студентов гуманитарной и технической направленности обучения. Для проверки предположения о том, что использование ВСС ведет к развитию рефлексивности, были обследованы студенты гуманитарной направленности с различным периодом освоения ВСС. Дополнительно для проверки гипотезы мы сравнивали представленность источников ВСС, формирующихся задолго до поступления в вуз, в группах студентов с различным уровнем рефлексивности.

Методики. Для определения уровня рефлексивности использовались: методика свободного самоописания, методика диагностики индивидуальной меры выраженности А.В. Карпова (2003), методика дифференциальной диагностики рефлексивности Д.А. Леонтьева с соавторами (2011). Для определения уровня освоения ВСС была разработана анкета, которая учитывала дополнительные пе-

ременные. Сравнения признаков проводились с помощью критериев U – Манна-Уитни и углового преобразования Фишера.

Значимые различия между группами студентов гуманитарной и технической направленности обучения можно наблюдать по ряду шкал. Уровень рефлексивности выше у студентов гуманитарных специальностей: они в большей степени сосредоточены на своих состояниях и переживаниях, с большей готовностью анализируют свою деятельность. Интерпретируя полученные данные, мы исходим из того, что студенты гуманитарных специальностей изучают как личность саму по себе, так и личность во взаимодействии с миром через теоретические модели, либо через искусство.

Эти данные подтверждаются и в свободном самоописании: у студентов гуманитарных специальностей обнаруживаются значимые различия в развернутости текста, а также описания, указывающие на диалогичность самосознания, на наличие нескольких взглядов на себя, входящих в противоречие. Мы предполагаем, что такие результаты указывают на осознание разных сторон своей личности, а также на готовность испытуемых принимать задачу на рефлексивность, что подтверждают и результаты наблюдения.

Между группами студентов с различной продолжительностью освоения ВСС статистически значимых раз-

личий в уровне рефлексивности обнаружено не было. Мы считаем, что методики не смогли отразить изменений в уровне рефлексивности. По результатам сравнения с рефлексивностью представленности дополнительных источников ВСС, формирующихся задолго до поступления в вуз, мы не можем однозначно утверждать, что эти источники ведут к формированию рефлексивности. Однако, исходя из наших данных, у нас есть основания предпо-

лагать, что при целенаправленном изучении влияния вербальных средств самопознания на рефлексивность с помощью лонгитюдного исследования, либо формирующего эксперимента, будет доказано, что данные средства ведут к развитию рефлексивности.

В целом, можно сделать вывод, что существует связь между уровнем использования вербальных средств самопознания и рефлексивностью.

Ледовая Я.А., Михальченко К.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

DESIGN THINKING КАК СТРАТЕГИЯ РЕШЕНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ И ДИВЕРГЕНТНЫХ ЗАДАЧ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

Понятие «Design Thinking» («Дизайн-мышление») было введено на западе в 1980-х гг. под влиянием развития человеко-центрированного подхода в дизайне. Дизайн-мышление (ДМ) – это особый алгоритм, с которым подходят к решению т.н. «плохо определенных» (ill-defined) задач. Это могут быть архитектурные и градостроительные, маркетинговые и связанные с созданием новых продуктов задачи. Основными его принципами являются изначальная направленность на будущий результат; эмпатия при анализе текущей ситуации; хорошо планируемый творческий процесс; «проигрывание» результатов при помощи материальных, оперативно созданных моделей; важность получения обратной связи. Можно сказать, что ДМ сочетает в себе идеи когнитивного и гуманистического направлений в психологии, будучи при этом используемым для решения экономических задач инструментом.

При этом практики ДМ редко упоминают психологизм приемов и закономерностей, лежащих в его основе. Мы задались вопросом: представители каких профессий ближе всего к правилам ДМ в своей практике решения задач?

В нашей работе была осуществлена попытка провести модифицированный аналог эксперимента Б. Лоусона (Lawson, 1979), проведенного со студентами-архитекторами старших курсов и аспирантами-психологами. Его испытуемые решали на компьютере упрощенную дизайн-задачу: располагали двухцветные блоки-кубики в один ярус так, чтобы в результате каждая сторона периметра оказалась максимально красной или максимально синей. Оказалось, что психологи и архитекторы использовали разные стратегии решения задачи: психологи акцентировали внимание на условиях, а архитекторы на результате.

Основная цель нашего исследования – на примере решения конвергентной и дивергентной задач выявить стратегии мышления, характерные для представителей разных профессий. Участники – 40 специалистов и сту-

дентов старших курсов: программисты (10), психологи (10), дизайнеры (10) и поэты-музыканты (10) в возрасте 18–42 лет. Гипотеза: программисты и психологи будут успешнее в решении конвергентной задачи, дизайнеры и поэты-музыканты будут успешнее в решении дивергентной задачи, при этом дизайнеры и поэты-музыканты, как наиболее далекие от алгоритмизованной деятельности специалисты, будут использовать стратегии решения, близкие к ДМ.

Методики исследования: 1) краткое биографическое интервью с целью получения информации об опыте и стаже работы; 2) задача, опубликованная в книге Е.И. Игнатьева «В царстве смекалки» 1908 г. («собрать фигуру из исходной за определенное количество ходов») для исследования конвергентного мышления; 3) субтест Дж. Гилфорда «Необычное использование», диагностирующий вербальную креативность, примененный нами для исследования дивергентного мышления.

Результаты. Психологи и программисты справились с конвергентной задачей успешнее и быстрее, чем дизайнеры и поэты-музыканты. Различия между крайними группами (программистами и поэтами-музыкантами) статистически подтвердились (χ^2 Пирсона, $p = 0,025$; критерий U Манна-Уитни, $p = 0,04$). Гипотеза об успешности решения дивергентной задачи дизайнерами и поэтами-музыкантами не подтвердилась, поскольку в результате множественных сравнений оказалось, что психологи более успешны по критериям беглости ($p < 0,05$) и гибкости ($p < 0,05$).

Нам удалось выявить 6 стратегий решения на основании наблюдения за ходом решения, а также по самоотчетам испытуемых, используемых в работе с конвергентной задачей.

В целом их можно разделить на стратегии, ориентированные на решение (предположительно, стратегия «пользователя» ДМ), и на стратегии, ориентированные на проблему. Последние оказались более успешными для решения конвергентной задачи.

Лоза Е.А.

Днепропетровский университет им. А. Нобеля, Днепропетровск, Украина

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Современное общество, выдвигая повышенные требования к личностным и профессиональным качествам человека, создает условия конкуренции, в которых достижение поставленной цели возможно лишь при наличии и соответствующем развитии определенных индивидуальных особенностей. При этом речь идет именно о таких особенностях, которые обуславливают эффективность и успешность личности как в профессии, так и в межличностных отношениях. В данном контексте интерес представляет феномен перфекционизма, который понимается как личностная диспозиция, состоящая в стремлении достигать совершенства в различных сферах жизнедеятельности.

Анализ научных работ (Hewitt, Flett, 2002; Stoeber, Otto, 2007) свидетельствует о том, что в зависимости от уровня своей выраженности он может как способствовать, так и препятствовать оптимальному функционированию личности. В связи с этим актуальным становится вопрос о типах перфекционизма, которые, собственно, отвечают за специфику и вариативность его проявлений. Исследование же индивидуальной выраженности перфекционизма у государственных служащих продиктовано той ролью, которую играет аппарат государственной службы в жизни общества, ведь качественное выполнение ими своих служебных функций и обязанностей является залогом благополучия людей. Тем не менее, исследований, посвященных этому аспекту, пока не проводилось.

На основе авторской модели перфекционизма, которая базируется на представлении о нем как состоящем из двух конструктов – «высокие личностные стандарты» как позитивный аспект, который отражает желание быть совершенным, и «поляризация мышления» как негативный аспект, который характеризуется жестким отношением к ошибкам (Frost, 1990; Гаранян, 2009), был разработан опросник. Опросник позволяет диагностировать один из

четырёх типов перфекционизма: 1) гиперперфекционизм – для которого характерны очень высокие показатели стандартов и поляризации; 2) конструктивный – которому свойственны высокие показатели стандартов, но низкие – поляризации; 3) деструктивный – для которого характерны низкая выраженность стандартов и, вместе с тем, высокая поляризация мышления; 4) гипоперфекционизм – обе составляющие имеют низкие показатели, и можно говорить о том, что при таких условиях он практически или абсолютно отсутствует.

Было проведено эмпирическое исследование типов перфекционизма государственных служащих (214 респондентов) с разными служебными обязанностями и рабочим стажем. Результаты диагностики указывают на то, что наиболее распространенным является гипоперфекционизм (51%). Среди специалистов в сравнении с руководителями гипоперфекционизм встречается почти в два раза чаще (66% и 39% соответственно). Кроме того, у руководителей наблюдается большая дифференциация по типам, при этом процент гиперперфекционизма и конструктивного типа в два раза превышает данные специалистов (23% и 21% – у руководителей, 12% и 10% – у специалистов). Гипоперфекционизм преобладает на всех этапах профессиональной деятельности, однако процентный вклад его разный – наименее он выражен (32%) у лиц со стажем до 20 лет (у лиц со стажем до 5, 10 и более 20 лет – 58%, 58% и 56% соответственно).

Таким образом, относительно индивидуальных проявлений перфекционизма у госслужащих можно констатировать довольно-таки грустную ситуацию, поэтому психологическая работа по коррекции и развитию конструктивного типа (особенно среди молодых специалистов) является крайне необходимой. В противном случае дальнейшее снижение их профессионализма и эффективности работы неизбежно.

Любимова Г.Ю., Евсевичева И.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ПРОФЕССИЮ

Кризис профессиональных ожиданий (Зеер, Сыманюк, 2005), переживаемый в начале карьеры, общеизвестен и неизбежен в силу очевидной неполноты и, зачастую, неадекватности образа будущей деятельности. Контраст между желаемым и реальным в начале трудового пути может быть настолько острым, что приводит не только к тягостным душевным переживаниям, но и, в отдельных случаях, к отказу от профессии. Он наиболее выражен в т.н. творческих специальностях, представители которых, как правило, не проводят резкой грани между работой и обыденной жизнью, и профессиональные трудно-

сти воспринимаются ими как личный крах. Профилактика кризиса профессиональных ожиданий и содействие его разрешению требуют от психолога-консультанта знания «рабочей» реальности, открывающейся только людям, обладающим уникальным опытом погружения в нее.

В последнее время для получения эмпирического материала «из первых рук» в отечественной психологии все чаще используются т.н. качественные методы (см., напр., Барский, Грицук, 2010; Бусыгина, 2009; Улановский, 2009), которые, в отличие от позитивистской парадигмы статистических обобщений, позволяют рассматривать ин-

дивидуальные «случаи» и проследить их историю. В качестве примера сошлемся на эмпирические данные нашего исследования, полученные с помощью метода полуструктурированного интервью с молодыми архитекторами, имеющими опыт работы по специальности 1–2 года и выполняющими сходные рабочие задачи.

Переживание кризиса профессиональных ожиданий является существенной составляющей внутренней картины их вступления в профессию. Первичный анализ материала позволил выявить темы, как общие для всех респондентов, так и индивидуально специфические.

Чувство неудовлетворенности содержанием и организацией труда переживают все участники исследования. Его главные причины – рутинность, «нетворческость» деятельности (исполнительская функция в подготовке «чужих» проектов: «меня может заменить робот», «винтики в адской машине»), невозможность ощутить свой индивидуальный вклад («работа коллективная, итога не видно») или хотя бы проследить связь повседневной работы в мастерской с реальными объектами, возводимыми строителями (фрагментарность заданий, отсутствие опыта наблюдения за ходом строительства, необходимого для

осмысленной корректировки рабочей документации: «бу-мажная архитектура», «картинка на мониторе»).

Острота переживания вхождения в профессию очень индивидуальна. Она зависит от выраженности потребности в творчестве и степени ее фрустрированности в актуальной рабочей ситуации; от возможности достижения карьерных целей в определенные сроки; от уровня профессиональных и житейских притязаний, от результатов сравнения себя со сверстниками и т.д.

Ресурсами совладания с кризисной ситуацией являются рефлексивная позиция, альтернативные формы творчества (конкурсные проекты, частные заказы и др.), смещение акцента на «внерабочие» цели и ценности (досуговая активность, планирование переезда в «благополучные» страны и т.п.).

Несмотря на все сложности начальной профессионализации, на настоящий момент все респонденты сохраняют приверженность своему делу, признавая при этом необходимость продуманного «выстраивания» профессионального будущего, что еще раз подчеркивает востребованность психологического сопровождения карьеры и необходимость его информационного обеспечения.

Макарова А.К.

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВИСТА И ДОКУМЕНТОВЕДА

По мнению специалистов, одно из пониманий индивидуальности связано с выделением у индивида присущих только ему личностных черт. Проблема профессионального самоопределения особо актуальна сегодня, работа играет важную роль в жизни каждого человека и оказывает большое влияние на развитие личности, самореализацию индивидуальности. Удачно выбранная профессия повышает самоуважение и позитивное представление человека о себе, сокращает частоту психических и физических проблем, связанных со здоровьем, и усиливает удовлетворенность жизнью.

В настоящее время следует учитывать основные деловые и личные качества, предъявляемые для успешной работы по специальности. Например, особенность трудовой деятельности делопроизводителя и архивиста заключается в том, что ему приходится не только работать с документами и техническими средствами, но и осуществлять многочисленные контакты с людьми. Для отличной работы делопроизводителю нужны хорошая долговременная и оперативная память, эмоциональная устойчивость, высокая помехоустойчивость, способность к длительной концентрации внимания, а также толерантность к многочисленным контактам, навыки делового общения, конструктивное восприятие критики в свой адрес. Из личных качеств для архивиста важны усидчивость, исполнительность, аккуратность, внимательность.

При оценке труда документоведа принято выделять следующие деловые качества. Профессионализм (кандидат должен иметь специальное образование) – это качество подразумевает владение комплексом професси-

ональных знаний, умений и навыков, предусмотренных квалификационной характеристикой.

Ответственность – качественное и своевременное выполнение поставленных задач. Сотрудник должен быть готов принять на себя ответственность по выполнению задач, поставленных руководителем, особенно в пределах своей компетенции. Это качество вырабатывается с опытом работы. Организованность – умение организовывать свое рабочее место, рационально спланировать работу, обеспечить безусловное выполнение каждодневных задач. Делопроизводитель должен отличаться высоким уровнем самоорганизованности. Также ценятся такие качества как: пунктуальность, осведомленность, инициативность, сохранение служебной тайны, преданность работе и профессии. Важны любовь к избранной профессии, понимание ее важности, стремление к постоянному совершенствованию своего мастерства – необходимое условие для того, чтобы стать квалифицированным специалистом.

Для выработки деловых качеств, необходимых в работе документоведа, требуется ряд личных качеств, без которых нельзя стать профессионалом. Из них на первое место следует поставить «умение адаптироваться», быстро переключаться с одного вида работы на другой, способность одновременно выполнять несколько поручений. Не менее важная черта характера – «коммуникабельность», способность легко устанавливать контакты, связи с людьми. Перечисленные деловые и личностные качества, необходимые делопроизводителю, не даются человеку в готовом виде. Нужен повседневный труд над собой, настойчивая и ответственная подготовка к этой работе.

Малютина О.П.

Воронежский государственный университет, Воронеж

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА

Исследуя закономерности акме-развития, А.В. Барбанщиков, Б.Ф. Ломов, Е.Ю. Пряжников и др. выделяют ценностно-ориентационный подход как теоретическую основу изучения профессиональных перспектив, т.е. изучения роли разных ценностно-ориентационных структур сознания человека в процессе его профессионального становления и достижения вершин мастерства. Сущность ценностно-ориентационного подхода мы соотносим, в первую очередь, с личностными характеристиками субъекта этого процесса, в частности, педагога как профессионала.

Для создания оптимальных психологических условий освоения социальных и нравственных ценностей детьми необходимо принятие учителем самого ребенка как ценности. Последняя, в свою очередь, обусловлена его собственным самопринятием. В последнее десятилетие наблюдается тенденция к увеличению числа педагогов, занимающихся педагогической деятельностью лишь потому, что не могут самореализоваться в других профессиональных сферах (в большинстве своем эта группа формируется из тех, значимость учительской профессии для которых определяется ее социальным статусом и утилитарно-прагматическими потребностями). В результате страдает их самопринятие.

Поэтому наиболее важным представляется наличие в структуре профессионально-ценностных ориентаций учителя тех, которые связаны с его отношением к себе и выражены в профессиональном идеале и «Я-концепции» учителя (Бернс, 1986), формирующих его акме-пространство.

Мы предполагаем, что в построении акме-пространства (а) профессионала участвуют три базовых вектора: биологический (в); социальный (с); личностный (л). При этом следует учесть, что всякий вектор акме-пространства может быть выражен через указанную тройку векто-

ров, раскрывающих направление достижения педагога в профессиональной сфере. Такое «макроакме» представляет собой идеальный вариант акме-развития в профессиональном плане, но практически недостижимый (Бодалев, 1982). Возвращаясь к ценностно-ориентационному подходу, рассмотрим положение акме-вектора (а) в рамках представленной модели.

1. Вариант расположения вектора (а) на оси (л) в положительном направлении дает возможность самореализоваться педагогу как личности (высший уровень профессиональной совместимости, включающий ценностно-ориентационное единство). Подобная композиция представляет собой совпадение мнений, оценок, установок и позиций личности по отношению к целям профессиональной деятельности, лицам, идеям, событиям, оценкам и т.п. – наиболее значимым для профессионального труда в целом, а также согласованное принятие и возложение ответственности на себя за успехи и неудачи в достижении акме.

2. Соответственно, расположение вектора (а) на оси (л) в отрицательном направлении исключает возможность полноценной самореализации педагога как личности на пути к акме.

Эффективность профессиональной подготовки и переподготовки учителей в системе повышения квалификации, на наш взгляд, определяется, прежде всего, тем, происходит ли в действительности в процессе такого обучения усвоение ими новых ценностей. Для того чтобы иметь возможность прослеживания динамики ценностных ориентаций в процессе профессиональной подготовки и переподготовки педагогов, необходимо исследование структуры и предметного содержания их ценностных ориентаций. Все это указывает на повышенную значимость и необходимость изучения ценностных ориентаций личности педагога в процессе его акме-развития.

Медянова Е.В.

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ БУДУЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ, НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ*

Одним из ведущих внутренних факторов, влияющих на процесс развития ценностной сферы личности (ЦСЛ) студентов в период первичной профессионализации является развитость когнитивных составляющих их индивидуальности.

Особо актуальным процесс ценностной ориентировки индивида становится в период ранней профессионализации, т.к. в этот период личность принимает или не принимает в свою ЦСЛ профессиональные ценностные ориентации, которые являются компонентом ее профес-

* Работа выполнена в рамках госбюджетной темы кафедры философии ОНМедУ «Методологічні проблеми розробки нової теорії психіки та ноетики в контексті постнекласики». Гос. регистр. № 01080011002.

сиональной направленности и компетентности (Климов, 1993).

С целью развития когнитивных и регуляционных возможностей индивидуальности, на кафедре философии ОНМедУ разработан и внедрен в учебно-воспитательный процесс в рамках курса психологии авторский метод проф. И.В. Ершовой-Бабенко «Создающая Сила» («СР»). Занятия в рамках курса предполагают обучение студентов принципиально новым способам мышления, организации и запоминания получаемой информации, в том числе навыкам взаимодействия с информационными потоками, «сворачивания» информации и создания в памяти устойчивых смысловых единиц с увеличивающейся информационной емкостью – смысловых аттракторов, а также построение макро-, мезо-, и микромоделей текста (Ершова-Бабенко, 1998–2012). Полученные изменения когнитивной и ценностной сфер индивидуальности студентов-медиков представлены в нашем диссертационном исследовании (Медянова, 2009–2012).

В экспериментальной группе студентов (занятия с которой проводились по методу СР) зафиксировано повышение значения фактора интеллекта В (методика 16-PF Р. Кеттелла) на 4,29% по сравнению с данными контрольной группы, обучавшейся по стандартной методике, в которой значение фактора В статистически значимо упало на 7,08% $t = 2,237$ ($p < 0,05$).

Уровень владения навыком абстрактно-символьного мышления (методики Г.В. Резапкиной) студентами контрольной группы за период эксперимента снизился на 13,24%, данное изменение статистически значимо: $t =$

2,137 ($p < 0,05$). А уровень развития данного типа мышления у испытуемых экспериментальной группы вырос на 12,70%, и данное изменение также статистически значимо на уровне тенденции $t = 1,856$ ($p < 0,1$).

Параллельно зафиксированы изменения в ЦСЛ студентов-медиков обеих групп (методика Ш. Шварца). У студентов экспериментальной группы, по сравнению с контрольной группой, снизилась кризисность ЦСЛ за счет роста скорости адаптивных процессов в ней, и на уровне приоритетов поведения возрос вес полюса «Самотрансцендентность» в структуре ЦСЛ за счет снижения веса полюса «Самовозвышение». У контрольной группы происходит рост полюса «Самовозвышение» и снижение весовой доли полюса «Самотрансцендентность». При этом изменения на уровне идеалов статистически значимо для полюса «Самовозвышение» $t = 5,79$ и для полюса «Самотрансцендентность» $t = 4,67$ ($p < 0,01$).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о влиянии когнитивных составляющих индивидуальности на процесс развития ЦСЛ в период первичной профессионализации. Авторский метод «СР» проф. И.В. Ершовой-Бабенко в сочетании с композиционно-организационной структурой занятий, учитывающей нелинейность процесса обучения, позволил, не выходя за рамки плановых занятий по психологии, развить когнитивные возможности студентов, стимулировать процессы внутриличностной самоорганизации и развития ЦСЛ студентов в направлении профессионально значимых качеств и адекватности идеалов сегодняшним задачам и целям периода ранней профессионализации.

Мишина Е.И.

Московский государственный областной университет, Москва

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В процессе становления личностной рефлексии происходит развитие индивидуальности будущего специалиста. Структура образа профессии в сознании будущих специалистов является довольно сложным образованием, в которое входят такие компоненты, как содержание профессиональной деятельности, профессиональные планы, образ субъекта профессиональной деятельности. В процессе профессионального обучения с приобретением знаний, умений и навыков у будущих специалистов происходит становление индивидуальности. Индивидуальность личности будущего профессионала проявляется уже на этапе выбора будущей профессиональной деятельности.

Целью исследования является изучение становления личностной рефлексии будущих специалистов с учетом особенностей их профессионального выбора. Исследование было проведено в Российском государственном гуманитарном университете на факультете документоведения; в Московском государственном областном университете на психологическом факультете; в Московском государственном техническом университете им. Н.Э. Баумана на факультете ракетостроения и на факультете металлургических машин и оборудования. Всего в исследовании приняли участие 262 человека, из них 120 первокурсников (64

девушки и 56 юношей) и 142 пятикурсника (74 девушек и 68 юношей).

Гуманитарии больше ориентируются на рекламу и профессиональный престиж, они лучше представляют, какими качествами следует овладеть в процессе профессиональной подготовки, для того чтобы приобрести высокий уровень профессионализма. Студенты технических специальностей больше направлены на приобретение знаний, умений и навыков, которыми уже обладают их родители или бабушки и дедушки.

В процессе качественного профессионального становления личность обретает жизнестойкость и жизнеспособность (Д.А. Леонтьев, А.М. Прихожан и др.), что также способствует становлению индивидуальности. Жизнеспособность, являясь способностью противостоять трудностям окружающей среды, дает возможность хорошо адаптироваться к жизни. В случае формирования поискового поведения у будущих специалистов во внеситуативной позиции наблюдаются развитые коммуникативные умения и навыки, а также высокий социальный интеллект. Жизнеспособные и жизнестойкие будущие специалисты имеют определенные особенности «Я-концепции», в частности, систему установок относительно собственной

личности, которая динамична и развивается в процессе профессионализации. «Профессиональное Я» включает в себя систему представлений человека о себе и собственной профессиональной деятельности. В процессе формирования индивидуальности самосознание является отправной точкой профессионального становления будущего специалиста.

Гуманитарное образование призвано воссоздать нормативно заданные технологические параметры индивидуальности будущих специалистов. В процессе обучения происходит репрезентация типичных ситуаций профессиональной деятельности и технологий, что способствует развитию их творческой индивидуальности.

В процессе получения высшего технического образования у будущего специалиста под влиянием специальных развивающих технологий изменяется представление о себе, меняется его самосознание и самооценка, происходит позитивная профессиональная идентичность.

При этом личность будущего специалиста характеризуется высоким уровнем самоконтроля и эмоциональной привязанностью, эмоциональной комфортностью и эмоциональной устойчивостью, отсутствием кризиса идентичности, адекватностью и выраженной личностной рефлексией. Соответственно, решаются проблемы профессионального становления, и происходит реализация личности в акме.

Оберемко О.А., Истомина А.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Институт социологии РАН, Москва

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ СВОБОДОЙ

На примере средней школы рассматривается ситуация институционального регулирования с нарушенной прямой и обратной связью. Когда регулирующие воздействия воспринимаются как неадекватные и порождают незапланированные реакции, у администратора возникает дилемма: либо радикально сменить ценностные основания институционального взаимодействия в соответствии с актуальными задачами, либо путем переговоров легитимировать актуальные задачи, трансформируя ценностные основания институциональных взаимодействий.

Учительство как профессия (в отличие от занятия (occupation)) требует интенсивной вовлеченности в профессиональную деятельность, что концептуализируется в терминах «этнос» (Мертон, 2006), «приверженность делу» (commitment) (Day et al., 2005), профессиональная идентичность и др. и предполагает относительную автономию профессионала от прямой внешней регуляции. Неолиберальные реформы бюджетной сферы, начатые в конце XX в., существенно переформатировали условия воспроизводства ролевой идентичности профессионалов. В частности, они изменили природу учительства как профессии: усилили ориентированность на внешне наблюдаемые быстрые результаты и внешний контроль, расширили круг заинтересованных лиц (стейкхолдеров) в оценке результатов учительского труда, интенсифицировали труд и т.п. (Day et al., 2005).

Усиление внешнего контроля в институциональном дискурсе трактуется двояко: (1) как вынужденная мера менеджмента повысить социально-экономическую эффективность труда профессионалов, (2) как неадекватное стремление менеджмента внедрить элементы бюрократического этноса ради сокращения автономии профессионалов в выполнении ими ролевых обязанностей. Обе трактовки имеют важные сходства: содержат противопо-

ставление «мы – они» и указания на заботу «мы» об общем интересе и на избыточную эгоистичность «они»; проблематизируют баланс между внешней и внутренней регуляцией профессиональной деятельности.

Мы исходим из того, что реформирование средней школы с наименьшими издержками можно достичь при сохранении условий для (вос)производства профессиональной идентификации, профессионального этноса, приверженности делу; иными словами, при восстановлении прямой и обратной связи в институциональном регулировании. Практичность тезиса демонстрируется на материале фокус-групп и интервью о критериях оценки профессиональной квалификации учителей, проведенных с представителями образовательных учреждений девяти городов РФ в октябре–ноябре 2011 г. в рамках одного из проектов, выполненных в Институте институциональных исследований НИУ ВШЭ.

В докладе демонстрируется принципиальная возможность реконструировать / диагностировать проблемы: профессиональной идентичности (неопределенность представлений о профессиональной роли, нормах и ценностях) / обратной связи / нелегитимности регулирования по текстуальной репрезентации противоречий в ролевых установках.

В рамках модели пространственно-деятельностной идентичности (Оберемко, 2009), включающей концепцию позитивной и негативной свободы (Берлин, 2003), проанализированы два текстуально выраженных противоречия: (1) отрицание vs. утверждение нужности учителю знаний по педагогике и психологии; (2) отрицание vs. признание необходимости внешнего контроля над качеством работы учителя. В результате реконструкции намечены направления деятельности по легитимации обновляемых форматов профессиональной деятельности учителя.

Петруняк Н.И.

Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, Ковров

ЛИЧНОСТНАЯ АВТОНОМИЯ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Основой индивидуальности является гармония свойств индивида, личности и субъекта деятельности (Белоус, 1991). Одним из показателей индивидуальности может выступать личностная автономия. Личностная автономия выступает вектором направленности развития личности человека. Проявления личностной автономии свидетельствуют о достижении уровня личностной зрелости. Автономность личности может служить показателем личностного здоровья и психической устойчивости, индикатором позитивного направления личностного развития (Дергачева, 2005). В работе представлено исследование личностной автономии преподавателей учреждений среднего профессионального образования г. Коврова разных уровней профессионализма.

Исследование включало: изучение уровня профессионализма преподавателей при помощи методики «Парное сравнение» (Н.В. Кузьмина), а также изучения документации учреждений образования; выявление показателей личностной автономии с использованием «Теста смысловых ориентаций (СЖО)» (Д.А. Леонтьев), методики «Диагностика перцептивно-интерактивной компетентности» (модифицированный вариант Н.П. Фетискина), «Теста Ф. Герцберга»; структуры личностной автономии при помощи факторного анализа.

Анализ полученных данных показал, что 13% преподавателей имеют низкий уровень профессионализма, 63% средний уровень, 24% высокий уровень. В ходе исследования также установлено, что для педагогов с низким уровнем профессионализма характерны два типа личностной автономии. Первый тип сформирован двумя группами ведущих факторов: (1) социальная автономия, социальная активность, отношения с руководством; (2) процесс жизни, взаимопонимание, результат жизни. Второго типа

личностной автономии педагогов с низким уровнем профессионализма также характеризуется двумя группами ведущих факторов: (1) мотивы достижения личного успеха и содержания работы, показатели локуса контроля жизни; (2) показатель сотрудничества испытуемых в коллективе.

Педагоги среднего уровня профессионализма характеризуются более сложной структурой личностной автономии, ведущие факторы которой формируют четыре группы признаков. Первая группа – цели в жизни, процесс жизни и локус контроля, вторая группа – ответственность и финансовые мотивы, третья группа – карьера и содержание работы, четвертая группа – общественное мнение.

У педагогов высокого уровня профессионализма выявлены два типа личностной автономии. Первый тип автономии характеризуется двумя группами ведущих факторов. Первая группа – цели жизни, процесс жизни и локус контроля, социальная активность, вторая группа – взаимопонимание, взаимопонимание и взаимовлияние. Второго типа личностной автономии включает две группы факторов. Первая группа – ведущие факторы ответственность и сотрудничество, вторая группа – ведущий фактор карьера.

Полученные результаты свидетельствуют, что личностная автономия преподавателя представляет собой целостное, многокомпонентное, относительно устойчивое психологическое образование, показатели и структура которого определяют успешность профессиональной деятельности. Структурная организация личностной автономии различна как у педагогов разных уровней профессионализма, так и в рамках одного уровня. Профессионализм педагогов детерминирован симптомокомплексом разноуровневых индивидуальных свойств, относящихся к личностным и социально-психологическим уровням интегральной индивидуальности.

Попова В.В.

Институт психологии Пермского государственного педагогического университета, Пермь

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТИЛИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В СОРЕВНОВАНИЯХ КАРАТЕ КИОКУШИНКАЙ

В Пермской психологической школе под стилем деятельности (общения, активности и т.д.) понимается целостная, многокомпонентная система, детерминированная симптомокомплексом разноуровневых свойств интегральной индивидуальности (Б.А. Вяткин, М.Р. Щукин и сопр). В данной работе исследовались стили совладающего поведения (coping behavior) в соревнованиях карате Киокушинкай. Испытуемые – 128 спортсменов высокого класса (КМС, МС и МСМК) наблюдались на тренировочных занятиях (фон) и на соревнованиях различного масштаба

(региональных и федеральных, отборочных на чемпионаты мира и Европы). Фиксировались тактико-технические действия в поединке методом фиксированного наблюдения и уровень стресса при помощи методики «Спектрографический анализ голоса» (Вяткин, 1979; 1981). Опросниками диагностировались стратегии совладающего поведения (по R. Lazarus), и уровень развития свойств интегральной индивидуальности (нейродинамический, психодинамический, личностный, социально-психологический).

При помощи факторного анализа было выделено три различных стиля совладающего поведения, обозначенные нами как «агрессивно-атакующий», «рациональный», «гармоничный». В состав каждого из изучаемых стилей вошли три блока показателей: уровень стресса, копинг-стратегия и комбинация тактико-технических действий (атакующие, защитные, контратакующие, обманные и т.д.).

Первый стиль характеризуется стратегией «конфронтационный копинг» и преобладанием комбинации атакующих, лишних (пренебрегая защитными) тактико-технических действий.

Второй стиль характеризуется копинг-стратегией «самоконтроль и принятие ответственности», а также комбинацией контратакующих, обманных и защитных тактико-технических действий.

Третий стиль характеризуется стратегией «конфронтационный копинг» и/или стратегией «планирование решения проблемы» в сочетании с комбинацией атакующих, обманных, контратакующих тактико-технических действий. Показатель уровня стресса вошел во все три выявленные стили.

Дискриминантный анализ позволил выделить симптомокомплекс разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсмена, детерминирующих каждый из стилей совладающего поведения в соревнованиях карате Киокушинкай.

Симптомокомплекс свойств, детерминирующий агрессивно-атакующий стиль, включает силу возбуждения, скорость психомоторную, пластичность психомоторную, О (тревожность). Рациональный стиль определяется симптомокомплексом следующих свойств: сила торможения, пластичность интеллектуальная, А (открытость), F (осторожность), G (добросовестность). Гармоничный стиль определяется симптомокомплексом следующих свойств: сила возбуждения, подвижность нервных процессов, скорость интеллектуальная, скорость психомоторная, В (высокий интеллект), Н (решительность), Q2 (независимость от группы).

При этом отмечено, что с повышением уровня стресса основную нагрузку начинают нести свойства нижележащих уровней интегральной индивидуальности (нейродинамического и психодинамического), то есть врожденные свойства нервной системы и темперамента.

Постылякова Ю.В.

Институт психологии РАН, Москва

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Исследование ресурсов человека в психологии труда осуществляется в рамках нескольких направлений, одно из которых развивает взгляд на деловые качества и индивидуальные способности как на ресурсы, обеспечивающие успешность и эффективность профессиональной деятельности (Завалишина, 1991; Толочек, 2007; Мадди и др., 2006, и др.). Возможность реализации индивидуально-психологических ресурсов субъекта труда обусловлена спецификой и условиями профессиональной деятельности. Ситуации достижения профессиональных целей, планирования карьеры, профессионального совершенствования и самореализации в профессии могут восприниматься человеком как сложные, вызывающие затруднения, и одновременно как некий вызов его профессиональным знаниям, навыкам, умениям, для разрешения которых он будет опираться на имеющиеся ресурсы, активно формировать и использовать свой ресурсный потенциал, обеспечивая тем самым профессиональную успешность.

Под ресурсами мы понимаем физиологические, психологические, когнитивные качества, личностные особенности, социальные характеристики, включая финансовое благополучие, и навыки предыдущего опыта преодоления проблемных ситуаций. К индивидуально-психологическим ресурсам нами были отнесены уверенность в себе, независимость, самоконтроль, способность к самораскрытию, терпимое отношение к другим людям и их мнениям, способность распознавать стрессовые ситуации (Matheny et al., 1993), жизнестойкость (Мадди, 2006), высокая мотивация достижения, сформированность ценностной сфе-

ры (Шварц, 2004). В качестве профессиональных ресурсов рассматривались деловые качества, необходимые для эффективной управленческой деятельности (Фрэнсис, Вудкок, 1991): способность к саморегуляции, наличие личных ценностей и целей, ориентация на саморазвитие и личностный рост, навыки решения проблем, способность влиять на окружающих, способность к инновациям, знание современных управленческих подходов, способность формировать и развивать коллектив и др.

Исследования, проведенные на группе успешных руководителей среднего звена предприятий железнодорожного транспорта (Постылякова, 2007; 2011; 2012), подтвердили гипотезу, что успешность управленческой деятельности во многом связана с актуализацией индивидуальных ресурсов совладания с проблемными ситуациями и профессиональных ресурсов. Значимыми ценностями для успешных руководителей являются: универсализм, безопасность и самостоятельность. Ориентация в управленческой деятельности руководителей на эти ценности тесно связана с навыками принятия решений, способностью к саморегуляции, пониманием своих ценностей и умением руководить коллективом. Ведущей ориентацией в этой триаде является ценность безопасности, интегрирующая персональные ценности руководителя с организационными ценностями предприятия, что отражает специфику деятельности руководителя железнодорожного предприятия.

Успешных руководителей среднего звена предприятий железнодорожного транспорта характеризует высокий уровень выраженности показателей общей жизнестойко-

сти и ее компонентов и деловых качеств. Детерминантами жизнестойкости являются: умение управлять собой, сформированные личные цели и умение оказывать влияние на людей.

Было выявлено, что для успешных руководителей характерно большое количество связей между индивидуально-психологическими ресурсами и деловыми качествами,

а также мотивацией достижения, что в значительной степени способствует профессиональной самореализации. Можно сделать вывод, что деловые качества руководителя, образуя кластер индивидуально-профессиональных ресурсов, дополняют его индивидуально-психологические ресурсы и способствуют достижению успехов в деятельности.

Русалов В.М., Велумян Н.А.

Институт психологии РАН, Москва

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Подростковый и юношеский возраст является наиболее значимой отправной точкой в становлении будущего профессионала. В это время формируются интересы и предпочтения к той или иной профессиональной деятельности. Своевременное выявление внутренних индивидуально-психологических особенностей – темперамента, характера и когнитивных стилей в старшем школьном возрасте, которые участвуют в этом процессе, представляется особенно актуальным в современной психологии индивидуальности.

На выборке 61 человек (25 юношей, 36 девушек) – учащихся 9–11 классов общеобразовательной московской школы сопоставлялись особенности темперамента, характера и когнитивных стилей с профессиональными предпочтениями. Были использованы: для оценки темперамента – опросник ОФДСИ (Русалов, 2004); для оценки черт характера – опросник ОЧХ (Русалов, Манолова, 2003). Когнитивные стили оценивали с помощью исследовательской авторской методики КСИЧ (Русалов, Велумян, 2012). Профессиональные предпочтения фиксировались с помощью модифицированного метода ДДО (Климов, 1984).

Сопоставление профессиональных предпочтений с индивидуально-психологическими особенностями – темпераментом, характером и когнитивными стилями показало, что у старшеклассников, склонных к профессиям категории «Человек Художественный Образ», наблюдается наибольшее количество достоверных связей. У этих учащихся отмечается низкий уровень активности в психомоторной сфере темперамента, более выраженные значения таких черт характера, как гипертимность, эмотивность, тревожность и демонстративность.

Их когнитивные стили отличаются широким диапазоном эквивалентности, низкими показателями ригидности, конкретной и одновременно абстрактной концептуализации. Школьники, проявляющие интерес к профессиональной категории «Человек Человек» обладали более высо-

кой коммуникативной темпераментальной активностью, более высоким значением педантичности, а также высоким уровнем когнитивной толерантности к нереалистическому опыту. Старшеклассники, которые предпочитали профессии категории «Человек Знак», отличались высокой темпераментальной интеллектуальной активностью, более высокими значениями дистимности и более низкими значениями демонстративности.

В когнитивной сфере им были свойственны более узкий диапазон эквивалентности и более низкие значения по шкале импульсивности.

Учащиеся, отдающие предпочтение профессиям категории «Человек Техника» и «Человек Природа», не обнаружили связи с темпераментальными характеристиками индивидуальности. Однако у этих учащихся выявлены достоверные связи между их профессиональными предпочтениями с чертами характера и когнитивными стилями. Так, школьники, проявляющие повышенный интерес к профессиям категории «Человек Техника», имели более низкие значения циклотимности, гипертимности, эмотивности и более выраженные дистимные черты характера. В когнитивном плане они отличались более высокой полезависимостью, более низкими показателями диапазона эквивалентности и более низкими значениями по шкале рефлексивности. Старшеклассники, склонные к профессиям категории «Человек Природа», обладали низкими значениями такой черты характера, как педантичность. В когнитивной сфере они отличались высоким уровнем рефлексивности и низкой выраженностью таких когнитивных стилей, как полнезависимость, гибкость и импульсивность.

Таким образом, индивидуально-психологические особенности – темперамент, характер и когнитивные стили – обнаруживают связи с профессиональными предпочтениями старшеклассников и должны быть учтены в системе профессиональной подготовки.

Рыкман Л.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ*

Исследование проводилось в 2011 г. в Санкт-Петербурге. В исследовании принимали участие студенты первого курса менеджерских и технических специальностей средних специальных учебных заведений – всего 122 человека. Соответственно задачам исследования был подобран следующий методический инструментарий. Показатели профессионального самоопределения изучались при помощи: методики ФПР (М.Д. Петраш), методики М.Р. Гинзбурга. Профессиональная идентичность определялась с помощью методики фотоисследования Х. Абельса и методики «МИПИ» Л.Б. Шнейдер.

Исследование показателей профессионального самоопределения студентов-программистов и студентов-менеджеров показало, что основным мотивом выбора является интерес к профессии и желание работать в выбранной сфере. У большинства студентов есть желание продолжить образование в вузе. Студенты технических специальностей оценивают серьезность выбора выше, чем студенты-менеджеры. Сравнение средних значений показателей эмоционального отношения личности к профессиональному будущему по всей выборке показало, что наиболее выражены положительные эмоции. Сравнение профессиональных групп по данному показателю достоверных отличий не выявило. Сравнение средних значений показателей профессионального развития показало, что наиболее выражен показатель «межличностное взаимодействие», что свидетельствует о хорошей адаптации студентов в коллективе, об их умении устанавливать контакты с сокурсниками. Самый низкий общий показатель (56,67%) был получен по фактору «самоконтроль поведения», что говорит о низкой способности респондентов к организованности, самоконтролю поведения.

Образ «Я профессиональное» в представлении молодых людей о себе представлен слабо: у 35% студентов технических специальностей и у 25% менеджеров, соответственно. Роль «Я учебного» у студентов обеих специальностей также невелика, однако в группе менеджеров она в 2 раза выше (40%), чем в группе технических специальностей (20%). Таким образом, в группе технических специальностей роль «Я-учебное» ниже, а роль «Я профессиональное» выше, чем в группе менеджеров. Возможно, что студенты технических специальностей более конкретно представляют себе будущую профессию, и поэтому ощущают себя больше в роли профессионала, нежели ученика. В группе технических специальностей преобладают устойчивые статусы идентичности (преждевременный и псевдоидентичности), а в группе менеджеров преобладают неустойчивые статусы (диффузный и мораторий), что затрудняет процесс формирования достигнутой идентичности, которая диагностируется только у 10% студентов технических специальностей и 20% менеджеров.

Анализ межфункциональных связей в разных профессиональных группах показал, что показатели профессионального самоопределения и профессиональной идентичности связаны друг с другом и по-разному взаимосвязаны в профессиональных группах. В группе технических специальностей показатели статусов профессиональной идентичности взаимосвязаны с показателями эмоционального отношения к профессиональному будущему. Статусы профессиональной идентичности студентов-менеджеров связаны с показателями учебно-профессионального функционирования, мотивами выбора профессии и источниками влияния на выбор профессии.

Савин Е.Ю.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

ОПЫТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК РЕСУРС ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПЕДАГОГА

Выявление и анализ ресурсов творческой активности педагога является важной задачей как психолого-педагогической науки, так и практики подготовки и переподготовки учителей. Одним из ключевых аспектов, характеризующих творческую составляющую педагогической деятельности, выступает возможность осуществления учителем педагогической импровизации. В педагогической импровизации наиболее ясно выражается творческий, продуктивный характер деятельности учителя,

возможность педагога выйти за рамки привычных, стереотипных, автоматизированных способов действия, представленных в его прошлом профессиональном опыте (Харькин, 1992; Маркова, 1993; Sawyer, 2004). Импровизация выступает в качестве своего рода «психологической оппозиции» по отношению к профессиональному опыту, поскольку предполагает не столько воспроизведение способов действия, сколько возможность их проблематизации и переосмысления. С другой стороны, имеются данные,

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ проект №10-06-00490а.

свидетельствующие о том, что к педагогической импровизации более склонны опытные учителя. Так, наше исследование продемонстрировало, что у учителей (в отличие от студентов) самооценка собственной опытности и самооценка склонности к педагогической импровизации связаны на уровне статистической значимости ($t = 0,22$; $p < 0,05$). Иными словами, свой опыт учителя рассматривают как важный ресурс импровизации (Савин, 2010). Вместе с тем, абсолютное значение этой связи не столь велико, что указывает на иные источники педагогической импровизации помимо опыта, возможно, личностные. Необходимо эмпирическое исследование того, в какой степени склонность к импровизации зависит от опыта, а в какой – определяется иными факторами, в частности, личностными, а также при каких условиях профессиональный опыт является ресурсом творческой активности, какие факторы тормозят ее проявления?

В дальнейшем исследовании мы проследили взаимосвязь самооценки опытности, склонности к импровизации, решения педагогических задач, а также личностных черт, выявленных на основе опросника ЕРІ Г. Айзенка и личностного дифференциала (ЛД) у студентов. Было обнаружено, что накопление профессионального опыта в ходе педагогической практики прямо не приводит к развитию

склонности к импровизации в педагогическом мышлении: самооценка опытности не коррелирует с выраженностью склонности к педагогической импровизации.

Соотнесение подгрупп «опытные и импровизирующие» и «опытные, не импровизирующие» показало, что у последних наблюдаются более низкие значения по шкалам ЛД «сила», «активность», а также экстраверсии. Другими словами, недостаточное развитие определенных личностных черт (таких как экстравертированность и уверенность в себе) может выступать в качестве барьера на пути реализации педагогической импровизации.

С другой стороны, подгруппы «опытные, импровизирующие» и «неопытные, импровизирующие» не отличались друг от друга по показателям личностных характеристик (экстраверсии, нейротизма, а также по шкалам ЛД), однако у подгруппы «неопытные, импровизирующие» наблюдались более низкие значения результативных и метакогнитивных характеристик решения педагогических задач.

Таким образом, склонность к импровизации, основой которой являются только личностные качества, носит непродуктивный характер, поскольку соотносится с более низким уровнем результативных и метакогнитивных характеристик решения педагогических задач.

Савлакова Н.М.

Республиканский институт профессионального образования, Минск, Республика Беларусь

ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖЕЙ

На этапе выбора профессии и профессионального обучения особое значение в формировании личности приобретает система временных представлений (Гинзбург, 1994; Головаха, 1988; Леонтьев, Шелобанова 2001; Леснянская, 2008; Перетягко, 1991). С одной стороны, развитие представлений о профессиональной жизни и себя в профессии является значимым мотивом построения собственного будущего. С другой стороны, переход структур самосознания на качественно более высокий уровень невозможен без понимания и оценки перспективы профессионального развития и жизни в целом. В процессе профессионального обучения у учащихся должна сформироваться временная перспектива профессионального развития, которую можно определить как субъективный образ, включающий события учебно-профессиональной сферы в их взаимосвязи, отражающие ключевые цели профессионального развития.

Результаты исследования, проведенного в 2009–2011 гг. на выборке учащихся (281 человек) профессионально-технических колледжей г. Минска, позволили сделать следующие выводы. В рамках учебно-профессиональной перспективы наиболее значимыми событиями являются «обучение в колледже» (75,8% респондентов), «окончание обучения» (24,9%), «поступление в вуз и дополнительное образование» (28,5%), «работа» (71,9%), «карьера» (28,1%), «пенсия» (16,7%). В ходе анализа результатов был отмечен тот факт, что, обозначая событие «работа», обучающиеся чаще всего подразумевают устройство на работу и начало профессиональной жизни, нежели более

поздние профессиональные достижения, и, соответственно, датируют это событие достаточно рано – около 20 лет. Стоит отметить, что при планировании жизненных событий разнообразное содержание мотивации жизненных достижений, которое отражено в ответах респондентов на неоконченные предложения ММИ, представлено лишь узким диапазоном социально нормированных жизненных этапов.

Результаты лонгитюдного исследования позволили выявить особенности динамики временной перспективы учащихся в процессе профессионального образования. В эмоциональном плане в процессе обучения снижается напряженность в оценках жизненных периодов, что выражается в уменьшении показателей конфликтности и временной ориентации на фаталистическое настоящее, увеличении показателей уверенности и удовлетворенности. Иными словами, можно отметить тенденцию к стабилизации эмоциональных переживаний учащихся в процессе обучения.

Вторую тенденцию можно обозначить как актуализацию профессиональных перспектив в процессе обучения. Учащиеся, датируя события, связанные с будущей работой и карьерой, приближают их на временной оси к моменту настоящего. Событие «работа» «сместилось» в сторону настоящего примерно на полгода; события «зарплата», «карьера», «свой бизнес», находящиеся в диапазоне от 20 до 30 лет, «приблизились» в среднем на 2-3 года; значимые профессиональные достижения планируются второкурсниками в среднем на пять с половиной лет раньше; а

событие «пенсия» почти на восемь. Планирование жизненных событий становится более осознанным: возрастают показатели рациональности и «чувства реальности» в отношении жизненных целей и обстоятельств.

Несмотря на усиление значимости мотивов, связанных с будущим учащихся, содержание планируемых жизненных событий в процессе обучения практически не развивается, сохраняется композиционный слой событий, выделенный учащимися на начальном этапе обучения.

Самаль Е.В.

Российский государственный социальный университет (филиал), Минск, Республика Беларусь

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ САМОРАСКРЫТИЯ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ

В психологических словарях индивидуальность (от лат. *indivium* – неделимое) трактуется как своеобразие психики и личности индивида, ее неповторимость, уникальный набор психологических качеств, свойственных отдельному человеку.

Проявление индивидуальности заключается в чертах темперамента, характера, в специфике интересов, свойств перцептивных процессов и интеллекта, потребностей и способностей индивида. Исследование индивидуальности как уникального потенциала человека находит свое отражение в акмеологии. В современной акмеологии (Ананьев, 1980; Бодалев, 1998; Деркач, 1991; Дьяченко, 2001; Кузьмина, 1993 и др.) исследуются закономерности, тенденции, условия и факторы, влияющие на самоосуществление человеком своего творческого потенциала, своей индивидуальности в процессе профессиональной деятельности. «Акме» трактуется как вершинная, предельная, пиковая точка в творческом саморазвитии человека, в которой наиболее полно проявляется его зрелость как личности, субъекта деятельности и индивидуальности.

Важным условием, способствующим продвижению человека к своему «акме», выступает создание самим этим человеком «среды» для своего развития, т.е. постоянная актуализация потенциальных возможностей и анализ условий для их реализации (Бодалев, 2005). В связи с этим профессиональная деятельность рассматривается как площадка для самораскрытия и самовоплощения себя, для значимых достижений, базирующихся на индивидуально-психологических особенностях и способностях. Однако всегда ли в профессиональной деятельности есть возможность для проявления своей индивидуальности, для создания «среды» для своего развития?

Ю.П. Поваренков (2008) рассматривает профессионализацию как процесс формирования личности и деятельности профессионала. Начальным этапом профессионального развития индивида является завершающий

этап учебно-профессиональной деятельности, когда идет ее преобразование в деятельность собственно профессиональную, что является ведущим фактором профессиональной готовности студента. На данном этапе профессиональной деятельности выпускник готов искать себя и развиваться в профессии, т.е. проявлять свою индивидуальность.

Дальнейшая профессиональная деятельность в качестве критериев развития личности профессионала определяет профессиональную продуктивность, профессиональную идентичность и профессиональную зрелость.

В течение первых 3–4 лет трудовой деятельности (уровень нормативных требований) идет активное совершенствование психологической системы профессиональной деятельности, о чем свидетельствуют интенсивный рост эффективности труда, повышение профессиональной идентичности, рост удовлетворенности трудом. В эти годы молодой специалист вынужден осваивать профессию, основные трудовые операции, набираться опыта, т.е. адаптироваться к уровню нормативных требований. И на данном этапе не всегда есть возможность для проявления всей полноты своей индивидуальности.

К 4–5 году самостоятельной работы достигается уровень профессионального мастерства, в результате наступает стагнация развития, и перед личностью, ориентированной на развитие, встает дилемма: либо остаться в своем профессиональном развитии на уровне нормативных требований, либо выйти за рамки нормативных требований и продолжить свое развитие.

Именно после 5 лет трудовой деятельности у субъекта труда появляется желание что-то изменить в своей профессиональной деятельности с учетом потребностей роста и развития, достигнуть больших успехов в профессии, стать профессионально зрелым посредством самоактуализации и самореализации. На этапе профессионального мастерства появляется желание выполнять работу так, чтобы получить удовлетворение от воплощения себя в ней, воплощения своей индивидуальности.

Серкин В.П.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ТРЕБОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ*

Существует ряд профессий (геологи, моряки, военнослужащие, машинисты поездов дальнего следования и пр.), при реализации которых очевидно необходимо вести профессиональный образ жизни. Циклы профессиональной деятельности существуют вообще у всех профессионалов (годовые или квартальные отчеты, графики учебных процессов, контроля исполнения, доставки грузов, смены и пр.). Таким образом, профессионально специфичный образ жизни обязателен вообще для всех профессионалов, хотя зачастую для его выявления требуется определенные рефлексивные усилия.

Выделенные ниже параметры описания профессионального образа жизни (Серкин, 2005) присущи в той или иной мере большинству профессионалов: 1) временные циклы профессиональной деятельности (например, сезонные, как у рыбаков, сельхозработников, дорожников и многих других; вахтовые, как у нефтяников и других профессионалов); 2) временные циклы жизни членов семьи профессионала (общение, циклы супружеской жизни, поездки, хозяйственные заботы и пр.); 3) временные циклы других форм активности. Например, геолог планирует закончить ремонт квартиры до начала нового полевая сезона, планирует отпуск на зиму; 4) специфика профессионального общения (сленг, темы и пр.); 5) специфика межличностного общения; 6) развитие профессионально важных качеств, личностных качеств и/или профессиональных деформаций; 7) принятые в профессиональном сообществе стереотипы поведения (стиль, дресс-код и пр.), общения, качества жизни; 8) референтная группа, ее система ценностей; 9) ряд профессий обуславливает переживание десинхроноза (при трансмеридиональных перелетах), смены климатических поясов (как, у «вахтовиков»), регулярно переезжающих с побережья на континент и об-

ратно) и переживание смены культурной и языковой среды (моряки, летчики, коммерсанты, переводчики и др.); 10) социальный десинхроноз, обозначающий несоответствие времени жизни специалиста со временем жизни значимых для него людей, при этом проявления социального десинхроноза наблюдаются у всех специалистов, работающих вахтами, сезонами и сменами, и часто переживаются субъективно тяжелее физиологического; 11) адаптация и реадaptация в период начала и окончания сезона или вахты, отчетного и «обычного» периодов к уровню нагрузок (психологических, физических), новой группе общения, изменившимся условиям жизни.

Точно так же, как характеристики индивидуального стиля деятельности могут способствовать выполнению профессиональной деятельности или затруднять ее, характеристики индивидуальности могут способствовать или препятствовать освоению и реализации целостного профессионального образа жизни. Например, в работе Н.Н. Симоновой (2011) показано, что уступчивость и мягкость являются профессионально нежелательными качествами при работе вахтовым методом. В работе С.В. Шуньковой (2011) показано, что для участников геологической партии умение взаимодействовать с членами коллектива является наиболее важным качеством. В исследовании О.А. Гариной (2006) установлено, что специалисты, работающие в режиме сменного графика, характеризуются в пределах нормы более низким уровнем локуса контроля (сравнение рядов), чем специалисты, работающие в обычном графике. Эти и другие многочисленные примеры показывают необходимость сопоставления характеристик индивидуальности не только с требованиями деятельности, но и с требованиями профессиональной специфики всего образа жизни специалиста.

Силантьева С.О.

Управление на транспорте по центральному федеральному округу МВД России, Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГИБДД

Профессиональная деятельность сотрудников подразделений ГИБДД предполагает постоянное взаимодействие с участниками дорожного движения. Специфика профессиональной деятельности заключается в том, что она протекает в рамках правового регулирования и связана, прежде всего, с правоприменительной деятельностью, которая строится на основании административно-правовых отношений и включает в себя контроль общественного порядка на дорогах, улицах, в транспортных средствах.

В связи с возможностью применять право, сотрудники правоохранительных органов наделены некоторыми властными полномочиями. В одной из первых программ сотрудников ГИБДД (Васильева, 2009) указывается, что инспектора отличает хорошее знание техники, умение распределять внимание, высокая эмоциональная устойчивость. Исследование, проведенное Ж.М. Масловой (2010), показало, что профессиональная успешность сотрудников ГИБДД зависит от ряда психологических качеств, вари-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 12-06-00463а: «Невроз отложенной жизни: специфика образа мира и образа жизни».

ция которых определяется такими факторами, как: эмоциональная устойчивость, социально-психологическая адаптация, типологические и когнитивно-коммуникативные компоненты, а также уровень регуляции поведения.

На наш взгляд, важным критерием эффективности профессиональной деятельности сотрудников является юридически значимое (правомерное, законопослушное) поведение. Регуляция юридически значимого поведения во многом определяется или зависит от сформированности (развитости) профессионального правосознания сотрудников ГИБДД в форме позитивного отношения к праву.

Результаты нашего исследования (методика «Отношения к праву» Д.С. Безносова, выборка – 122 сотрудника ГИБДД) показывают, что профессиональное правосознание сотрудников подразделений ГИБДД основано на знании современного законодательства, но, во многом, и на равнодушном отношении к праву, отсутствии интереса и нейтральной оценке его значимости.

Деформированное отношение к праву в оценках опрошенных проявляется в виде правого конформизма (+0,48), правового идеализма (0,30), правого нигилизма (2,22), правого скептицизма (2,62). Сотрудники подразделений ГИБДД отрицают у себя правовой инфантилизм (3,71) и правовой цинизм (4,19). Следовательно, можно сделать вывод о том, что профессиональное правосознание и по-

зитивное отношение к праву не тождественны, т.е. понятие «профессиональное правосознание» гораздо шире позитивного отношения к праву. Профессиональному правосознанию сотрудников могут быть присущи и негативные формы отношения к праву.

Профессионально декларируемые и эмпирически диагностируемые личностные ценности сотрудников подразделений ГИБДД несколько не согласованы, что может говорить о недостаточной степени их профессиональной идентификации. Результаты специально подготовленного и проведенного тренинга (метод конкретных ситуаций, ролевое поведение, принятие решений) по развитию правосознания (две группы 27 и 28 человек, сотрудники – слушатели Центра профессиональной подготовки сотрудников ГИБДД ГУВД по г. Москве) позволяют также говорить о принципиальной возможности такого развития в процессе целенаправленного психологического воздействия.

Исторически так сложилось, что для многих россиян характерно негативное отношение к праву, правовой нигилизм. Несформированность позитивного отношения к праву в виде правового реализма и недостаточно высокая значимость правовых ценностей в структуре ценностных ориентаций объясняется не только характеристикой индивидуальности сотрудников ГИБДД, но и исторически сложившимся общественным правовым нигилизмом.

Склеинис В.А.

Магаданский филиал Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Магадан

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ОБРАЗА МИРА В РАЗНОТИПНЫХ ПРОФЕССИЯХ

Целью нашего исследования является установление общих закономерностей и специфики развития образа мира в разнотипных профессиях на основе трехслойной модели образа мира (Артемьева, Стрелков, Серкин, 1984; 1991). Были использованы методики ценностных и смысло-жизненных ориентаций, методика «Уровень субъективного контроля» (направленные на изучение структур ядерного слоя образа мира); разработанные В.П. Серкиным (2008) специализированные семантические дифференциалы «Образ жизни», «Профессионал», «Работа» (направленные на изучение семантического слоя образа мира); специально разработанная нами анкета (направленная на изучение перцептивного слоя образа мира). Кроме того, была применена дифференциация выборки по критерию стажа работы по специальности, а также проведен ассоциативный эксперимент с целью диагностики развития значений с увеличением стажа профессиональной деятельности.

Выборку составили преподаватели высших учебных заведений, а также специалисты экономического профиля, работающие на различных предприятиях Магадана. Выборка была разделена на четыре группы по критериям «тип профессии» и «стаж профессиональной деятельности». В первую группу вошли представители профессии типа «человек знак» (бухгалтеры) со стажем работы до трех лет. Во вторую группу вошли представители профес-

сии типа «человек знак» (бухгалтеры) со стажем работы свыше пяти лет. В третью группу вошли представители профессии типа «человек человек» (преподаватели вузов) со стажем работы до трех лет. В четвертую группу вошли представители профессии типа «человек человек» (преподаватели вузов) со стажем работы свыше пяти лет.

На основании полученных результатов мы можем сделать следующие выводы.

1. Профессиональное развитие образа мира имеет как общие закономерности, так и специфику, связанную с типом профессии.

2. Различия структур ядерного слоя образа мира зависят от типа профессиональной деятельности. В частности, различия в ценностных ориентациях групп преподавателей вузов с разным стажем профессиональной деятельности имеют большую степень выраженности и профессиональной направленности, чем различия в ценностных ориентациях групп бухгалтеров с разным стажем профессиональной деятельности. Вместе с тем, бухгалтеры с разным стажем профессиональной деятельности значительно различаются между собой по уровню субъективного контроля.

3. Общие закономерности профессионального развития семантического слоя образа мира проявляются в увеличении степени групповой сплоченности оценивания профессионально значимых стимулов в группах специ-

алистов с большим стажем профессиональной деятельности, а также в увеличении количества описаний стимулов, характеризующих их с точки зрения функционирования в профессиональной деятельности.

Особенности развития семантического слоя образа мира профессионалов проявляются эмпирически как качественные различия универсалий и факторных структур семантических оценок.

С увеличением стажа профессиональной деятельности увеличивается количество и вес функциональных опи-

саний в семантических универсалиях профессионально значимых стимулов, в то время как для профессионально нейтральных стимулов данной закономерности не наблюдается. Эти результаты согласуются с ранее полученными данными других исследователей (Пивоварова, 2004; Серкин, 1988; 2005, и др.).

4. Полученные данные говорят о нарастании степени профессиональной специфичности структур перцептивного слоя образа мира с увеличением стажа профессиональной деятельности.

Слепко Ю.Н.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

ПРОДУКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ЕГО РАБОТЫ УЧАЩИМИСЯ

В ходе исследований проблемы содержания профессиональной педагогической деятельности (Поваренков, 2008; 2004; Маркова, 1993) установлено, что анализ результатов работы учителя включает изучение уровня и содержания его профессионального развития, имеющего, помимо результативных, иные показатели и критерии эффективности деятельности.

Выделяемый в работах А.К. Марковой объективный критерий профессионализации, или критерий профессиональной продуктивности в работах Ю.П. Поваренкова, объясняется через установление степени соответствия процесса профессионализации социально-профессиональным требованиям. Трудность фиксации степени такого соответствия состоит в выборе субъекта оценки. В наших исследованиях (Слепко, 2006) мы показали, что оценка работы учителя субъектами образовательного процесса (учащихся, родителей, экспертов и др.) дает возможность использовать отношение учеников к учителю как показатель и критерий оценки результативной стороны труда учителя.

Представления учащихся об идеальном и реальном педагоге позволяют оценить степень соответствия профессионализации социально-профессиональным требованиям, т.е. установить профпродуктивность. Предлагая учащимся оценить идеального и реального педагога, мы предположили, что для разных классов и курсов соответствие образов различается.

Соответственно, можно говорить о различиях в социально-профессиональных требованиях, степень соответствия которым отражает профпродуктивность. В динамике удовлетворенности учащимися педагогами наблюдаются подъемы и спады. Наибольшая удовлетворенность работой педагога – в шестом классе и на втором курсе обучения. В седьмом-восьмом классах и на третьем курсе обучения наблюдаются резкие спады. Причинами могут быть особенности возраста учащихся-подростков:

уровень самосознания, изменение «Я концепции», максимализация требований к окружающим. Как результат, в представлениях подростка растет разрыв между образом реального и идеального педагога.

У студентов третьего курса источником спада может выступать их профессиональное развитие, сопровождающееся кризисом второго курса (Поваренков, 2006). Освоив нормативно одобренный способ деятельности на младших курсах обучения, поняв, что дальнейшее использование навыков школьной учебной деятельности неэффективно, студент разрешает кризис, формируя академическую форму учебной деятельности. Это приводит к изменению представлений о себе, о специальности, коррекции ожиданий от взаимодействия с окружающими. Если в седьмом классе спад объясняется повышением требований к реальному учителю и снижением оценки его работы, то на третьем курсе спад удовлетворенности работой учителя объясняется ростом требований к образу идеального педагога.

Полученные данные хорошо согласуются с представлениями Ю.П. Поваренкова (2006) о педагогической практике как источнике изменения представлений студента о себе, повышении требований к образу идеального профессионала.

Помимо установленных особенностей динамики удовлетворенности работой педагога интерес вызывает вариативность оценок удовлетворенности и представлений об идеальном и реальном педагоге.

Учащиеся, являясь субъектами образовательного процесса и выступая носителями социально-профессиональных требований, оказывают влияние на работу педагога, требуя соответствия его деятельности их ожиданиям и представлениям. Изменение вариативности представлений учащихся о реальном и идеальном педагоге – это изменение степени индивидуальности требований к его работе.

Соколова А.С.

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КАРЬЕРНОГО МАРШРУТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Тест Дж. Холланда по определению профессионального личностного типа незаменим для выявления вариантов дальнейшего развития индивидуального карьерного маршрута преподавателя высшей школы. В тесте выделяются шесть профессиональных типов: реалистический (R), исследовательский (I), социальный (S), предприимчивый (E), конвенциональный (C) и артистический (A). Не существует однозначного отнесения индивида ни к одному из выделенных типов, так как индивид обычно может быть соотнесен с тремя типами. В результате обработки теста каждому респонденту присваивается профессиональный личностный тип, который обозначается тремя английскими буквами, где первая буква означает ведущий профессиональный личностный тип, вторая означает дополнительный ведущий профессиональный тип, третья – вторичный профессиональный тип (Holland, 1985).

Поскольку не существует трактовки результатов теста Холланда для педагогических специальностей, мы предложили авторскую интерпретацию результатов тестирования на основе понимания конкретных характеристик деятельности преподавателя высшей школы. Например, преподаватель-универсал, сочетающий в себе постоянное стремление к накоплению как теоретического, так и практического опыта (RIE); преподаватель-исследователь, тяготеющий больше к изучению и осмыслению теории (IEC, IRS); преподаватель, предпочитающий непосредственную практическую работу теории (RSC, SRC, RES, SCR); или преподаватель, тяготеющий к выполнению административных функций (CER, CSR).

Можно отметить, что при выделении типа E (предприимчивый) как одного из трех, присущих тестируемому преподавателю, можно рекомендовать преподавателю активнее участвовать в конкурсах на получение гранта, стажировках, создавать авторские курсы, тренинги, се-

минары, которые можно реализовывать на коммерческой основе. При выявлении типа A (артистический) можно рекомендовать преподавателю активнее использовать творческий потенциал в работе с обучающимися, искать возможности реализации творческого потенциала и в воспитательной работе с обучающимися, творческое начало будет его личным ресурсом и в профилактике профессионального выгорания.

Важно отметить, что при наличии у преподавателя сомнений по поводу дальнейшего развития профессиональной траектории мы обращаем его внимание на вторичный профессиональный тип (третья буква в профессиональном личностном типе).

При определенной ситуации профессионального развития вторичный тип может стать ведущим, и его следует рассматривать как указатель на один из наиболее продуктивных возможных вариантов развития профессиональной траектории преподавателя высшей школы. Например, вторичный C может обозначать способности к административной деятельности – это может определить развитие вертикальной карьеры преподавателя по административной линии. Наконец, мы полагаем, что присутствие социальной составляющей (C) является абсолютно необходимым для нахождения в данной профессии, поскольку она социальна по своей сути. Отсутствие социальной составляющей в индивидуальном профессиональном типе может обозначать вероятный уход из преподавательской деятельности в будущем. Наш многолетний опыт использования данного теста в диагностической работе с преподавателями высшей школы на кафедре теории и технологии обучения в высшей школы 1 МГМУ им. И.М. Сеченова доказал целесообразность его использования для выявления направлений индивидуального карьерного маршрута преподавателей высшей школы.

Стрелков Ю.К.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

СТРУКТУРЫ ОПЫТА И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ*

Стараясь отличить поведение от того, что стоит за ним, психологи использовали понятия «психические системы», «функциональные системы предметного действия», «психические функциональные системы предметного действия», «функциональная структура действия». Понятия «структура действия» и «действие» не всегда различают, на наш взгляд, потому что забывают о том, что действие всегда имеет конкретный двигательный рисунок, который неповторим. В этом смысле оно индивидуально. Струк-

тура указывает на устойчивые, повторяющиеся элементы действия, формальные или содержательные. Структуры опыта имеют вербальные эквиваленты. Структуры опыта «исчезают» внутри гармонично сформированного, хорошо заученного действия, исполняемого в нормальных условиях. Они важны в промежутках между одиночными исполнениями и становятся явными при переходах от одних условий работы к другим. Структура опыта включает и элементы восприятия, представления, вербальное зна-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00463а: «Невроз отложенной жизни: специфика образа мира и образа жизни».

ние. Но она предполагает соотнесение настоящего исполнения с прошлым освоением действия. Нельзя путать понятия «структура опыта» и «структура действия»: второе сконцентрировано на текущем исполнении, его анализе и синтезе.

Чтобы различить структуры опыта и действия, необходимо выделить ситуации, где их различия выступают особенно резко. Во-первых, это повторное исполнение действия, впервые заученного и удачно исполненного. Поскольку само действие всегда накрепко привязано к конкретным обстоятельствам, слито с ними, мы говорим, что в промежутке между двумя исполнениями сохранились структуры опыта.

Действие, хотя и содержит скрытые элементы, – это единица поведения. Действие в настоящем – текущее, оно доступно наблюдению. Наблюдая действие, мы удивляемся, как точно субъект воспроизводит его, несмотря на изменившиеся обстоятельства. При этом мы твердо знаем, что действие всегда иное, в отличие от структур опыта, которые сохраняются, остаются прежними, не меняются. Зная зыбкость, изменчивость психики, человеческого организма, мы понимаем, что точное воспроизведение действия стоило субъекту немалых усилий. Паттерн усилий субъекта, обеспечивающих исполнение действия, варьируется от одного исполнения к другому, он всегда иной. Действие индивидуально.

Понятие «временные структуры» указывает на рамки временной организации социальной жизни и деятельности людей. Примером временной структуры является запись музыкального произведения, где задан тип произведения (марш, танго), обозначены длительности отдельных звуков, такты, указаны паузы и отмечены повторяемые фрагменты.

В ходе репетиций дирижер формирует у музыкантов образцы живого исполнения; оно отличается от формы, заданной записью, и всякий раз является другим. Образец исполнения, которого должен придерживаться субъект, задан.

Вместе с пространственной временная структура служит эталоном для зрителей, судей и наблюдателей. Например, в ходе соревнований они отмечают отклонения исполнения спортсмена от схемы, иногда считают их ошибками и снижают оценки. Но именно попытка приложить эталон к текущему исполнению заставляет нас твердо убедиться в том, что каждое действие неповторимо, индивидуально, а его фрагменты слиты в единое целое. Индивидуальное действие приспособлено к конкретным обстоятельствам и потому вариативно.

Действие, оцененное сторонним наблюдателем как ошибочное, могло быть единственно возможным в тех уникальных обстоятельствах, в которых оказался исполнитель.

Суворова Г.А.

Московский государственный педагогический университет, Москва

ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА

В ряде публикаций нами обобщены научные представления о консультативной функции психолога в обществе, раскрыта сущность консультативно-психологического процесса с позиций деятельностного подхода, а также проанализированы возможности исследования ключевых проблем психологического консультирования в образовании на основе деятельностной методологии (Суворова, 2003–2011). Характеризуя современный этап развития теории и практики психологического консультирования в образовании и рассматривая перспективы деятельностного подхода в системогенетической парадигме с целью продуктивного решения различных проблем психологического консультирования, связанных с онтогенезом личности, отметим следующие группы вопросов, которые пока еще не рассмотрены с достаточной глубиной.

Как представлена в образовательных стандартах нового поколения проблема индивидуальности субъектов образования? По каким законам формируется мир индивидуальной внутренней жизни ученика и педагога? Как учитывать индивидуальные особенности учащихся в организации учебного процесса, и как влияет индивидуальность педагога на этот процесс? Как развиваются и воспитываются индивидуальность педагога и ученика? Как соотносятся понятия «индивидуальность», «индивидуализация обучения», «индивидуальный подход», «индивидуальный стиль», «индивидуальные особенности», «индивидуальная деятельность»? «Личностно-ориенти-

рованный» или «индивидуально-ориентированный» учебный план?

В настоящее время можно говорить о выделении общих методологических оснований для разработки инновационных образовательных программ по психологии, раскрывающих технологии психологического анализа педагогической деятельности учителя (обучающей, развивающей и воспитывающей) и психологического анализа учебной деятельности ученика в целях решения проблемы индивидуализации содержания образования. Это методология системогенеза деятельности, способностей, внутреннего мира человека (научная школа В.Д. Шадрикова в образовании).

Новое понимание предмета психологии «мир внутренней жизни человека» определяет предмет диалога субъектов психологического консультирования в образовании. Обращение психологов-консультантов к системогенетическому подходу открывает много новых перспектив в развитии теории и практики консультативной психологии.

В разграничении психологического консультирования и психотерапии важное место занимает психологическая характеристика нормального психически здорового человека в системогенетическом аспекте. При этом остается основная линия в раскрытии ключевых проблем психологии консультирования: деятельность психолога, совместная деятельность как детерминанта поведения и

деятельностные механизмы регуляции поведения субъектов психологического консультирования, психологическая теория деятельности как основа всех тестовых процедур. С позиций системогенеза возможен дальнейший широкий

синтез новых данных о познании и понимании психического, объективных законов психики, необходимых для продуктивного решения различных задач психологического консультирования по проблемам онтогенеза личности.

Сурякова М.В.

Национальная металлургическая академия Украины, Днепропетровск, Украина

КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

Карьерные ожидания можно определить как эмоционально-оценочное отношение к определенному (следующему) этапу развития профессиональной деятельности, которое формирует профессиональную позицию специалиста, направляет его на реализацию профессиональных целей, побуждает к утверждению личности в профессиональной деятельности.

Карьерные ожидания выступают регулятором профессионального поведения и деятельности; раскрывают особенности отображения субъектом объективной реальности и позволяют определить меру адекватности этого отображения, то есть определить характер личностных и предметных взаимосвязей. Выделяются основные функции карьерных ожиданий в профессиональной жизни специалиста:

- функция моделирования целостности профессионального пути человека;
- функция моделирования целостности самой личности как профессионала;
- функция связи человека с социальной (профессиональной) средой в единую систему.

Эмоционально-оценочное отношение представляет собой целостную систему психологических образований личности, поэтому в карьерных ожиданиях выделяются отдельные структурные компоненты: а) профессиональная направленность (мотивы, интересы, намерения); б) ценностные ориентирования (смысл работы, квалификация, статус); в) эмоциональная оценка (положительная, негативная, равнодушная); г) профессиональная позиция (установки, готовность к развитию).

Поэтому содержательными составляющими карьерных ожиданий являются:

- отношение к объекту деятельности;
- отношение к себе (как к субъекту деятельности);
- отношение к взаимосвязи объекта и субъекта деятельности.

В содержании карьерных ожиданий раскрываются особенности отображения субъектом объективной реальности и степень адекватности этого отображения. Факто-

рами, которые определяют содержание карьерных ожиданий, могут быть как объективные явления (социальные, производственно-технические, экономические, организационные, др.), так и субъективные (личностные, профессионально-психологические, психофизиологические, личностно-типологические). Карьерные ожидания могут обладать определенными характеристиками:

- осознанность/неосознанность;
- определенность/неопределенность;
- устойчивость/неустойчивость;
- значимость/незначимость;
- адекватность/неадекватность;
- целостность /фрагментарность;
- эмоциональная окрашенность.

Выделенные признаки в зависимости от их представленности характеризуют карьерные ожидания с точки зрения реалистичности и зрелости как интегративные показатели профессиональной позиции специалиста. В карьерных ожиданиях можно выделить определенные уровни организации: когнитивный (знание); эмоционально-оценочный (значимость); поведенческий (намерения).

В процессе формирования карьерных ожиданий специалистов должны быть задействованы следующие психологические механизмы: во-первых, активизация интереса к профессиональной деятельности (на любом этапе профессионального становления); во-вторых, целеполагания (осознание целей, средств, смысла работы); в-третьих, развитие интеллектуальной, эмоциональной, социальной гибкости специалиста как основы реалистичности его представлений.

Поэтому целесообразной в вузе должна стать организация дополнительной подготовки специального направления, в рамках которого предполагается изучение актуальных представлений и потребностей будущего специалиста, связанных с профессиональным развитием, а также формирование реалистичности его ожиданий относительно профессиональной карьеры и активности профессиональной позиции.

Термешева Е.Н.

Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПОСРЕДСТВОМ СОЗДАНИЯ СИТУАЦИИ УСПЕХА

Индивидуальность будущего инженерного специалиста в значительной мере определяется уровнем его креативности, требуя от высшей школы особого внимания к формированию креативных способностей обучающихся средствами профессиональной сферы. Однако в возрасте, когда у человека происходит усиленное развитие психических функций, достижение оптимума внимания, памяти, мышления, когда молодой человек обладает внутренним стремлением к росту и самосовершенствованию, технические вузы зачастую недостаточно используют такой значительный ресурс формирования индивидуальности будущего профессионала, как гуманитарные дисциплины, в частности, иностранный язык.

Практика вуза показывает, что формирование креативности студентов на занятиях по иностранному языку в вузе часто осложняется наличием у обучающихся негативного опыта изучения данной дисциплины, приобретенного во время учебы в школе. Из наблюдений и бесед со студентами становится понятным, что этот опыт был, чаще всего, ситуативно обусловлен (неудачный учебник, слабый преподаватель), но он заставил молодых людей сделать ложные выводы об отсутствии у них способностей к иностранным языкам. В результате неудач, испытанных в детском или подростковом возрасте, к возрасту студенчества приобретает «заученная беспомощность» (Селигман, 2010). Молодые люди, имея заниженное представление о собственных возможностях относительно изучения данного предмета, используют это как «индულгенцию» для пренебрежения дисциплиной и во время учебы в вузе, делая маловероятными проявления творчества.

При выявлении факторов, принципиально важных для формирования креативности, мы исходили от идеи о необ-

ходимости создавать условия для формирования внутренней мотивации деятельности, конструктивной направленности личности и системы ценностей, которые создают основу становления духовности личности, то есть «заниматься архитрудной задачей ... формирования личности» (Богоявленская, 2004).

Опираясь на идеи о необходимости формирования положительного опыта для развития любого вида деятельности, мы стремились нивелировать отрицательные последствия предыдущего этапа обучения. С учетом данных идей нами была разработана педагогическая технология, направленная на мотивирование студентов продемонстрировать себя как специалистов, обращаясь к ним как к таковым за консультацией или объяснением, задействуя их профессиональные знания, активизируя интуицию, любознательность, формируя самооффективность, создавая ситуацию профессиональной успешности (Бандура, 2012).

Средством для развития креативных способностей выступали профессионально ориентированные тексты на иностранном языке. Преподаватель является профессионалом-лингвистом, но перевод многих технических реалий требовал консультаций инженерных специалистов, в качестве которых выступали студенты. В результате складывались отношения партнерства, где один партнер – преподаватель и консультант, другой – студент и консультант, каждый узнавал новое и творчески развивался. И студент и преподаватель обладают своим тезаурусом знаний, при совмещении которых мы получили увеличение компетентности студентов в иностранном языке, с одной стороны, и рост креативности обучающихся, являющейся вершиной развития их индивидуальности, с другой.

Толочек В.А.

Институт психологии РАН, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: САМОПОДОБИЕ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ*

Целью исследования было выделение признаков принципиальной организации стилей и связи меры структурированности (организации) стилей с успешностью деятельности субъекта. Методы исследования: наблюдение, опросы, квази-измерения (К-измерения предполагают организацию особых взаимодействий с субъектом, при котором он из состояния пассивного испытуемого переводится в качество активного субъекта эксперта своей дея-

тельности). Связи меры организации стилей и их частей, успешности субъектов рассматриваются на модели спорта высших достижений.

В первой части работы (1986–1987) проводилась диагностика 48 перспективных молодых спортсменов, членов сборных команд страны (молодежной и основной, «взрослой») по борьбе дзюдо в возрасте от 17 до 24 лет ($x = 19,2$ г.) и 33 зрелых спортсменов высшей квалификации,

* Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 11-06-00081: «Сопряженная профессиональная карьера: становление, эволюция, ресурсы».

членов сборной команды страны по вольной борьбе в возрасте от 22 до 28 лет ($x = 26,5$ г.).

Во второй части (2011) были восстановлены профессиональные биографии испытуемых и проведены статистические расчеты. Установлено, что успешность борцов (результативность, стабильность, перспективность) связана с мерой подобия целого и частей стиля, мерой инвариантности стиля в разных тактических ситуациях, мерой баланса положительных и отрицательных корреляций переменных с фактором (стилем).

На основании полученных данных сделаны следующие выводы.

К сущностным свойствам стиля как психологической системы можно отнести следующие: 1) инструментальная функция; 2) согласованность с индивидуальностью субъекта; 3) единство «фундаментальной стилевой триады», трех оснований: «идеальных регуляторов» специфических для деятельности действиях и способах – «субъективно удобных условий деятельности»; 4) ориентация субъекта и его стиля на часть условий среды; 5) подчиненность частей стилю как целому; 6) эволюция стиля согласно принципу самоподобия; 7) сохранение меры структурированности (организованности) составляющих стиля как условия успешности деятельности субъекта.

Феномен «стиль» характеризуется двуединством отношений со средой. Стили эволюционируют и функционируют в едином пространстве деятельности (т.е., в едином, целостном, завершенном пространстве деятельности), подчиняясь его свойствам, и всегда ориентированы на часть этого пространства, с одной стороны. С другой стороны, стили, по-разному проявляясь в разной социальной среде, формируют свои структурные и функциональные особенности, сохраняют, удерживают, формируют своеобразное «единое стилевое пространство жизнедеятельности». Иначе говоря, выбирая, изменяя и регулируя условия деятельности и среды, субъекты организуют и управляют этими условиями так, чтобы разные условиях для них оставались постоянными, типичными для представителей данного стиля, оставались инвариантами их деятельности и поведения.

Воспроизводимость принципиальной организации, оптимальности и меры структурированности составляющих стиля сопряжена с успешностью деятельности субъекта.

Наиболее общим для эволюции и функционирования феномена «стиль» выступает принцип самоподобия (фракталов). Во всех своих «масштабах», реорганизациях, процессах развития стили сохраняют свои целостные «единицы» «фундаментальные стилевые триады».

Фомина Н.В.

Нижегородский государственный педагогический университет, Нижний Новгород

СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

Целью исследования было рассмотрение смысловых детерминант в профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования (ДПО) и общеобразовательной школы. Выборку составили педагоги Дома культуры «Возрождение» (23 чел.) и общеобразовательной школы №20 поселка Большое Козино Нижегородской области (25 чел.).

Были использованы стандартизированные опросники мотивационно-смысловой сферы, «Профессиональное самоотношение» К.В. Карпинского, А.М. Колышко, «Индекс жизненной удовлетворенности Н.В. Паниной, проективные методики. Статистический анализ проводился с помощью параметрического коэффициента Стьюдента.

Полученные результаты показали, что в обеих группах педагогов достаточно высокий уровень жизненной удовлетворенности, что позволяет предположить и удовлетворенность профессиональной деятельностью и своей ролью в ней. У педагогов школ значимо выше ($p > 0,01$) неудовлетворенность материальными обстоятельствами, а у педагогов ДПО преобладает потребность в самовыражении ($p > 0,01$), что уже детерминировано выбором профессии, которая создает условия для самовыражения и является показателем внутренней мотивации специалиста. Сравнение двух означенных групп по характеристикам профессионального самоотношения выявило различия в показателях самоуверенности, профессиональной самооценке, которая выше ($p > 0,01$) у педагогов ДПО, вместе

с тем, у них выше выражено и профессиональное самообвинение ($p > 0,01$). Мы предполагаем, что педагоги этой группы в значительно большей степени работают «на результат», который демонстрируется публично и предъявляет повышенные требования к специалисту.

Исследование интеркорреляционных связей между изучаемыми показателями выявило их большее количество у педагогов ДПО, чем у школьных педагогов, при этом они качественно отличаются и создают смысловые детерминанты деятельности педагога. Так, индекс жизненной удовлетворенности у педагогов ДПО связан с самооценкой личностного роста, а у педагогов школ такой связи нет. Социальные потребности, которые ярко выражены в обеих группах, у педагогов ДПО зависят от удовлетворенности потребности в признании и самовыражении, а у педагогов общеобразовательных школ связаны с потребностью в безопасности и материальным благополучием. Потребность в признании у педагогов дополнительного образования значимо связана с самовыражением и удовлетворенностью социальных потребностей. Внутренняя конфликтность педагогов той и другой группы прямо связана с самоуничижением и обратно – с саморукотворством в профессии, но у педагогов ДПО она обратно связана с самооценкой, а у педагогов общеобразовательных школ прямо и очень сильно связана с самообвинением. Можно предположить, что у педагогов внутренняя конфликтность в профессии будет расти со снижением самооценки, кото-

рая является ресурсом профессии, а у педагогов школ она растет в результате самообвинения, а саморуководство находится в сильной зависимости от показателей самоуничтожения.

Таким образом, выявленные смысловые аспекты профессиональной деятельности педагогов ДПО свидетельствуют об их большей, в сравнении с учителями школ, независимости, удовлетворенности собой, более высокой

внутренней мотивации, в то время как педагоги общеобразовательных школ находятся под влиянием внешних рутинных оценок, что ведет к снижению профессиональной самооценки и самоуничтожению. Творческая деятельность, выступая в качестве ведущей смысловой детерминанты деятельности педагога ДПО, влияет на профессиональное самоотношение и определяет особенности мотивационно-смысловой сферы.

Шингаев С.М.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург

ПРОФЕССИЯ МЕНЕДЖЕРА: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ

Когда мы говорим о профессии менеджера, его профессионально важных качествах (ПВК), то неминуемо ставим вопрос об иерархической организации психологических свойств человека. На наш взгляд, вполне оправданным сейчас представляется включение в перечень ПВК менеджера в качестве системообразующего такого качества, как здоровье. Именно здоровье обеспечивает целостность и цельность личности менеджера.

Анализ имеющихся западных исследований ПВК менеджеров показывает, что в подавляющем большинстве из них здоровье напрямую не включается. Так, десятилетнее изучение служебных карьер 1500 менеджеров, проведенное Институтом прикладных исследований (США), привело к выделению 12 наиболее профессионально значимых качеств.

Все они дают возможность менеджеру успешно справляться с управленческими функциями. Здесь не только здоровье не присутствует в какой бы то ни было форме, а наоборот, выделяется работоголизм, отношение к работе приветствуется как главная жизненная ценность.

На наш взгляд, это вполне закономерно именно для американской модели менеджмента, ориентированной на результат, и с учетом времени, когда проводилось исследование (работа С.А. Garfield, в которой были опубликованы эти данные, датируется 1984 г.). Более позднее исследование Национального научного фонда США и фирмы «Musk of Company» (1994), в результате которого был составлен профиль эффективного предпринимателя, также игнорирует фактор здоровья.

Японская модель менеджмента, придающая большое значение человеку в общей системе научной организации труда, в отличие от американской, наоборот, подразумевает включение в перечень ПВК менеджера здоровья как отдельного и важного качества.

Р.Л. Кричевский (1996) приводит данные опроса президентов 41 крупной японской компании, которые назва-

ли качества, необходимые, с их точки зрения, менеджерам высшего класса. 46% опрошенных на первое место поставили здоровье, и это лидер среди других менеджерских качеств по числу упоминаний. Топ-менеджеры напрямую связывают эффективное руководство со здоровьем.

На наш взгляд, здоровье является важным и перво-степенным качеством менеджера, обеспечивающим эффективное исполнение им своих функций. Оно включает в себя не только физические, но и психосоциальные критерии, обеспечивает нормальную физическую и умственную работоспособность, хорошее самочувствие, умение справляться с вызовами и требованиями профессиональной среды.

Проведенные нами в 2002–2011 гг. исследования роли здоровья в профессиональной деятельности менеджеров российских компаний (N = 530 чел.) позволили сформировать перечень психологических компонентов здоровья как профессионально важного качества менеджера: равновесие в эмоциональной сфере, оптимизм; общительность и чувство юмора; способность разумного снижения неопределенности; умение поощрять себя за достигнутые результаты; способность отказаться от решения задачи, если сейчас для этого нет сил; высокая приспособляемость к изменяющимся условиям работы; развитые волевые качества (целеустремленность, выносливость, внутренний локус контроля); наличие увлечения, хобби, способствующего полноценному переключению; гармоничное сочетание в «жизненном круге человека» разнообразных сторон жизнедеятельности; способность проявлять творческий подход к выполнению функциональных обязанностей; способность восстанавливать равновесие, нарушаемое трудом, в кратчайшие сроки и в наиболее совершенной степени; позитивный взгляд на жизнь; высокий уровень удовлетворенности работой и возможность контролировать процесс и условия труда; психологическая устойчивость.

Шунькова С.В.

Магаданский социальный центр, Магадан

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ГЕОЛОГА

Анализ профессии геолога ярко демонстрирует, что трудовая деятельность предъявляет особые требования не только к личности специалиста, но и к его образу жизни. Образ жизни понимается нами как индивидуальная, меняющаяся с возрастом и обстоятельствами система деятельностей субъекта, детерминирующая его образ мира и детерминируемая последним (Серкин, 2004).

Профессия геолога-поисковика подразумевает длительное пребывание в изолированном коллективе вдали от дома в течение «полевого сезона» (до 6 месяцев), фрустрацию потребностей в новых впечатлениях, потребности в общении с близкими людьми, лишение бытового и физического комфорта. Работа геолога в полевой сезон отличается высокой напряженностью труда, связанной с ограниченными сроками исполнения работ, большими физическими нагрузками, зависимостью от погодных условий, исправности техники, действий всех членов партии, повышенной опасностью, повышенной ответственностью за принятые решения. Таким образом, профессиональная деятельность геолога осуществляется в особых условиях, что диктует необходимость выработки не только особых профессионально важных качеств, но и особой организации жизни профессионала.

По нашим данным, в результате особых условий профессиональной деятельности развиваются такие профессионально важные качества геолога, как коммуникабельность, умение сдерживать гнев, терпимость к людям (качества, необходимые в замкнутом коллективе); выносливость, внимательность, скрупулезность, усидчивость, ответственность, смелость (качества, важные для успешности профессиональной деятельности); умение при-

способливаться к любым условиям, людям и жизненным ситуациям (качества, необходимые в условиях полевого сезона). Нравственность, приверженность коллективу, взаимовыручка, увлеченность профессией и знание своего дела обозначены специалистами как главные ценности профессиональной группы.

Профессиональная специфика образа жизни геолога проявляется в особых временных циклах профессиональной деятельности (годовой цикл включает этап полевых работ (все теплое время года) и этап камеральных работ (осень-зима)), которые определяют временные циклы других форм активности геолога (досуг, общение с друзьями, семейная жизнь, хобби, отпуск, ремонт и пр.). В связи с этим часто возникает проблема синхронизации своего личного времени и времени близких людей (социальный десинхроноз). Особенностью образа жизни геологов является наличие переживаний адаптации к полевому сезону и реадaptации после него. Образ жизни геолога существенно различается в период полевого сезона и в период подготовительных и камеральных работ. Отличие проявляется в видах деятельности, которыми занят геолог, в условиях труда, степени напряженности труда, уровне удовлетворения потребностей, уровне комфортности жизни.

Профессиональное ориентирование и психологическое сопровождение профессионального становления будущих специалистов должно принимать во внимание обозначенные характеристики индивидуальности и особенности профессионального образа жизни и, тем самым, способствовать формированию психологической готовности к профессиональной деятельности уже на этапе обучения.

Юрина И.Г.

Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Хабаровск

ТВОРЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Социальный и экономический «запрос на творчество», запрос на индивидуальность и качества, отражающие способность к творчеству – талант, неординарность, нешаблонность мышления, особое восприятие мира, – актуализируется тем, что именно они являются задающим механизмом изменений в мире труда, социума, культуры. В данном контексте субъект труда это, прежде всего, субъект творчества, где творчество рассматривается как качество деятельности особого рода, определяющее образование социально значимой новизны. Вектор современного профессиогенеза определяется не только совокупным уровнем технологий, информационной, коммуникативной, организационной культуры, но и принятыми в профессиональных сообществах представлениями о

возрастной трудоспособности и продуктивности. Доминирование «хронологических» представлений в сознании индивида зачастую провоцирует внутренний конфликт. Суть конфликта в осознании несоответствия социального регламента внутреннему самоощущению и в неспособности разрешить его в свою пользу. Обратной стороной наблюдаемой сегодня в массовом сознании тенденции к юниоризации (приоритета молодости в иерархии ценностей) является эйджизм, корпоративная и экзистенциальная геронтофобия.

По данным ресурса www.rabota.ru, соискатели старше 40 лет при устройстве на работу отмечают наличие дискриминации по возрастному признаку, «бича» современных трудовых отношений. В кадровой политике, в

отношении многих динамично развивающихся сфер деятельности предпочтение отдается не столько «наличию опыта», сколько потенциальной способности к обучению и обретению опыта. Позитивно окрашенное «чувство молодости» можно рассматривать как важнейшую духовную ценность личности и общества, связанную со способностью к восприятию нового и к переменам. Однако исследования в области возрастной психологии, геронтологии (Хойфт, Крузе, 1990; Коэн, 1988; 2001) разоблачают мифы о творческой несостоятельности людей более старшего возраста, подчеркивают огромный потенциал уникального, индивидуального сочетания возраста, опыта и творчества, определяющих внутренний рост.

На наш взгляд, проблему необходимо рассматривать не только в темпоральном аспекте, но и в ценностно-смысловом содержании категорий «творчество», «время», «возраст» в представлениях самого субъекта труда. Все чаще в отечественных текстах встречается понятие «творческий возраст», рассматриваемое как «способность творить в любой период жизни человека» и отражающее пережи-

вание человеком творческого «Я». Проблема возрастной творческой продуктивности выходит на новый уровень в связи с повышающимся интересом к феноменологии субъективного времени, оценки индивидом своего возраста (Бергсон, 1911; Кроник, 2003; Абульханова, Березина, 2001; Чиксентмихайи, 1990; и др.). Способность к временной децентрации позволяет выходить из объективно заданных временных рамок, нивелирует «конфликт» с возрастом и дает возможность идентификации себя с группой «психологически» молодых или старых людей, вне зависимости от календарного возраста.

«Хроно» и «био» категории возраста в данном контексте теряют свою «диктатуру долженствования», и значение корня слова «возраст» – «рост» – определяет экзистенциальность этого процесса – возрастание соответственно естеству, в постоянном обновлении осознания и переживания истинности бытия. Время жизни индивида в этой связи представляет собой «восходящее развитие до уровня индивидуальности» (Ковалев, 1991), а не жесткую возрастную периодизацию, предписанную извне.

Раздел 11

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Бодрова М.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УЕДИНЕНИЯ

Исследование феномена уединения является крайне актуальным в современной России, когда практика уединения перестала занимать значимое место в жизни личности. В отечественной психологической литературе и в психологических исследованиях состояние уединения оказалось слитым с состоянием одиночества, которое человек переживает наиболее остро, вынужденный жить в мире, который меняется слишком быстро.

Человек чувствует тягостный разлад с самим собой, страдание и кризис своего «Я», отсутствие переживания осмысленности собственной жизни, ему не хватает времени на себя, а социальные нормы ставят условия, не позволяющие такую роскошь, как уделение времени исключительно самому себе. Такая ситуация лишает внутренних ресурсов и вызывает потребность в поиске уединения. И тогда важным становится приобретение человеком осознанного опыта уединения, которым он, как инструментом, может воспользоваться в трудной жизненной ситуации или просто использовать уединение для развития своей личности.

Наше исследование включало в себя качественный и количественный этапы. Выборку составили студенты различных специальностей в возрасте 17–26 лет. На первом этапе было проведено 9 полуструктурированных интервью, проанализированных с использованием феноменологического метода (в операционализации А. Джорджи). На втором этапе приняли участие 40 респондентов, методами количественного исследования были: авторский опросник «Мое уединение», шкалы экспресс-оценки субъективного благополучия Э. Динера, С. Любомирски, опросник «Исследование тревожности» Ч.Д. Спилбергера, опросник «Диагностика состояния агрессии» Басса-Дарки, «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер.

Феноменологический анализ позволил дифференцировать феномены «позитивное одиночество», «негативное одиночество» и «уединение». «Негативное» одиночество – это пассивное, с точки зрения генеза, состояние, сопровождаемое плохим настроением, тяжелыми эмоциональными переживаниями, когнитивно воспринимаемое как изоляция, ведущее к выдерживанию и поиску выхода и, в результате, разрушительно влияющее на личность. «Позитивное одиночество» – это пассивное, с точки зрения генеза, состояние, сопровождаемое эмоциональным подъемом, когнитивно воспринимаемое как шанс, ведущий к обращению к самому себе и, в результате, являющееся важной ступенью для осознания собственной индивидуальности, автономности, самости. «Уединение» – это активное, с точки зрения генеза, состояние, сопровождаемое позитивными переживаниями или проживанием ранее не пережитых эмоций, когнитивно воспринимаемое как свобода, ведущее к созданию собственного внутреннего пространства, самореализации, концентрации и, в результате, раскрывающее внутренние ресурсы человека, восстанавливающее его жизненные силы.

В результате феноменологического анализа текстов интервью были выделены онтологические инварианты переживания уединения: чувство собственной отделенности от внешнего мира и одновременно переживание единения с миром; ощущение личного пространства уединения; внутренняя работа; внешняя деятельность; негативные переживания, являющиеся причиной поиска уединения; отношения с другими людьми в момент поиска уединения; ощущение дискомфорта при невозможности найти уединение; негативные переживания при нарушении уединения; позитивные переживания; фантазии и образы; разговор «с самим собой об уединении»; важные

смыслы. Данные инварианты, раскрытые через высказывания респондентов, стали основанием для составления описания переживания уединения.

В итоге были выделены психологические функции уединения (для современных молодых людей в России): интеграция впечатлений; восстановление витальной силы; самопознание; конструирование отношений с Другим, другими, миром; установление глубинной связи с природой, объектами культуры; пространство для творчества.

В результате количественного исследования были получены статистически значимые различия между группами респондентов, которым субъективно хватает уединения в жизни, и теми респондентами, которые ис-

пытывают неудовлетворенность количеством уединения.

Таким образом, феномен уединения представляет собой самостоятельное, сознательно инициируемое состояние, обладающее собственными психологическими функциями и связанное с другими психологическими феноменами внутренней жизни человека. Субъективная удовлетворенность человека уровнем уединенности в своей жизни позитивно связана с проявлением таких психологических феноменов, как чувство субъективного благополучия и экзистенциальная исполненность. Субъективное переживание дефицита уединения позитивно связано с проявлением таких феноменов, как тревожность, обидчивость, агрессивность.

Генс Е.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

МЕСТО И РОЛЬ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

С развитием информационного общества происходит перераспределение роли различных регистров текстового взаимодействия в человеческой жизни. Все большую актуальность, в том числе и в психологии, приобретает использование письменного и печатного текста. В связи с этим представляется важным уточнение его места и роли в практике различных психологических подходов. Исследования текста приобретают особую значимость в рамках «понимающей» парадигмы в психологии, представленной, в том числе, экзистенциальным направлением. Интерес к языку в ряде «понимающих» подходов (дискурсивная и нарративная психология, гештальт-психология и т.д.) (Булюбаш, 2008; Уайт, Эпстон, 1990; Филипс, Йоргенсен, 2008) связан с пониманием значимой конституирующей роли языка. Усваивая язык, человек усваивает и систему категорий, исходя из которой он структурирует реальность. Воздействуя на эту систему, возможно вносить изменения в субъективное восприятие реальности человеком.

Может показаться, что подобная позиция противоречит экзистенциальной идее «свободного бытия человека», не имеющего предзаданности (Ясперс, 2000). Однако во всех версиях экзистенциальной философии в той или иной форме присутствует идея о существовании объективных рамок, об ограниченности человеческой свободы (Хайдеггер, 1997; Франкл, 1990; Лэнгле, 2005 и др.). Эти правила применимы и к языку: человеческая свобода – это свобода выбора в рамках существующей реальности. Влияние языка на человека не отрицает Свободы последнего, но определяет ее границы.

Исходя из этого положения, можно построить психолингвистическую модель текста, соответствующую антропологической модели В. Франкла. Языковые компоненты текста в ней представляют детерминированную психофизическую плоскость; интенциональные акты, свобода об-

ращения с языковыми средствами – это аналог духовного измерения. Текст представляет собой комбинацию этих измерений. Письменный текст, для которого характерен более свободный выбор языковых средств, в таком случае в большей степени задействует духовное начало человека. В соответствии с задачей, которую А. Лэнгле ставит перед экзистенциальным анализом (Лэнгле, 2005), «способствовать проживанию клиентом своего духовного начала», можно предположить целесообразным использование упражнений в самопознании с письменным текстом.

С процессуальной точки зрения, написание рефлексивного текста задействует одновременно три базовые способности духовной личности: самопринятие, самоидентификация и самотрансценденцию. Дополнительное преимущество письменной формы самопознания в том, что она, требуя одновременно реализации в деятельности, не позволяет автору «утонуть» в своем внутреннем мире, уходя от мира внешнего, т.е. дает возможность избежать той «опасности самопознания», от которой предостерегали представители логотерапии (Лэнгле, 2002). Текст, будучи всегда ориентирован на читателя (даже если таковым должен стать сам автор в будущем), всегда является комбинацией внутреннего и внешнего диалога. Это можно проиллюстрировать версией известного рисунка А. Лэнгле – «Двойное соотношение Личности с миром ... через текст». Проведенное нами пилотажное исследование продемонстрировало также ресурсное и структурирующее значение письменной работы, что может представлять собой ценность при работе с личностными нарушениями.

Таким образом, метод письменного самопознания полностью согласуется с теоретической моделью экзистенциального анализа и обладает значительным потенциалом в качестве средства актуализации духовного измерения человека и формы диалогического взаимодействия с самим собой и с миром.

Ефимова И.Н.

Государственная классическая Академия им. Маймонида, Москва

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ

Модель фундаментальных экзистенциальных мотиваций (ФМ) в современном экзистенциальном анализе позволяет описать эмоциональное выгорание как специфический механизм психологической защиты от депрессии в ситуации отсутствия внутреннего согласия с содержанием деятельности (Лэнгле, 2008).

Профилактика синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) в форме релаксации и эмоциональной саморегуляции не будет иметь устойчивого эффекта без проработки нуждемости на уровне ФМ, имеющих индивидуальное содержательное наполнение.

Для оценки влияния глубинных духовно-личностных факторов недостаточной исполненности экзистенции на развитие эмоционального выгорания в 2009–2012 гг. было проведено обследование 86 педагогов и 17 родителей. В диагностике использовались следующие опросники: опросник эмоционального выгорания Бойко, опросник «Профессиональное выгорание» (ПВ) (Водопьянова, Старченкова, 2009), «Родительское выгорание» (модификация опросника ПВ), Тест Экзистенциальных Мотиваций (ТЭМ) (Лэнгле, Экхард), включающий четыре субшкалы: «Фундаментальное доверие», «Ценность жизни», «Самоценность», «Смысл жизни». Индивидуальные беседы по результатам тестирования включали шесть шагов:

- 1) выделение объективно и субъективно значимых пунктов теста СЭВ;
- 2) выявление перегружающих факторов, приводящих к развитию СЭВ;
- 3) ответ в свободной форме на вопрос, почему клиент не снижает нагрузку, и анализ результатов ТЭМ: какие факторы могут являться причиной сохранения истощения;
- 4) прояснение и обработка первичных нуждемостей, стоящих за проблемными пунктами ТЭМ. Для восполнения дефицитов клиент находит в содержании своих ответах на вопросы ТЭМ то, на что он может опереться, чтобы лучше заботиться о себе и обходиться с ситуацией;

5) поиск новой персональной позиции по отношению к тому, что не устраивает в деятельности.

6) восстановление содержательной мотивации к выполняемой деятельности с помощью обсуждения вопросов, предложенных А. Лэнгле:

- Для чего я это делаю?
- Нравится ли мне это делать? Охотно ли я делаю это?
- Хочу ли я ради этого жить?

Несмотря на то, что на обследованной выборке были выявлены лишь слабые отрицательные корреляции между уровнем выгорания и результатами ТЭМ, что совпадает с данными авторов теста (Eckhard, 2000), результаты индивидуальных бесед позволяют сделать следующие выводы:

- эмоциональное выгорание наблюдается у педагогов и родителей различных специальностей, разного стажа работы/родительства и пола;
- при одних и тех же внешних обстоятельствах у клиентов возникают различные по силе и содержанию симптомы – то есть истощение различно (эмоциональное, физическое, истощение внимания, творчества, личностного роста) и имеет индивидуальные причины, за которыми стоят индивидуальные зоны отсутствия внутреннего согласия по отношению к содержанию деятельности, в основе проблемы обнаруживаются дефициты на уровне фундаментальных мотиваций;
- феноменологическое обращение к базисным духовным содержаниям с помощью вопросов ТЭМ создает ресурсы для нахождения персональной позиции в отношении перегружающей ситуации и перехода от копинговых реакций к персональному обхождению.

Таким образом, становится очевидной необходимость индивидуального подхода к проблеме профилактики и терапии эмоционального выгорания и эффективность использования экзистенциального анализа как основы построения терапевтических и профилактических мероприятий.

Исаев Д.Д.

Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, Санкт-Петербург

КВИР-ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТОРЖЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ИЛИ ТУПИК ИДЕНТИЧНОСТИ?

В начале 90-х гг. XX в. в современной феминистской теории возникла концепция квир (queer), которая объявлялась не идентичностью, а критикой существующей гетеронормативности и утверждением многообразия форм сексуальных «меньшинств». Главным и единственным критерием отнесения человека к этой категории оказывалась необычность, нестандартность, расхождение со всем нормальным, легитимным, господствующим.

В качестве мишени критики и отрицания были выбраны нормативные модели пола, гендера и сексуальности. И в этом смысле квир-идентичность выглядит как протестная идентичность, «анти-идентичность». Понятие «квир» стало эпатажным отрицанием существующих идентичностей и зонтичным термином для разнообразных гендерных проблем.

В предлагаемой теории есть ряд положений, которые не могут не вызвать неприятие у специалистов, воспитанных в модернистской парадигме. Квир-теория настаивает на условности категоризации по гендеру и сексуальности, «квир» – не объективная природная данность, а перформанс, театрализованное представление (Аусландер, 2000); квир не подразумевает никаких конкретных, специфических черт, «это идентичность без сущности» (Halperin, 1995), квир-идентичность всегда является изменчивой, текучей и «подрывной» (субверсивной) по отношению к любой нормативной системе; любая идентичность может изобретаться или переформулироваться ее носителем, можно стать «квир» по выбору.

В рамках классического подхода все эти описания подпадают под представления о незрелой личности или кризисе идентичности, в целом ряде формулировок описания противоречат понятию стабильности идентичности, выглядят как произвольный, сознательный выбор поведения и ярлыка. С другой стороны, размытость критериев квир-идентичности приводит к тому, что отрицаемая «норма» превращается в нечто более значимое для личности. Поэтому концепция квир-идентичности может восприниматься как тупиковая и непродуктивная, противоречащая «здравому смыслу».

Вместе с тем, квир-теория пытается поставить значимость личности выше социума и существующих в нем моделей, утверждает уникальность личности и ее право выхода за жесткие гендерные рамки, освобождает от стигм:

«будь кем хочешь» и «можешь быть кем хочешь». Тем самым она содержит освобождающий от дискурсивных рамок потенциал.

Иной взгляд на «квирнесс» позволяет осознать ограниченность и жесткость существующей модели идентичности применительно к разным индивидуальным вариациям и помогает понять и принять «инаковость» как действительную норму. При этом саму квир-идентичность нужно рассматривать как систему с гибкой конфигурацией, каждый из компонентов которой (гендер/идентичность/роль/желание/поведение) образуют единство и целостность в самых разнообразных сочетаниях без обязательной жесткой привязки одного к другому.

Квир выдвигает на первый план индивидуальность, самодостаточность и неповторимость отдельной личности, ее право на уникальность, собственную позицию и выбор самопрезентации. Такое самоконструирование представлений о себе позволяет принять различные аспекты «Я», обеспечивая максимальную возможность для самореализации личности и предоставляя ей свободу от негативных стереотипных оценок окружающих (стигм), вступающих в конфликт с притязаниями на построение позитивной идентичности (положительный образ «Я»). Способность дистанцироваться от социальных идентичностей («ролевая дистанция») характеризует зрелую личность, которая в квир, как постмодернистском подходе, обретает дополнительную опору для утверждения примата субъектности и множественности гендерных моделей.

Куприна О.А.

Московский университет экономики, статистики и информатики, Москва

СВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ОСМЫСЛЕННОСТИ ИМИ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Теоретический анализ основных философских и психологических положений отечественных и зарубежных авторов, раскрывающих феномен смысла жизни, позволил выявить наиболее важные экзистенциальные критерии, отражающие степень осмысленности человеком своей жизни. Так, подчеркивается необходимость взятия на себя ответственности за принимаемые в жизни решения (Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев, В.Э. Чудновский, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер и др.). Отмечается, что при высоком конформизме, невозможности реализовать значимые ценности, появляется чувство внутренней пустоты, сопровождающееся возникновением «экзистенциальных вакуумов» (Франкл, 1990), свидетельствующих о процессе дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере (Фанталова, 2001).

Важное место в экзистенциальной философии и психологии отводится рассмотрению вопроса онтологической тревоги, возникающей при утрате смысла жизни. Как отмечает С. Мадди, в такие моменты перед человеком открываются два возможных выбора жизненного пути: выбор прошлого, прерывающего процесс изменения и обретения смысла, и выбор будущего как потенциала для

развития и личностного роста (Maddi, 1998). Отмечается, что усиление тревоги сужает поле самосознания человека. Чем сильнее тревога, тем меньше его осознание себя субъектом, обращенным к внешнему миру. Типичным для тревоги является ее трансформация в страх (Мэй, 2001). Действуя вопреки тревоге, человек идет ей навстречу, противостоит отчаянию, и тем самым реализует свое истинное бытие. В этом ему помогает внутренняя решительность и направленность в будущее, раскрывающаяся в таких экзистенциальных понятиях как «мужество быть» (Тиллих, 1995) и «жизнестойкость» (Maddi, 1998).

Эмпирической базой проведенного исследования являлись студенты первого курса психологических факультетов Российского государственного социального университета (РГСУ); Московского университета экономики, статистики, информатики (МЭСИ); Московского государственного областного университета (МГОУ) в возрасте 17–19 лет. Общая численность выборки составила 162 человека. Гипотеза исследования: осмысленность жизни студентов-психологов первого курса связана с дезинтеграцией в ценностно-мотивационной сфере, с принятием ответственности за события, происходящие в их жизни,

с выраженностью социальных страхов. Психодиагностический метод включал в себя следующие методики: «Смыслжизненных ориентаций (СЖО)» Д.А. Леонтьева; «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» (УСЦД) Е.Б. Фанталовой; «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда; «Социальные страхи» (СС) Л.Н. Грошевой.

В результате проведения корреляционного анализа определились линейные корреляционные связи между шкалой «Осмысленность жизни» (ОЖ) и шкалами «Об-

щая интернальность» (Ио) ($r = 0,226$ при $p < 0,05$), «Страх неудачи и поражения» ($r = 0,214$ при $p < 0,05$), а также с показателем, определяющим уровень дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере (R) ($r = 0,208$ при $p < 0,05$). Таким образом, степень осмысленности жизни студентов первого курса психологического факультета связана с переменными, обозначенными нами как экзистенциальные: ответственность за происходящие в жизни события, уровень дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере, социальный страх неудачи и поражения.

Павлычева Т.Н.

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса, Нижний Новгород

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: РЕКОНСТРУКЦИЯ ГРУППОВОГО НАРРАТИВА

В нашей работе мы предприняли попытку описать, понять и проанализировать картину мира взрослого человека, построенную на основе психотравмирующего детского опыта, связанного с разрывом с семьей. В основе обобщенных выводов – материалы двадцати четырех глубинных биографических интервью с взрослыми выпускниками интернатных сиротских учреждений.

Проведенный группой экспертов-психологов (5 человек) количественный и качественный контент-анализ интервью позволил выделить общие «точки опоры» картины мира выпускника сиротского учреждения. Остановимся на них подробнее.

1. Деление жизни на два больших этапа – жизнь в детском доме и самостоятельная жизнь после выхода из интернатного сиротского учреждения. Сложность и драматичность момента выхода из сиротского учреждения:

«Дети из детского дома выходят очень неподготовленными к жизни. Абсолютно. ... А улица очень жестко распределяет все обязанности. Надо драться, надо защищать себя» (Б.Н., мужчина, 51 год);

«Ну не скажу, что мы волчатами вышли. После детского дома было, конечно... было состояние такого открытого окна» (Д.К., мужчина, 43 года).

2. Особый эмоциональный накал (часто негативный) в сфере детско-родительских и супружеских отношений:

«Он (муж) от нас деньги прятал ... Ну, я ему ничего не говорю, вытаскала эти деньги, положила на книжечку. ... А от первого-то я аборт сделала, ушла от него, тот совсем был дурачок» (К.А., женщина, 62 года);

«В 1983-м я вышла из детского дома, в 86-м я вышла замуж первый раз, в 88-м родился сын, в 89-м я развелась, в 90-м я вышла второй раз замуж, в 95-м развелась (смеется). Ну и все, с тех пор живу как бы одна ... Хочу халву ем, хочу – пряники» (Н.Д., женщина, 40 лет).

3. Некомпенсированные в процессе жизни в «открытом» обществе особенности, приобретенные за время пре-

бывания в сиротском учреждении: в глубинных интервью выпускников интернатных сиротских учреждений были выявлены следующие особенности, характерные для воспитанников интернатных сиротских учреждений:

- феномен детдомовского «мы» (Мухина, 1989);
- недостаточное развитие внутреннего плана, ориентация на внешний контроль, высокую внушаемость и ведомость – экстернальный локус контроля (Залысина, Смирнова, 1985; Прихожан, Толстых, 1990);
- обедненные «открытые» социальные сети, затруднения в ролевом экспериментировании (Кондратьев, 1994; 2005).

4. Параллель между такими организациями, как интернатное сиротское учреждение, армия и тюрьма (особенно в историях мужчин – выпускников детских домов):

«Некоторые вещи не вспоминаются, и не хочется вспоминать. Я не могу вам всего этого рассказать ... там очень много грязи. Это ведь та же зона, по большому счету, только в другой интерпретации» (А.Н., мужчина, 40 лет);

«Ведь и детский дом называли тюрьмой... сами воспитанники...» (Д.К., мужчина, 43 года);

«Честно могу сказать, в армию не было желания идти. Мы уже прошли эту армию. ... Со мной «деды»... они меня уже видели. Я понимал, что им надо. Я знал, кому, что и как ответить» (К.И., мужчина, 43 года).

Приведенный выше обобщенный анализ интервью выпускников сиротских учреждений иллюстрирует несомненные достоинства качественных методов, в частности глубинного интервью, а именно: возможность изучения нетипичного индивидуального опыта (Семенова, 1998; Ярская-Смирнова, 2008), изучение пережитого совместно опыта группы (Здравомыслова, 2001; Семенова, 1998; Здравомыслова, Темкина, 2004), выявление скрытых при использовании формализованных методов субъективных смыслов (Петренко, 2002; Семенова, 1998; Улановский, 2006).

Пальм Г.А.

Днепропетровский университет им. А. Нобеля, Днепропетровск, Украина

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СМЫСЛА ЖИЗНИ

Проблема смысла человеческой жизни, относящаяся к «вечным» вопросам философии, предметом конкретно-психологического анализа стала совсем недавно – в 90-е гг. XX столетия. С точки зрения психологии, смысл жизни рассматривается не просто как объяснительное понятие этического характера, но, прежде всего, как особое психологическое образование, имеющее свою специфику. Психологические исследования смысла жизни позволяют описать его в трех основных плоскостях: в плоскости потребностей, в плоскости ценностей и в плоскости сознания. Пересечение этих плоскостей задает «семантику» человеческой жизни – жизненные планы, цели и способы их достижения, смысл отдельных поступков и видов деятельности, жизненного пути в целом (Пальм, 1998).

Наиболее адекватным методом исследования смысла жизни как феномена индивидуального сознания нам представляется психосемантический метод. Именно в задачи психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя (Петренко, 1988). Для исследования «смыслообразующего контекста жизни» в студенческом возрасте мы использовали метод цветowych метафор И.Л. Соломина.

Принципы, лежащие в основе этой методики, служат достаточным основанием ее выбора в качестве инструмента для выявления системы индивидуальных значений человека и выявления субъективного сходства различных понятий с понятием «смысл жизни». Предполагая, что такое сходство будет определяться, прежде всего, задачами, стоящими перед человеком на различных этапах жизненного пути, в качестве респондентов мы выбрали студентов-психологов первого и второго курсов дневного отделения (всего 32 человека) и студентов-психологов

третьего курса заочного отделения (18 человек). Эти две группы различаются не только возрастом (17,5 лет и 25 лет соответственно), но также и социальной ситуацией развития.

Студенты первых курсов дневного отделения – это, по сути, дети, которые только недавно окончили школу и находятся на иждивении у родителей. Большая часть студентов-заочников – люди работающие, сами обеспечивающие себя и собственные семьи. Поэтому логично было предположить, что и семантика смысла жизни в этих группах испытуемых будет различной.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. 1. Потребность смысла жизни относится к числу базовых потребностей студентов, при этом у заочников она выражена сильнее. 2. У большинства студентов эта потребность фрустрирована в настоящее время, и степень фрустрации больше у студентов первого и второго курсов дневного отделения, чем у студентов-заочников третьего курса. 3. В то же время 25% студентов дневного отделения и 27,8% студентов-заочников рассчитывают на удовлетворение потребности смысла жизни в будущем. 4. Субъективно наиболее сходными с понятием «смысл жизни» у студентов дневного отделения оказались: 1) радость, свобода; 2) каким я хочу быть; 3) общение, мой ребенок, мое будущее; 4) мой муж (моя жена); 5) успех, образование, мой друг (подруга), творчество. У студентов-заочников это были: 1) мой ребенок; 2) успех; 3) мое будущее, радость, каким я хочу быть; 4) общение, какой я на самом деле, мое настоящее; 5) семья, мой муж (моя жена), моя мать, творчество, психология. 5. Понятие «смысл жизни» имеет выраженную позитивную окраску, а предпочтительнее желтого цвета для его обозначения говорит о надежде и стремлении к новому.

Радина Н.К.

Нижегородский политехнический университет, Нижний Новгород

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА «РЕКЛАМНОГО КОНТЕНТА» В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА

Путешествие (с познавательными и эстетическими целями, паломничество, странствия и т.п.) – важнейший исторический и культурологический феномен – в философских работах определяется как перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого.

Лингво-культурологические исследования указывают: путешествия изначально ассоциируются с опасностью и преодолением трудностей, сменой социальных ролей, пе-

реоценкой и обновлением «Я» путешественника. До XX в. путешествие было делом избранных и только в XX в. стало восприниматься в форме развлечения, игры (по Й. Хейзинга).

В настоящее время туризм рассматривают как институт, благодаря которому конструируются социальные идентичности путешественников.

В экономическом измерении на долю туризма приходится 11% мировых потребительских расходов и треть мировой торговли услугами. Для трети стран-участников

туристического рынка поступления от туризма составляют основную статью доходов в бюджете. Согласно прогнозам Всемирной Туристской Организации, к 2020 г. Россия может войти в первую десятку стран, представляющих самые популярные направления туризма.

Именно экономические причины обуславливают активность создателей рекламных продуктов в продвижении «территорий туризма» в России. Технологии рекламного воздействия часто подаются в контексте психологии манипулирования клиентом.

Однако современные зарубежные исследователи в области рекламы подчеркивают: одна из наиболее эффективных рекламных стратегий – создание истории о рекламируемом продукте (успешно продается не просто продукт, а история).

История в рекламе представляет уникальный опыт, который претендует на описание экзистенциальных переживаний, не содержит нарочитых манипуляционных операций.

В нашем исследовании интерпретируются результаты сравнительного анализа текстов, раскрывающих туристический потенциал региона, созданный специалистами в области рекламы, а также тексты самодельных туристов, разместивших свои «истории путешествия» в сети Интернет (на примере текстов о Нижнем Новгороде). В качестве техники обработки текстов используется кодирование (открытое и осевое).

В исследовании установлено, что стандартные рекламные тексты, размещенные в официальных путеводителях, сохраняют традиции «школьного краеведения», представляя территорию «объективно», посредством «фактов» – исторических, географических, архитектурных, культурных и т.п.

В свою очередь тексты о территории, написанные самодельными туристами, содержат уникальный опыт, связанный с испытаниями, открытиями, и фактически служат картой маршрута путешествия-приключения. Для «виртуального текста» о туристической территории характерен акцент не на факты, а на перемещение, движение по пространству, на эмоции, познавательную активность, эстетические переживания туриста. «Истории путешествия» самодельных туристов в полной мере отражают экзистенциальное измерение путешествия, то есть спонтанно, по наитию, самодельные туристы избирают наиболее эффективную маркетинговую стратегию «продвижения территории» с точки зрения современных исследований маркетинга и рекламы.

Такие тексты о впечатлениях, выложенные в виртуальных социальных сетях, после исследовательской обработки и рефлексии, оказываются удобными матрицами для создания принципиально иных рекламных историй: захватывающих и включающих в свой «контент» слушателя.

В основе подобных историй лежит экзистенциальный опыт путешественников.

Уколова Е.М., Шумский В.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОТЕРАПИИ

В настоящее время количество направлений психотерапии превысило две сотни, при этом каждая из многочисленных психотерапевтических школ предлагает свой образ человека, зачастую диаметрально противоположный таковому у оппонентов, и разрабатывает собственный концептуальный аппарат и собственный дискурс. Такое положение дел согласуется с методологией постмодернизма, для которой характерна установка на невозможность описания человека в его целостности с помощью общих универсальных теорий. Человек представляет собой конструкцию, образованную техниками его описания, при изменении языка описания утрачивается и вся конструкция, и образ человека исчезает, как «лицо, нарисованное на прибрежном песке» (Фуко, 1994).

Возможна ли, в таком случае, интегральная психотерапия? Если да, то на каких основаниях может происходить интеграция? Согласно одной из точек зрения, процесс психотерапии не зависит от образа человека, лежащего в основе теоретической модели той или иной

конкретной психотерапевтической школы. Следовательно, необходимо выделить некоторые инвариантные процессуальные образующие, или «психотерапевтические константы», которые могут быть положены в основу интеграции. В качестве примера такой инвариантной образующей психотерапевтического процесса можно привести выделенные К. Роджерсом основные условия построения эффективной психотерапевтической беседы, которые были переняты многими психотерапевтическими направлениями.

Другой путь интеграции состоит в попытке предложить образ человека, который был бы не зависим от языковых конструктов, посредством которых он понимается и описывается. Такой подход к человеку предлагается экзистенциальной психологией. Можно сказать, что экзистенциальная психология возвращает человеческому бытию его онтологические основы, которые оказались растворенными в языковых играх постмодернизма.

Эти онтологические основы, представляющие собой реальность, лежащую за словами, постигаются посред-

ством дологических переживаний и предшествуют языку, в котором получают объективацию. М. Хайдеггер, как известно, разработал для описания этой над- и внекультурной реальности особый язык и особую систему понятий – экзистенциалов. Однако язык экзистенциалов достаточно труден для восприятия и использования и предназначен скорее для кабинетных философов.

А. Лэнгле делает следующий шаг в этом направлении: он описывает человеческую реальность словами, содержание которых на уровне переживания понятно человеку любой культуры: опора, пространство, защищенность, время, близость, отношения, внимание, справедливость и т.д.

Разработанный А. Лэнгле психотерапевтический метод Персональный экзистенциальный анализ (ПЭА), с нашей точки зрения, может рассматриваться как интегральные методические рамки для психотерапии. Метод состоит из нескольких стадий. На стадии ПЭА-0 пациенту предоставляется пространство для контекстуального описания фактов и проблем. ПЭА-1 – стадия феноменологического исследования впечатления, первой эмоциональной реакции пациента в какой-либо конкретной ситуации. Впечатление состоит из бессознательно возникающего чувства и импульса к действию, а также содержит восприятие пациентом смыслового содержания ситуации. ПЭА-2 – стадия аутентичного переструктурирования отношения к ситуации. Пациент старается понять свою первоначальную субъективную спонтанную реакцию, а также объективные факты ситуации. Это делается с целью интеграции пережитого в общий контекст прошлой и настоящей жизни. Понимание служит основой для глубоко личной оценки произошедшего и вынесения суждения о нем, с точки зрения совести пациента. Такая оценка закладывает прочный базис, на котором

пациент становится способен встретиться лицом к лицу с ситуацией, ранее представлявшейся ему проблемной. На стадии ПЭА-3 пациенту нужно решить, как придать своей внутренней позиции форму, которая подходила бы внешнему миру и была бы максимально эффективной, – речь идет о том, чтобы определить: что, как, с помощью каких средств и когда пациент хочет сделать, – и исходя из этого построить такое поведение в конкретной ситуации, по поводу которого можно было бы чувствовать внутренне согласие.

В методе ПЭА сочетаются: описание (0); осознание эмоций и их принятие (1); понимание причин возникновения эмоций и поведенческих реакций и их интеграция в биографический контекст (2); изменение когнитивных установок (2); тренировка новых способов поведения в проблемных ситуациях (3). То есть, в ПЭА происходит работа с эмоциями и когницией, а также с волей и поведением. При этом стадии ПЭА-1 и частично ПЭА-2 характерны для психодинамических подходов, а часть стадии ПЭА-2 и стадия ПЭА-3 – для когнитивно-поведенческого подхода.

Связь психодинамических и когнитивно-поведенческих аспектов на стадии ПЭА-2 осуществляется благодаря обращению к совести, что является отличительным признаком экзистенциальной психотерапии. При конкретном применении метода ПЭА расставляются различные акценты в зависимости от вида проблемы, структуры характера и степени тяжести психических нарушений пациента.

Таким образом, Персональный экзистенциальный анализ представляет собой общую модель психотерапии, в которой интегрированы отдельные аспекты, находящиеся в фокусе внимания разных психотерапевтических школ и направлений.

Федякова В.А., Богданова Т.А.

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ, СОСТОЯЩИХ В ОТНОШЕНИЯХ ЛЮБВИ

В последнее время усилился интерес исследователей к проблемам духовности и экзистенциальным параметрам и ресурсам личности. В литературе активно обсуждаются такие понятия, как «смыслжизненные ориентации и ценности», «жизнестойкость», «экзистенциальная наполненность, или исполненность».

На наш взгляд, любовные отношения, которые волновали и будут волновать человечество, могут выступать как мощный ресурс экзистенциальной наполненности личности. Л. Бинсвангер постулировал в любовных отношениях первичность «Мы» по отношению к разъединенным «Я» и «Ты», определяя онтологию любви как со-бытие, в котором преодолеваются границы индивидуальности и возникает новое пространство совместного существования (Бинсвангер, 1990).

Э. Фромм, Р. Мэй, А. Лэнгле, И. Ялом понимали любовь как эффективный способ обретения единства (Фромм, 1990; Мэй, 2007; Лэнгле, 2007; Ялом, 2008).

Наше исследование проводилось с помощью методики «Шкала экзистенции» (ШЭ) А. Лэнгле и К. Орглер, в основе которого лежат представления В. Франкла о физическом, душевном и духовном способах бытия человека. Любовь раскрывается именно на духовном уровне. В состоянии любви человек ощущает другого как целый уникальный мир, любовь приводит к расширению границ нашего собственного мира. Согласно В. Франклу, жизнь человека тогда является наполненной и осмысленной, когда человек доверяет себе, чувствует важное в ситуации в соответствии с выбранными им ценностями, способен выйти за пределы себя.

Методика ШЭ позволяет исследовать субъективные представления личности об исполненности собственной жизни.

Выборка состояла из двух групп испытуемых в возрасте от 20 до 45 лет. Основная группа – люди, больше года состоящие в любовных отношениях; группа сравнения – люди, не состоящие в любовных отношениях. Каждая группа состояла из 15 человек, разброс по полу, возрасту и уровню образования примерно одинаковый.

С помощью U критерия Манна-Уитни были получены значимые различия ($p \leq 0,01$) по шкале самодистанцирования (SD). Следовательно, люди, состоящие в любовных отношениях, более способны «выйти за пределы самих себя», взглянуть на мир более свободно, при необходимости отодвинуть свои желания, представления, чувства и намерения, чтобы взглянуть на себя и на ситуацию с некоторой дистанции, размышляя о ней, чтобы увидеть данности ситуации. По шкале «Свобода» также выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$). Это говорит о том, что у респондентов основной группы способность находить реальные возможности действия, чувствовать

их иерархию в соответствии с их ценностью и, таким образом, приходиться к персонально обоснованному решению значительно выше, чем в группе сравнения. Показатель «Личность» также имеет значимые различия ($p \leq 0,05$). С нашей точки зрения, это связано с тем, что люди, состоящие в любовных отношениях, более открыто воспринимают мир и самих себя. Показатель «Экзистенция» также демонстрирует значимость различий на уровне $p \leq 0,05$.

Таким образом, люди, состоящие в любовных отношениях, более конструктивно обходятся с внешним миром, обладая лучшей способностью ориентироваться в мире, приходиться к решениям и ответственно воплощать их в жизнь, изменяя окружающий мир в лучшую сторону. Общий показатель «Экзистенциальная исполненность» также имеет значимые различия в группах на уровне $p \leq 0,05$.

Таким образом, можно говорить о том, что отношения любви являются мощным экзистенциальным ресурсом, обеспечивающим наполненность жизни человека смыслом.

Фомель М.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СПОСОБЫ СУБЪЕКТНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СВОЕЙ СЛАБОСТИ

Основываясь на теоретических представлениях современного экзистенциального анализа, мы определяем слабость как наличие объективной ограниченности возможностей в реализации интенционального устремления («х»), которое не принято личностью и преодоление которого за счет волевого усилия оказывается невозможным.

Иными словами, с точки зрения субъекта, проблема заключается в признании ограниченности собственных возможностей в данном виде деятельности и, одновременно, в ограниченности собственных волевых качеств в аспекте влияния на этот процесс. Парадоксальным образом, человек сталкивается с проблемой принятия ограниченности своего субъектного влияния, которая должна решаться именно за счет субъектности.

Моделируя отношение личности со своей слабостью в процессуальном аспекте, мы выделили три этапа, каждый из которых содержит потенциал для реализации субъектного влияния в направлении принятия слабости.

I. Осмысление неудач в реализации определенной деятельности за счет процессов объективации и субъективации препятствия на пути интенционального устремления, а также выделение паттерна неудач.

II. Осознание внутреннего конфликта как борьбы интенциональных устремлений «х» и «не могу х».

III. Принятие слабости. Процесс принятия слабости реализуется в форме постепенного продвижения к третьему этапу с периодическими возвращениями к первым двум. Степень принятия слабости соответствует степени устойчивости нахождения на третьем этапе.

На основании феноменологического анализа данных полуструктурированных интервью нами были выявлены приемы субъектного влияния, которые могут быть соотнесены с этапами процесса принятия, а на третьем этапе – с содержаниями четырех фундаментальных мотиваций экзистенции (ФМ):

I этап. Активное непринятие слабости при использовании потенциала неудач для лучшего понимания содержания слабости и, в конечном счете, для ее принятия. Развитие собственного представления о содержании слабости посредством самонаблюдения и самоисследования.

Объяснение для самого себя (концептуализация) особенностей ситуаций проявления слабости, при этом человек остается открытым для иных вариантов осмысления.

II этап. Целенаправленная рефлексия в пространстве отношений со слабостью.

III этап. 1-я ФМ: выделение конкретных возможностей в реализации «х», очерчивая пространство собственной ограниченности; попытки применения все более опосредованных способов реализации «х»; стремление использовать различные способы обхождения со слабостью, проверяя их эффективность; прояснение для себя ценности признания правдивого признания истинного положения дел и развивать отношения с ней; создание пространства и защищенных рамок для того, чтобы «проиграть» слабость. 2-я ФМ: рефлексивное прояснение ценностных оснований интенциональных устремлений «х» и «не могу х»; персонификация слабости и

построение с ней внутреннего диалога; нахождение альтернативной деятельности, которая также реализует ценность интенционального устремления «х», но лучше соответствует собственным реальным возможностям. 3-я ФМ: соотносить содержание слабости с Собственным (с чувством соответствия самому себе); активный поиск принятых в культуре способов обхождения с собственной слабостью и наблюдение за тем, как с аналогичными слабостями обходятся другие люди. 4-я ФМ: «расшировка» слабости как сигнала о чем-то важном во мне и

в ситуации; активное предотвращение ситуаций, в которых может проявиться устремление «х».

В целом наше исследование позволяет дополнить теорию экзистенциального анализа в аспекте понимания процесса принятия феномена «слабость».

Выявленные приемы субъектного влияния на процесс принятия личностью своей слабости могут быть поняты как «психологические орудия», которые человек может использовать для использования при самопознании и самоизменении.

Шумский В.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ОСНОВЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ «Я»

Является ли человеческое «Я» эмпирическим фактом, переживаемым феноменом, или же «Я», как и термин «субъект» (в значении *causa sui*) представляют собой не более чем выработанные культурой понятийные конструкции? Сегодня получило достаточно широкое распространение представление о том, что человек – это многомерное сочетание разнообразных культурных практик и ценностей, не имеющее своего отчетливо выраженного центра, генуинного «Я». Человек есть историко-культурный конструкт, изменение системы ценностей культуры неизбежно приводит к изменению образа человека, к изменению способа его описания и понимания. Философская методология постмодернизма, утвердившаяся в европейском научном сообществе с 60–70 гг. XX в., как известно, провозгласила «смерть субъекта», полностью растворив его в детерминационном воздействии на человека структуру языка и различных дискурсивных практик.

Психологическая трактовка этой методологии, с нашей точки зрения, представлена в последних работах В.А. Петровского, согласно которому «Я» и «субъект» – это культурные знаки, которые не имеют своего денотата, чего-то до-знакового и довербального. В то же время, будучи интериоризированными, культурные идеи «Я» и «субъект» превращаются в формообразующее начало психики, становясь психическими структурами, конфигурирующими поток энергии изначально бессубъектной активности индивида.

Оппонирующая точка зрения содержится в представлениях экзистенциальной философии и психологии, в соответствии с которыми возможность быть субъектом и переживать собственное «Я» присуща человеку как отличительная особенность его природы. Отправным пунктом для теоретических построений экзистенциальной философии и психологии является базовое онтологическое переживание «я-есть», или переживание экзистенции. Это

переживание «Я» может быть актуализировано в любой деятельности исходя из чувства «я могу». Актуализация собственного «Я» может происходить и в других обстоятельствах, никак не зависящих от конкретной историко-культурной обстановки. С нашей точки зрения, самым впечатляющим доказательством существования «Я» как над- и вне- историко-культурной реальности являются описанные в литературе примеры спонтанного, совершенно неожиданного для человека «выброса» в переживание собственного «Я» (Сартр, 2004).

Необходимо подчеркнуть, что «Я» понимается в экзистенциальной философии и психологии не как субстанция, а как «деятельный центр», динамическая сила, разворачивающийся процесс. «Я» никогда не есть, но всегда становится. Здесь можно обозначить два основных вопроса.

1. Каков язык описания бытия этого «Я»? Если «Я» есть транскультурное образование, то должны быть и способы описания его бытия, которые были бы релевантны любой культуре и независимы от культуры.

2. Если «Я» есть феномен, который существует за пределами культуры, то где он существует? Где укоренено экзистенциальное «Я»?

Итак, мы обозначили основные проблемы экзистенциальной персонологии, задачу которой можно описать как исследование генеза и динамики способности человека проживать экзистенцию – то есть проживать свое «Я» как измерение человеческого бытия, выходящее за пределы как природной, так и социокультурной детерминации. Экзистенциальная персонология, таким образом, исходит из того, что «Я» и основанная на нем субъектность человека – это не столько выработанные на определенном этапе историко-культурного развития европейского человека понятийные конструкты, сколько эмпирические факты, реально переживаемые феномены, проявление которых соответствует самой сущности человека.

Раздел 12

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Азарных Т.Д.

Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж

ОСТРОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО И ФОРМАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Целью исследования было изучение вклада формально-динамических свойств индивидуальности (ФДСИ) в развитие острого стрессового расстройства (ОСР), которое, согласно американскому классификатору психических расстройств DSM-IV, возникает в первый месяц после события, связанного с переживанием страха, ужаса или беспомощности. Актуальность исследования ранних эмоциональных стресс-реакций, в том числе ОСР, связана прежде всего с тем, что они являются суицидоопасными состояниями (Азарных, 2010).

Исследование проведено на студентах в возрасте 18-20 лет дневных отделений государственных вузов Воронежа (58 девушек и 18 юношей). Определялись следующие показатели: уровень ОСР (Миссисипская шкала, гражданский вариант (МШ)) (Тарабрина, 2007) и параметры формально-динамических свойств индивидуальности (Русалов, 2001). Стресс-событием являлись неожиданная смерть близких и автоаварии без тяжких телесных повреждений. Статистическая обработка данных проводилась с помощью непараметрических методов: коэффициент корреляции Спирмена (r_s), критерий Манна-Уитни

В результате проведенного исследования установлено, что у девушек при ОСР существует шесть корреляционных связей ($r_s = 0,26 \dots 0,34$): четыре с параметрами ФДСИ коммуникативной эргичностью, интеллектуальной скоростью, интеллектуальной и коммуникативной эмоциональностью и два с индексами общими эмоциональностью и адаптивностью, при этом все являются отрицательными, за исключением эмоциональности и индексом общей эмоциональности, по которым положительные.

У юношей установлено девять корреляционных связей ($r_s = 0,47 \dots 0,67$): четыре с параметрами психомоторной эргичностью, интеллектуальной скоростью, психомотор-

ной и коммуникативной эмоциональностью и пять (из шести) с индексами психомоторной, интеллектуальной и общей активностями, общими эмоциональностью и адаптивностью. Общей для девушек и юношей является связь выраженности ОСР с интеллектуальной скоростью, коммуникативной эргичностью, индексами общих эмоциональности и адаптивности. Таким образом, можно заключить, что у юношей выраженность ОСР связана с типом темперамента сильнее, чем у девушек.

Наличие корреляционной связи между уровнем специфичной для ОСР МШ и параметрами темперамента позволяет предположить генетическое детерминирование этой эмоциональной стресс-реакции, поскольку темпераментальные особенности наследуются. Однако в исследованном возрастном диапазоне от 18 до 25 лет о генетической детерминации можно говорить только в отношении психомоторных эргичности и эмоциональности у юношей, интеллектуальной эмоциональности у девушек и интеллектуальной скорости как у юношей, так и у девушек. Несмотря на то, что обнаружены корреляции между коммуникативной эргичностью у девушек и эмоциональностью в коммуникативной сфере как у девушек, так и у юношей, о генетической детерминации их говорить нельзя, поскольку генетическое влияние на параметры коммуникативной сферы в возрасте 18–25 лет утрачивается (Корниенко, 2011).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. 1. Выращенность ОСР связана с определенными параметрами ФДСИ, позволяющими на основе данных литературы предположить в отношении некоторых из них генетическую детерминацию. 2. Более тесная связь при ОСР с параметрами ФДСИ установлена у юношей, т.е. потенциальная опасность развития этой реакции выше у девушек, т.к. она у них менее темпераментально зависима.

Александрова Л.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ И ПОТОКОВЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

Цель данного исследования состояла в изучении различных индикаторов удовлетворенности жизнью (субъективного благополучия) и их взаимосвязей с личностными ресурсами, переживанием потока в деятельности, конструктивными копинг-стратегиями и мотивацией трудовой деятельности. В качестве таких индикаторов рассматривались удовлетворенность жизнью, удовлетворенность трудом и субъективная витальность как субъективное переживание наполненности жизнью и энергией и личностный ресурс.

В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований «Национальный исследовательский университет ВШЭ» в 2012 г. Исследование проводилось в рамках адаптации методики субъективной витальности с использованием краткой шкалы диспозиционной витальности (Vtd) (Ryan & Frederick, 1997) на базе профессионально-технического колледжа г. Кемерово весной 2012 г. В нем участвовали сотрудники административно-управленческого аппарата и преподаватели колледжа, уровень образования от среднего специального до кандидата наук, $N = 80$ ($M = 40,8$ st.dev. = 13,5). Данные анализировались как по выборке в целом, так и по отдельным категориям сотрудников: молодые специалисты (до 35 лет) $N = 32$, специалисты (от 35 до достижения пенсионного возраста) $N = 33$, работающие пенсионеры (55–60 и старше) $N = 15$.

В отношении удовлетворенности жизнью, трудом и субъективной витальности значимых различий между группами не выявлено. Самые низкие показатели потока выявлены у специалистов, они значимо отличаются и от работающих пенсионеров ($p < 0,00$), и от молодых специалистов ($p < 0,05$). Наиболее выражен поток в трудовой деятельности у работающих пенсионеров. В самом невыгодном положении находится возрастная группа 35–55(60) лет: у них самая низкая внутренняя мотивация деятельности, осмысленность жизни, жизнестойкость и

толерантность к неопределенности ($p < 0,05$, $p < 0,01$). Внутренняя мотивация, жизнестойкость и толерантность к неопределенности находятся в противоположной взаимосвязи с возрастом и уровнем образования, поэтому повышение уровня образования компенсирует во всех возрастных группах возможную негативную возрастную динамику и дополнительно способствует повышению осмысленности жизни.

В ходе анализа данных выявлено, что: 1) удовлетворенность жизнью растет одновременно с ростом удовлетворенности трудом, субъективной витальности, личностных ресурсов и внутренней мотивации; 2) удовлетворенность трудом и субъективная витальность тесно связаны как между собой, так и с выраженностью переживания потока, осмысленностью жизни, жизнестойкостью, внутренней мотивацией и конструктивными стратегиями совладания (позитивное переосмысление, поиск инструментальной поддержки, активное совладание, плановое решение проблемы); 3) переживание потока в трудовой деятельности более выражено при высокой удовлетворенности трудом, субъективной витальности, осмысленности жизни, жизнестойкости, внутренней мотивации и использовании конструктивных стратегий совладания с трудностями.

Поток в деятельности способствует «приращению смысла» (Д.А. Леонтьев), развитию внутренней мотивации и личностных ресурсов, и тем самым повышает удовлетворенность трудом и жизнью в целом. При этом ключевая роль смысла универсальна для всех возрастных групп и индикаторов субъективного благополучия, а субъективная витальность, являясь одновременно личностным ресурсом, отражением субъективного благополучия и неотъемлемой частью переживания потока, играет роль медиатора в их взаимодействии. Различные индикаторы субъективного благополучия, не являясь полностью взаимозаменяемыми, базируются на универсальных составляющих: личностные ресурсы, внутренняя мотивация деятельности и потоковые переживания.

Баскаева О.В., Зырянова Н.М., Паришкова О.В., Черткова Ю.Д.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Психологический институт РАО, Москва

СХОДСТВО СУПРУГОВ ПО ЛИЧНОСТНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ*

Ассортативность – неслучайность подбора супружеских пар – легко заметить на примере социально-демографических (таких как расовая и конфессиональная принадлежность, регион проживания, возраст) и антро-

пологических (например, рост и вес) характеристик. Цель нашего исследования – оценка ассортативности российских пар по психологическим характеристикам. В выборку вошли более 1000 супружеских пар, состоящих в за-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 12-06-00342.

регистрированном браке, с различным стажем семейной жизни. Диагностировались как максимально обобщенные, так и частные показатели личностной сферы.

Супруги выполняли следующие методики: 1) опросник Айзенка (биологические свойства личности), 2) опросник уровня субъективного контроля (общие и частные показатели уровня интернальности), 3) опросник макиавеллизма, 4) опросник поиска ощущений (общие и частные показатели поиска ощущений), 5) портретный опросник ценностей Ш. Шварца (ценностные установки разного уровня обобщенности). Также были получены социально-демографические данные респондентов (возраст, уровень образования, порядковый номер рождения, первый или повторный брак и т.д.).

В нашей выборке женщины вступают в брак в более молодом возрасте, чем мужчины (24 и 27 лет соответственно). Жены в среднем более эмоционально нестабильны, более экстернальны в семейных и производственных отношениях, менее склонны манипулировать людьми и в меньшей степени ориентированы на поиск активности, связанной с риском и новизной, чем мужья.

С увеличением стажа супружеской жизни как у жен, так и у мужей снижается уровень экстраверсии и повышается показатель социальной желательности; уменьшаются показатели макиавеллизма, поиска ощущений и интернальности в области здоровья. Невозможность нивелировать когортные и возрастные различия не позволяет объяснить полученные результаты исключительно стажем супружеской жизни. В большинстве случаев наличие и ха-

рактер связи совпадают у жен и мужей. Из гендерно-специфических влияний следует отметить связь стажа брака и изменения общих и частных показателей интернальности. Эта связь проявляется только у мужей и связана со снижением уровня интернальности в области достижений и в семейных отношениях.

Чем больше продолжительность брака, тем более похожими становятся супруги по уровню экстраверсии, интернальности (как по общим, так и по частным показателям), по уровню макиавеллизму. Иначе говоря, различия между показателями этих личностных особенностей жен и мужей уменьшаются со стажем брака. На разность показателей супругов по эмоциональной нестабильности продолжительность брака не оказывает влияния. Разность между показателями супругов по таким особенностям поиска ощущений, как уход от перемен и поиск ощущений в интеллектуальной сфере увеличивается со стажем брака.

Несмотря на то, что сходство супругов (собственно ассортативность) обнаруживается для большинства исследованных характеристик, уровень этого сходства невысок – как правило, он не превышает 0,3. Анализ сходства супругов в подвыборках показывает, что ассортативность может рассматриваться как характеристика, зависящая от продолжительности брака. Для части выборки получены взаимные супружеские оценки – то, каким видит респондент свою жену или своего мужа. Взаимные оценки супругов (восприятие супругами личностных черт друг друга) похожи значительно меньше, чем самооценки.

Габдулина Л.И., Зотова С.В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ

Общим итогом изучения удовлетворенности личности собственной жизнью и ее детерминант в психологии можно считать обнаруживающуюся картину сложного, неоднозначного характера ее детерминации. В самом общем виде систему обуславливающих жизненную удовлетворенность личности факторов можно представить как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Особое место в этом многообразии детерминант следует отвести ценностной системе личности, имеющей индивидуально-своеобразную структурную организацию.

Целью предпринятого нами исследования было выявление особенностей иерархии и степени реализованности ценностных ориентаций удовлетворенных и не удовлетворенных собственной жизнью людей, сравнительный анализ которых позволяет продвинуться по пути конкретизации представления о ценностной детерминации жизненной удовлетворенности личности. В исследовании приняло участие 150 человек в возрасте от 18 до 80 лет. Использовались методики: «Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой; «Методика изучения ценностных

ориентаций» М. Рокича (модификация Д.А. Леонтьева); «Индекс жизненной удовлетворенности» Н.В. Паниной; «Диагностика уровня социальной фрустрированности» Л. Вассермана. Для обработки полученных данных была применена описательная статистика, процедура квартилирования для сравнения крайних групп, корреляционный анализ, установление значимости различий.

Результаты исследования состоят в следующем. Удовлетворенные жизнью люди ориентируются на жизненные ценности, имеющие активный характер; имеет место приоритетная реализация их в жизни. Они больше, чем неудовлетворенные, ориентируются на творчество, свободу, саморазвитие, познание; для них важен баланс между соблюдением собственных интересов и интересов других. Удовлетворенные жизнью люди больше ориентированы на внутренние ценности, в том числе ценности духовного развития, а неудовлетворенные – на внешние ценности; при повышении степени удовлетворенности жизнью возрастает значимость эстетических ценностей и снижается – материальных и ценности признания другими.

Иерархия ценностных ориентаций удовлетворенных собственной жизнью людей характеризуется большей дифференцированностью ценностей по уровням, по срав-

нению с иерархией ценностных ориентаций людей с низкой жизненной удовлетворенностью. Как ведущие, так и незначимые ценностные ориентации удовлетворенных собственной жизнью людей в целом реализованы больше, чем не удовлетворенных собственной жизнью людей.

Не удовлетворенные своими социальными достижениями люди в меньшей степени, чем удовлетворенные ими, реализуют ценности «Высокое материальное благосостояние» и «Высокий социальный статус» и в большей степени ценности «Помощь и милосердие к другим людям», «Воспитанность» и «Образованность».

Иными словами, приоритетная реализация последних в социальном поведении не способствует удовлетворен-

ности наших соотечественников своими социальными достижениями; возможно, имеет место расхождение между ценностями личности и ценностями среды, обуславливающее субъективное неблагополучие (Sagiv, Schwartz, 2000).

Таким образом, в ценностной детерминации жизненной удовлетворенности личности имеют место сложные отношения между приоритетностью ценностей и их реализуемостью в конкретных жизненных условиях; с высокой жизненной удовлетворенностью связаны особенности иерархии ценностей личности, свидетельствующие о ее субъективной жизненной позиции и определенности ее ценностных жизненных приоритетов.

Горбунова А.А., Мандрикова Е.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВКЛАД УВЛЕЧЕННОСТИ РАБОТОЙ И ЛОЯЛЬНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП СОТРУДНИКОВ В ВОСПРИНИМАЕМЫЙ УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Включенность в трудовые отношения является важной частью жизни занятого населения. В связи с этим возникает вопрос о вкладе характеристик, связанных с отношением к труду в целом, и организации, в частности, в воспринимаемое субъективное благополучие. В настоящем исследовании интерес представляют увлеченность работой и лояльность сотрудников. В рамках подхода У. Шауфели увлеченность работой определяется как стойкое, позитивное состояние, характеризующееся мощью, преданностью и погруженностью в работу (Schaufeli, 2002; Schaufeli, Bakker, 2003). В концепции Л. Поттера лояльность определяется как относительная сила идентификации человека к конкретной организации, что характеризуется такими факторами, как сила убеждения и принятия целей и ценностей организации; готовность прикладывать усилия в интересах организации; желание сохранять членство организации.

Безусловно, рассматриваемые понятия тесно связаны между собой, однако потенциально различаются по вкладу в субъективное воспринимаемое благополучие. Особый интерес представляют особенности вклада лояльности и увлеченности работой в субъективное благополучие сотрудников на разном уровне организационной иерархии.

Выборку в настоящем исследовании составили сотрудники энергетической компании центрального федерального округа ($n = 4708$), выборка разделена на 8 групп: рабочие 1–3 разряда ($n_1 = 494$), рабочие 4–6 разряда ($n_2 = 1949$), рабочие 7–8 разряда ($n_3 = 127$), специалисты ($n_4 = 1054$), служащие ($n_5 = 182$), линейные руководители ($n_6 = 612$), руководители среднего звена ($n_7 = 249$), руководители высшего звена ($n_8 = 41$). В исследовании использовался следующий диагностический инструментарий: «Утрехтская шкала увлеченности работой» У. Шауфели (в адаптации Д.А. Кутузовой) для диагностики вовлечен-

ности; Шкала Л. Поттера для диагностики лояльности к организации; опросник «Субъективное благополучие».

В эмпирической части работы выполнен корреляционный анализ, показавший взаимосвязь лояльности и увлеченности ($p \leq 0.01$) при анализе на всей выборке. После разделения выборки на группы связь между лояльностью и субъективным благополучием у руководителей высшего звена не выявлена. При проведении линейного множественного регрессионного анализа в различных подгруппах выявлено, что лояльность и увлеченность сотрудников вносит значимый вклад в субъективную удовлетворенность трудом. Наибольший процент объясненной дисперсии характеризуют группы руководителей высшего звена (57%), рабочих 7–8 разряда (54%), руководителей среднего звена (46%), линейных руководителей и рабочих 4–6 разряда (41%); наименьший процент объясненной дисперсии характеризует группы специалистов (38%), служащих (34%), рабочих 1–3 разряда (32%). Интересно, что для руководителей высшего звена незначимым является воздействие лояльности, для рабочих 7–8 разряда – увлеченность. Выявленные расхождения могут объясняться как дефицитом выборки, так и системными характеристиками. Например, большой вклад увлеченности работой в субъективное благополучие отражает отношение в большей степени «включенность в обязанности», в меньшей степени – «общее отношение к организации в целом».

Как мы можем видеть, у руководителей высшего и среднего звена высокий процент объясненной дисперсии может объясняться спецификой деятельности, большей содержательностью и участием в принятии решений. Таким образом, по результатам можно сделать вывод о значимости лояльности и увлеченности сотрудников для общей удовлетворенности жизнью, однако определение направления связи требует дальнейших эмпирических исследований.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

БАЗОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

С позиций теории самодетерминации (Deci, Ryan, 2002), к числу основных факторов, лежащих в основе психологического благополучия и внутренней мотивации деятельности, относится удовлетворенность трех базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности с другими людьми.

Поскольку эти потребности являются врожденными, изначально присущими всем людям, вопрос ставится не о степени индивидуальных различий в выраженности каждой потребности, а о мере ее фрустрации (или удовлетворенности) окружением индивида. Предыдущие исследования на американских и российских выборках (Chirkov, Ryan, 2001; Линч, 2004) подтвердили гипотезы о вкладе удовлетворения потребности в автономии в психологическое благополучие и внутреннюю учебную мотивацию. Настоящее исследование рассматривает и две другие базовые потребности с целью изучения их роли как источников внутренней мотивации учебной деятельности и психологического благополучия.

Для проверки данной гипотезы было организовано исследование, в котором приняли участие 409 студентов 1–3 курсов Москвы и Бийска. Для диагностики внешней и внутренней мотивации учебной деятельности студентов был разработан «Учебной мотивации опросник» (УМО). Для диагностики удовлетворенности базовых психологических потребностей в учебной деятельности нами была разработана методика из трех шкал, измеряющих удовлетворенность потребностей в автономии, компетентности и связанности. Для диагностики показателей психологического благополучия использовались шкала удовлетворенности жизнью, шкала диспозиционной витальности и тест диспозиционного оптимизма.

На первом этапе исследования изучалась связь психологического благополучия с показателями учебной мотивации. Полученные результаты указывают на досто-

верную прямую связь психологического благополучия с внутренней мотивацией учебной деятельности, а также его обратную связь с амотивацией. Анализ связи этих показателей при исключении влияния успеваемости с помощью частных корреляций показывает, что и в этом случае значимой остается связь психологического благополучия с внутренней мотивацией ($r = 0,21$; $p < 0,01$) и амотивацией ($r = 0,16$; $p < 0,05$). Иными словами, психологическое благополучие демонстрирует связь с внутренней мотивацией независимо от возможного опосредующего эффекта успеваемости. Результаты регрессионного анализа также подтверждают роль внутренней познавательной мотивации как предиктора психологического благополучия студентов ($\beta = 0,35$, $p < 0,001$).

На следующем этапе для уточнения роли базовых потребностей и внутренней мотивации в психологическом благополучии студентов было проведено исследование с использованием метода линейного структурного моделирования. Модель включала в себя три латентных фактора: психологическое благополучие, внутренняя мотивация и удовлетворенность базовых психологических потребностей. Предполагалось, что удовлетворенность базовых потребностей выступает предиктором внутренней мотивации, а последняя – психологического благополучия. Модель показала хорошее соответствие исходным данным: критерий χ^2 Саторра-Бентлера составил 19,40; $df = 12$; $p = 0,08$; $RMSEA = 0,05$; $CFI = 0,97$; $NFI = 0,93$; $NNFI = 0,95$ ($N = 248$).

Итоги проведенного исследования подтверждают и расширяют результаты предыдущих исследований, основанных на теории самодетерминации, и свидетельствуют о практической целесообразности удовлетворения базовых психологических потребностей студентов в учебном процессе, а также о важности внутренней мотивации для поддержания их психологического благополучия.

Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ИДЕАЛ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ И СТУДЕНТОВ ВУЗА КАК ФАКТОР ИХ ЖИЗНЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Жизненное благополучие личности в контексте его психологического изучения обусловлено наличием внутренней системы координат, включающей идеал образа жизни личности как аксиологическое образование, регулирующее построение реальной жизни и выступающее, в связи с этим, как фактор обретения жизненного благополучия. Как показали исследования (Джанерьян, Гвоздева, 2009), идеалы образа жизни личности связаны с индивидуально-психологическими особенностями субъектов, со-

ответствующими отдельным компонентам интегральной индивидуальности личности (Мерлин, 1986).

Образ жизни личности – это единство организованных ею и актуально осуществляемых деятельностей наряду с реализуемыми в них ценностями и мотивами личности в выбранных ею материально-экономических, социально-демографических, культурных, территориальных и организационных условиях их реализации. Идеал образа жизни – представление личности о наилучшем и желательном

для нее образе жизни, его эмоциональных основаниях и средствах приближения (Джанерьян, Гвоздева, 2009; 2011).

В нашем исследовании идеалов образа жизни личности учащихся (58 девушек и 44 юноши – учащиеся школ г. Таганрога и г. Армавира; 87 девушек и 56 юношей – студенты вуза г. Ростова-на-Дону) в связи с их ведущими ценностями, использовались методы: анкетирование, тестирование (тест М. Рокича), статистические методы (факторный анализ, критерии Шапиро Уилка, Фридмана, Вилкоксона, процедура квартилирования).

В итоге выявлены семь видов идеалов для учащихся школ и вуза, общими среди которых выступили идеалы Богемный, Здоровый, Общественный, Социально-протекционный, Гностический образ жизни. Здесь приведены результаты изучения когнитивного компонента (мотивы-ценности конкретной деятельности и условия их реализации) идеала «Общественный образ жизни» у респондентов в связи с их ведущими ценностями.

Содержанием когнитивного компонента идеала у учащихся школы и вуза выступает стремление реализоваться и заслужить уважение в общественно-политической деятельности. Для этого школьницы желают жить и работать по свободному графику в крупном городе, обучаясь в вузе

крупного города России или другой страны, опираясь на различные источники высокого дохода, распределение которого не имеет единого адресата, а школьники рассчитывают работать в крупном городе России, опираясь на источники высоких доходов от общественно-политической и трудовой деятельности, распределяя доходы преимущественно на семью. Условия реализации идеала для учащихся вуза индивидуализированы. Данный идеал характерен для школьников, стремящихся к независимости, демонстрирующих образованность и необременительное времяпровождение; для школьниц, стремящихся быть устойчивыми к трудностям и демонстрирующих умение понять другого; для студентов вуза, стремящихся быть устойчивыми к трудностям; для студенток вуза, ведущих эмоционально насыщенную жизнь и ориентированных на счастье других. Данный идеал школьники связывают с возможностью жить независимо; студенты вуза – с возможностью преодолевать жизненные трудности; школьницы и студентки вуза – с помощью другим людям.

Итак, у учащихся, выбирающих идеал «Общественный образ жизни» как наиболее желательный, т.е. обеспечивающий благополучие в жизни, этап их обучения и половая дифференциация избирательно обуславливают взаимосвязь ведущих ценностей и условий реализации идеала.

Егорова М.С., Панкратова А.А., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д.

Психологический институт РАО, Москва

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ: МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В исследовании анализируется психологическая адаптация и демонстрируется опосредованная регуляторными характеристиками связь полиморфизма гена MAOA (расположенного на X-хромосоме и влияющего на активность фермента моноаминоксидазы) с вариативностью адаптации. Схема исследования заключается в одноразовом обследовании одиночнорожденных испытуемых ($n = 434$, мужчины, средний возраст 18,7). Генетические методы исследования включают в себя выделение ДНК из слюны (смыва из ротовой полости), генотипирование (которое проводилось сотрудниками НЦПЗ РАМН) и использование соответствующих статистических моделей при обработке результатов. Психологические методы исследования включают в себя тесты, опросники и анкетирование и направлены на диагностику комплекса характеристик когнитивной и личностной сфер, особенностей отношений с окружающими, успешности психологической и социальной адаптации.

При анализе структуры связей регуляторных характеристик (включающих показатели интернальности-экстернальности, уровня волевого самоконтроля, саморегуляции, копинга, контроля за действием, уверенности в собственных силах) выделено две группы относительно независимых показателей регуляции, связи между которыми опосредуются показателями уверенности в своих силах. Показатели адаптации обнаруживают связи с чер-

тами темперамента (диагностированного по TCI-125), прежде всего с поиском новизны, избеганием вреда, самонаправленностью, сотрудничеством. Связи адаптации с особенностями личности (например, смысложизненными ориентациями) более фрагментарные и менее тесные, чем с чертами темперамента. Показатели низкой психологической адаптации (нейротизм, психотизм, тревожность, фрустрация и т.д.), поведенческие показатели низкой адаптации (одиночество, макиавеллизм, агрессивность, авторитаризм, низкая активность) и показатели общего здоровья обнаруживают похожие по содержанию (но различающиеся по количеству связей) структуры связей с регуляторными характеристиками.

При сравнении двух групп юношей, различающихся по активности гена MAOA, обнаружены значимые различия по ряду показателей регуляции – уровню волевого контроля ($p < 0,015$), общему уровню саморегуляции ($p < 0,013$), планированию ($p < 0,021$), программированию ($p < 0,024$), копингу по шкале социального отвлечения ($p < 0,002$), контролю за действием при неудачах ($p < 0,038$).

Различия получены и для показателя эмоционального интеллекта, а именно субшкалы понимания эмоций, связанной, в частности, со способностью определять причины динамики эмоциональных состояний ($p < 0,035$). Субшкала управления эмоциями, более непосредственно

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 11-06-00271.

связанная с регуляторной функцией, не обнаружила значимых различий между группами, различающимися по полиморфным вариантам гена MAOA ($p < 0,149$).

Психологическая адаптация не связана непосредственно с активностью гена MAOA, за исключением трех характеристик, демонстрирующих лишь тенденцию к различиям между группами с разными полиморфными

вариантами гена. К ним относятся социальная фрустрированность ($p < 0,078$), психотизм ($p < 0,064$) и авторитарность ($p < 0,53$). Однако в структуре связей показателей психологической адаптации наиболее значимыми оказываются связи именно с теми регуляторными характеристиками, вариативность которых определяется полиморфизмом гена MAOA.

Енчикова Е.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПРЕДИКТОРЫ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР*

Важность и своевременность данного исследования обусловлена интенсивным развитием информационных технологий в современном мире, которое влечет за собой увеличение числа персональных компьютеров, компьютерных игр и людей, в них играющих. В таких условиях миссия исследователя-психолога заключается в том, чтобы определить, каким образом компьютерные технологии взаимодействуют с психикой человека. Исследование посвящено изучению возможных предикторов проблемного использования компьютерных игр. Исследовательский вопрос: Каковы отношения между мотивами включения в игру, личностными характеристиками и проблемным использованием компьютерных игр? Проверялись следующие гипотезы. 1. Мотивы включения в компьютерную игру являются предикторами проблемного использования компьютерных игр. 2. Самодетерминация и самоконтроль игрока являются предикторами проблемного использования компьютерных игр.

Для диагностики проблемного использования компьютерных игр был составлен список симптомов, связанных со здоровьем и с социальными проблемами, возникающими из-за игры. В данном исследовании изучается взаимосвязь следующих конструктов: мотивы включения геймера в компьютерную игру, проблемное использование компьютерных игр и личные характеристики (самодетерминация, самоконтроль, удовлетворенность жизнью). Для измерения этих конструктов используются следующие методики: Шкала самодетерминации (Sheldon, 1995); Шкала самоконтроля (Tangney, Baumeister & Boone, 2004); Шкала удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985); Шкала проблемного использования компьютерных игр; Шкалы мотивов игры.

В исследовании приняли участие 347 человек, активно играющих в компьютерные игры. Опросник был

размещен открыто в сети Интернет. Благодаря тому, что выборка создавалась случайным образом, мы можем составить социально-демографический портрет геймера. Среди участников нашего исследования преобладают лица мужского пола (70%). Возраст участников исследования варьируется от 10 до 50 лет, при этом большинству участников от 15 до 25 лет. Более половины (52%) имеют высшее образование. Большинство геймеров проводит за игрой от 1 до 4 часов в день. Только 7% испытуемых играют более 7 часов в день, и только 2% играют более 9 часов в день.

Для проверки гипотез была построена регрессионная модель. В качестве независимых переменных были выбраны личностные характеристики (самоконтроль и самодетерминация, которая измерена в шкалах аутентичности, самовыражения и воспринимаемого выбора), а также мотивы включения в игровую деятельность (бегство, социальный, польза, достижения, эмоции, заполнение времени). Полученная модель объясняет 35,2% дисперсии проблемного использования компьютерных игр.

Из полученной регрессионной модели следует, что предикторами проблемного использования компьютерных игр являются мотивы бегства от мира, достижения победы и переживания ярких эмоций. Это соотносится с результатами исследования Ника Йии (Yee, 2006), который выделил мотивы бегства и выигрыша как основные предикторы формирования проблемного использования компьютерных игр. Значимым предиктором проблемного использования является также самоконтроль личности геймера. Таким образом, в результате исследования были подтверждены гипотезы о том, что мотивы и личностные характеристики могут быть предикторами проблемного использования. Результаты этой работы являются основанием для последующих исследований в этой сфере.

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. (ТЗ № 68.00 по теме: «Позитивная психология как подход к исследованию и экспертизе качества жизни»).

Звездина Г.П., Приймак Е.Н.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Елагина М.Ю.

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
Ростов-на-Дону

ВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Становление индивидуальности человека сопряжено с необходимостью в определении того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в его основе, каким образом оно участвует в регуляции поведения, как можно помочь личности в решении проблем благополучия и конструировании человеком собственной жизни.

Сегодня активно изучается связь психологического благополучия с различными особенностями личности и ее социальными характеристиками. Наше исследование посвящено изучению связи между психологическим благополучием и временными перспективами у студентов-психологов (методика диагностики психологического благополучия личности Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, методика изучения временной перспективы Ф. Зимбардо).

На основе выраженности психологического благополучия студенты были разделены на три группы: с высоким (36,8%), средним (44,8%) и низким (18,4%) уровнем психологического благополучия. Психологический профиль выделенных групп, условно названных «благополучные», «гедонисты», «пессимисты», различается, прежде всего, степенью выраженности параметров психологического благополучия и временными ориентациями. Группа «благополучные» характеризуется общим позитивным настроем к себе и к людям, способностью к эмпатии, любви и близости, для них свойственно чувство уверенности и компетентности в управлении повседневными делами, способность эффективно использовать различные жизненные обстоятельства. У данной группы выражено гедонистическое отношение к жизни, однако у них наблюдаются

и ориентация на будущее, на достижение поставленных целей и большая самоорганизация.

В группе «гедонистов» параметры психологического благополучия находятся в пределах средних значений, достаточно выражены цели в жизни и самопринятие. Наибольшее значение у данной группы получила временная ориентация – «гедонистическое настоящее», которая отражает ориентацию на удовольствие в настоящем, неспособность прогнозировать и взвешивать будущие последствия, непоследовательность, слабый контроль, импульсивность, стремление к поиску ощущений. Высокие значения по шкале «фаталистическое настоящее», полученные студентами, также отражают фаталистическое, беспомощное отношение субъекта к будущему и к жизни в целом. Такие студенты в меньшей степени полагаются на себя, в большей – на судьбу.

В группе с низким психологическим благополучием наблюдаются низкие значения по всем шкалам, наиболее низкие по шкалам: «Автономия» и «Самопринятие». У таких студентов наблюдается озабоченность ожиданиями и оценками других, неспособность противостоять социальному давлению, недовольство собой, неприятие себя, обеспокоенность собственным прошлым. В данной группе студентов негативное прошлое имеет высокие показатели, что говорит о пессимистическом отношении к прошлому, низкой самооценке, наличии тревожности и неудовлетворенности. Корреляционный анализ показал, что фаталистическое настоящее имеет обратную связь с психологическим благополучием ($r = 0,65$, $p < 0,05$), т.е. неспособность управлять собственной жизнью, предопределенность жизненного сценария не способствуют психологическому благополучию личности.

Исламова С.Н.

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва

АДДИКЦИИ У ШКОЛЬНИКОВ – ПРОБЛЕМА ПРОЦЕССА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Самопознание и формирование «Я-концепции» в подростково-юношеском возрасте являются составляющими процесса индивидуализации, оформления уникальности личности. Этот процесс требует проявления творческой активности, самостоятельности и нарушается, если человек сталкивается с невозможностью проявить себя или неудовлетворенностью собственным статусом. Неуспешность индивидуализации может стать фактором приобщения к психоактивным веществам (ПАВ) и другим видам

аддикции. Недостаток упорства, низкая самооценка (СО) успешности в учебе, уход, отвлечение от решения проблем обнаружили связь с употреблением психоактивных веществ по результатам исследования 114 юношей и 164 девушек 15–17 лет, учащихся 9–11 классов подмосковных гимназии и лицей.

Использовались опросник по выявлению упорства (Ильин, Фещенко, 2004), модифицированная методика копинг-стратегий преодоления стресса Амирхана, мето-

дика «Личностный дифференциал» (ЛД), анкета по изучению познавательной потребности. Самооценка диагностировалась по модифицированному варианту методики Дембо-Рубинштейн, включающему шкалы «Здоровье», «Ум», «Характер», «Счастье», «Внешность», «Будущее», «Успешность в учебе», «Взаимоотношения с учителями», «Взаимоотношения с родителями», «Взаимоотношения с друзьями», «Общая оценка себя» и «Уверенность в себе». Измерялись реальная, идеальная, достижимая СО, индекс дифференцированности (D) как показатель неустойчивости СО по шкалам (Исламова, 2012).

Анонимное анкетирование выявило различные по употреблению ПАВ группы (Скворцова, Зайцева, 2006): не употребляющие и не пробовавшие ПАВ и те, кто пробовал или бросил курить, а также употребляющие алкоголь «традиционно» (по праздникам) 80 юношей и 112 девушек; группу риска (ГР) по курению табака (курят каждый день, употребляют алкоголь традиционно или пробовали) 12 юношей и 15 девушек, ГР по алкоголю (употребляют алкоголь от двух раз в месяц, не курят, пробовали или бросили курить) – 12 юношей и 14 девушек, ГР по курению и алкоголю – 8 юношей и 11 девушек. Употребляющих наркотически действующие вещества (НДВ) не выявлено. Пробовали НДВ 8 юношей и 10 девушек, курят не каждый день 2 юноши и 12 девушек.

У юношей приобщение к алкоголю связано с ростом D идеальной СО ($p = 0.016$) и D реальной СО ($p = 0.03$). У девушек растет D идеальной СО при повышении приобщения к табаку и алкоголю ($p = 0.004$). Приобщение к ПАВ у юношей и девушек связано со снижением СО успешности в учебе (юноши: $p = 0.008$; девушки: $p = 0.001$) и взаимоотношений с учителями (юноши: $p = 0.007$; девушки: $p = 0.005$); снижением уровня упорства (юноши: $p = 0.05$; девушки: $p = 0.000$), частоты умственной работы (юноши: $p = 0.05$; девушки: $p = 0.02$), повышением активности по тесту ЛД (юноши: $p = 0.002$; девушки: $p = 0.04$). С приобщением к ПАВ связаны импунитивные эмоциональные стратегии преодоления трудностей (желание отвлечься от проблемы и забыть обо всем) у юношей ($p = 0.007$), а стратегия «поиск социальной поддержки» – у девушек ($p = 0.02$).

Увлечение компьютерными играми и Интернетом оказалось наиболее характерно для юношей. Юноши, более приобщенные к употреблению табака и алкоголя, больше времени тратят на игры – от 2 до 5 часов в день ($p = 0.03$), и нахождение в сети ($p = 0.04$).

Вовлечение в различные виды деятельности, отвлекающие от решения проблем реальной жизни, можно рассматривать как проявление трудностей индивидуализации, обусловленной неразвитостью сферы саморегуляции.

Куксо П.А., Галяутдинова С.И.

Башкирский государственный университет, Уфа

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ, СКЛОННЫХ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Изучением феноменологии суицидального поведения в подростковом и юношеском возрасте занимались многие отечественные исследователи (Райс, 2000; Вроно, 2001; Школьник и др., 2009; Розанов, 2010 и др.).

Целью данной работы было выявление различий в структуре личности подростков и юношей с суицидальными наклонностями и без суицидальных наклонностей. Было обследовано 70 человек: 35 человек – подростки в возрасте 13 лет и 35 человек – юноши в возрасте 17 лет. В исследовании были использованы следующие методики: Опросник суицидальных мотивов (Олина, 2007), Опросник депрессивности А. Бека, СМИЛ адаптированный тест ММРІ (Собчик, 2009). Статистическая обработка данных включала анализ значимости различий и корреляционный анализ.

По результатам опросника суицидальных мотивов мы выявили две группы риска (основные группы), состоящие из двух респондентов 13 лет и четырех респондентов 17 лет. Остальные респонденты вошли в группы сравнения: подростковую и юношескую. С помощью методики депрессивности А. Бека было показано, что испытуемые основных групп имеют высокий уровень депрессии по сравнению с респондентами, у которых суицидальное поведение выявлено не было. Различия были отмечены и по методике СМИЛ. Сравнение средних между группами подростков показало различия по шкале «сверхконтроль». Среднее значение у опытной группы ($35,28 \pm 1,63$) мень-

ше, чем у контрольной группы ($48,83 \pm 1,41$) ($t = 2,32$, $p = 0,026$). У подростков основной группы снижена мотивационная направленность, но при этом в профиле наблюдаются пики по шкале пессимистичности (шкала 2), «эмоциональной лабильности» (шкала 3).

Сравнение средних значений между группами юношей выявило различия по шкалам пессимистичности, эмоциональной лабильности и оптимистичности. По шкале пессимистичности (шкала 2) значения опытной группы ($70,42 \pm 1,96$) больше, чем у контрольной ($58,98 \pm 1,24$) ($t = 3,25$, $p = 0,002$). Важно отметить, что значения основной группы выше. По шкале «эмоциональная лабильность» (шкала 3) значения у основной группы ($67,25 \pm 1,96$) больше, чем у группы сравнения ($58,41 \pm 0,82$) ($t = 2,94$, $p = 0,005$). По шкале «оптимистичность» (шкала 9) значение у основной группы ($47,53 \pm 5,51$) меньше, чем у контрольной ($62,87 \pm 1,49$) ($t = 2,94$, $p = 0,002$). По дополнительным шкалам чистой и явной депрессии у основной группы показатели выше, чем у группы сравнения ($p < 0,05$).

Следовательно, можно сказать, что у юношей основной группы наблюдалась акцентуация по гипотимному типу, склонность к перепадам настроения, циклотимии (шкала 2), неустойчивость эмоций и конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций, ситуации стресса, выраженные вегетативные реакции (шкала 3), снижение уровня оптимизма, жизнелюбия и активности (шкала 9). У юношей этой группы наблюдается сочетание пиков по

шкалам 2 и 4, что указывает на суицидальный риск. Корреляционный анализ показал, что уровень депрессии подростков и юношей основной группы не связан ни с одним из показателей шкал по СМИЛ, тогда как у подростков группы сравнения наблюдается связь между шкалами 41 и 51 ($r = 0,35$, $p < 0,05$), а у юношей из группы сравнения наблюдается связь между шкалой 1 «сверхконтроль»,

шкалой 4 «импульсивности» и шкалой 8 «индивидуальности» ($r = 0,39$, $r = 0,62$, $r = 0,51$, $p < 0,05$).

Таким образом, подростки и юноши, склонные к суицидальному поведению, имеют определенные личностные и эмоциональные особенности, учитывая которые, можно разрабатывать психокоррекционные программы с целью повышения эффективности первичной профилактики самоубийств.

Львова Е.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ

Актуальная ситуация развития общества характеризуется высокой степенью неопределенности, постоянными изменениями и усложнениями в социальной, экономической и политической сферах жизни. Такие условия бросают мощный вызов благополучию современного человека и предъявляют серьезные требования к его способностям противостоять нестабильности и использовать ресурсы для сохранения гармоничных отношений с собой и окружающим миром.

Психологические ресурсы, способствующие грамотному совладанию и включающие индивидуально-личностные характеристики стратегий совладания, выступают в роли «иммунитета», защищающего человека от воздействия изменений внешнего окружения и предупреждающего от совершения импульсивных поступков.

К индивидуально-личностным характеристикам стратегий совладания мы относим такие характеристики, как личностная тревожность, уровень субъективного контроля, уровень осмысленности жизни, толерантность к неопределенности, которые способствуют выбору тех или иных стратегий совладания и определяют индивидуальные особенности каждой отдельной стратегии совладания.

К настоящему моменту накоплено большое количество исследований, выявивших существование корреляционных связей между отдельными личностными характеристиками и выбираемыми стратегиями совладания. В частности, в наших прошлых исследованиях в рамках изучения особенностей совладания у тревожных подростков была предпринята попытка выделения континуума, ограниченного двумя полярными тенденциями (или полюсами).

На одном полюсе расположились тревожные подростки с высоким уровнем самоконтроля и высоким уровнем толерантности к неопределенности и выбирающие толерантные, но неэффективные стратегии совладания (избегание, поиск социальной поддержки). На другом полюсе расположились тревожные подростки с

низким уровнем самоконтроля и низким уровнем толерантности к неопределенности и склонные к использованию интолерантной и неэффективной стратегии совладания (соперничество).

В нашем настоящем исследовании была поставлена задача поиска каузальных связей между личностными характеристиками и стратегиями совладания. Выборку составили 314 педагогов СОШ из пяти регионов РФ.

В ходе исследования педагоги выполнили шесть методик: опросник Ч. Спилбергера (в нашем исследовании диагностировалась только личностная тревожность); методика УСК; методика определения толерантности к неопределенности С. Баднера; тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева; методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана; экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга (проективный метод).

Использование проективного метода было продиктовано необходимостью верификации данных, полученных с помощью опросных методов, и на этапе первичной обработки данных показало существование рассогласования между субъективными представлениями участников исследования о своих индивидуально-личностных особенностях и содержанием неосознаваемых уровней саморегуляции.

В выполняемом в настоящее время исследовании реализуется попытка рассмотрения индивидуально-личностных характеристик (личностная тревожность, уровень субъективного контроля, уровень осмысленности жизни, толерантность к неопределенности) не в качестве коррелятов, а в качестве медиаторов и модераторов в выборе стратегий совладания. К ожидаемым результатам относятся также возможность создания классификации стратегий совладания на основе индивидуально-личностных характеристик и обоснование введения в научный оборот понятия «толерантные стратегии совладания».

Мехтиханова Н.Н.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ И АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В последние годы отечественные и зарубежные ученые обратились к проблеме перфекционизма – стремления личности к достижению совершенства. Перфекционизм присущ каждому человеку и, как правило, одобряется и поощряется социумом. Достижение идеалов, стремление к высоким целям и стандартам в полной мере соответствует отечественным культурным традициям. Выявление особенностей личности перфекциониста, их влияния на процессы адаптации изучены крайне мало в российской психологии. Нами было проведено эмпирическое исследование роли перфекционизма в адаптации личности.

В исследовании приняли участие 60 человек: 23 мужчины и 37 женщин, в возрасте 25–50 лет. Были использованы следующие методики. Методика «Многомерная шкала перфекционизма» И.И. Грачевой (русскоязычный вариант многомерной шкалы перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта); «Шкала субъективного благополучия», автор М.В. Соколова; Методика «Интегральная удовлетворенность трудом»; Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин).

При сравнении испытуемых с высоким и низким перфекционизмом были обнаружены значимые различия по показателю субъективного благополучия. Лица с высоким

уровнем перфекционизма характеризуются более низкими показателями субъективного благополучия и удовлетворенности трудом. Результаты нашего исследования доказывают, что чрезмерное стремление к совершенству сопряжено с хроническим субъективным дискомфортом, высоким риском расстройств аффективного спектра и сниженной продуктивностью деятельности.

У лиц с высоким уровнем перфекционизма отмечаются также низкие показатели нервно-психической устойчивости, морально-нравственной нормативности и коммуникативного потенциала. Высокие требования к собственной личности и другим людям становятся помехой к ощущению счастья, удовлетворения от выполненной работы, являются фактором, негативно влияющим на субъективное благополучие.

Перфекционизм отрицательно коррелирует с личностным адаптационным потенциалом. Высокий уровень перфекционизма связан с самообвинением, аутоагрессией, сказывается на самооценке, тем самым снижает личностный адаптационный потенциал, что тоже подтверждается в нашем исследовании. Таким образом, результаты нашего эмпирического исследования доказывают, что перфекционизм отрицательно связан с адаптированностью личности.

Перлова З.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СВЯЗЬ ОПЫТА ОБЩЕНИЯ С НЕЗНАКОМЫМИ ЛЮДЬМИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА У МОЛОДЕЖИ*

В условиях современного общества, с его расцветшей индустриализацией и урбанизацией, невозможно не отметить увеличивающуюся актуальность проблемы одиночества, рассмотрение которой в данной работе осуществляется на выборке посетителей бесплатного клуба живого общения для молодежи. Объект исследования – психологические характеристики молодых людей с различным опытом посещения клуба, а предмет – его связь с интенсивностью переживания одиночества и субъективного счастья. Цель работы состоит в изучении терапевтических возможностей спонтанного общения с незнакомыми людьми в среде сверстников. На первом этапе было осуществлено полевое включенное наблюдение за работой клуба, на втором – проведен опрос в формате интернет-анкеты с последующей статистической обработкой результатов (корреляционный анализ, сравнение средних). Анкета содержала 166 вопросов, количество респондентов – 144 человека.

Была зафиксирована значимая ($p < 0,001$) отрицательная связь между субъективным благополучием (включая осмысленность и удовлетворенность и жизнью) и общим одиночеством ($-0,492$ и $-0,503$ соответственно для субшкал). В то же время, общее одиночество оказалось значимо ($p < 0,01$) положительно связано со страхом отвержения ($0,249$) и стремлением к принятию ($0,262$). По итогам исследования оказалось, что у экстравертов переживания и представления об одиночестве как о позитивном явлении выражены ниже, а осмысленность жизни и зависимость от общения – выше по интенсивности, чем у интровертов (корреляции, соответственно, $-0,278$, $0,318$ и $0,175$, $p < 0,05$). Получена также значимая положительная связь между стажем посещения клуба и удовлетворенностью жизнью ($0,258$, $p < 0,01$).

По результатам сравнения средних в группах с различным стажем и частотой посещения клуба получены следующие данные: в первый месяц уровень общего оди-

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. (ТЗ № 68.00 по теме: «Позитивная психология как подход к исследованию и экспертизе качества жизни»).

ночества высок, после начинается его резкое падение. С шестого месяца и далее уровень одиночества становится средним. В то же время, завсегдагаи клуба испытывают одиночество с гораздо меньшей интенсивностью, чем редкие гости.

Интересно, что еженедельные посещения также выявили максимальный уровень одиночества. Максимальная удовлетворенность жизнью наступает при посещении клуба несколько раз в месяц (что также совпадает с низким уровнем одиночества), при этом, как уже было отмечено, чем дольше продолжается эта привычка, тем более высокий уровень удовлетворенности демонстрируют респонденты.

Поскольку в первый месяц после вступления в сообщество происходит адаптация к новым условиям коммуника-

ции, к новому, неизвестному стилю общения с незнакомцами, особенно важно посещать мероприятия несколько раз в неделю. Тогда одиночество резко понизится, и человек останется в клубе.

Примерно на четвертом месяце визитов появляется опасность разочарования, потому что ожидания могут не соответствовать реальности. Люди за столом удовлетворяют ситуативную потребность в общении, но если участник ни с кем не сближается, одиночество может вернуться. В этот момент необходимо сократить число посещений до нескольких раз в месяц, а остальное время общаться со значимыми людьми. В результате удовлетворенность жизнью вновь возрастает, а одиночество оказывается на среднем уровне, оставляющем место его позитивным аспектам.

Рыльская Е.А.

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск

МАЛОПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема жизнеспособности человека стимулирует все большую исследовательскую активность современных отечественных психологов (Лактионова, 2010; Махнач, 2006; Нестерова, 2011 и др.), демонстрирующих разнообразный диапазон теоретических моделей. В нашей модели жизнеспособность рассматривается как индивидуальная психическая возможность самоорганизующейся системы – человека, проявляющаяся как интегральная способность к сохранению собственной целостности, которая актуализируется в связи с решением жизненных задач и обеспечивает динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения. Поскольку такая трактовка жизнеспособности касается трудностей исследования самой индивидуальности, нивелирование этих трудностей достигается путем построения малопараметрической модели жизнеспособности, с известной погрешностью включающей весь набор признаков, доступных исследователю (Шадриков, 2009).

В нашем понимании такая модель включает: описание критериев, структурных компонентов, уровней, индивидуально-типологических проявлений и функционального содержания жизнеспособности в контексте концептуальных оснований исследования: синергетического принципа (Хаккен, 1980); принципов системности (Ананьев, 2001; Брушлинский, 1986; Ключко, 2005 и др.); коммуникативной методологии (Мазиллов, 2009); совокупности непротиворечивых системно-антропологических подходов (Ананьев, 1977; Выготский, 1986; Зинченко, 1997 и др.), функционально-генетического подхода к способностям, теоретических представлений о духовных способностях (Шадриков, 1997; 1998) и коммуникативного подхода к исследованию психики (Бахтин, 1986; Кабрин, 1985 и др.). Критериями жизнеспособности человека являются: а) уровнево-темпоральный, репрезентирующий решение

жизненных задач и определяющий период исследовательской сензитивности для феномена жизнеспособности; б) холистический критерий, требующий рассмотрения жизнеспособности человека в контексте его целостности; в) диалогический, операционализирующий средства поддержания жизнеспособности.

Структура жизнеспособности представляется во внутреннем и внешнем измерении. Внутренняя структура образована компонентами основными – способности к адаптации, способности к саморегуляции, способности к саморазвитию, осмысленность жизни, и дополнительными – смыслотворческая коммуникабельность (комплекс различных коммуникативных свойств, представляющих актуализированную способность к человеческому общению). Внешняя структура жизнеспособности человека включает четыре уровня: функциональный, на котором жизнеспособность обеспечивается способностями человека как индивида; операционный, представленный связями жизнеспособности с субъектными свойствами человека; мотивационный, осуществляющий социальную детерминацию человеческих отношений в личностном контексте; индивидуальный, высший уровень, интегрирующий определенные свойства индивида, субъекта, личности. Индивидуальный уровень жизнеспособности соотносится не с каждым отдельным из нижележащих уровней, а с их целостной системой, благодаря чему обеспечивается индивидуально-своеобразное осуществление жизни, которое может быть представлено в различных типологических моделях.

Функцией жизнеспособности человека является не экзистенция «вопреки», не совладание (что характерно для жизнестойкости), а решение жизненных задач посредством смыслотворческого установления «диалогичных» отношений со средой и самим собой, т.е. формирование целостного жизненного мира.

Свередюк Е.В.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь

ЖИЗНЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

В психологии понятие жизненного благополучия рассматривается во взаимосвязи с качеством жизни, одним из критериев которого является здоровье. Под качеством жизни человека понимается система жизненных ценностей, характеризующих его физическое, психологическое и социальное благополучие; совокупность духовных, материальных, социокультурных, экологических, демографических компонентов жизни. Одним из основных критериев качества жизни является психологическое здоровье как динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих, с одной стороны, гармонию между различными сторонами личности человека, а также между человеком и обществом, а с другой, возможность полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности (Дубровина, 2004). Мы предположили, что высокий уровень психологического благополучия оказывает влияние на общий уровень психологического здоровья личности.

В исследовании приняли участие 60 студентов факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета и специальности «Спортивная психология» Белорусского государственного университета физической культуры в возрасте от 18 до 25 лет. 52 респондента – девушки, 8 – юноши, что соответствует генеральной совокупности студентов-психологов. Для определения уровня жизненного благополучия студентов-психологов использовалась Шкала субъективного благополучия Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. Для изучения критериев физического и психологического здоровья использовался Опросник общего здоровья J.E. Ware et al, в адаптации Л.В. Марищук, Е.В. Пыжьяновой, Е.В. Свередюк. Для выявления взаимосвязи уровня субъективного благополучия с показателями здорового функ-

ционирования личности был применен метод ранговой корреляции Спирмена.

Анализ полученных результатов позволил сделать следующий вывод: субъективное благополучие студентов-психологов связано как с уровнем физического ($r = 0,69$; $p < 0,05$), так и с уровнем психологического здоровья ($r = 0,60$; $p < 0,05$). Так, в качестве критериев физического здоровья, влияющих на уровень субъективного благополучия студентов, были выделены следующие: физическое функционирование, способность личности выполнять физические нагрузки ($r = 0,54$; $p < 0,05$); влияние физического состояния на ролевое функционирование – выполнение работы, будничной деятельности ($r = 0,56$; $p < 0,05$); общее состояние здоровья ($r = 0,54$; $p < 0,05$).

Уровень субъективного благополучия студентов связан со следующими критериями психологического здоровья: социальное функционирование – степень, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность ($r = 0,39$; $p < 0,05$); влияние эмоционального состояния на ролевое функционирование – выполнение работы или другой повседневной деятельности ($r = 0,39$; $p < 0,05$); жизнеспособность, ощущение себя полным сил и энергии ($r = 0,55$; $p < 0,05$); самооценка психического здоровья, которая характеризует настроение – наличие депрессии, тревоги, общий показатель положительных эмоций ($r = 0,47$; $p < 0,05$).

Жизненное благополучие может рассматриваться с позиций ресурсов: оно способствует улучшению состояния физического и психологического здоровья. Следовательно, студенты становятся активнее во время учебы, демонстрируют творческий способ мышления, что, в свою очередь, может заложить основы для реализации иных возможностей личности.

Селин А.В.

Курский государственный медицинский университет, Курск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СИТУАЦИИ ХРОНИЧЕСКОГО СОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ*

Любая болезнь, особенно хронически текущая, оказывает существенное влияние на многие стороны жизни больного, нарушая его жизнедеятельность, делая невозможным достижение целей, нарушая внутрисемейные отношения. При этом хронические заболевания, носящие зачастую психосоматический характер, не позволяют большому числу потенциально трудоспособных людей вести активную и полноценную жизнь. В нашем исследовании мы постарались проследить особенности транс-

формации структуры жизнестойкости у людей, страдающих хронической соматической патологией. В качестве методов исследования нами был использован тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева. В исследовании приняло участие 125 испытуемых, из которых было сформировано две группы: основная и группа сравнения. Основную группу составили люди с хроническими заболеваниями гастроэнтерологического и кардиологического профилей, пациенты терапевтического отделения Курской городской

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ № МК- 4130.2011.6.

больницы №3, в возрасте от 20 до 59 лет, средний возраст 36 лет (N = 60). В группу сравнения вошли люди, не находящиеся в каких-либо особых жизненных ситуациях и не предъявляющие жалоб на состояние здоровья, жители города Курска в возрасте от 22 до 54 лет, средний возраст 38 лет (N = 65).

В результате проведенного нами исследования был выявлен ряд различий по показателям жизнестойкости между людьми, находящимися в ситуации хронического соматического заболевания, и здоровыми респондентами.

1. По шкале «вовлеченность» отмечаются более высокие показатели у здоровых испытуемых, что говорит о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени убеждены в том, что включенность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для себя. В ситуации заболевания отмечается преобладание чувства отвергнутости, ощущение себя «вне жизни».

2. По шкале «контроль» отмечаются более высокие показатели у здоровых испытуемых, что свидетельствует о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени склонны разделять убеждение, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Для людей в ситуации заболевания наиболее выраженным является чувство ощущения собственной беспомощности.

3. По шкале «принятие риска» более высокие показатели у здоровых испытуемых, что говорит о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени убеждены в том, что все то, что с ним случается, способствует их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, неважно, позитивного или негативного.

4. По шкале «общая жизнестойкость» также отмечаются более высокие показатели у здоровых испытуемых, что свидетельствует о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени имеют способность, препятствующую возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях.

В целом можно сделать вывод, что в ситуации заболевания изменяется структура жизнестойкости личности. Отмечается снижение по всем параметрам жизнестойкости, включая интегральную ее характеристику. Таким образом, в ситуации хронического соматического заболевания состояние людей характеризуется со стороны снижения адаптивных способностей преодоления. Больные не склонны к ощущению удовольствия и удовлетворения от собственной деятельности, наличной ситуации и своего состояния. Таким образом, развитие жизнестойкости должно выступать в качестве мишени психотерапии, стать центральным звеном в оказании психологической помощи и поддержки в ситуации хронического соматического заболевания.

Сотников В.А.

Курский государственный медицинский университет, Курск

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРЕМЛЕНИЙ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ*

Онкологическая патология является мощным стрессогенным фактором, затрагивающим основы самоидентификации личности. Оказываясь в ситуации онкологического заболевания, человек сталкивается с серьезной проблемой – осложнения в реализации собственного жизненного плана (Тхостов, 2002). Перед ним встает вопрос об адекватном отражении собственной личности, окружающего мира и своего места и роли в нем. Для сохранения своей целостности личность должна заново решать задачу самоидентификации, отвечая на вопросы: «Кто я?», «Что я сегодня могу сделать?», «Чего я хочу?», «К чему я стремлюсь?» (Рубинштейн, 1997).

Нами было проведено исследование, которое показывает, как влияет ситуация заболевания на структуру жизненных стремлений. Было сформировано три выборки: 1) основная группа №1, которую составили пациенты радиологического отделения онкологического диспансера г. Курска, находящиеся на амбулаторном лечении с длительностью заболевания до 6 месяцев и гинекологической сферой поражения. (N = 25); 2) основная группа №2, которую составили пациенты гинекологического отделения Курской городской больницы №4 (N = 30); 3) группа сравнения, в которую вошли женщины, не находящиеся в

каких-либо особых жизненных ситуациях и не предъявляющие жалоб на состояние здоровья (N = 30).

Анализируя полученные данные, мы можем отметить низкие показатели по критериям важности и вероятности достижения богатства в экспериментальной группе. Это может быть объяснено с точки зрения того, что в ситуации онкологического заболевания происходит снижение стремления к материальному благополучию и финансовому успеху, ввиду своей центрации на заболевании и переосмыслении материальных ценностей.

Приоритетным для человека является обращение к духовным ценностям. Значимость достижения богатства блокируется вследствие того, что будущее воспринимается как туманное, не имеющего четкого вектора материальных достижений, ввиду своей высокой неопределенности. Появление статистически значимых различий по трем показателям критерия внешности является индикатором глубоких смысловых преобразований в жизни женщины, столкнувшейся с онкологической патологией.

Происходит снижение стремления поддержания своей внешности, потребности выглядеть привлекательно на фоне других женщин. Онкологическое заболевание, затронувшее гинекологическую сферу, разрушает гендерное

* Работа поддержана Грантом Президента РФ № МК- 4130.2011.6.

представление о себе и вытесняет на периферию смыслы, связанные с телесной жизнью, обширная сфера психической жизни центрируется на внутренней работе переживания (Василюк, 1984), связанной с восстановлением личностной идентичности.

Выделение снижения по показателям важности и вероятности личностного роста в ситуации онкогинекологии является показателем смысловой перестройки на надгендерном уровне. Происходит стойкое снижение потребности в самоактуализации и личностном росте, блокировка каналов развития.

Развитие внутренних потенциалов представляется маловажным и не сопряженным с жизненной необходимостью.

Обращая внимание на то, что жизненные стремления есть отражение внутреннего мира, осознание которого самим субъектом представляется важным как в отношении себя, так и с позиции возможной переоценки своих жизненных позиций, мы можем сделать вывод о том, что в ситуации онкологического заболевания происходит коренная перестройка жизненного мира человека, трансформация горизонта достижений и желаний.

Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н.

Институт психологии РАН, Москва

ПОЛОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СПЕЦИФИКЕ СВЯЗИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Настоящая работа является частью комплексного теоретико-эмпирического исследования переживания террористической угрозы (ТУ), проводимого в Лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН. Исследование вносит вклад в решение вопроса о личностных факторах, которые могут являться ресурсами совладания с переживанием ТУ. Авторы исходят из тезиса о том, что интенсивность переживания ТУ во многом обусловлена степенью удовлетворенности собственной жизнью, которая может выступать в качестве инструмента контроля и снижения уровня данного переживания.

Известно, что психологическое благополучие (ПБ) рассматривается в качестве интегрального показателя, включающего такие параметры, как направленность человека на личностный рост, самопринятие, компетентность в управлении повседневными делами, способность противостоять социальному давлению и наличие целей в жизни (Шевеленкова, Фесенко, 2005). Именно высокая степень удовлетворенности своим личностным развитием становится регулирующим механизмом у человека в периоды беспокойства.

Цель исследования – изучение связи и ее специфики между ПБ личности и переживанием ТУ в различных половых группах респондентов, непосредственно не являющихся жертвами террористических актов, но испытавших влияние информации о них через СМИ и другие формы коммуникации. В исследовании приняли участие 236 жителей Москвы в возрасте от 17 до 35 лет: 135 женщин (средний возраст 22,69 года) и 101 мужчина (средний возраст 23,49 года). Для оценки изучаемых параметров были использованы Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, Тарабрина, 2010) и Шкалы психологического благополучия (ШПБ) (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Проведенная статистическая обработка результатов показала, что как у женщин, так и у мужчин показатель ОПТУ оказался взаимосвязанным с общим индексом психологического благополучия ($r_s = 0.27$, $r_s = 0.23$, $p < 0.05$), а также параметрами «управление средой» ($r_s = 0.32$, $r_s = 0.27$ при $p < 0.001$) и «автономия» по классическим ($r_s = 0.3$, $r_s = 0.31$, $p < 0.001$) и по дополнительным ключам ШПБ ($r_s = 0.29$, $r_s = 0.23$, $p < 0.05$). Однако в группе женщин переживание террористической угрозы взаимосвязано также с самопринятием ($r_s = 0.28$, $p < 0.001$) и балансом аффекта ($r_s = 0.3$, $p < 0.001$).

Таким образом, получены данные о том, что психологически благополучные женщины и мужчины характеризуются более низким уровнем переживания террористической угрозы. Как мужчины, так и женщины с высоким и низким уровнем переживания ТУ отличаются по чувству уверенности в управлении своей жизнью и способности соблюдать баланс между собственными и общественными интересами в принятии важных решений. Первая группа характеризуется чуть более низкими, но находящимися в пределах нормы, значениями по этим параметрам ПБ.

Наряду с выделенной в разных половых группах общей закономерностью соотношения параметров ПБ и переживания ТУ также установлено, что у женщин переживание ТУ тем интенсивнее, чем в меньшей степени они проявляют позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни.

Выявленная общая для разных половых групп закономерность в том, что более низкие нормативные значения психологического благополучия связаны с более высокими значениями переживания террористической угрозы, подтверждает тезис о психотравмирующем влиянии террористической угрозы на широкие слои населения.

Хазова С.А.

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома

РЕСУРСЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТА: ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

В описаниях ресурсов саморегуляции субъекта, по мнению Дж. Капрара и Д. Сервона (2003), недостаточно только диспозиционных систем, поскольку в них упускается важная информация о поведенческой вариабельности. Поэтому типологический подход, опирающийся на сравнение респондентов с различным уровнем адаптации и развития на основе идентификации групп жизнестойких, продуктивных в сравнении с уязвимыми, непродуктивными респондентами, при исследовании ресурсов субъекта представляется нам более адекватным. Мы понимаем под ресурсами психические свойства, которые в ментальном опыте субъекта устойчиво связываются с позитивными результатами и дополнительными преимуществами при взаимодействии с ситуацией. Поэтому для исследования ресурсов мы обращаемся к феноменологическому интервью, позволяющему исследовать значения, смыслы, индивидуальный опыт, то есть описать изучаемый феномен с позиций внутреннего мира субъекта.

На основе данного подхода нами были проведено исследование ресурсов в посттрудовой период, которое позволило выявить особенности личности пожилого человека, обеспечивающие активность и удовлетворенность жизнью, то есть выступающие в качестве ресурсов совладания с трудными жизненными ситуациями. Помимо феноменологического интервью в исследовании использовались методика оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН) и методика «Личностный дифференциал» (адаптация НИИ им. В.М. Бехтерева). Выборку составили 30 пожилых людей, 15 мужчин, 15 женщин, в возрасте 65–75 лет.

Эффективно совладающие с ежедневными трудностями пожилые люди с высоким уровнем активности обладают оптимальным уровнем самооценки, высоким уровнем

самопринятия, уверены в себе, независимы, оценивают себя как активных и общительных. Описывая ресурсы сохранения активности, мужчины высоко оценивают свои волевые качества, умение справляться с трудностями, а женщины свои социальные качества. Респонденты, удовлетворенные жизнью, склонны рассчитывать на собственные силы, лучше управляют своими чувствами, поступками, характеризуются более осознанным отношением к жизни, чувствуют ответственность за происходящее и за то, как складывается жизнь в целом.

Пожилые люди с низким уровнем активности в посттрудовой период и низким уровнем удовлетворенности жизнью характеризуются низким и средним уровнем самооценки, неудовлетворены собственным поведением, уровнем достижений, считают себя неспособными контролировать свою жизнь. Мужчины этой группы низко оценивают уверенность в себе, способность справиться с трудностями, а женщины низко оценивают себя в целом как личность.

Таким образом, данное исследование не только акцентирует важную роль внутренних ресурсов – диспозиций и личностных качеств среднего уровня в совладающем поведении субъекта, но и позволяет выделить те качества, которые сами пожилые люди считают ресурсными: осознанное отношение к жизни, способность к саморегуляции, социальные навыки. Однако на данном этапе исследований остается не до конца решенным вопрос о соотношении вклада разных групп ресурсов в эффективность саморегуляции, поскольку мобилизация ресурсов зависит от множества факторов, в том числе от предыдущего опыта привлечения ресурса, его доступности и степени истощения, субъектной активности и одаренности человека ресурсами.

Шиповская В.В.

Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере, Краснодар

БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА

Психологические исследования свидетельствуют о негативных последствиях депривации потребности ребенка в родительской любви (Дж. Боулби, Д. Винникот, М. Мэйн, С. Лебовиси). Показано, что грудные младенцы, получающие непредсказуемые реакции от ухаживающего лица, формируют специфические особенности привязанности, которые не способствуют полноценному развитию личности. Отсутствие «заботливой среды» в раннем

возрасте вызывает в младенческом возрасте регрессию и беспомощность, вплоть до психической капитуляции (Шпиц, 2000). В дальнейшем особые условия жизни в детском доме являются предикторами специфического развития интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер, особенностей поведения – несформированности внутреннего плана действий, мотивации, в преобладании ориентации на внешнюю ситуацию (Прихожан, Толстых,

* Работа поддержана Грантом Президента РФ № МК- 4130.2011.6.

1991). Отсутствие четких представлений о прошлом обуславливает неразвитость временной перспективы будущего (Лангдмайер, Матейчик, 1984). Развитие всех аспектов «Я» также имеет специфику – для воспитанников детских домов характерна низкая самооценка, неприятие себя, низкий уровень самоуважения, формирование ложного «Я» (гермин Д. Винникота). Редко удается преодолеть последствия социальных деприваций на уровне глубинных личностных структур. Опыт отсутствия теплых эмоциональных отношений с матерью является основой будущей беспомощности взрослого и влияет на формирование эмоциональной связи с собственным ребенком (Кристал, 2006).

Беспомощность, возникнув на ранних стадиях возрастного развития, становится устойчивой индивидуальной характеристикой личности воспитанников детского дома и фактором, разрушающим личность. Беспомощность – это многокомпонентное личностное свойство, которое проявляется в устойчивом негативном прогнозировании собственной деятельности в ситуациях различной природы, устойчивой тенденции к переоценке расхождения личностных ресурсов и требований ситуации, субъективно оцениваемой как непреодолимая и неподконтрольная, проявления которой могут иметь особенности, обусловленные сутью сложной ситуации.

В результате проведенного исследования было выявлено следующее. Психологический вклад в развитие

беспомощности воспитанников-сирот вносят показатели: низкий интеллект, ригидность, отсутствие личностной зрелости, подчиняемость, зависимость, депрессивность, чрезвычайная тревожность, выраженность негативных акцентуаций. Выявлены деструктивные личностные качества, характеризующие недоверие к окружающим, – суровость, черствость, конфликтность, агрессивность, враждебность, показатели которых положительно связаны с показателями беспомощности. Усиливает переживание беспомощности внутренняя конфликтность «образа Я», низкая коммуникативность, неприятие этических норм, избегание борьбы, неспособность контролировать ситуацию, зависимость и пассивность, уклонение от ответственности, обида, чувство вины, одиночество. Институциональное воспитание сирот является внешним фактором беспомощности, поскольку характеризуется чрезмерной опекой, подавлением инициативы, неприятием индивидуальных особенностей, чрезмерным контролем, что препятствует развитию индивидуальности и самостоятельности.

Специфика эмоционально-личностной сферы воспитанников с беспомощностью свидетельствует об их неготовности к успешному взаимодействию с социальным окружением, в осуществлении жизненных планов. Программа коррекции беспомощности сирот формирует позитивное самоотношение, ответственность, самоконтроль, развитие социальных связей и компетентности в общении.

Шумилкина М.С.

Институт психологии и педагогики, Москва

ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАСКРЫТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЦ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ВИКТИМНОСТИ

К исследованию индивидуальности человека обращались Н.А. Бердяев, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, В.И. Слободчиков и др. По А. Маслоу, только жизнь на высоких мотивационных уровнях приводит к более полному раскрытию индивидуальности. Именно самоактуализирующиеся люди отличаются высокой степенью самобытности (Маслоу, 1999). К. Роджерс относил тех, кто реализует присущие им способности и таланты, к «полноценно функционирующим» людям. В.И. Слободчиков (2004) под индивидуальностью понимает авторство собственной жизни с полной ответственностью за нее. Поэтому лица с чертами психологической виктимности (склонности чувствовать себя жертвой обстоятельств) не раскрывают свою индивидуальность тем больше, чем меньше чувствуют себя творцами своей жизни.

В проведенном нами среди студентов-медиков 18–20 лет ($N = 138$) исследовании использовались методики «Проявление виктимности в поведении» (Одинцова, 2009), «Шкала субъективного благополучия» (Соколова, 1996), «Способы преодоления негативных ситуаций» (СПНС) (Гончарова, 2005); кластерный, однофакторный, двухфакторный, корреляционный анализ статистической обработки данных.

Результаты показали, что лишь 27% испытуемых ($N = 37$) можно отнести к невиктимным лицам, явно не перекладывающим ответственность за свою жизнь на других. Выделены также: лица с игровой ($N = 43$) ролью жертвы («манипуляторы»); с социальной ($N = 24$) ролью жертвы («аутсайдеры»); с повышенной ($N = 14$) виктимностью (чертами игровой и социальной роли жертвы).

К ограничивающим факторам раскрытия индивидуальности лиц с чертами виктимности можно отнести противостояние части социума, отделенность от него. Внутреннее напряжение, возникающее при этом, не позволяет использовать имеющийся потенциал в полной мере: появляется ощущение субъективного неблагополучия. Уровень субъективного неблагополучия манипуляторов по признакам психоэмоциональной симптоматики выше по сравнению с невиктимными испытуемыми ($p < 0.039$). Одна из причин противостояния манипуляторов части социума вследствие их склонности к «поиску виноватых» ($r = 0,28$) при решении проблем. Более неблагополучны лица с социально навязанным типом виктимности, «аутсайдеры» ($p < 0.0003$). Они чувствуют себя отверженными не только социумом, но часто сами не принимают себя (склонность к самообвинению: $r = 0,38$). Наличие противоположных тенденций (страдания от одиночества и стремление к уединению ($p < 0.044$)) приводит к появлению внутреннего

напряжения, ограничивающего реализацию их уникальности в социуме, с которым у них нет той взаимосвязи, которая стала бы основой проявления их самобытности. Для лиц с повышенной виктимностью характерна склонность как к поиску виноватых, так и к самообвинению. Соответственно, их уровень субъективного благополучия по некоторым показателям (трудности совместного решения проблем, взаимодействия с близкими) еще ниже ($p < 0.017$), чем у аутсайдеров.

Таким образом, склонности к поиску виноватых или самообвинению, присущие лицам с проявлениями вик-

тимности, являются симптомами отделенности от мира, что ограничивает возможности реализации их потенциала и развития их уникальности, приводит к опустошению индивидуальности, обеднению ее. Уровень субъективного благополучия определяет уровень помех для раскрытия индивидуальности, степень блокирования тенденции самоактуализации.

Необходимым же условием для свободного действия является остановка в «зоре дрящегося опыта» и избыточное по сравнению с требованиями ситуации напряжение сил (Зинченко, 1997).

Эксакусто Т.В.

Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог

ОСОБЕННОСТИ БЛАГОПОЛУЧИЯ СУБЪЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последнее время неизменно растет количество неблагоприятных условий, угрожающих человеку, что приводит к снижению субъективного благополучия людей, снижению их психологического здоровья. При этом степень неблагоприятности факторов оценивается не только и не столько с точки зрения объективных условий, сколько с точки зрения субъективного восприятия человеком их «тяжести». Субъективное восприятие может быть обусловлено различными переменными, одной из которых является чувство безопасности человека.

Можно предположить, что субъекты с разной психологической безопасностью могут по-разному оценивать существующие социальные и психологические условия жизни и характеризоваться разным психологическим благополучием. Необходимо отметить, что чем более благополучным, удовлетворенным будет человек, тем с большей вероятностью он сможет реализовывать свой потенциал, добиваться целей и становиться субъектом своего жизненного пути.

Для проверки выдвинутого предположения было проведено исследование, в результате которого выявлены две группы субъектов: с высокой и низкой психологической безопасностью.

Изучение субъективного благополучия этих субъектов показало, что для респондентов с высокой психологической безопасностью характерно более высокое психологическое благополучие ($U_{эмп} = 111,5$, при $p < 0,01$). Статистически было доказано, что субъекты с высокой психологической безопасностью характеризуются близкими, доверительными и благоприятными отношениями с окружающими ($U_{эмп} = 236,5$, при $p < 0,01$). В отличие от них респонденты с низкой психологической безопасностью не только одиноки, но и испытывают трудности в проявлении теплоты и заботы о других людях. Были выявлены достоверно значимые различия и по уровню самоприятия ($U_{эмп} = 231,5$, при $p < 0,01$). Так, субъекты с высокой психологической безопасностью характеризуют-

ся позитивным отношением к себе, принимают все свое личностное разнообразие, включающее как плохие, так и хорошие качества. Респонденты же с низкой психологической безопасностью испытывают ощущение изолированности и обеспокоенность некоторыми чертами собственной личности.

Достоверно доказано, что субъекты с высокой психологической безопасностью склонны к высокому уровню личностного роста и осознанности целей в жизни ($U_{эмп} = 175,5$, при $p < 0,01$; $U_{эмп} = 202,5$, при $p < 0,01$). Все это характеризует субъектов как людей, осознающих свои жизненные цели и осмысливающих свою жизнь, стремящихся к реализации своего личностного потенциала. Респонденты с низкой психологической безопасностью не стремятся к развитию и самореализации.

Стоит отметить, что субъекты, характеризующиеся высокой психологической безопасностью, уверены и компетентны в управлении повседневными делами, способны противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках, регулируют собственное поведение и оценивают себя исходя из собственных стандартов. Респонденты с низкой психологической безопасностью пытаются управлять окружающими событиями, но они не могут противостоять социальному давлению.

Таким образом, можно предположить, что низкая психологическая безопасность снижает возможности субъектов адекватно действовать и адаптироваться в окружающем мире, ставить цели, добиваться их, что сказывается на их психологическом благополучии.

В свою очередь, высокий уровень психологической безопасности помогает чувствовать субъектам психологический комфорт, находить решение в большинстве сложных ситуаций, добиваться высоких результатов и реализовывать свой личностный потенциал. Полученные результаты открывают перспективы коррекционной работы, направленной на развитие психологической безопасности.

Shtepa O.S.

Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, Ukraine

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF WOMEN

The majority of researchers consider a woman to be able to develop harmoniously after she changes the infantile model of relations, in which she is the one who submits, for the mature model, which presupposes being herself (Crane, 2002; Hollis, 2008). The importance of relations for women may be proved by their motivation of avoiding success, i. e. readiness to refuse from achieved success for the sake of preserving relationship (Paludi, 2007). Researchers of gender features of personal self-development state that if a woman, having acquired self-understanding, has independently overcome 30-year-old life crisis she will not be affected by other personal growth crises (Craig, 2000). P. Baltes and D. Feathermann connect the ability to estimate vital events independently with the development of a new way to understand life focusing on serving people (Rossohin, 2006).

Independent overcoming of critical situations depends on mobilizing internal forces which V. Rosenberg names resources. (Rosenberg, 2012). According to S. Hobfoll, resources are valuable personal qualities which help people to adapt to stressful situations (Mackaden, 2010). Such considerations allowed assuming that constructive overcoming of midlife crisis by women is possible due to actualization of psychological resources which enable her self-determination in relations of care.

The findings of our research allowed defining psychological resources as existential personal possibilities which are revealed in aspiring for self-determination (Shtepa, 2011). The author's questionnaire (Shtepa, 2012) defined the main features of psychological resources of women. 224 women aged 24–46 took part in research (students, post-graduate

students, doctors, secondary school and University teachers, private entrepreneurs, housewives). The results of the research were studied with the help of multiple-factor, regression, and comparative analysis, and the analysis of reasons and effects by Ishikawa. It was found that the main psychological resources of women are belief in good, professional self-realization, responsibility, creativity, aspiration to wisdom.

Interestingly, «self-trust» does not belong to psychological resources of women. The groups of different ages showed some differences. So, the resources of women aged 25-29 include kindness to people, love, professional self-realization; the effect of their psychological resourcefulness is love. To compare, the resources of women aged 32–46 include love, creativity, belief in good, aspiration to wisdom, self-improvement, professional self-realization, responsibility; the effect is belief in good.

The findings of the research were interpreted from the perspective of «constructive – not constructive» overcoming the midlife crisis by women. It was established that before the midlife crisis women define themselves through romantic relations and love to relatives, while after the crisis – through responsibility for relatives and dedication to them. Women aged 32-46 years are really focused on serving people as their main resources are «self-improvement» that is shown in ability to love and overcome fear before vital events, and also «professional self-realization» which presupposes directing the abilities and knowledge to the advantage of the society. Accordingly, the formation of orientation on serving others shows that women have structurally overcome the midlife crisis due to psychological resourcefulness.

Раздел 13

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Алексеева Е.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

При исследовании многих психических явлений выделяются их универсальные (инвариантные) и индивидуальные (специфические) компоненты. Не являются исключением и ментальные репрезентации: внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя (Андреева и др., 1998).

Особое место занимает изучение ментальных репрезентаций психических состояний, т.е. того, как человек представляет их себе, какой системой представлений и знаний о них располагает. Состояния оказывают влияние на все психические процессы и поведение человека, поэтому выявление универсальных и индивидуальных (специфических) компонентов в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений о мире в целом и о себе. Есть исследования, посвященные ментальным репрезентациям и образам эмоций, структурам организации знаний об эмоциях, представленности эмоций на различных уровнях сознания (Дорфман, 1997; Прусакова, Сергиенко, 2002). Однако крайне мало работ, целью которых ставилось бы целостное изучение и описание содержания и структуры ментальных репрезентаций психических состояний.

Ментальные репрезентации со временем приобретают иерархическую структуру: выделяют их ассоциативный, оценочный, понятийный и образный уровни. Описание этих уровней применительно к представлениям о психических состояниях стало целью объемного эмпирического исследования. В ходе исследования были выявлены универсальные закономерности и индивидуальные особенности. Наиболее выраженные индивидуальные различия характерны для ассоциативного и понятийного уровней ментальных репрезентаций психи-

ческих состояний. Изучение данных уровней обеспечивалось применением ассоциативных методов свободного ассоциативного эксперимента и имплицитного ассоциативного теста и метода свободного описания объекта.

Оказалось, состояния (определенного знака, интенсивности, длительности) ассоциативно связаны с ситуациями жизнедеятельности. Например, ситуации учебной деятельности лекция и экзамен связаны с положительными равновесными состояниями. Образ ситуации занимает определенное место в субъективной картине (образе) мира и ассоциируется с определенными состояниями. Ассоциативное единство состояния и ситуации формируется в процессе жизнедеятельности и отражает накопленный индивидуальный опыт.

Были выявлены типичные, нетипичные и неопределенные (несформировавшиеся) ассоциативные связи ситуаций и состояний. Типичные ассоциативные связи присущи большинству респондентов, они означены и закреплены в языке. Нетипичные (особенные) ассоциативные связи отражают индивидуальный компонент картины мира и сформировались в силу субъективного опыта. Неопределенные ассоциативные связи свидетельствуют о несформировавшихся взаимоотношениях в контексте «ситуация – состояние».

Для описания понятийного уровня каждого состояния в среднем испытуемыми использовалось от 4,3 до 8 слов. В описаниях были выделены «ядерное» образование, слои разной степени плотности и периферия, представленная индивидуальными единичными значениями. Самая высокая плотность ядерных образований у положительных состояний высокого уровня психической активности (восторг, веселость), индивидуальных описаний немного. Состояния среднего уровня психической активности имеют среднюю плотность ядра (примерно

35–49%) и выраженную периферию, а состояния низкого уровня – низкую плотность ядра и наиболее заполненную периферию с индивидуальными описаниями. У большинства состояний совпадения со словарными описаниями небольшие, респонденты описывали состояния на основании личного индивидуального опыта,

большая значимость которого в исследовании ментальных репрезентаций очевидна.

В исследовании обнаружена связь понятийного и ассоциативного уровней, что дает основание предположить о существовании взаимосвязей между всеми уровнями ментальных репрезентаций состояний.

Горина И.С., Сударикова М.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

СТРАХИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Идея этой работы была подсказана нам сотрудниками Дарвиновского музея, где в рамках выставки «Леший с нами» был осуществлен проект «Дерево Страхов». В холле музея было поставлено дерево, и всем желающим предлагалось на листочках, которые висели на дереве, написать о своих страхах, от которых они хотят избавиться. По замыслу музея, данная акция была ориентирована главным образом на детей. Однако о своих страхах очень активно писали и взрослые. Все участники проекта были разделены на три возрастные группы: дети (до 10 лет), подростки (10–18 лет) и взрослые (старше 18). Для анализа записей, в которых не был указан возраст, привлекались независимые эксперты (психологи ЦПМССДиП), критериями служили особенности почерка и содержание записей. Таким образом, в выборке из 1785 записей, 41% оказались детскими страхами, 21,3% – страхами подростков и 37,7% страхами взрослых.

В ходе анализа содержания высказываний мы выделили три группы страхов: «архаическими» мы назвали те страхи, которые связаны с окружающей естественной средой, а также с мифологией и фантазиями людей по поводу окружающей среды; «социальными» – назвали страхи, связанные с социальными институтами, ролями в социуме, другими людьми и отношениями с ними; «экзистенциальными» мы назвали страхи, связанные с глубинной сущностью человека и самой возможностью его существования (ощущение себя как некоторой целостности, «самости» и переживания, связанные с непознаваемостью и конечностью жизни).

В наибольшей степени во всей выборке были представлены «архаические» страхи (53%). Экзистенциальные и социальные страхи представлены в меньшей степени (соответственно, 27% и 20%). Однако в каждой из возрастной групп представленность страхов имеет свои особенности.

У детей доминируют «архаические» страхи (79% от всех страхов). В гораздо меньшей степени представлены «экзистенциальные» страхи (12%). Последнее место занимают «социальные» страхи (9%).

У подростков также доминируют «архаические» страхи (53%). «Социальные» и «экзистенциальные» страхи у подростков представлены примерно в равной степени (22% и 25% соответственно). При этом среди «социальных» страхов доминируют страхи межличностных отношений и социума (43,5%). Среди «экзистенциальных» страхов ведущее место занимают страхи смерти и болезни (своей или близких).

У взрослых доминируют «экзистенциальные» страхи (45%). Следующими по значимости у взрослых являются «социальные» страхи (31%), среди которых ведущее место занимают страхи межличностных отношений и социума (58%). «Архаические» страхи представлены у взрослых в наименьшей степени (23,5%).

Таким образом, в общей картине прослеживаются два четких вектора: с одной стороны, от детского к подростковому и взрослому возрастам значительно уменьшается количество «архаических» страхов; с другой стороны, увеличивается количество социальных и «экзистенциальных» страхов. Если для ребенка страшно то, что непознано и незнакомо, прежде всего, в окружающем мире, то для взрослого самое страшное «выпасть» из круга человеческих отношений, не реализовать в своей социальной роли, остаться одному. Эти векторы очень хорошо согласуются с теми изменениями, которые происходят в онтогенезе: по мере развития и взросления человек все больше «отрывается» от естественной природной среды и ориентируется на социальную среду, воспринимая себя, прежде всего, как часть некоторого сообщества со своими особенностями культуры и нравственными ценностями.

Гусейнов А.Ш.

Кубанский государственный университет, Краснодар

ПРОТЕСТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СВОЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В психологии есть представления о границах и пределах личности, однако целесообразно ввести понятие масштаба личности. Протест – это способ реализации себя,

своей неповторимой индивидуальности и проекция масштаба своей индивидуальности на социум. При строгих запретах на проявление инициативы и ощущении зависи-

мости от родителей любой кризис может идти по сценарию протеста. Атрибуты самости, по Г. Гегелю, закладываются в пренатальный период. Уже изначально психика ребенка, находясь в неразрывном единстве с психикой матери, является индивидуальной (Брушлинский, 1974). Полагаем, что при неготовности женщины к материнству, выкидыш иногда является протестной реакцией на неблагоприятные условия существования диадической системы «организм матери – плод».

В раннем возрасте психическая общность, единая система «пра-мы» сохраняется (Выготский, 1984), а появление реакции протеста у младенца обусловлено материнской депривацией (Bowlby, 1969; Field, 1990) и нарушений привязанности матери и ребенка (Винникотт, 1998; Шпиц, 2000). Авторы теории депривации и теории привязанности показали, что даже кратковременная разлука с матерью приводит к беспомощности, механизм развития которой имеет движение от протеста к отчаянию.

Протест может быть обусловлен и внутренними ограничениями. Неумение справиться с собственными желаниями при появлении новых возможностей обуславливают кризис одного года. У детей в возрасте двух лет возникает психологическое сопротивление, когда они начинают осознавать себя как индивиды и рассматривают себя как нечто обособленное (Levine, 1983). Развитие ребенка от года до трех лет противоречиво. Стремление к сепарации от матери, движение от зависимости к независимости – сопровождается амбивалентностью чувств по отношению к матери.

Каждый из типов протеста в кризисе трех лет, описанный в семизвездье симптомов (Выготский, 2000), вероятно, сопряжен с комбинацией факторов, формирующих

протестную активность: сформированность положительного образа старших, реальная сила запретов, интериоризация запретов, ощущение зависимости, готовность к формированию собственного образа и его реализации. Поскольку родительские нормы и запреты интроецированы ребенком, то протест ребенка трех лет можно рассматривать как восстание против запретов на проявления собственной индивидуальности или как бунт против собственной неуверенности.

Психическое развитие подростка есть вращение его индивидуальной психики в объективный и нормативный дух эпохи (Обухова, 1996). Исследователи сравнивают кризис подростков с процессами сепарации – индивидуации детей в возрасте двух лет (Josselson, 1998; Казанская, 2008). Для формирования собственного образа, в стадии ропрашман (последняя фаза индивидуации), ребенку необходимо воссоединить образ матери (Кернберг, 2000; Когут 2002). Думается, что подростки не ставят целью работать над образом родителей, а озабочены поиском своего образа.

В русле идеи индивидуации подростков нам представляются более продуктивными взгляды А.В. Петровского (1984), предложившего известную схему социализации личности, включающую индивидуализацию (адаптация, индивидуализация и интеграция). Противоречием кризиса 13 лет является невозможность далее воспроизводить идеальные образцы поведения взрослых, но необходимость формирования собственного «Я» и умения транслировать свое индивидуальное «Я» на группу. В кризисах трех и 13 лет протест направлен на отстаивание собственной индивидуальности в противовес тем ролям, которых требует окружение.

Мацевич М.Я.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Валейтёнок В.В.

Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

ТАВТОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ И АПОФАТИКА ИНДИВИДУАЦИИ

Истинная природа человека и всего сущего – в бескорыстности и пустоте. Но многие не замечают этого и называют жизнью жизнь форм. «Герой нашего времени» постоянно нуждается в оценивании себя и других, в «статусности», в конечном итоге, – «наделении значениями» (терминология Ж. Бодрийяра). В действительности же эмпирика сводит динамику подобных адаптационных механизмов к сценарию игры в «морской бой»: мимо, ранен, убит. Иллюзия выигрыша заключается в иллюзорности самой игры, спиральности выигрыша и проигрыша (самой ценности адаптации).

Система имеет потребность в навязывании самих потребностей, в навязывании идеологии «насильственной» индивидуации, когда человек воспроизводится не в качестве человека, а в качестве «выживающего» (логика Ж. Бодрийяра). Для подобного видения все в мире состоит из субъектов и объектов, которые соединяются и разъединяются. Человек ищет внешние опоры. Однако древес-

ный листок – не только лист, но еще и дерево. Истерия, страх, болезнь индивидуации начинаются с «различения», с привязанности к дефинициям. Для самой же жизни нет сослагательного наклонения. «Индивидуация» – всего лишь один из способов дискурсивного, парадигмального различения. Человек переводится в формат собственной возможности, возможности бытия и небытия, оказываясь априорно в долгу. «Индивидуация» повсеместно превращается в закон, меру функционирования того или иного политического порядка, постепенно начинает совпадать с пространством «профанируемого».

Наследственную теорию адаптации, теорию приобретенных признаков, развиваемую Аристотелем, Гиппократом и, возможно, наиболее удачно, известным французским биологом Жан-Батист Ламарком, отклонили после принятия теории эволюции Чарльза Дарвина и генной основы наследования. Классическая генетическая теория утверждает: судьба будущего поколения биологически

определяется в основном последовательностью ДНК, а вовсе не «культурной» историей опыта предков.

Медленно ученые приступили сегодня к рассмотрению ранее отбрасываемых факторов, факторов того, что мы наследуем не только генами. Оказалось, что социальные стрессы, войны, определенная идеологическая заданность достаточно непредсказуемо влияют на метилирование ДНК и экспрессию генов. Все приобретенные в течение нашей жизни, пусть даже чисто внешне, парадигмальные установки оказывают эпигенетическое воздействие на поколение не только детей, но и внуков, правнуков, в частности, объективно задавая определенную картину эпигенетической маркировки.

В данных тезисах посредством обращения к творчеству современных философов, прежде всего, итальянско-

го философа Дж. Агамбена показывается невозможность рассмотрения психологии и политики как двух автономных, независимых друг от друга сфер, сфер мысли и действия. Дискурс «индивидуации» бытие человека сводит к «бытию любого», открывающего возможности всякого места, «бытию как слабости», бытию в концлагере повседневного жизненного пространства. Авторы тезисов, следуя логике рассуждений Дж. Агамбена, эксплицируют широкие возможности современных техник «профанаций», позволяющих каждому отдельному индивиду открывать в себе всё новые и новые неизведанные грани, новые способы существования и новые смыслы жизни. Именно те или иные формы профанируемого в задаваемом мире становятся наиболее эффективными формами политики, идеологии, науки, философии и т.д.

Овчинникова Ю.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Актуальность данной проблемы обусловлена как ростом исследований в области консультативной психологии и психотерапии, так и постоянным интересом к сфере развития личности. Символическое мышление способствует развитию ценностно-смысловой сферы личности, в его продукте соединены знание субъекта о предмете и отношении к нему.

Эмпирические исследования и опыт психотерапевтической работы показывает, что обращение к символам как особым культурно-исторически выработанным внешним средствам фасилитирует процесс личностных преобразований, а также помогает совладанию с конкретными кризисными ситуациями (Потанина, Гусев, 2008; Шалина, 2010).

Уникальная роль символической функции объясняется ее сущностью: выходом за пределы обозначаемого предмета, помимо общеупотребительного значения символ обладает дополнительным, несущим нечто неизвестное (Юнг, 2007). Понимание символа подразумевает интуитивное постижение, индивидуальность и многообразие его смысловых содержаний. Символ одновременно обращен и к индивидуальной сфере личностных смыслов, и к надиндивидуальной сфере, стимулирует рефлекссию и фантазию, сводит вместе рациональное и иррациональное, прошлое и будущее. Такое расширение, образование новых связей и преобразование ценностно-смысловой структуры открывает новые возможности для личностного развития.

Таким образом, в терапевтическом пространстве необходимо создать условия, стимулирующие проявление символической функции. Эмпирические исследования, выполненные под нашим руководством О.В. Губенко и А.С. Пляскиной, показывают, что активации образно-символического мышления способствуют (1а) интенсивные эмоциональные состояния, переживание затруненных

ситуаций, личностных кризисов, (1б) наличие соответствующей инструкции, то есть просьба выразить личностное переживание в опосредствованной символической форме. То есть символы генерируются на полюсе клиента. (2) Значимая символическая ситуация может быть создана творческими усилиями терапевта.

Символы активируются в терапевтических отношениях, когда аналитик демонстрирует интерес к целостной личности пациента – его уникальности, потенциалам и трудностям. Эта активация позволяет пациенту более творчески обращаться со своими проблемами и своей жизнью (Kast, 2003). (3) Однако, на наш взгляд, решающую роль играет само пространство терапевтических отношений. «На более глубоком уровне мы производим фантазии не изнутри себя, но из пространства между нами и пациентом» (Юнг, 1973).

Бессознательные и непонятные эмоциональные комплексы могут быть пережиты тайным образом в переносе и контрпереносе, тогда задача терапевта – найти образ для выражения эмоциональной ситуации, констеллированной в терапевтических отношениях (Kast, 2003). Последнее особенно важно в работе с теми клиентами, чья способность к образно-символическому мышлению не развита. Однако возникает другая сложность: приобретет ли озвученный терапевтом образ свое многозначное содержание через индивидуальную интерпретацию субъекта, отразит ли пристрастное отношение клиента к символизируемому объекту, поможет ли человеку опредметить и осознать личностные переживания.

Здесь же возникает еще один, не менее интересный вопрос: должен ли найденный образ быть озвучен терапевтом или он может присутствовать имплицитно, быть активно осознаваемым и прорабатываемым только терапевтом. Наш ответ – да. Однако данные вопросы требуют дальнейших исследований.

Ребеко Т.А.

Институт психологии РАН, Москва

ОПЫТ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ КАК ПОПЫТКА ОБРЕТЕНИЯ САМОСТИ*

Опыт работы в колонии для малолетних преступниц, совершивших убийства и тяжкие телесные преступления, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что телесные повреждения (и самоповреждения) являются бессознательной попыткой восстановления целостности. В глубинной психологии исходным является утверждение, что Самость появляется в ходе онтогенеза до появления Эго. В случае травматического опыта происходит повреждение Самости, прежде всего телесной самости, и индивид в течение жизни осуществляет попытки «восстановления самости». Тело как плоть – смертно, духовное тело – бессмертно. Церковь называется Телом Христовым. В том случае, если тело отщеплено от духа, то опыт мучений, наказаний и убийств можно рассматривать как архаическую попытку достижения контакта с телом и установления связи с духом.

Переживание телесной целостности является необходимым условием последующего адаптивного развития. По словам В. Подороги, «слово раб в древней эпистемологии звучит как мертвый», раб не имеет собственной жизни (Подорога, 2005).

Ощущение собственной жизненности является важным условием для разделения живого и мертвого. Для тех, кто не в состоянии пережить чувство бытия, характерно предпочтение «опыта своего и отвержение опыта чужого», отличного от меня (West, 2007, p. 522).

В норме ментальная репрезентация тела, как обладающего объемом, плотностью, континуальностью и т.д., развивается в онтогенезе. Это отражено в основной когнитивной метафоре «воплощения», лежащей в основе когнитивного опыта и репрезентирующей матрицу пространства-времени (Lakoff, Johnson, 1980). «Живое тело всегда характеризуется трехмерной структурой. Психопатологические данные свидетельствуют о том, что тело может быть представлено как пустое, фрагментирован-

ное, лишенное связей и неконтиуальное... такие тела представлены с помощью поверхностей» (Tustin, 1972). Когда девушки описывали эпизоды убийства, было ясно, что количество крови, раны, вес тела и т.д. вызывали скорее когнитивный интерес, чем эмоциональный отклик на опыт прикосновения в смерти. Многие из них были не в состоянии понять, что их действия повлекли смерть другого человека.

Эти девушки не имеют ясного представления о том, кем они являются. У них налицо размытая гендерная идентичность. Например, большинство девушек предпочитают мужскую косметику. Столь же недифференцированной является их сексуальность. Несмотря на то, что некоторые из девушек вступают в гомосексуальные связи, их сексуальность, несомненно, осталась на инфантильном уровне развития. За неимением позитивного опыта телесного контакта с матерью, телесное взаимодействие выполняется у них «патологическим» образом. Например, широко распространенным является институт «семейниц»: девушки объединяются в общую семью, в которой общими являются продукты питания и предметы косметики.

Одним из индикаторов переживания «жизненности» является ощущение «наполненности» (опытом, эмоциями, собственной историей). Ощущение пустоты порождает «безымянный ужас» (Блон, 1964). Убийство является примитивным средством, позволяющим изгнать этот внутренний ужас, способом избавиться от внутренней пустоты, прикоснувшись в ней на конкретном физическом уровне. Другими словами, пытаясь прикоснуться к онтологии смерти, девушки не в состоянии ментализировать этот опыт на символическом уровне. Поэтому причинение смерти Другому (или самоповреждение) можно рассматривать как попытку пережить собственную жизненность, обрести собственную Самость.

Россохин А.В., Федорова С.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТРАПСИХИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА)

Изучение влияния рефлексии измененных состояний сознания (ИСС) на динамику интрапсихических изменений личности было осуществлено с помощью психолингвистического анализа. Предметом исследования являлись внутренние отношения личности и интрапсихические инстанции Ид, Эго, Супер-Эго, выделяемые в психоаналитическом представлении об организации психики.

В психосемантическом исследовании оценка интрапсихической динамики производилась самим испытуемым и, как следствие этого, была в определенной мере субъективной. Поэтому мы провели оценку тех же показателей (Ид, Эго и Супер-Эго) прямым методом лингвостатистического анализа дословных транскриптов речи субъекта. Для этого были разработаны лингвостатистические критерии

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-06-00721а.

соотнесения текста спонтанной речи с интрапсихическими инстанциями Ид, Эго и Супер-Эго. Оценка показателя инстанции «Эго» осуществлялась по частоте встречаемости местоимения «Я» в сочетании с глаголами активной формы, когда человек обозначает себя как активного субъекта действия.

Пример 1. «Я приняла решение двигаться дальше, пусть даже будет много трудностей и иногда, возможно, мне будет не хотеться... и... и, возможно, будет больно». Оценка показателя инстанции «Ид» осуществлялась по частоте встречаемости возвратных и безличных глаголов, а также наречий образа действия в сочетании с местоимениями «мне», «меня», страдательных причастий в сочетании с местоимением «я»

Пример 2. «В тот момент я была совершенно растеряна: что происходит, почему эти люди меня не слушают, я металась, я была охвачена ужасом».

Пример 3. «В такие моменты мне всегда хочется чего-нибудь сладенького». Оценка показателя инстанции «Супер-Эго» осуществлялась по частоте встречаемости высказываний, носящих характер долженствования, оценки, вины. Оно может и не содержать местоимения «я», «мне», иметь форму глагола повелительного наклонения, выражаться вопросом, подразумевающим ответ позволения или оценки.

Пример 4. «Я должна забыть и никогда об этом не вспоминать, забыть как страшный сон, все пройдет, не надо даже и думать».

Пример 5. «Мы возьмем с вами в этом болоте, я ничего не хочу, мои переживания ничего не стоят... это все пустое, не вижу смысла говорить об этом дальше... я – корова, я... я – беззаботная корова, пасущаяся на лугу».

Пример 6. «Ведь я была не права в этой ситуации, правда?».

Было проанализировано 10 транскриптов психоаналитических сессий, совпадавших по времени со срезами в психосемантическом исследовании. По каждой сессии подсчитывался относительный показатель высказываний для каждой из категорий – Ид, Эго и Супер-Эго и относительный показатель их изменения. В ходе корреляционного анализа с применением критерия Спирмена была выявлена высокая значимая отрицательная корреляция категорий Ид и Эго ($r_s = -0,95$, $p < 0,01$), высокая значимая отрицательная корреляция категорий «Эго» и «Супер-Эго» ($r_s = -0,96$, $p < 0,01$) и высокая значимая положительная корреляция категорий «Ид» и «Супер-Эго» ($r_s = 0,87$, $p < 0,01$).

Качественный анализ динамики количественных показателей интрапсихических инстанций Ид, Эго и Супер-Эго выявляет тенденцию увеличения показателей Эго при уменьшении показателей Ид и Супер-Эго (в семи из десяти срезов). Таким образом, психолингвистический анализ обнаружил ту же самую тенденцию, которая была получена в ходе психосемантического анализа, а именно: в ходе рефлексии ИСС происходит усиление Эго, при одновременном ослаблении давления на него Супер-Эго и Ид.

Селюгина П.Б.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРАРОДИТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Широкое распространение в психологии получила проблема влияния семьи на становление личности. Практически все психологические школы так или иначе изучали данный вопрос, посвятив ему множество замечательных исследований. Однако под влиянием семьи на личность чаще всего понимается аспект детско-родительских отношений, что, на наш взгляд, является недостаточным. Зачастую в российской семье, характеризующейся расширенным составом и спутанностью семейных ролей, воспитание детей делегируется прародителям. Влияние этих значимых людей практически не изучено.

Целью нашего исследования было рассмотрение векторов влияния прародителей на формирование личностной идентичности. Ранее нами были выделены базовые компоненты личностной идентичности: ценностный, ролевой, пространственный и временной. Теоретической базой исследования послужили разработки эго-психологии (Эриксон, 1996; 2000), аналитической психологии (Юнг, 1989; 1997; 2002), системной семейной терапии (Варга, 2000), а также мультисубъектная теория личности В.А. Петровского (2010). Опираясь на данную теорию, мы предположили возможность эмпирического исследования влияния прародителей с помощью актуализации вну-

тренного образа прародителя. Архитектура исследования представляет собой следующую структуру. Испытуемым после первичной беседы-знакомства предлагалось пройти ряд опросников. После совместно с исследователем составлялась геносоциограмма, и в процессе ее обсуждения выделялся наиболее значимый для личности прародитель. Испытуемым предлагалось визуализировать образ прародителя, при желании вступить с ним в диалог, а затем еще раз пройти предложенные ранее опросники с учетом вообразаемого присутствия рядом прародителя.

Еще до начала анализа результатов опросников мы получили обратную связь от участников исследования. 90% респондентов указали, что сами отметили разницу в первичном и вторичном прохождении опросников. По мнению испытуемых, в «присутствии» прародителя меняются их ценностные установки, а также они выбирают для самоописания более социально одобряемые роли. Первичные результаты анализа полученных данных подтверждают самоотчеты респондентов. Так, при исследовании ценностных ориентаций в «присутствии» бабушки или дедушки испытуемые отмечают большую значимость ценностей традиций и доброты (по опроснику ценностей Шварца). Исследование ролевого компонента (по мето-

дике «Кто Я» М. Куна и Т. МакПартленда) показывают смещение акцента на семейные роли, реже указываются негативные с точки зрения испытуемого роли. Особо интересным нам показался тот факт, что изменения в ответах

на опросники выражены значительно ярче, если прародителя уже нет в живых. Исследование находится на начальном этапе, однако уже сейчас приносит значимые и интересные результаты.

Федорова С.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТРАПСИХИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА)

Для изучения влияния рефлексии измененных состояний сознания (ИСС) на динамику интрапсихических изменений личности был проведен психосемантический анализ. Предметом исследования являлись внутренние отношения личности и интрапсихические инстанции Ид, Эго, Супер-Эго, выделяемые в психоаналитическом представлении об организации психики. Были исследованы транскрипты 12 сессий единичного психоаналитического случая, из которых были эксплицированы 20 объектов. Интрапсихические инстанции Ид, Эго и Супер-Эго составили три соответствующие категории. Экспертным образом в процессе анализа психоаналитической литературы и психоаналитического дискурса было выделено 45 пар дескрипторов (прилагательные и причастия) – по 15 пар для каждой категории.

Разработанная нами для этого исследования методика представляет собой модификацию метода семантического дифференциала и метода экспликации ментальных карт: для оценки предлагаются объекты (люди и представления о них) – личностный семантический дифференциал – и в то же время существуют три априорных категории-фактора, о которых не знает человек, заполняющий опросник.

Был составлен опросник, содержащий 45 переменных и 20 объектов. Это дает возможность построения трехмерного пространства объектов по заданным категориям.

Субъект один раз в месяц в течение 10 месяцев заполнял предлагаемый опросник. Полученные данные были занесены в матрицы смешения, содержащие 20 строк и 45 столбцов. Были проанализированы результаты по каждому временному срезу и динамика их изменений. Для каждого этапа были построены трехмерные пространства объектов, которые также подверглись анализу.

Анализ полученных данных показывает, что позиции внутренних объектов динамичны и изменяют свое положение в интрапсихическом пространстве по мере осуществления субъектом рефлексии ИСС. Это подтверждает

гипотезу о том, что в процессе особым образом организованной рефлексии в ИСС происходит реорганизация пространства внутренних объектных отношений, переосмысление субъектом своих взаимоотношений с внутренними объектами. Эти изменения являются индикатором происходящей в ходе рефлексии ИСС модификации ригидных паттернов взаимоотношений со значимыми интроецированными другими и, следовательно, отражают процесс рефлексивной проработки и разрешения проблем, связанных с трансферентными ИСС (переносом).

Наглядное представление внутренних объектов в пространстве дает возможность обозначить тип развивающихся трансферентных ИСС путем выявления объекта, наиболее близкого к объекту «Аналитик». Такой эмпирический способ анализа психоаналитического феномена переноса может быть полезен как дополнительный при общем анализе пространства внутренних объектных отношений.

Например, в нашем исследовании объект «Аналитик» достаточно стабильно расположен рядом с объектами «Счастливый человек» и «Муж». Это говорит о том, что паттерн внутренних взаимоотношений с мужем близок к паттерном взаимоотношений с аналитиком. Анализ динамики интрапсихических изменений личности в ходе рефлексии ИСС показывает увеличение показателей Эго при уменьшении показателей Ид и Супер-Эго. В ходе корреляционного анализа с применением критерия Спирмена была выявлена значимая отрицательная корреляция категорий Эго и Супер-Эго ($r_s = -0,72$, $p < 0,05$), высокая значимая положительная корреляция категорий Ид и Супер-Эго ($r_s = 0,9$, $p < 0,01$) и тенденция достоверной связи (средняя отрицательная корреляция) категорий Ид и Эго ($r_s = -0,63$, $p < 0,1$). Это эмпирически подтверждает гипотезу, высказанную еще З. Фрейдом: «Где было Ид, должно стать Эго» и отражает ход рефлексии ИСС в процессе психоанализа.

Федорова С.М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА)

Мы не имеем возможности сравнить результаты семантического дифференциала и психолингвистической методики, используя статистические критерии, в силу их

количественных особенностей. Однако, анализируя результаты применения обоих методов для изучения влияния рефлексии измененных состояний сознания (ИСС) на

динамику интрапсихических изменений личности, мы можем констатировать, что оба метода выявили схожие тенденции. Предметом исследования являлись внутренние отношения личности и интрапсихические инстанции Ид, Эго, Супер-Эго, выделяемые в психоаналитическом представлении об организации психики.

Были исследованы транскрипты единичного психоаналитического случая. Анализ полученных при применении обоих методов результатов показал совпадение тенденций к понижению показателей категорий «Ид» и «Супер-Эго» при увеличении показателей «Эго».

Процентные величины изменения показателей категорий также говорят об общей тенденции, хотя эти величины в психосемантическом исследовании в среднем в два раза превышают соответствующие величины в психолингвистическом исследовании. Такое расхождение может объясняться тенденцией испытуемого завышать даваемые оценки, или же какими-либо другими латентными факторами. В целом же, разработанные методики различаются следующим.

1. Способ оценки исследуемых категорий.

В методике семантического дифференциала испытуемый сам производит оценку. Несмотря на то что это происходит посредством заполнения специально разработанного опросника, привносится субъективный фактор, он не имеет особого значения для построения пространства внутренних объектных отношений личности, т.к. оно и должно быть субъективным, но может влиять на показатели интрапсихических категорий, т.к. они оцениваются на основе представлений субъекта о себе в настоящем

(может проявляться эффект социальной желательности: субъект хочет показать свои позитивные личностные изменения в процессе рефлексивной работы в ИСС или же, наоборот, занижить их).

В психолингвистической методике производится экспертная оценка посредством анализа текста спонтанной речи субъекта с помощью выделенных критериев. Этот метод исключает субъективность со стороны испытуемого, но требует очень тонкой и кропотливой работы эксперта, а также его высокой компетентности.

2. Возможности и ограничения применения.

Для проведения методики семантического дифференциала субъекту приходится заполнять довольно громоздкий опросник, что не вполне этично для психоанализа. Для применения психолингвистической методики требуется лишь согласие субъекта на диктофонную запись сессий, с условием анонимности.

3. Круг исследуемых феноменов.

Методика семантического дифференциала позволяет исследовать динамику показателей интрапсихических инстанций, наглядно представить пространство внутренних объектов личности, а также представляет широкие возможности для анализа таких психоаналитических феноменов, как трансферентные ИСС (перенос), идентификация.

Психолингвистическая методика также исследует динамику показателей интрапсихических инстанций и раскрывает возможности для эмпирического изучения особенностей текстов, обозначающих сновидения, процессы идентификации, регресса, сопротивления и др.

Филатова-Сафронова М.А.

Институт экономики, управления и права, Казань

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

Беременность – ответственное время в жизни женщины, в течение которого многие испытывают стрессы. Актуальным является вопрос профилактики психического состояния беременной женщины, а также выявление оптимальных способов преодоления ими стрессовых ситуаций. Исходя из этого было проведено исследование (Филатова-Сафронова, Загидуллина, 2011), в котором приняло участие 60 женщин в возрасте от 20 до 30 лет с различным течением беременности, находящихся на сроке беременности 5–7 недель. Испытуемые были поделены на две группы. Первую группу составили женщины с нормальным течением беременности, вторую – беременные женщины с угрозой невынашивания. Было предположено, что характер течения беременности у женщин зависит от способов преодоления ими стрессовых ситуаций.

При оценке невротических состояний в первой группе болезненного проявления невротических нарушений не выявлено. Во второй группе все показатели соответствуют пограничному уровню значений. При сравнении результатов диагностики типов психологической защиты с нормативными показателями обнаружено, что в обеих группах присутствуют механизмы отрицания, проекции,

компенсации, регрессии, замещения и реактивные формирования. Такой тип психологической защиты, как «Вытеснение» имеет показатели в двух группах ниже нормы, что может свидетельствовать о том, что беременные женщины менее подвержены мотивированному забыванию или игнорированию. Показатели по шкале «Интеллектуализация» различны в группах. Склонность к использованию данного механизма защиты характерна для женщин с нормально протекающей беременностью и совершенно не свойственна женщинам с угрозой невынашивания ($t = 4,01$, при $p \leq 0,05$). Из этого следует, что использование типа психологической защиты «Интеллектуализация» способствует нормальному протеканию беременности.

Для более детальной характеристики психики беременных женщин проведен корреляционный анализ. Так, в группе женщин с нормально протекающей беременностью системообразующими компонентами стали показатели «Регрессия» (высокое значение), «Тревога» (уровень здоровья), «Обсессивно-фобические нарушения» (пограничная зона). Причем в плееде типов защиты структурообразующим компонентом выступил показатель «Интеллектуализация», что может означать, что именно данный

компонент оказывает как прямое, так и косвенное влияние на всю психику женщин и определяет нормальное течение беременности.

Во второй группе характер взаимосвязей несколько иной. Системообразующими компонентами стали «Невротическая депрессия», «Обсессивно-фобические нарушения», «Астения». Все эти показатели находятся в пределах пограничной зоны. Компоненты «Регрессия», «Тревога» имеют по пять связей. Однако, в отличие от первой выборки в группе женщин с угрозой невынашивания, связи между компонентами не положительные, а отрицательные. Кроме того, компонент «Интеллектуали-

зация» является лишь промежуточным звеном в цепочке типов психологической защиты, где системообразующим компонентом является механизм «Проекция» (высокое значение).

Таким образом, проведенное исследование показало, что способ преодоления стрессовых ситуаций влияет на характер беременности. Нормальное течение беременности главным образом обусловлено умеренным проявлением тревоги беременной женщины за жизнь малыша и собственное здоровье, а также использованием типа психологической защиты «Интеллектуализация» как основного способа преодоления стрессовых ситуаций.

Раздел 14

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Liutsko L., Tous-Ral J.M.

Laboratory Mira y Lopez, Personality Assessment and Treatment Department, Faculty of psychology,
University of Barcelona, Barcelona, Spain

PERSONALITY TRAITS BASED ON FINE MOTOR INDIVIDUAL BEHAVIOUR

The expressive analysis of kinetic movements leads to Luria (1930) «detector of lie» and to Miokinetic Psychodiagnosis of Mira y López (1958). The main principle of Mira y López put in a base of P.M.K. creation was that «psi-space is not neutral.

All movements – voluntary and involuntary ones performed by man, have a peculiar significance, according to the direction in which they were performed» (cited in Spanish in Muiños, 2008). Continuing the Mira y López thesis, many works were done by laboratory Mira y López in the Personality Assessment Department (faculty of Psychology, University of Barcelona) in the direction of innovation (Tous, 2008) and validation of the initial technique (its quantitative part) (Muiños, 2008).

As per Enoka (2002), proprioceptive muscular activity is independent of external stimulation, being generated by the organism itself and recorded by muscular sensorial receptors or proprioceptive organs; and for this reason can be considered as unique and individual.

We found the significant differences in the tracing over line model for both sensory conditions: proprioceptive only and proprioceptive-visual (Tous et al., in press) as well as the higher individual variability in the performances in the proprioceptive condition vs. proprioceptive-visual one. Although there is still a gap between the adjacent branches – psychology, physiology and neuroscience – in motor control, and professionals work more on the independent studies, the conscience of the negligence of motor studies in psychology has arisen recently (Rosenbaum, 2005).

This psychophysiological test is not a reproduction of the mental content (what a person is thinking about what he does or is going to do), but reflexes the dispositional component

of human behavior, based both on the biological and genetic components at birth – temperament, as well as at his actual state – character, formed by individual life history under environmental influences (biological and social) as a peculiar reaction on the events.

Every person can be similar in some aspects to others. For these reasons some studies were done as well to see common characteristics to predict human behavior, especially in the situations of responsibility as for school drivers or pilots, on the one hand, and for the general security (Tous, 2006) to avoid the unnecessary risks, as for the gun license applicants (Tous, 2010), on the other hand.

Nevertheless, kinetic movements of each person are unique, as well as the total profile obtained during the fine motor task in the proprioceptive sensory condition.

Dimensions obtained on a base of geometrical and spatial biases from the model based on the systematic errors of subjects are the following: 1) Mood state (from pessimism to optimism); 2) Decision making (from submission to dominance), 3) Direction of attention (Intra – toward ourself, internal word, or Extra – toward others, or external word); 4) Emotivism (from distant or cold to affiliated or warm); 5) Irritability (from inhibition to excitability), and 6) Impulsivity (from rigidity to variability).

The global assessment consists not only in seeing separate dimensions, but also the total profile as the whole, and can be used as a good complementary tool for any other verbal or projective techniques, with its own strong sides: it can be used for analphabetic persons or emigrants who cannot reply to a verbal test (if questions are very complex) and no “masking” or falsification of replies can occur in such a type of test.

Алексеева Е.Е.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

СРАВНЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ

Сравнение типологических особенностей будущих педагогов и психологов проводилось на трех уровнях: индивидуальном, темпераментальном и характерологическом. На индивидуальном уровне оценивались подвижность нервных процессов, их внутренний и внешний баланс, сила нервной системы при помощи компьютерного варианта двигательных методик, разработанных Е.П. Ильиным: методика изучения «внутреннего» баланса, методика изучения «внешнего» баланса и методика «Теппинг-тест» (Ильин, 2001). Помимо этого, использовалась компьютерная программа рефлексометрического обследования «Исследование физиологических характеристик реакции испытуемого на потоки стимулов контролируемой временной организации» (В.Г. Каменская, В.М. Урицкий) в модификации С.В. Зверевой для оценки скорости, стабильности и стохастичности.

Темпераментальные свойства личности студентов исследовались с помощью опросника Г. Айзенка (форма PEN) и опросника В.М. Русалова (ОСТ). Характерологические свойства экспертировались с помощью опросника Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, оценивающего личностную тревожность, опросника В.В. Бойко для диагностики уровня эмоционального выгорания и методики диагностики уровня невротизации Л.И. Вассермана.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи варианта t-критерия для зависимых выборок с целью определения статистической значимости различия средних. Выборку составили 484 студента (259 будущих педагогов и 225 будущих психологов) Санкт-Петербургского университета МВД России, Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Россий-

ского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Санкт-Петербургского государственного университета.

На индивидуальном уровне типологических особенностей будущие психологи по сравнению с будущими педагогами отличались меньшим временем реакции на акустический стимул ($p = 0,01$) и большей стабильностью реакций на зрительный и акустический стимулы ($p = 0,010$). Подвижность нервных процессов, их внутренний и внешний баланс, сила нервной системы у студентов-педагогов и студентов-психологов не имели значимых различий.

На темпераментальном уровне типологических особенностей обнаружены следующие отличия: будущие психологи более эмоционально устойчивы по сравнению с будущими педагогами ($p = 0,000$). Вместе с тем, студенты-психологи по сравнению со студентами-педагогами менее склонны к асоциальному поведению, вычурности, неадекватности эмоциональных реакций и конфликтности ($p = 0,02$). У будущих психологов были обнаружены меньшие показатели эмоциональности и социальной эмоциональности по опроснику OST по сравнению с будущими педагогами ($p = 0,000$), что свидетельствует о большей устойчивости студентов-психологов к неудачам при выполнении работы и при общении.

На характерологическом уровне типологических особенностей будущие психологи по сравнению с будущими педагогами менее склонны к невротическим тенденциям в поведении, менее тревожны ($p = 0,000$). Кроме этого студенты-психологи по сравнению со студентами-педагогами менее предрасположены к развитию фаз стресса – напряжения ($p = 0,000$) и резистенции ($p = 0,020$).

Базанова О.М.

РФБУ РАМН «НИИ молекулярной биологии и биофизики СО РАМН», Новосибирск

МЕЖ- И ВНУТРИИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВАРИАбельНОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИК АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЭГ*

Более чем восьмидесятилетний интерес к изучению альфа-осцилляций ЭЭГ обусловлен многообразной ролью активности этих волн в психоэмоциональной, когнитивной и физиологической сферах жизни человека (Berger, 1929; Niedremayer et al., 2001; Nunez, 2005).

Однако большинство выводов о психофизиологической значимости активности альфа-осцилляций сделано на основании анализа вариабельности только амплитуды альфа-волн в некоем стандартном диапазоне. Между тем, оценка активности любого волнового процесса должна

подразумевать кроме измерения амплитуды еще и характеристики частоты и фазы колебаний (Крауфорд, 1994).

В настоящей работе представлен обзор данных современной литературы и результатов собственных исследований, посвященных изучению меж- и внутрииндивидуальной вариабельности характеристик альфа-активности мозга: (1) индивидуальной частоты спектрального альфа-пика, (2) реакции активации по показателям глубины и длительности снижения амплитуды и индивидуальному диапазону частот волн, в котором амплитуда снижается,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-06-00265а.

(3) веретенообразности по показателям длительности веретенообразных сегментов и внутрисегментной вариабельности амплитуды.

Приведены результаты изучения роли альфа-активности в процессах когнитивной и психомоторной деятельности.

Особое внимание уделено представлению результатов исследований меж- и внутрииндивидуальных различий в организации альфа-активности и связанных с ними стратегий поведения. Делается вывод, что активность альфа-волн ЭЭГ и их психофизиологическая роль проявляется в зависимости от индивидуальной частоты этих колебаний.

Бартош Т.П., Бартош О.П.

Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН, Магадан

ВРЕМЯ РЕАКЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ АБОРИГЕННОЙ И ЕВРОПЕОИДНОЙ ПОПУЛЯЦИЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Время сенсомоторных реакций является важным показателем функционального состояния ЦНС (Бойко, 2002; Губарева, 2007), поскольку в значительной степени определяется функциональным состоянием и индивидуально-типологическими свойствами нервной системы обследуемого. На психофизиологическое развитие детей и подростков Севера оказывает комплексное влияние совокупность негативных природно-климатических и социально-экономических факторов. Сведения об особенностях времени реакции подростков аборигенных и европеоидной популяций, проживающих в условиях Северо-Востока России, немногочисленны, что определило актуальность и задачу нашего исследования.

В обследовании приняли участие 826 подростков обоего пола 15–17 лет, проживающих в Магаданской области. Из них 445 девушек и 381 юноша. Подростки были разделены на три группы: первая группа аборигены (коряки и эвены) отдаленного п. Эвенск Магаданской области; вторая группа – уроженцы 1–3 поколений из числа европеоидов, проживающие в п. Эвенск; третья – уроженцы-европеоиды, родившиеся и проживающие в г. Магадане. Учащиеся первой и второй групп обучались в школе-интернате п. Эвенск. В Магадане исследование проводили в гимназии № 30 и лицее № 1. С помощью АПК «НС Психотест» исследовались показатели простой зрительно-моторной реакции (ПЗМР) старшеклассников Магаданской области.

Результаты нашего исследования показали, что средние значения времени реакции ПЗМР (ВР ПЗМР) превышали возрастную среднеширотную норму (273 мс) в группе аборигенов обоего пола (303±5 мс у девушек и 277±5 мс у юношей); у девушек-европеоидов п. Эвенск (281±5 мс). В остальных группах школьников этот показатель в среднем соответствовал норме. Показатель среднеквадратичного отклонения (СКО) ПЗМР, определяющий уравновешенность нервных процессов, соответствовал возрастным

нормам. Тем не менее, этот показатель у аборигенов обоего пола был значительно выше ($p < 0,05$), чем у сверстников-европеоидов из Эвенска и Магадана. В свою очередь, в каждой изучаемой группе показатели СКО девушек превышали показатели сверстников ($p < 0,05$). Следовательно, у девушек старших классов, независимо от этнической принадлежности и места проживания, нервные процессы отличаются от юношей-сверстников большей неуравновешенностью.

В каждой исследуемой группе были лица с высоким ВР и СКО ПЗМР. Можно говорить о некотором запаздывании сроков созревания и инертности нервных процессов у этих подростков по сравнению со сверстниками. Так, среди девушек высокие значения сенсомоторной реакции характерны для 64% аборигенок и 49% девушек-европеоидов п. Эвенска. У магаданок вдвое меньше регистрировалось лиц с высоким ВР ПЗМР (25%). Аборигенам-юношам так же, как и девушкам-аборигенкам, в большей степени свойственны высокие значения ВР ПЗМР (35%), по сравнению с юношами-европеоидами Эвенска (20% лиц) и Магадана (10% лиц).

Аналогичную картину можем наблюдать относительно уравновешенности нервных процессов в обследуемых группах. В группе аборигенов обоего пола наблюдается самый высокий процент лиц с высоким показателем СКО ПЗМР (37% среди девушек и 25% среди юношей; 24% и 14% среди европеоидов п. Эвенск; 14% и 10% среди европеоидов Магадана, соответственно).

Таким образом, показатели времени реакции у подростков Северо-Востока зависят от пола, этнической принадлежности и места проживания. Образовательным учреждениям необходимо уделять особое внимание выбору стратегии обучения с учетом особенностей индивидуально-типологических свойств нервной системы детей и подростков, проживающих в своеобразных социально-экономических условиях Северо-Востока России.

Будкевич Р.О., Носенко М.А., Тинькова Е.Л.

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь
Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставрополь

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХРОНОБИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕБЕНКА

Развитие ребенка является сложным процессом. Важным является формирование хронома. Этот термин предложен Ф. Халбергом и предполагает, что временная организация живого подчиняется определенным правилам и закономерностям, до известной степени предсказуема, являясь генетически детерминированной (Cornelissen, Halberg, 1996; Агаджанян и др., 1998; Романов, 2000). С другой стороны, большое число экзогенных факторов постоянно влияет на развитие организма как пренатально, через организм матери, так и непосредственно на потомство. В частности, описаны данные о том, что периодичность внешних стимулов может ускорить или замедлить становление ритмов (Anderson, Smith, 1987; Honma, Hiroshige, 1987).

Роль факторов среды в формировании хронотипа изучена слабо. Целью работы было выявить факторы жизни ребенка и родителей, связанные с хронотипологическими особенностями ребенка.

В исследовании участвовали 300 родителей детей 4–7 лет. Для определения хронобиологического статуса ребенка использовали модифицированный тест Хорна-Эстберга и оценку качества сна по 5-балльной шкале: скорость засыпания ребенка; продолжительность сна ребенка; глубина сна ребенка; самочувствие после утреннего пробуждения ребенка. Модифицирована шкала сонливости (Erworth).

При анализе данных было выявлено закономерности проявления факторов влияния родителей. При использовании факторного анализа (Centroid, Varimax) обнаружено два фактора. В первый фактор вошли возрастные характеристики родителей (возраст отца и матери), что при кластерном анализе входило в один кластер с показателями

хронотипа ребенка. Второй фактор включает показатели цикла сон-бодрствование и соответствует хронотипологическим особенностям ребенка (качество сна, гигиена сна, сонливость). Сравнительный анализ показателей опроса выявил различия у хронотипов. У «жаворонков» по сравнению с «совами» достоверно выше качество сна и снижена сонливость, но отмечаются нарушения гигиены сна, что указывает на более жесткую организацию цикла сон-бодрствование. Хронотип обнаруживает связь с организацией грудного вскармливания. У детей утреннего хронотипа обнаружен достоверно более длительный период кормления грудью. Это соответствовало временному периоду докорма и было более продолжительным. Следует отметить, что у «сов» превалирует искусственное вскармливание и оно более длительно по срокам.

Компоненты пищи, изменяющие обмен веществ, могут повлиять на ритмическую организацию функций в стороны их нормализации или ухудшения. Ранее обсуждался вопрос (Будкевич, 2010) изменения суточной ритмичности поведения и физиологических функций. Причем механизм затрагивает гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую систему и навязывание циркадианной ритмичности из коры больших полушарий. Одновременно желудочно-кишечный тракт является крупнейшим эндокринным и паракринным органом, изменяющим уровень гормонов в крови, что воздействует на ритмическую организацию.

Таким образом, проведенный предварительный анализ позволяет говорить о связи факторов онтогенеза ребенка и его хронотипа. Особое место занимает грудное кормление ребенка, что является экзогенным синхронизатором ритмов и может играть ключевую роль в формировании хронотипа как составной части хронома.

Будыка Е.В., Сабитова М.Р., Ефимова И.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
Московский государственный областной гуманитарный институт, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОЛУШАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОЗГА

Настоящая работа продолжает серию исследований, посвященных выявлению биологических основ индивидуально-психологических различий с позиций нейропсихологии, что предполагает поиск принципов мозговой организации, которые наряду с другими факторами определяют индивидуальную вариабельность психики человека (Хомская, 1996).

Нейропсихология индивидуальных различий исходит из предположения о том, что отражением сложных межполушарных взаимоотношений выступает, в частно-

сти, специфика функциональной асимметрии в основных анализаторных системах. Индивидуальные особенности распределения функций между левым и правым полушариями мозга в данных системах оцениваются по соотношениям правосторонних, симметричных и левосторонних признаков в моторной и сенсорных сферах.

Задача настоящего исследования заключалась в анализе связей некоторых эмоционально-личностных характеристик с особенностями межполушарной организации мозга. Исследовали следующие эмоционально-личност-

ные особенности: уровень тревожности (тест Ч. Спилбергера, Ю.Л. Ханина); общую эмоциональность, а также выраженность базальных эмоций радости, страха и гнева (опросник А.Е. Ольшанниковой, Л.А. Рабинович); эмоциональную устойчивость, выраженность экстраверсии-интроверсии (опросник EPQ Г. Айзенка); эмпатические способности (методика В.В. Бойко), способность к распознаванию положительных и отрицательных эмоций (экспериментально-психологические методики опознания лицевой эмоциональной экспрессии С.В. Квасовца).

Особенности межполушарной организации изучали по методике Е.Д. Хомской и И.В. Ефимовой (1991), оценивая предпочтения в моторной мануальной, слухоречевой и зрительной системах и описывая индивидуальный профиль латеральной организации (ПЛО) моторных и сенсорных функций. В исследовании участвовали 50 студентов вуза (20 юношей и 30 девушек в возрасте 19–21 года).

Результаты проведенного исследования обнаружили, что накопление правосторонних признаков функцио-

нальной асимметрии в индивидуальном ПЛО связано со снижением уровня тревожности (коэффициент корреляции $r = 0,40$ при $p = 0,05$), с повышением эмоциональной устойчивости ($r = 0,47$), с увеличением выраженности экстраверсии ($r = 0,30$), со снижением уровня эмпатии ($r = 0,41$), с лучшим распознаванием положительных эмоций ($r = 0,50$). Накопление левосторонних признаков в ПЛО связано с повышением уровня эмоциональности ($r = 0,74$), увеличением выраженности базальной эмоции «страх» ($r = 0,52$), а также с лучшей способностью к опознанию отрицательных эмоций ($r = 0,79$). Описанные выше связи преимущественно были выявлены в мужской подгруппе.

В целом, экспериментальные результаты, полученные в настоящем исследовании, подтверждают существующую гипотезу о различной роли левого и правого полушарий в обеспечении эмоциональных явлений, а также свидетельствуют о наличии связей индивидуальных различий эмоционально-личностных характеристик с межполушарной организацией мозга.

Веневцева Ю.Л., Зайцев Д.А., Мельников А.Х.

Тульский государственный университет, Тула

ВЛИЯЮТ ЛИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА НА ВЫБОР ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ?

Медицина относится к «помогающим» профессиям с высоким риском развития синдрома выгорания как проявления неудовлетворительной адаптации к комплексу природных и социальных факторов, однако психофизиологические особенности студентов-медиков представляются изученными недостаточно.

С целью изучения психофизиологических особенностей личности весной 2012 г. было обследовано 58 девушек и 26 юношей-студентов VI курса специальности «Лечебное дело». Использовали шкалу депрессии Бека, степень выраженности пограничной депрессивной симптоматики оценивали по опроснику PHQ-9 (Spitzer et al., 1999). Математический анализ ритма сердца (НейроСофт, Иваново, 5-минутная запись в покое) позволил получить представление о симпато-вагальном балансе. Для оценки психомоторики («Психотест», НейроСофт, Иваново) определяли скорость простой (ЗМР) и сложной (РВ) зрительно-моторных реакций, помехоустойчивость (ПУ), время реакции на движущийся объект (РДО), частоту движений в теппинг-тесте (ТТ), критическую частоту слияния мельканий (КЧСМ), а также треморометрию (ТМ) – статическую и по профилю.

Корреляционный анализ показал, что с повышением уровня депрессии достоверно снижается средняя длительность сердечного цикла ($r = 0,60$ для девушек и $r = 0,67$ для юношей) и вариабельность ритма сердца. Возрастает отношение LF/HF, указывая на преобладание симпатического отдела вегетативной нервной системы. У девушек депрессия достоверно замедляет скорость простой ЗМР в начале и конце исследования. Чем выше уровень депрессии у юношей, тем выше разброс показателей РДО и не-

стабильность КЧСМ. Укорачивается время РВ в начале и возрастает – в середине исследования, выражено снижается точность движений. Кроме того, удлиняется переходный период вработывания при выполнении тестов, определяющих скоростные параметры функционирования центральной нервной системы (РДО, РВ, КЧСМ).

При разделении студентов на группы по предпочитаемой специальности оказалось, что менее подвержены депрессивной симптоматике студентки, выбравшие анестезиологию-реаниматологию ($3,2 \pm 0,4$ б.) по сравнению с гинекологами ($6,0 \pm 1,3$ б; $p < 0,05$), терапевтами ($6,9 \pm 1,0$; $p < 0,01$), ЛОР-врачами ($7,3 \pm 1,2$ б; $p = 0,04$), рентгенологами ($8,4 \pm 1,46$; $p = 0,026$), хирургами ($10,3 \pm 1,4$; $p = 0,02$) и неврологами ($13,0 \pm 4,6$ б; $p < 0,05$).

Анализ психомоторики показал, что в лучшем функциональном состоянии находились будущие рентгенологи, в то время как у анестезиологов при хорошей скорости реакции точность движений была хуже. Самые низкие показатели по всем психомоторным методикам отмечены у будущих терапевтов и неврологов. У юношей достоверных различий в уровне депрессии в зависимости от выбора специальности не было обнаружено, однако, как и у девушек, в несколько худшем функциональном состоянии находились неврологи по сравнению с травматологами. Преобладание симпатического тонуса у неврологов отражает эмпатию и эмоциональность. Наибольшей помехоустойчивостью обладали будущие анестезиологи.

Таким образом, у студентов выпускного курса специальности «Лечебное дело» обнаружены психологические, нейрофизиологические и психофизиологические корреляты выбора дальнейшей специализации в медицине.

Губарева Л.И., Гутко Т.Н., Хошбеян Т.С.

Ставропольский государственный университет, Ставрополь

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

В основе индивидуальности лежат способности. Музыкальные способности проявляются уже в раннем возрасте. Однако отсутствие ранних проявлений музыкальности еще не свидетельствует об их отсутствии вообще, так как ход развития музыкальных способностей очень индивидуален. Занятия музыкой развивают музыкально-слуховые и двигательные представления, зрительную память. Увиденное должно быть понято и услышано. Проговаривание нотного текста ведет к переводу внешних умственных действий во внутренний план и к последующему их необходимому «свертыванию» из последовательного процесса в структурный, симультанный, укладывающийся в сознании как бы одновременно, сразу, целиком.

В то же время сегодня мало работ, посвященных изучению музыкальных способностей, и почти полностью отсутствуют работы по изучению взаимосвязей компонентов различных способностей, в том числе музыкальных, психомоторных и познавательных, что обуславливает актуальность исследований в данном направлении.

Целью настоящего исследования было изучение психофизиологических особенностей людей, одаренных музыкальными способностями. Обследованы 34 учащихся 12–20 лет музыкальных учебных заведений г. Ставрополя. Группу сравнения составили учащиеся гимназии №3 и студенты Ставропольского государственного университета, не занимающиеся музыкой (37 человек). При этом для участия в исследовании выбирались учащиеся и студенты со средней успеваемостью не менее 4 баллов. Были использованы следующие методики: тест креативности Торранса; хронорефлексометрия на компьютерном приборе «Психофизиолог»; специальные воспринимающие и воспроизводящие тесты музыкально-слуховых представлений и чувства музыкального ритма, по методике В.П. Анисимова. Результаты исследования подвергались статистической обработке.

Согласно результатам исследования, лица, занимающиеся музыкой, обладают более высоким уровнем креативности по большинству показателей (беглости, гибкости, оригинальности), по сравнению с их сверстниками, не занимающимися игрой на музыкальном инструменте ($p < 0,001$). В группе музыкантов отмечали достоверно значимое повышение уровня активности центральной нервной системы (ЦНС) у девочек 12–15 лет ($p < 0,05$) и у юношей и девушек 17–20 лет ($p < 0,05...0,001$) по сравнению с контролем.

Скорость моторной реакции, судя по длительности латентного периода времени зрительно-моторной реакции, у музыкально одаренных людей выше, чем у их сверстников исследуемых возрастных групп. Среди музыкантов максимальные показатели уровня активности ЦНС и скорости моторной реакции выявлены у девушек 17–20 лет. При этом у подростков, занимающихся на музыкальных инструментах, возбуждательные процессы преобладают над тормозными ($p < 0,05$). Выявлены не только возрастные, но и половые различия. Среди подростков контрольной группы показатели беглости мышления в пубертатный период были выше у мальчиков ($p < 0,05$), гибкости, оригинальности и разработанности мышления – у девочек ($p < 0,05...0,001$). В инструментальной группе межполовые различия у подростков не выявлены, что допустимо расценивать как показатель ускоренного развития креативного мышления при занятиях музыкой. В юношеской возрастной группе у девушек, занимающихся на инструменте, показатели гибкости и разработанности мышления выше, чем у юношей-музыкантов ($p < 0,05$).

Таким образом, с одной стороны, высокая лабильность и активность ЦНС является благоприятной природной основой не только музыкальности, но и развития творческого мышления. С другой стороны, креативность мышления в значительной мере определяет успешность игры на музыкальных инструментах.

Гут Ю.Н.

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРОМ ЛАТЕРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Интерес исследователей к феноменологии восприятия времени явно усиливается. Вместе с тем, многое из данной проблематики еще нуждается в изучении и, в частности, изучении индивидуальных различий и особенностей восприятия времени, связанных с психофизиологической организацией активности человека.

В связи с этим исследование взаимосвязи показателей функциональной асимметрии с особенностями восприя-

тия времени у подростков представляется достаточно актуальным.

Поскольку природа возможных первичных дефектов в развитии отклоняющегося поведения не до конца изучена, возникает необходимость исследования механизма «сложения» неблагоприятной ситуации развития и некоторых врожденных предпосылок, провоцирующих возникновение девиантного поведения.

В отечественной психологии возросло количество работ, посвященных исследованию работы больших полушарий мозга и восприятия времени (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова, Е.И. Головаха, А.А. Кроник и др.).

Адекватное отражение времени рассматривается как интегральный показатель зрелости психических функций личности (Е.В. Карпова, М.С. Роговин). В последние годы появилось достаточно много фактов, которые свидетельствуют о том, что восприятие времени включено в общий контекст психической жизни личности и отражает присутствие ей черты (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник).

Литературные источники свидетельствуют о том, что успешность социализации подростка, саморегуляция и самосознание тесно связаны со способностью адекватного отражения различных временных отношений: прошлое, настоящее, будущее (Демина, 2006). Возрастающий интерес к особенностям восприятия времени в подростковом возрасте связан с увеличением числа подростков с девиантным поведением. С нашей точки зрения, перспективным является подход к изучению восприятия времени в подростковом возрасте не только с социально-психологической позиции (влияние неблагоприятных социума и пр.), но и с учетом определенных природно-обусловленных факторов, в частности, особенностей функциональной асимметрии головного мозга (ФАМ).

По мнению Б.Г. Ананьева, жизнедеятельность человека в значительной степени опосредована его индиви-

дуальными особенностями. При исследовании индивидуальных свойств человека, наряду с нейродинамическими и конституциональными особенностями, Б.Г. Ананьев придавал большое значение и изучению особенностей латеральной организации человека (Ананьев, 1977).

Нейропсихологический подход к исследованию человеческой индивидуальности осуществляется с помощью известных психофизиологических и нейропсихологических методов (Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова, Е.Д. Хомская, М.К. Кабардов и др.). В частности, Е.Д. Хомская рассматривает индивидуальный профиль сенсорных и моторных асимметрий как «интегративный показатель, характеризующий межполушарную асимметрию».

В результате проведенного нами исследования было установлено, что существуют различия в особенностях восприятия времени у девиантных подростков с разными показателями моторных проб и характерные личностные особенности у испытуемых, имеющих одинаковые показатели. Для испытуемых с левым показателем моторных проб характерна преимущественно ориентация в прошлое. Испытуемые с правосторонними показателями моторных проб демонстрируют более приятное эмоциональное отношение ко времени. Сочетание общепсихологического и дифференциально-психологического подхода позволило установить связи особенностей функциональной асимметрии, фиксируемые в показателях моторных проб с личностными характеристиками, реализуемые в системе действий по организации временного и жизненного пространства человека.

Давыдова Е.Ю., Давыдов Д.В.

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Проблема повышенного перфекционизма как одного из факторов тревожных и депрессивных состояний широко изучается в клинической психологии. В то же время тенденция увеличения дезадаптивно низких показателей перфекционизма является актуальной проблемой оптимизации обучения. В русле этого направления было проведено комплексное исследование показателей памяти и интеллекта, а также отдельных личностных характеристик в группах с различными показателями перфекционизма.

В исследовании приняли участие 88 испытуемых в возрасте от 18 до 24 лет. Показатели перфекционизма (ПП) измеряли при помощи опросника Н.Г. Гаранян, нейропсихологическое тестирование памяти проводили по методике Лурия-2010 (Симерницкая, 1990); в модификации Е.Ю. Давыдовой (2010). Кроме того, оценивались личностные особенности (опросник Айзенка), состояние агрессии (опросник Басса-Дарки), уровень тревожности (шкала Дж. Тейлор) и отдельные характеристики интеллекта (субтесты шкалы Векслера «арифметический», «Сходство»).

Сравнение по указанным параметрам групп с низкими, средними и высокими показателями перфекционизма выявило достоверные различия по 8 различным параметрам ($p < 0,05$). Было показано, что участники исследования с

высокими показателями перфекционизма также имеют большие значения показателей тревожности, физической агрессии, нейротизма и чувства вины, что согласуется с известными исследованиями (Гаранян, 2010). В то же время у них выявлены лучшие показатели объема слухоречевой и зрительной памяти и объема произвольного запоминания слов.

В группе с высокими ПП также зафиксированы лучшие результаты решения задач на арифметику и поиск сходства понятий (субтесты шкалы Векслера).

Попарное сравнение выделенных групп показывает, что не для всех показателей характерно линейное увеличение в соответствии с уровнем ПП. Так, показатель «регуляции и контроля» зрительной памяти, отражающий точность воспроизведения зрительных стимулов, оказался наиболее высоким в группе со средними значениями перфекционизма. Качественный анализ изображений показал, что в группе с низкими ПП преобладали «ошибки внимания» в виде инверсий и упрощения символов, тогда как в группе с высокими ПП чаще встречались «ошибки-фантазии», отражающие попытки воспроизвести забытый символ. В целом, различия между группами с низким и средним уровнем ПП были преимущественно связаны с

характеристиками мнестической деятельности, а в группах со средним и высоким уровнем перфекционизма – с личностными характеристиками.

Анализ полученных результатов позволяет предположить, что отсутствие внутреннего стремления к совершенству при выполнении любых задач может быть обусловлено не только слабой мотивацией, но и несфор-

мированностью навыков самостоятельного эффективного взаимодействия с проблемой, важнейшим из которых является удержание в памяти достаточного объема информации. Учитывая это, проблему пассивности учащихся нужно решать не только средствами повышения мотивации, но и непосредственным развитием таких базовых когнитивных функций, как память и внимание.

Дикая Л.А., Покуль Е.Б.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

МОЗГОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ У УЧАЩИХСЯ С УМСТВЕННОЙ ОДАРЕННОСТЬЮ

Важным направлением исследований современной психофизиологии индивидуальных различий является изучение мозговых закономерностей и механизмов когнитивной деятельности у людей с различными умственными способностями. Работы, направленные на изучение особенностей мозговой организации у одаренных детей и подростков, у учащихся с различными формами проявления одаренности, в современной науке крайне редки (Богоявленская, 2002, 2009; Голубева, 2005; Лебедев, 2003). Проведение таких исследований может способствовать более полному раскрытию закономерностей и механизмов развития одаренности личности, созданию условий для превращения потенциально одаренного ребенка в одаренного взрослого, реализации его одаренности во взрослой жизни.

Целью проведенного исследования было изучить особенности функциональной организации коры мозга при решении когнитивных задач у учащихся с умственной одаренностью, с явной и скрытой формами её проявления. Участники исследования – 127 старшеклассников в возрасте 14–17 лет, разделенные на две группы: с признаками (80 человек) и без выраженных признаков (47 человек) умственной одаренности. В зависимости от формы проявления одаренности учащиеся с признаками одаренности, в свою очередь, также были разделены на две подгруппы: с признаками явной (38 человек) и скрытой (42 человека) умственной одаренности. Испытуемым предлагалось решать когнитивные задачи, которые разделялись по характеру на вербальные и невербальные; по типу на конвергентные и дивергентные; последние, в свою очередь, по уровню сложности были разделены на простые и сложные.

Запись ЭЭГ проводилась в спокойном состоянии и при решении когнитивных задач с 21 стандартного моно-

полярного отведения по международной системе 10-20. Анализировались когерентность ЭЭГ в шести частотных диапазонах: тета 1 (4,0 – 6,0 Гц), тета 2 (6,0 – 8,0 Гц), альфа 1 (8,0 – 10,5 Гц), альфа 2 (10,5 -13,0 Гц), бета 1 (13,0 – 24,0 Гц) и бета 2 (24,0 – 35,0 Гц). Статистические методы обработки данных – многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA и post hoc анализ с помощью критерия Тьюки.

В частотно-пространственной организации ЭЭГ у старшеклассников выделены общие и специфические функциональные связи, обусловленные наличием признаков одаренности, формой одаренности, типом и характером решаемых когнитивных задач. Высокая внутриполушарная интеграция областей мозга в задних отделах коры правого и левого полушарий, а также между передними и задними отделами коры правого полушария характерна для всех старшеклассников при решении ими всех когнитивных задач.

Показано, что решение когнитивных задач у старшеклассников с признаками одаренности характеризуется усилением коротких внутриволновых когерентных связей в передних и задних отделах коры во всех исследуемых частотных диапазонах, тогда как у старшеклассников без признаков одаренности – усилением длинных внутриволновых когерентных связей между передними и задними отделами коры во всех частотных диапазонах и межполушарных когерентных связей в высокочастотных ЭЭГ-диапазонах. Различия частотно-пространственной организации ЭЭГ у старшеклассников с признаками явной и скрытой одаренности выявлены преимущественно для низко- и высокочастотных ЭЭГ-диапазонов, отражаются в топографии внутриволновых когерентных связей и определяются типом решаемых когнитивных задач.

Дробница И.П.

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕЖПОЛУШАРНОЙ АСИММЕТРИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРАВЕРСИИ-ИНТРОВЕРСИИ

В научных исследованиях взаимосвязей между межполушарной асимметрией и индивидуально-психологи-

ческими характеристиками в качестве показателей межполушарной асимметрии чаще всего выбираются либо

отдельные замеры функциональных асимметрий, либо их комплекс (профиль латеральной организации). Полученные результаты зачастую носят противоречивый характер. Например, в одних работах экстраверсию связывают с доминированием левого полушария (Хомская, Москвин, 1988, 2002; Howard et al., 1992), в других – с доминированием правого полушария (Корниенко, 1998; Богомаз, 1999), а в третьих – с характером взаимодействия полушарий между собой (Сандомирский, Гуленко, 1995).

Представляется, что одной из причин противоречивости получаемых данных является недоучет фактора специализированности-эквивалентности полушарий и фактора устойчивости-вариативности доминантности полушарий. Для изучения влияния названных факторов было проведено исследование на выборке 200 взрослых человек (праворуких и амбидекстров). Индивидуально-психологические характеристики измерялись опросниками FPI, EPI, 16 PF, Кейерси, Леонгарда-Шмишека, Зворыкина и рисуночным тестом РНЖ. Латеральные замеры были выполнены с помощью анкеты Аннет, пробы на аплодирование, миокинетического теста Мира-и-Лопеса, теппинг-тесту для двух рук, пробы на определение ведущего глаза по прицеливанию, ведущей ноги по ширине шага и морфологическим асимметриям лица.

Проведенное исследование показало, что два вышеназванных фактора межполушарной асимметрии наиболее оказались сильно связанными с такой базовой индивидуальной характеристикой, как экстраверсия-интроверсия.

Интровертированность соответствовала проявлениям эквивалентности, неустойчивости доминирования и зеркальности в выполнении моторных мануальных проб и субтестов «линеограммы» и «зигзаги» миокинетического теста Мира-и-Лопеса.

Показатель силы-слабости нервной системы по теппинг-тесту не обнаружил корреляции с экстраверсией, но проявил связь с этой характеристикой через опосредующее влияние двух исследуемых факторов межполушарной асимметрии. Высокой экстраверсией характеризовались испытуемые с сочетанием силы нервной системы по теппинг-тесту и устойчивости доминирования полушария, ведущего по тону (по показателю стабильности ведущей руки в субтесте «зигзаги») и испытуемые со слабостью нервной системы в теппинг-тесте и низкой эквивалентностью (высокими отличиями в качестве выполнения заданий на диагностику тонкой моторики для двух рук).

Исследование показало, что ряд индивидуально-психологических характеристик, имеющих корневую связь с экстраверсией (импульсивность, экспрессивность, доминантность, общительность, веселость, тяга к новым впечатлениям и риску, вспыльчивость, активность, самоконтроль и ряд других), имеют в качестве предикторов определенные сочетания сенсорных, моторных и морфологических асимметрий, действующих опосредованно в зависимости от таких характеристик, как сила-слабость нервной системы, мера эквивалентности и степень устойчивости доминирования полушарий.

Жамбеева З.З., Аминов Н.А., Кабардов М.К.

Психологический институт РАО, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАСПОЗНАВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Условием успешности общения человека с другими людьми является развитие его эмоциональной сферы: способность адекватно выражать свои чувства, эмоции, понимать и принимать чувства других. Умение человека сопереживать другим людям, чувствовать чужую боль и радость как свою способствует умению выбирать по отношению к другому человеку наиболее подходящий способ поведения и помогает налаживать контакт. Одним из критериев оценки коммуникативных способностей является точность распознавания эмоциональных состояний в процессе межличностного взаимодействия, общения.

Устойчивость проявления коммуникативных способностей, избирательность форм реагирования, темпоральные характеристики обеспечиваются преимущественно за счет природных факторов: свойств нервной системы и характеристик межполушарного взаимодействия (Кабардов, 1989). Проведенные исследования показывают влияние свойств нервной системы и межполушарной асимметрии на восприятие и осознание эмоциональных состояний (Аминов, 1997; Жамбеева, 2007; Кабардов, 2010; Кабардов, Арцишевская, 1997; Кагермазова, 2000; Рейковский, 1979; Михайлова, Давыдов, Моргунова, 1996; Хомская, Батова, 1992; Русалова, 2003). Но какой именно вклад данные переменные вносят в механизмы восприятия и осоз-

нания эмоциональных переживаний, до сих пор остается неясным.

Целью данной работы и стала попытка показать, как влияют свойства нервной системы и характер взаимодействия полушарий мозга на распознавание эмоциональных состояний через схемы мимики лица или через слово как опосредующий фактор этих состояний.

Для определения свойств нервной системы и характера межполушарной асимметрии на эмоциональное восприятие были использованы две методики. Первая направлена на распознавание и понимание эмоциональных состояний (Кабардов, Аминов, Жамбеева, 2006). Вторая – ЭЭГ-методика – позволяет определить свойства нервной системы и межполушарные различия. ЭЭГ-показатели спонтанной ритмики сравнивались с показателями методики определения способностей распознавания эмоций по их мимическому выражению (сопереживание) и понимания эмоций (их осознание).

В психофизиологическом исследовании принял участие 21 студент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Получены достоверные корреляции между показателями электроэнцефалограммы и субтестами по распознаванию эмоций по отведениям в ЛП (левое полушарие) или

ПП (правое полушарие), характеризующие взаимосвязь вербальных и невербальных способов восприятия эмоционального выражения лица и слов, выражающих эмоциональные состояния, с особенностями межполушарной асимметрии, с одной стороны, и свойствами нервной системы – с другой (Жамбеев, 2007). Исследование выявило два синдрома: точность распознавания эмоции (сопереживание) и понимание эмоции (их осознание).

Оказалось, что точность распознавания эмоции по мимической схеме лица обеспечивается сочетанием таких свойств нервной системы, как слабость, лабильность, активированность, а понимание эмоций (осознание) определяется сочетанием противоположных полюсов свойств

нервной системы – силы, инертности и инактивированности. Эта дихотомия отражает соотношение двух типов переработки информации – «художественного» и «мыслительного» (по И.П. Павлову).

Корреляционные связи показали, что обнаруживается различное соотношение вкладов свойств в распознавание положительных и отрицательных эмоций. Лица с инактивированным типом нервной системы преимущественно отличаются лучшим осознанием слов, выражающих экспрессивные состояния отрицательного характера, в то же время лица с преобладанием слабости или чувствительности нервной системы лучше осознают переживания положительного характера.

Кежаев О.С., Колесниченко Е.В.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Минздравсоцразвития России, Саратов

СВЯЗЬ ФАКТОРА ТЕМПЕРАМЕНТА «ПОИСК НОВИЗНЫ» С ПОЛИМОРФИЗМОМ VAL66MET ГЕНА BDNF

В соответствии с психобиологической моделью индивидуальности С. Клонингера показатель «поиск новизны» является одной из осевых наследуемых черт темперамента, для измерения которых С. Клонингер создал опросник Temperament and Character Inventory (TCI). «Поиск новизны» – это готовность к активизации исследовательского поведения в ответ на новизну стимулов (Cloninger, 1987).

Испытуемые с высоким поиском новизны нетерпимы к рутине и постоянно затевают какие-либо начинания. Однако их действия неупорядочены и не имеют четко выраженной целенаправленности. В общении с другими они легко возбудимы, часто конфликтуют, легко обижаются, но также быстро отходят от обиды. Изменчивы: привязанности устанавливаются очень легко, но так же легко исчезают. По своим мимолетным прихотям совершают сиюминутные действия, вплоть до безумств. Впечатление об увиденном или услышанном формируется быстро, поверхностно и интуитивно. Любят чрезмерно драматизировать ситуацию. Общаясь, предпочитают говорить, а не слушать собеседника. Свободное время проводят в экстравагантных приключениях, часто с криминальным уклоном и с риском для собственной жизни.

Многочисленные исследования показывают как наличие ассоциации полиморфных маркеров генов различных нейромедиаторных систем мозга с «поиском новизны», так и ее отсутствие. Связь «поиска новизны» с полиморфными маркерами генов нейропептидов, в частности, мозгового нейротрофического фактора (BDNF), изучена недостаточно.

Цель исследования: оценка роли гена BDNF в формировании черты темперамента «Поиск новизны» у больных

шизофренией и психически здоровых лиц. Было проведено психодиагностическое и молекулярно-генетическое исследование 14 пациентов, страдающих параноидной шизофренией (F20.0 в соответствии с диагностическими критериями МКБ-10; 5 женщин, 11 мужчин) и 17 добровольцев из числа психически здоровых лиц (12 женщин и 5 мужчин).

Для оценки наследуемого фактора темперамента «Поиск новизны» использовалась Диагностическая методика TCI-125 структуры характера и темперамента С. Клонингера (Ениколопов, Ефремов, 2001). Молекулярно-генетическая часть исследования проводилась в лаборатории генетики НЦПЗ РАМН. Был определен аллельный полиморфизм Val66Met гена BDNF. В группе больных шизофренией генотип ValVal определен у 57% обследованных, генотип ValMet – у 43%; в группе здоровых добровольцев носителями генотипа ValVal были 71% испытуемых, носителями генотипа ValMet – 29%.

Различий в уровне показателя «Поиск новизны» между страдающими шизофренией и психически здоровыми лицами выявлено не было (9,9±3,4 и 9,05±3,5 соответственно). Более высокие значения показателя «Поиск новизны» отмечались у лиц с генотипом ValMet как в группе больных шизофренией, так и в группе здоровых испытуемых.

Можно предположить, что наследуемый фактор темперамента «Поиск новизны» ассоциирован с полиморфизмом Val66Met гена BDNF. Присутствие аллеля Met в генотипе предрасполагает к более высоким значениям параметра «Поиск новизны». Планируется продолжение исследования на большой выборке.

Коваленко А.В.

Институт психологии и педагогики профессионального образования РАО, Казань

ПСИХОМОТОРНЫЕ СВОЙСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТИПОВ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие личности как самоорганизующейся регуляторной системы характеризуется, прежде всего, комплексом тех личностных качеств, которые определяют ее «самость», позволяют ей самостоятельно действовать во внешней среде. Согласно «системной феноменологии самостоятельности личности», личностно-типологические особенности субъектной регуляции проявляются в феномене «автономности-зависимости» (Прыгин, 2006).

С нашей точки зрения, особый интерес представляет изучение индивидуальных различий, проявляющихся в динамических характеристиках регуляторных процессов. Диагностика рассматриваемых характеристик в настоящее время проводится недостаточно и взаимосвязь природных и прижизненно формируемых особенностей субъектной регуляции требует дополнительных исследований. В данной работе предпринята попытка исследовать взаимосвязь психомоторных свойств со следующими «более высокими» уровнями развития субъектной регуляции: формально-динамическим и характерологическим (далее СККЛ симптомокомплекс качеств личности).

Теоретико-методологическая база исследования представлена работами Л.В. Веккера (1988) О.А. Конопкина (2011); В.М. Русалова (1997) и др. Диагностический инструментарий: опросник «автономности-зависимости» Г.С. Прыгина, «ОФДСИ» В.М. Русалова, тест уверенности в себе В.Г. Ромека, тест Р. Кеттела (форма С), «Томский опросник ригидности» Г.В. Залевского, программный диагностический комплекс: РДО.

Как показали результаты исследования, «автономные» субъекты, обладая более развитыми способностями к адаптации, проявляющимися уже на психомоторном уровне, расположены к проявлению определенных формальных характеристик поведения; в коммуникативной сфере это: легкость переключения в процессе общения, высокая вовлеченность в коммуникативный процесс и способность к интенсивной речевой активности; в мо-

торной: высокая скорость осуществления физической деятельности и низкая интенсивность переживаний в ситуации неуспеха.

Взаимосвязь адаптационных возможностей с СККЛ позволяет рассматривать первые в качестве психофизиологического фактора при формировании черт уверенного и «пластичного» поведения. К таким чертам можно отнести проявление инициативы при установлении социальных контактов, смелость, решительность, а также способность при объективной необходимости изменить мнение, установку, мотивы, модус переживания. Данный комплекс личностных черт наряду с другими характерологическими качествами обуславливает «автономный» тип субъектной регуляции.

Также было установлено, что повышение психомоторного возбуждения сопровождается эмоциональной неустойчивостью в поведении субъекта, при этом происходит снижение скорости движений, мышечной работоспособности, а также гибкости мышления при осуществлении интеллектуальной деятельности. Тенденция к нарастанию переживаний, высокая эмоциональность создает «благоприятную почву» для развития таких характерологических качеств, как робость, застенчивость, неуверенность и т.д. В свою очередь, такой комплекс личностных черт обуславливает формирование системы субъектной регуляции по «зависимому» типу.

Учитывая связь «автономности» с компонентами каждого из уровней, при их тесной связи друг с другом, можно предположить, что «автономность» как системное качество субъекта проходит «сквозь все уровни» онтогенетического развития личности, закрепляясь в типе регуляции деятельности на уровне личностных качеств. Дальнейшие исследования в этой области открывают большие перспективы для изучения роли природных свойств в формировании важнейшего психологического феномена «автономности-зависимости».

Кондратенко А.В., Базанова О.М.

Македонская государственная филармония, Скопье, Македония

СРАВНЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АЛЬФА-ЭЭГ ПРИЗНАКОВ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У МУЗЫКАНТОВ И НЕМУЗЫКАНТОВ 3–18 ЛЕТ

Изучение онтогенеза сенсомоторной интеграции остается актуальным для понимания законов развития взаимоотношений «мозг-поведение» со времен Н.И. Бернштейна (1966). Несмотря на растущий интерес к новым прогрессивным методам исследования мозга (fMRT, NIRS, MEG), электроэнцефалография (ЭЭГ) остается оптимальным способом детекции тонких изменений функций нейронов. Среди ЭЭГ-признаков, характеризующих различные

аспекты когнитивной, психомоторной деятельности и психоэмоциональной сферы человека, наибольшее значение принадлежит показателям альфа-активности мозга (Klimesh et al., 2007; Базанова, 2009).

Индивидуальная частота альфа-пика соотносится с эффективностью когнитивных (Doppelmayr et al., 2002) и психомоторных (Hummel, 2004) процессов. Увеличение амплитуды низкочастотных альфа-колебаний отражает

обострение процессов перцепции сенсорных (Cavallaro et al., 2010; Vanrullen et al., 2011) и эмоциональных стимулов (Русалова и др., 2011), а увеличение мощности высокочастотного альфа-диапазона – успешность решения когнитивных и психомоторных заданий (Klimesh et al., 1999; Базанова и др., 2008). Цель настоящего исследования – изучить изменение с возрастом индивидуальных альфа-ЭЭГ признаков музыкально-исполнительских (МИ) способностей.

Методы. Социологические оценки, включающие семейный анамнез, условия общего и музыкального воспитания, мы получали с помощью анкеты для родителей (Netemeyer et al., 2003). На основании анкетирования респонденты подразделялись на две группы: «немузыканты» – лица, не имеющие опыта МИ практики (Н) (378 человек), и «музыканты» – ученики музыкальных школ (М) (211 человек). Респонденты обеих групп, в свою очередь, подразделялись на четыре возрастные подгруппы (3–5, 6–8, 9–13, 14–18 лет).

Аккуратность и ловкость движения пальцев оценивалась с помощью выполнения моторного теста (Siu et al., 2011). Невербальная креативность оценивалась тестом Торренса. Также тестировался порог дифференциальной слуховой и тактильной чувствительности. Тонус мышц лба, отражающий степень психоэмоционального напряжения, оценивали с помощью электромиограммы (ЭМГ). ЭЭГ регистрировалась по 8 монополярным отведениям

(F3, F4, C3, C4, P1, P2, O1 O2) в состоянии покоя с закрытыми (180 с) и открытыми (30 с) глазами, затем при проведении моторной пробы – выполнении движения пальцами, имитирующего движения пианиста, при закрытых и открытых глазах. Вариабельность оценивалась с помощью ANOVA психофизиологических характеристик по факторам «группа» (два уровня: музыканты vs немужыканты), «возраст» и «пол», для оценки ЭЭГ-характеристик добавлялись факторы «каудальность» (F3, F4, C3, C4, vs P1, P2, O1 O2) и «латеральность» (F3, C3, P1, O1 vs F4, C4, P2, O2).

Результаты. Аккуратность и ловкость выполнения движения пальцами, беглость решения невербальной задачи, аудиальная и тактильная чувствительность, параллельно с альфа-ЭЭГ признаками МИ способностями не отличались у Н и М, у мальчиков и девочек в группах 3–5-летних детей, но увеличивались с возрастом у М больше, чем у Н. Одновременное снижение тонического напряжения мышц лба с повышением мощности ЭЭГ в индивидуальном альфа-диапазоне в ответ на моторную пробу является наиболее надежным нейрофизиологическим критерием в прогнозе МИ способностей.

Значимость. Результаты настоящего исследования предполагают возможность использования альфа-ЭЭГ-предикторов в прогнозировании, а также коррекции и развитии музыкально-исполнительских способностей с помощью технологий биоуправления.

Куксо П.А., Куксо О.Г.

Башкирский государственный университет, Уфа

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ВЕГЕТАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У СТУДЕНТОВ ПРИ ЭКЗАМЕНАЦИОННОМ СТРЕССЕ

Вопрос экзаменационного стресса привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей (Щербатых, 2000; Lee, Larson, 1996). Имеется ряд жизненно важных физиологических характеристик, которые могут выступать в роли индикатора состояния целостного организма. Это функциональные показатели сердечной деятельности и биоэлектрической активности головного мозга. Цель настоящего исследования – выявление соотношения между психологическими особенностями личности и вегетативными реакциями при экзаменационном стрессе. До начала экзамена и после проводились замеры гемодинамических показателей, артериального давления и частоты сердечных сокращений. Далее подсчитывался индекс Робинсона (ИР). Использовался метод замера медленной электрической активности головного мозга (омега-потенциал). Личностные качества студентов определялись с помощью СМИЛ (Собчик, 2009). Обработка данных проводилась с использованием коэффициента корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 43 студента факультета психологии.

По значениям ИР определяли уровень стресса у студентов: «отсутствие стресса», «умеренный стресс», «средний стресс» и «выраженный стресс».

Согласно полученным результатам, экзаменационный стресс влияет на показатели омега-потенциалов головного мозга. Все испытуемые были условно разделены на три группы. У студентов первой группы показатели омега-потенциала до и после экзаменационного стресса лежат в диапазоне 20-40 мВ. У студентов второй группы высокие базовые показатели до экзаменационного стресса от 40 мВ и выше снижаются после экзамена. У студентов третьей группы нормальные показатели омега-потенциала становятся высокими после экзаменационного стресса. Наилучшим вариантом считается устойчивое сохранение значений омега-потенциала в физиологическом диапазоне 20-40 мВ в ходе стресса и некоторое время после него, это относится к первой группе.

По ИР студенты этой группы разделились на тех, кто не испытывал стресс, испытывал «умеренный» и «средний стресс». У студентов второй группы и третьей группы отмечается «умеренный стресс». Только у испытуемых первой группы были обнаружены связи между психологическими показателями и физиологическим показателем ИР: шкалой «эмоциональной лабильности» и ИР ($r_s = 0,49$; $p < 0,05$), шкалой «индивидуальности» и ИР ($r_s = 0,61$; $p < 0,05$), шкалой «оптимистичности» и

ИР ($r_s = 0,57$; $p < 0,05$). Среднее значение ИР соответствует $1288 \pm 0,75$, что является показателем «среднего стресса». Среднее значение по шкале эмоциональной лабильности опросника СМЛЛ – $50,79 \pm 0,52$ лежит в коридоре нормы без выраженных индивидуально-типологических свойств. Средние значения по шкале индивидуалистичности и по шкале оптимистичности опросника СМЛЛ имеют значения $61,89 \pm 0,52$ и $62,63 \pm 3,9$ и лежат в коридоре нормы, определяя характерологические особенности индивида.

Индивидуальность у студентов этой группы ярко выражена, они ориентируются на субъективизм и интуицию, а экзаменационная ситуация вызывает избыточную активность.

При дезадаптации усиливаются гиперстенические характеристики. Трансформация психологической тревоги на организменном уровне приводит к функциональным нарушениям, это показывает, что мы имеем дело со сложной адаптационной системой, обеспечивающей приспособление организма к экстремальным условиям.

Лазарев И.Е., Осокина Е.С., Рамендик Д.М., Чернышев Б.В., Чернышева Е.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

НЕСОВПАДЕНИЕ ДАННЫХ ОПРОСНИКОВ ТЕМПЕРАМЕНТА ПРОЯВЛЯЕТСЯ В СВОЙСТВАХ СЛУХОВЫХ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

За последние десятилетия был разработан ряд теорий темперамента, получивших значительное экспериментальное обоснование (Айзенк, 1999; Русалов, 2002; Стреляу и др., 2009 и др.). Хотя авторы теорий исходили из разных допущений и основывались на разном экспериментальном материале, в них имеется много общего. В частности, данные опросников темперамента, составленных в рамках разных теорий и подходов, в целом хорошо согласуются друг с другом. Обычно корреляции между параметрами темперамента, определенными по разным опросникам, рассматриваются в целом по большим группам испытуемых (см., например, Стреляу и др., 2009). Более детальный анализ степени совпадения между данными опросников показал, что у части индивидов они существенным образом не согласуются (Рамендик, 2008, 2011). Более того, в указанных работах было высказано предположение, что индивиды, проявившие несогласованность между данными разных опросников, могут иметь особую специфику протекания психических процессов.

В исследовании приняли участие 30 испытуемых (студентов в возрасте от 18 до 27 лет; 20 женщин, 10 мужчин). Параметры темперамента испытуемых оценивали с помощью трех опросников: Павловского опросника темперамента Я. Стреляу (PTS) (Стреляу, 1982), личностного опросника Г. Айзенка (EPI) (Шмелев, 2002; Eysenck, 1982) и Опросника структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова (Русалов, 1990, 2000).

В зависимости от того, насколько соотношения между данными трех опросников соответствовали нормативным, испытуемые были разделены на две группы: к «согласованным» относили тех испытуемых, для которых отмечена высокая степень совпадения между коррелирующими шкалами примененных опросников (16 испытуемых). В группе «несогласованных» данные опросников были

противоречивы (14 испытуемых). Слуховые вызванные потенциалы в ответ на звуковые стимулы регистрировали при реализации методики одд-болл (соотношение вероятностей 1:4). Измеряли амплитуду и латентность поздних вызванных потенциалов на целевые стимулы от нулевой линии, а также от пика до пика для 15 окологлобулярных отведений (от F3, Fz, F4 до P3, Pz, P4).

Все испытуемые успешно справились с задачей: практически отсутствовали ошибки и пропуски ответа, латентные периоды ответов не отличались в двух группах. Амплитуда комплекса N2-P3 в группе «согласованных» испытуемых была выше, чем в группе «несогласованных» ($F(1,28) = 11.79$, $p = 0.002$). Данный результат не связан с прямыми различиями между группами испытуемых по исследованным параметрам темперамента и, следовательно, обусловлен фактором «согласованности» как таковым. Предполагается, что поздние компоненты отражают различные аспекты идентификации стимула, когнитивного контроля и процессы внимания. С учетом того, что амплитуда компонента ВП может отражать степень использования ресурсов мозга в выполнении того или иного задания (Кок, 2001), можно предположить, что для «несогласованных» испытуемых выполнение задачи на внимание требует меньшего количества ресурсов по сравнению с «согласованными».

Таким образом, исследование показало, что согласованность данных опросников темперамента связана с различиями в обработке информации, не наблюдаемыми на поведенческом уровне. Предположительно, феномен несогласованности результатов опросников темперамента указывает на существование у испытуемых «несогласованной» группы специфических особенностей функционирования мозга и психики, проявляющихся при внимании и восприятии.

Лебедева И.С., Семенова Н.А., Ахатов Т.А., Бархатова А.Н., Каледа В.Г.

ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, Москва

НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, ДЗ г. Москвы, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ГОЛОВНЫМ МОЗГОМ И МЕТАБОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕЙ ЛОБНОЙ ИЗВИЛИНЫ

Раскрытие механизмов мозгового обеспечения когнитивных функций является одной из ключевых проблем психофизиологии. Особую значимость здесь приобретают исследования с использованием объективных методов электрофизиологии и нейровизуализации головного мозга.

Первая группа методов характеризуется высокой временной, вторая – высокой пространственной разрешающей способностью, и, таким образом, синтез двух подходов становится высокоинформативным инструментом выявления структурно-функциональных зависимостей в головном мозге человека.

Обследовали 20 психически и неврологически здоровых праворуких мужчин возраста 17–28 лет. Регистрацию слуховых ВП проводили на аппаратно-программном комплексе топографического картирования биопотенциалов мозга (NeuroKM, НМФ «Статокин», Россия) в комплекте с аудиогенератором (МБН, Россия), обработка проводилась с помощью программы Brainsys («Нейрометрикс», Россия). Была использована стандартная парадигма oddball, стимулы предъявляли в псевдослучайном порядке с вероятностью предъявления целевого стимула (тон, частота 2 кГц, интенсивность 60 дБ) 0.2 и незначимого, нецелевого (тон, частота 1 кГц, интенсивность 60 дБ) 0.8. Анализировали амплитуду и латентный период волны P300 в 10 отведениях ЭЭГ. Локализационную протонную

МР-спектроскопию проводили на магнитно-резонансном томографе Phillips Achieva (Голландия) с индуктивностью магнитного поля 3 Тесла, оснащенный градиентной системой Dual Quasar и 8-канальной приемной радиочастотной катушкой для головы, снабженном встроенным программным пакетом ViewForum.

Выделение т.н. «объема интереса» осуществляли с помощью импульсной последовательности PRESS с TE = 35 мс и TR = 2000 мс. Воксель (20×15×10 mm) был помещен в среднюю часть левой и правой средней лобной извилины (СЛИ) с максимальным покрытием серого вещества. Конечным результатом являлись отношения сигналов N ацетиласпартат/H₂O (NAA), холинсодержащие вещества/H₂O (Cho), индекс глутамин\глутамат /H₂O (Glx). Статистически значимые коэффициенты корреляции были найдены между NAA в левой СЛИ и латентностью P300 в T3 (rSp = 0.61), Pz (0.55), NAA в правой СЛИ и латентностью P300 в F7 (0.56) и амплитудой P300 в F7(0.58), T3 (0.69).

Полученные данные указывают на имеющиеся прямые корреляции между метаболическими маркерами функциональной полноценности нейронального субстрата средней лобной извилины – области дорсолатеральной префронтальной коры – и большей скоростью ментальных процессов в диапазоне волны P300, ассоциируемой, в том числе, с процессами поддержания памяти и оценки поступающей информации.

Мажирин К.Г. (1), Резакова М.В. (2), Савелов А.А. (2), Савелова О.А. (2), Штарк М.Б. (1)

(1) ФГБУ «НИИ молекулярной биологии и биофизики» СО РАМН, Новосибирск

(2) УРАН НИИ «Международный томографический центр» СО РАН, Новосибирск

НЕЙРОДИНАМИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ В РЕЖИМЕ ИГРОВОГО КОМПЬЮТЕРНОГО БИОУПРАВЛЕНИЯ (ФМРТ-ИССЛЕДОВАНИЕ)

Сегодня функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) является технологией, прочно вошедшей в медицинскую науку и практику. Вместе с тем процесс разработки инновационных вариантов ее применения приносит всё новые результаты. В первую очередь это относится к применению фМРТ в психологической, психофизиологической и нейропсихологической областях знаний. Данная работа посвящена изучению особенностей центральной организации процессов психической саморегуляции при помощи технологии биоуправления.

Материалы и методы. Эксперимент был организован на базе Международного томографического центра СО РАН, в нем приняли участие 16 добровольцев – мужчины от 20 до 33 лет. Испытуемый, находясь в кольцевом магните томографа, посредством зеркал видит ход игры

на экране монитора. Использовался ПАК «БОС-Пульс», сюжет «Вира!». Играющий управляет одним из аквалангистов, опускающихся на дно при помощи ЧСС, с целью обогнать соперника. Чтобы победить, необходимо продемонстрировать навыки саморегуляции научиться замедлять сердечный ритм.

До и после эксперимента проводилось психодиагностическое исследование, предполагавшее оценку текущего психоэмоционального статуса. Исследования функциональной стереотопографии когнитивно-мнестических действий проводились на приборе Achieva Nova Dual (Philips, Нидерланды) с индукцией магнитного поля 1.5 Тл. Регистрация ЧСС осуществлялась беспроводным пульс-оксиметрическим датчиком, приложенным к указательному пальцу левой руки.

Результаты. Обработка данных игрового биоуправления позволила определить для каждого испытуемого ведущую стратегию саморегуляции, согласно разработанной нами ранее классификации (Мажирина К., 2009). Анализ динамики психоэмоционального статуса испытуемых в ходе выполнения экспериментального задания показал, что ситуация исследования не несла отрицательной эмоциональной нагрузки.

В результате динамического картирования зон активности (ЗА) головного мозга во время управления виртуальным сюжетом было показано, что исходное состояние (т.н. «дефолт») характеризуется предсуществованием ЗА в полях 19, 37, 39 и 49, по Бродману, а также активированных вокселей в тенториуме мозжечка, средне-теменной, передне-лобной извилинах. По мере развития навыка саморегуляции и нахождения верной когнитивной стратегии финишная «картинка» существенно обогащается новыми ЗА, наибольшие изменения возникают в мозжечке, мозго-

вом стволе и мезэнцефальном отделе – покрывке среднего мозга.

Таким образом, стартовая и финишная «территории», создаваемые управляемым игровым сюжетом, существенно отличаются друг от друга. Локализация динамики ЗА в мозжечке, стволе, корковых зонах Бродмана позволяет присоединиться к суждению о том, что мозжечок выполняет роль модулятора когнитивных функций, регулируя, в нашем случае, скорость, силу, ритм и точность мышления аналогично перечню свойств регулирования им двигательных функций, последовательно развертывая во времени программу когнитивных операций в игровом режиме.

Полученные результаты имеют бесспорное практическое значение, так как позволят в дальнейшем существенно расширить представления об on-line работе человеческого мозга при решении им сложных когнитивных заданий; и приблизиться к пониманию того, как устроены его основные оперативные и стратегические механизмы.

Моисеева В.В., Славуцкая М.В., Шульговский В.В., Фонсова Н.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ АСИММЕТРИИ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ САККАДИЧЕСКОГО ОТВЕТА ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ЦЕЛЕВЫХ И ОТВЛЕКАЮЩИХ СТИМУЛОВ ВЕДУЩЕМУ И НЕВЕДУЩЕМУ ГЛАЗУ*

При выборе целевого стимула для совершения к нему быстрого движения глаз включается торможение других возможных ответов, менее значимых для поведения в данный момент времени. Этот процесс сопровождается обязательным скрытым сдвигом внимания. В данном исследовании целевой и отвлекающий зрительные стимулы предъявлялись одновременно. Целью работы было оценить величину латентного периода саккады (ЛП) при стимуляции ведущего и неведущего глаза в различных условиях пространственного сочетания двух стимулов и оценить влияние индивидуального профиля асимметрии на характеристики саккады.

В экспериментах принимали участие 13 здоровых испытуемых. Целевые и отвлекающие зрительные стимулы предъявляли одновременно в различных пространственных комбинациях, монокулярно в правый и левый глаз. Показано, что ЛП саккад был короче на 10–30 мс при предъявлении стимулов ведущему глазу ($p < 0.05$). Средняя величина правильно выполненных саккад возрастала, когда целевой и отвлекающий стимулы предъявлялись в различных зрительных полуполях, и уменьшалась, когда стимулы предъявлялись в одном зрительном полуполе. Количество ошибочных саккад было наибольшим (более 50%) при предъявлении стимулов в одном зрительном

полуполе на расстоянии 5 угл. градусов и уменьшалось с увеличением расстояния между стимулами до 20 угл. градусов. Характер ошибок зависел от индивидуального профиля и психологических особенностей испытуемых. У некоторых испытуемых преобладали ошибки, при которых саккада сначала совершалась на отвлекающий стимул, а после этого на целевой (ошибки первого типа), у других саккады сопровождалась корректирующими саккадами (ошибки второго типа), но ошибки первого типа были более распространены для большинства испытуемых в большинстве случаев зрительной стимуляции. Неправильные саккады первого типа появлялись в том случае, когда ЛП саккад уменьшался на 50–60 мс по сравнению с ЛП правильных саккад ($p < 0.05$). В большинстве случаев выявлялись значимые различия между величиной ЛП правильных и ошибочных саккад.

Полученные результаты указывают на то, что величина ЛП саккад зависит от того, в какое полушарие мозга попадает первичная зрительная информация. В случае, когда стимулы проецируются в одно полушарие, ЛП правильных саккад уменьшается, но в то же время количество ошибок возрастает. Результаты свидетельствуют о ведущей роли правого полушария коры головного мозга в ситуации зрительного выбора.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 11-06-00306 и № 12-04-00719.

Москвин В.А., Москвина Н.В., Шумова Н.С., Ковалевский А.Г.

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва

МЕЖПОЛУШАРНЫЕ АСИММЕТРИИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

В спортивной психологии важное место занимает проблема индивидуальных особенностей волевой регуляции. Произвольная регуляция у людей различна, имеются индивидуальные особенности, которые обусловлены психофизиологическими параметрами. В работе изучен вопрос о возможных связях индивидуальных особенностей склонности к риску и импульсивности у лиц с разными вариантами функциональных асимметрий мозга (ФАМ). Для исследования связи психофизиологических параметров (в виде индивидуальных особенностей функциональных асимметрий) с регулятивными процессами человека нами была поставлена цель: изучить индивидуальные особенности этих функций у здоровых людей с разными вариантами профилей латеральности.

Методика. В эксперименте приняли участие 75 студентов 2 курса РГУФКСМиТ в возрасте 17–18 лет, из них 41 юноша и 34 девушки. По спортивному мастерству в выборке было 1 МСМК, 3 МС, 11 КМС, 60 человек имели 1 разряд. Исследование индивидуально-психологических особенностей испытуемых проводилось с помощью следующих тестов: опросника А.Г. Шмелева (направленного на оценку склонности к риску) и опросника В.А. Лосенкова, направленного на оценку импульсивности. В числе методик диагностики межполушарных отношений использовались: показатели парциального доминирования по А.Р. Лурия, в т.ч. проба «перекрест» рук (ППР), которая по данным ЭЭГ отражает парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N. Sakano, 1982) и имеет отношение к третьему блоку мозга, осуществляющему функции планирования, контроля и регуляции деятельности.

Результаты и их обсуждение. При анализе результатов психодиагностического тестирования выборка студентов спортивного вуза ($n = 75$) были разделены на две подгруппы с разными показателями пробы «перекрест рук»

(ППР) – правыми ($n = 31$) и левыми ($n = 44$). Анализ психодиагностических параметров показал, что достоверных различий по обеим шкалам опросника («достоверность» и «склонность к риску») А.Г. Шмелева в подгруппах с правыми и левыми ППР выявлено не было. В выборке студентов отмечаются более высокие значения «импульсивности» в подгруппе испытуемых с левыми ППР (правополушарная активация) по сравнению с правыми (49,38 б. и 46,97 б. соответственно, $p < 0,05$) в опроснике В.А. Лосенкова.

Психологический конструкт «импульсивность» является достаточно сложным даже в пределах одной исходной концепции. Под импульсивностью понимаются действия и решения, принятые по первому побуждению, без предварительного анализа ситуации (эмоциональные решения), что может быть связано со слабостью регуляторных процессов. Имеется анализ корреляции между понятиями «рациональность» и «импульсивность». Т.В. Корнилова и А.А. Долныкова (1995) выявили тенденцию высоких показателей по рациональности и низких по импульсивности, и наоборот (как на студенческой выборке, так и на выборке преподавателей).

Выводы. Полученные данные показывают, что у студентов спортивного вуза правый показатель в пробе «перекрест рук» коррелирует с более низкими показателями «импульсивности» и что испытуемые с разными показателями пробы «перекрест рук» обнаруживают достоверные различия по шкале импульсивность. Это позволяет говорить о наличии индивидуальных различий в особенностях регулятивных функций и показателей импульсивности, связанных с межполушарными асимметриями человека. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке спортсменов с учетом их индивидуальных особенностей и для прогнозирования поведения человека в сложных и экстремальных ситуациях.

Муравлева К.Б., Кондратенко А.В., Скорая М.В., Петрова С.Б., Базанова О.М.

ФГУ «Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики СО РАН», Новосибирск

ВЛИЯНИЕ ФАЗЫ ОВАРИОГОРМОНАЛЬНОГО ЦИКЛА НА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЛЕКТРОЭНЦЕФАЛОГРАММЫ ЖЕНЩИН*

Известно, что индивидуальные характеристики строения (Chavanne, Gallup 1998; Brambilla et al., 2010), эффективности когнитивной деятельности (Solís-Ortiz & Corsi-Cabregra 2008) и реакции на стресс (Goldstein et al., 2010) женщин в значительной мере зависят от цикличности гормонального фона (Farage et al., 2008). При этом ин-

дивидуальные показатели альфа-ритма ЭЭГ служат маркерами психоэмоционального состояния (Aftanas, 2001), характеристик когнитивной (Klimesh et al., 2007) и психомоторной деятельности (Bazanov et al., 2003).

Несмотря на то, что появились первичные данные о взаимосвязи уровня активности половых стероидов и

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-06-00265 а.

характеристик альфа-волн ЭЭГ (Solís-Ortíz et al 2009), до сих пор не выяснено, какова зависимость альфа-активности от фаз менструального цикла. Актуальность изучения влияния фазы менструального цикла на показатели альфа-активности продиктована теоретическими предположениями выяснения половых различий, а также задачами прогнозирования, диагностики и разработки протоколов тренинга оптимального функционирования, реабилитации психосоматических нарушений женщин.

Выяснению зависимости индивидуальных характеристик альфа-активности ЭЭГ и их психометрических коррелят от фазы менструального цикла посвящено настоящее исследование.

Методы. Фазы менструального цикла женщин устанавливались в соответствии с показателями уровня концентрации прогестерона в слюне. ЭЭГ, ЭМГ и ЭКГ регистрировались в группе 49 женщин 18–25 лет (8–10 раз в течение менструального цикла) в состоянии покоя, при решении математической задачи (тест Краерлин) и в тесте движения пальцев. Изменение настроения тестировалось в тесте М. Люшера и по самооценкам. Активность альфа-

волн оценивалась по показателям индивидуальной частоты и амплитуды максимального пика, ширины диапазона и глубине снижения спектральной мощности ЭЭГ в ответ на открывание глаз. ЭЭГ активация в ответ на когнитивную и моторную задачи рассчитывалась по проценту изменения мощности в альфа-2 диапазоне.

Результаты. Индивидуальная частота альфа-пика увеличивается на ранней лютеиновой, а амплитуда – на фолликулярной фазе цикла. Индивидуальная ширина альфа-диапазона, супрессия мощности альфа-ритма в ответ на открывание глаз – наименьшие на менструальной и предменструальной фазах цикла. Наибольшая эффективность счета и наименьшая активация альфа-ритма в ответ на когнитивную и моторную задачи отмечаются на лютеиновой фазе.

Выводы. Показатели альфа-активности мозга изменяются у женщин в течение менструального цикла, что необходимо учитывать при установлении половых различий, диагностике психоэмоционального состояния, тренинге нейробиоправления и терапии психосоматических нарушений женщин.

Мухаммадеев Р.А., Макарова М.В.

Башкирский государственный университет, Уфа

Всероссийский центр глазной и пластической хирургии Минздравсоцразвития России, Уфа

ПЕРИФЕРИЧЕСКАЯ ЦВЕТОВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ «ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ-ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ»

Используемые в настоящее время тесты цветового зрения обладают рядом недостатков. Тесты в табличной форме и исследования с помощью аномалоскопов предназначены для выявления генетически обусловленных цветоаномалий и обращены к центральной области сетчатки. Применяемая в клинической практике методика цветовой периметрии определяет лишь размеры цветового поля зрения (ЦвПЗ), но не оценивает распределение цветовой чувствительности. Избавить от такой ограниченности, на наш взгляд, может применение квантитативной кинетической цветовой периметрии. Исследование ЦвПЗ относится к психофизическим исследованиям, результаты которых зависят от подготовленности испытуемого, его кооперативности в процедуре исследования.

Оценить зависимость индивида от каких-либо внешних влияний (например, в виде предтестовой инструкции) может определение когнитивного стиля «полenezависимость-полезависимость» (ПнЗ-ПЗ). Согласно этому стилю, ПнЗ-индивиды характеризуются независимостью суждений. Они опираются, прежде всего, на собственный опыт. ПЗ-субъекты находятся на противоположном полюсе данного стиля. Они ориентируются на внешнее поле, т.е. на внешнее воздействие, внешнее влияние.

Цель нашего исследования заключалась в определении соотношения размеров ЦвПЗ с разной степенью выраженности когнитивного стиля «ПнЗ-ПЗ». В исследовании участвовало 40 добровольцев (19.85±1.85 лет, M±SD) с нормальным зрением и 10 человек (20.80±2.25 лет) с миопией слабой степени.

Исследование ЦвПЗ осуществляли с помощью автоматической кинетической цветовой периметрии на стимулы красного цвета и различной интенсивности (четыре варианта яркости). Для определения когнитивного стиля «ПнЗ-ПЗ» использовали методику выявления скрытых фигур Готтшальдта, адаптированную Уиткиным.

В нормальной выборке нами было выделено 28 ПнЗ-индивида и 12 ПЗ-субъектов. В миопической выборке все испытуемые отличались полenezависимостью. Для ПнЗ-миопии характерно более широкое ЦвПЗ в нижней части на стимулы различной интенсивности, чем у ПнЗ-нормы. Т.е. ПнЗ-миопы раньше отмечают небольшие уменьшения интенсивности окрашенного объекта, появляющегося в нижней периферии поля зрения. ПнЗ-индивиды с нормальным зрением отличаются меньшей чувствительностью к изменениям цветового стимула, предъявляемого с назальной стороны, т.е. у них более пологое снижение ЦвЧ. У ПнЗ-субъектов с нормальным зрением с назальной стороны отмечается меньшее сужение ЦвПЗ при пошаговом уменьшении интенсивности стимула, чем у ПнЗ-миопии. Это может быть связано с более высоким уровнем центральной чувствительности в норме, что проявляется и в более высокой остроте зрения.

Таким образом, на периферии поля зрения в нижней части и с назальной стороны у ПнЗ-индивидов с миопией относительно более высокий уровень ЦвЧ, чем у ПнЗ-нормы. В нормальной выборке у ПнЗ- и ПЗ-индивидов существенные различия в изменениях ЦвЧ также обнаружены в нижнем полуполе.

Для ПЗ-субъектов свойственно более выраженное сужение ЦвПЗ по меридиану 270°. Т.е. в нижней части поля зрения ПнЗ-индивиды имеют более высокую ЦвЧ и раньше обнаруживают слабые изменения цветового стимула. Возможно, это связано с тем, что они в меньшей степени,

чем ПЗ-индивиды, ориентированы на внешние ограничивающие факторы в виде рекомендаций, инструкций со стороны экспериментатора, и поэтому более свободны в своем выборе.

Осокина Е.С., Чернышева Е.Г., Чернышев Б.В., Зинченко В.П.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ВЛИЯНИЕ БОС-АЛЬФА-ТРЕНИНГА НА СЛУХОВЫЕ ВЫЗВАННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕМПЕРАМЕНТА*

Ввиду того, что внимание обуславливается физиологическими факторами и зависит от состояния человека (Bearden et al., 2004; Vedhara et al., 2000), можно предположить, что овладение навыком саморегуляции состояния способно привести к улучшению внимания и изменению его электрофизиологических коррелятов – вызванных потенциалов (ВП). Одним из наиболее современных методов саморегуляции состояния является БОС-альфа-тренинг – курс обучения произвольной регуляции альфа-ритма при помощи биологической обратной связи (Базанова, 2009; Angelakis et al., 2007).

Известно, что эффект БОС-тренингов опосредуется индивидуальными различиями и, в частности, особенностями темперамента (Редько, 2010). Настоящее исследование было направлено на выявление влияния БОС-альфа-тренинга на слуховые ВП в зависимости от особенностей темперамента. В исследовании участвовали 24 испытуемых в возрасте 18–26 лет. В экспериментальную и контрольную группы было включено по 6 мужчин и 6 женщин.

ВП регистрировали по 32 отведениям ЭЭГ при выполнении задачи на непрерывное внимание с бинарным выбором ответа. Предъявляли последовательность из тонов 4 типов, различающихся по двум признакам (высокий/низкий, чистый/«зашумленный»); требовалось реагировать на каждый тон нажатием одной из двух кнопок на джойстике. Все испытуемые проходили процедуру регистрации ВП дважды (с интервалом 1–1,5 месяца). Испытуемые экспериментальной группы также проходили

6 сеансов БОС-альфа-тренинга на увеличение мощности альфа-ритма при закрытых глазах в период между первой и повторной регистрацией ВП. Кроме того, испытуемые заполняли опросники ЕРІ Г. Айзенка (Альманах психологических тестов, 1995), РТS Я. Стрелю (Альманах психологических тестов, 1995) и NEO FFI П. Косты и Р. МакКрея (Орел, Сенин, 2008).

Было выявлено, что при повторной регистрации ВП у испытуемых экспериментальной группы с низкими оценками по шкале Сотрудничества опросника NEO FFI увеличилась амплитуда P2 ($F(1,20) = 4.95, p < 0.05$). Подобного изменения не было обнаружено в контрольной группе, в которой БОС-альфа-тренинг не проводился.

Сотрудничество расценивается некоторыми авторами как свойство, противоположное Психотизму в теории Г. Айзенка (Eysenck, 1992) – параметру темперамента, связанному с адаптивностью социального поведения (McCrae, Costa, 1985) и соотносимому с недостаточным или избыточным базовым уровнем активации (Claridge, 1987). Возможно, в результате прохождения БОС-альфа-тренинга испытуемые с низкими оценками по шкале Сотрудничества (соответствующими высокому Психотизму) приобрели способность компенсировать исходно неоптимальный базовый уровень активации за счет адекватного ситуативного уровня активации, благодаря чему произошло увеличение амплитуды P2, которое, вероятно, указывает на изменение интенсивности обработки информации на этапе распознавания и первичной классификации стимулов (Hu et al., 2012; Lindholm, Koriath, 1985).

Первичко Е.И., Остроумова О.Д.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Московский государственный строительный университет, Москва

ОПЫТ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬНЫХ С «ГИПЕРТОНИЕЙ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ»

Обозначая проблемное поле наиболее важных задач психологического исследования в психосоматике, исследователи указывают на необходимость изучения генезиса,

структуры и функций психосоматических феноменов, определение психологических факторов и механизмов психосоматического симптомообразования.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Психофизиологическое исследование внимания и его связи с особенностями темперамента методом регистрации электрической активности мозга», выполненного в рамках Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в 2012 г.

Традиционно, начиная с работ Ф. Александера, принято считать, что значимыми факторами этиологии и патогенеза артериальной гипертензии (АГ) являются психологические факторы. Однако суть этих факторов и тем более механизмы психосоматического симптомообразования при ГБ так и остаются мало изученными.

Считается доказанным, что одной из причин нарушения регуляции артериального давления (АД) является длительное и чрезмерное эмоциональное напряжение в стрессовых ситуациях. В настоящее время выявляется все больше больных, у которых значения АД на работе оказываются выше значений, обнаруженных в нерабочее время. Такая форма АГ получила название «гипертонии на рабочем месте» (Stork, et al., 1992).

Цель исследования: изучить особенности эмоциональной регуляции в ситуации экспериментального стресс-моделирования у больных с «АГ на рабочем месте». Обследовано 85 больных с «АГ на рабочем месте», 85 пациентов с эссенциальной АГ и 82 здоровых человека, сопоставимых с больными по полу и возрасту. Выполнялось экспериментальное стресс-моделирование с использованием процедуры изучения уровня притязаний (УП). Исследовались особенности УП и поведенческие реакции (по данным видеозаписей): мимика, жесты, позы, тон голоса. Исходно и после стресса определяли:

– уровень тревожности (шкала Спилбергера-Ханина); показатели самочувствия, активности, настроения (опросник САН);

– значения АД, уровень катехоламинов (адреналина и норадреналина), а также ренина и ангиотензина I.

Основные результаты. Показано, что в ситуации экспериментального стресс-моделирования больные с АГ де-

монстрируют специфический комплекс физиологических и поведенческих реакций, а также особенностей целенаправленного и эмоциональной регуляции, который достоверно отличает их от здоровых лиц.

При этом группа больных АГ является внутренне неоднородной. У 63% больных с «АГ на рабочем месте» в ситуации эксперимента выявлено значимое повышение уровня АД, исходно достоверно меньший уровень адреналина и норадреналина, а также уменьшение в ходе эксперимента уровня адреналина, норадреналина, ренина и ангиотензина I; снижение уровня реактивной тревожности, неадекватность и неустойчивость УП; внешне более спокойное поведение, но с более богатой мимикой. То есть больные с «АГ на рабочем месте» демонстрируют, преимущественно, избыточную эмоциональную репрессию.

У большинства пациентов с эссенциальной АГ отмечается открыто тревожный тип реагирования (69% случаев), характеризующийся значимым увеличением тревожности в ходе эксперимента, открытым выражением эмоций, богатством поведенческих проявлений, в сочетании с меньшим приростом систолического АД и увеличением уровня адреналина и норадреналина, ренина и ангиотензина I. Оба описанных способа, особенно репрессивный, являются неэффективными в преодолении эмоционального напряжения, создают условия для хронизации повышенного АД, то есть являются важными звеньями патогенеза АГ.

Полученные результаты расширяют представления об этиологии и патогенезе АГ, позволяют индивидуализировать стратегии работы с больными, открывают перспективы дальнейших научных исследований.

Петренко Н.Е.

Институт возрастной физиологии РАО, Москва

Черемушкин Е.А.

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ОПОЗНАНИЯ ФРАГМЕНТАРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ*

В исследовании по опознанию фрагментарных изображений участвовали 38 взрослых испытуемых (средний возраст 24.01 ± 0.05), имеющих нормальное зрение. Предъявлялось 16 изображений знакомых предметов и животных пяти фрагментарных уровней от трудно опознаваемого уровня (2) до полного изображения (8 уровень). Анализировались число ошибок и средний уровень фрагментации, на котором безошибочно опознаются изображения (порог опознания). Статистический анализ проводился по критерию Манна-Уитни. Для оценки индивидуальности использовался 16-факторный опросник Р. Кеттелла, тесты САН и тревожности Дж. Тейлор. На их основе вычислялись линейные коэффициенты корреляции, и проводился компонентный анализ.

В зависимости от числа допущенных в эксперименте ошибок испытуемые были разделены на две группы: в первую группу с высокой эффективностью опознания входило 13 человек ($M = 23.67 \pm 0.07$), во вторую группу с малой эффективностью 13 человек ($M = 24.17 \pm 0.15$). Промежуточная группа (12 человек) была исключена из анализа.

Среднее число ошибок в первой группе составляло 0.46 ± 0.14 , во второй группе – 10.61 ± 0.88 , различия между группами достоверны ($Z = 4.41$; $p < 0.001$). Среднее значение порога (уровня фрагментации) правильного опознания в первой группе составляет 5.13 ± 0.12 , во второй группе – 5.03 ± 0.19 , при этом средний уровень фрагментации ошибочного опознания у представителей этой группы со-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-06-00052..

ставляет 3.34 ± 0.21 и значимо отличается от их правильно-го ($Z = -3,62$; $p < 0,002$) опознания.

Анализ индивидуальных характеристик испытуемых и их состояния перед экспериментом в сопоставлении с эффективностью опознания неполных изображений показал следующее. У испытуемых первой группы с числом ошибок коррелирует значение шкалы «самочувствие» теста САН ($r = -0.64$, $p < 0.02$). У испытуемых второй группы с количеством ошибок коррелируют значения шкалы G (сознательность-беспринципность) ($r = 0.62$, $p < 0.025$), шкалы «настроение» теста САН ($r = -0.56$, $p < 0.05$) и тревожность, по Дж. Тейлор ($r = 0.58$, $p < 0.04$). Для этой же группы получены корреляции порога правильного опознания и значений шкал В (интеллект), С (эмоциональная устойчивость-неустойчивость), Q4 (расслабленность-напряженность) и F1 (тревожность) ($r = -0.76$, -0.69 , 0.65 , 0.61 соответственно, $p < 0.03$).

По результатам компонентного анализа для групп с высокой и низкой эффективностью деятельности было вы-

делено по четыре фактора (описывают 64,9 и 72,7% всей дисперсии). У испытуемых с высокой эффективностью деятельности параметр «количество ошибок» (факторная нагрузка -0.63) вошел в первый фактор вместе со шкалами О (спокойствие-тревожность: факторная нагрузка 0.87) и Q4 (0.76); параметр «порог опознания» (-0.84) попал в 4 фактор со шкалой С (0.7). Иными словами, чем меньше ошибок допускает испытуемый, тем выше его неуверенность в себе и напряженность; а чем выше порог опознания, тем больше эмоциональная стабильность человека. У испытуемых с низкой эффективностью в первый фактор вошли «порог опознания» (факторная нагрузка 0.85), шкалы В (-0.75), С (-0.92), О (0.6) и Q1 (0.8). «Количество ошибок» (-0.86) вместе со шкалой G (-0.82) составляют 4 фактор. Таким образом, чем выше для этой группы порог опознания, тем испытуемый более самоуверенный и консервативный, менее интеллектуален и эмоционально устойчив, а чем больше ошибок он допускает, тем он более добросовестно работает.

Подойников А.Ш., Базанова О.М.

РФБУ РАМН «НИИ молекулярной биологии и биофизики СО РАМН», Новосибирск

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ЭЭГ У ЖЕНЩИН 50–75 ЛЕТ ПРИ ТРЕНИНГЕ КОНТРОЛЯ РАВНОВЕСИЯ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИК АЙКИДО*

Тренировка проприоцептивной чувствительности (Крамер et al., 2012), обучение приемам пострального контроля (Mickle et al., 2011) улучшает не только их мобильность, но и общее качество жизни пожилых людей (Tinetti et al., 1995; Woodward, 2009). Разработанные веками техники айкидо предусматривают выполнение движений на основе сохранения баланса (van der Zijden et al., 2012). Однако объективные доказательства возможности использования этих техник в обучении контролю позы для профилактики падений и реабилитации нарушений устойчивости у пожилых женщин до сих пор не изучены.

Цель: изучить возможность использования тренинга техник айкидо в обучении контролю позы женщин среднего возраста. Материалы и методы: ЭЭГ, ЭКГ и ЭМГ характеристики регистрировали у 7 мастеров (МА) (32 ± 4.5 лет) и 12 начинающих заниматься (НА) (29 ± 6.7 лет) айкидо, а также в двух группах женщин, сбалансированных по возрасту (50–72 года): 13 тренирующих техники айкидо (ТА) и 22 занимающихся в группах фитнес (Ф) два года и более. Регистрация электрофизиологических показателей производилась при закрытых и открытых глазах в положении стоя: в состоянии покоя, при выполнении позы Камае, при выполнении техники Никадзо руками. Кроме того, все испытуемые проходили психометрическое тестирование психоэмоционального напряжения, самочувствия и само-

актуализации, независимую видеоэкспертизу выполнения позы Камае и техники Никадзо, тестирование баланса в пробе Ромберга и измерение капночувствительности в тесте Генче.

Результаты. Показатели психоэмоционального напряжения, самочувствия, самоактуализации, капночувствительности не отличались в группах женщин ТА и Ф. Выполнение позы Камае по сравнению с состоянием покоя в положении стоя увеличивает мощность в низкочастотном альфа-диапазоне, ширину альфа-диапазона ЭЭГ, вариабельность сердечного ритма и снижает ЭМГ лба у МА и женщин ТА, но не изменяет эти характеристики у женщин Ф и НА мужчин. Выполнение произвольного движения руками во время техники Никадзо увеличивает мощность и частоту в высокочастотном альфа-диапазоне и снижает ЭМГ лба только у мастеров Айкидо, а у новичков, у женщин групп ТА и Ф, наоборот, снижает альфа-мощность и увеличивает ЭМГ амплитуду. Электрофизиологические признаки поддержания равновесия выражены лучше у женщин ТА, чем у Ф.

Тренинг двигательных стратегий поддержания позы Камае и выполнения техники Никадзо может служить основой для выработки специальных двигательных навыков у спортсменов и пожилых людей, а также для тренировки больных с нарушениями регуляции равновесия.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-06-00265 а.

Польская Н.А.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАМЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ФАКТЫ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ*

Изучение индивидуально-типологических особенностей подростков с аномальным психическим развитием обусловлено необходимостью понимания механизмов, лежащих в основе их поведения и направляющих развитие этого поведения по нормативному или деструктивному пути формирования социальных навыков. В данном сообщении изложены результаты исследования влияния темпераментальных характеристик на склонность к самоповреждающему поведению среди подростков с умственной отсталостью.

В качестве гипотезы выдвигалось предположение относительно влияния показателей темперамента, связанных с силой процессов возбуждения, торможения и подвижности нервной системы, на частоту актов самоповреждения. Данная гипотеза базировалась на современных исследованиях, доказывающих участие процессов возбуждения/торможения в инициации готовности к самоповреждению (особенно при аномалиях психического развития, сопряженных с нарушениями интеллекта). Чтобы оценить возможность этого влияния, мы выбрали темперамент как индивидуально-типологическую характеристику и попытались определить возможную взаимосвязь между характеристиками темперамента и фактами самоповреждающего поведения.

Исследование проводилось на базе технического училища в группе учащихся с клинически диагностированной умственной отсталостью в степени легкой дебильности в возрасте от 15 до 20 лет: N = 37 (Мвозр. = 17,97; SD = 1,4) из них: 20 (54,1%) респондентов мужского пола (Мвозр. = 18,15; SD = 1,69) и 17 (45,9%) респондентов женского пола (Мвозр. = 17,76; SD = 0,97). Для исследования темперамента был применен Павловский темпераментальный

опросник (PST), предназначенный для оценки силы процессов возбуждения, торможения и подвижности нервной системы. Для оценки фактов самоповреждения использовалась авторская шкала самоповреждающего поведения, оценивающая частоту и характер самоповреждений (Польская, 2010).

Частотные и описательные статистики применялись для оценки частоты актов самоповреждения и средних показателей темперамента в исследуемой выборке. Оценка возможной связи между темпераментальными показателями и фактами самоповреждения осуществлялась с помощью непараметрических статистик (коэффициенты: Спирмена и Гамма). Было выявлено, что такие опасные акты самоповреждения, как самопорезы и намеренные самоожоги осуществляют 37,8% респондентов; удары о твердые поверхности – 24,3%; намеренное сковыривание болячек – 43,2%; выдергивание волос – 18,9%; удары по собственному телу – 8,1%; расчесывание кожи – 16,3%.

Темпераментальные показатели по выборке соответствуют средним значениям: 1) сила возбуждения – 48,86; 2) сила торможения – 46,92; 3) подвижность нервной системы – 48,81. Значимых взаимосвязей между фактами самоповреждения и темпераментальными показателями выявлено не было. Также не было выявлено существенных различий: а) в характеристиках темперамента между группами подростков, указавших высокую частоту актов самоповреждения, и подростков, имеющих нулевую либо минимальную частоту самоповреждений; б) между юношами и девушками по частоте совершения актов самоповреждения.

Таким образом, выдвинутая гипотеза не нашла своего эмпирического подтверждения.

Продиус П.А., Мухина И.В.

Нижегородская государственная медицинская академия, Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЭГ ВО ВРЕМЯ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ С НИЗКОЙ И ВЫСОКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИЕЙ

На эффективность переработки конфликтной информации (Silton 2010), как, например, в тесте Струпа, влияет взаимодействие аттенционных (дорзолатеральный префронтальный неокортекс) и мотивационных (передняя поясная извилина) структур.

Вербальная нагрузка сопровождается увеличением бета-активности в левой гемисфере, особенно в постцентральной области (Papanicolaou 1986; Giannitrapani 1985). Тета-активность возрастает при усилении когнитивно-

го контроля, преимущественно в передней полусфере (Nigbur 2010).

Кроме того, состояние повышенной бдительности характеризуется преобладанием активации правой гемисферы (более низким индексом α -ритма).

Цель исследования: выявить спектральные различия ЭЭГ индивидов, различающихся по эффективности переработке у лиц с низкой (НИ) и высокой (ВИ) интерференцией, выявленных с помощью теста Струпа.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №10-06-00511а).

Методика. 30 девушек по результатам теста Струпа были разделены на две группы. Первая ($n = 15$) – «низкая интерференция» и вторая ($n = 15$) – «высокая интерференция». Во время регистрации ЭЭГ выполнялись функциональные пробы: 1) фон с открытыми глазами (ОГ); 2) чтение вслух несвязанного черно-белого текста (ЧБ), 3) чтение цветного текста (ЦВ). Анализировались относительные спектры мощности в θ , α и $\beta 1$ диапазонах. Достоверность различий средних значений относительной мощности тета-, альфа- и бета1-диапазонов ЭЭГ оценивали с помощью t -критерия.

Результаты. Группа НИ во время умственной нагрузки отличалась высокой активированностью в передней полусфере (индекс α ритма во время пробы ЦВ у НИ 10,6%, у ВИ – 12,9%, $p < 0,017$) и правой гемисфере (у НИ 13,7%, у ВИ – 16,6%, $p < 0,043$). Более низкой у НИ оказалась бета1-активность в передней полусфере (у НИ 9,81%, у ВИ 11,95%, $p < 0,005$) и правой гемисфере (у НИ 11,72%, у ВИ 13,6%, $p < 0,019$).

Более высокой во время пробы ЦВ у НИ оказалась тета-активность в лобной ($p < 0,019$) и правой передней области мозга ($p < 0,027$). НИ испытуемые, эффективные в переработке смешанной информации, отличаются более низкой относительной мощностью α и $\beta 1$ и более высокой в θ диапазоне ЭЭГ в передней и правой областях мозга.

Для анализа различий в левой (речевой) гемисфере мы использовали изменения индекса бета1/тета.

Во время умственной нагрузки у НИ во всех пробах сохраняется преобладание тета- активности над бета1- активностью в передней (0,8 ОГ, 0,7 ЧБ, 0,9 ЦВ) и преобладание бета1-активности над тета-индексом в задней части мозга (1,1; 1,2 и 1,2 соответственно). У ВИ в покое преобладает тета-активность как в передней (0,7), так и задней части левой гемисферы (0,8). В пробе ЧБ у ВИ наблюдается паритет тета- и бета1-активности в задней левой полусфере. А во время пробы ЦВ начинает преобладать бета1-индекс во всей левой гемисфере (в передней (1,1) и в задней (1,1) области). Индивиды с более низкой интерференцией во время переработки смешанной информации сохраняют оптимальное соотношение спонтанной электрической активности в θ и $\beta 1$ диапазонах в передних и задних областях мозга. У ВИ наблюдается неустойчивость соотношения и $\beta 1/\theta$ в левой гемисфере.

Выводы. Среди возможных факторов определяющих индивидуальные различия в эффективности переработки конфликтной информации можно назвать уровень когнитивного контроля, выражающийся в активации правого полушария и передних отделов мозга. А также устойчивость соотношения тета- и бета1-активности в пре- и постцентральной области левой гемисферы.

Рамендик Д.М., Рогожина Н.В., Трифонова Н.Ю., Трунова М.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА*

Несмотря на то что «темперамент» является одним из старейших понятий в психологии, имеется много его моделей (Петухов, 2000). В большинстве моделей темперамент рассматривается как совокупность динамических, прежде всего, энергетических и скоростных характеристик психических процессов и поведения, базирующихся на физиологической основе. Темперамент может рассматриваться как задаток общих способностей (Дружинин, 1999). Описания целостных паттернов темпераментов у разных авторов близки между собой, но представления об их составляющих и тем более о физиологических механизмах сильно различаются (Айзенк, 1999; Грей, 1991; Небылицын, 1968; Русалов, 2002; Стреляу 2009).

Цель работы: выявить особенности связей между отдельными свойствами темперамента у людей разных специальностей. В наших предыдущих работах, выполненных с участием 90 студентов-биологов (СБ) (Рамендик, 2008) и 30 студентов-психологов (СП) старших курсов (Рамендик и др., 2011), было показано, что можно выделить две группы испытуемых на основании анализа корреляций между свойствами темперамента, выявленными по трем известным опросникам: ЕРІ Айзенка, РТS Стреляу и ОСТ Русалова. У «согласованных» (С) испытуемых

корреляции между параметрами были близки к тем, которые описывают Стреляу и Русалов, но имелись некоторые профессиональные различия: у всех сила нервной системы (НС) по возбуждению коррелировала с эргичностью (работоспособностью), экстраверсия – с подвижностью НС, а нейротизм – с эмоциональностью. Но, кроме того, у СБ экстраверсия коррелировала с силой по возбуждению и эргичностью, а у СП – и экстраверсия, и нейротизм коррелировали с пластичностью и темпом. В группе «несогласованных» (Н/С) (29% СБ и 50% СП) связей между данными опросников Стреляу и Русалова не было выявлено, экстраверсия коррелировала с социальными эргичностью, пластичностью и темпом.

В новом исследовании принимали участие 30 человек, приблизительно того же возраста, но имеющие профессии, не связанные с занятием наукой (НН): музыканты, менеджеры и т.п. Они отвечали на вопросы трех опросников: Павловский опросник темперамента Я. Стреляу (1982), личностный опросник Г. Айзенка (Шмелев, 2002; Eysenck, 1982), Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ Русалов, 2000), а также выполняли тест юмористических фраз (ТЮФ), опросник эмоционального интеллекта (ЭИ) и тест креативности Торренса.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Психофизиологическое исследование внимания и его связи с особенностями темперамента методом регистрации электрической активности мозга», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г.

Среди них группа С составляла 17 человек Н/С – 13 человек (33,3%), и корреляции между свойствами темперамента были в целом аналогичны тем, которые наблюдались у СП. Результаты ТЮФ у всех отрицательно коррелировали с силой Н/С по торможению. В группе С ТЮФ и ЭИ коррелировали только с нейротизмом. В группе Н/С, кроме того, ЭИ коррелировал положительно с силой НС по торможению и отрицательно – с ТЮФ. А уровень креативности оказался связан с эмоциональной активностью.

Наличие профессиональных различий в структуре свойств темперамента, а также их связь с социальным и эмоциональным интеллектом позволяет нам предположить, что свойства темперамента представляют собой не просто биологическую базу психики, а долговременный психофизиологический ресурс, который используется человеком в соответствии с условиями его жизни. Различия между группами С и Н/С могут отражать разные индивидуальные стратегии адаптации.

Рогожина Н.В., Чернышева Е.Г., Безсонова В.Е., Зинченко В.П.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

УСПЕШНОСТЬ ПРОХОЖДЕНИЯ АЛЬФА-ТРЕНИНГА У ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ТЕМПЕРАМЕНТА*

Целью настоящего исследования было установление связи между типами темперамента, определяемыми по разным опросникам (Личностный опросник Айзенка (EPI), Павловский опросник темперамента (PTS), NEO-Five Factor Inventory (NEO-FFI)), и динамикой обучения биологической обратной связи методом альфа-тренинга.

В исследовании участвовали 12 испытуемых (возраст 19–22 года). Все испытуемые проходили пять сеансов альфа-тренинга (повышение мощности альфа-ритма при закрытых глазах) с использованием аппаратного комплекса и программного обеспечения БОСЛАБ (ООО «Компьютерные системы биоуправления», Россия).

Каждый сеанс состоял из шести тренинговых сессий по три минуты, при этом перед каждым сеансом проводили вычисление оптимального порога: его устанавливали таким образом, чтобы при соответствующей ему мощности альфа-ритма сигнал обратной связи звучал в 30% времени. Перед первой сессией тренинга проводили фоновую запись ЭЭГ при закрытых и открытых глазах, на основании которой вычисляли границы индивидуального альфа-диапазона участников; для тренинга использовали верхний поддиапазон альфа-ритма шириной 2 Гц, располагавшийся выше максимального спектрального пика. Запись производили биполярно от отведений Pz и Fz (со-

гласно системе 10–20%), также регистрировали ЭМГ по двум каналам от кожи лба для предотвращения научения через напряжение мышц лба. Испытуемым давали инструкцию: добиться того, чтобы сигнал обратной связи (тихий щелчок) звучал как можно чаще.

По результатам анализа ответов на опросники испытуемые были разделены на четыре группы: 5 сангвиников, 1 меланхолик, 2 холерика; 4 человека показали несогласованные результаты (т.е. данные опросников не совпали между собой).

По результатам исследования были сделаны следующие выводы: сангвиники продемонстрировали в среднем отрицательную динамику научения (мощность альфа-ритма понизилась по результатам тренинга), люди с несогласованными темпераментами не продемонстрировали значимых изменений в ходе тренинга, а у меланхоликов и холериков повысилась мощность альфа-ритма.

Таким образом, можно заключить, что испытуемые с высоким уровнем нейротизма и высокой подвижностью нервной системы более чувствительны к методике биологической обратной связи и дают более высокие результаты при прохождении альфа-тренинга. Данное исследование нуждается в дальнейшем наборе групп испытуемых для уточнения выявленных закономерностей.

Роик А.О., Иваницкий Г.А.

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РИТМЫ МОЗГА

При осуществлении мыслительной деятельности устанавливаются паттерны ритмов мозга, однозначно сопоставимые с характером осуществляемой деятельности. «Когнитивные» ритмические паттерны обладают рядом принципиальных свойств: 1) высоко индивидуальны, но

разбиваются на типы; 2) для данного индивида устойчивы и сохранны во времени; 3) мало зависят от частных свойств осуществляемой деятельности (трудности задания, сенсорной модальности его предъявления, конкретного его вида), но принципиально зависят от типа

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Психофизиологическое исследование внимания и его связи с особенностями темперамента методом регистрации электрической активности мозга», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г.

мышления (вербально-логическое или пространственно-образное). При осуществлении мыслительной деятельности промежуточного типа, предполагающего вовлечение обоих принципиально различных типов мышления (пространственно-образного и вербально-логического), устанавливаются ритмические паттерны, являющиеся суперпозицией «чистых» вербального и пространственного паттернов. Сопоставление паттернов, возникающих при выполнении различного вида когнитивных заданий, друг с другом обнаруживает их упорядоченность в некотором гипотетическом «когнитивном пространстве».

Для определения структуры такого пространства была приготовлена линейка когнитивных стимулов с плавным изменением свойств пространственности, образности и вербальности. Для каждого из типов заданий (раздельно для каждого испытуемого) построены соответствующие спектры мощности ЭЭГ, после чего статистическим методом определена степень их различия при осуществлении разных видов мыслительной деятельности. Индексы различия спектров приняты за «расстояния» между когнитивными состояниями.

Важно, что эти расстояния определены на основе анализа объективных физиологических данных. После этого когнитивные состояния испытуемых были отображены на плоскость с помощью алгоритма снижения размерности пространства.

Полученные индивидуальные «конstellляции» когнитивных состояний обнаружили ряд принципиально важных свойств. Во-первых, для большинства людей «конstellляции» имели принципиально схожий вид, адекватно отражающий психологические свойства видов осуществляемой мыслительной деятельности. Во-вторых, форма «конstellляций» оказалась гораздо менее индивидуально вариабельной, чем исходные спектры мощности.

Одновременно с этим были получены экспертные оценки пространственности, образности и вербальности предъявляемых заданий. В результате получились два «когнитивных пространства» – объективное и субъективное. Оказалось, что эти пространства имеют схожую структуру, т.е. изоморфны. Таким образом, ритмы ЭЭГ адекватно и упорядоченно отражают мыслительную деятельность человека.

Славуцкая А.В., Герасименко Н.Ю., Михайлова Е.С.

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕЛЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ ДЕТАЛЕЙ. АНАЛИЗ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ*

Анализ структуры объекта чрезвычайно важен для выполнения человеком широкого круга зрительно-пространственных задач, в которых зрительная система проводит оценку целого предмета, его деталей и их взаимного расположения. С учетом сведений о половой специфике зрительно-пространственных способностей представлялось интересным провести сравнение восприятия целых и разгруппированных на детали изображений в группах мужчин и женщин.

У 32 испытуемых (12 женщин, 20 мужчин) анализировали изменения вызванных потенциалов (ВП) в задаче простого наблюдения целых и разгруппированных на детали разной сложности фигур. Разгруппирование фигур – это четыре ступени их геометрической трансформации: смещение отдельных деталей в радиальном направлении (далее обозначен как 2-й уровень), 3-й уровень – смещение деталей друг относительно друга с их поворотом, 4-й – нарушение целостности деталей-многоугольников, 5-й – преобразование изображения в набор углов и отрезков линий.

У мужчин наблюдали ранние (100 мс после стимула) и регионарно-специфические реакции: в затылочной коре прогрессивное увеличение амплитуды ранней позитивности P1 с максимальным ответом на простые элементы. Амплитуда P1 в теменной коре правого полушария увеличивалась при изменении взаимного расположения деталей, тогда как слева она нарастала при упрощении изображения. У женщин чувствительность к разгруппированию обнаружена для более поздней негативной волны N1 (160–180 мс после стимула) в правой нижневисочной области, при этом

ее амплитуда была максимальна для целого изображения и снижалась на более простые элементы. Корреляционный анализ амплитуды ВП в пространственно удаленных областях показал, что только у мужчин при фрагментации изображения снижаются связи между разными зонами зрительной коры и между зрительными и префронтальными областями.

Полученные результаты позволяют предполагать существование связанных с полом различных стратегий раннего анализа зрительного образа. При этом их можно связать с существованием более глобального и целостного описания образа у мужчин и более локального восприятия изображений у женщин. По-видимому, у мужчин первичная зрительная кора минимально вовлекается в ранний анализ целого изображения (глобальный уровень описания) и активируется преимущественно на специфичный для нее сигнал – линии и углы (локальные детали). У женщин сенсорный анализ целого изображения сочетается с переработкой его локальных деталей, что дает на выходе высокоамплитудную волну P1 в ВП затылочных областей. Динамика P1 в теменных зонах коры указывает на ее большую чувствительность к изменению внутренней структуры изображения у мужчин по сравнению с женщинами.

Полученные данные свидетельствуют, что, несмотря на жесткую специализацию зрительных областей, характер их реакций и взаимодействия может определять различные стратегии обработки изображения, что дополняет современные представления о связанных с полом различных стратегиях решения зрительно-пространственных задач.

* Работа поддержана грантом РФНФ № 12-36-01291a2.

Станякина М.В.

Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Северодвинск

ПОЛОВОЙ ДИМОРФИЗМ СТРУКТУРЫ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В ряде исследований возрастной психофизиологии данные анализируются дифференцированно по признаку пола. Подобный анализ позволил утверждать, что пол, начиная с раннего онтогенеза, является одним из факторов, вызывающих наибольшую изменчивость развития на различных уровнях индивидуальности.

Цель: выявить особенности высших психических функций (ВПФ) мальчиков и девочек 6–7 лет. Испытуемые: 63 мальчика, 60 девочек (6,49±0,05 лет). Методы: методика нейропсихологического обследования А.Р. Лурия в модификации И.Ф. Марковской; статистические методы: факторный анализ (метод главных компонент, косоугольное вращение), t-критерий Стьюдента.

Результаты. В обеих подгруппах сформированы базовые функции (зрительный и слуховой гнозис, кинестетический праксис, фонематический слух), обеспечиваемые задними отделами коры мозга. Наименьшая успешность в пробах на динамический праксис, связную речь и школьно значимые функции (передние отделы). Общность тенденций у мальчиков и девочек отражает возрастные закономерности генезиса ВПФ, в основе которых лежит гетерохронность созревания задне- и переднеассоциативного комплексов.

Подгруппы детей различаются следующим: для девочек характерен высокий уровень развития слухового гнозиса и низкие значения в заданиях на понимание логико-грамматических конструкций, в заданиях на счет. У мальчиков – высокие значения по показателям конструктивного праксиса и низкие значения в пробах на динамический праксис. Это согласуется с литературными данными и отражает половой диморфизм латерализации функций. Статистически значимые различия между группами выявлены по одному показателю – состояние динамического праксиса ($t = 2,79, p \geq 0,01$).

Констатируется слабая выраженность полового диморфизма в уровне развития ВПФ. Но мы предположили,

что структура и механизмы реализации ВПФ будут варьировать в зависимости от пола. То есть одинаковый приспособительный эффект в субпопуляциях достигается разными способами. Факторный анализ показал, что структура ВПФ мальчиков описывается 8-факторной моделью, объясняющей 72,18% дисперсии. Структура ВПФ девочек – 9-факторной моделью (73,04% дисперсии). Результаты анализа факторных моделей следующие.

1. Для мальчиков характерно объединение показателей, отражающих состояние структурно и локализационно близких функций. Выделены факторы, характеризующие состояние различных видов праксиса, речи. Три фактора представлены одним показателем. Это свидетельствует о повышении интегративности в работе мозга, согласованности всех компонентов внутри отдельных функциональных систем, их независимостью друг от друга.

2. В факторной модели ВПФ девочек нет факторов, включающих один признак, характерно объединение топически и функционально различных показателей. Есть факторы, отражающие межфункциональную реципрокность. Это может указывать на процессы дифференциации, происходящие в функциональных системах и соответствующих отделах головного мозга, отражающих качественные изменения в психической деятельности детей, необходимые для адаптации к возрастающим требованиям среды.

Таким образом, влияние фактора «пол» на развитие ВПФ значительно. Несмотря на отсутствие различий в уровне развития ВПФ, в структуре психофизиологических показателей наблюдается выраженный половой диморфизм.

Указанные факты подчеркивают необходимость проведения исследований данного феномена, учета специфики формирования и развития ВПФ, их структурного своеобразия у мальчиков и девочек при организации воспитания и обучения.

Степанян Л.С.

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ САМООЦЕНКИ И АГРЕССИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕМОДИНАМИКИ

Подростковая агрессия – это понятие, которое несет в себе разнообразную негативную информацию. С одной стороны, это связано с тем обстоятельством, что само по себе понятие агрессии, как инстинктивной формы поведения человека, включает в себя широкий арсенал различных негативных факторов и является предпосылкой формирования и развития девиантного поведения. С другой сторо-

ны, подростковый возраст является одним из критических этапов онтогенеза, который характеризуется напряжением адаптационных механизмов, обуславливая повышенный риск развития адаптационных нарушений при неблагоприятных средовых воздействиях и повышая вероятность проявления различных девиаций поведения. Известно, что одним из факторов, детерминирующих агрессивное

поведение, является неадекватный уровень самооценки, причем неадекватно высокий уровень самооценки является предпосылкой развития деструктивной агрессии, а неадекватно низкий уровень – защитной агрессии.

Целью данного исследования было выявление взаимосвязанности самооценки и агрессивности подростков, а также диагностика эффективности коррекционных мероприятий по показателям центральной гемодинамики.

В эксперименте участвовало 70 подростков-волонтеров обоего пола, из которых для дальнейшего исследования были отобраны 25 подростков с неадекватным уровнем самооценки и высоким уровнем личностной агрессивности. Для диагностики уровня самооценки использовался тест «Количественное выражение уровня самооценки» Будасси, опросник «Диагностика уровня самооценки» Г. Казанцевой; для выявления уровня агрессивности использовались опросник «Диагностика агрессии» А. Басса и М. Перри, проективные методики «Тест руки Вагнера» и «Несуществующее животное».

По уровню самооценки испытуемые были выделены в две группы: первую группу составили испытуемые с неадекватно высоким, вторую группу с неадекватно низким уровнем самооценки. Эффективность влияния коррекционных упражнений контролировалась с помощью повторного тестирования, а также показателей центральной гемодинамики, в частности АД и ЧСС.

Под влиянием коррекционных упражнений, направленных на оптимизацию уровня самооценки подростков, у испытуемых первой группы было обнаружено статистически значимое ($p < 0,01$) повышение неадекватно низкого уровня самооценки до адекватно-среднего уровня, а также понижение уровня мотивационной агрессивности.

К концу коррекционных работ у испытуемых с низким уровнем самооценки показано также статистически значимое ($p < 0,01$, $p < 0,05$) понижение частоты сердечных сокращений и систолического артериального давления; достоверных изменений диастолического давления не было обнаружено.

У испытуемых второй группы под воздействием коррекционных упражнений достоверных изменений уровня исследуемых психологических и психофизиологических показателей не наблюдалось.

Таким образом, исходя из полученных данных о взаимосвязи самооценки и агрессивности подрастающего поколения, а также их изменений под воздействием комплекса корригирующих упражнений, возникает необходимость в проведении системного анализа личностных факторов, обуславливающих агрессивное поведение подростков, и, что является немаловажным, своевременная коррекция и профилактика предикторов агрессивного и девиантного поведения.

Султанова А.С., Иванова И.А.

Институт психолого-педагогических проблем детства РАО, Москва

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОНТОГЕНЕЗА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИСФУНКЦИЯМИ ПОДКОРКОВО-СТВОЛОВЫХ СТРУКТУР ГОЛОВНОГО МОЗГА

В настоящее время повышается интерес различных специалистов к проблеме индивидуальных различий в протекании психического онтогенеза. Исследование этого вопроса необходимо для расширения представлений о норме и патологии развития, для гуманизации образовательного процесса, создания более комфортных для ребенка условий обучения и воспитания.

Высокую актуальность имеет изучение вопроса о взаимосвязи психофизиологических особенностей детей и специфики протекания психического развития. В данном исследовании мы остановились на анализе индивидуальных особенностей нормально развивающихся детей с наиболее часто встречающимися при ЭЭГ-исследовании отклонениями – дисфункциями подкорково-стволовых структур головного мозга.

Исследование включало в себя методы: нейропсихологическое обследование, анкетирование родителей и воспитателей детского сада, наблюдение. В качестве критерия, позволяющего сделать вывод о наличии у ребенка указанной недостаточности, выступали данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ). В исследовании приняли участие 80 детей 5–7 лет: 40 детей в основной группе и 40 – в группе сравнения (здоровые дети без нарушений в развитии и без каких-либо отклонений в данных ЭЭГ).

В основную группу были включены дети без наличия психоневрологического диагноза, однако практически у

всех этих детей в анамнезе отмечалась перинатальная патология нервной системы.

Анализ результатов исследования показал, что на первый план у детей основной группы выходят нейродинамические нарушения: утомляемость, неустойчивость внимания, инертность, снижение работоспособности, колебания темпа и продуктивности психической деятельности. Однако, помимо этого, были выявлены и особенности высших психических функций. Так, у большинства этих детей по сравнению со здоровыми детьми задерживается развитие фонематического слуха, снижена слухоречевая и зрительная память, отмечается обилие пространственных нарушений (недостаточное развитие пространственного гнозиса и праксиса, метрических и координатных представлений и др.). Практически у всех детей отмечалась недостаточность тактильного гнозиса и двигательной сферы: синкинезии, дефицитарность зрительно-моторной координации, тонические и кинестетические нарушения, артикуляционные трудности, задержанное развитие реципрокных координаций, сложности формирования моторных навыков.

Другой особенностью, свойственной большинству детей основной группы, являлось недостаточное развитие произвольного контроля. Также для этих детей характерно своеобразие эмоциональной сферы: эмоциональная «вязкость»; легкость образования и закрепления невро-

тических привычек и страхов; реже – эмоциональная лабильность; негативизм, раздражительность и агрессивные проявления. Часто наблюдается своеобразная «эмоциональная тупость» – сочетание повышенной сензитивности по отношению к себе и недостаточности понимания эмоций другого человека. В целом, эмоции у них не выполняют функции регуляции поведения и межличностных отношений, аффективный контроль больше ориентирован на витальные потребности и потребность в поддержании достаточно стереотипных взаимосвязей с окружающей

средой. Указанные особенности приводят к трудностям овладения рядом навыков, задержке развития игровой деятельности, возникновению риска социальной дезадаптации, а в дальнейшем – школьной неуспеваемости.

Таким образом, функциональная недостаточность субкортикальных образований специфическим образом сказывается на ходе психического онтогенеза. Это необходимо учитывать при воспитании и обучении детей с дисфункциями подкорково-стволовых структур головного мозга.

Торопова А.В., Симакова И.Н.

Психологический институт РАО, Москва

ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПЫТУЕМЫХ ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ С РАЗНЫМИ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Создание перцептивного образа в сознании при восприятии музыки обусловлено, как минимум, двумя факторами: особенностями музыкальной формы как процесса (метроритмическими, ладотональными, тембровыми и др.) и психологическими и психофизиологическими характеристиками индивидуальности воспринимающего.

До настоящего времени не решен вопрос приоритетности этих двух факторов, т.е. либо музыка с определенными выразительными характеристиками вызывает сходные изменения у испытуемых с разными психофизиологическими паттернами, либо индивидуум реагирует по-разному на каждый из предъявляемых музыкальных фрагментов (стимулов).

Задачей настоящего исследования было выявить, как лица с разными свойствами нервной системы воспринимают музыку с различными темпоритмическими характеристиками. Студентам-испытуемым были предъявлены три законченных смысловых фрагмента музыкальных произведений длительностью от одной до полутора минут с разными темпоритмическими (наряду с другими выразительными) характеристиками:

- И.С. Бах, Ария из Сюиты №3 BWV 1069;
- А. Вивальди, «Времена года», Лето, Ч. 3;
- М. Равель, Болеро.

В исследовании приняли участие 13 студентов (музыканты и психологи) Московского педагогического государственного университета в возрасте 17–25 лет. Для диагностики испытуемых использовались: методика определения свойств нервной системы (по Э.А. Голубевой) и музыкальный тест архетипической перцепции (Торопова, 2008).

Семь человек из данной выборки обладали большей активированностью нервных процессов (их баланс сдвинут в сторону возбуждения), шесть испытуемых характеризовались уравновешенностью процессов возбуждения-торможения. ЭЭГ регистрировали по стандартной

методике, электроды располагались по международной схеме 10–20%. Запись проводилась при закрытых глазах в состоянии спокойного бодрствования, затем – при прослушивании трех фрагментов музыки в одинаковой последовательности.

Воздействие предложенных музыкальных отрывков на группы испытуемых с разными свойствами нервной системы привело к сходным изменениям в электроэнцефалограмме вне зависимости от характеристик стимула. Наблюдалось увеличение выраженности высокочастотного альфа-ритма (11–13 Гц), что, по литературным данным, является показателем улучшения функционального состояния организма: снижение мышечного напряжения, тревожности, улучшение когнитивной деятельности (Базанова, Афтанас, 2006).

На увеличение мышечного расслабления указывает и выявленное усиление медленноволновой активности в сенсомоторных (двигательных) зонах коры, что соответствует усилению процессов торможения в этих отделах. Однако некоторые различия в психофизиологическом ответе на музыкальные стимулы присутствовали. Указанные изменения в ЭЭГ проявились достоверно сильнее в группе испытуемых, у которых процессы возбуждения-торможения находятся в равновесии, чем в выборке студентов, обладающих большей активированностью нервной системы.

По-видимому, более выраженные процессы активации (возбуждения) в последней группе не позволяют им достичь такой глубины изменений в ЭЭГ в сторону усиления процессов торможения, которые обеспечиваются более уравновешенным типом нервной деятельности у индивидуумов первой выборки.

Таким образом, оказалось, что особенности нервной системы вносят большой вклад в формирование перцептивного образа при восприятии музыки, чем различия в характеристиках музыкальной формы.

Усенко А.Б., Кузьмина К.А.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ОСОБЕННОСТИ ВЕГЕТАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ КАК ПРИРОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

При столкновении с трудной жизненной ситуацией человек использует защитные механизмы, основанные на характерных для него формах активности и позволяющие приспосабливаться к этой ситуации, преодолевать или изменять ее. В контексте системно-субъектного подхода механизмы саморегуляции, обеспечивающие защитные процессы, объединяются в сложную многоуровневую функциональную систему (Сергиенко, 2008; Никольская, 2008).

Основа ее иерархической структуры – механизмы нейрофизиологического уровня, ведущую роль в организации которых играет вегетативная нервная система (ВНС), обеспечивающая формирование функциональных состояний, адекватных задачам текущей деятельности. Высший уровень этой системы составляют произвольные механизмы совладающего поведения. Целостная защитная система – система динамическая, формирующаяся в ходе онтогенеза в процессе взаимодействия субъекта с социальной средой (Крюкова, 2008). В связи с гетерохронным созреванием функциональных звеньев разных уровней, на каждом возрастном этапе существует характерная структура прямых и обратных межуровневых связей, которая может рассматриваться как одна из внутренних детерминант возрастных особенностей индивидуально-специфического репертуара совладающего поведения (копинг-стиля).

Баланс активности симпатического и парасимпатического отделов ВНС (вегетативный баланс, ВБ; вегетативное реагирование) это устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая специфику накопления и распределения функциональных ресурсов (ФР), во многом определяющая особенности психоэмоциональной и когнитивной сферы. Так, тип ВБ можно рассматривать как природную предпосылку свойств темперамента и индивидуально-стилевых особенностей произвольной саморегуляции поведения (Усенко, Кузьмина, 2011).

Цель исследования – изучение структуры межуровневых связей в системе защитных механизмов с учетом возрастных особенностей. Выборка: 172 испытуемых 18–22 лет, 186 испытуемых 23–45 лет. Методы: «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса, С. Фолкман; оценка ВБ методом анализа вариабельности сердечного ритма с помощью прибора «Спироартериокардиоритмограф» (регистрация ЭКГ в I стандартном отведении); статистическая обработка данных проводилась с использованием метода множественного регрессионного анализа.

В молодом возрасте основным предиктором поведения совладания является способность к быстрой адекватной мобилизации ФР, что обуславливает формирование проблемно-ориентированного копинг-стиля: принятие ответственности, планирование решения проблемы, преодоление ситуации, готовность к риску.

При этом постоянная мобилизация ФР в сочетании с высоким уровнем напряжения регуляторных механизмов, создающая угрозу истощения организма, обуславливает формирование копинг-стиля, направленного на стабилизацию эмоционального состояния путем положительной переоценки ситуации, самоконтроля, поиска социальной поддержки, дистанцирования вплоть до бегства-избегания.

В зрелом возрасте основным предиктором копинг-стиля является стратегия накопления и экономии ФР, что обуславливает формирование способов совладания, направленных на стабилизацию эмоционального состояния путем положительной переоценки, самоконтроля, дистанцирования, а также избегания ситуации. Причем, как и в молодом возрасте, способность к быстрой адекватной мобилизации ФР и мощность регуляторных механизмов обуславливают формирование проблемно-ориентированного копинг-стиля.

Цетлин М.М. (1)(2), Строганова Т.А. (1)(2), Посикера И.Н. (1)(2), Пушина Н.П. (1)(2),
Филатов А.И. (1), Орехова Е.В. (3)

(1) Центр нейрокогнитивных исследований МГППУ, Москва

(2) Психологический институт РАО, Москва

(3) Institute of Neuroscience and Physiology, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

УРОВЕНЬ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ В ВОЗРАСТЕ 6 ЛЕТ ЗАВИСИТ ОТ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫБОРА И УДЕРЖАНИЯ МИШЕНИ ВНИМАНИЯ В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Цель исследования заключалась в экспериментальной проверке гипотезы о том, что индивидуальные различия в эффективности регуляции внимания в младенческом возрасте могут быть надежными предикторами уровня когнитивного развития в возрасте 5–7 лет.

В литературе широко известен феномен «пропасти» в развитии интеллекта – отсутствие межвозрастной стабильности в уровне интеллекта между младенческим и последующими возрастами (Colombo, Cheatham, 2006). Представляется обоснованным привлечение нейрофизи-

ологических характеристик, отражающих работу различных нейросистем внимания. В младенческой ЭЭГ выявлены маркеры двух независимых нейросистем: системы выбора мишени внимания и выбора канала внимания (Stroganova, Orekhova, 2007). Задача первой – повысить интенсивность обработки определенного стимула – «мишени», защитив ее от интерференции со стороны других, менее значимых в данный момент стимулов (Vinogradova et al., 1998). Цель второй – обеспечить поддержание внимания к определенному сенсорному каналу (Suffczynski et al., 2001) за счет торможения обработки информации, поступающей по «нерелевантным» сенсорным каналам.

Выборку составили 100 детей из 26 МЗ и 24 ДЗ однополых пар г. Москвы. Все дети были рождены не ранее 32 недель, в анамнезе и на момент обследования отсутствовали неврологические проблемы, психомоторное развитие соответствовало возрасту. В 8–11 месяцев регистрировали ЭЭГ в двух ситуациях: зрительное внимание и зрительный покой (контрольное состояние). Данные подвергли спектральному анализу; в среднем анализировали 40 с безартефактной записи ЭЭГ в каждой из ситуаций. Полученные усредненные спектры абсолютных амплитуд частотных бинов с шагом 0,4 Гц объединяли в диапазоны тета- и альфа-активности. В 5–6 лет у детей был оценен уровень интеллекта (Kaufman, Kaufman, 1983), а родители заполняли опросник о наличии трудностей регуляции внимания (ТРВ) (АРА, 1994). Для оценки взаимосвязи па-

раметров ЭЭГ с оценками по шкалам теста и опроснику проводили регрессионный анализ, при котором СА тета- или альфа-диапазона 12 отведений младенческой ЭЭГ в одном из состояний выступали в качестве регрессоров.

Результаты показывают, что ТРВ в дошкольном возрасте испытывают те дети, у которых в младенческом возрасте наблюдалась сниженная суммарная энергия спектра ЭЭГ, свидетельствующая о высокой возбудимости ретикулярных структур. В то же время, надежными и разнонаправленными предикторами интеллектуального развития оказались уровни региональной синхронизации тета-ритма в теменных, лобных и височных областях. Эти данные согласуются с представлениями о нескольких системах генерации тета-ритма, регулирующих различные аспекты удержания мишени в фокусе внимания у младенцев (Stroganova & Orekhova, 2007), но впервые получено доказательство важности ранних индивидуальных особенностей в работе этих систем для будущего когнитивного развития ребенка.

Другим надежным ранним предиктором интеллекта ребенка в дошкольном возрасте оказался высокий уровень региональной синхронизации альфа-ритма вне зоны его генерации в состоянии зрительного сенсорного покоя. Предположительно, большая связанность отдаленных корковых зон в конце первого года жизни создает долгосрочные преимущества в когнитивном развитии ребенка, по крайней мере, до дошкольного возраста.

Цымбалюк А.Э., Сленко Ю.Н.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ЧТЕНИИ ТЕКСТА РАЗНОГО ТИПА

Современная система образования позволяет учащемуся приобретать информацию из различных источников. Они могут быть как разных видов (художественная, научно-популярная, научная), так и разных типов (текстовая, аудиальная, электронная); причем сравнительных исследований успешности чтения при разных психологических и психофизиологических особенностях человека сегодня практически нет. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение парциального вклада индивидуальных особенностей человека в успешность чтения популярной литературы.

В качестве одного из наиболее издаваемых авторов современной популярной литературы была выбрана Д. Донцова. В первой серии испытуемые (студенты университета, $n = 51$) в течение пяти минут читали фрагмент работы на бумажном носителе, после чего в письменном виде излагали прочитанное; во второй серии испытуемые слушали в течение пяти минут аудиофрагмент работы и в письменном виде излагали прочитанное; в третьей серии фрагмент работы предлагался испытуемым на электронном носителе. Показателем успешности чтения мы выбрали разницу между объемом фрагмента текста (количество знаков), который записал испытуемый, и объемом фрагмента текста в оригинале.

С целью изучения психофизиологических особенностей нами были использованы показатели четырех методик: а) определение мышечной выносливости (Ильин, 2003); б) простая зрительно-моторная реакция (Зимкина, Климова-Черкасова, 1978); в) критическая частота световых мельканий (Шамшинова, Волков, 1998); г) помехоустойчивость (Мантрова, 2007). В качестве психологических особенностей нами был взят уровень развития свойств внимания – устойчивости, концентрации, объема, переключаемости и распределения.

Учитывая, что диагностируемые показатели относятся к сфере внимания человека, мы определили, что статистически достоверных положительных корреляций между психологическими и психофизиологическими показателями нет, что указывает на их независимость друг от друга. В ходе анализа связи успешности чтения трех видов текста и изучаемых особенностей нами был использован множественный регрессионный анализ, который позволил сравнить парциальный вклад этих особенностей в успешность чтения.

Так, в успешности чтения печатного текста наибольшую роль играет только переключаемость внимания ($\beta = 0,51$); в успешности воспроизведения аудиотекста наибольшую роль играют уровень критической частоты

ты световых мельканий ($\beta = 0,5$) и уровень концентрации внимания ($\beta = 0,39$); в успешности воспроизведения электронного текста наибольшую роль играют уровень выносливости ($\beta = 0,55$) и уровень помехоустойчивости ($\beta = 0,45$).

Несмотря на предварительный характер результатов проведенного исследования, можно сформулировать ряд выводов. Во-первых, было установлено, что успешность восприятия разного вида текста определяется разными индивидуальными психологическими и психофизиологическими особенностями человека. Во-вторых, можно

предположить, что чтение электронного текста требует в первую очередь психофизиологической готовности человека – как общей выносливости, так и способности отвлечься от даже самых незначительных стимулов. В-третьих, факт наличия различий в успешности чтения текста, определяемых разными психологическими и психофизиологическими особенностями, позволяет предположить, что дальнейший анализ выявит и другие качественные особенности, определяемые типом и видом текстовой информации.

Чермушкин Е.А. (1), Яковенко И.А. (1), Петренко Н.Е. (2)

(1) Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва

(2) Институт возрастной физиологии РАО, Москва

УСТОЙЧИВОСТЬ УСТАНОВКИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-НЕГАТИВНУЮ ЛИЦЕВУЮ ЭКСПРЕССИЮ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

С помощью модели фиксированной установки (Узнадзе, 1958) изучали функцию опознания эмоционального выражения лица (Костандов и др., 2006; 2012; 2013). Исследовали 35 человек (20 женщин и 15 мужчин, средний возраст $25,1 \pm 1,3$ лет) – студентов, аспирантов и младших научных сотрудников. При формировании установки 15 раз предъявляли одновременно две фотографии одного человека, взятые из атласа эмоций (Ekman, Frisen, 1976): слева с сердитым выражением лица, справа – с нейтральным; при тестировании 30 раз предъявляли две фотографии с нейтральным выражением.

При формировании установки все испытуемые правильно оценивали лицевую экспрессию: слева лицо было для них более неприятным. На стадии тестирования некоторые из них и дальше правильно оценивали выражения на фотографиях – как одинаково нейтральные, а другие в определенном числе предъявлений утверждали, что одно из выражений лица – слева или справа – им более неприятно.

Это явление рассматривалось как актуализация установки на эмоционально-негативное выражение лица. Далее участники исследования были поделены на три группы: без ошибок (12 человек) с меньшим (11) и большим числом ошибок. Деление на две последние группы проводилось по медиане распределения испытуемых по числу предъявлений с ошибками ($Me = 15$). Личностные свойства участников исследования определяли на основании опросника 16PF Р. Кеттелла (Мельников, Ямпольский, 1985). Индивидуальные особенности субъектов в группах оценивались с помощью дисперсионного анализа (ANOVA). В качестве фактора, связанного с индивидуальными характеристиками, рассматривали «ошибочность в оценке лицевой экспрессии» (три уровня – три выделенные группы субъектов).

Все результаты, приведенные далее, имеют достоверность $p < 0.05$ и выше. Группы различались по шкалам F, H, Q4 и F1. В группе без ошибок опознания лицевой экспрессии у субъектов были низкие значения по шкале H (около 4 баллов, что указывает на нерешительность, избегание риска, неуверенность), высокие по шкалам Q4 (около 7 баллов: суетливость, немотивированное беспокойство, напряженность, фрустрированность) и F1 (около 7 баллов: высокий уровень тревоги).

У испытуемых с относительно меньшим числом ошибок опознания показатели Q4 и F1 также были высоки (около 7 баллов), но при этом, в отличие от двух других групп, были самые высокие значения по шкале F (около 7 баллов: оптимизм, живость, самоуверенность) и средние по H.

В группе с большим числом ошибок опознания эмоционального выражения лица (от 16 до 30) были самые высокие баллы по шкале H (около 7: авантюризм, легкость знакомства с людьми, социальная смелость, спонтанность) и самые низкие (около 4 баллов) по шкалам Q4 (спокойствие, полная самоудовлетворенность, ненапряженность, нефрустрированность) и F1 (низкий уровень тревоги).

Между мужчинами и женщинами различия были достоверны по шкалам Q4 и F1: именно у женщин были самые высокие значения этих шкал у групп без ошибок и с относительно малым их количеством, и самые низкие у группы, в которой испытуемые ошибались больше всего.

У мужчин при этом во всех группах значения были средними (порядка 5–6 баллов). Однако в силу небольшого числа мужчин и женщин в группах мы рассматриваем эти факты скорее как статистические, требующие дальнейших исследований и больших выборок.

Чернышев Б.В., Лазарев И.Е., Осокина Е.С., Иванов М.В., Вязовцева А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ДИНАМИКА МОЗГОВЫХ ПРОЦЕССОВ В СИТУАЦИИ ВНИМАНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕМПЕРАМЕНТА*

Внимание является механизмом, позволяющим оптимизировать распределение мозговых ресурсов обработки информации, и по этой причине оно тесно связано с рядом важнейших психических процессов, таких как восприятие, мышление, память, сознание и др. (Выготский, 1991; Рубинштейн 2005). Многообещающей парадигмой для изучения мозговых механизмов внимания является ресурсная теория Д. Канемана, согласно которой внимание представляет собой ограниченный ресурс, распределяемый между текущими психическими процессами (Канеман, 2006). Количество доступных ресурсов зависит от уровня активации, который, в свою очередь, определяется рядом факторов как внешней, так и внутренней природы. Помимо активационного аспекта существует также и временной, так как функции оценки необходимых ресурсов и распределения внимания можно представить как вычислительные процессы, развивающиеся во времени. Абсолютный объем ресурсов индивидуален для каждого человека (Necka, 1997).

В качестве косвенной меры устойчивого внутреннего уровня активации и характеристик временных свойств психических процессов может быть использован темперамент. Темперамент трактуется большинством авторов как совокупность биологически детерминированных относительно неизменных в течение жизни свойств, определяющих интенсивностные и динамические аспекты поведения и психической деятельности (Айзенк, 1999, Русалов, 2002, Стреляу и др., 2009, и др.). В описании свойств темперамента используются те же аспекты – силовой и временной, – которые актуальны и для анализа процессов внимания.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы с помощью методики вызванных потенциалов изучить динамику процессов, протекающих в мозге во время реа-

лизации задачи, требующей внимания, и сопоставить эту динамику со свойствами темперамента в силовом (интенсивностном) и временном (скоростном) аспектах.

В исследовании приняли участие 30 испытуемых в возрасте 18–27 лет. Слуховые вызванные потенциалы в ответ на звуковые стимулы регистрировали при реализации методики активный одд-болл (соотношение вероятностей 1:4). Для целевых стимулов измеряли амплитуду и латентность поздних вызванных потенциалов для 15 околотентальных отведений (от F3, Fz, F4 до P3, Pz, P4). Определение свойств темперамента производили с помощью Павловского опросника темперамента (PTS) Я. Стреляу (1982), личностного опросника Г. Айзенка (EPI) (Шмелев, 2002) и Опросника структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова (1990; 2000). Статистический анализ производили с помощью общей линейной модели.

В исследовании показано, что Экстраверсия и Подвижность нервной системы проявили достоверную отрицательную связь с амплитудой комплекса N1-P2, а также, в меньшей степени, с абсолютной амплитудой N1. Кроме того, показано, что Экстраверсия и Социальная эргичность проявили отрицательную связь с латентным периодом N2. В настоящее время существуют указания на то, что Экстраверсия объединяет в себе как силовые, так и временные аспекты темперамента (Стреляу и др., 2005). В первом полученном нами результате, видимо, проявились временные аспекты темперамента, и можно предположить, что меньшая амплитуда комплекса N1-P2 и N1 отражают менее затратную (и соответственно, более эффективную) работу автоматических систем предвнимания, позволяющую быстрее выбирать мишени для распределения собственно внимания. Во втором результате, видимо, преимущественно проявились силовые аспекты темперамента (Эргичность).

Шарова Е.В. (1), Болдырева Г.Н. (1), Шендяпина М.В. (4), Давыдова Н.Ю. (3), Челябинна М.В. (1), Пяшина Д.В. (2), Корниенко В.Н. (2), Ениколопова Е.В. (2)

- (1) Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва
 (2) НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, Москва
 (3) Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва
 (4) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ЭЭГ И фМРТ ПРИ ОТКРЫВАНИИ ГЛАЗ, ДВИГАТЕЛЬНЫХ И РЕЧЕВЫХ НАГРУЗКАХ В НОРМЕ**

фМРТ–ЭЭГ сопоставления при разных видах деятельности способствуют выявлению индивидуальных стратегий их реализации в норме.

Цель работы – анализ вариативности фМРТ и ЭЭГ изменений здоровых испытуемых при активизации внимания, двигательных и речевых пробах с уточнением ее структурно-функциональной детерминированности.

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

** Поддержано Грантами РФНФ (№ 11-06-01-060) и РФФИ (№10-04-00485а и №11-04-12166-офи-М-2011).

Методика. В исследованиях участвовали 52 добровольца (26 мужчин и 26 женщин) в возрасте 21–30 лет. У всех проводилось нейропсихологическое тестирование с оценкой состояния регуляторных функций, профиля функциональной межполушарной асимметрии и гендерных особенностей. У 24 из них (12 мужчин и 12 женщин) в один и тот же день исследовали фМРТ и ЭЭГ изменения на идентичные функциональные нагрузки: открывание глаз (ОГ), перебор пальцев правой и левой руки, мысленное перечисление месяцев или дней недели в обратном порядке (речевая проба). Гемодинамические ответы мозга получали на МР-томографах GE Healthcare с напряженностью магнитного поля 1.5 или 3 Тл.

Анализировали графики спектров мощности и когерентности ЭЭГ, ранжируя их по степени сложности в баллах. В программе SPM8 выявляли зоны активации коры (+BOLD эффект фМРТ) и классифицировали ответ в баллах – с учетом степени вовлечения специализированных корковых областей (двигательная, чувствительная, зрительная, слуховая, обонятельная, регуляторная). На горизонтальных и сагиттальных срезах мозга определяли участие в ответе подкорковых структур мозга разного уровня. Формализованные показатели реактивности фМРТ и ЭЭГ сопоставляли с нейропсихологическими и половыми характеристиками испытуемых статистически.

Выявлена определенная индивидуальная вариативность гемодинамических и биоэлектрических ответов: 3–4 реактивных типа фМРТ и ЭЭГ-изменений на пробу, 7–40% процентов наблюдений каждого типа. фМРТ-анализ функциональной системы обеспечения движения правой руки выявил более стабильные ее компоненты (моторные и регуляторные зоны коры больше слева, подкор-

ковые двигательные ядра, тонкая долька мозжечка справа) и менее стабильные (регуляторные области правого полушария, зона Брока, таламус и иные отделы мозжечка), определяющие, вероятно, вариативность реакции.

Показана сопряженность этой вариативности с полом испытуемых. Реакции мозга женщин имеют тенденцию к большей распространенности по поверхности коры при ОГ, но более стандартизированы и локальны в моторных (особенно левосторонних) и речевых задачах, чем у мужчин.

Это соотносится с нейропсихологическими данными о преимуществе в осуществлении планирования мужчинами при более высоких показателях сформированности регуляторной гибкости и моделирования у женщин.

Среди функциональных ЭЭГ-характеристик важную роль в формировании реакции играет степень активированности ЦНС в фоне и в тесте ОГ. Эта зависимость особенно четко прослеживается при движении правой руки: фМРТ и ЭЭГ ответы носят более распространенный характер при большей активированности.

Вместе с тем, по данным нейропсихологического тестирования, чем выше уровень этой активированности, тем выше показатели регуляторных шкал (поведенческой саморегуляции, повышенной графической продуктивности) – наряду с увеличением числа ошибок в этой сфере.

Особенности спектров когерентности ЭЭГ значимо коррелируют с нейропсихологическими показателями когнитивной гибкости и подавлением спонтанных реакций в тесте Струпа: по мере увеличения шумовых вариантов спектров когерентности возрастает время выполнения теста, но снижается число ошибок.

Научное издание

Сборник статей

**Психология индивидуальности:
материалы IV Всероссийской научной конференции**

г. Москва, 22–24 ноября 2012 г.

Ответственные редакторы *А.Б. Куррейченко, В.А. Штроо*

Редактор *Л.Б. Вахитова*
Корректор *Е.Б. Гранина*
Верстка и дизайн *Ю.В. Халфиной*

Подписано в печать 30.10.2012. Формат 60×90/8.
Печать офсетная. Печ. л. 44,25.
Тираж 550 экз. Заказ №

Издательская группа «Логос»
111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Отпечатано с готового оригинал-макета